

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

5

стр.

5. Записка о пребываніи въ Римѣ **Таракановой**.—,Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвестной Принцессы **Елисаветы**, именованной себя дочерью Россійской Императрицы **Елисаветы Петровны**“.—Сообщ. **Графъ С. Д. Шереметевъ**.
13. Походъ боярина **Петра Васильевича Большого Шереметева** въ Малороссію въ 1679 году, **И. С. Бѣляева**.
32. Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свниц. **Н. Н. Модестовъ**. (Съ рисункомъ).
52. Совокупныя дѣйствія нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ турецкую войну 1787—1791 гг. **В. Голубева**.
55. Серебро въ Осетіи. Къ исторіи горнопромышленности на Кавказѣ. **П. Ю.**
68. Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ** епископомъ Уфимскимъ. (Письма 1833 года). Сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.
111. Переписка ин. **Д. И. Долгорукаго**.
49. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**. Листъ четвертый.

Внутри обложки.—О книгахъ: М. Литвинова, Прусскій профессоръ во главѣ русскаго учебн. округа; Д. Н. Егорова, Славногерманскія отношенія въ средніе вѣка; В. Н. Кораблева, Славянский мученикъ Янгъ Гусъ изъ Гусинца; Сборникъ новгородск. о-ва любит. древности; С. Вознесенскаго, Славянство въ русской журналистикѣ; Мадьярская гетемонія въ Угріи и Угорская Русь, изд. А. Петрова; Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Синода: Я. Л. Барскаго, Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка; И. Каманна, Звѣринецкія нещеры въ Кіевѣ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

М. ЛИТВИНОВЪ. Прусскій профессоръ во главѣ русскаго учебнаго округа.

Изданіе 2-ое дополненное. Харьк. 1915. Ц. 75 к.

Первое изданіе книги вышло лишь въ прошломъ году. Это показываетъ, какъ великъ ея интересъ. И дѣйствительно, читая трудъ г. Литвинова, приходится изумляться, что можетъ происходить не въ какомъ нибудь русскомъ захолустѣ, а въ большомъ городѣ, какъ Харьковъ. Нѣмецкое „засилье“ здѣсь чувствуется ясно. Извѣстно, что министерство нар. просв. въ Октябрѣ прошлаго года распорядилось устраивать чтенія по славянскимъ вопросамъ для учениковъ средней школы. „Прусскій профессоръ“ счелъ излишнимъ исполнить это распоряженіе, но зато рекомендовалъ ученикамъ посѣщать лекціи сына одесскаго раввина Айхенвальда о Мэтерлинкѣ...

Д. Н. ЕГОРОВЪ. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. I. Матеріалъ и методъ. М. 1915. Ц. 4 р.

Огромная книга въ 500 страницъ, съ обиліемъ примѣчаній и цитатъ, говоритъ только о матеріалѣ и методѣ. Изъ нея видно, что авторъ основательно изучилъ источники по исторіи стараго Мекленбурга, но остается неизвѣстнымъ, сдѣлалъ онъ уже что-нибудь для исторіи колонизаціи Мекленбурга или еще только собирается сдѣлать. Читатель можетъ прочесть въ книгѣ г. Егорова только первые 200 страницъ, говорящія о степени достоверности „Славянской хроники“ Гельмольда.

Славянскій мученикъ Янъ Гусъ изъ Гусинца. Къ 500-лѣтію со дня его кончины. Общедоступный

очеркъ **В. Н. КОРАВЛЕВА.** Пгр. 1915. Ц. 40 к.

23 Іюня исполняется пятисотлѣтіе со дня смерти на кострѣ чешскаго „мистра“ Я. Гуса. Чешская Прага приготовила было къ этому дню открытіе памятника своему знаменитому гражданину, и русская Москва готовилась уже откликнуться на юбилей кончины этого истиннаго христіанина, стойкаго борца противъ безнравственности и жи католическаго духовенства. Но война мѣшаетъ намъ отдать должное святому Славянину. Книжка г. Коравлева составлена и достаточно научно, и достаточно общедоступно.

Сборникъ новгородскаго общества любителей древности. Вып. VII. Новгородъ, 1915.

Этотъ выпускъ даетъ прежде всего, въ переводѣ съ нѣмецкаго, донесенія шведскаго комиссара въ Москвѣ Юг. Родеса 1650-52 гг.; ихъ авторъ, человекъ наблюдательный, рассказываетъ о событіяхъ и торговой жизни въ Москвѣ довольно подробно и правдиво. Эти донесенія читаются съ живымъ интересомъ. Кромѣ нихъ, можно отмѣтить статью Н. И. Рѣшникова „Старая Ладога“ (археологич. содержанія) и нѣсколько документовъ (столбцовъ) XVII в. собранія Л. Н. Целени.

С. ВОЗНЕСЕНСКІЙ. Славянство въ русской журналистикѣ. 1896—1914 гг. Указатель статей. Пгр. Изданіе Н. Карбасникова. 1915. Ц. 25 к.

Г. Вознесенскій даетъ въ своей книжкѣ указатель статей только литературныхъ журналовъ, главн. обр., тѣхъ, которые прекратили существованіе не по своей волѣ и которыхъ нельзя найти въ приличныхъ библиотекахъ, номѣстивъ на первыхъ ея

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и обцими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартеневъ, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголюбовъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описание перстня царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвостова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристины и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Безъръ).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ лѣди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма влaстителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голеннищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. И. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пеккинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описание рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. И. Алисова къ Сушурѣ; сообщ. Гр. Солдогоубъ.—Страничка изъ исторіи Смутаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевны Прасковьи Иоанновны и Екатерины Иоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеневыхъ; сообщ. В. С. Арсеневымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отецествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Л. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карнато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Арнстовъ.—Бюрикъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. П. С. Бѣляевъ.—Каголикось Иосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья Н. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартеневъ (младшій).

ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА

П. И. Бартепневъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Д-р. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергій Маковскій, Pierre Marcel, (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столянский, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Юля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Ключкова, Митюрникова, Лебедева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образованіе» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгенія Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., $\frac{1}{2}$ стр.—55 р., $\frac{1}{3}$ стр.—40 р. $\frac{1}{4}$ стр.—30 р., $\frac{1}{8}$ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель *П. П. Вейнеръ.*

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

1915

II

РУССКІЙ ЭРМИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ (младшимъ)

О вѣспомни свой удѣлъ высокій
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Хомяковъ.

1915

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1915

Записка о пребываніи въ Римъ Таракановой.

Извѣстіе

о пребываніи въ Римъ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной Принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью Россійской Императрицы Елисаветы Петровны,

почерпнутое изъ оставшихся о ней свидѣній въ Архивъ Италійскаго Департамента бывшаго Польскаго Королевства.

Неизвѣстная Принцесса Елисавета, именовавшая себя дочерью Россійской Императрицы Елисаветы Петровны, сколько можно было узнать, появилась изъ итальянскихъ городовъ прежде всего въ Венеціи въ сопровожденіи Виленскаго воеводы Князя Радзивилла и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Рагузу, дабы проѣхать потомъ въ Константинополь. Князь и вся свита обходилась съ нею почтительно. Она хранила строжайшее инкогнито предъ частными людьми, но главное намѣреніе ея состояло въ достиженіи всероссійскаго престола, на который она тайно объявила свои требованія при Рагузскомъ Сенатѣ. Сенатъ заблагоразсудилъ отнестись въ С.-Петербургъ къ своему повѣренному, который обо всемъ сообщилъ Графу Панину, а сей поручилъ ему описать въ Рагузу, что нѣтъ нужды обращать вниманіе на сію побродяжку (*avventuriera*). Между тѣмъ наступившій миръ между Россією и Портою воспрепятствовалъ ей продолжать путь въ Константинополь. Князь Радзивиллъ разстался съ нею и поѣхалъ въ Венецію, а принцесса отправилась въ Римъ въ сопровожденіи трехъ Польскихъ дворянъ, перешедшихъ въ ея службу отъ Радзивилла. Поведеніе ея въ Римѣ было непонятно и покрыто тайною. Она не бывала ни въ чьемъ домѣ, никто также и ея къ себѣ не принималъ, кромѣ нѣкоторыхъ

Поляковъ; она содержала себя съ довольнымъ великолѣпіемъ и прикрывала настоящее свое происхожденіе съ такимъ искусствомъ, что публика подозрѣвала нѣчто великое, сокрытое въ ея лицѣ и дѣлала на счетъ ея множество разныхъ заключеній.—О ней писано 3 Января 1775 года изъ Рима слѣдующимъ образомъ: „Иностранная дама, родомъ изъ Польши, живущая въ домѣ г-на Жуани на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного Польскаго экс-іезуита, двухъ другихъ Поляковъ и одной горничной служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ да 35 за карету; ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ прогуливаться въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея экс-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ. Теперь онъ ищетъ для нее двухъ или трехъ тысячъ цехиновъ.“

Многіе начали ее считать обманщицею по причинѣ ея скрытности и безпрестаннаго набиранія долговъ, коихъ не уплачивала. Она истощала всевозможныя средства и хитрости въ Римѣ и внѣ Рима къ полученію денегъ. и, дабы имѣть большій кредитъ, говорила, что имѣетъ за границею великія богатства и много земель въ Германіи, именно же въ Оберштейнѣ, принадлежавшихъ якобы предъ симъ пресѣкшейся фамиліи Графовъ Липанжскихъ, а нынѣ пожалованныхъ ей владѣтельнымъ Курфирстомъ Трирскимъ.

Такова была ея домашняя жизнь; приступимъ нынѣ къ поведенію политическому. Расчисливъ, что можно ожидать пособія со стороны Польши, она тотчасъ по прибытіи своемъ въ Римъ обратилась къ кардиналу Албани, Декану Священной Коллегіи и протектору Польскаго Королевства и просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобы о томъ публика не была извѣстна. Она посылала къ нему письма чрезъ поляка Станишевскаго и чрезъ упоминаемаго выше капеляна своего (Канецкаго), требуя дозволенія видѣться съ Кардиналомъ въ Конклавѣ. Напрасно ее увѣряли, что и самыя почетнѣйшія дамы не могутъ приближаться даже и къ внѣшнему окну Конклава; она не переставала упорствовать въ своемъ желаніи; въ послѣдствіи времени хотѣла даже переодѣться, и едва можно было отклонить ее отъ сего намѣренія. Не находя средствъ переговорить съ нимъ лично, она удовольствовалась перепискою и вскорѣ, познакомившись съ Аббатомъ Рокатани, доставляла письма первому по большей части чрезъ сего послѣдняго. Въ письмѣ отъ 14 Января она слѣдующимъ образомъ обнаруживаетъ свои планы: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя со стороны Польши и отправиться въ Кіевъ; войска наши въ 50 миляхъ оттуда. Прежде сего я было долго колебалась; мнѣ казалось, лучше отправиться чрезъ Неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать въ

Албанію, а потомъ сухимъ путемъ въ Константинополь; ибо нынѣ вся Европа обратила взоры свои на Порту, но съ другой стороны я вижу, сколь нужно пособить Польшѣ.“ При семъ письмѣ препроводила она къ нему собственноручную выписку изъ оставленнаго якобы покойною Императрицею духовнаго завѣщанія, о коемъ не бесполезно будетъ упомянуть здѣсь подробнѣе.

Завѣщаніе сіе состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) всероссійскій престоль оставляетъ Принцессѣ Елисаветѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. 2-е) во время малолѣтства ея поручается самодержавное управление Голстинскому Герцогу Петру съ обязанностію воспитывать ее приличнымъ образомъ. 3-е) ему же предоставляется право имѣть и носить Императорскій титулъ по смерти; будущій же супругъ Елисаветы исключается изъ сего права и не прежде можетъ воспріять таковой титулъ, какъ по смерти Петра. 4-е) Елисавета будетъ имѣть право назначать членовъ своего совѣта. 5-е) возстановляются прежнія права при ея вступленіи на тронъ: въ войскѣ же она можетъ дѣлать такія учрежденія, какія ей заблагоразсудятся. 6-е) всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста должны ей давать отчетъ всякіе три года. 7-е) каждую недѣлю будетъ происходить публичная аудіенція; прошенія будутъ подаваемы въ присутствіи Императрицы, на которыя она одна токмо будетъ дѣлать рѣшенія и ей же предоставляется право перемѣнять законы. 8-е) въ совѣтѣ рѣшаются дѣла по большинству голосовъ и мнѣнія онаго утверждаются Императрицею. 9-е) народъ Русскій долженъ стараться пребывать въ мирѣ съ сосѣдственными землями. Императрица отправитъ посланниковъ ко всѣмъ дворамъ и будетъ смѣнять ихъ каждыя три года. 10-е) Никто изъ иновѣрцевъ не можетъ получать важныхъ Государственныхъ должностей. 11-е) Совѣтъ будетъ назначать ревизоровъ для осмотра отдаленныхъ областей. 12-е) правители отдаленныхъ областей, какъ то Сибири и проч., будутъ отъ времени до времени доставлять отчеты въ управленіи своемъ: если же учинятъ тамъ какое либо важное открытіе, то сообщать о семъ особому Департаменту въ столицѣ, изъ котораго сіе поступитъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ на рѣшеніе Императрицы во время публичной аудіенціи, и потомъ будетъ объявляемо въ продолженіе девяти дней при звукѣ бубновъ на перекресткахъ улицъ. 13-е) Въ Азіатской Россіи должно подѣлать разныя учрежденія, для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію, и завести колоніи при совершенной вѣротерпимости, но при томъ подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. 14-е) въ разныхъ мѣстахъ будутъ поселены всякаго рода художники и ремесленники, кои будутъ состоять подъ непосредственною

властію Императрицы. 15-е) всякое новое изобрѣтеніе и открытіе будетъ одобряемо и награждаемо. 16-е) въ каждомъ городѣ учредятся на казенномъ иждивеніи народныя училища. 17-е) училища сіи будутъ осматриваемы духовенствомъ. 18-е) всѣ церкви будутъ содержаться на иждивеніи правительства. 19-е) въ каждомъ уѣздѣ будетъ дѣлано ежегодное исчисленіе жителей, и каждыя три года будутъ посылаемы особыя чиновники для собранія сихъ списковъ. 20-е) учредятся двѣ Академіи, гражданская и военная; оныя будутъ одна отъ другой отдѣлены и назначены для воспитанія сыновей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. 21-е) для подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей учредятся особыя заведенія, въ коихъ они будутъ воспитываемы и потомъ отдаваемы въ службу, смотря по способностямъ; отличившихся же Императрица можетъ причислить къ законнорожденнымъ съ предоставленіемъ права носить желтую кокарду съ черными краями. 22-е) наконецъ подтверждается всѣмъ вѣрноподаннымъ признавать ее Императрицею—и проч.

Въ письмахъ своихъ къ кардиналу Албани Елисавета объявила требованія свои на всероссійскій престолъ, говоря, что небо назначило ей вѣнецъ для благосостоянія церкви и счастья народовъ. Албани ей отвѣчалъ, что онъ благодаритъ ее за довѣренность, что она можетъ во всемъ положиться на Аббата Рокатани, что истина требованій ея не подлежитъ сомнѣнію и что онъ желаетъ ей возможныхъ успѣховъ. Тогда Елисавета объяснила ему всѣ свои планы; она писала между прочимъ: „Мы имѣемъ преимущество; всѣ народы за насъ; но все бы погибло, ежели бы можно было проникнуть въ наши виды. Я намѣревалась проѣхать въ Константинополь чрезъ Рагузу.—На что мнѣ было рѣшиться въ критическихъ обстоятельствахъ? Я могла лишиться жизни и чести. Надлежало вооружиться мужествомъ и избрать иную дорогу. Всѣ способы истощились; письма мои перехватывали; одно только Провидѣніе укрѣпляло насъ своею силою.—Но, возвращаясь къ главному предмету, ежели только я буду имѣть счастье побѣдить непріятелей, то не премину заключить договоръ съ Римскимъ дворомъ, и употреблю всѣ возможные средства, чтобы народъ призналъ власть Римской Церкви. Все сіе никому иному неизвѣстно, и я заклинаю васъ хранить тайну“.—Далѣе она говоритъ, что будетъ содѣйствовать Кардиналу Албани въ достиженіи Папскаго престола, и наконецъ проситъ не опасаться, чтобы полъ ея измѣнилъ твердости ея намѣреній.

Въ то же время принцесса сія обращалась къ Польскому Министру Маркизу Античи и искала случая съ нимъ объясниться лично, но обстоятельства заставляли его не обращать на то вниманія. Принцесса

писала къ нему письма, изъ коихъ въ послѣднемъ увѣдомляла, что ей должно поговорить объ дѣлахъ, касающихся до Польскаго Короля, и министръ согласился.

Въ личномъ свиданіи съ Античи принцесса сказывала о себѣ, что она дочь Императрицы Россійской Елисаветы, рожденная отъ тайнаго брака ея съ княземъ Разумовскимъ, Гетманомъ Казацкимъ, что воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ сего Князя, что Персидскими деньгами возбудила въ Россіи народное волненіе въ свою пользу, что имѣеть все средства къ доставленію себѣ успѣха, и что по сей причинѣ желаетъ отправиться прежде въ Берлинъ, а потомъ въ Варшаву для личнаго свиданія съ Королемъ, коему намѣрена сообщить многіе планы, могущіе послужить къ собственной его и рѣчи посполитой пользѣ, и посему требовала она Античи совѣта и преподанія средствъ къ свиданію.

Античи усмотрѣлъ хитрости ея разговора; ему казалось, что она должна быть воспитана въ Германіи, ибо она говорила хорошо по французски, играла на арфѣ, прекрасно рисовала и показывала большія свѣдѣнія въ архитектурѣ.

Принцесса сія имѣла прекрасный видъ и станъ, прекрасную грудь, бѣлое тѣло, румянецъ на лицѣ, лѣвый глазъ немного косой; имѣла много ума, большія познанія, глубокія свѣдѣнія тогдашнихъ политическихъ системъ, состоянія дворовъ и въ особенности Польши и Сѣвера; прекрасно изъяснялась на французскомъ языкѣ и притомъ съ такимъ искусствомъ и ловкимъ изложеніемъ мыслей, что могла привести въ замѣшательство всякаго не очень осторожнаго.

Вскорѣ Античи уразумѣлъ, что все ея намѣренія клонились къ полученію денегъ, коими она надѣялась поддерживать кредитъ свой; для достиженія главной своей цѣли, она не щадила никакихъ ухищреній и выдумокъ. Въ письмѣ отъ 17 Января она изъясняла: „въ собесѣдованіи моемъ съ вами я нашла въ васъ столько благородства, ума и добродѣтелей, что даже и по сіе время нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленія... вчера ввечеру я получила множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу; въ то же время получила я извѣстіе, что миръ не будетъ ратификованъ. Невозможно вообразить смятеній царствующихъ нынѣ при Портѣ.“—Потомъ она объясняетъ, что намѣрена обратиться къ Польшѣ и что отправитъ курьера въ Берлинъ,—и продолжаетъ: „Я ничего для себя не желаю, но хочу только имѣть славу возстановленія Польши. Я имѣю къ тому средства, не замедлю доставить королю нужныя суммы денегъ изъ Персіи для веде-

нія войны; съ нимъ соединится и нашъ народъ; что же касается до Короля Прусскаго, я это принимаю на себя, и потому должно о семъ подумать особо! Курьеръ, котораго мы отправимъ въ Константинополь, будетъ имѣть депеши и въ Персію. Увидѣвшись съ королемъ, отправлюсь въ Польскую Украину (*Cosaquie appartenante à la Pologne*), а, ѣдучи въ Польшу, увидаюсь также и съ Королемъ Прусскимъ; на пути же отсюда въ Берлинъ будетъ мнѣ довольно времени надуматься о депешахъ, кои онъ получитъ съ нашимъ курьеромъ: никто сего не будетъ подозрѣвать. ибо всѣ думаютъ, что я отправляюсь въ Германію въ Имперскія земли. Какой бы ни приняли оборотъ дѣла наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу. Небо, поборающее намъ, доставитъ намъ успѣхъ, ежели станутъ намъ помогать; въ противномъ случаѣ я оставляю всѣхъ, и устрою для себя пріятное убожище“.

Письмо сіе заключаетъ она испрашиваніемъ совѣта у Античи и увѣреніемъ, что благодарность ея будетъ вѣчна.

Античи отвѣчалъ 19 Января, что онъ не знаетъ лучше соотвѣтствовать ея довѣренности, какъ чистосердечнымъ совѣтомъ: „И такъ позвольте, чтобъ я вамъ предложилъ избрать то самое намѣреніе, которое я усматриваю въ вашемъ письмѣ, то есть, чтобы, оставя всякіе планы, удалиться въ пріятное уединеніе. Всякое иное намѣреніе покажется для благомыслящихъ людей опаснымъ и даже противнымъ долгу и гласу совѣсти; оно можетъ также показаться химерическимъ или по крайней мѣрѣ источникомъ бѣдствій“.

5-го Февраля Елисавета благодарила его за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проникательность, просила извинить въ причиненномъ ею безпокойствѣ и обѣщала удалиться въ Германію. Античи поздравилъ ее вѣжливо съ предпринятымъ намѣреніемъ.

Изъ оставшихся писемъ, касательно пребыванія ея въ Римѣ, явствуетъ, что она не щадила разсказовъ для поддержанія высокаго о себѣ мнѣнія. Она говорила, на примѣръ, что имѣетъ на Архипелагѣ въ распоряженіи своемъ цѣлый флотъ; что можетъ жаловать кавалерскій Голштинскій орденъ съ инвеститурою богатыхъ командорствъ; что первый министръ Трирскій есть ея великій другъ и предлагаетъ ей свои услуги въ заключеніи трактата о сочетаніи ея бракомъ съ Герцогомъ Голштинскимъ, но при семъ надлежало бы ей согласиться перемѣнить религію и отказаться отъ правъ на всероссійскій престолъ. Говоря о своихъ планахъ, она хвастала, что можетъ доставить блаженство Польшѣ, что оставить для Екатерины Петербургъ и уголокъ

Лифляндскій, что короля Прусскаго постарается усыпить и что ничего не опасается со стороны Австрійцевъ. Въ письмѣ къ графу Орлову изъясняла между прочимъ, что Разумовскій предводительствуетъ частію ея народа подъ именемъ Пугачева и пользуется особенною любовію народною, каковою одушевлены всѣ Русскіе къ законнымъ наслѣдникамъ престола.

Достойны также замѣчанія нѣкоторыя изъ разныхъ о ней заключеній. По словамъ Чіадсея (Чіампи?), происхожденіе ея знатное; онъ говоритъ, что помнитъ, какъ видѣлъ ея неоднократно въ Императорскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, и слышалъ тогда, что она была обручена сыну дяди Петра III, который былъ внукомъ Георгія, Герцога Голштинскаго. Онъ присовокупляетъ, что принцесса сія по смерти мужа и тестя, бывшаго Ревельскимъ Губернаторомъ, уѣхала въ Петербургъ и пребывала въ Кенигсбергѣ, куда принуждена была удалиться по причинѣ перемѣны правительства. Другой современникъ, г. Ласкарисъ увѣрялъ, что она дочь Императора Турецкаго. Многіе почитали ее также знатною польскою уроженкою.

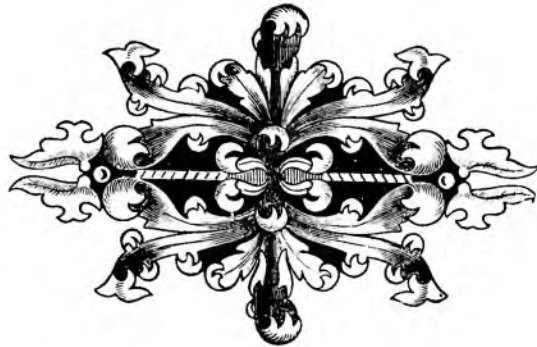
Между тѣмъ прибылъ въ Римъ русской службы маіоръ Христіанецкій, одинъ изъ свиты находившагося въ Ливорно графа Орлова и пріѣздомъ своимъ привелъ принцессу въ великое опасеніе. Вскорѣ замѣчено, что недовѣрчивость ихъ обратилась во взаимную пріязнь и что русскій чиновникъ сталъ ее посѣщать очень часто;—потомъ графъ Орловъ освѣдомлялся о ней чрезъ одного Англичанина и въ случаѣ нужды поручилъ ему снабдить ее деньгами на дорогу. Сначала было она отвергнула предложеніе сіе съ негодованіемъ, но послѣ, вслѣдствіе личнаго свиданія съ помянутымъ Англичаниномъ, приняла оное и, уплативъ долги свои, выѣхала неожиданно изъ Рима по утру 11 числа Февраля.

Что съ нею послѣдовало потомъ, неизвѣстно; но 20 Марта писано изъ Пизы о ея пребываніи въ семъ городѣ. Въ семъ письмѣ сказано, что графъ Орловъ нанялъ для нея квартиру, ѣздилъ съ нею на прогулку и въ театръ, и обходился съ нею почтительно. Никто изъ русскихъ чиновниковъ не садился въ ея присутствіи, если же кто говорилъ съ нею, то, казалось, стоялъ на колѣняхъ. Замѣчено также, что госпожа Демидова (Давидова), до того времени неразлучная съ графомъ, уже нигдѣ болѣе съ нимъ не являлась. Изъ Пизы отправился онъ съ принцессою въ Ливорно, а оттуда, какъ сказывали, въ Бордо, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, она была взята подъ стражу Контръ-Адмираломъ

Грейгомъ, а въ Пизѣ велѣно забрать оставшуюся ея свиту. Наконецъ пронесся тамъ слухъ, что Елисавета и сопутникъ ея лишились жизни въ Бордо.

(Изъ дѣла о бумагахъ, оставшихся послѣ кончины Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1 класса Князя Александра Николаевича Голицына, 1845 г.: а нынѣ хранятся въ Архивѣ Госуд. Совѣта).

Сообщилъ Графъ С. Д. Шереметевъ.

Походъ Боярина Петра Васильевича Большого Шереметева въ Малороссію въ 1679 году.

„Положеніе края было самое смутное. Малороссіяне сами не знали, что съ ними будетъ, въ ту или другую сторону имъ выгоднѣе обратиться. Турецкій визирь сказалъ Запорожскому гетману Дорошенку: потерните, вотъ какъ Польскаго короля одолѣемъ и подъ данью крѣпко учинимъ, тогда и Кіевъ и Заднѣпровская Украина будутъ наши“.

Руина, Костомарова, стр. 336 и 430.

Жизнь отважнаго населенія, занимавшаго обширныя Днѣпровскія земли, съ половины XVII столѣтія складывается въ особенно неблагоприятныя для него условія. Малороссія становится мѣстомъ вліянія сразу четырехъ сильныхъ, примыкавшихъ къ ней сосѣдей: Москвы, Польши, Крыма и Турціи; болѣе полустолѣтія она не можетъ определенно выяснить, кто изъ нихъ, наконецъ, будетъ здѣсь господствовать. Глубоко оскорбленная за принудительность уніи, Малороссія при Богданѣ Хмѣльницкомъ соединяется съ единовѣрной Москвою, и Кіевъ переходитъ къ послѣдней. Начинается война съ Польшею за укрѣпленіе Малороссіи; гетманъ Выговскій, повидимому, не допускаетъ возможности этого укрѣпленія за Москвою, поддается Польскому королю и подводитъ Крымскаго хана. Происходитъ несчастное для Москвы сраженіе подъ Конотопомъ, послѣ чего другая часть Малороссіи остается Москвѣ вѣрной. Но затѣмъ является новый врагъ, одинаково опасный какъ для Малороссіи, такъ для Москвы и Польши, надолго спутавшій счеты между этими славянскими державами.

Молодой Турецкій султанъ Магометъ Четвертый, впоследствии такъ плачевно окончившій свои дни послѣ пораженія Собѣскимъ подъ Вѣною и герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ Лотарингскимъ при Могачѣ, желая, повидимому, воскресить славу предковъ, предпринялъ въ 1672 г. вторженіе въ малороссійскія земли Польскаго государства; съ нимъ соединился гетманъ Петръ Дорошенко съ частію запорожцевъ. 19 Августа Магометъ IV взялъ Каменецъ и по иконамъ, выброшеннымъ Турками изъ храмовъ на улицы, гдѣ онъ проѣзжалъ, торжественно вступилъ въ городъ. Потомъ въ Червонной Руси съ г. Львова взялъ огромный откупъ золотомъ и заключилъ съ испуганной Польшей Бучемскій миръ, по которому послѣдняя ему уступила Подолію и обязалась ежегодно платить дань по 20.000 червонцевъ.

Московское правительство, сначала остававшееся безучастнымъ при борьбѣ Турціи съ Польшей, черезъ 2 года само вынуждено было принять нѣкоторыя мѣры противъ турецкихъ войскъ, появившихся къ западу отъ Кіева, принадлежавшаго Москвѣ съ окружностію только на нѣсколько верстъ. Дѣло кончилось лишь небольшими стычками. Но весною 1678 г. московскому гонцу Порсукову Турки прямо заявили, что если Москва не отступится отъ Чигирина и Украйны, то война неизбежна. „Ожиданіе турецкаго вторженія возбуждало не панику, а тревогу, смѣшанную съ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ страха и рѣшимости“,—говоритъ одинъ изъ историковъ. Изъ Москвы на Югъ была снаряжена большая рать съ кн. Г. Г. Ромодановскимъ во главѣ, къ которой подошелъ съ казаками гетманъ Самойловичъ. Въ средѣ турецкихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Капланъ-паши, находился „измѣнникъ“, сынъ бывшего гетмана Юрій Хмѣльницкій, возбуждавшій народъ противъ Москвы. 5 Августа 1679 г. на высотахъ близъ Суботова и Чигирина между Русскими и Турками произошелъ ожесточенный бой, Турки были разбиты и потеряли 28 пушекъ и часть обоза. Но Ромодановскій не сумѣлъ воспользоваться побѣдой и не оказалъ помощи Чигирину, бывшему отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, хотя объ этомъ городѣ говорили, что „за кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ и Кіевъ“, и гетманская столица 11 того же Августа была Турками разрушена до основанія. Послѣдніе же, взявъ города Немировъ и Каневъ и отдавъ ихъ въ вѣдѣніе Юрія Хмѣльницкаго, сами возвратились въ Царьградъ.

Московское правительство хорошо поняло, съ какимъ сильнымъ противникомъ оно имѣетъ дѣло, и потому уже съ осени того же 1678 года стало принимать мѣры противъ возможнаго появленія Турокъ въ Малороссію въ будущую весну и лѣто, когда обыкновенно

степью туда вторгались Крымскія и Турецкія орды. Излагаемая дальѣ свѣдѣнія, касающіяся похода московскихъ войскъ въ Малороссію въ 1679 году, извлечены изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, до сихъ поръ еще не напечатанныхъ.

15 Ноября 7187 (1678) года, по указу царя Ѳедора Алексѣевича, велѣно быть на государевѣ службѣ въ большомъ полку¹⁾ боярину, князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому, боярину кн. М. Ю. Долгорукову, окольнику кн. К. О. Щербатову и думному дворянину М. А. Змѣеву, на запросъ Разряда 19 Ноября было отписано, что бояринъ П. В. Шереметевъ со 166 г. (1658) писался намѣстникомъ Смоленскимъ, „какъ посланъ Великаго княжества Литовскаго въ стольный городъ Вильню въ великихъ послѣхъ съ бояриномъ княземъ Ник. Ив. Одоевскимъ въ товарищахъ на сходѣ съ Польскими комиссары“ (Прик. стола столб. 790, скл. 171-2) а 27 того же Ноября, на праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы указано быть у „руки государевой“ боярамъ Петру Васильевичу Большому Шереметеву и Ивану Богдановичу Милославскому, окольничимъ Ивану и Александру Севастьяновичамъ Хитрово²⁾; послѣдніе четверо должны прежде всего идти въ походъ къ Кіеву и изъ нихъ двое бояръ, составляя какъ бы передовые полки, именовались „сходными товарищами“ князя М. А. Черкаскаго. Цѣль похода, какъ писалось въ грамотахъ къ П. В. Шереметеву и къ кн. М. А. Голицыну, по вѣстовымъ письмамъ изъ малороссійскихъ городовъ и иныхъ мѣсть, была—оборона отъ воинскихъ людей Турскаго султана и Крымскихъ Нурадина и Калги салтановъ, а также измѣнника, богоотступника, врага и ругателя христіанской вѣры Юраска Хмѣльницкаго и оборона отъ нихъ богоспасаемаго града Кіева и иныхъ городовъ. Походу придавалось большое значеніе, потому что въ Разрядѣ былъ объявленъ царскій указъ, записанный въ разрядную книгу, быти на государевѣ службѣ, покамѣсть Турецкая война минуется, безъ мѣсть, никому ни съ кѣмъ въ отечествѣ не считается и въ случаяхъ не подавать подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, разоренья и ссылки безъ всякаго милосердія и пощады³⁾.

Боярину П. В. Большому Шереметеву, повидимому, какъ лицу, хорошо знакомому съ мѣстностями, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія, по его воеводству въ Кіевѣ въ 1666—1669 годахъ

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгородскаго стола, Разряда № 958, склейка 4.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 958, склейка 5.

³⁾ Бѣлгородскаго стола столбцы 958, склейки 6—8 и № 317, склейки 93—99.

и по другимъ ратнымъ дѣламъ, предписывалось идти „съ поспѣшеніемъ“, а для прибытія въ первый этапъ похода—Мценскъ ему назначается срокъ 30 Января 1679 года. Какъ усердный воевода самъ П. В. Шереметевъ на указный срокъ во Мценскъ прибылъ, но изъ его команды „ратныхъ людей“, какъ онъ доносилъ государю, къ нему явилось пока лишь трое—стряпчій Ѳедоръ Спѣсивцевъ и два жильца. Мобилизація въ XVII вѣкѣ, или сборъ ратныхъ людей къ войнѣ изъ ихъ насиженныхъ семейныхъ гнѣздъ-помѣстій являлась и для правительства и для воеводы самымъ труднымъ дѣломъ: иные или совсѣмъ показывались въ „нѣтчикахъ“, другіе прежде устраивали свои личныя дѣла и не спѣша прибывали къ указному пункту, такъ что въ пути постоянно „приверстывались“ все новые и новые служилые люди. При назначеніи ратныхъ людей изъ Москвы въ полкъ П. В. Шереметева всего 4472 человекъ на Москвѣ осталось за болѣзнями 30, померло 14 и бѣжало съ дороги 162, итого убыль 206 человекъ, или около 5 процентовъ¹⁾. Почему царскими грамотами предписывалось воеводамъ по городамъ ратныхъ людей высылать къ П. В. Шереметеву безъ всякаго мотчанья съ большимъ поспѣшеніемъ подъ опасеніемъ опалы, а тѣхъ, которые вскорѣ „огурствомъ и озорствомъ своимъ“ не поѣдутъ, высылать съ приставы²⁾. Несмотря на такія строгія мѣры, особенно усиленнымъ бѣгствомъ отличились драгуны, жившіе въ Комарицкой волости. Изъ полковъ П. В. Шереметева и И. Б. Милославскаго бѣжало ихъ такое множество, что для поимки ихъ былъ отправленъ цѣлый отрядъ подъ начальствомъ Лопухина и Кобатова. Эти лица явились въ Комарицкую волость, сыскали по росписямъ бѣжавшихъ, отобрали изъ нихъ двухъ пущихъ заводчиковъ, и сказавъ имъ вину, привели къ висѣлицѣ, положили на шею петли, а потомъ снявъ съ нихъ петли, объявили, что Государь за прежнія ихъ многія службы смертію казнить не велѣлъ. Послѣ чего какъ этихъ двухъ, такъ и всѣхъ остальныхъ бѣглецовъ наказали нещадно кнутомъ и предупредивъ, что если впредь повторится ихъ „воровство“, они будутъ казнены смертію безъ всякаго милосердія, всѣхъ бѣжавшихъ комарицкихъ драгунъ послали подъ карауломъ по полкамъ, откуда кто бѣжалъ³⁾.

Въ полкъ боярина П. В. Шереметева было послано въ Мценскъ 28 Января 1679 г. купленные въ Москвѣ въ Овощномъ ряду 2 стопы пицей бумаги, сальныхъ свѣчей: 200 денежныхъ и 100 одинокихъ⁴⁾.

1) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 377—381.

2) Тамъ же, склейки 17—20.

3) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 331—334.

4) Столбецъ Сѣвскаго стола № 317, склейка 83.

Затѣмъ ему же прислано соболиной казны на 200 рублей за казенную печатью Сибирскаго приказа съ ярлыками на всякія полковныя дачи по разсмотрѣнію его боярина¹⁾, а на денежное жалованье 15.000 рублей въ мѣшкахъ за печатями, оставленные въ Рыльскѣ въ казенномъ погребѣ²⁾. Кроме того изъ запасовъ южныхъ городовъ разрѣшено выдать ратнымъ людямъ на 2 мѣсяца хлѣбнаго жалованья муки ржаной по полуосминѣ человѣку въ мѣсяць, а крупы противъ муки въ полы³⁾.

Вскорѣ по своемъ выступленіи въ походъ Бояринъ П. В. Шереметевъ посылаетъ думному дьяку В. Г. Семенову слѣдующее *собственноручное* письмо, которое передаемъ съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Государь мой Василей Григорьевичъ, многолѣтно здравѣствуй о Господе.

„Пожалуй государь, вели ко мнѣ писать освоемъ здоровье а я того радостно слышати желаю.

„По семъ прошу твоего к себѣ жалованья и пишу к тебѣ, надеясь на твое благоутробіе, пожалуй—подай мнѣ помочь въ деле Божіемъ і Великаго государя, что житью нашему будетъ канецъ и с кемъ намъ быть, никого нѣтъ и у чего здесь не у дѣла намъ жить п проедатца и паче же в безчестье великомъ быть. Пожалуй, вели указъ учинить о шатрѣ государскомъ, чтобъ во время лѣтнее было намъ куды съѣхатца для ради государскихъ дѣлъ и дьякомъ и подьячимъ гдѣ сидеть. А николи того не бывало, чтобъ не было въ полкахъ шатра. Во всехъ полкахъ будетъ, а намъ без него быть потому жъ нельзя. По семъ Петрушка Большой Шереметевъ челомъ бью. Февраля въ 30 день“.

На оборотѣ въ срединѣ склейки, нѣкогда сложенной пакетомъ, надпись:

„Государю моему Василью Григорьевичю“.

На это письмо отъ имени царя Ѳедора Алексѣевича послѣдовала П. В. Шереметеву слѣдующая грамота.

Въ нынѣшнемъ 187 году Марта въ 7 день посланъ съ Москвы къ вамъ, боярину и воеводамъ, въ полкъ шатеръ суконный, полы вишневаго цвѣта, а верхъ лазоревый, что принять изъ полку стольника

1) Тамъ же, склейки 118. 156.

2) Тамъ же, склейка 203.

3) Тамъ же, склейка 142.

и воеводы князя Михаила Лыкова, Бѣлгородскаго полку солдатскаго строю Самойлова полку Шестова съ полковникомъ съ Андреемъ Лоренцомъ на подводахъ. И какъ онъ къ вамъ шатерь привезетъ и вы бѣ бояринъ и воеводы тотъ шатерь приняли съ роспискою и къ нему велѣли сдѣлать чемоданъ въ полку, какъ пригожъ, по своему разсмотрѣнью¹⁾.

Также, почти при началѣ похода П. В. Шереметева, въ Кіевѣ произошла смѣна воеводъ: царскою грамотою на имя гетмана Самойловича 8 Февраля 1679 г. предписывалось порадѣть—боярина и воеводу, Намѣстника Бѣлозерскаго Михаила Андреевича Голицына выпроводить изъ Кіева въ цѣлости, а боярина и воеводу, Намѣстника Дорогобужскаго князя Никиту Семеновича Урусова съ ратными людьми допроводить въ Кіевъ въ цѣлости жъ²⁾. 12 Февраля П. В. Шереметевъ доносилъ государю, по вѣстямъ изъ Батурина отъ гетмана, что Хмѣльниченко съ татары пришли на сю сторону Днѣпра (лѣвобережную) подъ Еремѣевку и Жолникъ и къ нему же подошли многіе крымскіе люди и хотятъ приходить подъ украинные города войною вскорѣ. „А у меня во Мценскѣ,—прибавляетъ П. В.,—ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ никого нѣтъ“. На оборотѣ отписки П. В. Шереметева помѣта: „Великому государю извѣстно“.

Въ то же время Переяславскій полковникъ прислалъ къ гетману Поляка, отправленнаго отъ Турскаго султана къ Хмѣльницкому. Полякъ сообщилъ другія вѣсти, что Туркамъ и прошлая война была добрѣ убыточна въ людяхъ и въ подъемѣ, ихъ войска, бывшія подъ Чигиринимъ, распущены по домамъ, и на теперешнее лѣто Турки войны вести не будутъ³⁾.

Если Турки дѣйствительно не тронулись на Украину въ теченіе всего 1679 года, то въ началѣ Февраля этого года Юрій Хмѣльницкій съ племянникомъ своимъ Яненкомъ, съ нимъ же крымцы Калга и Нурадинъ султаны съ ордами и Бѣлгородскими мурзами подступили къ городу Лукомлю, который учинилъ съ Хмельницкимъ договоръ, будто жителямъ города быть у Юраски въ послушаніи. Все его войско пошло дальше къ Днѣпру. Но генераль-маіоръ Григорій Косаговъ съ Сумскимъ, Ахтырскимъ, Полтавскимъ, Миргородскимъ, коннымъ Павловскимъ, Лубецкимъ, Прилуцкимъ и коннымъ Новицкимъ полками отъ Лубенъ зашли войску Хмѣльницкаго въ тылъ, а Семень Самой-

1) Сѣвскаго стола столбецъ № 317, склейки 67—70.

2) Книга Малороссійскаго приказа № 50, 1047.

3) Тамъ же, листы 1055—56.

ловичъ, сынъ Гетмана, съ Нѣжинскимъ, Переяславскимъ и пѣхотнымъ Герасимовымъ полками внизъ Днѣпра до Иргѣева зашли съ другой стороны, всего подъ начальствомъ Косагова было до 30.000 человекъ. Произошелъ бой: Хмѣльницкій и Крымцы были разбиты и побѣжали за Днѣпръ верстъ за 60, при преслѣдованіи у нихъ было отбито русскихъ плѣнныхъ болѣе 200 человекъ. За эту побѣду всѣмъ участникамъ было сказано царское милостивое слово¹⁾. Сыну гетмана была пожалована „дача противъ прежняго“, а полковникамъ, бывшимъ при сраженіи, дано государева жалованья—каждому пара соболей по 10 рублевъ и отласу по 10 аршинъ.

Въ самый день побѣды Косагова надъ Хмѣльницкимъ и Крымцами 17 Февраля къ боярину П. В. Шереметеву во Мценскъ былъ отправленъ съ царскою грамотою и милостивымъ словомъ стряпчій Левъ Дементьевъ Воейковъ. Онъ пріѣхалъ во Мценскъ 23 Февраля прямо на сѣзжій дворъ и тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ служилыхъ людей пригласить къ нимъ боярина и воеводъ, и когда они на сѣзжій дворъ пріѣхали, Левъ Воейковъ, вышедъ впередъ, началъ говорить:

„Бояринъ и воевода Пестръ Васильевичъ съ товарищи!

„Великій государь, царь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожаловалъ васъ боярина и воеводъ, велѣлъ васъ о здоровьѣ спросить.“

А изговоря тое рѣчь, Левъ Воейковъ подалъ боярину П. В. Большому Шереметеву государеву милостивую грамоту, врученную ему въ Разрядѣ, и вслѣдъ за этимъ вновь учалъ говорить, чтобъ бояринъ и воеводы, по указу Великаго государя, шли изъ Мценска на государеву службу въ Рыльскъ на спѣхъ²⁾.

П. В. Шереметевъ былъ повидимому весьма точный и исполнительный бояринъ: на царскую грамоту онъ отвѣтилъ тотчасъ же, что онъ съ ратными людьми на государеву службу изъ Мценска въ Рыльскъ пошли того же числа 23 Февраля при немъ Левъ Воейковъ, а его отпустили къ Москвѣ³⁾.

Въ слѣдъ за выступленіемъ П. В. Шереметева изъ Москвы была послана ему 17 Февраля еще государева грамота, въ которой ему

¹⁾ Малороссійскаго приказа книга, 50 листы 1036 об., 1051—52 и столбецъ Ылгородскаго стола № 793, склейка 69.

²⁾ Столбецъ Сѣвскаго стола № 317, склейки 100—105.

³⁾ Тамъ же, склейка 282.

предписывалось идти уже и изъ Рыльска къ Кіеву 1 Апрѣля съ ратными людьми Сѣвскаго полку и съ стрѣleckими приказами, а въ Рыльскѣ указывалось оставить сына воеводы стольника Бориса Петровича и велѣть ему въ Рыльскѣ съ ратными людьми рязанскихъ и заочкихъ городовъ собраться на спѣхъ и по сборѣ всѣхъ идти на государеву службу къ Кіеву 15 Мая и всѣхъ ратныхъ людей сдать въ полкъ П. В. Шереметева. „А отдавъ ему, Борису, — говорилось въ грамотѣ, — тѣхъ ратныхъ людей, быти на государевѣ службѣ у тебя боярина нашего Петра Васильевича въ полку по прежнему, а не въ товарищахъ“¹⁾.

Изъ Мценска въ Рыльскъ П. В. Шереметеву, новою царскою грамотою 21 Февраля писалось идти на спѣхъ и стать въ Рыльскѣ 28 Февраля. Какъ разъ въ Касьяновъ день П. В. Шереметевъ своею отпискою доносилъ государю, что онъ съ ратными людьми прибылъ въ Рыльскъ на указный срокъ 28 Февраля. Въ новой уже грамотѣ отъ 10 Марта было сказано, что, „мы, Великій государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, тебя боярина и воеводу Петра Васильевича съ товарищи за Ваше радѣнье милостиво похваляемъ. И вы, видя нашу милость, и впредь бы наше повелѣніе исполняли со всякимъ усердіемъ и къ походу были на готовѣ“²⁾.

Изъ Рыльска П. В. Шереметевъ послалъ 21 Марта просьбу въ Разрядъ о доставленіи новоприборныхъ рейтаръ полку Андрея Цей 700 карабиновъ съ ремни и съ кроки, 700 паръ пистолей съ ольстры. 5 трубъ мѣдныхъ къ копейнымъ ротамъ, двои литавры, а для ученія сурначъ, полковыхъ трубача и литаврщика³⁾. Затѣмъ, по сообщенію В. Лопухина, назначеннаго также быть въ Рыльскѣ въ полку П. В. Шереметева, что драгунскаго строя въ полкахъ Франка и Вейде не достаетъ 11 знаменъ сотенныхъ, было послано изъ Разряда знамена: 3 камчатыхъ, 3 тафтяныхъ и 14 дорогильныхъ⁴⁾.

Вотъ описаніе одного изъ нихъ:

„Знамя камчатое рудожелтое, опушка камчатая лазоревая, по угламъ звѣзды рудожелтыя; крестъ на зеленомъ киндяку бѣлый серебряный писанный. А гдѣ быть древку, пришито красное суконце“⁵⁾.

Придя самъ въ Рыльскъ точно въ опредѣленный срокъ П. В. Шереметевъ испытывалъ здѣсь большія затрудненія въ сборѣ служи-

¹⁾ Тамъ же, склейки 93—99.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола Разряда, № 317, склейки 62—63.

³⁾ Тамъ же, склейка 169.

⁴⁾ Тамъ же, склейки 201, 203.

⁵⁾ Тамъ же, склейка 294.

лыхъ людей, Сѣвскаго полку разныхъ городовъ, которымъ было указано стать въ Рыльскѣ къ 25 Марта, но по неоднократнымъ отпискамъ къ воеводамъ городовъ П. В. Шереметева 5, 11 и 14 чиселъ о высылкѣ ратныхъ людей на указный срокъ безъ всякой оплошки и поноровки, къ П. В. Шереметеву явились лишь „небольшіе люди“ и послѣ нихъ Марта по 20 не бывало ни одного человѣка, а орляне на Сѣвземѣ дворѣ подали П. В. Шереметеву челобитную, что имъ за нынѣшнимъ разборомъ идти вскорѣ съ Орла не можно. П. В. тотчасъ же объявилъ челобитчикамъ государевъ указъ, чтобъ они всѣ до одного человѣка шли къ нему въ полкъ, ни за чѣмъ не мѣшкая къ указному сроку съ полными запасы, написалъ о томъ же подтвержденіе орловскому воеводѣ Павлу Скрыгину и въ заключеніе просилъ царскаго распоряженія, чтобы походу не учинить мотчанія и ему не быть въ опалѣ отъ государя.

На оборотѣ помѣта, что Государь указалъ послать грамоты Сѣвскаго полку, въ города къ воеводамъ о высылкѣ къ боярину П. В. Шереметеву конныхъ и пѣшихъ людей безъ всякаго мотчанія тотчасъ¹⁾.

Царское понужденіе, конечно, помогло дѣлу, потому что къ 3 Апрѣля подѣ Рыльскомъ въ отрядѣ у П. В. было уже 3.266 ратныхъ людей. Изъ Рыльска по наказу, изъ стратегическихъ соображеній онъ долженъ былъ отправиться на Сѣвскъ, и оттуда прямо на Кіевъ; но бояринъ П. В. Шереметевъ писалъ Государю, что за наступившимъ половодьемъ съ пушками, пороховою, свинцовою и денежною казною идти будетъ трудно, еще болѣе потому и, что между Рыльскомъ и Сѣвскомъ болота топкія и очень много переправъ, задерживающихъ войска, при этомъ пути будетъ скудость и въ конскихъ кормахъ, и при дальнѣйшемъ движеніи изъ Рыльска черезъ Сѣвскъ къ Глухову выйдетъ немало лишнихъ верстъ. П. В. предлагалъ идти изъ Рыльска не на Сѣвскъ, а прямо на Глуховъ и далѣе къ Кіеву. Его планъ въ Москвѣ былъ одобренъ и П. В. предписано было двинуться изъ Рыльска 20 Апрѣля, устроясь обозомъ, съ большимъ береженіемъ и осторожностію, „развѣдывая всякими обычаями накрѣпко про непріятельскихъ воинскихъ людей, чтобы они въ отрядѣ П. В. Шереметева въ дорогѣ и на станахъ безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили.“ Воеводѣ вмѣнялось въ обязанность, идучи черезъ малороссійскіе города, наказъ учинить его ратнымъ людямъ, чтобы они у мѣстныхъ жителей конскихъ кормовъ безденежно не имали и никакого задору и обидъ имъ не чинили. Кромѣ того ему же предписывалось Комарицкихъ дра-

¹⁾ Столбецъ Сѣвскаго стола, № 317, склейки 164—165.

гунъ въ полки не имать, а велѣно имъ быть въ подводчикахъ съ ихъ конями подь государеву казну и подь пушки. За отправленіемъ изъ Рыльска въ первую очередь П. В. Шереметева, онъ въ Рыльскѣ долженъ оставить своего товарища околыничаго А. С. Хитрово, которому и идти къ Кіеву 15 Мая¹⁾.

Какъ ни точенъ былъ бояринъ П. В. Шереметевъ, но и ему пришлось изъ Рыльска выступить только 2 Мая, причиною было то, что московскіе стрѣлецкіе приказы и солдатскіе полки долго не бывали. Миновавъ Глуховъ. П. В. Шереметевъ съ 3 стрѣлецкими приказами и 2 солдатскими полками 11 Мая переправился черезъ рѣку Сеймъ ниже Путивля и здѣсь пересмотрѣлъ и пересчиталъ ратныхъ людей: оказалось на лицо 4266 человекъ при 37 пушкахъ и пищаляхъ, къ нимъ было 4708 ядеръ. Отойдя отъ перевоза 5 верстъ, П. В. сталъ поджидать рейтарскіе и городовыхъ дворянъ полки, и только 25 Мая двинулся къ Кіеву²⁾. Въ дорогѣ В. П. получилъ извѣщеніе, что генералу Венедикту Андреевичу Змѣеву съ отрядомъ предписано идти изъ Суджи также къ Кіеву и до прихода боярина П. В. Милославскаго стать обозомъ подлѣ П. В. Шереметева и быть у него въ товарищахъ. Змѣевъ пришелъ къ Кіеву прежде Шереметева, 15 Мая, и сталъ на Южной Переславской сторонѣ и отсюда письменно спрашивалъ В. П., переходить ли ему на ту сторону, сообщая, что у него 3325 ратныхъ людей. Какъ очень осмотрительный человекъ, взвѣшивавшій повидимому всякую случайность, съ которой разобратся на мѣстѣ естественно могъ вѣрнѣе самъ Змѣевъ, П. В. ему отвѣтилъ, чтобы онъ сталъ подь Кіевомъ, гдѣ пристойно, по своему разсмотрѣнію³⁾. Съ дороги же около 26 Мая П. В. Шереметевъ доносилъ Царю, что назначенный къ нему въ полкъ генералъ Англіи Алексѣевичъ Шепелевъ съ Московскимъ солдатскимъ выборнымъ полкомъ сталъ перевозиться черезъ Сеймъ тамъ же, гдѣ и онъ. „Въ виду худого перевоза,—говорить П. В.,—ему будетъ здѣсь мотчанье не малое.“ Почему, чтобы не чинить мѣшкоты своему походу, не дождавниси Шепелева, П. В-чь пошелъ къ Кіеву на спѣхъ⁴⁾.

Скорое движеніе боярина вызывалось происходившими событіями. 24 Мая близъ Кіева появился Батырча мурза съ Татарами и Крымцами. Новый кіевскій воевода князь Н. С. Урусовъ съ своими гарнизонными

¹⁾ Столбецъ Сѣвскаго стола, № 317, склейки 119—123, 367—390.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, скл. 377, 381, 35 и № 881, скл. 14.

³⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 881, скл. 14.

⁴⁾ Столбецъ Бѣлг. ст., № 1105, склейки 39—40.

войсками ходилъ на непріятеля и отъ городскаго вала Кіева его отбилъ на далекое разстояніе. Взятые же языки принесли вѣсти, что ждуть еще Турскаго султана съ 19.000 татаръ¹⁾.

24 Мая, по намѣченному плану, видѣться П. В. Шереметеву съ гетманомъ Самойловичемъ до прихода къ Кіеву, бояринъ П. В. въ 15 верстахъ отъ Батурина, проѣхавъ деревню Малый Санбурецъ, сталъ станомъ и отсюда шель на встрѣчу гетману съ ратными людьми строемъ, а послѣдній съ войсковою старшиною выѣзжалъ отъ своего стана съ версту къ боярину; съѣхавшись, витались и цѣловались, и когда стали обозомъ вмѣстѣ, П. В. Шереметевъ у гетмана былъ на обѣдѣ, а на другой день Иванъ Самойловичъ обѣдалъ у П. В. Сейчасъ же послѣ свиданія послѣдній доносилъ царю, что хотя ему по приходѣ подъ Кіевъ предписано стать на Печерской горѣ, но гетманъ, видя что съ бояриномъ пришло царскаго войска „едва съ 5.000, съ которыми занять Печерскую гору было малоллюдно, совѣтовалъ П. В. въ первую очередь стать у Львовскихъ воротъ до Щековицы; сюда онъ часть приходъ непріятельскихъ людей, потому что въ этомъ мѣстѣ валъ пробить, а великіе рвы подошли къ самой городской стѣнѣ, слѣдуетъ учинить укрѣпленія до Днѣпра такъ, чтобы, придя сюда отъ Киринаскаго монастыря, непріятельскіе люди на оболони сами крѣпости не соорудили и рѣки Днѣпра не отняли“. Боярину же И. Б. Милославскому съ Бѣлгородскимъ полкомъ, какъ говорилъ гетманъ П. В., лучше стать отъ рѣки Днѣпра по сторонѣ Феодосіевскихъ пещеръ околѣ Печерскаго монастыря до ихъ поля. Печерскую гору займетъ онъ, гетманъ, а чего не достанетъ до Золотыхъ воротъ, сюда для помощи будетъ ждать приходу остальныхъ государевыхъ служилыхъ людей.

Съ своей стороны Самойловичъ также писалъ Государю о желательности того же расположенія войскъ, о которомъ говорилъ съ П. В. Шереметевымъ. Зная уже объ отбитомъ нападеніи Батырчи мурзы къ Кіеву и, повидимому, допуская возможность новаго, гетманъ просить государя поновить указомъ, чтобы другіе назначенные къ Кіеву воеводы поспѣшали сюда, идучи днемъ и ночью, потсму что „я зѣло опасуюсь,—писалъ гетманъ,—чтобы бусурманы ихъ своимъ приходомъ не упредили“. Самойловичъ подкрѣпляетъ просьбу П. В. Шереметева о понужденіи Путивльскаго воеводы къ отпуску П. В. огнянокъ верховыхъ пушекъ и гранатовъ, которыя зѣло надобны въ войскѣ противъ Турковъ. П. В. Шереметеву, по государеву указу, велѣно у Кіева стать, согласно отпискѣ гетмана, и сдѣлано распоряженіе о нуж-

¹⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 881, скл. 140.

ныхъ ему пушкахъ¹⁾. Указано ему „вопче съ бояриномъ П. Б. Мило-славскимъ бережене Кіеву и Печерскому монастырю держать: промы-сель же воинскій чинить, что пристойнѣе, „примѣняясь къ тамошнему настоящему дѣлу по совѣту съ гетманомъ, съ которымъ въ подкрѣпленіе долженъ стать на Печерской горѣ идущій В. А. Змѣевъ²⁾). Тогда же П. В. получилъ извѣстіе, что къ Кіеву велѣно также идти изъ Орла боярину М. Ю. Долгорукову, а къ Конотопу окольнічому А. С. Хитрово³⁾.

Весна 1679 года, какъ сказано въ документѣ, была „необыкая“, отличающаяся „скудостію конскихъ кормовъ“. въ пути въ отрядѣ боярина П. В. Шереметева объявилась болѣзнь лошадей, начинавшаяся опухолью головы, послѣ чего обыкновенно животное околѣвало; падежь былъ настолько силенъ, что у самого П. В. пало 45 „боярскихъ лошадей“, да въ конныхъ и пѣхотныхъ полкахъ 450 лошадей. Конечно, такая большая конская убыль задерживала слѣдованіе П. В., но онъ хотя медленно, но неуклонно подвигался къ Кіеву⁴⁾, куда наконецъ и прибылъ 5 Іюня. сталъ пока на лѣвомъ берегу въ виду недостатка мѣста для переправы. Здѣсь П. В. былъ обрадованъ пріятнымъ извѣстіемъ: его сынъ Борисъ Петровичъ, по указу государя былъ назначенъ 17 Іюня товарищемъ главнаго воеводы М. А. Черкаского въ большой полкъ вмѣсто боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго.

„Указали мы, Великій государь,—говорится въ грамотѣ на имя Б. П. Шереметева,—быть тебѣ на нашей службѣ въ большомъ полку съ бояриномъ и воеводою М. А. Черкаскимъ въ товарищахъ. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бѣ ѣхалъ въ полкъ къ нему безъ мотчанія“⁵⁾. Таковыя же грамоты были посланы какъ къ отцу П. В. Шереметеву, такъ и къ М. А. Черкаскому. Конечно, для будущаго фельдмаршала назначеніе въ 27 лѣтъ отъ роду помощникомъ начальника главной рати было очень лестно, а съ другой стороны въ интересахъ общаго военнаго дѣла оно сближало и сходнаго товарища П. В. Шереметева съ воеводою большого полка.

¹⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 1105, скл. 71—73 и книга Малорос. приказа № 50, листы 1026—1032.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 881, скл. 152.

³⁾ Тамъ же, столбецъ 881, скл. 161.

⁴⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 1105, скл. 76 и книга Малорос. приказа № 50, л. 1035 об.

⁵⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 958, склейки 190—194.

Наконецъ, заботами боярина П. В. Шереметева, черезъ Днѣпръ былъ сдѣланъ на стругахъ новый досчатый мостъ, такой ширины, что „2 телѣги разѣзжались просторомъ, а около телѣгъ пѣхотѣ было идти мочно“, и 12 Іюня П. В. Шереметевъ за Днѣпръ съ ратными людьми перешелъ, временно ставъ на Печерской горѣ противъ Николаевскаго монастыря, у каменнаго столба. Въ тотъ же день о своемъ переходѣ онъ послалъ отписку царю, гдѣ приложилъ перечневую роспись своихъ ратныхъ людей. Въ отрядѣ его находилось: съ Москвы 1 стольникъ, 6 стряпчихъ 3 дворянина и 10 жильцовъ; разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 680 человекъ, копейный, рейтарскій и драгунскій полкъ полковника Андрея Цѣя съ 2 подполковниками, 3 маіорами, 10 ротмистрами, 6 поручиками, 15 прапорщиками, 434 копейщиками, 1720 рейтарами и 77 драгунами. 4 стрѣleckихъ приказа, въ нихъ 3792 человекъ. Драгунскій полкъ Михаила Вестова съ 729 человекъ. Солдатскій полкъ Ивана Гаста—280 ч. Пушкарей и пушкарскаго чину людей 668. Недрыгайловскихъ казаковъ 54. Всего въ Рязанскомъ разрядѣ П. В. Шереметева указано конныхъ и пѣшихъ 8490 человекъ¹⁾.

13 Іюня 1679 г. къ Кіеву на лѣвый берегъ прошелъ другой сходный товарищъ князя М. А. Черкаскаго бояринъ И. Б. Милославскій съ 11.537 людьми при 16 пушкахъ. Перейдя рѣку онъ сталъ обозомъ на Щековицѣ на Печерской горѣ между городомъ Кіевомъ и Печерскимъ монастыремъ, а П. В. Шереметевъ перешелъ и сталъ обозомъ за Львовскими воротами. Тотчасъ же оба воеводы стали сѣзжаться „для государевыхъ дѣлъ“, и въ разговорахъ съ И. Б. Милославскимъ П. В. Шереметевъ, сохранившій, повидимому, связи съ кіевскимъ населеніемъ, сообщилъ ему важное извѣстіе, впоследствии подтвердившееся, что измѣнникъ Юраско Хмѣльницкій умеръ, какъ сказывалъ П. В. мелкій кіевскій войтъ²⁾. Такимъ образомъ, однимъ очень опаснымъ врагомъ по знацію мѣстнаго населенія и по близкимъ къ нему отношеніямъ стало меньше. 30 Іюня 1679 г. Бояринъ П. В. Шереметевъ получилъ царскую милостивую грамоту за то, что шелъ къ Кіеву и перебрался черезъ Днѣпръ въ скорыхъ дняхъ, за то „мы тебя жалуемъ и милостиво похваляемъ, и ты бѣ, видя нашу милость, и впредь намъ служишь и радѣлъ всякимъ желательнымъ усердіемъ и попеченіемъ“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, столбецъ 1105, склейки 436—443.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 881, склейки 106, 200 и 320.

³⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 444—445.

Оба сходныхъ товарища воеводы „большого полка“ кн. М. А. Черкаскаго были уже на мѣстахъ, а самъ онъ двигался очень медленно. Только 27 Апрѣля былъ онъ на отпускѣ „у руки государевой“, а изъ Москвы пошелъ „вскорѣ“, какъ сказано въ документѣ¹⁾. Однако лишь 1 Юня подошелъ онъ къ Сѣвску съ ратными людьми; здѣсь получилъ грамоту, въ которой говорилось, что царь Θεодоръ Алексѣевичъ за службу его милостиво похваляетъ²⁾; но въ грамотѣ П. В. Шереметева 25 Юня указывается, что князю М. А. Черкаскому велѣно идти изъ Сѣвска и изъ Путивля къ Кіеву „съ большимъ поспѣшеніемъ“³⁾, гетману же Ивану Самойловичу, торопившему прибытія кн. М. А. Черкаскаго, причина его задержки объяснялась тѣмъ, что онъ „позамѣшкался въ путъ за скудостію кормовъ“⁴⁾. 13 Юня 1679 г. въ полкъ боярина и воеводы М. А. Черкаскаго для всѣхъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и для двухъ его сходныхъ товарищей, П. В. Шереметева и И. Б. Милославскаго, была послана изъ Разряда съ дьякомъ Иваномъ Ляпуновымъ, по росписи Приказа Большого дворца, новая полотняная церковь, подложенная выбойкою. На церкви, какъ говорилось въ ея описаніи, „глава съ крестомъ золоченымъ, ко кресту чепь на проволокъ, да къ ней же наметъ; подъ церковью основаніе деревянное, а вѣхи, на чемъ ее ставить, съ крюками желѣзными. Въ церкви царскія, сѣверныя и южныя двери съ сѣнью. Мѣстныя иконы: Воскресеніе Господне, Похвалы Пресвятыя Богородицы. Сергія Радонежскаго Чудотворца, Θεодора Стратилата, Деисусовъ: Спасовъ образъ, Пресвятыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Михаила Архангела, Гавріила Архангела, Петра и Павла. На престолѣ и на жертвенникѣ одежда верхняя—камка кизылбашская, травы золотныя, а исподняя—киндяшная. Двѣ пелены на престолѣ и на жертвенникѣ, въ срединѣ отласъ золотный, подпушены камкою. На аналой пелена камчатая. Къ царскимъ дверямъ завѣсъ дорогильный, а къ жертвеннику—киндяшный. Да сосудовъ серебряныхъ, по мѣстамъ позолочено: потиръ, дискось, 2 блюда серебряныхъ, звѣзда, лжица, копіе стальное, губа. Два покровца.—объярь серебряная, травы золотныя, въ срединѣ объярь черная, травы золотныя жъ, золото сканое. Воздухъ—объярь та же, крестъ на немъ—золото сканое, подложенъ камкою, алою цвѣтною. Другіе воздухи и покровцы—камчатые, подложены киндякомъ. 4 пелены. тканы на холстахъ кладезъ. 2 пояса разныхъ шелковъ съ кистями, съ золотомъ и съ серебромъ.

1) Столбецъ Сѣвскаго стола № 317 склейка 390.

2) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 958, склейка 203.

3) Столбецъ того же стола № 1105, склейки 81—82.

4) Книга Малороссійскаго приказа № 50, склейка 1038.

Да запасовъ. Два кулака. 2 гвоздя пробойныхъ. 50 гвоздей мелкихъ. 250 сажень веревокъ подъемныхъ варовыхъ: 500 веревокъ тонкихъ. Влодезь коробка мѣдная. 6 окончинъ слюденыхъ. 300 крючковъ образныхъ. 300 гвоздей одностесныхъ. 30 рогожь цѣновокъ. 20 лышныхъ. Сундукъ подъ иконы, обить кожею красною, въ серединѣ—сукномъ, у него 2 замка вислыхъ: 5 молотковъ, 10 войлоковъ коровьихъ. 100 крючковъ окошечныхъ закладныхъ. 10 колодокъ гвоздей луженыхъ. 5 фунтовъ проволоки. 5 пятинъ нитей красныхъ, бѣлыхъ—тожь. 50 аршинъ холсту. 50 аршинъ выбойки. 6 отвозовъ полотняныхъ, что ставить около церкви. На обертку главы церкви, холста 18 $\frac{1}{2}$ аршинъ. Тельгу увязать 50 сажень веревокъ толстыхъ. Для всѣхъ припасовъ и мастеровыхъ людей палатка о 6 полотны съ полами. Для работъ барашъ Прошка Манатейниковъ, портной мастеръ Софоико Пвановъ и плотникъ Агѣйко Дементьевъ. Да подъ сундукъ тельга сдѣлана нарочная—колеса новыя, обиты по мѣстамъ желѣзомъ¹⁾.

Когда кн. М. А. Черкаскій лишь двигался изъ Путивля къ Кіеву, П. В. Шереметевъ и П. Б. Милославскій уже твердо здѣсь расположились. а по словамъ документа „въ сѣстныхъ запасахъ скудости у нихъ не было, а хлѣбъ печеный покупался даже дешевле московскаго“²⁾. Въ полкъ боярина П. В. были присланы лѣкаря Яганъ Ягузь и Отто Лирмесъ³⁾. Въ концѣ Іюня 1679 г. П. В. Шереметевъ доносилъ Государю, что мѣста у Львовскихъ воротъ у пробитаго вала обозомъ онъ занялъ 1000 сажень, или 2 версты и для остерегательства отъ прихода непріятельскихъ людей велѣлъ дѣлать крѣпости, валъ валити, ровъ копать и дѣлать отводные городки, въ порожнемъ мѣстѣ отъ Лыбеди-рѣки въ степь, вслѣдствіе посылки стоявшаго здѣсь на время къ гетману полковника Дуандина съ ратными людьми, П. В. велѣлъ заматать рогатками и быть здѣсь сторожевымъ дворянскимъ сотнямъ. Около своего обоза П. В. Шереметевъ по мѣрѣ на 1000 саженей въ длину, т. е. на 2 версты, успѣлъ уже сдѣлать валъ вышиной 2 $\frac{1}{2}$ сажени, шириною въ подошвѣ 4 сажени, вверху поперекъ 1 $\frac{1}{2}$ сажени, а около вала выкопать ровъ, въ глубину и въ ширину по 3 сажени⁴⁾.

Всю линію обороны Кіева П. В. Шереметевъ въ отпискѣ Государю представляетъ въ слѣдующемъ видѣ.

1) Столбецъ Приказнаго стола № 790, склейки 172—190.

2) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 881, склейка 309.

3) Тамъ же, склейка 320.

4) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 284—286.

Отъ Днѣпра около Печерскаго монастыря до Печерскаго поля 692 сажени.

Печерскаго поля и около Золотыхъ воротъ до кургановъ, что надъ Лыбедью, противъ Наугольнаго раскату, построеннаго у Львовскихъ воротъ, 1900 саж.

Отъ бугровъ до Кожемицкаго рва по обозъ П. В. Шереметева 1000 сажень.

Отъ Кожемяцкаго врага горами черезъ Щековицу до оболони по нижнюю дорогу, что вздять изъ Орданскаго монастыря, 700 саж.

Лугомъ оболонью до усть рѣчки Почайны 600 сажень.

Обоего по обозъ боярина И. Б. Милославскаго 1300 с.

А всего отъ рѣки Днѣпра около Печерскаго монастыря и Печерскаго поля и около города Кіева и оболонью до устья рѣчки Почайны къ Днѣпру—4.892 сажени, или 9 верстъ 392 сажени.

„А на устьѣ рѣчки Почайны,—говорится въ донесеніи П. В. Шереметева,—для остерегательства будетъ состроена земляной городокъ обоихъ полковъ ратными людьми, въ немъ будутъ конные и пѣшіе люди съ пушками“¹⁾.

Въ виду того, что ни Турокъ, ни Крымцевъ пока подъ Кіевъ не приступало, бояринъ П. В. Шереметевъ, по государеву указу, за недостаткомъ въ конскихъ кормахъ, посылалъ изъ своего отряда „не малые полки конныхъ и пѣшихъ людей за рѣку Лыбедь до рѣки Веты и за Вету, отъ Кіева верстахъ въ 20 косить сѣно и возить его къ себѣ въ обозъ“. „А въ которыхъ мѣстахъ,—прибавляетъ Петръ Васильевичъ въ своей отпискѣ царю,—косить травы было нельзя, отравили лошадьми, и въ тѣхъ мѣстахъ непріятельскимъ людямъ въ конскихъ кормахъ нужда будетъ великая“²⁾.

Одновременно съ заботами объ укрѣпленіи Кіевской обороны и снабженіи отрядовъ съѣстными припасами, оба воеводы П. В. Шереметевъ и И. Б. Милославскій тщательно собирали вѣсти о намѣреніяхъ непріятеля, пользуясь для того посланками въ степь небольшихъ отрядовъ для поимки „языковъ“ и сообщеніями бѣжавшихъ „русскихъ выходцевъ“ изъ татарскаго и крымскаго плѣна. Въ отпискахъ отъ

¹⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 259,261—263.

²⁾ Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 491—5.

13 Іюля 1679 г. оба они доносятъ царю, на основаніи этихъ свѣдѣній, что, такъ какъ въ прошломъ году, когда взятъ былъ Чигиринъ, „на полевыхъ поляхъ съ русскими людьми было побито Турокъ янычаръ 20.000, а конныхъ до 30.000, лошадьми Турки опали, а какъ отступали изъ подъ Чигирина къ себѣ, многіе Турки въ дорогѣ померли, они ихъ даже не успѣли въ землю хоронить, для того турецкій султанъ къ войнѣ подъ Кіевъ не собирается и нынѣ войною не пойдетъ, а войско прибираетъ и будетъ въ предѣ будущее лѣто. А съ сеп стороны Нелирова межъ Усмани и Кольника стоятъ Бѣлгородскія орды съ Батырчею мурзою (отбитымъ отъ Кіева княземъ Урусовымъ), и тотъ мурза просился къ себѣ, но отпустить ли его, неизвѣстно. Про войска царскаго величества въ Волошской землѣ, гдѣ нынѣ есть Турки, говорятъ, что подъ Кіевомъ Великаго государя ратныхъ людей противъ прошлаго года втрое, и Волошскіе жители молятъ Бога, чтобъ Онъ даровалъ на бусурманъ побѣду, а они, волохи, хотятъ быть подъ рукою государя¹⁾“. Одинъ изъ русскихъ людей, бывшій тогда же подъ Кіевомъ, еще до прихода сюда кн. М. А. Черкаскаго, также показывалъ, что „въ ратныхъ государевыхъ полкѣхъ многолюдство большее“²⁾.

Самъ же воевода „большого полка“ продолжалъ медленно идти впередъ отъ Путивля. Съ пути онъ доносилъ царю 22 Іюля, что съ нимъ и съ его сходнымъ товарищемъ кн. Мих. Юрьевичемъ Долгоруковымъ слѣдуетъ ратныхъ людей 12.456 человекъ³⁾. 26 Іюля онъ же, кн. М. А. Черкаскій, сообщаетъ государю, что назначенный на князь Петрово мѣсто Ивановича Хованскаго товарищемъ стольникъ Борисъ Шереметевъ пришелъ къ нему въ полкъ въ дорогѣ, „не дошедъ до Кіева за 30 верстъ, 26 Іюля и велѣлъ ему Борису быть съ собою въ товарищахъ и полковыя и расправныя дѣла вѣдать вмѣстѣ⁴⁾“.

Наконецъ, князь М. А. Черкаскій 26 Іюля 1679 г. прибылъ къ Кіеву и соединился съ П. В. Шереметевымъ и И. Б. Милославскимъ. Счастіе повидимому ему благопріятствовало, потому что, несмотря на такой поздній приходъ къ Кіеву, онъ получилъ здѣсь на третій день своего прибытія извѣстіе, показавшее, что далѣе близкой опасности быть уже не могло. Стольникъ и воевода Василій Перхуровъ писалъ князю Черкаскому, что онъ, Перхуровъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ

1) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 958, склейки 418—425, 459—461.

2) Столбецъ того же стола № 881, склейка 309.

3) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 958, склейка 377.

4) Тамъ же, склейка 958.

Запорожской сѣчи Иваномъ Серкомъ ходили въ походъ рѣкою Днѣпромъ подѣ турскіе городки Казыкермень и Османъ, съ ними было ратныхъ людей 650 человекъ. Въ первомъ часу дня 14 Іюля, не допуская до тѣхъ городковъ, ихъ встрѣтили на 25 морскихъ стругахъ, присланныхъ „отъ султана Турскаго, Ахметъ да Гусейнъ паши, съ Крымскія стороны берегомъ съ ордою Калга-салтанъ, а по другую сторону Днѣпра турецкая конница съ волохи и съ мутьяны. И былъ у нихъ Перхурова и Серка съ тѣми непріятелями бой до девятаго часа, и милостію Божіею и твоимъ государевымъ счастіемъ,—доносилъ князь М. А. Черкасскій царю,—они Перхуровъ и Серко отъ тѣхъ непріятельскихъ людей отошли въ цѣлости и государевымъ ратнымъ людямъ никакого урона не учинилось. Выходцы и взятые языки имъ сказывали, что турскій салтанъ и визирь подѣ Кіевъ нынѣшнее лѣто войною не будутъ; ханъ же Крымскій отъ себя изъ дома по 17 числа Іюля не выхаживалъ¹⁾.

Продолжающіяся повторныя донесенія Царю воеводѣ, что они уже не ожидаютъ въ настоящемъ году прихода подѣ Кіевъ и другіе малороссійскіе города большихъ отрядовъ Турокъ и Крымцевъ, приближеніе осени, когда вторженій степныхъ ордъ почти не бывало понудили московское правительство признать, что опасности болѣе на Югѣ Россіи не предстоитъ. 6 Августа 1679 года къ боярину П. В. Шереметеву съ жильцомъ Лаврентьемъ Пасынковымъ была прислана царская милостивая грамота. Въ ней П. В. предписывалось, собрать всѣхъ ратныхъ людей его отряда, у шатра сказать имъ всѣмъ въ слухъ царское милостивое слово за ихъ службу, объявивъ, что Государь указалъ кн. М. А. Черкасскому и его сходнымъ товарищамъ, въ томъ числѣ и боярину П. В. Шереметеву, съ ратными людьми идти изъ Кіева обратно къ Путивлю безсрочно. Ему же боярину П. В. Шереметеву предписывалось, развѣдавъ предварительно, впрямь ли къ Кіеву прихода войскъ Турскаго салтана не чаятъ, у Путивля, пересмотря полковъ своихъ конныхъ и пѣшихъ людей, распустить ихъ по домамъ, а самому П. В. Шереметеву ѣхать къ Москвѣ. У Кіева же и у крѣпостей, учиненныхъ вновь, для обороны отъ непріятельскихъ людей, съ бояриномъ и воеводою княземъ Н. С. Урусовымъ оставить тѣхъ служилыхъ людей, которые, государскаго повелѣнія не исполняя, въ полки пріѣхали поздно, и тѣхъ еще, которые до сихъ поръ находятся въ дорогѣ. Пушки же и всѣ принадлежащія къ нимъ запасы указывалось П. В. Шереметеву оставить въ Сѣвскѣ подѣ росписку воеводы²⁾.

1) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 958, склейки 499 и 500.

2) Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 1105, склейки 202—208, 468—475.

На основаніи царскаго указа, первымъ двинулся отъ Кіева кн. М. А. Черкасскій съ сходнымъ товарищемъ кн. М. Ю. Долгорукимъ а „позади ихъ въ ближнихъ мѣстахъ“, какъ сказано въ документѣ, шелъ съ своимъ полкомъ 7 Сентября 1679 г. бояринъ П. В. Шереметевъ, къ Бѣлгородской же чериѣ для береженія велѣно идти боярину И. Б. Милославскому¹⁾.

Такъ окончился походъ въ Малороссію боярина Петра Васильевича Большого Шереметева въ 1679 году. 30 Октября того же года, окончивъ свое дѣло, онъ отправился уже съ Москвы въ Казань, какъ сообщилъ въ Разрядѣ его человекъ, привозившій сюда по порученію боярина полковой шатеръ²⁾.

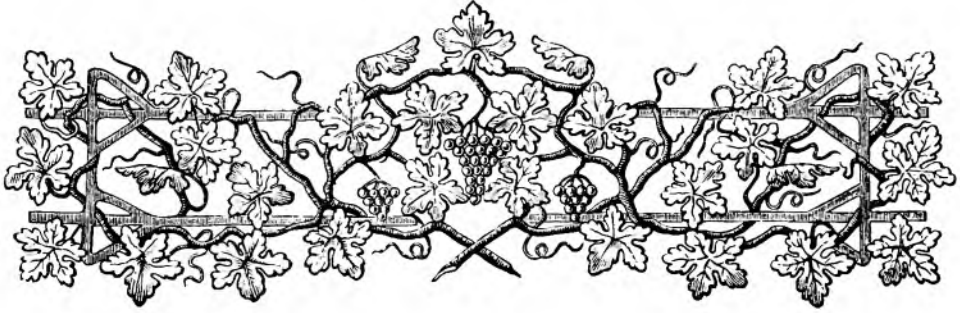
Тревожный по опасеніямъ 7187 (1679) годъ прошелъ благополучно; во время предпринятія Московскимъ правительствомъ военныя мѣры достигли цѣли: Турки и Крымцы, узнавъ о готовности на мѣстахъ русскихъ ратей къ боевымъ дѣйствіямъ дальше послышки отъ себя небольшихъ отрядовъ не пошли. Но и этотъ, сравнительно съ другими, болѣе счастливый годъ по приведеннымъ документальнымъ даннымъ довольно ясно указываетъ, сколько усилій и жертвъ ежегодно должна была тратить Москва, чтобы удержать Малороссію за собою, пока наконецъ она не осталась послѣ Полтавы твердо за нами. Цѣлые ряды достойныхъ воеводъ болѣе полстолѣтія дѣлали здѣсь великое государственное дѣло, „честно и грозно“ держа здѣсь царское и русское имя. Въ числѣ такихъ воеводъ, по неоднократнымъ военнымъ походамъ и по продолжительному доброму воеводству въ Кіевѣ, слѣдуетъ на видномъ мѣстѣ поставить боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, изложенію дѣятельности котораго, въ самой малой степени, и служить настоящей историческій очеркъ.

И. С. Бѣляевъ.

¹⁾ Столбецъ того же стола № 958, склейки 445 и 694.

²⁾ Столбецъ Московскаго стола № 421, склейка 93.

Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году

Рапортъ Его Императорскому Величеству отъ Оренбургскаго военнаго губернатора генерала отъ инфантеріи Эссена.

Посольство Вашего Императорскаго Величества къ Бухарскому Владѣтелю, Миръ-Хайдаръ-Хану, подъ военнымъ прикрытіемъ по Высочайшему Вашему повелѣнію мною отправленное, пройдя 1600 верстъ въ 66 дней, по пещанымъ и безводнымъ Степямъ, и преодолевъ неизяснимыя трудности сего похода, 17-го Декабря благополучно достигло до границъ Бухарскаго Владѣнія, а 20-го того же мѣсяца прибыло въ Столичный Городъ Бухару, пользовавшись во все продолженіе пути своего благоприятною погодою и очевиднымъ покровительствомъ Божіаго Промысла, всегда споспѣшествующаго щастливому оружію Вашего Императорскаго Величества.

Россійскій Повѣренный въ дѣлахъ въ Бухаріи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Негри и Командиръ Воинскаго при сей Миссіи Отряда Старшій Адыютантъ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса Лейбъ-Гвардіи Назмайловскаго Полка Капитанъ Цюлковскій донесли мнѣ отъ 20 минувшаго Января изъ Бухары, что по вѣснмъ ввѣреннымъ имъ частямъ состояло благополучно и убыли въ войскахъ никакой не произошло, кромѣ того что трое рядовыхъ умерло въ разное время отъ болѣзней, да лошадей на походѣ пало: Артиллерійская 1, Казачьихъ 4 и подъемныхъ подъ тѣлжными фурами 21, изъ коихъ первыя пять замѣнены тогда же вновь купленными у Киргизовъ, а послѣднія остались не замѣщенными ибо и большая часть оныхъ фуръ, пришедъ въ негодность, истреблена на дорогѣ. Больныхъ въ отрядѣ не было ни-

кого; но слабыхъ въ день отправленія той депеши было четыре человека нижнихъ чиновъ.

Хотя вооруженныя орды Хивинскаго Хана находились вблизи тѣхъ мѣстъ, чрезъ кои проходило Посольство; но они не дерзнули явиться войскамъ Вашего Императорскаго Величества. Чрезъ восемь дней однакожь послѣ того, когда Посольство миновало пустыню именуемую Кизиль-Кумъ, они сдѣлали въ семь мѣстъ нападеніе на часть Купеческихъ каравановъ безопасно слѣдовавшихъ отъ нашихъ границъ въ Бухарію, умертвили проводниковъ и вощиковъ, расхилили товары и съ добычею отправились въ вертепъ свой Хиву.

Киргизцы подъ предводительствомъ Султана Арунгази Абулгазіева, по распоряженію моему сопровождавшіе Посольство до рѣки Янь-Дарья, узнавъ о бѣдствіи, постигнувшемъ выше означенную часть каравановъ, устремились въ слѣдъ Хищниковъ, настигли ихъ и вступили въ бой, но претерпѣвъ поражение разсѣялись въ Степяхъ; а упомянутый Султанъ возвратился нынѣ въ аулы свои, находящіеся въ недалекомъ разстояніи отъ нашихъ границъ. Но та часть каравана, которая безостановочно слѣдовала подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ, достигла своего мѣста благополучно.

Войска Вашего Императорскаго Величества приняты въ Бухаріи дружелюбно и расположены биваками въ одной изъ дачъ, принадлежащихъ Визирю, въ разстояніи трехъ верстъ отъ Столичнаго Города: продовольствіе производится имъ по существующимъ тамъ цѣнамъ безъ недостатка. Нѣсколько разъ доставлялось оное и безденежно, отъ имени Его Высочества Миръ-Хайдаръ-Хана; также и на самой границѣ войска были встрѣчены съ почестями и хлѣбомъ.

Повѣренный въ дѣлахъ и чиновники Посольства занимаютъ квартиру въ самомъ Городѣ, въ домѣ Визиря. Не смотря на Азіатскую подозрительность и непросвѣщеніе Правительства, имъ оказывается въ Бухаріи при всякомъ случаѣ должное уваженіе и внимательность; и переговоры продолжаются безъ затрудненія.

Явленіе Россійскихъ войскъ въ сей отдаленной странѣ причинило несказанную радость несчастнымъ плѣнникамъ нашимъ, нѣсколько лѣтъ томящимся тамъ въ неволѣ. Повѣренный въ дѣлахъ доносить мнѣ; что нашелъ удобнымъ предложить Бухарскому Дивану о освобожденіи если не всѣхъ, коихъ число простирается по вѣроятнымъ показаніямъ до 600 мужеска пола, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой

части изъ нихъ; присовокупляя, что полагаетъ возможно достигнуть въ семь успѣха.

Въ первыхъ числахъ наступающаго Апрѣля Посольство предполагаетъ выступить въ обратный путь въ Отечество. Плоды онаго должны быть любопытны и важны для всего Просвѣщеннаго Свѣта.

Имѣя щастіе донести Вашему Императорскому Величеству о вышеописанномъ, повергаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ всеподданнѣйшее поздравленіе мое съ совершеніемъ подвига достойнаго Вашего мудраго Царствованія и щастливаго вѣка.

Подписаль Генераль отъ Инфантеріи Эссенъ.

№ 4. 24 Марта 1821 г. Оренбургъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Юля 1820 г., стр. 682—683).

Выписка изъ партикулярнаго письма изъ Бухары отъ 18 Января 1821.

Благодареніе промыслу, мы достигли щастливо бухаріи! Щастливо во всѣхъ отношеніяхъ! во весь походъ не беспокоили ни морозы, ни снѣгъ, ни дожди ни нападеніе непріятелей¹⁾ ниже нужды, ежели исключить²⁾

1) Въ 1803 году Россійское посольство въ Бухарію отправленное также съ Оренбургской Линіи, разбито было на дорогѣ Киргизцами, ограблено и принуждено возвратиться, претерпѣвъ многія бѣдствія. Въ семь происшествій оно лишилось между прочими своего Доктора, который близъ города изнемогалъ въ плѣну у Киргизовъ.—Примѣчаніе автора письма. (Кто былъ авторомъ этого письма,—трудно сказать. По содержанію оно очень схоже съ письмомъ священника Петра Ильина, помещенномъ въ Русскомъ Архивѣ 1914 года, III, стр. 472—474, но священника мы затрудняемся признать авторомъ даннаго письма, потому что послѣдній называетъ себя „*милитеромъ*“, т. е. военнымъ, и говоритъ про себя, что выходитъ гулять по Бухарѣ „*въ одномъ мундирѣ*“. Это скорѣе указываетъ на военнаго автора, чѣмъ на духовнаго... Неизвѣстно также и то,—къ кому было написано данное письмо, но во всякомъ случаѣ оно очень интересно и рисуетъ быть Бухарцевъ въ такихъ чертахъ, которыя трудно было тогда найти въ другихъ источникахъ. Содержаніе примѣчанія касается, очевидно, посольства поручика Гавердовскаго, о которомъ мы уже упоминали ранѣе.—С. Н. М.)

2) Нѣкоторыя особенности въ правописаніи этого документа нужно огнестн, кажется, исключительно на счетъ немудраго кописта, который списывалъ письмо для Оренбургскаго военнаго губернатора Петра Кирилловича Эссена.—С. Н. М.

всѣ тѣ неизъяснимыя трудности пути, какія мы равнодушно переносили, и которыя привычка сдѣлала для насъ возможными.

18 Декабря подошли мы къ Столичному городу Бухарѣ за два дни до вѣзда въ оный, ѣхали Бухарскими Селеніями по садамъ, орошаемымъ каналами, при многочисленномъ стеченіи народа. На границу выслано было для встрѣчи нашей человекъ 500 Бухарской конницы и 20 навьюченныхъ верблюдовъ, съ печенымъ хлѣбомъ, дынями, гранатами, фисташками, виноградомъ для насъ и кормомъ для лошадей нашихъ; всего было въ такомъ изобиліи, что мы и всѣ сподвижники наши насытились гостинцами привѣтливыхъ Бухарцевъ. *Множество русскихъ плѣнниковъ, похищенныхъ на границѣ и проданныхъ сюда Киргизцами, влекущихъ здѣсь шо рабства, встрѣчали насъ съ неописаннымъ восторгомъ;*¹⁾ а природныхъ жителей отъсюду стекалось столько, что при всей дѣятельности Полиціи, мы едва могли пройти въ порядкѣ. Прибытіе наше представлялось народнымъ праздникомъ.

Часу въ 3 пополудни прибыли мы къ замку, отстоящему отъ города версты на три. Здѣсь встрѣтилъ нашего Посланника Кушъ-Беги т. е. Визирь; поздравилъ его съ прибытіемъ и привѣтствовалъ отъ имени своего Государя. На третій день назначенъ вѣздъ въ Бухару. Войска шли парадомъ: впереди пѣхота съ барабаннымъ боемъ, потомъ кавалерія, пушекъ нельзя было провести по кривымъ и узкимъ улицамъ, почему артиллерія подъ своимъ прикрытіемъ осталась подъ городомъ. Барабаны почитаются здѣсь чудомъ и если бы привести сюда Оренбургскую военную музыку, то для побужденія Бухарцевъ не нужно было другого оружія; отъ удивленія они онѣмѣли бы, а отъ тѣсноты передушили бы другъ друга.

За войсками слѣдовало посольство. Подарки Государя Императора Хану Миръ Хайдару несли 12 человекъ на большихъ подносахъ, покрытыхъ шитыми платками и шальями. Шествіе заключалъ посланникъ; предъ нимъ два служителя, въ богатыхъ ливреяхъ, а за нимъ чиновники его свиты. У самыхъ воротъ Ханскаго дворца мы сошли съ лошадей; прошедъ два дворца, наполненныхъ вооруженными тѣлохранителями, Посланникъ вступилъ въ пріемную залу, въ сопровожденіи офицеровъ Генеральнаго Штаба при немъ находящихся, дипломатическихъ Чиновниковъ и Командира Конвоя. Ханъ сидѣлъ на великолѣпныхъ подушкахъ, окруженный многочисленнымъ собраніемъ своихъ придворныхъ. Сказавъ привѣтственную рѣчь на Персидскомъ языкѣ и вручивъ Высочайшую грамоту, Посланникъ сѣлъ. Ханъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.—С. Н. М.

тотчасъ прочиталъ въ слухъ грамоту и изъяснивъ въ приличныхъ выроженіяхъ чувствованія благодарности своей къ могущественному Монарху Сѣвера благоволившему удостоить Августейшимъ вниманіемъ своимъ скромнаго обладателя малой Восточной области. Посланникъ представилъ потомъ вошедшихъ съ нимъ Чиновниковъ, которые, какъ и всѣ находившіеся при Ханѣ, стояли. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о путешествіи Ханъ захотѣлъ посмотрѣть нашихъ воиновъ: человекъ 30 введены были въ комнату, находившуюся предъ залой. Сія аудіенція продолжалась болѣе часа.

Посланникъ остался со свитою въ городѣ, а мы стали биваками на дачѣ, принадлежащей визирю, верстахъ въ трехъ отъ города, который довольно обширенъ и обнесенъ во кругъ глиняною стѣною, въ вышину отъ 3 до 4 сажень, съ 12 воротами. Изъ лагеря мы свободно и часто ѣздимъ въ городъ, съ позволенія своего начальства. Встрѣчаемъ на всякомъ шагу толпу людей разныхъ націй, Бухарцевъ, Аванцевъ, Индейцевъ, Персіянъ, которые всѣ привѣтливо намъ кланяются, уступаютъ дорогу и если найдутъ толмача, то охотно разговариваютъ. Вопросы о путешествіи нашемъ и сравненія видимыхъ предметовъ съ подобными въ нашемъ отечествѣ бываютъ неистощимымъ источникомъ ихъ любопытства.

Домы здѣсь, не исключая дворца, Мечетей и Медресовъ (школъ), построенныхъ въ древнемъ Индейскомъ вкусѣ изъ кирпича, слѣплены изъ глины и каждый обведенъ равнымъ образомъ высокою стѣною, безъ крышъ, безъ оконъ, вмѣсто коихъ служатъ двое дверей и безъ печей, которыхъ благотворный климатъ дѣлаетъ ненужными; ибо зимы здѣсь нѣтъ; крещенскіе морозы восходили до 6 градусовъ и то только по утрамъ, а въ поддень можно было ходить въ одномъ мундирѣ, не чувствуя стужи, отъ которой Бухарцы грѣются въ домахъ своихъ угольями, раскладенными на жаровняхъ по полу или въ нарочно сдѣланныхъ для сего углубленіяхъ въ полу. Снѣгъ былъ здѣсь въ нашу бытность одинъ разъ и часа черезъ четыре растаялъ; это случилось вскорѣ послѣ нашего прибытія сюда: видно зима хотѣла питомцевъ своихъ утѣшить симъ явленіемъ.

Здѣшнія улицы такъ узки, что въ самыхъ тѣсныхъ двумъ человекамъ, нѣсколько дороднымъ разойтись трудно; а самую пространную навьюченный верблюдъ заслонитъ совершенно. Лучше сказать, здѣсь нѣтъ улицъ, ибо дома построены не одинъ подлѣ другаго, не въ рядъ а гдѣ попало и какъ нибудь. Это лабиринтъ, въ которомъ не видно только ни одной Ариадны. Нечистота въ сихъ такъ называемыхъ ули-

пахъ ужасная; а отъ того запахъ нестерпимый, и отвратительна вода въ каналахъ, при которыхъ городъ построенъ и куда стекаетъ всякая дворная и уличная грязь. Наши биваки представляются райскимъ жилищемъ въ сравненіи съ квартирами Посланника и его свиты, хотя имъ отведенъ просторный и хорошій домъ, принадлежащій визирю Хакимъ-Бею. Мы живемъ въ саду, окружены гранатовыми, персиковыми, абрикосовыми и другими плодовитыми деревьями, дышемъ прекраснымъ воздухомъ, пьемъ свѣжую, ключевую воду и шутимъ надъ товарищами, которые намъ завидуютъ.

Мечетей здѣсь 360 и 285 медресовъ, въ которыхъ триста учителей преподаютъ науки; самъ Ханъ учитъ алкорану. Сей владѣтель весьма набоженъ; Бухарскіе либералы приписываютъ ему чрезвычайную суевѣрность, изишнюю привязанность къ удовольствіямъ гарема и безопасность въ дѣлахъ Государственныхъ, которыми управляетъ безотвѣтно Кушъ Беги, извѣстный у Васъ подъ именемъ Аталыша. Они обвиняютъ его и въ нѣкоторыхъ другихъ склонностяхъ, о которыхъ скромность не дозволяетъ мнѣ изъясниться.

По крайней мѣрѣ половина города состоитъ изъ Караванъ-сараявъ, Базаровъ и Лавокъ; а это, вмѣстѣ съ многочисленнымъ теченіемъ сюда разнонародныхъ купцовъ показываетъ, что Бухара есть средоточіе торговли независимой Татаріи. Въ семъ отношеніи она заслуживаетъ кажется всего вниманія и предиріимчивости нашего купечества; особливо, если дороги сдѣлаются безопасными чрезъ препровожденіе каравановъ, подъ вооруженнымъ прикрытіемъ; чему наша Экспедиція можетъ служить примѣромъ и образцомъ, впрочемъ надобно взглядѣться въ свойство торговли, во вкусъ жителей, въ духъ правленія; можетъ быть мы не въ состояніи будемъ удовлетворять требованіямъ восточныхъ торговцевъ, можетъ быть навеземъ товары, которыхъ никто покупать не станетъ; ибо извѣстно, что Бухарцы отъ насъ вывозятъ не товары, не издѣлія наши, но звонкую монету: червонцы, піастры, талеры, посредствомъ которыхъ торгуютъ съ сосѣдями; можетъ быть правительство обложить насъ чрезмѣрными пошлинами: всѣ сіи вопросы разрѣшатся наблюденіями и соображеніями нашего посольства, а я, какъ милитеръ, нескусный въ политическихъ умозрѣніяхъ, не берусь удовлетворительно объяснить Вамъ сіи важные и любопытные предметы. Число жителей въ Бухарѣ простирается, какъ говорятъ до 60.000; по обширности населенія и чрезвычайному многлюдству на улицахъ и Базарахъ сіе кажется вѣроятнымъ; на послѣднихъ можно найти и купить все потребное для жизни и даже для роскоши; но и должно быть крайне осторожна, чтобъ не подпасть обману

въ цѣнѣ, не только покупаемаго товара, но и денегъ, платимыхъ за оный. На 100 голландскихъ даютъ $73\frac{1}{2}$ Бухарскихъ червонцевъ; каждый содержитъ 21 тангу¹⁾ а каждая танга 55 пулъ ходячей мѣдной монеты; такимъ образомъ голландской червонецъ, въ сложности принимаемый за 12-ть рублей, заключаетъ почти 849 пулъ, слѣдовательно пуля содержится къ нашей копѣйкѣ какъ 14:10, а танга почти равна

двугривеннику. Пока солдаты наши не привыкли къ сему курсу и здѣшнимъ цѣнамъ, купцы обманывали ихъ безсовѣстно, брали что хотѣли и давали сдачу, какъ вздумается. Цѣна на жизненные припасы установилась слѣдующая: Четверть муки 24, Срачинскаго пшена 38 (ибо овса не сѣютъ), 13 дровъ, то есть сухихъ прутьевъ, мѣра навьюченнаго верблюда, 6 тангъ.

Покупка сихъ припасовъ для нашего отряда была подвержена сначала множайшимъ затрудненіямъ; о гуртовой продажѣ здѣсь понятія не имѣютъ; о подрядѣ еще менѣе; и такъ надлежало производить покупку на всѣхъ площадяхъ, малыми частями, и при томъ такъ сказать ловить для сего время; но благодаря заботливымъ сношеніямъ Посланника съ Правительствомъ и неутомимой дѣятельности Отряднаго Командира, наше продовольствіе идетъ теперь наилучшимъ образомъ.

Флодовъ, сухихъ и свѣжихъ, здѣсь чрезвычайное изобиліе; виноградъ, арбузы, ароматическія дыни, чудесной величины и вкуса. сливы,

¹⁾ Сія танга и наша деньга, имѣютъ какую то аналогію. Я не упомяну теперь, а справиться здѣсь не почему, со времени Татарскаго ига, или прежде явилось у насъ сіе названіе. (*Примѣчаніе автора письма.—С. Н. М.*)

гранаты, квиты продаются, какъ у насъ орѣхи; только груши очень дороги, потому что Кушъ-Беги производитъ ими монополію, по праву своего званія. Таковой торгъ не почитается здѣсь ни унижительнымъ для достоинства Визиря, ни тягостнымъ для обывателей. Нѣкоторой Бухарской Чиновникъ, весьма извѣстный у насъ въ Россіи, и отправлявшій знаменитыя должности, сложивъ обязанности своего званія, торгуеть теперь въ Бухарѣ своимъ лицомъ въ Лавкѣ.

Въ семь безпорядочномъ описаніи, я отдѣляю Бухару отъ Бухаріи, городъ отъ области; но не знаю правильно ли сіе дѣлаю? Всѣ селенія сливаются съ симъ городомъ, и на 50 верстъ вокругъ нѣтъ сажени земли, которая не была бы застроена или засѣяна; почему едва ли и все владѣніе не состоитъ изъ одного города и предмѣстій? Принадлежность Бухарцамъ Самарканда, Туркестана, Балка и проч. весьма сомнительна. Дабы владѣть областями столь отдаленными, надобно имѣть хорошо устроенное Правительство и твердую систему политическую, которую поддерживать сношеніями и видомъ силы. т: е: войсками. Въ Бухаріи мы ничего подобнаго не видимъ.

Хивинцы вездѣ, гдѣ могутъ, грабятъ Бухарскіе караваны и рѣжутъ купцовъ и вощиковъ. Недавно расхитили два каравана, шедшіе изъ Персіи и большую часть того, который слѣдовалъ за нами съ Оренбургской Линіи. Сіе нападеніе, грабежъ и убійства произведены въ пустынѣ *Кизиль-Кумъ*, восемь дней спустя послѣ того какъ мы прошли оную; а это показываетъ, что разбойники находились вблизи насъ, но не смѣли явиться на глаза нашимъ войскамъ. Правительство здѣшнее не дѣлало ни одного шага въ наказаніе злодѣевъ и Ханъ, какъ говорятъ, сказалъ: „пока нѣтъ опасности на Регистанѣ (площадь передъ Дворцомъ), мнѣ ни до чего дѣла нѣтъ“. Съ такою Политикою едва ли возможно дѣйствовать на покореніе или удержаніе въ зависимости дальнихъ странъ.

Равнодушіе Хана къ воззрѣніямъ подданныхъ родило неудовольствія и ропотъ въ народѣ. Онъ любимъ или прославляемъ духовенствомъ за высокія свои добродѣтели, но Узбеки, лучшая часть націи, питають къ нему ненависть. Старшій сынъ его въ открытой съ нимъ холодности, живетъ отдѣльно и пользуется отличною любовью Узбековъ. Правленіе будетъ, можетъ стать дѣятельнѣе, когда перейдетъ въ руки сего молодого человѣка.

Капитанъ Баронъ Мейендорфъ неумоимо занимается наблюденіями законовъ, нравовъ и обычаевъ здѣшней земли. Описанія его должны быть вѣрны и любопытны; но я не успѣлъ или не умѣлъ собрать

ясныхъ понятій о сихъ предметахъ; слышалъ однакожь, что Ханъ наказываетъ строго преступниковъ и недавно велѣлъ казнить смертію троихъ изблеченныхъ въ кражѣ. Дѣльное мѣсто передъ самымъ Дворцомъ на Регистанѣ.

О числѣ Русскихъ, находящихся здѣсь въ неволѣ еще не имѣемъ вѣрнаго свѣдѣнія. Одни говорятъ, что мужчинъ не болѣе 600, другіе утверждаютъ, что обоюго пола и дѣтей несравненно болѣе. Участь ихъ ужасна и достойна всякой жалости! исключая небольшое число они ведутъ мучительную жизнь, страдая отъ жестокихъ владѣльцевъ своихъ, которые часто умерщвляютъ ихъ подъ палочными ударами, или просто пронзаютъ кинжаломъ въ минуту гнѣва и своенравія. Немногіе откупились, но имъ не позволяютъ возвратиться въ отечество. Другіе, не смотря что прослужили своимъ мучителямъ болѣе 25 лѣтъ, влекуть до сихъ поръ страдальческое иго. Ихъ содержатъ болѣе по деревнямъ особливо со времени нашего прибытія, опасаясь требованія краденой покупки. *Всѣ они сохранили въру отцовъ своихъ*¹⁾. Посланникъ договаривается, какъ слышно, съ здѣшнимъ кабинетомъ о выпускѣ однихъ и освобожденіи другихъ. Если достигнетъ успѣха, то одинъ сей подвигъ увѣнчаетъ достаточно несказанныя трудности нашего похода; теперь мы взираемъ на нихъ какъ мореплаватели на минувшія бури и опасности; но въ существѣ онѣ безчисленны, изнурительны и приводятъ въ неизъяснимое уныніе.

Вообразите пустынные степи, на которыхъ нѣтъ предмета для глазъ, кромѣ песчаныхъ бугровъ, однимъ ударомъ вѣтра образованныхъ, а другимъ разрушенныхъ и перенесенныхъ на иное мѣсто; нѣтъ былинки, нѣтъ капли воды; глубокіе пески. въ коихъ утомленные путемъ, голодомъ и жаждою лошади и верблюды едва влекутся. утоная въ нихъ по груди: такова пустыня *Кизиль-Кумъ* на 210 версть. которую мы прошли форсированными маршами въ семь дней, бросивъ всѣ свои фуры и лишась 5 верховыхъ и 20 подъемныхъ лошадей; пушки и лодки спасли тѣмъ, что подпрягали двойной комплектъ лошадей и безпрестанно перемѣняли ихъ строевыми. Признаться должно, что здѣсь было бы намъ трудно сопротивляться хищнымъ ордамъ Хивинскимъ; также и при дѣйстви стѣнныхъ Урагановъ, особливо въ другое время года, когда огненное солнце палитъ и раскаляетъ сіе песчаное море мы могли претерпѣть въ немъ бѣдствіе. Но рука промысла хранила насъ: русской Богъ намъ сопутствовалъ, а съ Симъ Поборникомъ не стрѣлы враговъ, ни ужасы природы не страшны русскому сердцу.

¹⁾ Курсивъ нашъ.—С. Н. М.

Мы уже готовимъ сухари на обратный путь и полагаемъ предпринять оный въ половинѣ Апрѣля, а можетъ быть и ранѣе. Въ Іюнѣ, новые Аргонавты, надѣмся увидѣть Небо любезнаго отечества и отдохнуть въ утѣшеніяхъ привѣтливой дружбы.

Тогда въ дополненіе бесконечнаго письма моего, сообщу Вамъ, что узнаю о нравахъ и обыкновеніяхъ сей земли, о ея женщинахъ, которыя должны быть прекрасны и вѣжны, какъ плоды щастливаго ихъ климата. До сихъ поръ мы видимъ на базарахъ однѣхъ не складныхъ старухъ и тѣ завидя насъ, къ щастію старались скрыть свои фizioноміи; а мы и не любопытствовали проникнуть грубыя ихъ фаты, чтобъ не оскорбить воображенія.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 711—716).

Оренбургскому военному губернатору, генералу отъ инфантеріи и кавалеру Петру Кириловичу Эссену отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Негри.¹⁾

Я получилъ сообщеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 2-го сего Іюня, которымъ желаете знать объ успѣхахъ Миссіи вверенной моему Начальству, и какія пзвѣстія могу дать въ отвѣтъ на полученные отъ Вашего Высокопревосходительства наставленія 18 Сентября 1820 года.

1-ое. Я предложилъ и изъяснилъ Бухарскому Хану и его Визирю о необходимости взять строгія мѣры къ удержанію разбойниковъ, нападающихъ на караваны, мѣры, безъ которыхъ взаимная торговля никакъ существовать неможетъ. Въ отвѣтъ на мои изустныя и письменныя представленія по сему предмѣту, Визирь и самъ Ханъ, дали мнѣ торжественныя увѣренія, что они находятъ совершенно справедливыми и полезными для взаимной торговли и блага подданныхъ представленія мои о безопасномъ препровожденіи каравановъ, что Его Высочество охотно соглашается дать вооруженный конвой для каравановъ, отъ Бухары до рѣки Сырь: (отъ которой до линіи будутъ охраняться они Рускимъ войскомъ:) и что онъ повторитъ его въ своемъ письмѣ къ Государю Императору, которое вручится Его Импера-

¹⁾ Рапортъ этотъ переписанъ рукою какого-нибудь канцеляриста, а подписанъ самимъ А. Негри.—С. П. М.

торскому Величеству Посланникомъ, котораго немедленно отправить онъ въ Санктпетербургъ.

2-ое. Чтобъ предупредить вопросы, которыя ожидалъ я отъ Визиря, касательно Новаго Тарифа, я изложилъ ему всю прибыль, и важныя выгоды получаемыя Бухарцами, торгующими съ Россією. Что Его Императорское Величество не отличаетъ ихъ нисколько отъ своихъ подданныхъ и что они находятъ вѣрное покровительство въ своихъ торговыхъ дѣлахъ; что пошлины платимыя Бухарцами, равно платятся и Рускими, и что справедливость требуетъ чтобъ также поступали и съ Рускими торгующими въ Бухаріи, но вмѣсто того ихъ угнетаютъ тамъ заставляя платить въ четверо болѣе противу Бухарцевъ, что Бухарцы вносятъ 2½ со ста, а Рускіе или прикащики ихъ 10 со ста. Наконецъ, я представилъ ему ясно, что ихъ поступки противу Россіи, Области которой суть источники благосостоянія Бухарскихъ подданныхъ, несоотвѣтствуютъ тому великодушному и высокому покровительству, которое оказывается торговцамъ Бухарскимъ. Этими представленіями я хотѣлъ дать почувствовать Бухарскому Правительству несправедливость его домогательствъ, и они согласились, что эти поступки съ ихъ стороны основаны на ихъ законѣ повелѣвающимъ брать съ невѣрныхъ столько же сколько они заставляютъ платить.

3-е. Послѣ предложилъ я Визирю, что по учрежденію безопаснаго пути для каравановъ, въ Бухаріи размножится число Русскаго купечества, и тогда для взаимной пользы торгующихъ, нужно будетъ назначить въ Бухарѣ Русскаго консула, какъ для надзора за коммерческими дѣлами Русскихъ, такъ и для скорѣйшаго окончанія взаимныхъ сношеній торговцевъ. Это предложеніе, хотя и съ трудомъ, но было принято, и Визирь отвѣчалъ мнѣ, что они согласны на учрежденіе Русскаго консульства въ Бухаріи, но что они съ своей стороны никакъ не хотятъ назначить такового въ Россію. (:Причина тому не можетъ быть иная какъ разчетливость сего Правительства и для избѣжанія издержекъ которыхъ потребовало бы такое назначеніе:).

4-е. Что же касается до освобожденія Русскихъ, находящихся въ неволѣ, я могу увѣрить Ваше Высокопревосходительство, что покуда Россійское Правительство не приметъ по сему предмету нужныхъ мѣръ, которые легко могутъ быть произведены въ дѣйство Государствомъ, которое такъ сказать, питаетъ Бухарію, невозможно будетъ выкупить сихъ несчастныхъ менѣе 50 или 60 Голландскихъ червонцевъ за человѣка.—Касательно числа сихъ плѣнниковъ въ жесточайшей неволѣ находящихся, по разнымъ справкамъ на самомъ мѣстѣ, оно прости-

рается болѣе 400 человекъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, родившихся въ Бухаріи. Впрочемъ, чрезвычайно трудно узнать навѣрное о числѣ сихъ плѣнниковъ, потому, что Бухарцы очень строго за ними присматриваютъ, и скрывали ихъ, зная очень хорошо, что это краденая покупка; да и сами плѣнники, живя розно, и по разнымъ городамъ не знаютъ всѣхъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Изъ числа сихъ плѣнниковъ я выкупилъ 7, и далъ убѣжище осьмерымъ, скрывшимся въ нашъ лагерь, что составляетъ, прибавя къ тому двухъ свободныхъ, выкупившихся прежде, и двухъ выкупленныхъ Титулярнымъ Совѣтникомъ Шапошниковымъ всего 19 человекъ. Списокъ оныхъ¹⁾ я имѣлъ честь представить Вашему Высокопревосходительству.

О прочихъ же плѣнникахъ, о которыхъ я могъ узнать, прилагаю при семъ подробный списокъ съ означеніемъ ихъ именъ и мѣстъ пребыванія.

Впрочемъ, я счелъ долгомъ доказать Бухарскому Правительству, что человеколюбіе и уваженіе, которое должно оно сохранять къ Державѣ, которой принадлежать сіи плѣнники, требуютъ, чтобъ оно не поступало съ нимъ столь жестоко и безчеловѣчно. Слѣдствіемъ моихъ представленій по сему предмету, было то, что Бухарское Правительство почувствовало несправедливость своихъ поступковъ, а это можетъ облегчить въ будущемъ всякое сношеніе по сему предмету. Сверхъ того Ханъ, и Визирь его торжественно объявили мнѣ, что во всей Бухаріи сдѣлано строжайшее запрещеніе покупать Русскихъ подданныхъ, продаваемыхъ киргизами или другими хищниками.

5-е, касательно требуемыхъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ свѣдѣній о Султанѣ Арунгази, о его личныхъ качествахъ, о поступкахъ его при переходѣ Миссіи черезъ степь Киргизскую, о вліяніи его въ Ордѣ и проч. я имѣлъ честь сообщить Вашему Высокопревосходительству сего 2-го Іюня.

Что же касается до состоянія Бухарской торговли, сношеній ея съ Россією, и сосѣдственными владѣніями, подробныя свѣдѣнія о самой Бухаріи, и всего что требовалось наставленіями данными мнѣ при моемъ отправленіи изъ Россіи, все это подробно и пространно объяснено въ моемъ журналѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ, который

¹⁾ Списокъ этотъ помѣщенъ въ Русскомъ Архивѣ 1914 года; III, стр. 475—477.— С. Н. М.

я представлю Министерству Иностранных дѣлъ немедленно по прибытіи моемъ въ Санктпетербургъ, откуда и сообщатся всѣ означенныя свѣдѣнія Вашему Высокопревосходительству.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Негри.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 925—927).

А. Русскіе плѣнные, находящіеся въ Бухаріи.

	Имя н а.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
1	Василій Егоровъ. Здѣсь называется Андрей.	Провіантскаго штата служитель, изъ Оренбурга.	Въ 1804-мъ г. схваченъ изъ роши за Ураломъ и проданъ Киргизамъ Каргаллинскимъ Татарникомъ Биткуль Гумеровымъ.	Въ Бухарѣ у Калмыка Улчекъ Караулъ Бека.
2	Иванъ Соколовъ. Здѣсь называется Сафарбай.	Оренбургской Губерніи Челябинскаго уѣзда Еткульской станицы козакъ.		У Кушбеги въ Бухарѣ.
3	Алексѣй Семеновъ Обросимовъ.	Козачій сынъ.		
4	Андрей.	Изъ Чувашъ.		
5	Матвѣй Михальскій.			
6	Тимофей или Матвѣй.			Въ Караулѣ.
7	Василій Кузминъ. Здѣсь называется Абдулла.			Подлѣ Ванкана въ деревнѣ Капрерабитъ у Мирзы Асербая.
8	Андрей Ивановъ.	Изъ Троицка.	Въ 1811 году.	Въ деревнѣ Кош-камерѣ у Малахадинъ Ходжа и Шемшединъ Ходжа.
9	Офимья Васильева. (Марья).			Въ деревнѣ Клычъ-Хожа возлѣ Кагаата. У Хивинскаго купца Магадеминъ бал.

	И м я н а.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
10	Дочь ея Авдотья (Гурсунъ).			
11	Зиновій Рыбинъ (Андрей).			Въ деревнѣ Кыдырчи.
12	Яковъ.			
13	Андрей.			У Нязбека.
14	Иванъ Шерстобитовъ.			Въ Самаркандѣ.
15	Андрей.			Въ Чагалбанѣ. У Досъ караванъ Баши.
16	Иванъ.			Акъ Назара Караванъ Баши.
17	Андрей.			Въ Чагалбаши.
18	Никита Добчинскій (Худай-Берды).	Псковской губ. изъ Великихъ Лукъ; Унтеръ-офицеръ Рижскаго Карабинернаго полка.	Взятъ изъ Троицка тому уже 30 лѣтъ.	У татарина Мулла Исметъ Гилля.
19	Анна, жена возвратившагося съ Миссією, Андрея.			
20	Ганиверды сынъ онаго жъ Андрея.			У купца Пояна Кари.
21	Григорій Поляковъ.	Солдатскій сынъ изъ Орской крепости.	Тому уже 17 лѣтъ.	Въ деревнѣ Рекдемонъ у Бухарскаго купца Юсужана.
22	Андрей.			У купца Курманбая Тиканакъ въ деревнѣ Хужанкуль.
23	Семень Андрѣевъ.			Въ деревнѣ Хужанкуль у купца Манаташа.

	Имяна.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
24	Андрей Андрѣевъ.	Изъ Троицка, Демидовскій чело-вѣкъ.		У Караванъ Досъ Янбы.
25	Иванъ.			
26	Константинъ Степановъ.	Казанской губ. Лапшевскаго уѣз. деревни Рыбной слободы изъ Озерной крѣпости.		
27	Жена его.			У купца Курманбай Суфи.
28	Иванъ.			
29	Жена его.			У купца Авязбая.
30	Дочь его.			
31	Марфа.	Дочь Русскаго Никифора Севастьянова свободнаго.		У Караванъ Баши Акназара.
32	Василій Бобровъ.	Господской чело-вѣкъ. Симбирской губерніи.		Въ Хужакулъ у купца Курманбая.
33	Иванъ Бобровъ. Кузнецъ.	Изъ Астрахани.		Въ деревнѣ Камчакъ 30 верстъ отъ Бухары у Урузбая Таджикъ.
34	Василій Бабрыкинъ.			Въ Вапканѣ.
35	Кирилла.			Въ деревнѣ Базарчѣ у Аррабая.
36	Яковъ.			Въ деревнѣ Динавъ.
37	Андрей.			
38-41	Татьяна и трое ея дѣтей.			Въ деревнѣ Арабъ-Хана.
42-46	Шалъ Тапаръ, у него четверо дѣтей.			
47-50	Сергей у него трое дѣтей.			Въ деревнѣ Алишбекъ Шаметъ Бай.
51	Михайла.			Въ Карши. У Мирзы Ивадыляны.
52	Дмитрій.			

	И м я н а.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
53	Герасимъ.			
54	Симонъ. (Французъ). ¹⁾			Въ деревнѣ Дедрасъ.
55	Неизвѣстный.			
56	Андрей Березкинъ.			Въ деревнѣ Кагатагъ.
57	Жена его.			У Миръ Камоль Бей.
58	Михайла Ивановъ.			Въ деревнѣ Конидумагъ, у Шариббай.
59	Жена его.			
60	Потапъ.			
61	Иванъ.			Въ деревнѣ Кыздумагъ у Шариббай.
62	Яковъ.			
63-64	Неизвѣстные.			
65	Дмитрій.			Въ деревнѣ Кыздуванъ у Якупъ Ходжи.
66	Өома Гавриловъ.			Въ деревнѣ Маликазы у Ислянъ.
67	Яковъ.			Нязбая.
68	Степанъ.			Въ деревнѣ Закашъ у Сапаръ Бай.
69	Андрей.			
70	Яковъ.			
71	Андрей Васильевъ.			Въ деревнѣ Гадани у Баралбай.
72	Жена его Офимья.			
73	Матвѣй Мионовъ.			Въ деревнѣ Актенъ.
74	Василій.			
75	Василій Водянишъ.	Орскаго баталіона.		Въ деревнѣ Хужли Ханъ у Мулкама.
76	Еремѣй Алексѣевъ.			Въ деревнѣ Сарай.
77	Андрей.			

¹⁾ Повидимому, одинъ изъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Отечественную войну 1812 года и сосланныхъ въ Оренбургскую губернію, откуда и попалъ въ рабство къ Бухарцамъ. Такихъ случаевъ мы знаемъ нѣсколько. Читать о нихъ можно въ „Трудахъ“ О. У. А. К., вып. XXV, стр. 223—249.—С. Н. М.

	Имяна.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
78-80	Три женщины.			
81	Максимъ Уфимцевъ.			Въ деревнѣ Калесафеть, у Караванъ Баши Азибахы.
82-89	Восемь челоуѣкъ.			Въ Кагатагѣ, у Караванъ Баши.
90	Курмангалы.			Въ деревнѣ Денеу, у Ачиметь Бая.
91	Егоръ.			Въ Варданзѣ у Хыдыра.
92	Жена его.			Въ Варданзѣ у Мансебай.
93	Корнило Журавлевъ.	Козакъ изъ Троицка.	Здѣсь уже 18 лѣтъ.	
94-95	Двое неизвѣстныхъ.			Въ Варданзѣ.
96	Катерина.			Въ деревнѣ Варпахана у Миръ Камала.
97	Андрей (Шведъ).			
98	Андрей Мулкоминскій.			Въ Ванкендѣ.
99	Жена его.			
100	Семень.			Въ Хожакулѣ, у Курбатбая.
101	Степанъ.			Въ деревнѣ Горбунѣ у Мола самп.
102-104	Жена его и двое дѣтей.			
105	Афанасій Авдѣевъ.			Въ Рекдемонѣ у Мирекъ Ходжи.
106	Яковъ.			
107	Михайлъ.			Въ деревнѣ Гездумакѣ у Шерифа Банабасва.
108	Жена его.			
109-113	Пять челоуѣкъ неизвѣстныхъ.			Въ Старомъ Шермесѣ.
114-118	Пять челоуѣкъ.			
119	Андрей Потаповъ.			Въ Кыждуванѣ.
120-139	и 20 челоуѣкъ неизвѣстныхъ.			
140	Шваръ.			Въ Дедрасѣ, у Бечебая.

	И м я н а.	Изъ какого званія и откуда.	Когда попался въ плѣнъ.	Гдѣ теперь находится и имя хозяина.
141	Василій.			Въ деревнѣ Панавагаѣ у Карауль Бека.
142	Никита Егоровъ.			Въ Бухарѣ у Хивинскаго купца.
143	Марина Денисьева:			Въ Бухарѣ, у армянина Егора Захарова.
144	Андрей.			Въ деревнѣ Нобаарѣ.
145	Герасимъ.			
146-147	Два неизвѣстныхъ.			
148	Доухать Родиковъ.			У Мирзы Мирска.
149	Василій.			
150	Василій.			У Нязбей.
151-152	Двѣ женщины.			У Омира.
153	Андрей.			Въ деревнѣ Канашакъ у Мирзы Мирека.
154	Жена его.			
155	Сынъ ихъ.			
156	Иванъ.			У Шухунъ Бека.
157	Ашуръ.			Въ пермесѣ у Нуръ Баба.
158	Ефимъ, здѣсь называется Иванъ Вишневецкій.	Изъ Житомира.	Здѣсь 35 лѣтъ.	Въ Аранхаѣ у Муллы Сафара.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Негри.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссiи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Юля 1820 года, стр. 930—933).

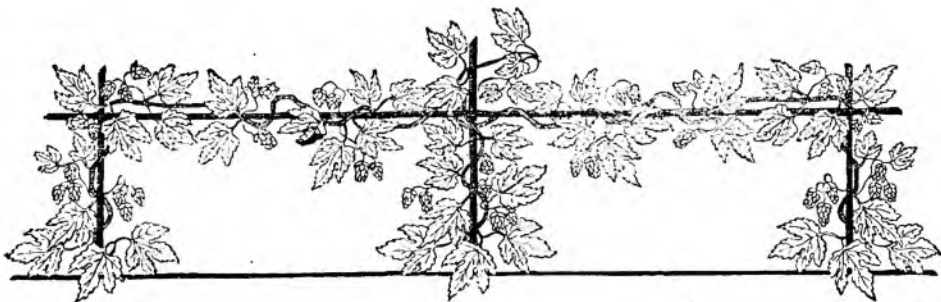
Б. Русскіе получившіе свободу и находящіеся въ Бухаріи.

	И м я н а.	Изъ какого званія, и данно ли въ Бу- харіи.	Званіе ихъ теперь.
1	Андрей Радиковъ (Назаръ Топчи).	Оренбургскаго 2-го Баталіона Капралъ.	Служить у Хана въ должности Главна- го Капюнера.
2-6	Ефимъ Завьяловъ, жена, двое дѣтей и теща.		У Хана капюне- ромъ.
7	Анна, жена возвратившагося съ Миссією Никифора Се- вастьянова.		Въ деревнѣ Хужа- куль.
8	Казыбай, сынъ Давиловъ.	Родился въ Буха- рін.	Въ деревнѣ Хужа- куль.
9	Иванъ.	Вѣжавшій изъ Ор- ской крѣпости.	Въ деревнѣ Тизгу- зари подлѣ Кара- куль.
10-13	Андрей Волковъ жена и дѣти Иванъ и Николай.		Садовникъ въ Бу- харѣ.
14	Касаткинъ.		Въ Самаркандѣ.
15	Иванъ.		
16	Никита Вершининъ.	Самарскій козакъ.	
17-20	Андрей Паракенскій, жена и двое дѣтей.		У Мирзы Мишири- пахъ.
21-26	Афросинья Григорьева, дочь и четыре внуки.		
27-31	Устинья Иванова и 4-ро дѣ- тей.		У Зѣюгаръ Ходжи.
32	Аграфена.		
33	Федоръ Мочаловъ.		Въ деревнѣ Гол- даци.
34	Василій Бажановъ (кипчакъ).		Въ Ванкендѣ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Негри.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ
27 Іюля 1820 года, стр. 929).

Сообщилъ священникъ Николай Модестовъ.

Совокупныя дѣйствія нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ турецкую войну 1787—1791 гг.

Вторая при Екатеринѣ Великой война Россіи съ Турціей окончилась, какъ извѣстно, миромъ въ Яссахъ въ 1791 г. По этому миру Турція навсегда отказалась отъ Крыма и кромѣ того уступила Россіи земли между Бугомъ и Днѣстромъ съ городомъ Очаковымъ. Такимъ образомъ, Россія окончательно утвердилась на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Нижеприводимыя выдержки изъ архивныхъ документовъ¹⁾, по времени относящихся уже къ концу этой войны²⁾, дадутъ нашимъ читателямъ представленіе, какъ доблестно наши войска съ умѣлой помощью своихъ сподвижниковъ на морѣ сражались противъ непріятели. Этому, какъ сейчасъ увидимъ, способствовали распорядительность и искусное руководство ближайшаго ихъ начальника, генерала Дерибаса. Съ удовольствіемъ отмѣтимъ скромность послѣдняго³⁾. Рапортуя по начальству о своихъ успѣхахъ, онъ неукоснительно свидѣтельствуетъ „о неустрашимости и усердномъ исполненіи должностей всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, равно и нижнихъ чиновъ и, въ особенности, объ отличномъ рвеніи и мужествѣ г. капитана 1-го ранга и кавалера Поскочина“.

Начнемъ наше изложеніе съ перваго документа, рапорта Дерибаса въ „Черноморское адмиралтейское правленіе“.

¹⁾ Черноморскій Центральный Военно-морской Архивъ, дѣло Канцеляріи Черноморскаго Департамента № 1.

²⁾ Такъ какъ датированы 1790 и 1791 годами.

³⁾ Этимъ же достоинствомъ отличался и другой герой той-же войны, адмиралъ Ушаковъ.

Отдѣливъ часть черноморскаго гребного флота въ вѣдѣніе генерала Голенищева-Кутузова для переправы въ Тульчу войскъ, находившихся подъ командой послѣдняго, Дерибасъ 24 Марта 1791 г. выступилъ съ остальной частью флота для высадки въ Исакчи корпуса князя Голицына. По соединеніи генерала Голенищева-Кутузова въ Исакчи съ корпусомъ князя Голицына, Дерибасъ отправился со всею находящеюся въ Исакчи частью флота въ Галацъ. По прибытіи туда, соединясь 28 того-же Марта на разсвѣтъ съ отрядомъ судовъ подъ командой капитана I ранга Поскочина, онъ достигъ благополучно Браилова, гдѣ и сталъ на якорь виѣ пушечнаго выстрѣла. Одинъ изъ гренадерскихъ полковъ—Николаевскій—находился на судахъ, а другой, Днѣпровскій, переправленный 27 Марта на островъ противъ Галаца, шелъ берегомъ, равняясь съ флотомъ, и остановился въ равномъ отъ города разстояніи. Устрашенный непріятель началъ перевозить на паромахъ и другихъ судахъ на лѣвый берегъ Мачинскаго пролива съ построеннаго при устьѣ укрѣпленія пушки, изъ коихъ, успѣвъ перевезти только двѣ, прочія побросалъ въ воду, спасаясь самъ бѣгствомъ.

Въ ночь на 30-ое Марта „вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ четырнадцать лодокъ“, подъ картечными и ружейными выстрѣлами съ укрѣпленія въ концѣ острова, противъ Браилова лежащаго, безъ всякаго поврежденія пройдя въ Мачинскомъ проливѣ первый островъ, остановились на якорѣ.

Поутру быдъ переправленъ на этихъ лодкахъ на первый островъ днѣпровскій гренадерскій полкъ, а въ 10 ч. прибылъ весь корпусъ князя Голицына и расположился не въ дальнемъ разстояніи противъ упомянутаго острова. При дальнѣйшемъ наступленіи, поражая вездѣ противящагося и преслѣдуя отъ страха бѣгущаго непріятеля, войска наши повергли все огню и мечу. Побѣдоносное руссійское оружіе было умножено трофеями, состоящими изъ пяти санжаковъ, 27 знаменъ, 11 пушекъ, взятыхъ въ плѣнъ, трехбунчужнаго шаши, двухъ бинъ-башей другихъ чиновниковъ и больше ста человекъ, кромѣ многаго числа разныхъ болгарскихъ и молдаванскихъ семей, сверхъ чего получено множество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ и не малая войскамъ сдѣлана добыча. По приказанію князя Голицына былъ высаженъ на островъ витебскій мушкатерскій полкъ и 2000 пѣшихъ черноморскихъ казаковъ, гдѣ, соединясь съ днѣпровскимъ гренадерскимъ полкомъ, въ ночь на 31-ое Марта переправились на островъ противъ Браилова лежащій, учиня по данному сигналу на разсвѣтъ нападеніе на бывшее въ концѣ онаго укрѣпленія, которымъ при жестокомъ, три четверти часа продолжавшемся сопротивленіи, благополучно овладѣли съ истреб-

леніемъ бывшаго тутъ всего непріятельскаго войска до двухъ тысячъ человѣкъ янычаръ, не исключая и самого начальника.

Приближавшійся во время штурма къ городу флотъ нашъ „произвожденіемъ“ по нему, нижнимъ батареямъ и судамъ сильной пальбы, заставилъ обратить на себя вниманіе, отвлекая этимъ маневромъ „подаваніе“ помощи штурмуемому нами укрѣпленію; по овладѣніи ономъ съ малою со стороны нашей сухопутныхъ войскъ потерею, взято: байдаковъ 7, знаменъ 16, пушекъ 20. Взятые пушки были обращены тотчасъ же противъ городскихъ батарей и судовъ, изъ которыхъ многія потоплены, а другія по сильномъ поврежденіи вытасчены на берегъ. По приказанію князя Голицына, 2-го Апрѣля сняты съ укрѣпленія пушки и оное сбито до основанія; 4-го поутру войско и флотъ приняли обратный путь, благополучно прибывъ.

Другимъ своимъ рапортомъ въ тоже черноморское правленіе генераль Дерibasъ доносить о своей побѣдѣ при Сулинь.

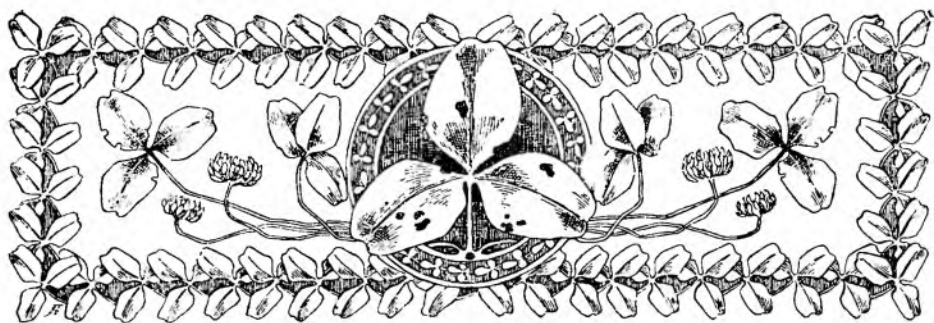
„Вчерашній день Богъ даровалъ вѣренной мнѣ гребной флотиліи совершенную побѣду надъ непріателемъ, стоявшимъ при устьяхъ Сулинскаго гирла и препятствовавшимъ входу нашему въ Дунай.

„Высаженныя десантныя войска, наступа на нихъ мужественно, овладѣли двумя батареями на южномъ и западномъ берегахъ онаго гирла утвержденными. Изъ числа защищавшихъ сіи укрѣпленія непріятельскихъ судовъ одна бомбарда взорвана, 7 транспортовъ остались намъ въ добычу, а послѣднія 23 судна стремительно прогнаты вверхъ по Дунаю.—На батареяхъ досталось намъ пушекъ: мѣдныхъ 7, чугунныхъ англійскихъ 24, фунтовыхъ 6, да изъ взорванной бомбарды получено чугунныхъ же 4, сверхъ сего не мало число военныхъ снарядовъ.

„По совершеніи сего пораженія всѣ суда гребной флотиліи благополучно, въ стройномъ порядкѣ и безъ малѣйшаго поврежденія, вошли въ Дунай. Бури, которыя они претерпѣли, проходя море, ясно доказываютъ крѣпость ихъ состава, а сіе свидѣтельствуеетъ полное искусство строителей оныхъ; въ чемъ имѣю долгъ отдать истинную справедливость“.

В. Голубевъ.

СЕРЕБРО ВЪ ОСЕТИИ

(Къ исторіи горнопромышленности на Кавказѣ).

Добыча металловъ на потребности государственныя интересовала съ давнихъ поръ Московское правительство. Еще въ 1491 году, великій князь Іоаннъ Васильевичъ III посылалъ трехъ „нѣмчинъ“ Олберта изъ вольнаго города Любека и еще Ивана да Виктора, „серебряныхъ мастеровъ“, въ дальнюю Печору, на сѣверъ р. Цимлы, отыскивать серебряную и мѣдную руды. При Іоаннѣ IV именитые люди Строгоновы разрабатывали горныя богатства Урала. Съ покореніемъ Сибири начались розысканія рудъ въ этой богатой области. Но о рудныхъ богатствахъ Кавказа у насъ долго не было извѣстно, хотя сѣверная часть его считалась въ подданствѣ Русскаго царя съ 1552—59 гг. Только въ 1625 году Терскій воевода сообщилъ посольскому приказу объ оказавшейся „въ землицѣ Абаса“ (Осетіи) серебряной руды¹⁾. Вслѣдствіе этого въ 1628 году Московскимъ правительствомъ были командированы на Кавказъ два „нѣмчина“, Самуиль Фричъ и Іоганъ Герольдъ осмотрѣть эту мѣстность, какимъ путемъ оттуда руду добывать и доставлять въ Россію можно. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы заняться порученнымъ имъ дѣломъ, они, по излюбленной всѣми Нѣмцами привычкѣ, стали высматривать и дознавать, — велика ли военная сила Русскихъ на Кавказѣ, сколько содержится войска, гдѣ поселены казаки, каково живутъ они и сколь преданы своему государю. По прибытіи въ Москву, ученые изслѣдователи представили посольскому приказу докладъ не о способахъ и возможности добычи и доставки отысканной серебряной руды, а о томъ, какъ прочнѣе должно утвердить тамъ государственную власть, совѣтуя царю для лучшаго и надежнаго подчиненія Гребенскихъ казаковъ Терскому воеводѣ, построить,

¹⁾ Моск. архив. М-ва иностр. дѣлъ, Кабардин. стол., карт. 5, № 2.

среди ихъ городковъ, на устьѣ р. Сунжи русскій острогъ, иначе говоря, требовали отъ русскаго правительства наложенія на тамошнее казачество властной руки, съ цѣлью подавленія вѣковой ихъ самобытности, лихости, отваги и вольнаго боевого духа, столь страшнаго „дисциплированнымъ“ равеніями и стройностью европейцамъ. Возможно, что это закрѣпощеніе предлагалось ими не съ злыми намѣреніями, но оно наводитъ на мысль, что уже 300 лѣтъ назадъ въ Пѣмцахъ воспитывалась закваска нынѣшней прусской субординаціи и казармщины!..

Такимъ образомъ попытка къ отысканію благородныхъ металловъ на Кавказѣ не увѣнчалась успѣхомъ, а извѣстія о томъ канули въ Лету. Даже Петръ Великій, заботившійся о добычѣ золота на Алтаѣ (въ Сибири) и на старомъ руслѣ Аму-Дарьи въ Хивинскихъ владѣніяхъ, не зналъ, повидимому, о существованіи серебряной руды на Кавказѣ. По крайней мѣрѣ, побывавши въ 1722 г., при слѣдованіи въ Персидскій походъ и обратно, на Терекъ, онъ не обратилъ своего прозорливаго взора на это нужное для государства дѣло. Также и во все время его царствованія не было сдѣлано никакихъ распоряженій о серебронахожденіяхъ въ горахъ Осетии. Знаи онъ это обстоятельство ранѣе, безъ сомнѣнія, не утерпѣлъ бы со свойственной ему энергичной предприимчивостью, употребить все мѣры къ розыску и добыванію этого благороднаго металла для обогащенія государства и развитія на Кавказѣ торговли и промышленности, ибо указанная руда, кромѣ серебра, имѣла значительную долю свинца и цинка, такъ необходимыхъ, особенно въ то время, Петру для военныхъ цѣлей. И только въ царствованіе Екатерины II снова удалось напасть на слѣды, повидимому, довольно обширныхъ серебро-свинцовыхъ залеженій въ той же самой Осетии, гдѣ они были найдены въ 1625 году и о которыхъ вѣдали еще древніе греки, а позднѣе грузины. Бергъ-коллегія намѣревалась было приступить къ разработкѣ ихъ, не взирая на несовершенство тогдашнихъ путей сообщеній на Кавказѣ и безпокойнаго состоянія горскихъ племенъ. Но боязнь навлечь подозрѣнія со стороны Порты Оттоманской заставили правительство отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго времени. Нижеприводимый рекриптъ особенно подчеркиваетъ эти турецкія препятствія во всѣхъ нашихъ тамъ начинаніяхъ, продолжающіяся, кстати сказать, до настоящаго времени путемъ агитированія среди безпокойныхъ горцевъ турецкихъ эмиссаровъ, влѣдствіе чего рудниковая разработка кавказскихъ горъ остается въ зачаточномъ состояніи.

П. Ю.

* * *

Божіею милостію Мы, Екатерина вторая, Императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему астраханскому губернатору ген.-м. Бекетову.

Прилагается при семь копія съ присланнаго изъ нашего Сената въ нашу коллегію иностр. дѣлъ, отъ 14 Маія сего. 1767-го года, указа, изъ которой все усмотрите о учиненномъ въ Сенатѣ опредѣленіи, по представленію во оной Бергъ-коллегіи, поводъ, отъ вашего ей представленія возымѣвшій, чтобъ находящіеся въ Осетіи рудники чрезъ нарочно посылаемыхъ туда горныхъ офицеровъ осмотрѣть и потомъ, когда выгодными найдутся и никакихъ препятствій не будетъ, и дѣйствительно пользоваться.

Основанія къ тому предпріятію, Бергъ-коллегіею возбужденія, слѣдующія.

1-е. Что присланныя отъ васъ тамошнимъ рудамъ пробы, полученныя отъ Кизлярскаго коменданта ген.-м. Потапова, а ему представленныя отъ опредѣленнаго въ Осетію для проповѣди христіанскаго закона архимандрита грузинца Григорія, найдены уже почти ни чѣмъ неубожѣ Нерчинскихъ, какъ въ серебрѣ, такъ и въ свинцѣ, и потому, а особливо, что Осетія лежитъ при Кавказскихъ горахъ, тамошнія мѣста къ содержанію рудъ по горнымъ примѣчаніямъ весьма надежными и почитаемы быть должны.

2-ое. Что, будучи Осетинская земля, по Россійской картѣ, назначена прилежащею къ рѣкамъ Сулаку и Тереку, хотя бѣ тамъ и совсѣмъ лѣсовъ не находилось, но способная коммуникація есть, оными рѣками до Каспійскаго моря, а чрезъ море и въ Волгу до лѣсистыхъ мѣстъ, —добывается, слѣдовательно, въ Осетіи руда и перевозима быть можетъ безъ всякаго затрудненія вольными наемными людьми, и для сженія угля работныхъ людей переселять не будетъ нужды. А при такихъ обстоятельствахъ ни великаго иждивенія, ни затрудненія въ семъ предпріятіи не предвидится, когда надобны только люди для добычи рудъ, которыя работы подъ присмотромъ пристойнаго числа горныхъ служителей, такъ же вольными наемными людьми производить будетъ удобно, а можетъ быть и самые тамошніе жители, хлѣбомъ ли, нужными ли для нихъ вещами, или деньгами къ доставанію рудъ возбуждятся и пріобучатся. но хотя бы и своихъ туда переселить; однако жъ и въ такомъ случаѣ Нерчинскаго несравненно способнѣе. въ разсужденіи водяной коммуникаціи и дешевизны въ содержаніи, ибо

тамъ цѣлая четверть муки, то самое стоитъ будетъ, что въ Нерчинскѣ осмина, почему польза изъ тамошняго добыванія можетъ предъ Нерчинскими несравненная быть, единственно и по великому въ рудахъ содержанію свинца, въ которомъ, какъ извѣстно, Россія недостаточна, и которой, конечно, привозъ и добычу замѣнить можетъ, полагая цѣною противъ того, какъ нѣмецкій здѣсь покупается, по основаніи же дѣла, и гораздо дешевле иногда становится будетъ. Такимъ образомъ, серебро останется въ барышахъ, толь напаче, что только извѣстно, провозъ отъ Сулака до Царицына не болѣе двадцати коибекъ становится; а лѣса и ниже Царицына по Ахтубѣ и другимъ рѣкамъ, близъ Волги, есть.

3-е. Что тамошніе народы находятся въ нашемъ подданствѣ; слѣдовательно никакого отъ нихъ помѣшательства въ произведеніи рудныхъ работъ и ожидать не можно, а хотя бы, по сродному азіанамъ легкомыслію, и могли какія опасности случиться, но уповательно и малая регулярныхъ войскъ команда къ прикрытію работъ довольна, потому что народы въ оныхъ мѣстахъ, по большой части, малосильные и между собою несогласные, а къ тому же близъ тѣхъ мѣстъ живущіе Калмыки, донскіе и гребенскіе казаки всегдашнюю сего предпріятія защиту быть могутъ.

Отъ сихъ походовъ, принятыхъ Бергъ-коллегіею произошло уже и Сенату отъ нея представленіе о предписаніи вамъ прилежно развѣдать, нѣтъ ли въ тамошнихъ мѣстахъ бѣглыхъ Русскихъ людей, по нынѣшней ревизіи оказавшихся, или въ прежнія извѣстныхъ и тамъ кроющихся, коихъ бы, приманя, въ работу употребить было можно, чтобъ, не выводя изънутри Государства людей, чаемую пользу дѣйствительно пріобрѣсть, равнымъ образомъ перевозъ оттуда въ Волгу рудъ, а туда провіанта на казенныхъ ли, или партикулярныхъ судахъ способіе быть можетъ, и тамошнія рѣчки до впаденія въ Терекъ-рѣку могутъ ли подымать хотя мелкія суда, чтобъ руды отъ мѣста къ Кизлярской крѣпости перевозить возможно было; и наконецъ, чтобъ для осмотра какъ осетинскихъ горъ, такъ и другихъ около Терека, и которыя къ Кизлярской крѣпости по водяной коммуникаціи ближе, когда явнымъ образомъ того, по какимъ либо обстоятельствамъ наполнить не можно, дано было бы горнымъ офицерамъ наставленіе, эскортъ и способы.

Сенатъ, согласившись нынѣ при первомъ случаѣ на то только, чтобъ отправить нарочныхъ на обысканные рудники, единственно для освидѣтельствванія, въ какомъ они точно состояніи находятся, и какія способности и неудобства съ выработываніемъ рудъ сопряжены, но пріемля при томъ въ разсужденіе и смежность сихъ рудниковъ съ та-

мошными азіатскими народами, препоручилъ вамъ на требованіе Бергъ-коллегіи сдѣлать ваши примѣчанія, при осмотрахъ, однако жъ, принять такія мѣры, чтобъ сосѣдственнымъ народамъ не подать повода къ какому либо неудовольствію и огорченію, и для того и Коллегіи иностран. дѣлъ препоручилъ же, по свѣдѣніямъ ея о заграничныхъ обстоятельствахъ, и соображая въ томъ пользу государственную, надлежащее и отъ себя, ежели за нужное найдетъ, дать вамъ наставленіе.

Безъ сомнѣнія, вы, имѣвъ уже довольно времени и случаевъ получить свѣдѣніе, какъ о положеніи и состояніи Осетинцевъ, такъ и другихъ въ Кавказскихъ горахъ живущихъ народовъ, потому ваши для Бергъ-Коллегіи примѣчанія и расположите, при чѣмъ не безнужно вамъ будетъ предворительно возымѣть сношеніе и съ Кизлярскимъ Комендантомъ, по всегдашнему его съ оными народами обращенію. Но что вы въ Бергъ-коллегію ни напишите, со всею тою и въ Коллегію иностр. дѣлъ имѣете прислать точную копію. Между тѣмъ дабы сіе съ одной стороны полезное, повидимому, намѣреніе, буде не для настоящаго времени, то для будущаго удобнѣйшаго, а съ другой, при произведеніи своемъ въ дѣйство, не только нынѣ но и впредь всегда многихъ предосторожностей требующее, исполнено было, такимъ образомъ, чтобъ пріемлемая къ тому нужда и при самомъ первомъ случаѣ чинимыми отъ тамошнихъ, какъ своевольныхъ, народовъ препятствіями вовсе уничтожена не была, въ Коллегіи иностр. дѣлъ за нужное найдено дать вамъ знать нынѣ же о ея въ семь случаевъ разсужденіяхъ, для употребленія оныхъ, при расположеніи тѣхъ изъясненій, которыя отъ васъ требуются.

Утвержденіе Бергъ-коллегіи о могущихъ быть въ Осетіи выгодныхъ рудниковъ, основанное на опытахъ полученныхъ оттуда пробъ и гористаго мѣстоположенія, чтобъ не было справедливо,—ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ.

Кизлярскій Комендантъ въ подтвержденіе сего доносилъ въ нашу Коллегію иностр. дѣлъ отъ 4-го Декабря прошлаго 1766-го года, по объявленію помянутаго архимандрита Григорія, который оныя пробы сыскалъ, а ему по сообщенію отъ новокрещенаго осетинскаго старшины, называемаго Давыда Маміева,—будто изъ тамошнихъ мѣстъ уже и покойный грузинскій царь Вахтанъ, въ Россіи скончавшійся, когда владѣлъ Грузіею, серебряной руды великое количество получалъ; но что потомъ никто объ оной извѣстенъ не былъ, чрезъ долгое время и по самое минувшее лѣто, а тогда нынѣшнему грузинскому царю Ираклію удалось сыскать только человѣка, который и мѣсто ея знаетъ и искусство въ металахъ имѣеть, почему нѣсколько пудъ и получилъ чрезъ тайное онымъ употребляемымъ къ тому человѣкомъ доставленіе.

При томъ архимандритъ Григорій отъ того жъ старшины слышалъ, что тамошняя руда состоитъ не только въ серебрѣ, но и въ золотѣ.

Но одно сіе Бергъ-коллегін разсужденіе сколь основательно, столь прочая ея заключенія ни съ состояніемъ тамошнихъ народовъ, ни съ положеніемъ тамошнихъ мѣстъ совсѣмъ несходны.

Она почитаетъ, что Осетія прилегла къ рѣкамъ Тереку и Сулаку и что потому и способная коммуникація оттуда оными рѣками, въ Каспійское море впадающими и въ Волгу есть, слѣдовательно добываемая въ Осетіи руда и перевозима быть можетъ вольными работниками безъ всякаго затрудненія; напротивъ того положеніе Осетіи за Малою Кабардою и отъ рѣки Сулака въ дальнемъ разстояніи, а тамошнія руды, сколько изъ вышесказаннаго объявленія архимандрита Григорія разсуждать можно, ближе къ Грузіи, нежели къ здѣшнимъ границамъ; рѣка жъ Терекъ хотя чрезъ Малую Кабарду протекаетъ и потому, правда, недалеко отъ осетинскихъ жилищъ,—но она тамъ такъ мелка, что вездѣ находятся свободные броды и ни малѣйшаго судна поднять не можетъ; всѣ жъ прочія изъ горъ въ нее впадающія рѣчки, яко каменистыя и потому съ великимъ стремленіемъ текущія, и того мелче, и ни одной такой нѣтъ, которая удобна была бъ для водяной коммуникаціи. А Терекъ, хотя ниже Малой Кабарды и довольно глубину получаетъ, по теченіе и сей рѣки столь быстрое, что гребенскіе казаки на своихъ малыхъ лодкахъ едва противъ воды плыть могутъ, почему привозимый напередъ сего изъ Астрахани для Кизляра моремъ провіантъ, хотя отъ морского берега до сей крѣпости самое малое разстояніе, и рѣка Терекъ чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ шире, а потому и тише въ теченіи своемъ становится,—съ превеликимъ трудомъ доставляемъ былъ. Свободному же по сей рѣкѣ ходу не только противъ воды, но и по водѣ много и то препятствуетъ, что она чѣмъ выше, тѣмъ больше потопшимъ лѣсомъ наполнена.

Какой недостатокъ въ вольныхъ рабочихъ въ Кизлярѣ и въ Гребенскихъ казачьихъ городкахъ, гдѣ всѣ жители состоятъ изъ дѣйствительно военно-служащихъ, всегда въ своихъ должностяхъ употребляющихся, и изъ невеликаго числа Армянъ, Грузинцевъ и Татаръ, ни къ чему ненадежныхъ, а толь меньше къ работамъ удобныхъ, вамъ болѣе веѣхъ извѣстно, ибо, сдѣлавъ вы въ 1765 году нашему сенату о заведеніи городковъ между Астраханью и Кизляромъ и новой дороги предъ нынѣшнею удобнѣйшей представленіе, въ то жъ время доносили, что не только въ Кизлярѣ, но и во всей Астраханской губерніи вольныхъ людей къ работѣ ни за какія деньги отыскать не можно, упражняясь сверху приходящіе болѣе въ ловлѣ рыбы, которая работа для нихъ легче, обыкновеннѣе и не мало прибыльна; да и для той, однако

жъ, меньше ихъ приходитъ, нежели сколько тамошнее пространство водъ требовало бъ, и такъ испрашивали вы для исправленія оныхъ работъ двухъ полковъ.

Награжденіе сего недостатка, по мнѣнію Бергъ-коллегии, переселеніемъ туда потребнаго числа людей, возбужденіемъ и приобученіемъ къ тому тамошнихъ горскихъ жителей, употребленіемъ могущихъ тамъ найтись бѣглыхъ Россіянъ—или трудно и убыточно, или совсѣмъ невозможно.

Весьма печально, чтобъ могли быть около Кизляра бѣглые Россіяне, по прежнимъ ревизіямъ и по нынѣшней оказавшіеся, но ежели разумѣются подъ симъ бѣглецы съ Дону и съ Терека, живущіе иногда близко развалинъ древняго города Мажаръ, лежащаго въ вершинахъ Кумы-рѣки, въ тамошнихъ почти непроходимыхъ лѣсахъ, потому и „Черными“ называемыхъ, то скорѣе тамошніе старинные жители-варвары,—къ перемѣнѣ настоящаго образа ихъ житія склонены и приведены быть могутъ, нежели оныя, въ лѣсахъ скитающіеся, люди, по большей части, раскольники.

Какъ по своевольству кубанскихъ жителей и другихъ тамошнихъ народовъ, къ хищеніямъ и грабительствамъ склонныхъ, несмотря на то, что Кубанцы счисляются въ турецкомъ подданствѣ и заключенной съ Портою Оттоманскою миръ продолжается, нерѣдко опасности случаются о нападеніи отъ нихъ въ сообществѣ съ горскими народами, хотя и не подданными турецкими, но иногда по какому либо мнимому со здѣшной стороны неудовольствію, къ нимъ пристающими, а иногда и надеждою только добычи къ тому жъ возбуждаемыми, не только на Гребенскіе казачьи городки, которыхъ жители, яко военные люди, отпоръ учинить имъ и сами могутъ, но иногда сомнѣнія задаются, чтобъ и до самыхъ Кизлярской крѣпости предметій набѣги ихъ не распространились, чему былъ примѣръ и недавно въ 1765-мъ году,—то, поселяя въ такой сторонѣ работниковъ, необходимо должно было бъ не только ихъ жилища укрѣпить, но и всегда въ оныхъ содержать и гарнизонъ достаточный.

Башкиры, которые, какъ извѣстно, давно въ нашемъ подданствѣ находятся и отъ другихъ азіатскихъ народовъ учрежденными, по границѣ Оренбургской губерніи, крѣпостями и форпостами отрѣзаны,—при случаѣ бывшаго отъ нихъ на послѣдокъ въ 1755-мъ году возмущенія, между другими причинами, предъявили и заведеніе на ихъ землѣ горныхъ заводовъ. Можетъ ли потому статья, чтобъ жители Кавказскихъ горъ, которые не только не умѣреннѣе Башкирцевъ, но еще продерзостнѣе, надѣясь на крѣпость своихъ жилищъ, и несравненно многочисленнѣе, могли употребить себя въ горныя работы, или и

смотрѣть съ равнодушіемъ на производимыя другими руками. Пускай Осетинцы, у которыхъ проповѣдь христіанскаго закона происходитъ, и они къ здѣшной сторонѣ ласкаются, охотно на одно поступили и на другое дозволили бѣ, но ихъ число самое малое. Напротивъ того живущихъ въ сосѣдствѣ ихъ разныхъ народовъ великое, которыхъ страхъ, чтобъ не быть чрезъ то приведенныхъ въ здѣшнее подчиненіе, — можетъ заставить совокупно и упорствовать, а изъ того необходимо нужда и вышла бѣ, или къ великому здѣшнему предосужденію занятія мѣста оставить, или великою силою съ убыткомъ и съ крайнимъ трудомъ удерживать умалчивается. При томъ, какимъ непреодоленнымъ трудностямъ подвержена и возка руды до Кизляра, особливо сухимъ путемъ, если дѣйствительно Терекъ способный къ тому не найдется; не только при случаѣ происходящаго въ тамошнихъ народахъ общаго разврата, но и всякое другое время, ибо и нынѣ ниже на нѣсколько верстъ безъ довольнаго конвоя никому отъ находящихся въ тамошней странѣ форпостовъ отлучится не можно.

Но полагая, чтобъ ничего такого не произошло, и не только Осетинцы, но и другіе тамошніе народы охотно употребили себя въ горныя работы; потому какъ они тому обучились бы и увидѣли происходящую изъ того пользу, повѣрить невозможно, чтобъ они не захотѣли лучше сами собственно тѣмъ пользоваться, нежели другимъ пользоваться допускать.

Такимъ образомъ, хотя бы и удалось съ успѣхомъ тамошнія работы начать, но продолженію оныхъ можетъ по времени воспрепятствовано быть отъ зависти.

Буде правда, что нынѣшній грузинскій царь Ираклій находящіяся въ Осетіи руды достаетъ, то не иначе какъ для того самого онъ и дѣлаетъ сіе тайно, чтобъ и впредь сей источникъ для него запертъ не былъ.

Всѣ сіи препятствія и трудности предполагаются, однако жъ, въ такомъ случаѣ, ежели бѣ Осетинцы и смежные съ ними народы, а особливо Кабардинцы, счислялись въ нашемъ подданствѣ, ибо и подданные тамошніе больше именемъ, нежели дѣломъ. Но объ Кабарды, напротивъ того, то есть Большая и Малая, по заключенному въ 1739-мъ году съ Портою Отоманскою трактату, оставлены между обѣими имперіями за баріеру, и тамошній народъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ. Осетинцы, хотя и называютъ себя свободными, да и по развѣдываніямъ такимъ оказываются, однако жъ, по малосилію ихъ, а превозможенію надъ ними Кабардинцевъ, сіи послѣдніе утверждаютъ, что и Осетинцы имъ подчинены, такъ какъ и другіе нѣкоторые окольные имъ малосильные народы, отъ которыхъ они и дѣйствительно податъ собираютъ, а и отъ Осетинцевъ иногда вымогаютъ же.

Осетинцы хотя давно просятъ, чтобъ они приняты были прямо въ нашу протекцію и отъ причиняемыхъ имъ отъ Кабардинцевъ утѣсненій защищены, но на сіе не поступаетъ для того, что изъ того очень мало было бѣ пріобрѣтенія, а великое, по положенію ихъ жилищъ въ горахъ, затрудненіе въ ихъ оборонѣ, безъ чего, однако же оставить было бѣ уже нельзя; при всемъ томъ подалась бы и Портѣ Оттоманской напрасная причина къ неудовольствію и подозрѣнію.

Вы изъ отправленнаго изъ нашей Коллегіи иностр. дѣлъ въ Астраханскую губернскую канцелярію, отъ 29-го Маія 1764-го года, указа обстоятельно уже видѣть могли о происходившихъ при ней Портѣ отъ Крымъ-Гирея, Хана Крымскаго, который предъ Селимъ-Гирѣемъ недавно смѣненнымъ былъ, — представленіемъ, будто со здѣшней стороны ищется Кабардинцевъ привести въ наше подданство, и что Малой Кабарды жители дѣйствительно уже покорены, а дабы Большой Кабарды жителями владѣть, начаты оныя утѣсняемы быть поселеніемъ на горѣ такъ называемой Кучукъ-Едбрузъ многихъ духовныхъ персонъ подъ видомъ пустынниковъ, точно разумѣя подъ тѣмъ опредѣленныхъ къ проповѣди христіанскаго закона, которые на земляхъ, принадлежащихъ къ Малой Кабардѣ, но смежныхъ къ Осетинскимъ жилищамъ и то, по дозволенію владѣльца онаго мѣста, небольшое только подворье съ такою же церковью имѣютъ.

Изъ того жъ указа вамъ извѣстно и о содержаніи уже учиненнаго противъ того со здѣшней стороны изъясненія, что Осетинцы были напредъ сего христіанскаго закона и сами просили о наставленіи ихъ въ томъ и что не могло имъ, какъ вольному и не отъ кого независимому народу, быть отказано, не наруша правилъ въ такихъ случаяхъ, во всѣхъ законахъ наблюдаемыхъ, равномѣрно, какъ и сама Порта не иначе поступила бѣ, буде бы изъ находящихся въ горахъ никакого закона неимѣющихъ вольныхъ народовъ, которой либо предъявилъ желаніе къ принятію магометанскаго; и что наконецъ тѣ духовныя персоны живутъ, по большей части, въ Кизлярѣ, а въ Осетинскій народъ ѣздятъ временно; а буде на нѣкоторое у нихъ и остаются, то ихъ состояніе, да и небольшое число казаковъ, не болѣе какъ отъ трехъ до десяти человѣкъ простирающееся, которые иногда даются имъ для безопасности въ проѣздахъ, — не должны производить никакого сомнѣнія.

Сей случай припамятывается здѣсь для того, что когда бытность въ Осетіи нѣсколькихъ духовныхъ могла оставлена быть съ Крымской стороны безъ примѣчанія, толь меньше предприемлемы тамъ черныя работы безъ того останутся.

Одно заведеніе при урочищѣ Моздокѣ, которое лежитъ на рѣкѣ Теркѣ гораздо ниже Кабардинскихъ жилищъ, и на одной сторонѣ съ Гребенскими казачьими городками и съ Кизлярскою крѣпостью. новаго селенія изъ новокрещенныхъ горскихъ жителей. къ сему неоспоримое право находится и по дѣйствительной принадлежности сего урочища къ здѣшнимъ границамъ и по находящемуся въ трактатѣ условію, чтобъ и обоюдныхъ подданныхъ за перемѣною въ другой сторонѣ природнаго своего закона не возвращать, — довольно было уже Кабардинцевъ, для того только, что оное не далеко отъ ихъ жилищъ привести въ смущеніе, безпокойство и самый развратъ, и въ томъ и по сіе время содержать. Въ какое слѣдовательно движеніе не могутъ они прійти, видя занятіе мѣсть и въ Осетіи, какъ такомъ народѣ, которой они себѣ, хотя и безъ всякаго права, однако же присвоятъ.

Вообще всѣ, въ Кавказскихъ горахъ живущіе, народы къ своей вольности — ревностны и подозрительны. по малѣйшимъ поводамъ, а Кабардинцы больше всѣхъ. Хань же Крымскіе, всѣ безъ изъятія, искательны имѣть ихъ къ себѣ, по ихъ отмѣнной предъ другими тамошними народами храбрости, доброжелательными, преклонными и, буде возможно, и подчиненными, и для того не только въ принимаемыхъ ими къ здѣшней сторонѣ неудовольствіяхъ подкрѣплять, но и возбуждать ихъ стараются, примѣчая всѣ здѣшніе поступки въ разсужденіи сего народа, а потому и прочихъ тамошнихъ съ крайнимъ прилежаніемъ, и представляя оныя всегда при Портѣ Оттоманской съ увеличеніемъ и съ противными внушеніями. такъ что заставили уже на послѣдокъ и Порту, которая напредъ сего объ нихъ мало и думала, дѣйствительно заботиться о охраненіи ихъ вольности, чему доказательствомъ есть вышеприведенный случай о пребываніи немногихъ духовныхъ персонъ въ Осетіи, а еще больше заведенное при урочищѣ Моздокѣ селеніе, отъ котораго не только Кабардинцы, какъ выше сказано, встревожились и еще тревожатся, но и бывшій Крымъ-Гирей ханъ, по ихъ проискамъ, представилъ и Портѣ Оттоманской опаснымъ и дальновиднымъ, которая едва могла быть, по многимъ съ здѣшней стороны изъясненіямъ и возраженіямъ наведенныхъ подозрѣній, успокоена, и что не иначе, какъ со обнадеживаніемъ, что тутъ намѣренія нѣтъ строить, какъ ханъ ей представлялъ, крѣпости, и никогда построена не будетъ.

Время окажетъ, не произойдетъ ли отъ нея и впредъ о томъ какихъ либо отзывать, ежели она, послѣ учиненныхъ изъясненій, остается понынѣ въ молчаніи не по совершенному оныхъ удостовѣреній, а по какимъ либо своимъ видамъ, хотя въ самомъ дѣлѣ при поселеніи въ Моздокѣ никакихъ казистыхъ укрѣпленій и не сдѣлано,

При такихъ многихъ вмѣстѣ сошедшихся обстоятельствахъ, а всѣхъ уваженія достойныхъ, ибо каждое почти непреодолимое препятствіе полагаетъ пріемлемому намѣренію находящимся въ Осетіи металлами пользоваться, то есть: при худой водяной коммуникаціи, опасности дорогъ, своевольствѣ тамошнихъ народовъ. ревности ихъ къ своей вольности и строгомъ примѣчаніи за здѣшними поступками, не только хановъ крымскихъ, но и самой Порты Оттоманской, едва ли возможно и малѣйшую надежду имѣть, чтобъ въ настоящее время великій въ томъ успѣхъ былъ.

Ниже тогда, когда тамошніе народы въ здѣшнемъ подданствѣ считались бы, а захотѣли бь однако жь работамъ препятствовать, было бь возможно, какъ Бергъ-Коллегія разсуждаетъ. защищать оныя Донскими и Гребенскими казаками и Калмыками. Между Осетіи и жилищъ Донскихъ казаковъ разстояніе превеликое, а Калмыки по зимамъ хотя недалеко отъ Кизляра по Кумь-рѣкѣ кочуютъ. однако жь отъ Осетіи не такъ близко, чтобъ тотчасъ употреблены быть могли. Гребенскіе казаки и безъ того несутъ претягостную службу, прикрывая Моздокъ и другія тамошнія мѣста, работы же при всемъ томъ имѣли бь быть внутри горъ, куда входъ и малое число людей великому препятствовать можетъ.

Защита и Кизлярскаго края, при нынѣшнемъ Кабардинскаго народа за поселеніе при Моздокѣ развратѣ и происходящихъ съ Кубани, по ихъ же возбужденію, воровскихъ набѣгахъ, будучи соединена съ великими затрудненіями, ибо заблаговременно то Донскихъ казаковъ, то Калмыкъ въ прибавокъ къ Гребенскимъ наряжать и въ тамошнихъ пустыхъ мѣстахъ чрезъ долгое время содержать надобно, — востребовалась бы, конечно, при всеобщемъ многихъ тамошнихъ народовъ возмущеніи, которыя сколько бь ни были несогласны, легко согласиться могутъ для защищенія своей вольности, а особливо когда будетъ имѣть не только возбужденіе, но и подкрѣпленіе отъ Порты Оттоманской, и — цѣлая армія для преодоленія горъ и стремнинъ.

Соображая могущую быть прибыль отъ находящихся въ тамошнихъ мѣстахъ рудъ съ тѣми затрудненіями, какія при томъ неминуемо встрѣтятся должны, какъ по состоянію народовъ такъ и по политикѣ турецкаго двора, которой никогда допустить не можетъ, чтобъ съ нашей стороны какое либо занятіе внутри Кавказскихъ, а особливо Кабардинскихъ жилищъ сдѣлано было, едва ли она когда либо наградить можетъ убытки войны Турецкой, легко отъ того произойти могущей.

Въ нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ уже и предъ симъ извѣстно было о изобиліи рудъ, въ Осетіи содержащихся, но какъ

есть дѣла, всю пользу свою получающія отъ скорости, и есть дѣла, тою же самою скоростію повреждаемыя. Напротивъ того, отложеніемъ до удобнѣшаго времени, съ удачностію и съ успѣхомъ производимыя, то изъ такого свѣдѣнія никакого употребленія понынѣ и не сдѣлано, а довольствовалось для переду о томъ помнить.

Щастливая только война съ Портою Оттоманскою, начинаемая когда либо со здѣшной стороны, по важнымъ причинамъ, или съ ея стороны объявляемая, по какимъ либо намѣреніямъ,—можетъ облегчить предпріятіе горныхъ работъ какъ въ Осетіи, такъ потомъ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, ибо для того надобно будетъ при воспослѣдуемомъ мирѣ употребить все стараніе, выговорить въ здѣшнее подданство Кабардинскій народъ, какъ въ тамошней сторонѣ знатнѣйшимъ почитаемый, и примѣру котораго и другіе слѣдуютъ, а между тѣмъ при началѣ войны и въ продолженіе при Моздокѣ, гдѣ жители время отъ времени умножиться могутъ, и сіе мѣсто усилить, заложить и содержать крѣпость, и впредь всегда оную содержать для лучшаго ихъ и прочихъ тамошнихъ народовъ обузданія и повиновенія.

Тогда можетъ быть кромѣ сего намѣренія и къ другимъ полезнымъ распоряженіямъ и заведеніямъ случаи и способы окажутся, которыя теперь неизвѣстностію будущаго времени покрыты, потому, буде можно, что сдѣлать нынѣ, то развѣ только то одно, чтобъ тамошнія мѣста, какъ нашимъ сенатомъ уже опредѣлено, чрезъ наряженныхъ туда офицеровъ точно осмотрѣть, дабы совершенно узнать, поколику они достойны, чтобъ ихъ и при удобнѣйшемъ времени занимать и чаемалъ отъ нихъ польза можетъ ли награждать и превосходить употребляемое на то иждивеніе.

Вы, отправляя затѣмъ въ Осетію оныхъ, чрезъ Кизлярскаго коменданта, должны къ тому совсѣмъ другой претекстъ примыслить, или такой вымыселъ коменданту препоручить, по ближайшему его къ горскимъ жилищамъ пребыванію, сообщая ему для того копію съ сего рескрипта, а для указанія тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ Осетіи руды находятся, неминусемо надобно будетъ употребить архимандрита Григорія.

Но ежели, по осмотру, тамошнія руды окажутся весьма богатыми и добываніе ихъ самое легкое, могущее производимо быть немногими людьми, подъ видомъ другой работы и слѣдовательно и самымъ тамошнимъ жителямъ безпримѣтно, перевозъ же. (неразб.) и малѣйшія суда подымать могли сколько нибудь, употребляя, для предупрежденія всякаго въ Кабардинцахъ примѣчанія, дорогу къ тому не черезъ Малую Кабарду, но другую, изъ Осетіи же къ Тереку простирающуюся, ниже жилищъ оной Кабарды, а выше чеченскихъ, народа

Кумыцкаго, и хотя въ нашемъ подданствѣ находящагося, но своевольнаго, лютаго и главнѣйшее упражненіе въ воровствѣ и разбоѣ имѣющаго, а потому необходимую нужду укрытія и отъ нихъ такихъ перевозовъ полагающаго; однимъ словомъ, буде возможно тамошними, металлами пользоваться, какъ по сказкѣ архимандрита Григорія, пользуется уже Грузинскій владѣлецъ Праклій, то есть и легко, и непримѣтно, и (съ) прибылью, въ такомъ случаѣ оставалось бы, конечно, на то и согласиться о чемъ о всемъ, по собраніи потребныхъ къ тому извѣстей, имѣете вы представить въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, также и въ Бергъ-коллегію, для дальнѣйшаго по тому. .

. (нрзб.)

гдѣ и кромѣ Осетіи въ ближайшихъ къ Кизляру и къ Гребенскимъ казачьимъ городкамъ мѣстахъ, и слѣдовательно, уже въ нашихъ границахъ лежащихъ, жилыхъ и пустыхъ мѣстахъ обыскъ рудъ, по какимъ либо признакамъ или извѣстіямъ, ихъ тутъ найти, предпріять былъ, совсѣмъ тѣмъ производить то надобно также безпримѣтно и употребляя къ тому другіе же претексты, дабы и Кумыкъ, хотя въ нашемъ подданствѣ находящихся, но въ прочемъ своевольныхъ, преждевременно и напрасно такъ же не встревожить и на противности не обратить, къ вящему умноженію высокоумѣрности въ Кабардинцахъ и подкрѣпленію ихъ въ настоящемъ развратѣ. Данъ въ Москвѣ 5-го Декабря 1767-го года.

По Ея И. В-ва указу Гр. Н. Панинъ. К. А. Голицынъ.

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЪДНОСЦЕВА.

Петербургъ. 28 Юля, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Губернатора вашего, Н. П. Щепкина взяли отъ васъ, и, кажется, онъ совсѣмъ оставляетъ службу.

При отправленіи его въ Уфу я было надѣялся, что онъ тутъ утвердится и принесетъ пользу, дѣйствуя въ согласіи съ вами.

Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно жаловался на враждебное къ нему отношеніе тѣхъ же противуправительственныхъ силъ, съ коими и вы вели борьбу.

А со стороны слышны были жалобы на него, что онъ не умѣетъ поставить себя въ должныя отношенія къ мѣстному обществу и выказываетъ будто бы чрезъ мѣру либеральныя стремленія.

Что тутъ справедливаго и что слѣдуетъ отнести къ дѣйствию вражды и клеветы, не знаю. Но надобно полагать, что эти нареканія на него взяли верхъ и послужили поводомъ къ его увольненію.

Отъ васъ ничего я не зналъ о вашихъ къ нему отношеніяхъ и о вашемъ сужденіи относительно дѣятельности его. Теперь, когда его нѣтъ, мнѣ было бы желательно знать ваше мнѣніе объ немъ и о его управленіи. Я содѣйствовалъ назначенію его въ Уфу и теперь не знаю, правъ ли былъ я тогда, или неправы нынѣ тѣ, кои его осуждаютъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.... К. Побѣдоносцевъ.

Конфиденціально.

Уфа. 1883 г. Августъ.

Ваше высокопревосходительство.

Вашему высокопревосходительству угодно знать мое мнѣніе о Н. П-чѣ Щепкинѣ, какъ бывшемъ губернаторѣ, и его управленіи. Затруднительную вы задаете мнѣ задачу. Но я исполню ее по архіерейской совѣсти.

Общій отзывъ о немъ сразу дать я нахожу неудобнымъ. Начну съ фактовъ и прежде всего съ тѣхъ, которые мнѣ хорошо, непосредственно извѣстны.

Сперва съ фактовъ, характеризующихъ его отношеніе къ церкви, епархіальному вѣдомству и лично ко мнѣ самому. Простите. Такъ устроенъ міръ, что, когда ѣдешь на телѣгѣ, то представляется, будто самъ стоишь, а весь міръ вертится именно около тебя. Такъ и вообще, каждый изъ насъ вертится міромъ, ѣдетъ на вертящемся земномъ шарѣ, а представляется, будто не только вся земля, а и весь міръ вертится около меня, какъ центра. Трудно смотрѣть на бѣгъ міра иначе, какъ съ точки зрѣнія, на которой самъ стоишь въ видѣ озирающагося наблюдателя.

Разглядѣвъ Н. П. Щепкина въ свитѣ ревизовавшаго Уфу сенатора, М. Е. Ковалевскаго, я отнесся къ нему, Н. П-чу, съ особою симпатією, когда разобралъ, что онъ—тотъ самый Щепкинъ, что проживалъ нѣкогда въ Саратовѣ, откуда я имѣлъ о немъ, о его личныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ и во-первыхъ къ нынѣшнему владыкѣ, митрополиту московскому, свѣдѣнія благопріятныя. Прибывъ вторично въ Уфу въ качествѣ губернатора, онъ явился ко мнѣ съ визитомъ въ лентѣ, прося моего благословенія, передавъ мнѣ нѣкоторыя благопріятныя сообщенія отъ вашего лица, объяснивъ мнѣ, что „мы де съ Константиномъ Петровичемъ издавна вмѣстѣ за одно, вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ служили“ и т. п. Первое впечатлѣніе было весьма благопріятное.

Но скоро послѣдовали факты, которые повергли меня въ недоумѣніе, которые затѣмъ разъяснили свой настоящій характеръ больше и больше.

Выяснилось, что порядки богослуженія онъ знаетъ, какъ уроженецъ московскій. Онъ званивалъ даже на Ивановской колокольнѣ. Въ храмѣ Господнемъ стоитъ прилично, крестится истово; обнаружилъ съ своей стороны заботливость о порядкѣ немногихъ нашихъ крестныхъ ходовъ, подсказалъ, что было бы благолѣбно въ Великую пятницу переносить плащаницу изъ одной церкви въ другую, что прежде здѣсь не дѣлалось. Въ текущемъ году былъ съ супругою на утрени Великой субботы (на обѣднѣ не былъ). Но и только. Далѣе, на всенощныя ни онъ, ни жена не являлись никогда, ни даже на Рождество Христово. По воскреснымъ днямъ не являлись и къ обѣднѣ почти никогда. По высокаторжественнымъ днямъ являлись около херувимской, иногда значительно позже. На первыхъ порахъ онъ иногда ставалъ въ церкви среди народа, но какъ для этого все таки нужно было присутствовать въ церкви, то оставилъ. Не скажу, причащались ли они гдѣ либо; не слышалъ, не справлялся, но и не видѣлъ. Чиновники, повидимому, не говѣютъ. Въ день Крещенія ни онъ, ни жена не были ни на всенощной, ни на обѣднѣ, ни на водосвятии,—онъ по болѣзни. И никто изъ городскихъ чиновъ не былъ, хотя прежде и былъ держанъ разговоръ между нами объ этой небрежности. Н. П-чъ не принялъ никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Даже полиціймейстеръ отсутствовалъ. Не было даже военныхъ чиновъ. На пути къ водосвятию стоялъ самый незначительный взводъ солдатиковъ, да и тѣ почти всё изъ Татаръ, вообще изъ инородцевъ: все отдергиваютъ головы, когда ихъ кропятъ св. водой. Небреженіе дальше котораго идти нельзя. Военнымъ командирамъ я погрозилъ, что на будущее время донесу по начальству. Одинъ изъ командировъ—Полякъ, другой—Нѣмецъ. Полиція въ церкви стала небрежнѣе и неприличнѣе. Стоять неприлично, развалясь; никто почти изъ полицейскихъ не крестится; пробовали на моихъ глазахъ и разговаривать и гримасничать; видѣлъ самъ я полицейскихъ на виду народа, въ церкви полусидящими, съ руками сложенными а-ля Наполеонъ. Я не скрывая говорилъ и повторялъ: „настоящіе турецкіе кавасы, ходящіе въ церковь только наблюдать, чтобъ христіане не подрались, а сами не молятся“.—Въ прошломъ году происходило въ г. Уфѣ освященіе долго строившейся, каменной церкви во имя святаго Николая. На всенощную, наканунѣ освященія и воскреснаго дня, 4-го Декабря губернаторъ не пожаловалъ, ни самъ, ни жена; 5-го Декабря, въ воскресенье, на освященіе и литургію не пожаловали же; вечеромъ, на канунѣ Николина дня (день ангела Н. П-ча), на всенощную не пожаловали же; 6-го Декабря въ Николинъ день на обѣднѣ я увидѣлъ его (она не пожаловала), когда обратился къ народу съ возгласомъ: „Миръ всѣмъ“ по „Отче нашъ“. Изъ чиновъ никого почти

не было. За причастномъ подходитъ ключарь съ вопросомъ: „Кому прикажете подать просфору?“—Я отвѣтилъ: „Я живу здѣсь при третьемъ губернаторѣ. Первый (В. Д. Левшинъ) былъ истинно религіозный человекъ; бывало, придетъ самъ съ семействомъ, придетъ семейство вице-губернатора Бестужева; за ними тянутся другіе, и церковь порядочно полна. Другой (П. Пл. Шрамченко) не скрывалъ даже своего мало-вѣрія; но все же бывалъ въ церкви, даже обнаруживалъ нѣкоторую теплоту. Этотъ вотъ самъ ходитъ рѣдко и поздно; жена еще рѣже. А если пріѣдетъ четвертый губернаторъ, тотъ, вѣроятно, совсѣмъ уже перестанетъ бывать въ церкви. За ними потянутся и другіе. И пусть бы эти чины были отрѣзанный отъ народа ломоть, открытые безъисповѣдники. А то нѣтъ,—номинальные христіане. Въ высокосторжественный день св. Николая, особо чтимый во всей Россіи,—чиновъ почти никого. Губернаторъ появился къ концу обѣдни. Поистинѣ совѣстно, стыдно предъ народомъ просфору подать... Но... несите, подайте. Не дашь разъ, тогда нельзя будетъ давать никогда: самъ принимать не станетъ.“—Въ Уфѣ, какъ и по всѣмъ концамъ Россіи, издавна существовалъ обычай накануне Николина дня служить особія всенощныя по присутственнымъ мѣстамъ. Незадолго до прибытія Н. П-ча, вице-губернаторъ Бестужевъ говоритъ мнѣ, что его просили отмѣнить этотъ обычай,—не служить всенощной въ губернскомъ правленіи.—„Но я,—говоритъ,—отказалъ: не нами этотъ обычай заведенъ, не нами пусть и кончится.“—При Н. П-чѣ этотъ обычай сразу отмѣненъ; не слышалъ я, чтобъ эти всенощныя по присутственнымъ мѣстамъ служились въ прошломъ году. Воскресные да и праздничные дни у Н. П-ча превратились въ простые рабочіе дни; въ ветхомъ пиджачкѣ онъ сиживалъ въ эти дни въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (у самага входа, всегда раскрытаго настежь съ лѣстницы), занимаясь бумагами, принималъ чиновниковъ, какъ и въ будніе дни. Это и слышалъ я, и самъ видѣлъ. Такое трудолюбіе и недостоподражаемое усердіе къ службѣ не мѣшали однако же Н. П-чу и семейству его не пропускать ни одного театра, концерта, зрѣлища, какъ ни плохи эти вещи въ Уфѣ. Тутъ онъ покровитель и руководитель; а для церкви въ праздничные и воскресные дни онъ съ утра занятъ спѣшными дѣлами.—Слышалъ, не утверждаю, будто въ семейномъ кругу у нихъ позволялись и насмѣшки надъ предметами вѣры, надъ „попами“ и т. п. Единственная дочь ихъ, лѣтъ 30, дѣва, курсистка, завѣдомая спиритка, убѣжденій неопредѣленныхъ, поведения не скандальнаго, но оригинальнаго, ѣздила изъ Уфы верстъ за 70 одна къ какой-то подругѣ, подобной же, въ гости; теперь весною, послѣ какой-то семейной драмы,

уѣхала изъ дома родительскаго въ Петербургъ, повидимому, чтобы не возвращаться.

Подобнымъ же образомъ не только неопредѣленны, а просто странны и отрицательны были его отношенія къ отпадающимъ отъ православія. Кажется, уже въ первое свиданіе онъ говорилъ мнѣ: „Проѣхалъ я (по пути изъ Оренбурга въ Уфу) чрезъ Мелеузъ (одно изъ первыхъ селеній, гдѣ началось одно изъ первыхъ отпаденій), останавливался, говорилъ..., но тамъ наверху (въ правительственныхъ кругахъ) и слышать не хотятъ ни о какихъ мѣрахъ насилія убѣжденію“.—Я выслушалъ. Отпаденія пошли повально. При каждомъ случаѣ отпаденія я сообщаю губернатору: „Тамъ-то заявилось отпаденіе при такихъ то обстоятельствахъ пропаганды, подкупа, даже насилія. Не сообразовали ли принять мѣры предупрежденія“.—Отвѣтъ губернатора: „По отношенію вашему я поручилъ мензелинскому исправнику произвести дознаніе о причинахъ отпаденія, по коему оказалось, что отпадающіе всегда исповѣдывали могометанство. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить на предметъ, не угодно ли вамъ по такой-то статьѣ распорядиться о преданіи отпадающихъ суду“... Сообщаю о случаѣ отпаденія въ другомъ мѣстѣ. Отвѣтъ того же характера: „Поручалъ произвести дознаніе тому же исправнику. Тотъ доноситъ, что отпадающіе даже не знаютъ русскаго языка. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить“.—Сообщаю о третьемъ случаѣ отпаденія. Получаю отвѣтъ: „Поручалъ произвести негласное дознаніе тому же исправнику, который и доноситъ, что отпадающіе никогда не исповѣдывали православной вѣры. О чемъ имѣю честь васъ увѣдомить“. Это уже слишкомъ: „Никогда не исповѣдывали православной вѣры“. Вѣдь, эти же странности попадутъ во всѣ губернаторскіе отчеты, въ министерскіе доклады Государю и т. д. Пишу резолюцію: „Предписать мѣстному благочинному тщательно дознать и донести, правда-ли, будто такіе-то отпадающіе *никогда не исповѣдывали православной вѣры*“. Благочинный доноситъ: „Ѣздилъ на мѣсто, производилъ тщательное дознаніе. Оказалось: всѣ отпадающіе крещены, вѣнчаны въ церкви; многіе по нѣскольکو разъ исповѣдывались, причащались; всѣ принимали священника въ праздники съ крестомъ; до послѣдней ажитаціи не обнаруживали никакой попытки къ отпаденію, и нынѣ въ одномъ и томъ же семействѣ или родѣ одни члены отпали, а другіе стойко держатся православной вѣры; исправникъ на мѣстѣ не былъ и никакого дознанія не производилъ“ и т. д. Я сообщаю о донесеніи благочиннаго губернатору, но результата никакого не видно. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ я довелъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства. Вообще выяснилось явленіе,

что при первыхъ отпаденіяхъ полицейскіе чины взялись было за отпадающихъ по старинному, съ нѣкоторой горячностью, но затѣмъ данъ имъ какъ будто противоположнаго свойства лозунгъ. И они хладнокровно стали на сторону отпадающихъ, какъ будто утѣсненныхъ стародавнимъ насиліемъ православія. Между тѣмъ уже не только по донесеніямъ духовенства, но и по сообщеніямъ уголовной палаты теперь выяснилось, что отпадающіе въ магометанство дѣйствовали не только пропагандою, но и возмутительнѣйшими проявленіями насилія, напр. дѣти жестоко били родителей, мужья тяжело тиранили женъ; выяснилось, что самымъ кощунственнымъ образомъ издѣвались надъ христіанскою святынею и т. п. Что давно было видно духовенству, теперь стало видно и судебнымъ учрежденіямъ. Но полиція слѣпа. Но губернаторъ, повидимому, не желаетъ ничего подобнаго видѣть. Нѣтъ. съ этимъ губернаторомъ къ поддержанію православія идти было нельзя; можно было идти только къ утвержденію и развитію отпаденій отъ христіанства.

Таковыми же оказались его отношенія и къ другимъ епархіальнымъ дѣламъ, равно и къ епархіальному архіерею.

Скажу предварительно, что прежніе два губернатора, особенно Вл. Дм. Левшинъ,—спаси его. Господи, и помилуй,—относились ко мнѣ съ самою предупредительною почтительностью и доброжелательнѣйшею готовностью поддержать меня во всякомъ дѣлѣ. Увы? Въ Н. П.-чѣ я скоро разочаровался. Въ первое же свиданіе онъ поставилъ мнѣ на видъ, что онъ всегда и во всемъ вмѣстѣ съ вами; обнаружилъ особую готовность заняться отношеніями г. Бирска ко мнѣ: но сталъ дѣлать это безтактно, будто какой-то менторъ. Настоячиво приглашалъ меня ѣхать вмѣстѣ въ Бирскъ, съ явно выражаемымъ намѣреніемъ помирить меня съ Бирцами. Я уклонился отъ этой чести, опасаясь, какъ бы мы вдвоемъ. архіерей и губернаторъ, не насмѣшили Бирскъ, и весь край и Россію, такъ какъ Бирскъ преизобиловалъ газетными корреспондентами. Приглашенному по тому же бирскому дѣлу, члену консисторіи онъ такъ настойчиво выразился объ особой близости къ вашей особѣ, что тотъ былъ возмущенъ. и тогда смолчалъ, а въ недавнее время рассказавъ мнѣ объ этомъ случаѣ, выразился: „Я былъ оскорбленъ за васъ. Вся эта рѣчь была похвальбою,—простите,—лакея, который выставляетъ напоказъ свою близость къ барину“. Правда, въ этомъ дѣлѣ, именно по вопросу объ отказѣ въ учрежденіи крестнаго хода въ Бирскъ. Н. П.-чѣ помогъ мнѣ. ставъ на нашу точку зрѣнія. Говорилъ лично мнѣ и другимъ, да кажется, и

писали: „Основательно, основательно“ (мы рѣшили дѣло.) Спасибо, похвалилъ и помогъ. Въ этомъ единственномъ дѣлѣ помогъ.

Дальше приходится говорить о частностяхъ личнаго свойства. На первыхъ порахъ онъ и жена были такъ ласковы, заявили желаніе жить со мною даже въ дружеской близости, бывать у меня и т. д. Я и попробовалъ. Приглашалъ нѣсколько разъ его къ себѣ на обѣды. Попробовалъ какъ-то пригласить и ее, — отказалась; я не повторилъ приглашеній. Пріѣзжаю къ нему разъ какъ-то, въ воскресный день, послѣ обѣдни, на которой онъ, конечно, не былъ. Сидитъ въ пиджачкѣ за письменнымъ столомъ, занимается дѣламъ. Я пары двѣ-три словъ: отвѣты односложные. Черезъ двѣ—три минуты поднимается: „Пожалуйте, молъ, къ женѣ“. Переходимъ тутъ же въ гостиную, около кабинета, черезъ пріемную. Въ гостиной никого нѣтъ. — „Ахъ, жена тутъ гдѣ-то была. Позвольте, я ее поищу“. Онъ ушелъ; я остался одинъ. Возвращается, говоритъ: „Жена сію минуту будетъ“. А самъ тутъ же, на моихъ глазахъ вызываетъ чиновника изъ-за двери и садится тутъ же на моихъ глазахъ за столомъ кабинета продолжать свои занятія. Жена сейчасъ же вышла; но и ту я не утомилъ продолжительностью своего визита. Тогда я не захотѣлъ осмыслить для себя такое обнаруженіе безцеремонности, хотя ни къ чему подобному и не привыкъ, потому что своимъ визитамъ знаю цѣну. Скоро какъ то прочиталъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ поразительную статью подъ названіемъ, помнится — „Наши охранители и разрушители“. Такъ какъ статья пропитана была намеками на высокопоставленные лица, то я въ той же задачѣ установилъ съ Н. П. чемъ дружество и обмѣнъ мыслей, въ обоюстороннемъ, что онъ университетскаго образованія, что онъ — Щепкинъ, сынъ профессора московскаго университета. родился и выросъ въ кругу образованнѣйшихъ русскихъ людей Хомякова, Аксакова, Каткова, хвалится солидарностью съ вами, — вооружившись самою книжкою Русскаго Вѣстника, захожу къ Н. П. чу также въ какой-то воскресный день. Вижу: сидѣлъ, занимался бумагами. Садится на мѣсто, съ котораго всталъ, съ дѣловымъ видомъ. Я раскрываю ротъ: „Вотъ, молъ, Русскій Вѣстникъ. Читалъ я у Каткова много много поразительныхъ вещей, но ничего болѣе поразительнаго не читалъ. Статья необычайно сильная, съ ясными намеками на высокопоставленные лица. Я пріѣхалъ, не полюбопытствуете-ли“. — „Д-да“, — отвѣчаютъ, нехотя. „Да, я могу эту книгу достать и прочитать. Какая, вы говорите, статья“. — Я называю статью по имени. — „Впрочемъ, покажите, покажите, что тамъ такое“, — продолжаютъ, протягивая нехотя руку черезъ столъ. Я подаю книгу.

Онъ моментально взглянулъ и, согнувъ книгу, отдалъ мнѣ съ не менѣе самой статьи поразительными словами: „Знаете, я Каткова ненавижу и презираю. Они съ Валуевымъ помѣшали намъ устроить крестьянское дѣло. И всѣ наши усилія разбились въ прахъ. И отъ того нашъ народъ до сихъ поръ страдаетъ“.—Б-ба-а.—сконфуженный въ душѣ донельзя, подумалъ я,—съ кѣмъ же это я имѣю дѣло. Неучъ, ничего не читающій, повидимому, даже газетъ, не способный поддержать сколько либо литературную бесѣду, думающій посредствомъ своего дѣлового маранья бумаги спасти Россію, чернаго человѣка, отъ тѣхъ страданій, въ которыя повергаютъ его охранители, въ родѣ Каткова... Съ тѣхъ поръ съ этою безцеремонно-грубою и самомнительною имбецильностью я уже не поднималъ никакихъ литературныхъ бесѣдъ и вообще разочаровался въ немъ, какъ человѣкъ себѣ по складу да и по плечу, наиполнѣйшимъ образомъ. Да, подумалъ и то, благонадежно ли губернатору выставлять такъ рѣзко на показъ свою презрительную ненависть къ охранительнымъ государственнымъ идеямъ. Онъ въ другой разъ какъ-то рассказывалъ при людяхъ, что, поступивъ на службу въ Саратовъ, гдѣ губернаторствовалъ тогда князь Щербатовъ, товарищъ его по московскому университету, онъ скоро разочаровалъ Щербатова въ своей благонадежности, и когда тотъ дѣлалъ ему глаза изумленія, Н. П-чъ вывелъ его, Щербатова, изъ недоумѣнія на свой счетъ словами: „Вы думаете, что я красненькій? Да, я красненькій, красненькій!“—Въ другой разъ онъ мнѣ же говорилъ: „Я не дорожу мѣстомъ. Меня послали сюда дѣлать извѣстное дѣло, Башкирское дѣло, которое я знаю. Михаилъ Евграфовичъ послалъ (онъ никогда ни словомъ не зайкнулся, что своимъ губернаторствомъ обязанъ вамъ, а всегда—Ковалевскому). Насъ всегда брали, чтобъ мы дѣлали извѣстное дѣло. Проходила въ насъ нужда, и мы становились неудобными и т. п.“ Это онъ повторялъ не разъ, вѣроятно, и другимъ. Слѣдовательно, задѣтые имъ люди не даромъ поймали черту красноты, которую и примѣнили къ нему, тѣмъ безопаснѣе для себя, что онъ самъ охотно и явно прищипливалъ ее къ себѣ. Увы. Никто виновать, самъ...

Необъяснимо дѣло пристава становаго Иванова,—по моей жалобѣ на него. Въ прошломъ 1882 г., обозрѣваю епархію, вызъезжаетъ изъ стана приставъ въ деревню В. Пока я бесѣдовалъ съ народомъ, прежній приставъ энергически хлопочетъ о лошадяхъ для дальнѣйшаго проѣзда. Оказалось, что мы въѣхали въ станъ Иванова, который самъ для сопровожденія не въѣхалъ, заготовленіемъ лошадей не озабочился и даже не далъ въ эту деревню В. знать о нашемъ проѣздѣ. Приставъ

успокаиваетъ себя и насъ гаданіемъ, что Ивановъ выѣдетъ въ ближайшую деревню К. Оказалось, въ деревнѣ К., что Ивановъ не выѣхалъ и туда. Приставъ успокаиваетъ себя и насъ гаданіемъ, что Ивановъ выѣдетъ къ предлежавшему перевозу чрезъ рѣку Бѣлую. Пріѣхали и на перевозъ. Оказалось, не выѣхалъ Ивановъ и туда. Ѣдемъ уже по другому, по лѣвому берегу р. Бѣлой, по очень запутанной дорогѣ, по болотистой мѣстности; по вольной неволѣ сопровождаетъ насъ въ чужомъ стану прежній приставъ. Проѣхавъ цѣлую станцію, вѣзжаемъ на горѣ въ деревню В. Ивановъ не выѣхалъ и сюда, заготовленіемъ лошадей не озаботился и даже не далъ знать о нашемъ проѣздѣ. Деревня У. большая, но совсѣмъ глухая; вѣроятно, никогда не видала у себя ни архіерея, ни губернатора. Лѣтній вечеръ; народъ ползетъ съ полей, озабоченный своими работами. А тутъ говорятъ: архіерей пріѣхалъ, поставляйте лошадей. Сельскаго начальства никакого: чужого пристава никто не знаетъ. Пошелъ приставъ, пошла моя свита по домамъ съ просьбами: добрые люди, дайте архіерею лошадей. Да къ кому и обратиться; никто не слушаетъ. „Дайте,—просимъ,—лошадей, не даромъ дайте; мы прогоны платимъ и заплатимъ, мои спутники ходили по дворамъ часа два. Уже надвигалась ночь. А назавтра предположено было совершить литургію въ селѣ Андреевкѣ; а прежде еще слѣдовало прослѣдовать чрезъ село Д., резиденцію пристава Иванова. Ночью двинулись въ сопровожденіи того же пристава, въ полночь прибыли въ Д., и среди мрака разобрали, что въ самомъ селѣ, у вѣзда, сидитъ на лошади урядникъ и дѣлаетъ намъ подъ козырекъ. Такъ, оказалось, приказалъ приставъ Ивановъ, благополучно пребывавшій въ эту ночь у себя дома, въ этомъ самомъ селѣ Д. Негодованіе на такую выходку Иванова проникло всѣхъ: пристава, членовъ моей свиты, съѣхавшихся сюда трехъ окрестныхъ благочинныхъ. проникло въ народъ, который жаловался на насилія Иванова, сказало даже въ урядникъ, который насъ встрѣчалъ и хотѣлъ дальше провожать, вопреки запрещенію начальника, но я отклонилъ это. Тутъ мы остались почевать. Въ Андреевку совсѣмъ не поѣхали. Подъ впечатлѣніемъ общей негодующей настроенности я съѣлъ писать конфиденціальное письмо къ губернатору. Н. П-чу. Писалъ цѣлую ночь объ огорченіяхъ, которыя уже третій сряду годъ терпѣлъ отъ того же Иванова, безъ малѣйшаго съ моей стороны повода и вызова.

Прописалъ, что 1) еще въ 1880 г. этотъ Ивановъ не далъ знать о невозможности переѣзда черезъ разлившуюся рѣчку Черемшанъ; не озаботился способами переправы,—косную лодку для насъ добылъ изъ

г. Бирска мѣстный благочинный: Ивановъ на переправу не выѣхалъ. Въ лодку, не зная емкости ея, поставили два нашихъ большихъ экипажа, которые отъ волненія сдвинулись на одинъ край лодки. Переправляясь съ горной стороны, мы не замѣтили серьезности волненія, но проплывъ отъ берега съ версту поняли не только опасность, а просто гибельность нашего положенія. Вѣтеръ порывистый, облака свинцовыя, быстро несущіяся. Хлещетъ дождь. Валы морскаго размаха. По перпендикуляру отъ берега до берега 4—5 верстъ; по направленію наискось, противъ воды, какъ намъ слѣдовало плыть, не менѣе 7 верстъ. А къ устью Черемшана, при впаденіи въ р. Бѣлую, разливъ буквально необозримый, не менѣе, какъ 20-ти верстный. Наша лодка однимъ бокомъ высилась надъ водою едва на полъ-аршина, а другою стороною, на которую скатились экипажи, чуть не черпала воду. Большіе экипажи составили упоръ для порывистаго вѣтра, — ударъ онъ чуть-чуть порывистѣе, и мы перевернулись бы. А средствъ спасенія средь этой водной пустыни никакихъ. Пустившійся провожать насъ приставъ прежняго стана Павловъ, не предусмотрѣвъ подобной выходки со стороны Иванова, былъ легко одѣтъ, его пронизывало весеннимъ холоднымъ вѣтромъ во время 2-хъ часового переѣзда; онъ сряду же получилъ изнурительную лихорадку, которая превратилась въ быструю чахотку и къ осени уложила его въ гробъ. Когда мы выбрались наконецъ на слѣдующій лѣвый берегъ рѣчки Черемшана, пристава Иванова не оказалось здѣсь: о проѣздѣ нашемъ онъ не далъ даже знать. Когда затѣмъ мы выѣхали на большую Мензелинскую дорогу, Ивановъ находился гдѣ-то тутъ въ близинѣ; пристава Павловъ послалъ къ нему. Ивановъ въ насмѣшку отвѣтилъ, что выѣдетъ на встрѣчу на слѣдующей почтовой станціи, но, конечно, не выѣхалъ. Прописалъ я, что 2) въ 1881 г. Ивановъ удостоилъ встрѣтить насъ не съ начала своего стана, а только за станцію до села Д. своей резиденціи; представляясь мнѣ при народѣ, сдѣлалъ только подъ козырекъ: „приставъ-де Ивановъ“. Шапки не снялъ, благословенія не взялъ. Къ вечеру оказался пьянъ настолько, что въ домѣ священника, на моихъ глазахъ, наливая для себя водку, лилъ мимо рюмки и облилъ весь столъ, къ общему стыду. Въ виду народа, даже въ виду износимой святыни, выступалъ не иначе, какъ въ фуражкѣ. Прописалъ, наконецъ, что 3) произошло и въ 1882 г., о чемъ выше сказано. О безобразіяхъ этого Иванова съ негодованіемъ рассказывали не только духовныя лица, не только многіе изъ народа, но даже братія его и сослуживцы, другіе становые, сообщая, что онъ держится неуязвимо на службѣ лѣтъ 30, нажилъ большое состояніе, сперва держался благосклонностью генераль-губернатора Крыжановскаго, а теперь де держится угодниче-

ствомъ какому-то сенатору Барыкову, имѣніями котораго завѣдуетъ и предъ которымъ лакействуетъ, посылая живыхъ стерлядей за 2000 верстъ, въ Петербургъ. Въ заключеніе я просилъ Н. П-ча не о многомъ: такъ какъ мнѣ предлежало тогда же въ 1882 г. возвратиться изъ Мензелинскаго уѣзда въ станъ его же Иванова, и тутъ святить церковь въ с. М., то избавить меня отъ обязательной встрѣчи съ Ивановымъ и нарядить въ М., для весьма нужнаго наблюденія за порядкомъ при освященіи церкви, другого полицейскаго чиновника, будь это даже простой урядникъ.

Казалось бы стоило только назвать подобныя дикости какого-то пьянаго становаго [говорилось громко, что онъ ежедневно выпиваетъ не менѣе, какъ по четверти ведра водки, ростомъ атлетъ, съ виду пьяница, но баринъ],—чтобы подвигнуть Н. П-ча къ предупредительному въ отношеніи къ архіерею и обязательному устраненію подобныхъ неприличій. Не тутъ то было. Оказалось все наоборотъ. Н. П-чъ пальцемъ не пошевелилъ. Оказалось, вопреки моей просьбѣ, что Ивановъ самолично прибылъ въ село М., по словамъ доброю волею прибывшаго сюда [кстати замѣтить, что Н. П-чъ усиливался за это дать имъ выговоръ, но не могъ], другого становаго, Енькова, Ивановъ лежалъ въ М-ѣ пьяный, все освѣдомлялся: „А спрашивалъ ли обо мнѣ архіерей?“; къ наблюденію за порядкомъ ко всенощной не явился; къ наблюденію за порядкомъ при священнодѣйствіи храмосвященія и литургии не явился. Въмѣсто того учинилъ нѣчто неожиданное и чудное: когда я изнеможенный отъ 5-ти часового священнодѣйствія, шель изъ храма въ домъ священника, сопровождавшія меня лица обращаютъ мое вниманіе: „Посмотрите, ваше преосв-тво“. Поднимаю глаза и впереди массы русскаго населенія, по моему пути вижу человекъ 15—20 выстроившихся въ рядъ, низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, съ бляхами на груди, все Татаръ некрещеныхъ, въ тюбетейкахъ, со снятыми шапками. „Что это такое?“ спрашиваю съ изумленіемъ.—„Это,—отвѣчаетъ приставъ Еньковъ,—приставъ Ивановъ вызвалъ изъ разныхъ татарскихъ деревень до 60 человекъ десятскихъ, сотскихъ наблюдать за священствомъ церкви въ М., чтобы, по его словамъ, архіерей видѣлъ по Татарину на каждомъ пунктѣ, куда ни взглянетъ“. По прибытіи въ Уфу, я, по заведенному мною обычаю, поѣхалъ съ визитомъ заявиться къ г. губернатору. Н. П-чъ объ Ивановѣ ни слова. Я процѣживаю нѣсколько словъ, что, молъ, „Ивановъ опять сдѣлалъ непозволительную выходку, о которой буду имѣть честь сообщить письменно“. Н. П-чъ опять по своему обычаю ни слова. Тогда я пустилъ дѣло форменно, чрезъ консисторію, изъ которой отъ моего

лица пошло къ губернатору форменное отношеніе о М-ской выходкѣ станового Иванова, въ которой я видѣлъ попытку кошунственного оскорбленія не только моему званію и служенію, но и самой вѣрѣ и не одной господствующей, но безъ нужды и магометанской вѣрѣ.

Отношеніе прошло чрезъ конспсторію и губернаторскую канцелярію. Всѣ подняли свои глаза, что такое сдѣлаеть Н. П-чъ. Что. Во-первыхъ, нѣсколько мѣсяцевъ бумага оставалась безъ движенія. Затѣмъ губернаторъ по обычаю сталъ справляться съ законами, обязывали-ли какія статьи того или другого тома свода законовъ становыхъ приставовъ сопровождать архіерея при поѣздкахъ по епархіи. Оказалось, что обязываютъ. Тѣмъ не менѣе исправникамъ и становымъ стало вѣдомо, куда губернаторъ направляетъ рѣшеніе этого вопроса. Это было въ его системѣ—приводить,—какъ утверждали,—все и всѣхъ къ равенству и унижать всякій авторитетъ. Молва пошла по городу не къ выгдѣ Н. П-ча. Но онъ и на этомъ не остановился. Къ веснѣ 1883 г., къ сроку новой моей поѣздки по епархіи, Н. П-чъ, вслѣдствіе моего отношенія о подлежащемъ мнѣ путешествіи, придумалъ новую редакцію предписанія чрезъ исправниковъ становымъ приставамъ—озаботиться заготовленіемъ лошадей, для проѣзда его преосв-а и устраненіемъ всякихъ препятствій по пути слѣдованія, безъ всякаго упоминанія о сопровожденіи. Почему новопоставленные исправники и становые и поняли эту редакцію такъ, что становымъ не только позволяется не сопровождать архіерея, но и запрещается сопровождать,—такова де воля губернатора. Такъ, въ первую мою поѣздку по епархіи въ сень 1883 г. одинъ становой вовсе не выѣхалъ; а между тѣмъ по его стану цѣлую станцію мы ѣхали по порывистому водному разливу, вслѣдствіе необычнаго дожда въ горахъ, руководимые только мѣстнымъ благочиннымъ. А другой становой изъ новопоставленныхъ прямо объяснилъ намъ, что не смѣетъ сопровождать насъ, боится-де исправника и губернатора, въ доказательство чего далъ намъ копію съ губернаторскаго предписанія. Тѣмъ не менѣе всѣ прежніе старослуживые становые, видѣвшіе по прежнимъ опытамъ мою ласку и любовь, не смотря на новыя начальственныя „вѣянія“, не затруднялись сопровождать насъ по всему пути и въ сень году, относясь ко мнѣ по прежнему съ величайшею предупредительностію, почтеніемъ и заботливостію. Въ томъ же году, имѣя нужду также коснуться стана (станы здѣсь громадныя и нѣкоторые, куда ни поворачиваешь, приходится задѣтъ,—таковъ особенно станъ Иванова) приставъ Иванова, я обратился съ форменнымъ отношеніемъ къ г. губернатору, прося его оградить меня отъ новыхъ, возможныхъ выходокъ со стороны этого отважнаго чиновника. И на этотъ разъ Н. П-чъ былъ

такъ добръ, велѣлъ сопроводить меня по стану Иванова сосѣднему приставу. Но и это, повидимому, сдѣлано было только потому, что онъ выразумѣлъ, что невнимательнымъ его отношеніемъ къ архіерею по дѣлу Иванова воспользовались и сообщили вышей власти. Не задолго до полученія свѣдѣнія о своемъ переводѣ въ Архангельскъ. Н. П-чъ, зашедши ко мнѣ, между прочимъ говорятъ: „Я слышалъ, вы сердитесь на меня, что я не уволилъ Иванова“. Я говорю: „Увольненіе Иванова до меня вовсе не касается. Я просилъ ваше прев-о оградить только меня отъ Иванова, и вы на это соизволили на сей разъ, за что я очень благодаренъ“. — „Я,—говоритъ,—перевелъ Иванова въ другой станъ, въ надеждѣ, что онъ самъ откажется отъ службы“. — Пусть бы ужъ онъ очень берегъ станovýchъ, а то вѣдь онъ пошвыривалъ ихъ преусердно, особенно, когда слышалъ, что тѣ побираются. Но что пьяный дерзкій циникъ Ивановъ публично издѣвался надъ архіереемъ и—можно сказать—надъ самою вѣрою, это для Н. П-ча неважно. Этимъ случаемъ онъ воспользовался только, чтобы сдѣлать попытку освободить станovýchъ отъ обязанности сопровождать архіерея въ его поѣздкахъ по епархіи, вообще унижить авторитетъ архіерея въ глазахъ полиціи, да кетати и народа, такъ какъ Ивановъ продѣлываетъ свои штуки на глазахъ всего народа русскаго и татарскаго, во многихъ мѣстностяхъ.

Это пространное повѣствованіе объ отношеніяхъ Н. П-ча ко мнѣ не излишне въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ и принципы его и характеръ и общую манеру отношеній его къ другимъ.

Не слышалъ я добраго и объ отношеніяхъ его къ другимъ. Онъ сухъ, при видимой сдержанности, рѣзокъ въ сужденіяхъ о людяхъ. А считая себя идеаломъ челоѣка-гражданина, называя себя и немногихъ „честными людьми“ только тѣхъ, кто не поживился на своемъ вѣку ни одною сотнею рублей, онъ скоръ отнестись съ ненавистью и презрѣніемъ ко всякому, кто чѣмъ либо поживился по его суду. Уже этимъ самымъ онъ до крайности стѣснилъ около себя кругъ людей, которымъ платилъ ласковымъ взлядомъ на готовность ихъ быть ему угодными. А отъ всѣхъ другихъ и онъ отвернулся, и тѣ отъ него отвернулись. Своими рѣзкостями онъ возбудилъ противъ себя рѣзкія же отношенія. Одного дворянина онъ публично обозвалъ чуть ли не „воромъ“, какъ я слышалъ; тотъ обратился къ Н. П-чу съ письменнымъ запросомъ, и Н. П-чъ письменно же извинился, не великодушно назвавъ по имени челоѣка, отъ котораго слышалъ нелестный отзывъ объ оскорбленномъ. Самонадѣянно же Н. П-чъ громко заявилъ себя, какъ я слышалъ, „заклятымъ врагомъ“ старослуживому городскому головѣ. Этотъ, изъ

питомцевъ московской дух. академіи, человѣкъ крѣпкій головой, статный красавецъ, недюжинный ораторъ, замѣченный всею Россіей, имѣющій благопріятныя связи въ высшихъ сферахъ Петербурга, работникъ замѣчательный, характера непреклоннаго, давно привыкшій бороться съ невзгодами жизни, конечно, имѣеть Ахиллесову пятую въ томъ, что въ пароксизмъ лихорадочнаго пріобрѣтенія здѣсь земель, увлекся общеою заразою мѣстнаго общества и навязалъ себѣ на шею мертвую петлю неоплатныхъ долговъ. А Н. П-чъ по принципу, вслѣдствіе новаго петербургскаго вѣянія, считалъ воровъ всякаго, кто такъ или иначе попользовался уфимскою землею. И вотъ ближайшею цѣлью его ударовъ оказался уфимскій городской голова. Но за него, за его умъ, многолѣтнюю службу и дѣйствительныя заслуги стало мѣстное общество. Оттого губернаторъ очутился во враждѣ и борьбѣ со всѣми. Изъ замѣтныхъ и порядочныхъ людей не отшатнулись отъ Н. П-ча, сколько я знаю, только два семейства. прокурора и председателя контрольной палаты, да и то, вѣроятно, по единству служебной задачи—преслѣдовать всякія служебныя хищенія.

Супруга Н. П-ча помогала мужу въ умноженіи только враговъ, а не друзей; помогала своею нелюбезностью, сухостью, рѣзкостью, нескрываемою несдержанностью. Все ей здѣсь не нравилось, и она не стѣснялась высказывать это открыто.—„Ахъ, помилуйте, Уфа! Что здѣсь въ Уфѣ. Средствъ не хватаетъ, проживаемъ свои крохи. Стѣсняйся во всемя, лицемѣрь. Принимай, кого не хочешь видѣть; дѣлай обязательныя визиты, съ кѣмъ не хотѣлось бы встрѣчаться“.—Губернаторша обязана быть председательницею разныхъ благотворительныхъ комитетовъ. Не хочетъ, капризится, ломается.—„Ахъ, помилуйте, комедія“... Обязана быть попечительницею женской гимназіи.—„Ахъ, помилуйте, къ чему, зачѣмъ? Что я тамъ буду дѣлать?“ Едва—едва уломали. Пріѣзжаетъ какая либо дама, напр. начальница гимназіи, по мужу свѣтлѣйшая, Багратіонъ-Имеретинская съ визитомъ. Губернаторша ее встрѣчаетъ умничаньемъ: „Ахъ, эти визиты. Общее бремя, къ чему эти визиты?“—это разъ и два. и нѣсколько. Та обижается и не ѣдетъ. Тогда наоборотъ губернаторша встрѣтивъ ее въ публичномъ мѣстѣ, огорошиваетъ ее любезнымъ съ виду, но не по смыслу обращеніемъ: „Ахъ, это не только не любезно, а невѣжливо съ вашей стороны“.—„Меня уже поздно учить вѣжливости“—та возражаетъ, и совершенно затворилась отъ губернаторши. Барственаго такта, мягкости, сановитости, умѣнья обласкать съ высоты, привлечь обязательною съ высоты ласковостью ни слѣда. Общественники, которые служили по благотворительнымъ учрежденіямъ своимъ карманомъ, затво-

рили таковой и отмахнулись. Одинъ купецъ, бывшій попечителемъ сиротскаго приюта, послѣ засѣданія приютскаго комитета, въ которомъ не безъ тяжелаго чувства присутствовалъ и я, послѣ бойкихъ разсужденій о томъ, какъ попечитель долженъ давать отчетъ въ расходованіи суммъ, тутъ же, только вышедши за дверь комитета, выразился съ огорченіемъ: „Грошевики. Хотятъ учитывать меня въ своихъ трехрублевкахъ и не хотятъ считать моихъ сотенъ, которыя, не выставя на показъ, я трачу на приютъ“. И сейчасъ же отказался. Теперь идетъ разсужденіе, какъ изъ 30 призрѣваемыхъ дѣтей сократить приютъ на 10 дѣтей. Такъ и во всемъ.

Единственная губернаторская дочь составляла истинно Ахиллесову пятую этого не—Ахиллесовскаго семейства. Существо несомнѣнно своеобразное. Курсистка, жестокая по складу мыслей и характера. И устарѣла, и не красива, и не любезна и необычна. Настоявъ на опредѣленіи себя учительницею въ какой то низшей школѣ, стала ежедневно пѣшкомъ ходить на учительскую службу. Увы. Народъ совсѣмъ не восторгами встрѣтилъ такое самоотверженіе, а ропотомъ.—„Губернаторская дочка,—видно, ѣсть бѣдной нечего,—отымаетъ кусокъ хлѣба у бѣдныхъ дѣвушекъ-учительницъ“. Исходя изъ идей равенства, презирая все благородное, исключительное, эта оригинальная угрюмая учительница ввела въ домъ губернатора людей своего пошиба. Между прочими ввела, какъ своего друга, дочку одного священника, пьянаго безобразника, у котораго и жена пьяница, сынъ женатый въ Казани студентъ, родитъ тамъ и по годамъ не крестить дѣтей, дочка, обойденная женихами невѣста, способная, какъ слышно, пописывать и пасквили. Изъ этого грязнаго колодца, повидимому, черпались въ губернаторскомъ домѣ свѣдѣнія о духовенствѣ. Слышалъ, не утверждаю, будто и въ этомъ случаѣ яблоко упало не далеко отъ яблони: будто дочка въ своихъ вкусахъ не ушла отъ вкусовъ родителей; будто Н. П-чъ къ старости не только не потерялъ, а развилъ въ себѣ и въ своей семьѣ вкусъ къ людямъ обоего пола молодымъ, безъ общественнаго положенія, съ нигилистическимъ пошибомъ, съ политическимъ задоромъ, будто бы даже къ людямъ поднадзорнымъ....

Безспорно, Н. П-чъ былъ народникъ, всѣ силы своего труда направлялъ именно въ пользу низшаго чернаго люда. Тѣмъ не менѣе именно черный людъ чутьемъ чуялъ въ немъ что-то фальшивое, что-то разрушающее идею начальника-воеводы. Замѣчательно, что отъ него и семьи его отшатнулись не только лучшія въ Уфѣ семейства, не только дворяне, не только кушцы, но и простой народъ. Откуда вѣтеръ дулъ, не знаю. Но вѣрно то, что городскіе шалопаи взяли было себѣ

за потѣху издѣваться надъ губернаторскимъ семействомъ. На первыхъ порахъ, говорятъ, полиціи много было хлопотъ по утрамъ оглядывать стѣны зданій и заборовъ, губернскаго правленія и губернаторскаго дома, чтобы срывать, счищать, уничтожать то навѣшанные, то нама- ранные пасквили на губернатора, его жену, его дочь, его общество.... Шалопайство дошло до того, что въ одну ночь двое пьяныхъ масте- ровыхъ ни съ того, ни съ сего пошли выбивать у губернатора окна и выбили. Рассказываютъ, будто не спавшій губернаторъ самъ выско- чилъ, бѣяны схвачены, и онъ спрашиваетъ: „Что я вамъ, братцы, сдѣлалъ? Зачѣмъ вы это дѣлаете?“ — „А чтобы познакомиться съ вашимъ превосходительствомъ“, — отвѣтили пьяные безпутники. А кто они?— Просто подмастерья, портные.

Общество купцовъ и мѣщанъ также было возбуждено и выражало свою тревожность публично и рѣзко. Разумѣется, всѣ подробности, о которыхъ скажу, я могъ связать и осмыслить для себя только заднимъ числомъ.

Храмоздатель градской Никольской церкви и почетнѣйшіе прихо- жане благоговоренно просятъ меня послѣ освященія 5-го Декабря, на обѣдъ. Я даю слово, но назначаю срокомъ обѣда 3 часа по полудни 6-го Декабря (престольнаго ихъ праздника), такъ какъ обѣдать 5-го, въ виду большой праздничной всенощной, было неудобно. Но 4-го Декабря являются ко мнѣ Н. П-чъ съ супругой просить меня къ себѣ на обѣдъ (первый у нихъ и послѣдній), въ 4 часа того же Декабря (день ангела Н. П-ча). Я съ признательностью даю слово. Но лишь только они вышли за мою дверь, вспоминаю, что далъ слово храмоздателямъ обѣдать у нихъ того же 6-го Декабря, самъ назначивъ день и часъ обѣда. Тотчасъ вслѣдъ за Н. П-мъ я посылаю письмо въ са- мыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ извиненіемъ, что отмѣнить обѣдъ у храмоздателей признаю крайне неудобнымъ. 6-го Декабря, послѣ обѣдни, я былъ у Н. П-ча съ поздравленіемъ, но на обѣдъ поѣхалъ къ храмоздателямъ. Тамъ, повидимому, не безъ тревоги ждали, чѣмъ я рѣшу. А у губернатора, какъ узналъ я впоследствии, обѣдъ прошелъ крайне напряженно и чопорно. Явились въ мундирахъ, молча съѣли обѣдъ и разошлись. Повидимому, огорченный неудачей небы- валой въ Уфѣ, торжественной, во вкусъ московскаго Долгорукаго, затѣи, Н. П-чъ не сдержался и высказался противъ меня: „Предпочелъ де мѣщанъ какихъ-то“. А мнѣ подумалось: „Боже мой. Либералъ. И не можетъ понять такой простой вещи: если я въ такомъ исключи- тельно рѣдкомъ случаѣ, постройки церкви, далъ первое слово храмоздателямъ—мѣщанамъ, то какъ же я, архіерей, измѣню ему?“ А что

Н. П-чъ затѣвалъ именно торжественный обѣдъ для городскихъ чиновъ, того я и не зналъ, пока обѣдъ не состоялся. Я подумалъ сначала, что губернаторъ, если ему угодно, можетъ покормить меня обѣдомъ въ другой разъ. Вышло такъ, что никто этимъ обѣдомъ не остался доволенъ, ни хозяинъ приглашавшій, ни гости присутствовавшіе, ни званые, отсутствовавшіе.

Какъ разъ въ эту пору шель вопросъ о выборахъ городского головы. Н. П-чъ громко заявлялъ себя „заклятымъ врагомъ“ прежняго головы Д. С. Волкова. А общество опять выбрало его почти единогласно и сверхъ того провозгласило его почетнымъ гражданиномъ г. Уфы. На второй день Рождества Христова является ко мнѣ съ поздравленіемъ депутація изъ 6 человекъ общественниковъ и съ просьбою пожаловать на общественный обѣдъ въ честь градского головы. Я не нашель нужнымъ заявить себя паризаномъ; да тогда и не зналъ закулисныхъ. Я даю слово. Депутація съ тѣмъ же приглашеніемъ отправляется къ самому Н. П-чу. И впоследствии рассказывалось, что, когда депутація высказала ему свою просьбу, Н. П-чъ едва не упалъ, да и упалъ бы, если бы не схватился за дверную ручку.

Предъ 15 Мая—днемъ священнаго коронованія, самъ Н. П-чъ приглашаетъ меня на общій торжественный обѣдъ, по поводу этого радостнаго торжества.—„Долгомъ сочту. Со взносомъ?“—„Да, со взносомъ“. Деньги я внесъ. Но слышу изъ города ропотливый говоръ, что-де съ архіерея взяли деньги, какъ будто городъ уже такъ обнищаль. Является ко мнѣ депутація отъ города просить на торжественный обѣдъ.—„Съ великимъ удовольствіемъ“.—„А деньги,—говорять,—какія вы внесли, не угодно ли пожаловать на какое либо благотворительное учрежденіе“.—„На сиротскій пріютъ“.—Разстались 2-го Мая, въ назначенный точно, минута въ минуту, часъ являюсь въ собраніе. Прочитана молитва, благословлены ястіе и питіе. Одинъ изъ распорядителей ведетъ меня въ залъ, гдѣ разставлены столы, три вдоль зала, а четвертый главный поперекъ. Противъ средняго изъ трехъ уже сидитъ губернаторъ. Распорядитель сажаетъ меня справа отъ губернатора. Но вице-губернаторъ обращается ко мнѣ: „Нѣтъ пожалуйста, ваше преосв-во сюда“,—указывая мѣсто слѣва губернаторши. Я двигаюсь туда. Но распорядитель: „Нѣтъ, нѣтъ, ваше преосв-во, прошу васъ садиться здѣсь“. Я слѣзъ справа, сперва не понявъ этой моментально проскользнувшей игры некрасивыхъ самолюбій. Гляжу: справа отъ меня стоятъ два пустые прибора, а далѣе сидятъ замужня дочь предводителя дворянства и братъ ея мужа, (бывшаго въ Москвѣ, на коронаціи). Когда уже обѣдъ начался, распорядитель подвелъ одну

старую генеральшу и посадилъ у меня справа, такъ что одинъ приборъ у меня справа и остался пустымъ. Вглядываюсь: слѣва отъ губернаторши сидятъ вице-губернаторъ, затѣмъ губернаторъ и т. д. Обѣдъ шель быстро и въ молчаніи. Быстро пришла минута тостовъ. Губернаторъ поднимается со своего мѣста, выходитъ изъ ряда стульевъ, становится сзади, за спинами своей жены и моего,—я становлюсь къ нему лицомъ, въ поль-оборота,—и провозглашаетъ: „Здоровье Его Величества!... Ура.“ Прокричали. Оркестръ заигралъ: „Боже, Царя храни“. Все это безжизненно. Губернаторъ садится на свое мѣсто. Черезъ нѣсколько мгновений выдѣлываетъ то же, становясь у жены и у меня за спинами: „Здоровье Ея Величества... Ура!“ Прокричали по заказу. Прослушали гимнь. Садимся. Губернаторъ садится. Кто-то, повидимому, съ досады на эту безжизненность такого знаменательнаго торжества крикнулъ: *bis*.

Заиграли гимнь. Кто-то запѣлъ, я поддержалъ и другіе. Сѣли. Черезъ нѣсколько мгновений губернаторъ опять становится у насъ за спинами.— „Здоровье Его Высочества, Наслѣдника Цесаревича и всего Царствующаго Дома. Ура“. Закричали, заиграли, запѣли. И я, стоя въ поль-оборота, лицомъ къ губернатору, пою: „Боже, царя храни“. Какая злая муха укусила его, не знаю. Но въ это мгновение, наклонясь къ моему уху, онъ говоритъ мнѣ громко и отчетливо, отчеканивая каждое слово: „Васъ посадили на мѣсто губернатора, но объ этомъ послѣ, послѣ..“ Сказалъ, отошелъ и сѣлъ. Я остался въ наполнѣйшемъ недоумѣніи. Подумалъ только: какое несдержанное, мелочное и грубое самолюбіе.

Того же 17 Мая, по объявленному маршруту, мнѣ предлежало выѣхать для обозрѣнія епархіи. Но по личному приглашенію отъ самого губернатора на этотъ обѣдъ я отложилъ мой отъѣздъ на 18 Мая. И вотъ, по утру 18 Мая, часовъ 8, собравшись совсѣмъ, я вышелъ въ крестовую выслушать напутственный молебень. Вдругъ въ церкви докладываютъ: „Губернаторъ“.—„Просите минуточку подождать; молебень сію минутоу кончится“. Выхожу изъ церкви въ свои кельи, раздумывая, что бы означалъ сей ранній визитъ. Сѣли.—„Ѣдете“,—спрашиваютъ.—„Да, сію минутоу“.—отвѣчаю.—„Вамъ по маршруту слѣдовало еще вчера выѣхать“. А слухъ изъ его канцеляріи шель, что П. П-чъ очень озабоченъ тѣмъ, что, опаздывая выѣздомъ на день противъ маршрута, я задерживаю людей и лошадей. Я говорю: „Ближайшему становаму дано знать по телеграфу объ отсрочкѣ, онъ распорядится. А далѣе намъ придется ста полтора верстъ проскакать по большой дорогѣ. Мы ускоримъ и попадемъ тамъ какъ разъ въ то

мѣсто и тогда, когда куда должны попасть по объявленному маршруту". — „Вотъ этотъ вчерашній несчастный обѣдъ,—начинаютъ новую рѣчь,—распорядители, Богъ знаетъ, какъ распорядились. Статскіе совѣтники вино гостямъ разносятъ, какъ лакеи какіе либо (одинъ изъ распорядителей, статскій совѣтникъ угощалъ меня виномъ). Есть же у насъ главно-начальствующіе въ учрежденіяхъ, предсѣдатели палатъ. Богъ знаетъ, гдѣ сидѣли. Есть же правящій должность предводителя дворянства. А то посадили этого мальчишку Б.... И меня, Богъ вѣсть, куда засунули (самъ сѣлъ, гдѣ сидѣлъ). Мнѣ слѣдовало сидѣть справа, около васъ (никто не мѣшалъ, два прибора оставались не занятыми), Вѣдь, обѣдъ не какой нибудь, а официальный.... Ну, желаю-де счастливаго пути“.... поднялся и выходить. „Ба,—объясняя этотъ необычно ранній визитъ, думаю себѣ,—чувствуетъ себя неловко, что вчера сказала грубая неловкость и боится, что я разрежу и пришелъ косвеннымъ образомъ извиниться“... Теперь, на дняхъ, жандармскій полковникъ и вице-губернаторъ рассказали мнѣ, что Н. П-чъ крайне несочувственно принялъ самую мысль объ этомъ торжественномъ обѣдѣ, употребилъ разныя мѣры, чтобъ помѣшать его осуществленію; своею холодною и раздраженною испортилъ самое торжество обѣда. отчего оно и вышло такъ хмуро. Даже не дослушалъ послѣдняго: „Боже, царя храни“ и вышелъ изъ зала, что стало извѣстно въ Петербургѣ, о чемъ жандармскій однако же не доносилъ; тотчасъ по выходѣ изъ-за стола самымъ разъяреннымъ образомъ накинулся на жандармскаго полковника, который первый подалъ мысль объ устройствѣ этого обѣда. за безпорядки обѣда. Вдобавокъ, выходитъ еще, сказалъ возмутительную грубость ни въ чемъ невинному предъ обѣдомъ архіерею, котораго самъ же пригласилъ... Разумѣется, о выходѣ его противъ меня я рассказалъ главенствующимъ—жандармскому, вице-губернатору, только теперь.. А тогда смолчалъ... Теперь меня увѣрили, что Н. П-чъ способенъ былъ ругательски ругаться публично, при народѣ, при многихъ свидѣтеляхъ. Факты засвидѣтельствованы. Голова говоритъ, что онъ только поопасся скандализовать какъ себя, такъ и власть вообще, притянувъ губернатора къ суду за такія, засвидѣтельствованныя ругательства. Однако же писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его обуздать забывающагося губернатора.

Еще одно событіе, возмутившее и заставившее призадуматься рѣшительно всѣхъ. Когда голова Волковъ былъ еще гостемъ Русскаго Царя на коронаціи, губернаторъ въ Уфѣ учинилъ слѣдующую необъяснимую выходку. Въ эти дни коронаціи давали въ уфимскомъ театрѣ спектакль, при большомъ собраніи. Вдругъ со сцены актеръ

поеть пѣсеню-куплетъ, оканчивая припѣвомъ: „А, голова у насъ—воръ“. Мы передавали объ этомъ наши духовные, которые не были, конечно, свидѣтелями этой поражающей сцены. Подробностей не знаю, но она несомнѣнна. Говорятъ, супруга головы, здѣсь же присутствовавшая, пришла въ крайнее волненіе; а единственный сынъ головы, воспитанникъ гимназіи 8 класса, тутъ же вошелъ въ ложу прокурора и заявилъ объ оскорбленіи, нанесенномъ со сцены его отсутствующему отцу. Губернаторъ сидѣлъ въ ложѣ и смѣялся. Мы всѣ призадумались было, куда же все это могло повести. Зато возмущенные общественники рѣшились заплатить своему головѣ небывалою оваціей. Узнавъ день и часъ прибытія головы Д. С. Волкова, въ Уфу, они выѣхали всѣ на встрѣчу за городъ, на парходную пристань. Тамъ на берегу рѣки раскинули праздничную палатку и, когда голова сошелъ съ парходнаго трапа, все общество встрѣтило его привѣтствіями, громомъ музыки и ликованіемъ, въ нарочно устроенной палаткѣ, съ шампанскимъ и т. д., и т. д.

Скоро за этимъ послѣдовали дворянскіе выборы, на которыхъ и состоялось заявленіе всѣхъ дворянъ о неудобности губернатора, М. П-ча Щепкина.

Тутъ далѣе приходится сказать о самомъ главномъ, о *государственномъ значеніи службы Н. П-чи въ Уфимскомъ краѣ.*

Глубокое движеніе мусульманскаго инородческаго населенія на всемъ востокѣ Россіи началось собственно въ послѣднюю восточную войну. Говорилось, что въ эту войну здѣшніе мусульмане снимали луны съ мечетей; что это значило, не могу сказать. Значило-ли то, что они не солидарны съ мусульманами турецкими. Выражало ль это глубокую скорбь ихъ, какую выразило бы у Русскихъ вольное снятіе крестовъ съ церкви. Изъ-за какихъ то мелочей, изъ-за мелочныхъ ошибокъ управленія, послѣ восточной войны, пошло уже явное броженіе, при упорно поддерживаемой мусульманами молвѣ, будто хотятъ насильственно крестить ихъ. По мѣстамъ обнаружилась уже и противленіе власти, и насилія противъ низшихъ правительственныхъ лицъ. Мятѣжническое движеніе, начавшись съ Казани, шло волнами чрезъ Самарскую губернію и нашу, Уфимскую, явно съ запада на востокъ. Тогдашній нашъ губернаторъ, В. Д. Левшинъ, при этомъ благоразумно отсиживался, дѣйствуя мѣрами убѣжденія и прочими палліативами. Уфимскій муфтіи, огорченный этимъ несчастіемъ, расхворался и затворился. А казанскій губернаторъ Скарятинъ, какъ отважный русскій боець-правитель, пошелъ въ самую среду бунта, увидѣлъ и побѣдилъ,

налетѣлъ, надавалъ пощечинъ, перепоролъ десятка два буяновъ, по старинному, по русски и успокоилъ весь край. Увы. Петербургская интеллигенція, петербургская юриспруденція, петербургское чиновничество подняли снова вопросъ, счастливо, мирно рѣшенный и воскресили движеніе, дешево укрощенное нѣсколькими сотнями лозъ, раздѣленными на нѣсколько десятковъ грубіяновъ. Въмѣсто того, чтобы похвалить Скарятину за государственный удалой подвигъ, совершенно въ духѣ стародавней русской исторіи, его стали марать газетчики и предали суду чиновники-юристы.

Я пробовалъ не разъ заикаться самому М. Е. Ковалевскому о заслугѣ Скарятина (котораго впрочемъ самъ лично не жаловалъ за его дерзость, по казанскимъ воспоминаніямъ). Но сенаторъ-ревизоръ изволилъ возражать: „Такъ-то оно такъ. Да зачѣмъ же, когда надо посѣчь Татаръ, класть стариковъ голымъ животомъ на снѣгъ? Зачѣмъ вотъ это—какого-то урядника Татары избили, губернаторъ говоритъ ему: „Ну, кто тебя билъ изъ нихъ, указывай“.—Урядникъ указываетъ.—„Дай ему сдачи“,—говоритъ Скарятинъ, и урядникъ избиваетъ своего обидчика до полу-смерти, тутъ же, на глазахъ губернатора? Это же зачѣмъ?“ Пробовалъ я запкаться самому сенатору-ревизору, какъ въ послѣдствіи и губернатору Н. П-чу, что помимо писанной въ сводѣ законовъ юридической правды есть правда историческая, которая пишетъ уложеніе самой жизни, что Россія тысячу лѣтъ жила и развивалась, росла и крѣпла захватами, что живая организація въ своемъ ростѣ и должна укрѣпляться не инымъ чѣмъ, какъ захватами и ассимиляціей; что именно въ здѣшнемъ край мы Русскіе сдѣлались господами не иначе, какъ чрезъ захватъ, что у аборигеновъ-Башкиръ и донинѣ имѣются сотни тысячъ, милліоны и болѣе десятинъ земли, изъ которой они извлекаютъ самую жалкую пользу, часто хищничествомъ. продавая лыки, рубя лѣсъ и т. п., превращая необозримыя пространства въ голую степь.

Увы. Какъ же великому юристу Ковалевскому, какъ этому,—не умѣю отмѣтить специальности, въ какой онъ силенъ,—господину Щепкину понять и къ сердцу принять такія школьныя истины. Они прибыли въ этотъ край не затѣмъ чтобы закрѣпить здѣсь разнovidный русскій захватъ, а чтобы разрушить его. водворивъ на мѣсто его идеальную англійскую, американскую, юридическую правду. Я тогда же говорилъ, да и вашему высокопревосходительству писалъ, что они сочиняютъ здѣсь мятежно-аграрный и религіозно-отступническій вопросы. Самому М. Е. Ковалевскому Татарами-Башкирами подано по аграрному вопросу до 2000 просьбъ. Онъ отбылъ, не разсмотрѣвъ ихъ, а только

надававъ обѣщаній, что все, конечно, законное будетъ сдѣлано. А Татары-Башкиры поняли его обѣщаніе, по своей коварно-корыстной простотѣ, въ томъ смыслѣ, что все для нихъ будетъ сдѣлано. Просьбы переданы были, кажется, губернатору Шрамченко. Тотъ то же самое, что и я, говорилъ сенатору-ревизору, только говорилъ громко и рѣзко, за что и слетѣлъ совершенно невинно. Рѣшить башкирское дѣло присланъ былъ сюда Н. П-чъ Щепкинъ, по его словамъ М. Е. Ковалевскимъ: „Онъ-де меня послалъ сюда, какъ знающаго башкирское дѣло“.

И почали рѣшать на бумагахъ, въ канцеляріяхъ, возбудивъ однако же живыя страсти на всемъ широкомъ пространствѣ Уфимской губерніи. Вышло такъ, что поколебался религиозный, а вмѣстѣ и земельный укладъ: возстали инородцы крещеные на свою религію христіанскую, возстали Башкиры-Татары на Русскихъ, какъ на пришельцевъ, изъ-за земли; возстали Татары на Башкиръ; возстали Русскіе на Русскихъ: возстали на землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и на духовенство. Своеволіе религиозное и земельное охватило всѣхъ и мусульманъ и христіанъ. Поколебались всѣ отношенія до основъ государственно-религіознаго уклада. Появилась общая безсудность; небезопасность не только имущества, но и жизни, своеволіе, распатанность нравовъ даже въ низшихъ и всего болѣе, всего замѣтнѣе въ низшихъ слояхъ. Вотъ извѣстные мнѣ факты. —

Нужно замѣтить, что Н. П-чъ не ѣздилъ по губерніи, и края, по личному опыту, съ живого голоса совсѣмъ не знаетъ. А я ѣздилъ по такимъ путямъ, и ѣзжу, по которымъ ни одинъ губернаторъ здѣсь никогда не проѣзжалъ; бесѣдую по дружески съ становыми, иногда съ народомъ, всегда со священниками. А священники по селамъ да и вездѣ вѣдь знаютъ всю подноготную не только открытаго, но и закулиснаго быта. Такъ выходитъ: я знаю край по личному опыту, а онъ, Н. П-чъ не знаетъ, да и слушать явно не хотѣлъ, а возился только денно-нощно съ своими бумагами.

Въ прошломъ 1882 г., въ самомъ углу Стерлитамакскаго уѣзда (къ Оренбургу) старый и старослуживый становой, встрѣчая меня на перевозѣ чрезъ р. Бѣлую, говоритъ: „Простите, ваше пресос--о, что опоздать. Ужасныя дѣла. Вотъ въ эту ночь въ Воскресенскомъ заводѣ, (въ который мы ѣхали), сожгли старшину“.— „Кто же сжегъ?“— „Свои, и мы ихъ знаемъ, хотя, конечно, и не поймали съ поличнымъ“.— „Быть можетъ, старшина—деспотъ, взяточникъ?“— „Ничего не бывало, прекраснѣйшій, честный, смиренный старикъ“. Только что выѣхали въ Воскресенскій заводъ, видимъ пожарище, массу народа на пожарѣ,

самаго хозяина, совсѣмъ разбитаго. Въ церкви мы сами дали свою жертву и собрали пожертвованія на несчастнаго, вчера зажиточнаго старшину, сегодня разбитаго нищаго. У него какъ-то жалко рука висѣла, вѣроятно, была тяжело ушиблена, или отбита. Становой показывалъ мнѣ также и предполагаемыхъ, завѣдомыхъ поджигателей. По прибытіи въ Уфу, я рассказалъ объ этой сценѣ Н. П-чу. Тотъ не промолвилъ ни слова.

Тамъ же, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, только что предъ нашимъ прїѣздомъ, старослуживый исправникъ предпочелъ лучше оставить службу, чѣмъ ѣхать въ одно мѣсто, куда его посылали къ возмущившимся Татарамъ изъ-за земли. Тутъ, при нашемъ проѣздѣ, намъ сказано было, что тамъ во первыхъ избили и прогнали землемѣра,— это было извѣстно; затѣмъ рассказано конфиденціально неизвѣстное, что тамъ же появившагося, новоопредѣленнаго исправника, съ становымъ и понятыми Татары избили, стащивъ исправника съ лошади; и если исправникъ и становой спаслись отъ смерти, то единственно только потому, что удачно отступили и заперлись съ понятыми во дворѣ. Такъ какъ говорилось, что тамъ ожидался Н. П-чъ, то я по дружбѣ счелъ полезнымъ предупредить его, измѣнивъ чужому секрету. Н. П-чъ выслушалъ и промолчалъ. Впоследствии самъ рассказывалъ мнѣ, что былъ тамъ и, присѣвъ среди народа, помнится, на мѣшкѣ, умиротворилъ Татаръ рѣчью: „Что вы, братцы? Теперь я, братцы, прїѣхалъ къ вамъ одинъ. Но если вы не успокоитесь, то въ слѣдующій разъ прїѣду къ вамъ съ конвоемъ“... Но другіе рассказывали мнѣ, на дняхъ, что онъ туда и не доѣхалъ. Татары, встрѣтивъ его въ лѣсу, за 10 верстъ отъ мѣста, остановили его, объяснившись напрямки: „Бачка, тебѣ незачѣмъ къ намъ гулять.“ И онъ, поговоривъ съ ними тутъ, въ лѣсу, уѣхалъ въ Уфу. Кажется, больше онъ и не выѣзжалъ изъ Уфы.

Въ прошломъ же, 1882 году слышалъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ отъ становаго, что Русскіе въ этомъ уѣздѣ совсѣмъ обдѣлены землей, получивъ въ надѣль по полъ-десятинѣ. — „Ну, а у Татаръ?“ — „У тѣхъ не менѣе, какъ по 8 десятинъ на душу“. Татары сравнительно съ Русскими—бояре. Отчего Русскіе даже покидаютъ свои насиженные мѣста и разѣзжаются. Въ этомъ 1883 г. уже видѣлъ переселенческіе поѣзда. „Откуда“. — „Оттуда-то. изъ Мензелинскаго уѣзда“. — „Куда“. — „Въ Томскую губернію“. — „Зачѣмъ“. — „На жительство“. — „Отчего“. — „Земли вовсе нѣтъ, а чтобъ заарендовать, нужно дать 20—25 руб. въ годъ за десятину“. Тотъ же становой, провожая насъ, все охалъ: „Только лишь провожу васъ, приходится ѣхать въ такую-то волость“. —

„Такъ чего же вы пугаетесь“. — „Помилуйте, вѣдь къ нимъ мнѣ приходится ѣхать съ урядникомъ, да 5—6 понятими. А ихъ цѣлыя сотни. Они будутъ выступать деревня противъ деревни, съ кольями, косами и т. д.“ — „Татары противъ Русскихъ?“ — „Нѣтъ, Татары противъ Татаръ“.

Слышалъ отъ многихъ лицъ и отъ товарища прокурора. Особенно настроенъ Белебеевскій уѣздъ. Тамъ Татары особенно не спокойны. Вышли человекъ 100 на усадьбу и сожгли ее. — „П. П-чъ, конечно, передаетъ дѣло намъ, суду“, — говорилъ блюститель прокуратуры, — „а мы чтѣ сдѣлаемъ? Виновныхъ нѣтъ. Никто не сознается. Уликъ не имѣется. Слышали, конечно, какъ сынъ Горянскаго (племянника В. П. Бажанова сынъ, 14-лѣтній гимназистъ) застрѣлилъ человекъ-татарина?“ — „Слышалъ“, — говорю. — „Выѣхали цѣлою ордою рубить лѣсъ его папаша. А противъ орды выступилъ онъ — мальчикъ. да полѣсовщикъ. Кричатъ: „Не смѣйте рубить, стрѣлять будемъ“. Конечно, не слушаются, рубятъ. Тотъ стрѣлилъ наудачу дробью, изъ ружья. Вдругъ слышитъ: „Аллахъ, Аллахъ!“ Татаринъ оказался убитъ. Мы, конечно, невольнаго убійцу оправдали, сваливъ на туманъ и т. д.“

Изъ духовныхъ лицъ данъ былъ участокъ земли, по моему ходатайству, только старослуживому (37 лѣтъ службы въ здѣшнемъ краѣ) инспектору семинаріи Суходольскому. На эту землю право собственности онъ получилъ было только на бумагѣ, хотя и самъ ѣздилъ на мѣсто, кланялся мѣстному муллѣ, дарилъ и угощалъ мѣстныхъ Татаръ. Вообще издержался, расходовавъ не менѣе 300 руб. на землю, но пользы отъ нея не получилъ никакой. Къ собственному успокоенію, за нѣсколько дней до смерти, успѣлъ продать землю нѣкому К. Этотъ поѣхалъ на пріобрѣтенную землю, вооруженный съ ногъ до головы, но Татары, говорятъ, не только избили его, но даже высѣкли, колотя его. чѣмъ попало, не убили совсѣмъ только по счастливой случайности, что онъ, отступая задомъ, упалъ въ протокъ воды. А былъ съ пистолетомъ въ рукахъ, но кому же охота убить Татарина, чтобы попасть въ Сибирь.

Въ этомъ 1883 г. картина буйства, охватившая всю губернію, раскрылась предъ нами во всю ширь и глубь. Народъ нашъ открыто спрашивалъ: „Правда ли, что будетъ передѣлъ земли и скоро ли будетъ?“ Въ селѣ Ново-Троицкомъ Бирскаго уѣзда спрашиваемъ: „Гдѣ же учитель (почтенный, знакомый намъ человекъ)?“ — „Вызванъ, — отвѣчаютъ. — въ Уфу, къ его превосходительству“. — „Зачѣмъ?“ — „А онъ, изволите видѣть, управляющій имѣньями г. Ермолова. Его Татары предвараютъ: не ѣзди, моля, на землю, будешь убитъ. Онъ поѣхалъ съ

кучеромъ-Татариномъ. На нихъ вышло нѣсколько человѣкъ, кучеръ убѣждалъ, а его принялись бить, чѣмъ попало. Избили руки, разбили голову, окровавили и если не убили совсѣмъ, то потому, что умолили,—„Не бейте,—говорить,—не по своей волѣ, не моя земля“.— „Зачѣмъ же его въ Уфу потребовали?“—„Къ его превосходительству разспросить“.—„Не лучше ль было его превосходительству самому прїѣхать разобрать дѣло на мѣстѣ?“—„Ну, ужъ мы этого не знаемъ“.— „Ну, а полиція?“—„Что полиція! Теперь не тѣ порядки. Вотъ на дняхъ у насъ было убійство, драка между Русскими и Татарами. Такъ урядникъ только смотрѣлъ и пальцемъ не пошевелилъ.“—„Ну, а становой?“—„Становой? Да онъ нарочно отъ всякаго дѣла ускачетъ подалше“. Этотъ учитель, чрезъ нѣсколько времени возвратившись изъ Уфы, выѣзжалъ въ сосѣднюю деревню представиться намъ. И мы видѣли его собственными очами перевязаннаго, съ повязкой на головѣ, съ знаками побоевъ на лицѣ.

Этотъ становой, умный, бывалый человѣкъ поистинѣ поразилъ насъ своими по секрету откровеніями, общими соображеніями о положеніи дѣлъ. „Посудите,—говорить,—что мнѣ невыгодно быть дѣятельнымъ. Для нашего брата теперь нѣтъ преступленія и опасности больше, какъ превышеніе власти. Въдь, за преступленіе власти меня сошлютъ въ арестанскія роты. Продержи я кого либо лишній день подъ арестомъ, я несчастный человѣкъ, я лишусь службы, попаду подъ судъ, самъ въ острогъ, даже въ высшей мѣрѣ въ арестанскія роты. Драться, конечно, нельзя: попадешь подъ судъ за нетязаніе. Да и кто же нынче дерется. Такъ, пусть лучше тормозать меня за бездѣйствіе власти. Вотъ тамъ, на заводѣ Ж-го было на дняхъ побоище; я нарочно уѣзжаю въ сторону. Предлогъ удрать отъ дѣла отыскать намъ всегда не трудно. Станы большуціе. Дѣла всегда есть на разныхъ концахъ. Тамъ пьяный мужикъ ударилъ мастерового ногою и переломилъ обѣ берцовыя кости. А мнѣ-то что. Одно дѣло, чтобъ урядникъ составилъ актъ. Мы составимъ актъ и—мировому судѣ. А N N-чъ (имя и отчество мирового судьи) всѣхъ оправдываетъ и отпускаетъ. Онъ ужасно спсиходителенъ; разными смягчающія обстоятельства; да и доказательствъ большею частью трудно бываетъ доискаться. Что же намъ дѣлать при такихъ порядкахъ? А пусть люди справляются сами“.— „Пусть расправляются,—возражаю я,—судомъ Линча“.—„Пусть и судомъ Линча“,—спокойно отвѣчаетъ становой. „Да, вы думаете,—спокойно рассуждаетъ онъ,—что у насъ, на Руси судъ Линча не практикуется? Да еще какъ. Вотъ, не угодно ли тутъ, у дороги“... это мы шли по дорогѣ и, не стѣсняясь присутствіемъ многихъ, такъ рассуждали,—„вотъ, не угодно ли,—съ

легкимъ сердцемъ и веселымъ юморомъ предлагаетъ нашъ умный, бывалый становой, — тутъ, у дороги лежитъ человѣкъ, какъ разъ только что казненный судомъ Линча. — „Кто, Русскій?“ — „Нѣтъ, Черемисъ.“ — „Русскими казненъ?“ — „Нѣтъ, своими же, Черемисами.“ — „За что?“ — „Извѣстный конокрадъ.“ — „Что же они съ нимъ сдѣлали?“ — „Простымъ манеромъ перерѣзали горло, отволокли и кинули.“ — „Давно?“ — „Двое сутокъ тому назадъ, мнѣ урядникъ донесъ.“ — „И это васъ такъ мало беспокоить?“ — „А мнѣ что же. Я при дѣлѣ, провожаю васъ. Да и не могу ничего одинъ сдѣлать. Нужно дождаться уѣзднаго врача, чтобы онъ произвелъ осмотръ мертваго тѣла, тогда мы это мертвое тѣло поднимемъ и похоронимъ, коли врачъ разрѣшитъ.“ — „А преступники. Вы ихъ надѣетесь отыскать?“ — „Никакъ такой надежды не имѣемъ. Обыкновенно, эти дѣла оканчиваются ничѣмъ. Съ личнымъ не поймаютъ. Сами не скажутся. Да если бы и были улпчены, все равно: судъ оправдаетъ. Были де вынуждены.“...

Боже мой, куда это мы идемъ! Куда уже пришли? — „Далеко-ль отъ дороги?“ — „Саженой сто, не болѣе.“ Мы собирались идти по полю смотрѣть мертвое тѣло казненнаго Линчевымъ судомъ. Но пока бесѣдовали, не торопясь, надвинулись тучи, ночь и темень. — „Старый, молодой человѣкъ?“ — „Лѣтъ 18, мальчишка. Да ихъ тутъ цѣлая шайка, онъ не одинъ, работаютъ компаніей, на паяхъ. Развѣ ихъ переведешь.“ — „Да вы посудите же, куда мы идемъ?“ — „Да, мы то что же подѣлаемъ? Таково современное устройство правительства, судопроизводства. Наше дѣло составить полицейскій актъ, да представить судебному слѣдователю.“ — „Смотрѣть, сложа руки?“ — „Куда какъ безопаснѣе, чѣмъ дѣйствовать, да и смотрѣть то со связанными руками, потому что мы, собственно, и не можемъ дѣйствовать. Примѣрно вотъ эти недоимки. Вотъ ихъ теперь простили по манифесту. Что же вышло. Печальное нѣчто вышло, да и странное, да и страшное. Теперь степенные зажигочные хозяева, мужики намъ самимъ и говорятъ: „Видите, мы вамъ говорили. Говорили, что вы требуйте подати не съ насъ. Съ насъ вы всегда получите. А требуйте вотъ съ нихъ, съ этихъ безпутныхъ, этихъ крикуновъ, этихъ пропойць. А теперь вотъ имъ простили. Они же надъ нами теперь и потѣшаются: „впередъ-де вамъ наука“. А еще прежде того я слышалъ отъ одного землевладѣльца, что „я-де пользуюсь расположеніемъ своихъ прежнихъ крестьянъ и теперь. Я говорю имъ: „Вѣдь, у васъ есть же чѣмъ заплатить подати?“ — „Есть“, говорятъ. — „Отчего же вы не платите?“ — „Всѣ де не платягъ. Пускай съ нихъ, съ другихъ потребуютъ, тогда и мы подумаемъ“. Особенно этихъ земскихъ сборовъ не платягъ очень многіе, даже помѣщики, даже исправники, землевладѣльцы.

Это общее безсудіе пустило свои корни очень глубоко и широко. Теперь только чиновникъ бойся, какъ бы не обругать какую либо сволочь, чтобъ она сейчасъ же не потянула тебя къ суду. На чернаго же человѣка, которому нечего терять, управы стало ужасно, какъ мало. Лично мнѣ два купца-подрядчика на дняхъ говорили: „Наши суды—не стоящее дѣло. Даже исполнительные судебные листы—не стоящее дѣло. Самы съ своими рабочими справляемся кое-какъ. А суды—рукой махны“.

Кончу, однако же, поразительныя впечатлѣнія поѣздки по епархіи за сей 1883 г. Протоіерей именовитаго села Березовки на Камѣ жалуется мнѣ, что общественики хотѣтъ на церковномъ мѣстѣ строить училище, для котораго деньги жертвуетъ раскольникъ. Я говорю: „Ни для какого наипрекраснѣйшаго дѣла вы не имѣете права подарить мѣсто, составляющее собственность церкви, —тягайтесь судомъ“. Онъ обратился къ мировому судѣ, тотъ рѣшилъ въ пользу церкви. Но съ другой стороны ко мнѣ еще въ Уфу является отъ общества депутатъ съ заявленіемъ, что общество де хотѣтъ приступить къ стройкѣ. Я даю тотъ же отвѣтъ: „Не имѣете права; и я не имѣю права позволить вамъ это; требуйте свое право по суду“. Депутатъ къ губернатору; тотъ сказалъ то же самое. Тогда общество, какъ разъ къ моему прибытію въ Березовку, застроило училище. Этого мало. Депутація приходила ко мнѣ съ настойчивымъ приглашеніемъ, чтобы я самъ освятилъ закладку училища, говоря на сторонѣ, что „онъ де въ молитвѣ и благословеніи не имѣетъ права отказать“.

Въ большомъ селѣ Печонкинѣ на два причта было издавна отведено 66 десятинъ земли. Общество запахало ихъ для себя. Настоятель судился. Мировой судья приговорилъ въ пользу причта, и межы представлены. Тѣмъ не менѣе, общество пашетъ на себя.

Не вдалекѣ отъ Печонкина, на дачѣ землевладѣльца Б-го, рассказывалось, что тутъ, не вдалекѣ отъ него, въ имѣніи сенатора Чернавскаго, сожгли его усадьбу, управляющаго и съ нимъ еще 4-хъ человѣкъ. Товарищъ прокурора мнѣ сказывалъ, что по этому дѣлу уликъ къ разслѣдованію преступленія—никакыхъ. „Если бъ у насъ существовала сыскная полиція, а то полиція рѣшительно бездѣйствуетъ“.

По прибытіи въ Уфу узнаю. Архіерейскій домъ стоитъ на обрывѣ, надъ рѣкой. Какъ разъ подъ обрывомъ, на берегу р. Бѣлой, раскиданы бѣдныя лачужки, въ которыхъ проживали нѣкогда штатные архіерейскіе служители; отчего эта слободка и нынѣ слыветъ подъ

именемъ „Архіерейской“. Наши келейники, прислуга имѣютъ и нынѣ тамъ постоянныя знакомства и знаютъ все, что тамъ дѣлается. Въ прошлую Пасху, разсказываютъ, — ужасное дѣло: мужъ нашей прачки и еще одинъ молодой человѣкъ среди бѣла дня изнасиловали дѣвушку, случайно прибывшую сюда, на праздникъ Пасхи; кажется, они же убили старую женщину, старую горничную старыхъ баръ, пришедшую сюда въ гости, набивъ ей ротъ глиной. Я тогда же, при случаѣ, скзывалъ это губернатору Н. П-чу. Удостоилъ промолвить слово совершенно равнодушно: „Пустое, — говорить, — пьянствовали вмѣстѣ и разодрались... Старуха опилась де“ и т. п. Эти герои были на свободѣ до послѣднихъ дней. По возвращеніи изъ поѣздки по епархіи слышу: эти же два свободные героя ночью, въ паркѣ, около самага архіерейскаго дома, напали на ночной обходъ изъ пяти человѣкъ и изранили жандарма, который поступилъ даже въ больницу. Въ то же время, — никогда не бывалое дѣло, — нашъ архіерейскій домъ четыре раза подвергался нападенію воровъ, которые два раза произвели взломъ замковъ, дверныхъ скобъ и дверей. Въ первый разъ ломились ночью къ эконому-діакону, который находился дома и два раза выстрѣлилъ изъ пистолета, угрожая смертью разбойникамъ. Тѣ ушли, едва уже не высадивъ и вторую дверь, за которою укрылся стрѣлявшій экономъ. Теперь мы для защиты отъ ночныхъ разбойниковъ купили для дома полдюжины пистолетовъ. По городу ночныхъ грабежей также довольно. Разсказывали за вѣрное, что на одной, недалекой отъ Уфы, парходной пристани, ночью разбойники пустили въ воду барыню и двухъ приказчиковъ. Барыня и одинъ изъ приказчиковъ погибли, а одинъ, случайно поймавъ кинутую въ него жердь, прикрытый ночнымъ мракомъ, выплылъ на близъ лежащую мельницу.

Впрочемъ, что я ни сказалъ бы по личнымъ впечатлѣніямъ о тяжкихъ безпорядкахъ, возникшихъ въ правленіе Н. П-ча, оказывается блѣднымъ предъ заявленіемъ дворянъ Уфимской губерніи, которое препровождено въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и, повидимому, послужило поводомъ къ удаленію Н. П-ча изъ Уфы. Я добылъ частнымъ путемъ это заявленіе и копію съ него препровождаю совершенно конфиденціально. Оно поразительно, какъ документъ, основанный на дознанныхъ фактахъ.

Виновать-ли Н. П-чъ во всемъ этомъ только своею пассивностью, бездѣйствіемъ власти, или же особымъ направленіемъ своей дѣятельности. Несомнѣнно послѣднее. Въ томъ удостовѣряемся множествомъ фактовъ.

Когда, годъ тому назадъ отъѣзжалъ изъ Уфы весьма близкій и любезный мнѣ человекъ М. П. Бестужевъ, бывшій вице-губернаторъ, и я давалъ ему прощальный обѣдецъ, на которомъ присутствовали губернаторъ, муфтій, голова и другіе, Н. П-чъ говорилъ отъѣзжающему напутственную рѣчь, уже по окончаніи обѣда, въ которой высказался, что онъ, Н. П-чъ, въ совѣсти своей всегда бываетъ спокоенъ, когда вѣренъ началамъ, вынесеннымъ съ университетской скамьи, „Будьте, молъ, и вы (Бестужевъ также воспитался въ Московскомъ университетѣ, какъ и Н. П-чъ и росъ въ семейномъ кругу Аксаковыхъ, Хомяковыхъ, Щепкиныхъ) вѣрны началамъ студенчества, тогда, молъ, въ жизни будетъ прекрасно.“ Желая истинно по чувству доброжелательства намекнуть Н. П-чу, что, слѣдуя началамъ студенчества, онъ, какъ губернаторъ, выступаетъ, повидимому, на ложную дорогу, я позволилъ себѣ заикнуться предъ нимъ и всѣми присутствующими, что, молъ, когда принципъ студенчества становится на жизненномъ пути рождномъ, на который приходится наткнуться, идя прямо на него, то не лучше ли обойти рождонъ стороною. На это Н. П-чъ очень откровенно объяснился, что онъ не дорожитъ своимъ мѣстомъ, что какъ изъ гостиницы Блохина онъ перешелъ въ губернаторскій домъ, такъ, случись что-либо, онъ преспокойно же перейдетъ и опять изъ губернаторскаго дома въ гостиницу Блохина, что онъ-де бѣденъ, возьметъ свою шапку подъ мышку и скажетъ преспокойно: omnia mea pro te. Какія прекрасныя, великодушныя слова, когда приходилось только рисоваться. И какое некрасивое ничтожество дѣла впоследствии, когда пришлось перенести дѣйствительную невзгоду. Какое раздраженіе! Какая площадная ругань! Какая жажда найти враговъ себѣ вокругъ себя въ людяхъ, даже дружески къ нему расположенныхъ, минуя, однако же, только самого себя, единственнаго своего злого врага, или лучше друга-дурака, по баснѣ Крылова „Пустынный и медвѣдь“. Замѣчательно, что тутъ же у меня высокопочтенный и умный, и претонкій старецъ муфтій, воспользовавшись случаемъ свиданія съ губернаторомъ,—отношенія ихъ были уже холодны,—и свободою послѣобѣденной рѣчи, сталъ объяснять ему грабежи, производимые въ его—муфтія—имѣніяхъ на что Н. П-чъ жестко ему отпѣлъ: „Да я вамъ говорилъ и говорю: дайте мнѣ что нибудь, дайте мнѣ что нибудь“ (т. е. какіе нибудь документы, доказательства на безспорное право владѣнія). И тутъ же Н. П-чъ пренаивно рассказалъ при всѣхъ, какъ Саратовскій губернаторъ, товарищъ его по Московскому университету, князь В. П. Щербатовъ заподозрилъ его въ краснотѣ, на что Н. П-чъ ему сказалъ „Вы думаете, что я красненькій? Да, я красненькій, красненькій“. Вышло, такимъ

образомъ, что Уфимскій губернаторъ въ публичномъ собраніи самъ хвастался своею краснотою. Ба-а.....

Не имѣя никакой опоры въ нынѣшнемъ составѣ министерства вн. дѣль. совершенно неосновательно мня себя несокрушимымъ адамантомъ правды, Н. П-чь былъ, сверхъ чаянія своего, пораженъ въ своей гордынѣ молніею телеграммы о переводѣ своемъ въ Архангельскъ. Въ малодушномъ испугѣ онъ кинулся къ случайно проѣзжавшему чрезъ Уфу, мѣстному землевладѣльцу, тайному совѣтнику Лоде, искать у него опоры и ходатайства въ Петербургъ. Тотъ пріѣхалъ ко мнѣ, заручиться моимъ словомъ.—„Бѣдный этотъ Щенкинъ. Скажите,—онъ честный человѣкъ?“—„Да“ (т. е. ничего явно не стацилъ).—„Умный?“—„Да, допустимъ“.—„Трудолюбивый?“—„Безспорно. Сидѣлъ безъ устали надъ своими бумагами. Но судите же,—говорю я,—вѣдь. такой порядокъ невозможенъ. Вѣдь, если бы убили одного человѣка, и то жаль. А то, только и слышишь: тамъ убили. тамъ избили, тамъ подожгли“.—„Да, да, невозможенъ.“—„Виновать не онъ одинъ,—продолжаю я,—виновато правительство, виновата ревизія, виноватъ судъ надъ Скартиннымъ. Но вѣдь это разбой, кругомъ разбой?“—„Да, да,—сознается г. тайный совѣтникъ Лоде.—собственность не гарантирована. И Богъ знаетъ, что это они тамъ въ Петербургѣ изъ насъ сдѣлали. Сами раздавали эти несчастные участки. Напр., мнѣ предложили, я взялъ, убилъ на участокъ послѣднія свои средства. И вдругъ мы—воры! И никакой защиты. Да, да, такой порядокъ невозможенъ“.

Вообще въ послѣдніе дни сгруппировались въ моихъ ушахъ сообщенія съ разныхъ сторонъ и престраннаго характера.

Ново-назначенный директоръ Благовѣщенской учительской семинаріи (въ 35 верст. отъ Уфы) рассказывалъ, что открылъ у себя злую пропаганду, которая переваливала за Ураль, разрастаясь между уральскими казаками въ за-уральскихъ училищахъ. Являлся къ губернатору,—Н. П-чь отнесся такъ апатически, что пока дано приказаніе арестовать виновниковъ, тѣ успѣли слишкомъ многое около себя спрятать и истребить.

Жандармскій полковникъ прегорько жаловался на Н. П-ча; мало того, что самъ держалъ его вдали отъ себя, полиціймейстерамъ внушалъ: „отъ жандарма подальше, подальше!“: другого имени не было, какъ—„этотъ жандармъ“; въ послѣдніе дни жестоко кричалъ на него, неистово грозилъ „вы де всё затрепещете“ и проч. и проч.

Вице-губернаторъ нѣсколько разъ говорилъ: „Чѣмъ больше вникаю, тѣмъ больше странныхъ открытій. Представьте: начать съ того, что

скрылъ подъ сукно циркуляръ графа Толстого,—помните,—по еврейскимъ дѣламъ, что де этихъ да и нѣкоторыхъ другихъ мятежныхъ безпорядковъ онъ—министръ не допускаетъ, возлагая ихъ на законную отвѣтственность губернаторовъ и полиціи. Представьте, этотъ циркуляръ не былъ даже сданъ Н. П-чемъ“ и проч. и проч.

За нѣсколько дней до увольненія Н. П-ча, посѣтилъ свой земельный участокъ и затѣмъ Уфу бывший уфимскій, нынѣшній ярославскій губернаторъ, В. Д. Левшинъ. Почти все свое время онъ провелъ у меня. Въ день прибытія, 21 Іюля онъ поѣхалъ къ губернатору съ визитомъ, и не былъ принятъ. На завтра, 22 Іюля, свидѣлись въ соборѣ, и Н. П-чъ отдалъ ему визитъ. Послѣ В. Д. Левшинъ говорилъ: „Ба, да мы старые знакомые. Да я во дни оны посланъ былъ въ Калужскую губернію производить разслѣдованіе о немъ: тогда онъ былъ тамъ мировымъ посредникомъ. О, краснѣйшій изъ красныхъ. И удивительная у человѣка способность дѣлать себѣ враговъ. А какъ мало такта, умѣнья пріобрѣтать себѣ друзей“. И проч. и проч.

Впрочемъ, я представляю дальше общую картину этихъ открытій и сообщеній, предваряя, что все это стало ясно для меня, а факты извѣстны, только въ послѣдніе дни.

Почти одновременно съ назначеніемъ Н. П-ча Щепкина Уфимскимъ губернаторомъ, въ средѣ мѣстнаго общества распространились слухи о его крайне радикальномъ направленіи и взглядахъ. Уже ходили слухи, да и самъ Н. П-чъ не скрывалъ, что еще во время службы его мировымъ посредникомъ въ Калужской губерніи, своимъ образомъ дѣйствій онъ возбудилъ противъ себя всеобщія нареканія, имѣвшія отношеніе къ его политической благонадежности, что и вызвало тогда производившееся о немъ, по распоряженію правительства, разслѣдованіе, чрезъ чиновника министерства, В. Д. Левшина (бывшаго потомъ Уфимскимъ губернаторомъ), послѣ чего Н. П-чъ долженъ былъ оставить службу. Слышно было, что во время служенія его управляющимъ казенной палатой въ Саратовѣ произошла въ палатѣ растрата 12.000 руб., вскорѣ пополненная и оставшаяся невыясненною; что затѣмъ, въ бытность его въ Саратовѣ, въ службѣ, на представленіе о назначеніи его членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, послѣдовалъ отказъ со стороны министра внутр. дѣлъ, въ виду его политической неблагонадежности.

Въ положеніи губернатора Н. П. какъ бы стремился подтвердить такого рода слухи своими рѣчами и своимъ образомъ дѣйствій. Такъ, онъ, не стѣняясь, рассказывалъ о высокомъ наслажденіи, какое ис-

пыталъ онъ при ближайшихъ отношеніяхъ къ государственнымъ преступникамъ, ввѣреннымъ въ 1881 г. его надзору въ Петербургѣ, по должности инспектора тюремнаго управленія. Съ восторгомъ говорилъ о ихъ исключительныхъ дарованіяхъ и выдающемся развитіи. Въ Уфѣ, отдалившись почти отъ всего мѣстнаго общества, и относясь съ видимою для всѣхъ холодностію къ его представителямъ—губернскому предводителю дворянства, городскому головѣ, муфтію и другимъ, онъ собралъ около себя особый близкій кружокъ, состоявшій большею частью изъ людей скомпрометированныхъ, или же подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ числѣ ближайшихъ знакомыхъ его дома были: управляющій отдѣленіемъ Камскаго банка Кол-овъ, содержавшійся прежде подъ стражею по политическимъ причинамъ; пріѣхавшій въ Уфу одновременно съ Н. П-мъ членъ губернскаго присутствія Игн-ій, открыто, какъ говорятъ, смѣющійся надъ религіею и богослуженіемъ, которое онъ называетъ „глупостью“. Вице-губернаторъ рассказывалъ, что разъ какъ-то Н. П. послалъ за нимъ вечеромъ, и ему сказано было, что „я-де съ женою на всенощной“. — „Такъ, не повѣрите, по меньшей мѣрѣ недѣлю времени это въ ихъ кругѣ было предметомъ всяческаго глумленія.— „А, по всенощнымъ ходягъ!“ Они такъ стали противны моей женѣ, что мнѣ всегда большаго ухаживанья за женой стоило убѣдить ее побывать у нихъ.“ Этотъ Игн-ій въ моемъ личномъ присутствіи, при большомъ обществѣ, сдѣлалъ по моему непростительную выходку. Вскорѣ по прибытіи сенатора-ревизора Ковалевскаго—въ Уфу, муфтію давалъ ему обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Здѣсь въ присутствіи сенатора и всѣхъ, этотъ Игн-ій, одинъ изъ сенаторскихъ чиновниковъ, громко и рѣзко чрезъ столъ заспорилъ съ губернаторомъ П. П. Шрамченко. Чтобъ поразить его, губернаторъ говоритъ: „Помилуйте, мы по этому дѣлу имѣемъ два Высочайшихъ повелѣнія!“ На это Игн-ій выпалилъ дерзостью, смутившею всѣхъ: „А, что такое Высочайшее повелѣніе?—Листъ бумаги!“ Сказано было громко, совершенно несдержанно. Я взглянулъ въ глаза сенатора, съ которымъ сидѣлъ рядомъ. Тотъ только поморщился. Другомъ дома Н. П-ча былъ и врачъ Елпат-ій, высланный подъ надзоръ по прикосновенности къ политическому процессу. По рассказамъ жандармскаго полковника и директора Благовѣщенской учительской семинаріи, этотъ Елпат-ій, проживая въ Благовѣщенскомъ заводѣ, сильно и вредно вліялъ на семинаристовъ, будущихъ народныхъ учителей, и жандармскому полковнику большихъ хлопотъ стоило убѣдить Н. П-ча убрать этого умнаго, но вреднаго человека изъ Благовѣщенскаго завода. Но, согласившись убрать его оттуда, Н. П-чъ перевелъ его въ Уфу и даже приблизилъ къ своему

дому. Друзьями губернаторскаго дома были еще,—трудно повѣрить, если бь не увѣрялъ въ этомъ г. вице-губернаторъ,—сосланная въ Уфу по дѣлу о московскомъ взрывѣ, Долгорукая; выгнанный студентъ Блу-въ, сидѣвшій въ острогѣ по политическому дѣлу и опредѣленный Н. П-чемъ на должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ; недоучившіеся молодые люди Со-овъ и Ар-овъ, имѣющіе репутацію подозрительныхъ личностей социалистическаго пошиба. опредѣленные Н. П-мъ въ составъ губернаторской канцеляріи. Къ этому же кружку примыкали, какой-то Енор-ло, судившійся за политическое убійство (кажется, по дѣлу Нечаева). освобожденный будто бы по невмѣняемости, въ виду психическаго расстройства и на другой же день по выходѣ изъ замка принятый интимно въ домѣ губернатора; какія-то страннаго нигилистическаго вида акушерки-фельдшерицы. появившіяся неизвѣстно откуда и проживавшія въ губернаторскомъ домѣ въ качествѣ подругъ дочери Н. П-ча, пожилой курсистки, которая съ своей стороны, и интимностью отношеній къ высланнымъ подъ надзоръ и вообще подозрительнымъ личностямъ, и своими разъѣздами по деревнямъ съ непонятною цѣлью, и открытымъ пренебреженіемъ какъ къ мѣстному обществу, такъ и къ общепринятымъ требованіямъ приличія,—также возбуждала общее изумленіе, а въ средѣ простого народа глумленіе, или даже негодованіе, выразившееся упорнымъ повтореніемъ, на видныхъ пунктахъ города и даже на стѣнахъ губернаторскаго дома, пасквильныхъ надписей. что продолжалось, несмотря на все полицейскія мѣры, нѣсколько мѣсяцевъ,—также присылкою въ земское собраніе анонимныхъ писемъ, которыя обвиняли ее въ социалистическихъ стремленій и т. п.

Разсказываютъ г. вице-губернаторъ, жандармскій полковникъ и другіе, что какъ только возникла мысль отпраздновать событіе священнаго коронованія торжественнымъ обѣдомъ въ залахъ дворянскаго дома, Н. П-чь отнесся къ этой мысли съ видимою неохотою и даже пытался отговаривать отъ подписки на обѣдъ. Когда праздникъ этотъ. тѣмъ не менѣе, состоялся, то во время обѣда, при многочисленномъ стеченіи, онъ обнаруживалъ непонятное и крайнее раздраженіе и вышелъ изъ зала, даже не дождавшись окончанія гимна, что всеми было замѣчено. Одинъ разсказъ, слышанный мною изъ первыхъ устъ, затрудняюсь даже повторить... То же раздраженіе высказывалъ онъ и вечеромъ, при осмотрѣ иллюминаціи присутственныхъ мѣстъ. выразившись при этомъ такъ: „Это только дымъ да копотъ разводитъ!“ (слышалъ изъ первыхъ устъ).

На другой день, во время торжественнаго спектакля въ театрѣ, онъ, говорятъ, удалился, какъ только стали поднимать занавѣсъ, чтобы исполнить, назначенный программой, отрывокъ изъ „Жизни за Царя“. Вскорѣ послѣ того онъ позволилъ себѣ читать своимъ знакомымъ письмо своей дочери изъ Москвы, въ которомъ та выражалась, будто бы Государь смотритъ совсѣмъ старикомъ. Все это породило не мало толковъ: что бы все это значило?

Странно также, что, направляя все свои усилія къ преслѣдованію лицъ, почему либо возбуждавшихъ его непріязнь, онъ употреблялъ всевозможныя мѣры къ собранію и распространенію оскорбительныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ посредствомъ даже газетныхъ корреспонденцій, которыя составлялись, какъ говорятъ, подъ его руководствомъ. Съ другой стороны, утверждаютъ, что въ отношеніи приговоровъ сельскихъ обществъ о высылкѣ порочныхъ людей Н. П-чъ открыто въ засѣданіяхъ высказывался, что представленіе обществамъ этого законнаго права есть дѣло возмутительнаго насилія надъ личностью, вслѣдствіе чего дальнѣйшее направленіе такихъ приговоровъ обставлялось всевозможными затрудненіями. Высказывался, что законъ давности въ сущности есть кража частной собственности. Мѣры, принимавшіяся помимо его къ огражденію общественнаго спокойствія, приводили его въ негодованіе. Такъ, Н. П-чъ съ бранью отзывался о надзорѣ, установленномъ жандармскимъ полковникомъ надъ группой крайне подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ, явившихся въ Белебеевскій уѣздъ подъ видомъ устройства земледѣльческаго хозяйства въ средѣ сельскаго населенія. Объ этомъ надзорѣ Н. П-чъ выразился: „Дураки-жандармы не даютъ молодымъ людямъ спокойно заняться мускульнымъ трудомъ“. Впрочемъ, жандармы выжили этихъ проходимцевъ изъ уѣзда и пресѣкли ихъ „мускульный трудъ“, подъ которымъ, весьма вѣроятно, скрывалась пропаганда.

Въ отношеніи поземельныхъ правъ землевладѣльцевъ Н. П-чъ, не давъ себѣ труда ни раза въ полтора года объѣхать и обозрѣть губернію и, прикрываясь тою, публично проповѣдуемою имъ, мыслью, что всѣ, купившіе землю у Банкиръ и получившіе участки отъ правительства—воры и разбойники, хищнически завладѣвшіе землею,— Н. П-чъ не только не оказывалъ живого содѣйствія къ защитѣ землевладѣльцевъ отъ возникавшихъ въ послѣднее время во множествѣ случаевъ грубаго нарушенія ихъ правъ, соединеннаго съ насиліемъ, поджогами и убійствами, но какъ бы злорадствовалъ въ этихъ случаяхъ, видя въ такихъ дикихъ проявленіяхъ самоуправства торжество стихійной силы народа надъ соціальною неправдой. По поводу случа-

евъ этого рода Н. П-чъ высказывалъ, что, если бы его братъ, или сестра были изувѣчены Башкирами на участкѣ, прибрѣтенномъ отъ правительства, то онъ—губернаторъ не пошевельнулъ бы пальцемъ для ихъ защиты. Дѣло доходило до того, что когда Башкиры одного селенія (дер. Слаковой) въ 1882 г. письменно заявили губернатору, что они не допустятъ владѣть землею сосѣднихъ владѣльцевъ, получившихъ участки отъ правительства, то Н. П-чъ не сдѣлалъ по этому заявленію никакихъ распоряженій и передалъ его въ губернское присутствіе, гдѣ это заявленіе и осталось безъ послѣдствій. Рассказываютъ, что въ Іюнѣ генералъ Вороновъ телеграммой извѣщалъ Н. П-ча, что Башкиры, захвативъ самоуправно его поле, нанесли тяжкія увѣчья, съ переломомъ реберъ его управляющему и просилъ защиты; по телеграммѣ этой начальникъ губерніи призналъ возможнымъ только приказать собрать свѣдѣнія, сколько десятинъ земли купилъ г. Вороновъ и почему заплатилъ за десятину; въ этомъ смыслѣ и наложена губернаторомъ резолюція на телеграммѣ.

Получивъ въ Іюлѣ приказъ о перемѣщеніи на должность Архангельскаго губернатора, Н. П-чъ впалъ было сначала въ уныніе, а затѣмъ въ раздраженіе, при чемъ высказался начальникамъ отдѣльныхъ частей, что онъ подалъ въ отставку, такъ какъ съ такимъ министромъ, какъ графъ Толстой, служить не стоитъ, что съ нимъ служить можно только подлецамъ, что онъ не ручается за себя, при встрѣчѣ съ министромъ, и потому не желаетъ видѣться съ нимъ.

При отъѣздѣ Н. П-ча изъ Уфы на пароходѣ не было никого изъ мѣстнаго дворянства и общества, а было лишь нѣсколько служащихъ лицъ, да члены его интимнаго кружка, въ томъ числѣ упомянутая политическая ссыльная Долгорукая и какая-то женщина-врачъ.

Очевидцы увѣряютъ въ непостижимой странности, что, стоя уже на трапѣ парохода, Н. П-чъ указывалъ громко на свои дружескія отношенія къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода и сенатору Ковалевскому и публично грозилъ, что „ѣдетъ свободнымъ человѣкомъ въ Петербургъ, чтобы свободно пакостить,—собственные его слова,—Уфѣ, и что Уфа еще затрепещетъ отъ его мщенія“...

Это непостижимо. Когда кто отдаетъ свою душу врагу и прикрывается лицемѣриемъ, то рано-ли, поздно-ли дьяволъ сядетъ чело-вѣку на шею и когда либо выворотитъ продавшуюся ему душу на изнанку, на позоръ всѣмъ. Губернаторъ Вл. Дм. Левшинъ выѣзжалъ изъ Уфы священнолѣпно: мы ему торжественно служили напутственное молебствіе, благословили иконою, сказали въ церкви благодарствен-

ную, прощальную рѣчь. П. П. Шрамченко служилъ Уфѣ мало, къ церкви не былъ горячъ и уѣзжалъ отъ насъ подѣ неблагопріятными условіями чиновника, забракованнаго высшимъ правительствомъ, такъ что выражать ему при прощаньи манифестативное сочувствіе значило бы отчасти протестовать противъ высшей власти. Тѣмъ не менѣе мы отпустили его съ миромъ, съ сожалѣніемъ и благожеланіями. Я давалъ ему прощальный объѣдъ, благословилъ его иконою и провожалъ изъ его дома въ послѣднюю минуту отъѣзда. О Николаѣ же Павловичѣ послѣ сдѣланнаго дворянствомъ заявленія, разнеслось, что онъ и меня причисляетъ къ своимъ врагамъ и честить именемъ „доносчика“. Я написалъ ему въ сдержанныхъ, но категорическихъ выраженіяхъ, что на него „не доносилъ“, что пробовалъ даже намекать ему на положеніе вещей и указывать нѣчто въ родѣ добрыхъ совѣтовъ, соблюдая высшую деликатность, не желая измѣнить никому, дѣйствуя умиротворительно. Когда стало возможнымъ говорить о переводѣ его въ Архангельскъ, я самъ поѣхалъ къ нимъ проститься. Я говорю имъ обоимъ: „что въ вашихъ дѣлахъ я только одинъ разъ принялъ то участіе, что, узнавъ стороною намѣреніе городского головы торжественно отказаться отъ службы въ концѣ истекшаго года, я преподалъ ему совѣтъ: не вносить раздраженія, соблюдать миролюбивую политику и умереть по службѣ, если ему суждено, мирною естественною смертію. Онъ принялъ благожелательный совѣтъ и вышелъ съ успѣхомъ“. Онъ на это промолчалъ, а она рѣзко выразила свое недовѣріе моимъ словамъ. А я подумалъ: „Какіе они—неблаговоспитанные люди. Мнѣ говорить въ лицо, что я лгу. А я-жь—архіерей“. Конечно, я имъ не могъ сказать, что жандармскій полковникъ мѣсяца два тому назадъ, очевидно, по предписанію высшаго правительства секретно спрашивалъ меня объ отношеніи Н. П-ча къ дѣлу станового Иванова, къ татарскимъ отпаденіямъ и еще объ одной мелочи, при чемъ я высказался по архіерейской совѣсти. Назавтра онъ самъ пожаловалъ ко мнѣ проститься. Говорили мирно. Въ минуту растанья я перекрестился передъ образами, благословилъ его иконою его ангела, святителя Николая, которую онъ и принялъ, повидимому, съ движеніемъ чувства. Уже поворачивая ко мнѣ спину, онъ произноситъ слѣдующія словъ: „Извините на какихъ либо выраженіяхъ; я—человѣкъ не общенабелный...“ Я не поѣхалъ провожать его по двумъ причинамъ. Первая и главная: на немъ отяготѣли упреки мѣстнаго населенія, тяжкіе упреки; я не имѣлъ основанія признать ихъ неосновательными. Я выражался: „Противъ него, какъ человѣка, я не имѣлъ бы ничего, но я противъ его системы“, и мнѣ въ послѣднюю минуту не хотѣлось выставиться предъ всѣми его партизаномъ. А затѣмъ мнѣ крайне претило это его небрежное

отношеніе къ церкви. Съ 22 Іюля онъ ни раза не былъ въ церкви. На всенощной, наканунѣ Преображенія, конечно, не былъ. И отъѣздъ свой изъ Уфы назначилъ въ день Преображенья, во время обѣдни. Пароходъ почему-то опоздалъ, и Щепкины отдѣлились отъ уфимскаго берега въ 4 часа пополудни. И отдѣлились съ циническими ругательствами и нелѣпыми угрозами. „Я ѣду въ Петербургъ свободнымъ гражданиномъ, чтобы свободно пакостить Уфѣ“,—это были его послѣднія слова. Достойно-ль это его сѣдыхъ волосъ? Его званія бывшаго губернатора уфимскаго и настоящаго губернатора архангельскаго?..

Передавая мнѣ эти послѣднія слова г. Щепкина, вице-губернаторъ выразился: „Желательно, чтобы это пакощенъе осталось только пакостью этого господина, не болѣе“.

Прошу прощенія.

Примите, ваше высокопревосходительство, выраженіе моего глубокаго къ вамъ уваженія и признательнаго сочувствія...

Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Петербургъ. 27 Сентября, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Душевно благодарю васъ за обстоятельное и любопытное письмо ваше въ отвѣтъ на мою просьбу; простите, что посреди многихъ вашихъ трудовъ былъ я причиною новаго и нѣмалаго труда. Письма ваши, здѣсь безъ меня полученныя, были мнѣ пересланы за границу и тамъ прочитаны мною съ живѣйшимъ интересомъ,—но п съ глубокимъ сокрушеніемъ.

Увы. Не въ первый разъ приходится ошибаться, особливо въ наше время, когда такъ обильно льются слова и выставляются вмѣсто дѣла. Я былъ, такъ сказать, однимъ изъ поручителей за Щепкина, при его назначеніи,—хотя возбуждался о немъ сомнѣнія... Щепкина я зналъ давно, еще молодымъ человѣкомъ, когда онъ начиналъ службу въ Москвѣ, въ сенатѣ. Съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ виду. На сей разъ склонилъ меня своими отзывами о немъ М. Евгр. Ковалевскій, склонилъ, удостовѣривъ, что Щепкинъ имѣетъ правильное понятіе объ инородческомъ вопросѣ въ Уфимской губ. и будетъ дѣйстви-

вать заодно съ вами. А какъ взгляды на это дѣло, кои выражалъ мнѣ Ковалевскій, не противорѣчили съ моими и какъ васъ, архіерея, Ковалевскій выставлялъ правоправящимъ и разумно-мыслящимъ человекомъ, то я и рѣшился подкрѣплять мысль о назначеніи Щепкина въ Уфу, и такъ на умѣ у меня было послать вамъ въ лицѣ его подкрѣпленіе.

Затѣмъ, въ бытность его губернаторомъ, онъ писалъ мнѣ и просилъ противодействовать утвержденію въ должности мирового судьи нѣкоего Блютмера. А какъ я лично зналъ сего Блютмера за развратнаго человека и политически неблагонадежнаго, то и получилъ въ этомъ разсужденіи Щепкина какъ бы свидѣтельство о томъ, что онъ имѣетъ правильный вкусъ въ людяхъ. Затѣмъ еще разъ писалъ онъ, выставляя въ самыхъ черныхъ краскахъ Волкова, по случаю избранія его въ городскія головы, но въ это дѣло я уже не могъ мѣшаться.

Вотъ всѣ мои отношенія къ Щепкину. Нынѣ изъ письма вашего вижу явственно, что онъ пустой человекъ, преисполненный фальшивыхъ представленій о себѣ и о людяхъ и совсѣмъ негодный для дѣлъ управленія. *Requiescat in pace!*

Что касается до общихъ вопросовъ, кои по сему поводу вами указываются и сами возникаютъ,—то это дѣло великое,—и въ настоящую минуту превышающее умъ человѣческой, ибо явное дѣло, что нынѣ Господь Богъ въ гнѣвъ Своемъ „ослѣпилъ очи русскихъ руководящихъ людей и окаменилъ сердца ихъ“. Разумъ бездѣйствуетъ, воля раскисла, воображеніе питается фантастическими видами. Услышимъ, что речетъ о насъ Господь...

Писалъ я вамъ лѣтомъ по дѣлу о церковно-приходскихъ школахъ и рекомендовалъ просить у насъ денегъ, покуда деньги есть. Отвѣта не имѣю,—а время идетъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Пошляю вамъ только что изданную книжку „Дополненіе къ письмамъ о Богослуженіи“ и брошюру Пльминскаго.

Петербургъ. 1 Октября, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

На сихъ дняхъ получена бумага ваша съ вѣдомостью церковно-приходскимъ школамъ и съ просьбой отпустить на оныя 1000 руб. Желаніе это будетъ конечно, исполнено: но у меня въ умѣ было нѣчто иное, выходящее изъ предѣловъ истиннаго положенія и вѣрности. Мнѣ представлялось, что вы во время частыхъ вашихъ поѣздокъ по епархіи, имѣли, конечно, случай различить усердныхъ священнослужителей со рвеніемъ вступившихъ въ дѣло народнаго обученія и ослабѣвающихъ по недостатку средствъ, пособій и личнаго поощренія. Если бъ вы имѣли въ виду таковыхъ, то благоволите написать: мы и еще готовы служить вамъ въ текущемъ году на такое дѣло. На учебники и учебныя пособія тоже можетъ быть помощь. Теперь у насъ оканчивается печатаніемъ въ числѣ 4000 учебный часословъ для народныхъ школъ, исправленный Н. Ив. Ильминскимъ.

Кстаги о книжкахъ. Въ полученномъ сегодня № Уфимскихъ епарх. Вѣдомостей есть корреспонденція изъ Мелеуза, которая навела меня на опасенія. Вижу, что и г. Эннатскій, и священникъ, конечно, ничтоже сумняся, распространяють брошюры изъ „Общества распространенія религіозно-нравственныхъ книгъ.“ Знають ли они, что это „Общество“, къ сожалѣнію, утвержденное правительствомъ, все состоитъ изъ пашковцевъ, имѣетъ исключительной цѣлью распространеніе пашковскаго ученія и въ этомъ духѣ издаетъ брошюры, изъ коихъ многія пропущены, конечно ничего не разумѣющею Духовною цензурою. Они ведутъ пропаганду самаго вреднаго свойства. Книжная лавка г. Гроде, которая помянута въ корреспонденціи, служитъ органомъ той же пропаганды и складомъ подобныхъ изданій. О фанатизмѣ ихъ можно судить по тому, что эта книжная лавка, напр. забирая синодальныя изданія Библии, вырываетъ изъ нихъ листы съ текстомъ такъ называемымъ апокрифическимъ (коего нѣтъ въ англійскомъ текстѣ) и въ такомъ урѣзанномъ видѣ, подъ общимъ переплетомъ продаетъ книги. Желательно было бы объяснить г. Эннатскому, въ какомъ темномъ углу онъ ищетъ свѣта. Между тѣмъ, по распоряженію моему составленъ былъ и разосланъ при Сельскомъ Вѣстникѣ указатель книгъ, который можетъ служить надежнымъ руководствомъ при ихъ выпискѣ.

Въ томъ же № Уфимскихъ еп. вѣдом. нашель я ваше поученіе о крестѣ для раскольниковъ и единовѣрцевъ. Мнѣ кажется, было бы полезно отпечатать его отдѣльной брошюрой и распространить тамъ

въ особенности, гдѣ требуется. Надѣюсь, что вы не встрѣтите основательнаго къ сему препятствія; впрочемъ буду ожидать вашего отзыва.

Съ совершеннымъ почтеніемъ....

К. Побѣдоносцевъ.

1883, Октября 4. Уфа.

Ваше высокопревосходительство,

высокочтимый Константинъ Петровичъ.

Прошу прощенія. Теперь имѣется поводъ разъяснить предметъ, о которомъ хочу писать. Постараюсь быть краткимъ.

При посланіи отъ 26 Іюня прошлаго 1882 г. ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку уфимскаго землевладѣльца Николая Васильевича Эннатскаго, писанную еще въ 1881 г. на восьми съ половиною большихъ почтовыхъ листахъ самаго убористаго письма о разныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ уфимскаго духовенства и епархіальнаго начальства, съ не особенно лестнымъ отзывомъ также о настоящемъ епископѣ уфимскомъ.

По архіерейской совѣсти говорю: душевно признателенъ вашему высокопревосходительству за довѣріе и благоснисходительность, но больно мнѣ было за это нападеніе и за это извращеніе истины, за это лицемѣріе человѣка, который далеко ниже фарисеевъ, современниковъ Господа Іисуса Христа. Но чтобы запасть матеріалами, да и самому себѣ разъяснить нѣкоторыя вещи, я секретно вызвалъ къ себѣ священника села Прас-на, гдѣ домъ Н. В. Эннатскаго.

Вотъ важнѣйшіе изъ отвѣтовъ этого священника.

1) О неправильномъ веденіи духовныхъ росписей Н. В. Эннатскій знаетъ по собственному опыту. Три родные брата, Петръ, Димитрій и Николай Эннатскіе, кромѣ жены Димитрія, не бывали въ церкви. Петръ былъ въ церкви раза два, со времени поступленія сюда, съ 1875 г. Николай не былъ ни раза, а тутъ въ селѣ Праск-нѣ живетъ. Петръ живетъ въ деревнѣ Петровкѣ, въ 10 верстахъ, Димитрій въ дер. Дѣдовкѣ, въ 5 верстахъ. Жена (называемая) Николая одинъ разъ была. Дѣти ихъ, уже кадеты, никогда въ церкви не бывають, зашли одинъ единственный разъ въ церковь только при моемъ посѣ-

ценіи въ 1882 г. Николай провожалъ меня съ версту, когда я шель пѣшкомъ съ горы, до самой церкви, но въ церковь не зашелъ. Исповѣдывалась только жена Димитрія. Петръ и Димитрій рассказывали, будто говѣли въ Москвѣ. Но Николай нигдѣ не говѣлъ.—„А вы записывали его бывшимъ у исповѣди?“—„Простите, ваше преосв-о. записывалъ“,—согласился смущенный священникъ.—„Вотъ, вамъ и награда“.

2) По словамъ г. Эннатскаго духовенство даетъ фиктивные отчеты объ училищахъ, подбираетъ къ архіерейскому пріѣзду пѣвцовъ изъ разныхъ училищъ. По двукратному моему личному усмотрѣнію и по точнымъ показаніямъ священника въ приходѣ Праск-ой церкви (на 944 ревизскія души, между ними инородцевъ менѣе половины, почти все Чуваши немного и Мордвы, кромѣ села 10 деревень)—четыре школы.—1. Первая церковно-приходская при церкви, въ селѣ существовала и существуетъ, преподаватель священникъ и жена его занимались два года, псаломщикъ училъ пѣнію. 2. Въ деревнѣ Дѣдовой—церковно-приходская же; слабо существовала одинъ годъ, училъ священникъ, помогалъ одинъ ученикъ. 3. Инородческая, въ дер. Корной (въ 7 верст. отъ церкви) министерства народн. просвѣщенія, учитель изъ Чувашъ, отъ П. И. Пльминскаго. 4. Вторая, инородческая же, въ дер. Новосел-ой, такая же, существовала болѣе 10 лѣтъ, учитель изъ Чувашъ, опредѣленъ инспекторомъ. Это довольно для одного прихода. Ученики всехъ этихъ училищъ въ оба мои посѣщенія съѣзжались въ церковь съ своими учителями. Тутъ при мнѣ пѣли и порознь каждое училище и все вмѣстѣ, какъ Русскіе, такъ и инородцы. Такъ у насъ постоянно бываетъ и по праздникамъ.

3) Г. Эннатскій въ восторгѣ отъ муллъ и татарскаго населенія. Священники увѣряютъ, что Татары пьютъ же водку очень много. Я вижу и знаю, что особенно въ Стерлит-омъ уѣздѣ, гдѣ и село Праск-но, тамъ Татары—голые пролетаріи отъ лѣности, сравнительно съ Русскими, которые гораздо домовитѣе, хозяйственнѣе, нравственнѣе и во всехъ отношеніяхъ благонадежнѣе.

4) Рассказываетъ нелѣпости о пьянствѣ и дурачествахъ на баллотировкахъ благочинныхъ. При выборахъ благочиннаго Геллертова (въ высшей степени скромнаго), „даже поздравки никакой не было, баллотировали грецкими орѣхами, шаровъ не было“. У о. протоіерея Сперанскаго (скончался; благоговѣйнѣйшій пастырь былъ), у того для баллотировки священникамъ давали шары, а псаломщикамъ грецкіе орѣхи, для отличія голосовъ.

5) Комически пасквильно инсинуируетъ г. Эннатскій, что, выѣзжая отъ Прасковинскаго священника, архіерей не разъ освѣдомлялся: „Готово-ли?“ между тѣмъ свита просила у священника денегъ: „Кормить то, братъ, покормилъ, а денегъ на дорожку все таки дай“. И какъ разданы были пакетики, архіерею доложено: „Готово“, при чемъ „священникъ обложился однимъ пакетомъ“ (не понимаю что это значитъ). Я читаю это священнику.—„Это что такое?“—„Это правда, отвѣчаетъ смущенно священникъ,—отецъ иподіаконъ Бѣляевъ (скончался, прекрасный, благовоспитанный человѣкъ) просилъ. Да, это была шутка,—свѣтло прибавляетъ священникъ,—Мы—товарищи по школѣ: Бѣляевъ старше однимъ курсомъ, а регентъ (священникъ Скворцовъ) одного со мною курса. Мы вмѣстѣ шутили и смѣялись“.—„Какъ же Эннатскій узналъ?“—„Да поваръ отъ него былъ: вѣроятно, слышалъ.“—„Архіерею то сколько же выдали.“—Священникъ молча жметъся, зная, что у него и не просили, и онъ не давалъ.

6) По заявленію священника, Николай Эннатскій весь вѣкъ открыто прожилъ съ женой оренбургскаго чиновника, который самъ оставался въ Оренбургѣ, а она тутъ жила въ качествѣ экономки. Жена рождала дѣтей, которые записаны на мужа. Самъ Эннатскій нигдѣ не служилъ, постоянно привязывается къ писарямъ, смотрителямъ станцій, жалуется, доноситъ. Всѣ три брата Эннатскіе другъ у друга никогда не бывають, враждуютъ. Положеніе его священника, между ними тремя, крайне тяжкое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упалъ мнѣ въ ноги: „Ради Христа умоляю, ваше преосв-во. переведите меня въ другой приходъ. Теперь они меня совсѣмъ съѣдятъ. Куда бы то ни было только чтобъ здѣсь не оставаться“. Я уважилъ его просьбу.

7) Въ первое мое посѣщеніе села Праск-на г. Эннатскій, живя здѣсь, не вышелъ. Но въ посѣщеніе 1882 г.,—въ видахъ наблюсти и донести,—какъ дѣлали во дни оны фарисей, саддукеи, иродіаны, вышелъ мнѣ на встрѣчу, когда мы пѣшкомъ спускались съ горы, благословенія не бралъ, развязно—небрежно совалъ мнѣ свою руку, его дѣти—кадеты также совали мнѣ свои рученки для рукопожатія; отецъ, при народѣ, долго шелъ со мною рядомъ, плечо о плечо, въ пиджакѣ, не снимая шапки и занимая меня удорно пошлыми разговорами, не обращая вниманія на то, что я шокировался его и обществомъ, и неблагопристойностью. Когда подошли къ церкви, въ церковь онъ не вошелъ, взявъ, однако же слово, что я сдѣлаю ему визитъ. Когда, на обратномъ пути поднялись мы пѣшкомъ на полу-гору, гдѣ его домъ, онъ удостоилъ выйти, при чемъ всѣ они опять совали мнѣ свои рукопожатія, но принялъ у себя неприлично, въ при-

хожей, прямо въ тѣсномъ, заставленномъ всякой всячиной кабинетѣ. Когда вошла его нареченная, но въ дѣйствительности хотя и не нареченная его жена и дѣти, также моя свита изъ четырехъ лицъ, благочинный, становой, —самъ хозяинъ сѣлъ за столъ, я какъ-то съ боку стола втиснулся, а прочимъ и сѣсть было не начто; нареченная жена стояла, опершись на столъ локтями.

И этотъ человѣкъ безъ религіи, язва и растлѣніе прихода, вспоминаетъ правила грамматики, которыхъ никогда не зналъ, а что зналъ, забылъ, своимъ безграмотнымъ мараньемъ поправляетъ недостатки архіерея и духовенства, учитъ уму-разуму оберъ-прокурора св. синода, какъ цѣлесообразнѣе направлять дѣла церкви, самъ не чувствуя нужды ни въ духовенствѣ, ни въ церкви, ни, повидимому, даже въ Богѣ.

Тогда мнѣ противно было отвѣчать на это лицемѣрно подлое маранье. Но вдругъ самъ Промыслъ подаетъ поводъ преодолѣть самого себя.

18 Сентября уже сего года получаю телеграмму: „Прошу разрѣшить похоронить тѣло умершаго брата Николая въ выходѣ церкви, гдѣ похоронены наши родители. Землевладѣлецъ Дмитрій Эннатскій“.

Зная, что самая церковь села Праск-на построена родителями этихъ Эннатскихъ, я разрѣшилъ. Но задался вопросомъ, ужели это тотъ Эннатскій, который писалъ противъ меня? Странно. Отчего и какъ онъ померъ. Я велѣлъ частнымъ образомъ спросить объ этомъ мѣстнаго священника, не того уже, что прежде былъ, —тотъ выбылъ въ другой приходъ.

И вотъ отвѣтъ мѣстнаго священника: „Николай В. Эннатскій умеръ 16 Сентября. Чувствовалъ боль въ груди. Отъ этой болѣзни, нужно полагать, и умеръ. Я былъ приглашенъ напутствовать, но, по приходѣ, въ живыхъ его уже не засталъ. Прибывшій 17 Сентября братъ пояснилъ, что на преданіе тѣла землѣ препятствій не имѣеть. Присутствовавшіе при погребеніи родные братья, Петръ и Дмитрій относительно смерти брата своего Николая ничего не заявили“.—Не подозрительно-ль все это. Ясно, однако же, что умеръ человѣкъ, какъ и жилъ, безбожникомъ. Пригласили священника уже къ мертвому напутствовать его на тотъ свѣтъ, въ чемъ онъ никогда не почувствовалъ нужды при жизни.

Къ сему позволяю себѣ прибавить: 1) священникъ К., бывшій регентъ, возбуждившій противъ меня городъ Биркскъ, спился и въ этомъ

году повѣсилъ на древь: 2) воевавшій изъ-за него противъ меня бирскій староста Уткинъ, будучи уже старикомъ, сталъ безобразно кутить, промотался и померъ; 3) главный марателъ противъ меня прошеній, пасквилей, газетныхъ статей, бирскій купецъ Г. промотался совершенно и выбылъ изъ г. Бирска совсѣмъ; остался пока братъ его; 4) уличенный въ святотатствѣ священникъ В-ій, не захотѣвъ покориться кроткому и благожелательному суду епархіальной власти, дерзнувшій оболгать меня въ желаніи отъ него денегъ, поступилъ въ писаря къ становому, и народъ острить надъ нимъ: „Батюшка писарь. благослови. Не прикажешь ли позвонить къ обѣднѣ?“ 5) И Стахъ-въ Елабужскій, странный до смѣшного, уже, въ послѣдніи дни въ Россіи, давно находился въ состояніи невмѣняемости, 6) Всев-ій, заподозрѣнный мною въ присылкѣ мнѣ пасквиля (я то, я—убійца его отца, протоіерея Всев-го, умершаго отъ застарѣлаго порока сердца), хотя ему, автору пасквиля, мое подозрѣніе и неизвѣстно, пораженъ былъ умопомѣшательствомъ, нѣсколько понравился, но поправится-ль совсѣмъ, Богъ вѣсть.

По поводу бумагомаранья г. Эннатскаго я обратился было тогда же, по чувству дружбы и братства къ Н. П. Щепкину, желая заручиться и совѣтомъ его, и дружескимъ содѣйствіемъ. Но онъ къ моей, весьма щекотливой для меня откровенности отнесся такъ холодно и безчувственно, что мнѣ стало больно и только обидно на себя самого...

Позвольте сказать еще слово и о немъ. По рассказамъ очевидца, самымъ послѣднимъ словомъ Н. П. Щепкина, когда онъ стоялъ уже на трапѣ парохода, а пароходъ отвалилъ, было слѣдующее:... „Ба! Да, да сегодня никакъ Преображенъе. Съ нынѣшняго дня Уфа преобразуется и покрывается мракомъ“... При этомъ ораторскій жестъ: „Отнынѣ я надѣваю эту шапку вигилиста“...

Прошу великодушно извиненія.

Никаноръ епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

Мадридъ, 3 Сентября, вечеромъ.

Какъ ты себя чувствуешь, дорогой мой Рафаэль? Какъ кашель и лихорадка? Началъ ли ты поправляться и принесетъ ли мнѣ слѣдующая почта добрыя вѣсти о тебѣ? Начинаю это письмо вечеромъ, хотя оно пойдетъ лишь поутру, но такъ какъ завтра, вѣроятно, будетъ много дѣла на службѣ, а я не хочу нарушить свое обѣщаніе писать тебѣ съ каждой почтой, то и не хочу откладывать до завтра. Сегодня меня танцать на балъ къ герцогинѣ *Бенвенето*, въ Мадридѣ она занимаетъ первое мѣсто по рожденію, связямъ и успѣху, которымъ пользуется въ здѣшнемъ обществѣ. Это мать князя *д'Англона*, ты, должно быть, видѣлъ его во Флоренціи. Княгиню, его жену, у которой великолѣпные глаза и которая хорошо знакома со мной, недурно было бы попросить написать нѣсколько строкъ въ мою пользу. Это было бы мнѣ очень полезно. Право, нельзя чувствовать себя счастливѣе при такомъ начальникѣ, какъ у меня, съ его очаровательной супругой и товарищами моими по службѣ. Г-нъ *д'Убри* всегда любезенъ и предупредителенъ, съ нимъ мы чувствуемъ себя такъ хорошо, что считаемъ его своимъ товарищемъ; а жена его—это ангелъ доброты. Здѣсь не приняты титулы—ни превосходительства, ни посланника: *здесь никогда не приказываютъ*, но у меня еще никогда не было такого сильнаго желанія исполнять свой долгъ, какъ на новомъ моемъ мѣстѣ.

4 Сентября, утромъ.

Вчера я возвратился домой въ часъ ночи, дорогой мой Рафаэль, и окончилъ свое письмо къ Перу.

Хочешь знать, что значить блестящее собраніе въ Мадридѣ: значить, что можно насчитать три танцующія пары. Была тамъ одна настоящая красавица, по имени *Фернанда*; но увы, несмотря на свою красоту и прирожденную грацію, онѣ блещутъ полнымъ отсутствіемъ воспитанія. Вальсируютъ онѣ недурно. Подъ конецъ я окончательно рѣшилъ, что мадридское общество, вмѣсто того, чтобы развлечь меня, сдѣлаетъ изъ меня еще большаго домосѣда, чѣмъ я былъ въ святомъ городѣ Римѣ. Испанскій языкъ кажется мнѣ необыкновенно труднымъ, и я все еще не могу связать двухъ словъ на этомъ прекрасномъ языкѣ. Что здѣсь дѣйствительно прекрасно, такъ это сигары, которыя называются *rajillas*. Я курю ихъ съ утра до вечера; часто курю за твое здоровье. 1 Октября я переѣду въ Посольство, гдѣ мнѣ приготовили 3 прекрасныя комнаты, одна изъ нихъ, которая будетъ моею спальней, находится прямо противъ канцеляріи. Г-нъ д'Убри отдалъ въ мое распоряженіе прекрасную лошадь изъ своей конюшни: я каждое утро буду изучать окрестности Мадрида. Имѣя болѣе изысканный туалетъ и немного овладѣвъ языкомъ, а главное, настойчиво дѣлая утренніе визиты, можно покорить себѣ все мадридское общество. Но я слишкомъ лѣнивъ и равнодушенъ для того, чтобы впасть въ такую крайность. Черезъ недѣлю открывается мадридская ярмарка, и я отправляюсь въ поиски за картинами. потому что гр. Нессельроде дала мнѣ новое порученіе. Съ сегодняшней почтой я посылаю одно письмо Антонинѣ, а другое—Телѣгину—я вложилъ въ письмо къ сестрѣ. Все это примехонько въ Москву. Пока прощай, мой ангелъ. Въ четвергъ, согласно нашему уговору, я получу твои письма. Но пожалѣй меня: приходитъ уже третья почта, а отъ Каролины ни одного письма—!!

Мадридъ, 7 Сентября 1826 г.

Получено 23 Сентября.

„Грустно мнѣ очень, милый братъ. Все отъ меня далеко, все сильно дѣйствуетъ на душу: уединеніе, разлука, столь давняя съ отчизной, съ тобою, любезный Рафаэль, съ ангеломъ Перу.—

„Завтра почта. Жду, какъ утѣшительницу: ибо по нашему условію она принесетъ мнѣ отъ тебя письма, Сегодня я ѣздилъ съ Штофъ

регеномъ верхомъ. Видѣлъ издали брега *Мансанареса*. Все дико, чуждо вдохновить, все раскрываетъ сердечныя раны! Съ одной стороны, съ южной, Мадридъ является деревней, окрестности его—пустошью; съ другой—есть горы и мѣста довольно живописныя. *Мансанаресъ* сталъ малымъ, едва примѣтнымъ ручейкомъ отъ постоянныхъ жаровъ. По берегамъ его пасутся овцы.

„Мечта ли то? Предо мною
 Бѣжить вдали Мансанаресъ,
 Здѣсь монастырь съ златой главою,
 Вокругъ него рѣдѣть лѣсъ.
 „Гдѣ былъ всему примѣръ великій,
 Зрю всѣмъ величіямъ конецъ.
 Зрю, какъ Испанецъ полудикій
 Гоится по полю овецъ.“

„Сегодня были мы въ лѣсу, гдѣ король ѣздитъ на охоту, и гдѣ одинъ корпусъ дипломатическій имѣетъ позволеніе гулять верхомъ. Посреди сего дикаго лѣса очутились мы вдругъ на берегу небольшого озера. Все вокругъ насъ было такъ тихо, спокойно; зайцы перебѣжали дорогу и нѣсколько ребятишекъ удили рыбу. Я молчалъ, но сердце, зжатое грустью, такъ бы охотно излилось передъ другомъ. Штофрегень умный, чувствительный, благородный малый: такъ все его обхожденіе заключать меня заставляетъ.“

„Вотще одушевить мечтами
 Желаю дальній небосклонъ.
 Миѣ всюду счастье за горами,
 Души спокойство—всюду сонъ.
 „На небѣ ль ясномъ зрю сіянье
 Вечернихъ, утреннихъ лучей;
 Миѣ слышно сердца трепетанье
 Миѣ видны слезы изъ очей!
Минувше! Тебя не стало,
 Какъ не стаегъ ладья слѣдовъ.
 Опять мой челнъ судьба угнала
 Далеко въ бурю отъ береговъ.“

„Отцу и сіи написалъ я вчера безъ плана, безъ связи и для того помѣщая ихъ здѣсь безъ того и другого. Стараюсь привыкать къ звукамъ Испанскаго языка, но понимать до сего времени ничего еще не умѣю. Работы канцелярской нѣтъ никакой—свободенъ утромъ, свободенъ вечеромъ, а мысли, какъ тучи, бродятъ на свободѣ по странному небу. Петръ Яковлевичъ меня увѣряетъ, что ты будто далъ Панину какую то Испанскую грамматику, твоей рукой помѣченную? Предмѣстникъ мой оставилъ здѣсь цѣлую библіотеку: и между прочимъ“

россійскій академическій словарь, въ которомъ я ежечасно роюсь и не нахожу удовлетворительнымъ; которой—фраза эта не по русски—но ты извинишь. Я пишу скоро и по условію между нами заключенному.—Я здоровъ весь день, но по ночамъ сплю дурно, и сны, съ колыбели меня не посѣщавшіе, нынѣ изъ головы нейдуть. Жена Убри самая добрая и простая въ обхожденіи женщина. Мамушка дѣтей говорить по нѣмецки, или лучше сказать Нѣмка родомъ. Заботливая и смѣшливая нравомъ. Племянница, живущая въ домѣ, ни то ни се, или лучше сказать я еще ее не разглядѣлъ порядочно. Мамзель—ибо безъ мамзели какъ обойтись!—очень доброе и хрустальное творенье. Четверо дѣтей самыхъ любезныхъ, самыхъ благонравныхъ—вотъ все наше *ежедневное* общество. Всѣ разговоры идутъ въ кругу семейномъ, идутъ тихо и болѣе всего о прелестной Италіи, которую мы всѣ равно любимъ и равно сожалѣемъ—такъ день тянется за днемъ. Ахъ, вотъ было бы хорошо, если бы сердце было на мѣстѣ, если бы ты написалъ мнѣ, что выздоровѣлъ, если бы Пери хоть слово написала.—

„Забудусь—простираю руки.
Объемлю воздухъ, сонъ, мечты,
О, чувство тайное разлуки,
Какъ сильно угнетаетъ ты!!—

8 Сентября.

„Скажи мнѣ пожалуйста, любезный братъ, какимъ образомъ будетъ ко мнѣ сюда доходить мой Петербургскій пенсіонъ и получилъ ли ты ту Генварскую сего года треть, которую я тебѣ предоставилъ.“

30 Августа. Мадридъ, 11 Сентября 1826 г.

Весь городъ на ногахъ, дорогой мой Рафаэль: сегодня первый день боя быковъ, *corrida de torros*. Я былъ разбуженъ толпами Испанцевъ и странной, очень шумной, музыкой, возвѣстившей мнѣ объ этомъ любопытномъ народномъ праздникѣ. Сегодня у насъ понедѣльникъ, утромъ придетъ почта и рѣшить мою участь—буду ли и я принимать участіе въ общей радости. Вчера, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ мы должны были ѣхать на вечеръ къ герцогинѣ *Бенавенто*, пріѣхалъ изъ *Москвы* русскій гонецъ, фельдъегерь Шмидтъ. Онъ уѣхалъ 4 Августа. Но мнѣ онъ ничего не привезъ, не считая письма отъ Гагарина съ нѣсколькими автографами, въ которомъ онъ пишетъ, что—отказавшись отъ мѣста посла въ Филадельфіи и секретаря посольства въ Бернѣ, ѣдетъ въ Римъ. Мнѣ очень любопытно знать,

8*

какъ все это устроится, я полагалъ, что онъ никогда не возвратится на прежнее мѣсто. Тебѣ извѣстны главныя причины этого. Извѣстіе о его возвращеніи,—или оно для тебя не новость, любезный другъ?—должно руководить твоими отношеніями съ нимъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что это за характеръ. Самое тяжелое въ жизни, это необходимость подобныхъ уроковъ. Мои дѣла идутъ отлично: увѣрю тебя, что Мейендорфъ чудный человекъ. На зиму онъ хочетъ уѣхать куда нибудь въ болѣе мягкій климатъ, это необходимо для его здоровья, такъ какъ, согласно ученымъ изслѣдованіямъ Гумбольдта, плоскогорье обѣихъ Кастилій на 300 футовъ выше уровня моря, и лѣто тамъ не такое знойное. Изъ его подробныхъ разспросовъ объ Италіи и въ особенности о Римѣ я заключилъ, что самое лучшее для него было бы отправиться въ Италію, а такъ какъ въ Посольствѣ его знаютъ очень хорошо, ему тамъ не откажутъ въ такомъ же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ Мадридѣ. Каковъ бы ни былъ составъ Посольства, такой человекъ будетъ для нихъ приобрѣтеніемъ. *Штофрегенъ* живетъ здѣсь уже семь лѣтъ, былъ свидѣтелемъ послѣдняго испанскаго мятежа, а мечтаетъ только о томъ, какъ бы уѣхать изъ Мадрида; вліяніе, которымъ пользуется его отецъ, поможетъ ему привести въ исполненіе это желаніе, а тогда! я одинъ останусь на своемъ мѣстѣ. Грустно! очень грустная будущность! Сегодня вечеромъ мы идемъ къ герцогинѣ *Венавенто*. Мадридское общество, принимая во вниманіе, что я очень мало его знаю, удивительно скудно, а такъ какъ число путешественниковъ, желающихъ изучить Испанію въ состояніи ея полнаго нравственнаго и матеріальнаго упадка, очень невелико, то въ обществѣ встрѣчаются и бесѣдуютъ всегда одни и тѣ же лица. Вчера вечеромъ опять танцовали, но такъ какъ у меня на душѣ было грустно, то я ушелъ изъ гостиной послѣ того, какъ протанцовалъ вальсъ съ прекрасной *Фернандой*. Вотъ уже больше трехъ недѣль, какъ я уѣхалъ изъ Парижа, а не получилъ ни единого звука отъ персидскаго боже-ства! отъ Пери, не перестававшей писать мнѣ въ теченіе цѣлаго года. Но я готовъ биться объ закладъ, что я на лету поймалъ это обѣщаніе и что въ рѣшительную минуту она отказалась бы переписываться со мной. Сегодняшней почты я жду, какъ послѣдняго испытанія для того, чтобы покориться горькой правдѣ.—Вчера, когда я ложился спать, была ужасная гроза; а сегодня самый великолѣпный день, какой только можетъ быть. Въ четвергъ почта ничего не принесла мнѣ изъ Флоренціи, но до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь изъ моихъ писемъ, что я наконецъ окончательно поселился въ Мадридъ, я буду считать, что безпорядокъ въ нашей перепискѣ вызванъ недоразумѣніемъ относительно моего мѣстожительства. Вчера я въ первый разъ слушалъ

обѣдно въ нашей посольской церкви, подъ кровлей и въ комнатѣ, о которой ты можешь составить себѣ ясное представленіе, перечитавъ nocturne путешествіе де Мэстра, это келья, которую онъ занималъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Туринѣ. Нашъ священникъ человекъ, достойный уваженія, но *музыкѣ* въ полномъ значеніи этого слова. Церковь старая, мрачная, съ трудомъ можно различить образа на иконостасѣ. Но мнѣ нравится эта темнота, а древность располагаетъ къ благоговѣнію. Причетникъ—чахоточный малый, едва въ состояніи пѣть и читать; въ будущемъ я возьму на себя его обязанности и буду исполнять ихъ по мѣрѣ силъ. Пока прощай. Нужно идти къ г-ну Убри.

Вечеромъ.

Утренній мальпость ничего не принесъ мнѣ отъ тебя, дорогой мой Мишель, и моя тревога за тебя усиливается неизвѣстностью, которую ты не хочешь прекратить. Когда же я получу отъ тебя письма, и каковы причины, заставляющія тебя не исполнять обѣщаній? Надѣюсь, что тебѣ лучше, я каждый день молюсь объ этомъ Богу, молюсь и думаю объ этомъ непрестанно. Въ награду за это я получилъ отъ персидскаго божества очень короткое письмо, гдѣ ея дружба и довѣріе ко мнѣ не проскальзываютъ ни во одномъ словѣ, ни въ одной изъ ея прелестныхъ и умныхъ мыслей. Гонецъ, котораго мы отправляли въ *Лиссабонъ*, а кромѣ того, масса работы, все это помѣшало мнѣ пойти посмотреть на знаменитый бой быковъ. Сдѣлаю это въ слѣдующій разъ, т. е. въ четвергъ, черезъ недѣлю. *Мейендорфъ* уѣдетъ изъ Мадрида въ концѣ этого мѣсяца, онъ ѣдетъ въ Россію, какъ того требуютъ его семейныя дѣла. Я познакомился съ нимъ очень недавно, но чувствую, что никто не замѣнитъ мнѣ этого чуднаго человека. Въ такой странѣ, какъ Испанія, хорошій товарищъ по службѣ—это *все*. Прощай, милый мой Мишель. Панина сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Что то дадутъ тебѣ за годъ, который ты провелъ секретаремъ посольства во Флоренціи; тебѣ нужно двѣ награды: одну отъ Министерства, другую отъ тосканскаго правительства, потому что конечно у Свѣчина не будетъ никакихъ затрудненій для того, чтобы дать тебѣ крестъ. Судя по извѣстіямъ, полученнымъ черезъ московскаго гонца, коронація будетъ 3 Сентября новаго стиля. Еще разъ прощай, ради Бога, разсѣй мою тревогу относительно тебя, и какъ только будешь знать навѣрное, что я пріѣхалъ на мѣсто, пиши мнѣ самымъ аккуратнымъ образомъ, чтобы я навѣрное зналъ, когда буду получать твои письма. А я съ своей стороны очень хочу, а главное могу, сдѣлать тоже самое, потому что почта отправляется отсюда только въ 11 ч. вечера, я и сейчасъ

пишу тебѣ въ это время; нѣжно цѣлую тебя, цѣлую милліонъ разъ. Приѣхалъ ли въ Пизу графъ де Мэстръ? Если да, передай отъ меня множество привѣтствій ему, прекрасной тетушкѣ и юной, очаровательной и любезной мадемуазель Талии. Поцѣлуй отъ меня дѣтей.

Кланяюсь усердно Петру.

Мадридъ, 14 Сентября 1826 года.

Только для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе писать тебѣ во время болѣзни два раза въ недѣлю, дорогой другъ, я отправляю на почту это письмо, потому что не могу сообщить тебѣ положительно ничего новаго. Я вернулся отъ Убри, гдѣ читалъ обществу двѣ главы изъ Ултеръ Скотта, копалъ землю вмѣстѣ съ дѣтьми и при свѣтѣ луны замечтался на минуту въ садикѣ, разбитомъ передъ домомъ. Ужъ второй разъ почта не приноситъ мнѣ извѣстій отъ тебя, а посуди самъ, могу ли я быть спокоенъ, зная, что ты боленъ и лежишь въ постели. Я прилежно занимаюсь испанскимъ языкомъ и начинаю читать комедіи Лопе де Вега и Кальдерона, произведенія необыкновенно трудныя, но въ то же время замѣчательно красивыя. Мое здоровье превосходно, потому что я все такъ же благоразуменъ и насколько возможно домогдѣ. Въ Парижѣ веселятся; кузина и графиня Разумовская даютъ балы, а первая, увы! и не думаетъ еще о поѣздкѣ въ Италію, и я полагаю, что въ концѣ концовъ она останется во Франціи. Въ ея характерѣ появились непріятныя черты, и я боюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ она измѣнится до неузнаваемости въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ ея такъ хорошо и съ такой выгодной стороны. Досадно! Прощай, милый другъ, ради Бога напиши мнѣ, не оставляй меня въ неизвѣстности, которая такъ меня мучитъ, что мнѣ даже не хочется, чтобы ты понялъ всю ея глубину. Прощай, любезный Рафаэль, цѣлую тебя, Господь да благословитъ тебя.

Мадридъ, 21 Сентября 1826 года.

За всю свою жизнь я столько не выстрадалъ и такъ долго не терзался неизвѣстностью, какъ въ тотъ короткій срокъ, что я нахожусь въ Мадридѣ, дорогой мой Мишель. Понапрасну ожидаю я почты, она приходитъ и ни отъ кого ничего мнѣ не приноситъ. Какъ понимать это молчаніе, вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я получилъ только одно письмо отъ тебя, мой милый другъ! и одно письмо отъ Пери!...

Ничто въ мірѣ не можетъ меня развлечь. Я ничего не написалъ тебѣ въ послѣдній разъ, потому что у меня была пустая голова. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ знаменитый бой быковъ, и первое впечатлѣніе было болѣе, чѣмъ тяжелое—прямо отвратительное. Я любовался ловкостью и неслыханной смѣлостью людей и этимъ собраніемъ двѣнадцати тысячъ Испанцевъ, рукоплескавшихъ все болѣе и болѣе отъ души по мѣрѣ того, какъ зрѣлище становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Вотъ нѣкоторыя подробности. Какъ только окончилось торжество открытія, дверь открывается и разъяренный быкъ вбѣгаетъ на арену. *Пикадоръ*, верхомъ и съ копьемъ наготовѣ, ожидаетъ животное у двери, быкъ прежде всего бросается на него, пикадоръ съ силой и непостижимой ловкостью встрѣчаетъ его съ особой петлей*) наготовѣ; разъяренное животное повертывается и наталкивается на второго ожидающаго его всадника, который вызываетъ его на бой, постепенно подвигаясь на встрѣчу. А лошадь пикадора ужъ заранѣе обречена на смерть, и въ первый разъ я видѣлъ, какъ на аренѣ умерли двѣнадцать лошадей, потому что разсвирѣпѣвшій быкъ опять принимается за свое дѣло, приподнимаетъ всадника вмѣстѣ съ лошадью и вонзаетъ ей въ животъ свои огромные рога. Въ эту минуту всадникъ подвергается большой опасности, но какъ только онъ падаетъ на землю, *chulos*ы или пѣшіе люди окружаютъ быка и машутъ у него передъ глазами разноцвѣтными кусками матеріи. Но если лошадь еще подаетъ признаки жизни, ее поднимаютъ на ноги, пикадоръ опять садится верхомъ и снова бросается на встрѣчу звѣрю. Между тѣмъ лошадь скачетъ, истекая кровью, внутренности висятъ со всѣхъ сторонъ, она топчетъ ихъ ногами; вся арена въ крови. Ужасное зрѣлище. Но по условному знаку появляется *матадоръ*; въ одной рукѣ у него красное знамя, въ другой мечъ. Въ самую страшную минуту онъ подходит къ быку вплотную. Звѣрь наклоняетъ голову, бросается на своего противника, но послѣдній отскакиваетъ въ сторону и вонзаетъ шпагу прямо въ сердце быку. Животное дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ—загѣмъ падаетъ безъ признаковъ жизни. Такое представленіе дается по два раза въ день, и каждый день обязательно нужно убить двѣнадцать быковъ. Костюмы бойцовъ великолѣпны. Но тяжелѣе всего смотрѣть на лошадей, гордо носящихъ всадниковъ, лошадей, обреченныхъ на вѣрную смерть; для того, чтобы они не пугались быковъ, имъ завязываютъ глаза.—Пока довольно объ этомъ.

Мое здоровье, дорогой Мишель, превосходно, надѣюсь и молюсь о томъ, чтобы и твое поправилось. Сегодня вечеромъ я былъ очень

*) Garrot

занять, поэтому спѣшу отправить письмо. Спокойной ночи, дорогой мой другъ, ради Бога, поскорѣ пришли вѣсточку о себѣ.

Мадридъ, 28 Сентября 1826 г. вечеромъ.

Мишель! Мишель! Такъ то ты любишь своего брата, такъ то ты бросаешь его на чужбинѣ безъ малѣйшаго утѣшенія, больше мѣсяца не пишешь ему ни слова о своемъ здоровьѣ, а оно, судя по послѣднему твоему письму, было такъ плохо? Я страдаю такъ, что не въ силахъ выразить этого, и все раздражаетъ меня до слезъ. Послѣдней моей надеждой была мысль, что ты, не зная, гдѣ я поселился окончательно, продолжаешь писать мнѣ въ Парижъ, но Пери написала мнѣ нѣсколько строкъ, доставленныхъ сюда съ французскимъ гонцомъ черезъ 5 дней, и я узналъ, что даже въ Парижѣ беспокоятся по поводу твоего молчанія. Такъ мы съ ней рѣшили написать во Флоренцію и попросить у лицъ, окружающихъ тебя, объяснить причины твоего молчанія. Вчера прѣхалъ еще гонецъ изъ Москвы и привезъ донесеніе о коронаціи. „Чтобы стоило сестрѣ хоть слово написать!“ Черезъ нѣсколько дней я переѣзжаю отъ г-на Убри; его отношеніемъ ко мнѣ я могу только безконечно гордиться. Судя по письму г-на Аллье, кузина окончательно ѣдетъ во Флоренцію; но сначала она переѣдетъ на новую квартиру. А пока она дастъ балы, также какъ и графиня Боссомброни. *Лизи* много танцуетъ и много болтаетъ. Съ приближеніемъ осени здоровье кузины опять плохо, и я полагаю, что только эта причина заставитъ ее уѣхать наконецъ изъ Парижа, гдѣ она его совсѣмъ погубитъ. Въ Мадридѣ я веду совсѣмъ спокойный, домашній образъ жизни.

Насколько возможно, *но не торопясь*, стараюсь нравиться окружающимъ и ужъ заслужилъ у дѣтей названіе *маленькаго батюшки*, потому что мой предшественникъ назывался *большимъ батюшкой*. Мейендорфъ уѣзжаетъ въ понедѣльникъ; онъ ѣдетъ въ Россію. Для насъ это большая потеря. По случаю коронаціи онъ получилъ брилліанты; а Штофрегенъ Владиміра четвертой степени. Bravo! но не брависсимо! Вотъ все, что я могу сообщить тебѣ новаго, дорогой мой Мишель. Завтра мы *въ полномъ составѣ* поѣдемъ къ нашему настоятелю, получившему орденъ св. Анны на шею. Отъ радости и отъ чувства благодарности онъ плакалъ. Нужно ли мнѣ еще разъ просить тебя написать мнѣ или по крайней мѣрѣ—хоть другимъ способомъ—подать мнѣ хоть какой нибудь признакъ жизни. Ахъ, Мишель, Мишель! Спокойной ночи, да сохранить тебя Господь Богъ, любезный другъ мой, да бу-

дети Онъ съ тобою и да пошлетъ тебѣ всѣ земныя блага. Спокойной ночи. Я чувствую себя, какъ нельзя лучше. Г-нъ Убри тебѣ кланяется, а я отъ всей души цѣлую тебя. Сегодня вечеромъ напишу Италинскому и Гагарину, чтобы поздравить ихъ.

Мадридъ, 5 Октября 1826 года.

Ты писалъ бы мнѣ каждый день, дорогой мой Мишель. если бы ты зналъ какъ мнѣ необходимо было письмо, написанное твоей рукой, вотъ это только что полученное письмо, которое я орошаю слезами! Ты мнѣ пишешь о выздоровленіи, но пишешь въ такихъ неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ, не вдаваясь ни въ какія подробности своей болѣзни, не говоря о томъ, какъ она течетъ и въ какомъ состояніи ты находишься сейчасъ. Мнѣ очень нужны всѣ эти подробности. Но я со слезами на глазахъ благодарю тебя, тысячу разъ благодарю, за то, что воскресилъ меня и вернулъ мнѣ силы, утраченныя, благодаря твоему молчанію и тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ я приходилъ. Ради Бога, дорогой Рафаэль, мой дорогой, мой любимый, достойный этой любви братъ, какъ можно больше береги свое здоровье, не подвергай его никакимъ случайностямъ. Мы принадлежимъ не только самимъ себѣ, но и тѣмъ, кто насъ любитъ, друзьямъ нашимъ, и больше для нихъ, чѣмъ для самихъ себя мы обязаны беречь себя, на сколько возможно. Обо мнѣ не безпокойся. Слава Богу, я чувствую себя превосходно, даже лучше, чѣмъ желалъ бы. Наши физическія силы никогда не бывають въ лучшемъ состояніи, чѣмъ тогда, когда то, что въ насъ смертно, страдаетъ. Можно подумать, что тѣло живетъ и процвѣтаетъ на счетъ души. Странное дѣло сочетаніе духа съ животнымъ началомъ!— Третьяго дня я переселился въ Посольство, гдѣ мнѣ дали три прелестныхъ маленькихъ комнатки, заново окрашенныхъ; солнце свѣтитъ въ нихъ цѣлый день. Уѣзжая изъ Мадрида, Мейендорфъ оставилъ мнѣ всю свою мебель, такимъ образомъ я остался ему долженъ 1700 франковъ, которые обязанъ уплатить черезъ полгода. Мейендорфъ ужъ не вернется больше сюда. Онъ навсегда простился съ Мадридомъ. На новой квартирѣ у меня прекрасные сосѣди: здѣсь есть очень милыя Нѣмки, и нѣкая г-жа *Атеса*, на ней лежитъ забота о дѣтяхъ и обо всѣхъ, живущихъ въ домѣ. У меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Въ канцелярію есть ходъ прямо изъ кабинета, такой же ходъ есть и у Штоффрегена, такимъ образомъ служебная комната находится между двумя нашими. Въ моей комнатѣ, т. е. въ кабинетѣ, только одно окно, очень большое; оно выходитъ на уединенную улицу. Желѣзныя рѣшетки

предохраняють отъ какого бы то ни было воровскаго покушенія. Передъ этимъ окномъ стоитъ мой письменный столъ. По обѣ стороны этого стола двѣ двери, одна ведетъ въ парадныя комнаты, черезъ которыя дѣти каждое утро приходятъ ко мнѣ, съ другой стороны выходъ въ среднюю комнату, находящуюся между кабинетомъ и *моей спальней*. У стѣны стоитъ очень хорошенькій диванъ съ желтыми шелковыми подушками, а вдоль стѣны съ одной стороны стоятъ такіе же желтые стулья, а съ другой мраморный столъ, на которомъ лежатъ мои книги, а надъ столомъ виситъ зеркало. Передъ диваномъ—круглый столъ. По обѣ стороны окна, около дверей, стоятъ два прелестныхъ столика. Все это краснаго дерева. Г-нъ Убри прекрасный начальникъ, жена его—очаровательная особа, это примѣрное *супружество*, мягкость души, сходство характеровъ, однимъ словомъ, все, что нужно для брака. Однимъ словомъ, все было бы согласно съ моими самыми задушевными помыслами, если бы извѣстія о твоёмъ здоровьи, любезный другъ, были болѣе утѣшительны.—

Сегодняшняя почта принесла мнѣ письмо отъ Антонины и отъ дорогаго Петрарки,—письмо, написанное сообща 3 Сентября новаго стиля. Первая пишетъ мнѣ о новорожденномъ, Евгеніи! и о своемъ здоровьи, которое, несмотря на трудные роды, вполне удовлетворительно; второй пишетъ о новомъ мѣстѣ *Совѣтника* и его рекомендательная записка выдають *юсудирственнаю* человѣка и придворнаго. О своей будничной жизни ничего не пишутъ. У мачехи болятъ глаза. Тебѣ онъ поручаетъ извѣстить меня о повышеніи! Я преисполненъ благодарности за отношенія г-жи Бутурлиной. Видишь, ея поведеніе по отношенію къ тебѣ только подтверждаетъ мои увѣренія о добротѣ ея характера. Относись же къ ней съ довѣріемъ. Къ сожалѣнію вижу, что ни одно изъ любимыхъ нами лицъ еще не пріѣхало во Флоренцію. Завтра я начинаю заниматься *латынью* съ нашимъ священникомъ; онъ утромъ и вечеромъ приходитъ ко мнѣ, по русски завариваетъ чай на самоварѣ, который Панинъ оставилъ своему замѣстителю, что, Богъ дастъ, сдѣлаю и я. Со мной онъ болтаетъ, чтобы немножко меня развлечь. Испанскій языкъ плохо двигается. У меня здѣсь есть все необходимое, а случится захворать, будетъ кому ухаживать. Наша посольская церковь бѣдна, построена плохо, но такъ какъ она очень располагаетъ къ молитвѣ, я каждое утро хожу туда и молюсь на просторѣ. Здѣсь есть управляющій, который ссужаетъ меня деньгами, онъ былъ комиссаромъ знаменитаго У. это молодчина. Какъ то разъ онъ очень удивился, что я попросилъ у него *только 1000 франковъ* до 1-го Февраля и ни за что не захотѣлъ взять у меня заемнаго письма.

Тѣ, о которыхъ ты пишешь, такъ и не нашлись. Если тебѣ нужны деньги, дорогой мой Рафаэль, распоряжайся моею пенсіей, предоставляю ее тебѣ цѣликомъ и безъ малѣйшаго сожалѣнія. Пока прощай.—Прощай, милый, достойный другъ мой. Ради Бога, не оставляй меня безъ вѣстей. Если не можешь написать самъ, прикажи это сдѣлать Петру. Г-нъ Убри кланяется тебѣ и каждый разъ, когда приходитъ почта, съ живѣйшимъ интересомъ спрашиваетъ о тебѣ. Я получилъ письмо отъ Демидова, но не отвѣчу на него и *никогда* не буду ему писать. Прощай, да хранить тебя Господь, ради спокойствія твоего Дмитрія, ради всей нашей семьи, которая обожаетъ тебя, своего любимца. Шлю тебѣ свое благословеніе и прошу у тебя того же. Передай мое почтеніе и привѣтствіе нашему флорентійскому священнику. Ты долженъ былъ получить письма отъ Пери.

Мадридъ, 15 Октября 1826 года.

Дорогой мой Мишель! Если я пропустилъ послѣднюю почту и не написалъ тебѣ, то только потому, что ѣздилъ въ Эскуріаль, гдѣ, въ этой огромной обители, я былъ представленъ испанскому королю, королевѣ и ихъ дѣтемъ. Я присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ, очень утомившихъ меня и оставившихъ послѣ себя ощущеніе пустоты, какъ и всякое другое суетное величіе. Король очень любезенъ, а королева похожа на сестру, великую герцогиню Маріанну, къ чарамъ которой ты не советѣмъ равнодушенъ, и мнѣ показалось, что въ чертахъ ея лица есть что то общее съ сестрой, но въ манерѣ себя держать нѣтъ никакого сходства. Этикетъ ли это испанскаго двора, или же величайшая набожность—Богъ вѣдаетъ! Эскуріаль—самое красивое и величественное зданіе, которое мнѣ когда либо приходилось видѣть. Это дѣйствительно царское жилище. вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогой другъ мой, поговоримъ о твоёмъ письмѣ, написанномъ рукою Петра. Оно меня очень огорчило, но вмѣстѣ съ тѣмъ, я доволенъ, потому что такимъ образомъ ты избавился отъ усталости. Выздоровливая, нужно беречь себя на сколько возможно больше, и расходовать свои силы такъ, чтобы не утруждать себя.

Испанія чертовски надоѣдаетъ мнѣ кровопролитными боями, провинціальнымъ обществомъ, всегда безоблачнымъ небомъ и ужасной нищетой. Напрасно я уѣхалъ изъ Италіи. Вполнѣ справедлива пословица—лучшее есть врагъ хорошаго, а если только мнѣ удастся найти благовидный предлогъ, я постараюсь какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Испаніи. Кромѣ того, для здоровья это такое же опасное мѣсто,

какъ Парижъ для кармана, а на этомъ свѣтѣ—что за жизнь безъ денегъ и здоровья? Мое то, несмотря ни на что, прекрасно. Здѣсь все готовится встрѣтить праздники, даже собираются разыграть комедію, но я пересталъ участвовать въ игрѣ, потому что тебѣ извѣстно мое положительное отвращеніе къ домашнимъ спектаклямъ, послѣ которыхъ остаются только усталость и непріятности. Мой отказъ былъ большой нелюбезностью, и я никогда не былъ такъ смѣлъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Вообще я нахожу, что совершенствуюсь, и что въ моемъ поведеніи есть много достоинства, до старческой походки включительно.

Ты этому не повѣришь, милый мой Мишель, потому что зналъ меня человѣкомъ черезчуръ живымъ, для того, чтобы считать Испанію способной совершать подобныя чудеса. Сегодня утромъ я написалъ гр. Нессельроде, послалъ ей хорошенькую картинку и не упустилъ случая посѣтовать на страну, въ которой живу. Надѣюсь, что мои жалобы, не останутся незамѣченными. Ты боленъ, мой милый другъ, ты ужъ два мѣсяца лежишь въ постели, а не пишешь мнѣ ни одного слова о тѣхъ, кто за тобой ухаживаетъ. Находится ли во Флоренціи маркиза д'Аберкорнъ, эта достойная женщина, приковавшая мое вниманіе; все также ли хорошо она къ тебѣ относится? Не знаю почему, но въ ея имени есть для меня какая то притягательная сила, а тѣ цвѣты, которые ты какъ то разъ прислалъ мнѣ въ 11 ч. вечера, развѣ они не были отъ нѣкоей лэди Юліи? Она!—Но ты боленъ, и Богъ знаетъ, въ какомъ расположеніи духа застанетъ тебя это письмо! Опять перехожу на серьезный тонъ. Прошло опять больше двухъ недѣль, какъ я не получаю писемъ изъ Парижа, но не обвиняю за это молчаніе нашего общаго друга. Но какъ знать? Тому причиной поглотившія, можетъ быть, ея мысли о путешествіи. Ахъ, пусть осуществится послѣднее мое предположеніе—и я прощу ей даже болѣе продолжительное молчаніе. Этимъ все сказано!

Пишу тебѣ хуже, чѣмъ когда либо, но перо мое валится изъ рукъ; оно мнѣ совершенно не повинуется. Ахъ! оно часто бываетъ такъ лѣнливо, что я съ трудомъ могу заставить его написать одно единственное слово. „День на день не приходитъ.“ Здѣсь все ведутъ себя также, какъ вначалѣ, т. е. очень внимательны и любезны со мной. Я все еще не знаю ни слова по-испански, потому что, когда хотятъ мнѣ угодить, то говорятъ со мною только о комедіи, о Лопе де Вега или о Кальдеронѣ. Я дѣлалъ бы то же самое, если бы былъ рожденъ подъ знойнымъ небомъ Иберіи. Я возненавидѣлъ бы даже Шиллера, если бы онъ писалъ однѣ только комедіи. Однимъ словомъ, я ненавижу,

комедіи и тѣхъ, кто ихъ пишетъ.... но не всегда ненавижу тѣхъ, кто ихъ играетъ. Прощай, дорогой Рафаэль. Ради Бога береги свое здоровье, вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю и если у меня есть на свѣтѣ какое нибудь утѣшеніе, такъ его могутъ дать мнѣ только твоя дружба, твоя нѣжная душа. достойная любви.... Сегодня вечеромъ мнѣ нужно много писать. Прощай, шлю тебѣ свое благословеніе и прошу у тебя того же, да хранить насъ обоихъ благословеніе нашей доброй Пери. Спокойной ночи.

Мадридъ, 19 Октября 1826 года

Сердце мое полно признательности къ высшему существу, оно любить еще сильнѣе, дорогой мой Рафаэль, потому что это существо соединяетъ около тебя всѣ любимые тобою предметы. Кузина уже проѣхала черезъ Ліонъ, она направляется во Флоренцію, и когда ты получишь это письмо, она уже дастъ тебѣ то утѣшеніе, въ которомъ ты такъ нуждаешься. Это путешествіе нравится мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, оно согласуется съ самыми завѣтными моими желаніями. Сегодня я не получилъ отъ тебя извѣстій, мой чудный другъ, но какъ бы мнѣ ни было тяжело твое молчаніе, я все же предпочту его той усталости, которую тебѣ пришлось бы испытать во время писанія. Кузина путешествуетъ быстро, Пери съ нею вмѣстѣ. и если онѣ не встрѣтились съ Мэстрами въ Туринѣ, то, вѣроятно, въ одно и то же время съѣдутся въ Пизѣ. Мое письмо придетъ не раньше ихъ, и я очень этимъ доволенъ. Съ понедѣльника не могу сообщить тебѣ ничего новаго, кромѣ того, что я здоровъ, что горло у меня больше не болитъ и что я даже пересталъ волноваться. Мы живемъ здѣсь по семейному: день да ночь, сутки прочь, и только гонецъ изъ Парижа или Ливурно вносятъ нѣкоторое разнообразіе. По утрамъ всѣ за дѣломъ, а вечеромъ мы бесѣдуемъ за чайнымъ столомъ или играемъ въ карты. Что касается службы, то здѣсь я занятъ еще меньше, чѣмъ въ Римѣ. Искусство меня очень занимаетъ, потому что въ Эскуріалѣ попадаются дивные образцы живописи, такъ какъ испанскій царствующій домъ владѣетъ лучшими полотнами Рафаэля и Мурильо, которыхъ можно сравнить только съ первыми римскими мастерами. Здѣсь говорятъ, что Потемкинъ ѣдетъ изъ Лондона въ Бразилію и что на его мѣсто прочать нашего милаго Мейендорфа. Дѣла въ Персіи, повидимому, уже начались, но возвращаюсь къ тому, что меня занимаетъ гораздо больше, чѣмъ все. что происходитъ на свѣтѣ, которымъ управляетъ то война, то слѣпой случай. Возвращаюсь къ кузинѣ и милой нашей Пери, которая любитъ тебя, какъ сестра, и, конечно, утѣшить тебя такъ,

какъ не сдѣлать этого никому. Говори съ нею обо мнѣ, потому что мое сердце и всѣ мои мысли принадлежать ей, и она становится мнѣ вдвое дороже. Прощай, милый мой Мишель, будь умницей, не болтай много съ дамами; не ропщи на болѣзнь, посланную тебѣ Богомъ, Онъ нашель нужнымъ это испытаніе, но Онъ же и всемогущъ. Поцѣлуй за меня ручку кузинѣ и прекрасному графу де Мэстръ, а если тетушка съ ними, скажи имъ, до какой степени я дорожу ихъ памятью и дружбой. Передай мои сердечныя привѣтствія мадемуазель Таліи. Прощай, милый Мишель. Нѣжно тебя цѣлую.

Письма князя Михаила Ивановича Долгорукаго.

Написано по-русски. Орфографія подлинника.

Братъ и другъ—товарищъ,—далъ слово—помни и исполняй.

Всю нашу Корреспонденцію вести какъ можно чаще, вопреки твоей природной лѣни которую надобно иногда побуждать и вѣчныхъ ужасныхъ недуговъ которые надобно или отсрочевать или предупреждать.—

Писать просто а не сочинять письмо по правиламъ логики и краснорѣчія—никогда не дѣлать бруліоновъ—не обращать вниманія на орфографическія ошибки и всегда писать по внушенію цѣлаго сердца, а не ухищреннаго ума.—

Въ ту же минуту съ свойственною тебѣ откровенностію при всякомъ могущемъ встрѣтиться недоумѣніи и такимъ образомъ предупреждать и тѣнь могущаго между нами произойти подозрѣнія или несогласія—всегда, всегда.—

На взаимный нашъ счетъ никому и не въ чемъ не вѣрить прежде нашего письменнаго или личнаго объясненія.

Никогда не изяснятся намеками а говорить прямо. Свободный упрекъ всегда предпочитать выговору стороною.

Изъ Москвы написать мнѣ непременно письмо обстоятельное и самое подробное, косательно всего положенія дѣлъ семейныхъ во всякомъ отношеніи и относительно всего нашего семейства.—

Раздѣлить Эдуарду съ..... восторгъ его при вступленіи въ землю священную героевъ и чудесь, раздѣлить наслажденія сладостию Италіи и сообщить полною душою всякую печальную мысль и каждое грустное чувство.—

Ни слова о политикѣ подспудной.—

При случаѣ ежели можно вспомнить что интересная брошюрка, хорошія ноты и миленькая гравюра всегда потѣшатъ.

Прошу убѣдительно той же любви—той же довѣренности—и того же воспоминанія: *Similis simili gaudet.*

С. Петербургъ. Юны 18-го вторникъ 1822.

Брату и Другу Дмитрію при отъѣздѣ его въ Италію 1822 года.

Написано по-русски. Орфографія подлинника.

Кузинька.

За поведеніе Ваше по отношенію ко мнѣ, со дня прибытія Вашего во Флоренцію по нынѣшнее число, заслуживаете Вы чувствительное мое благоволеніе. Свидѣтельствую о томъ передъ Небомъ и землею, передъ Луккскими горами и Адриатическимъ моремъ.

Относя таковое милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе, несомнѣнными доводами и опытомъ доказанное—съ одной стороны, къ Вашимъ природнымъ чувствамъ, съ другой же къ учиненному между нами условію, намѣренъ я подобное условіе совершить и нынѣ, разставаясь съ Вами, съ твердымъ упованіемъ что Вы, Кузинька, потщитесь соблюсти оное съ тѣмъ же рвеніемъ и раченіемъ съ какимъ соблюдали до сего времени.

А потому почтительно и убѣдительно Васъ прошу:

- 1) написать мнѣ письмо изъ Генуи.
- 2) другое письмо изъ Марсели.
- 3) по крайней мѣрѣ 4 письма изъ Парижа.

Въ сихъ 4 письмахъ займетесь Вы наиболѣе извѣстіями о Пери, о Гр. Шуваловой, о знакомыхъ, о нашемъ семействѣ, о ново-вышедшихъ книгахъ, о театрѣ и обществѣ.

4) Вы займетесь также и въ непродолжительномъ времени присылкою мнѣ а) моихъ часовъ, отправленныхъ съ Г. Краузе на имя Пери, б) извѣстнаго количества малыхъ и большихъ *выпуклыхъ* съ орлами бѣлыхъ и желтыхъ пугвиць, в) двухъ или трехъ модныхъ зимнихъ жилетовъ и д) нѣсколькихъ паръ черныхъ сквозныхъ чулокъ (только не носокъ).

5) Вы учините также надлежащее домогательство у К. Федора Голицына о присылкѣ мнѣ обѣщанныхъ книгъ, какъ нововышедшихъ, такъ и старыхъ, мною уже назначенныхъ.

6) Вы приложите стараніе о скорой пересылкѣ всего этого (я буде можно разомъ и въ одномъ пакетѣ или ящикѣ) съ довѣреніемъ на мое имя или съ полнымъ адресомъ, буде не случится проѣзжихъ прямо во Флоренцію.

7) Приѣхавши въ Мадритъ Вы благоволите Кузинька написать мнѣ съ первою почтою. Послѣ чего возьмете за непремѣнное правило, долгъ совѣсти, законъ, писать мнѣ еженедѣльно и притомъ всегда въ тотъ же день, не забывая *номеровать* Вашихъ писемъ и выставлять числа.

8) Какъ было доселѣ тагъ и впредь Вы для вашихъ ко мнѣ писемъ черновика дѣлать не будете.

9) Тѣ изъ моихъ писемъ, кои я буду просить жечь, Вы предайте *непремѣнно* огню.

Съ моей стороны обѣщаю Вамъ.

1) Двѣ недѣли по Вашемъ отъѣздѣ написать Вамъ въ Парижъ одно письмо за другимъ (адресуя оба письма на имя нашего Посольства).—2) Писать къ вамъ въ Мадритъ еженедѣльно и всякой разъ сообщать содержаніе полученныхъ мною писемъ изъ Москвы.—3) Содержаніе Вашихъ писемъ сообщать *in extenso* въ Москву, (буде не будетъ съ Вашей стороны иногда оговорки).—4) При удобномъ случаѣ переслать Вамъ собранныя Вами рукописи и—5) сохранять въ цѣлости всѣ Ваши письма (буде не будетъ оговорки на сожженіе) и возвратить Вамъ ихъ при востребованіи.

А Васъ, Кузинька, да хранитъ Господь Богъ подъ Святымъ Своимъ покровомъ. Будьте счастливы и да сбудутся всѣ Ваши желанія.

Вашъ лучший другъ.

Флоренція, 1/13 Мая 1826 года.—

Брату моему, князю Дмитрію, при отъѣздѣ его въ Иберію.

Поправки.

(Выпускъ 4-ый).

Страл.	Стр. св.	стр. си.	напечатано	должно быть.
404	13		Оона	Оома
499		2	№ 13	№ 43
527	21		необычайное вниманіе	обычайное невниманіе.

„Извѣстіе о третьей экспедиціи въ Сѣверный Ледовитый океанъ, въ 1823 году“ (*Сѣверный Архивъ* 1824 г., ч. IX, стр. 315—334).

„Отрывокъ“ изъ журнала путешествія вокругъ свѣта на шлюпкѣ „Камчатка“ (*Благодѣтельный* 1824 г., ч. XXV, стр. 257—275).

„Объ экспедиціяхъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ“, 1824 г. (*Записки* Госуд. Адмиралт. Департамента 1825 г., ч. VIII, стр. 273—323).

„Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ въ 1821—1824 годахъ“, Сиб. 1828 г., два тома.

„Опыты надъ постояннымъ маятникомъ, произведенные въ путешествіи вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ“, въ 1826—1829 годахъ“, Сиб. 1833 г., IV + 232 стр.

„Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ“, въ 1826—1829 годахъ“, Сиб. 1835—1836 гг., четыре тома съ атласомъ.—Это сочиненіе удостоено полной Демидовской преміи.

„О приливахъ и отливахъ въ Сѣверномъ Великомъ океанѣ и Ледовитомъ морѣ“ (*Записки* Гидрограф. Департамента Морского Министерства 1841 г., ч. II, стр. 353—376 съ таблицей).

„И. Ф. Крузенитернъ“, некрологъ (*Отчетъ* Импер. Русск. Географич. Общества за 1845—1846 г.).

„Разборъ“ сочиненія Тихменева: „Историческое обозрѣніе Россійско—Американской Компаніи“ (*Тридцать первое присужденіе Демидовскихъ наградъ*, Сиб. 1862 г.).

„Докладъ Великому Князю Константину Николаевичу объ экспедиціи въ Азовское море“ (*Записки* Импер. Русск. Географическ. Общества 1862 г., кн. 3).

„Отзвѣвъ“ о запискѣ Сидорова: „Туруханскій край“ (*Труды Импер. Вольно-экономическаго Общества* 1863 г., т. II, кн. 2).

Послѣ смерти гр. Ѳ. П. Литке, напечатаны его „Письма“: 1) къ Н. Н. Мурзакевичу (*Русская Старина* 1888 г., кн. 9, стр. 585—586) и 2) къ В. А. Жуковскому (*Русскій Архивъ* 1897 г., кн. 5, стр. 157—166).

Лихутинъ, Михайль Доримедонтовичъ¹⁾ началъ служебную карьеру въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка и офицеромъ генеральнаго штаба отличился въ Венгерскую кампанію; при началѣ Русско-турецкой войны (1854 г.) онъ былъ начальникомъ штаба Баязетскаго отряда, который разбилъ на Чингильскихъ высотахъ большой непріятельскій корпусъ; по окончаніи этой войны до умиротворенія Кавказа (1856—1860 гг.) состоялъ командиромъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка; произведенный въ генераль-майоры былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Ригѣ, но съ конца шестидесятыхъ годовъ вышелъ въ отставку; † 12 декабря въ Москвѣ.—Его труды:

„Русскіе въ Азіатской Турціи, въ 1854 и 1855 годахъ“, изъ записокъ о военныхъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда, Сиб. 1863 г., 446 стр. и одна карта.

„Записки о походѣ въ Венгрію, въ 1849 году“, М. 1875 г., 274 стр.

¹⁾ См. о немъ: *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 348.

Людоговскій, Алексѣй Петрович¹⁾, родился въ 1840 году; съ 1870 года—магистръ сельскаго хозяйства и затѣмъ профессоръ агрономіи въ Петровской Земледѣльческой Академіи; † 11 февраля въ Москвѣ.—Онъ напечаталъ:

„Матеріалы для сельско-хозяйственнаго описанія Московской губерніи“ (*Московскія Губернскія Видомости* 1863 г., №№ 31—34, 37, 38, 51—60). Эти статьи вошли въ „Сборникъ матеріаловъ для изученія Москвы и Московской губерніи“. М. 1864 г., вып. I, 50 стр.

„Подсолнечникъ: принятіе, распредѣленіе и движеніе минеральныхъ питательныхъ веществъ въ связи съ образованіемъ органическаго вещества“, Спб. 1869 г., II + 104 стр.

„Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ“, Спб. 1875 г., три тома (вмѣстѣ съ И. А. Стебутомъ, И. Н. Черноятовымъ и А. А. Фадѣевымъ).

„Основы сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственнаго счетоводства“, Спб. 1875 г.

Лядовъ, Иванъ Матвѣевичъ²⁾, по происхожденію—мѣщанинъ, а потомъ купецъ и дѣйствительный членъ Владимірскаго статистическаго комитета; † 2 декабря въ городѣ Шуѣ.—Кромѣ корреспонденцій въ газетѣ „Голось“, имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Вѣсти изъ Шуи“ (*Москвитининъ* 1853 г., т. I и VI).

„Кожевенные заводы въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ“ (*Владимірскія Губ. Видомости* 1855 г., № 12). Эта статья была перепечатана въ томъ же году: въ *Коммерческой Газетѣ*, № 46, *Журналѣ Мин. и Горноз. Извѣстій*, № 15 и въ *Журналѣ Мин. Внутр. Дѣл*, ч. XI.

„Снаряженіе въ Шуѣ 123-ей дружины Владимірскаго ополченія“ (*Москвитининъ* 1855 г., кн. 15—16).

„Деревня Хритонова и хрионовскія косы въ Владимірской губерніи“ (*Владим. Губ. Видомости* 1856 г., № 11). Эта статья перепечатана въ *Журналѣ Мин. Внутр. Дѣл* 1856 г., ч. XVIII.

„Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани, Ковровскаго уѣзда, въ 1856 году“ (*Владим. Губ. Видомости* 1857 г., № 6). То же перепечатано: въ *Экономическ. Указатель* 1857 г., № 8; *Журналѣ Мин. Внутр. Дѣл* 1857 г., ч. XXV и въ *Коммерческ. Газетѣ* 1857 г., № 27.

„Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1857 году“ (*Владим. Губ. Видомости* 1858 г., № 8).

„Челобитныя и грамоты XVII вѣка относительно Шуи“ (*тамъ же* 1859 г., № 13).

„Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1858 и 1859 годахъ“ (*Журналѣ Мин. Внутр. Дѣл* 1859 г., ч. XXXV и 1860 г., ч. XLI).

„Чулочное, валеночное и овчино-шубное производство въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (*Владим. Губ. Видомости* 1860 г., №№ 3, 4 и 12). То же перепечатано въ „Трудахъ Импер. Вольно-экономическ. Общества“ 1860 г., т. III.

„Воспоминаніе о Ѳ. Я. Яковлевѣ“ (*Владим. Губ. Видомости* 1860 г., № 17).

¹⁾ О немъ: *Московскій Листокъ* 1882 г., № 44.

²⁾ См. о немъ: *Современныя Извѣстія* 1882 г., № 339.

- „Сельско-хозяйственный очеркъ Шуйскаго уѣзда“ (*тамъ же* 1861 г., №№ 10—12).
- „Три челобитныя XVII вѣка“ (№№ 45 и 52).
- „Количество потребляемыхъ дровъ въ теченіе года, въ городѣ Шуѣ“ (№ 50).
- „В. А. Борисовъ“, некрологъ (*Владим. Губ. Вѣдомости* 1862 г., № 4).
- „Движеніе торговли въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (*тамъ же*, №№ 5, 7, 17, 36, 37 и 40).
- „Документы касательно Шуи“ (№№ 18 и 37).
- „Хлѣбопашество вольно-наемнымъ трудомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (№ 19). Эта статья перепечатана въ *Газетъ для сельскихъ хозяевъ* 1862 г., № 47.
- „Производство мануфактурныхъ и заводскихъ издѣлій въ городѣ Шуѣ“ (*Владим. Губ. Вѣдомости* 1862 г., № 40).
- „Очеркъ торговли хлопчато-бумажною пряжею въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ“ (*Памятная книжка Владимирской губерніи на 1862 годъ*, отд. II).
- „Грамота 1687 г. и челобитная 1710 года“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1863 г., №№ 5 и 49).
- „Историческая и современная записка о городѣ Шуѣ“, М. 1863 г., 42 стр.
- „О торговлѣ въ Шуйскомъ краѣ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1863 г., №№ 1, 6—8, 28 и 38). То же въ *Акціонеры* 1863 г., №№ 28 и 29.
- „Торговля и фабрикантскія дѣла въ Шуйскомъ краѣ“ (*Труды Владимирск. губернскаго статистическаго комитета* 1863 г., вып. I).
- „О торговлѣ хлопчато-бумажными товарами на Холуйскихъ ярмаркахъ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1864 г., № 2).
- „Челобитныя и указы XVII—XVIII вѣковъ“ (*тамъ же*, №№ 3, 13, 20, 22, 24, 27, 35 и 36). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ перепечатаны въ томъ же году: въ газетѣ *День* (№ 37) и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 87).
- „Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ“ (*Владим. Губ. Вѣдомости* 1864 г., № 5).
- „Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ“ (*тамъ же*, № 15).
- „Шуя, городъ Владимирской губерніи“ (№ 40).
- „Три челобитныя царю Алексѣю Михайловичу“ (№ 44).
- „О найденномъ надгробномъ памятникѣ въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ“, 1672 г. (№ 46).
- „Состояніе города Шуи въ 1718 году“ (*Труды Владим. губ. статист. комитета* 1866 г., вып. V).
- „Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ, въ 1865 году“ (*Владим. Губ. Вѣдомости* 1866 г., №№ 15—17).
- „О бывшихъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ пожарахъ, въ 1865 году“ (*тамъ же*, № 18).
- „Письмо бурмистра о покупкѣ свиного мяса, гусей и пшеницы про обиходъ Царскаго Величества“, 1719 г. (№ 19).
- „Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію 1865 года“ (№ 20).
- „Челобитная 1621 года“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1867 г., № 15).
- „Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ, въ 1866 году“ (*тамъ же*, № 18).
- „О пожарныхъ случаяхъ, бывшихъ въ городѣ Шуѣ, въ 1866 году“ (*тамъ же*).
- „Челобитная 1631 года“ (№ 19).
- „Шесть челобитныхъ“ (№№ 17, 19 и 49).

„Указы царя Петра Алексѣевича“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1868 г., № 43; 1873 г., № 23; 1878 г., № 16; 1879 г., № 19; 1880 г., № 33).

„Росписи, грамоты и челобитныя“ (*тамъ же* 1868 г., № 43; 1870 г., №№ 10 и 46; 1871 г., №№ 18 и 19; 1873 г., №№ 42 и 43; 1874 г., №№ 3, 6, 13, 14, 18, 31 и 32; 1875 г., № 3; 1876 г., №№ 23, 27, 28, 30, 31 и 33; 1877 г., №№ 4, 9, 10, 13, 39, 47 и 51; 1879 г., №№ 16, 18 и 25; 1880 г., № 31).

„Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію 1868 года“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1869 г., № 11).

„Выписи изъ холопскихъ кабалныхъ книгъ на владѣніе людьми,“ 1622 г. (*тамъ же*, № 29).

„Сказка выборныхъ старость“, 1723 г. (№ 33).

„Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію 1869 года“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1870 г., № 8).

„Сказка Шуянгъ о томъ, что въ Шуѣ корчемнымъ виномъ и табакомъ Шуяне не торгуютъ“, 1659 г. (*тамъ же*, № 9).

„О бывшихъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ пожарахъ, въ 1868 году“ (№№ 28—34).

„Археологическая находка“ и „О почтовой пересылкѣ“ (№№ 31 и 32).

„Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ, въ 1868 году“ (№№ 40—42 и 44).

„Шуйская земская публичная бібліотека“ (№№ 45—46 и слѣд.).

„Фабрикантскія и торговыя дѣла Шуйскаго края въ 1869 году“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1871 г., №№ 1, 3 и 4).

„Выписи изъ писцовыхъ книгъ на село Юрчаково съ деревнями“, 1652 г. (*тамъ же*, № 14).

„Воспоминаніе о Николаѣ Андреевичѣ Кашищевѣ“ (№ 31).

„Андрей Васильевичъ Архангельскій, протоіерей Киселевской Шуйской болыничной церкви“, некрологъ (№ 34).

„Родословная поколѣнная роспись Юрія Лазыничъ (съ 1402 г.), отъ котораго произошли роды Борисовыхъ, Бороздиныхъ, Колединскихъ, Житовыхъ, Кашищевыхъ, ихъ челобитія и указъ царей объ утвержденіи рода Кашищевыхъ“, 1688 г. (№ 35).

„О бывшей часовнѣ на Шуйскомъ полѣ, за рѣкою Тезою, построенной въ память избавленія отъ мороваго повѣтрія, въ 1654 году“ (*Владим. Губ. Вѣдомости* 1873 г., № 22).

„Шуя“, корреспонденція, въ которой говорится о Павлѣ Васильевичѣ Шенинѣ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1874 г., № 1).

„Первый призывъ по всеобщей воинской повинности въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ, въ 1874 году“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1875 г., № 2).

„Село Дунилово и Мардасская волость по писцовымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій“ (*тамъ же*, №№ 8, 16—18, 21, 23—26).

„Хлѣбонашество и заработки сельскихъ жителей на фабрикахъ и заводахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (№ 15).

„Руководьля, ремесла, промыслы и торговля жителей города Шуи и Шуйскаго уѣзда“, Владим. 1876 г., 72 стр.

„Врачебная часть въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1876 г., № 27).

„Движеніе учебнаго дѣла въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1875 году“ (*тамъ же*, № 30).

„Развитіе и упадокъ Холуйскихъ ярмарокъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ“ (№№ 31 и 32).

„Юридическіе народныя обычаи крестьянъ Шуйскаго уѣзда“ (№ 43).

„Учебное дѣло въ Шуйскомъ уѣздѣ за 1876 годъ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1877 г., № 22).

„Свѣдѣнія и замѣтки о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1876 году“ (*тамъ же*, № 36).

„Нѣсколько замѣтокъ о фабрикантскихъ и торговыхъ дѣлахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, по поводу кризиса 1876 года“ (№ 37).

„Рѣка Молохта и находящіяся на ней мукомольныя мельницы, въ Шуйскомъ уѣздѣ“ (№ 38).

„Петръ Александровичъ Борисовъ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1878 г., № 2).

„Крѣпостныя записи въ солдаты по найму, 1709 и 1710 гг.“ (*тамъ же*, № 3).

„Сговорная записъ о жещитѣбѣ“, 1671 г. (№ 6).

„Производство и торговля овчиннымъ и шубнымъ товаромъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ, въ 1877 году“ (№ 9).

„Замерзаніе и вскрытіе отъ льда рѣки Тезы при городѣ Шуѣ въ 40-лѣтній періодъ времени, съ 1838 по 1878 годъ“ (№ 28).

„Винокуренныя частныя заводы и винницы въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1794 году“ (№ 32).

„Заводы и фабрики въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX столѣтія и дальнѣйшее ихъ развитіе“ (№№ 33—36).

„О празднованіи столѣтія Владимірской губерніи“ (№ 37).

„Топографическое описаніе Владимірской, Суздальской, Переяславской—Залѣсской и Юрьевской—Польской провинцій городовъ въ 1760-хъ годахъ“ (№№ 37, 38, 41 и 42).

„Корреспонденція изъ Шунъ“ (№ 49).

„Отчетъ Шуиской публичной земской бібліотеки за 1878 годъ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1879 г., № 10).

„Замѣтка о бывшемъ въ городѣ Шуѣ убогомъ домѣ“ (*тамъ же*).

„Корреспонденція изъ Шунъ“, по поводу покушенія на жизнь Государя Александра II, 2 апрѣля 1879 года (№ 14).

„Замѣтка о состояніи погоды и свѣдѣнія о посѣвѣ, сборѣ и урожаѣ хлѣбовъ, картофеля и травъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1878 году“ (№ 24).

„Родъ Шуискихъ гражданъ Лядовыхъ“ (№ 26).

„Корреспонденція изъ Шунъ“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1880 г., № 9).

„Отчетъ Шуиской публичной земской бібліотеки за 1879 годъ“ (*тамъ же*, № 15).

„Замѣтка о состояніи погоды и свѣдѣнія о посѣвѣ, сборѣ и урожаѣ хлѣбовъ, картофеля и травъ, и о существующихъ на оныя цѣнахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1879 году“ (№№ 19 и 20).

„Учебное дѣло въ городѣ Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1879 году“ (№ 27).

„Открытіе въ городѣ Шуѣ публичныхъ чтеній религіозно-нравственнаго содержанія“ (*Владимірск. Губ. Вѣдомости* 1881 г., № 50).

„Очеркъ возникновенія и развитія женскихъ учебныхъ заведеній въ городѣ Шуѣ“ (*тамъ же*, №№ 51 и 52).

Макарій, въ міръ Михаилъ Петровичъ Булгаковъ¹⁾, изъ духовнаго званія, сынъ священника, родился 19 сентября 1816 года въ селѣ Сурковѣ (Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда); учился въ Курской семинаріи и въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ еще студентомъ принялъ монашество (15 февраля 1841 года); по окончаніи академическаго курса со степенью магистра (1841 г.), былъ избранъ въ бакалавры той же Академіи по кафедрѣ русской церковной и гражданской исторіи, но черезъ годъ переведенъ въ Петербургскую Духовную Академію на кафедру догматическаго богословія; здѣсь, возведенный въ санъ архимандрита, назначенъ инспекторомъ (съ 1849 г.) и ректоромъ (1851—1857 гг.) вмѣстѣ съ посвященіемъ во епископа Винницкаго (викарія Каменецъ-Подольской епархіи); затѣмъ—епископъ

¹⁾ О немъ: „Исторія С.-Петербургской Дух. Академіи“, И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 336.—„Отчеты Импер. Академіи Наукъ“, Спб. 1866 г., стр. 118—119, 136—140.—*Centralblatt für slavische Literatur* 1867 г., № 36.—„Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Дух. Академіи“, Кіевъ 1869 г., стр. 396.—*Иллюстрированная Газета* 1870 г., № 10.—*Литовскія Епарх. Видомости* 1876 г., № 2.—*Всемирная Иллюстрація* 1879 г., № 539.—*Московскія Видомости* 1879 г., № 96.—Періодическія изданія 1882 года: *Вѣкъ*, кн. 7, отд. IV, стр. 1—44; *Вѣстникъ Европы*, кн. 6, стр. 406—408; *Газета Гатцука*, №№ 24—25; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 7, стр. 222; *Московскія Видомости*, №№ 160—166 и 176; *Московскія Церковныя Видомости*, №№ 24—29; *Ива*, № 26 (съ портретомъ); *Православное Обзорное*, кн. 7, стр. 567—592; кн. 8, стр. 751—773; кн. 12, стр. 841—847; „Прибавленія“ къ *Твореніямъ Св. Отца*, ч. XXX, кн. 3, стр. 300; *Русская Старина*, кн. 12, стр. 717; *Сынъ*, №№ 130 и 135; *Современныя Извѣстія*, № 159.—*Русская Старина* 1883 г., кн. 6, стр. 669—680.—*Православное Обзорное* 1888 г., кн. 5—6, стр. 3—39.—„Митрополитъ Макарій, какъ проповѣдникъ“, В. Кипарисова (*Богословскій Вѣстникъ* 1893 г., кн. 1, 3, 4, 7, 8 и отдѣльно: Сергіевъ Посадъ 1893 г.).—Статьи Ѳ. П. Титова (*Труды Кіевской Дух. Академіи* 1894 г., кн. 5; 1895 г., кн. 6, 9, 10), вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заголовкомъ: „Макарій Булгаковъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій“, историко-біографическій очеркъ (Кіевъ 1895 г., 460 стр. съ портретомъ).—*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. 2, стр. 270—273.—*Труды Кіевской Дух. Академіи* 1896 г., кн. 2, 4 и 6.—„Макарій Булгаковъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій“, историко-біографическій очеркъ Ѳ. Титова (Кіевъ 1897 г., съ портретомъ и факсимиле).—„Макарій, митрополитъ Московскій, въ его дѣятельности по управленію Литовскою епархіею“, Н. Извѣкова (*Христіанское Чтеніе* 1898 г., кн. 1 и 2).—„Макарій Булгаковъ, митрополитъ Московскій, какъ расколовѣдъ“, В. Добромыслова (*Миссионерскій Сборникъ* 1900 г., №№ 3—6; 1901 г., № 6 и двѣ отдѣльныя брошюры: Рязань 1900—1901 гг.).—„Литовскій періодъ въ жизни митрополита Макарія“, Ѳ. Титова (*Труды Кіевской Дух. Академіи* 1902 г., кн. 10 и 11).—„Тамбовскій и Харьковскій періоды жизни и дѣятельности митрополита Макарія“, Ѳ. Титова (*тамъ же* 1903 и отдѣльно: Кіевъ 1903 г.).—„Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины митрополита Макарія“, Ѳ. Титова (*Богословскій Вѣстникъ* 1907 г., кн. 7—8, стр. 392—400). „Императорское Московское Археологическое Обществѣ въ первое пятидесятилѣтіе его существованія“, М. 1915 г., т. II, стр. 216—217 (съ портретомъ).

Тамбовскій и Шацкій (1857—1859 гг.), архіепископъ Харьковскій (1859—1868 гг.) и Литовскій (1869—1879 гг.); наконецъ—митрополитъ Московскій и Коломенскій (1879—1882 гг.); † 9 іюня въ селѣ Черкизовѣ, близъ Москвы и похороненъ въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой Лавры.

Покойный архипастыръ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ, имѣлъ степени доктора богословія и исторіи. Его высокому положенію въ наукѣ помогли слѣдующіе труды:

„Исторія Кіевской Духовной Академіи“, Спб. 1843 г., 226 стр.

„Начало православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія Русскаго царства“ (*Христіанское Чтеніе* 1845 г., ч. I и II).

„Начало православной церкви въ Русскомъ собственно царствѣ“ (*тамъ же*, ч. II и III).

„Начатки христіанства въ царствѣ Русскомъ, со времени основанія его до равноапостольной княгини Ольги“ (*Христіанское Чтеніе* 1846 г., ч. I).

„Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію Россійской церкви“, Спб. 1846 г.—Второе изданіе: Спб. 1868 г.

„Очеркъ исторіи Русской церкви въ періодъ дотатарскій“ (*Христіанское Чтеніе* 1847 г., ч. I и II). Этотъ „очеркъ“, подъ тѣмъ же заглавіемъ, вышелъ и отдѣльно: Спб. 1847 г.

„Собраніе вѣсколькихъ словъ“, Спб. 1847 г.

„Введеніе въ православное богословіе“, Спб. 1847, 1852, 1853, 1871, 1884 и 1897 гг. (шесть изданій).

„Взглядъ на первые слѣды православной вѣры между монголами“ (*Христіанское Чтеніе* 1848 г., ч. I).

„О значеніи исторіи отечественной православной церкви“ (*тамъ же*).

„Православное догматическое богословіе“, Спб. 1849—1853 гг., пять томовъ. Слѣдующіе изданія въ двухъ томахъ: Спб. 1856—1857, 1883 и 1895 гг.

„Слово при погребеніи митрополита Іоны“ (*Христіанское Чтеніе* 1849 г., ч. II).

„Три памятника русской духовной литературы XI вѣка, съ предварительными о нихъ замѣчаніями“ (*тамъ же*).

„Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава до избранія митрополита Пларіона“ (*Христіанское Чтеніе* 1850 г., ч. I; 1853 г., ч. I).

„Слова при погребеніи архіепископовъ Игнатія и Іакова“ (*тамъ же* 1850 г., ч. I и II).

„Шесть проповѣдей на разные случаи“ (*Христіанское Чтеніе* 1851 г., ч. I и II).

„Слово въ Великій Пятокъ“ (*тамъ же* 1852 г., ч. I).

„Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александроневской Лаврѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1853 г., ч. I).

„Слово въ день Св. Пасхи“ (*тамъ же*).

„Кригическій очеркъ исторіи русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства“ (*Христіанское Чтеніе* 1853 г., ч. II; 1854 г., ч. I и II). Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго

подъ именемъ старообрядства," Сиб. 1855 г., 367 стр.—Второе изданіе: Сиб. 1858 г., 404 стр.—Третье изданіе: Сиб. 1889 г., 420 стр.

„Рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ Импер. Воспитательнаго Общества“ (*Христіанское Чтеніе* 1854 г., ч. I).

„Состояніе Русской церкви со времени избранія митрополита Иларіона до митрополита Климента“ (*тамъ же* 1855 г., ч. I и II; 1856 г., ч. I).

„Записка о Θεодосіи, писателѣ житія Володимерова“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1855 г., т. IV, вып. 3). То же перепечатано въ книгѣ: „Историческія чтенія о языкѣ и словесности“ (Сиб. 1855 г.).

„Преподобный Θεодосій Печерскій, какъ писатель“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1855 г., т. IV, вып. 6). Этотъ трудъ также помѣщенъ въ изданіи: „Историческія чтенія о языкѣ и словесности“ (Сиб. 1855 г.).

„Состояніе Русской церкви со времени митрополита Климента до митрополита Кирилла“ (*Христіанское Чтеніе* 1856 г., ч. I и II; 1857 г., ч. I).

„Сочиненія преподобнаго Θεодосія Печерскаго въ подлинномъ текстѣ“ (*Ученія Записки Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ* 1856 г., кн. II, вып. 2).

„Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1856 г., т. V, вып. 3). То же помѣщено въ книгѣ: „Историческія чтенія о языкѣ и словесности“ (Сиб. 1857 г.).

„Святой Кирилль, епископъ Туровскій, какъ писатель“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1856 г., т. V, вып. V). То же напечатано въ „Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности“ (Сиб. 1857 г.).

„Рѣчь, произнесенная при послѣднемъ священнослуженіи въ Академической церкви“ (*Христіанское Чтеніе* 1857 г., ч. I).

„О Григоріи Цамблакѣ, митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1857 г., т. VI, вып. 2). Этотъ трудъ помѣщенъ и въ книгѣ: „Историческія чтенія о языкѣ и словесности“ (Сиб. 1857 г.)

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1857 г., три тома.—Второе изданіе: Сиб. 1868 г.—Третье изданіе: Сиб. 1888—1889 г.

„Слово въ день Пр. Троицы, сказанное при вступленіи на кафедру Тамбовской епархіи“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1857 г., № 155).

„Четыре слова въ Тамбовѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1858 г., ч. I и II).

„Слово, произнесенное по случаю освященія Моршанскаго Троицкаго собора“ (*Московскія Вѣдомости* 1858 г., № 35).

„Пять словъ въ Тамбовѣ и Харьковѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1859 г., ч. I и II).

„Слова и рѣчи“. Сиб. 1859 г., два тома.

„Успѣхи православной церкви Руской въ періодъ монгольской“ (*Христіанское Чтеніе* 1859 г., ч. I).

„О новгородскихъ Макарьевскихъ Четвѣхъ—Минскѣхъ“ (*Тѣматиси русской литературы*, изд. Н. С. Тихонравовымъ 1859 г., т. I).

„Биографическая записка о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ“ (*Ученія Записки Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ* 1859 г., кн. V).

„О сочиненіяхъ митрополита Кіевскаго Кирилла II-го“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1859 г., т. VIII, кн. 3).

„Рѣчь при первомъ священнослуженіи въ Святогорскомъ монастырѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1860 г., ч. I).

„Пять словъ и рѣчей въ Харьковѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1861 г., ч. I и II).

- „Русскіе монастыри въ періодъ монгольской“ (*тамъ же*, ч. II).
- „Русская митрополія въ ея переходный періодъ—отъ митрополита Кирилла II-го до св. митрополита Іоны“ (*Ученыя Записки Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ* 1861 г., т. VII, вын. 1).
- „Слово о перенесеніи мощей Св. Николая, русское сочиненіе конца XI или начала XII вѣка“, съ примѣчаніями (*Духовный Вѣстникъ* 1862 г., т. I, кн. 1).
- „Правило Максима, митрополита Русскаго (1283—1305 гг.)“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Посланіе епископа Владимірскаго къ сыну Св. Александра Невскаго—Димитрію или Андрею“ (*тамъ же*).
- „Житіе Св. Петра, митрополита Русскаго, составленное Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Келейныя правила инокамъ“, по списку XIII—XIV в., съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Поученіе ко всѣмъ христіанамъ епископа Сарайскаго Матѳія“, съ примѣчаніями (кн. 2).
- „Благословеніе и указъ Новгородскаго архіепископа Іоанна“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „О книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, по двумъ разнымъ спискамъ, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Житіе Св. Алексія, митрополита Московскаго, составленное, вѣроятно, архимандритомъ Питиримомъ“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Посланіе митрополита Фотія въ Псковъ о св. агнцахъ, аллилуйи и проч.“, съ примѣчаніями (кн. 3).
- „Перечень Новгородскихъ архіереевъ, составленный въ концѣ XV вѣка“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорентійскомъ соборѣ“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Мѣсяцесловъ по списку XIII—XIV в.“, съ примѣчаніями (кн. 4).
- „Посланіе митрополита Іоны къ литовскимъ епископамъ о непризнаніи жемитрополита Григорія“, съ примѣчаніями (*тамъ же*).
- „Поученіе архіерейское новопоставленному священнику, по списку конца XIV или начала XV вѣка“, съ примѣчаніями (кн. 5).
- „Русская духовная литература въ періодъ монгольской“ (*Духовный Вѣстникъ* 1862 г., т. I, кн. 1—4).
- „О значеніи пожертвованій на храмы“ (т. III, кн. 10).
- „Церковное право въ Россіи при монголахъ“ (*Духовный Вѣстникъ* 1863 г., т. IV, кн. 2).
- „Слова и рѣчи, произнесенныя къ паствѣ Харьковской“, Спб. 1864 г., 305 стр.
- „Исторія Русской церкви“, Спб. 1865 г., четвертый и пятый томы.—Второе изданіе: Спб. 1886 г.
- „Слово въ день столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина“ (*Харьковскія Губ. Вѣдомости* 1866 г., № 95; *Духовный Вѣстникъ* 1866 г., т. XV, кн. 12).
- „Слово въ день столѣтняго юбилея Н. А. Крылова“ (*Харьковск. Губ. Вѣдомости* 1868 г., № 229).
- „Слово при вступленіи на кафедру Литовской епархіи“, Вильна 1869 г.
- „Руководство къ изученію христіанскаго православно-догматическаго богословія“, Спб. 1869 г. Этотъ трудъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ вышелъ подъ за-

главѣмъ: «Handbuch zum Studium der christlichen orthodox—dogmatischen Theologie von Dr. Theolog. Macarius, übersetzt von Dr. A. Blumenthal» (М. 1875 г.). Свѣдѣнія о переводчикѣ см. въ нашемъ „Обзорѣ“ (М. 1903 г., вып. I, стр. 12—13).

„Собрание словъ и рѣчей“, Сиб. 1869 г., съ портретомъ автора.—Второе издание: Сиб. 1891 г.—Это „Собрание“ переведено аббатомъ Боассаромъ на французскій языкъ и вышло подъ заголовкомъ: «Choix de sermons et discours de Son Eminence Mascire» (Paris, 1869 г.).

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1870 г., томъ шестой.—Второе издание: Сиб. 1887 г.

„Преподобный Юсифъ Волоколамскій въ его „Просвѣтителѣ“ (*Христіанское Чтеніе* 1871 г., ч. I).

„О литературныхъ трудахъ Максима Грека“ (*Христіанское Чтеніе* 1872 г., ч. II).

„О сочиненіяхъ Московскаго митрополита Даніила“ (*тамъ же*).

„Московскій митрополитъ Макарій, какъ литературный дѣятель“ (*Христіанское Чтеніе* 1873 г., ч. I).

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1874 г., томъ седьмой.—Второе издание: Сиб. 1891 г.

„Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія“ (*Братское Слово* 1875 г., кн. 1, стр. 20—63).

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1876 г., томъ восьмой.—Второе издание: Сиб. 1898 г.

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1878 г., томъ девятый.—Второе издание: Сиб. 1900 г.

„Рѣчь на открытіи памятника Пушкину“ (*Московскія Вѣдомости* 1880 г., № 156).—Эта „Рѣчь“ перепечатана во многихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ можно видѣть въ книгѣ В. Межова: «Puschkiniana» (Сиб. 1886 г., стр. 66, 68 и 71—72).

„Первое двадцатипятилѣтіе церковной уніи въ Западно-Русскомъ краѣ“ (*Прибавленія къ „Твореніямъ Св. Отца“* 1880 г., ч. XXVII).

„Слова и рѣчи“, Сиб. 1880 г., съ портретомъ автора.

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1881 г., томъ десятый.—Второе издание: Сиб. 1902 г.

„Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ“ (*Прибавленія къ „Твореніямъ Св. Отца“* 1882 г., ч. XXIX). Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльно: М. 1882 г., 116 стр.

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1882 г., томъ одиннадцатый.—Второе издание: Сиб. 1903 г.

„Рѣчь при торжественномъ освященіи Всероссийской художественно—промышленной выставки въ Москвѣ“ (*Православное Обзорніе* 1882 г., кн. 5).

Послѣ кончины митрополита Макарія напечатаны слѣдующіе его труды:

„Исторія Русской церкви“, Сиб. 1883 г., томъ двѣнадцатый, изданный братомъ автора—протоіереемъ А. П. Булгаковымъ.—Второе издание: Сиб. 1910 г.

„Три письма къ о. Серафимову“ (*Церковный Вѣстникъ* 1883 г., № 10).

„Письма къ К. Н. Невоструеву“ (*Православное Обзорніе* 1889 г., кн. 9).

„Слова и рѣчи, произнесенныя въ Московской епархіи, въ 1879—1882 годахъ“, Сиб. 1890 г.

„Опыты сочиненій, семинарскіе и академическіе“ (*Православное Обозрѣніе* 1891 г., кн. 5—6 и отдѣльно: М. 1891 г.

„Три записки“: „Греко-болгарскій церковный вопросъ и его рѣшеніе“, „Мнѣніе о раздѣленіи раскольническихъ сектъ на болѣе или менѣе вредныя“ и „Сужденія по дѣламъ Сербской церкви“ (*Православное Обозрѣніе* 1891 г., кн. 11—12).

„Два письма къ А. В. Никитенко“, 8 февраля 1858 г. и 24 февраля 1867 г. (*Русская Старина* 1898 г., кн. 5, стр. 343—344).

„Три письма къ С. К. Смирнову“, 1876—1880 гг. (*Воюславскій Вытѣникъ* 1914 г., кн. 10—11, стр. 461—463).

Маклаковъ, Николай Васильевичъ¹⁾ родился въ 1811 году и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса со степенью лѣкаря перваго отдѣленія (1836 г.), состоялъ врачомъ въ городѣ Ефремовѣ (Тульской губ.), а затѣмъ, послѣ 1844 года, жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 8 февраля 1882 года.—Онъ напечаталъ:

„Объ употребленіи въ оперативной медицинѣ паровъ сѣрнаго эоэра“, М. 1847 г., 118 стр.

„Письма о гомеопатіи“, М. 1852 г.

„Опытъ приложенія гомеопатіи къ лѣченію“, изъ замѣтокъ врача—аллопата, М. 1851 г.

„Чѣмъ избавиться отъ холеры“, М. 1866 г.

„Богданъ Хмельницкій“, историческая драма въ шести дѣйствіяхъ (*Бесѣда* 1871 г., кн. 8 и отдѣльно: М. 1871 г.). Затѣмъ, спустя восемь лѣтъ, это произведеніе было перепечатано въ *Газетѣ Гатиука* (1879 г., №№ 38—50).

„Юдобромный водоминеральный источникъ въ швейцарскомъ Саксонѣ“ (*Московская Медицинская Газета* 1873 г.).

„Гамлетъ, принцъ Датскій, трагедія Шекспира“, переводъ съ англійскаго, М. 1880 г. (Приложеніе къ *Газетѣ Гатиука*).

Максимовъ, Гавріилъ Михайловичъ²⁾, артистъ драматической труппы Александринскаго театра, считавшійся по сценѣ „Максимовымъ 3“; † 7 мая въ Петроградѣ.—Онъ сотрудничалъ въ „Петербургскомъ Листкѣ“ и написалъ слѣдующія пьесы: четыре водевила—„Влюбленный голодный“ (1850 г.), „Заколдованные медвѣди“ (1852 г.), „Прежде скончались—потомъ повѣнчались“ (*Пантеонъ* 1853 г., кн. 4; второе изданіе: Спб. 1880 г., 92 стр.) и „Приключеніе наканунѣ обрученія“ (1855 г.), оригинальную комедію: „Кто нынче не франтъ?“ (1857 г.), а также напечаталъ свои воспоминанія, подъ заглавіемъ: „Свѣтъ и тѣни Петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ“, 1846—1876 гг. (Спб. 1878 г., 302 стр.).

¹⁾ О немъ: *Газета Гатиука* 1882 г., № 7.—„Русскіе врачи-писатели“, Л. Змѣева, Спб. 1886 г., вып. II, стр. 2; Спб. 1887 г., вып. III, стр. 36.

²⁾ См. о немъ: *Газета Гатиука* 1882 г., № 20.—*Московский Листокъ* 1882 г., № 125.—„Хроника Петербургскихъ театровъ“, А. Вольфа, Спб. 1877—1884 гг., три части.—„Всеобщій календарь“ на 1883 годъ, стр. 460.

Матвѣевъ, Александръ Павловичъ¹⁾, изъ дворянъ, родился въ Орловской губерніи (1816 г.) и воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, изъ котораго поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета; по окончаніи университетскаго курса лѣкаремъ (1841 г.) недолго состоялъ при Московской Екатерининской больницѣ (1841—1842 гг.), а послѣ двухлѣтняго пребыванія за-границею (1842—1844 гг.) занялъ кафедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ Университетѣ Св. Владиміра, какъ и. д. адъюнкта (1844—1847 гг.) и позже какъ профессоръ (1847—1882 гг.); кромѣ того, онъ былъ деканомъ медицинскаго факультета, проректоромъ и ректоромъ того же Университета; † 23 мая въ Кіевѣ.— Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„De morbis puergeralibus“, диссертация на степень доктора медицины, Кіевъ 1847 г.

„Руководство къ повивальному искусству“, Кіевъ 1853 г., XVIII+358+2 стр. и 14 таблиць.—Второе изданіе: Кіевъ 1861 г.—Третье изданіе: Кіевъ 1870 г.

„Курсъ акушерства“, Кіевъ 1856—1858 гг., три части.—Второе изданіе: Кіевъ 1861 г.—Третье изданіе: Кіевъ 1875 г.

„Объ оперативномъ лѣченіи хроническаго выворота матки помощью медленно стягиваемой лигатуры“ (*Современная Медицина* 1865 г.).

Матте-Гене, Карлъ Филипповичъ²⁾, родился въ Швейцаріи (1830 г.) и еще съ молодыхъ лѣтъ поселился въ Россіи, выдержалъ экзаменъ на званіе учителя французскаго языка и былъ преподавателемъ этого предмета въ Архангельской, Ковенской, Тверской и Рязанской гимназіяхъ (1861—1881 гг.): выйдя въ отставку (съ 15 августа 1881 г.), онъ съѣздилъ за границу, но затѣмъ скоро вернулся въ Россію; † 9 марта въ Москвѣ.—Онъ издалъ: „Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage des gymnases et des pensionnats“, Спб. 1872 г. (на русскомъ и французскихъ языкахъ).

Мордвинова, Марья Павловна³⁾, дочь Павла Ивановича Мордвинова и его жены Анны Владиміровны, рожденной княжны Урусовой, родилась 31 января 1846 года и послѣ домашняго воспитанія занималась педагогіей, но съ открытія женскихъ врачебныхъ курсовъ

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго университета“ за 1841 годъ, стр. 83.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 148.—*Сѣнь* 1882 г., № 119.—„Исторія Импер. Университета Св. Владиміра“, М. Владимірскаго-Буданова, Кіевъ 1884 г., стр. 417 и XXXIII.—„Біографическій Словарь профессоровъ Импер. Университета Св. Владиміра“, Кіевъ 1884 г., стр. 401—402.—„Русскіе врачи-писатели“, Л. Змѣева, Спб. 1886 г., вып. II, стр. 11.

²⁾ О немъ: *Современныя Извѣстія* 1882 г., № 75.—„Столѣтіе Тверской мужской гимназіи“, Тверь 1904 г., стр. 294.

³⁾ О ней: *Русская Мысль* 1883 г., кн. 2.—„Біографическій словарь русскихъ писательницъ“, кн. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 174.

(1872 г.) посвятила себя медицинѣ и въ 1880 году выдержала испытанія на званіе врача; † 15 декабря въ Петербургѣ.—Покойная писала стихи, но не печатала ихъ; лишь одно ея стихотвореніе: „На родинѣ“ помѣщено въ брошюрѣ Н. Познякава: „Врачъ М. П. Мордвинова“ (Спб. 1883 г., стр. 5—6).

Нечаевъ, Сергѣй Геннадіевичъ¹⁾ по происхожденію—мѣщанинъ, родился въ городѣ Шуѣ (1848 г.); выучившись грамотѣ, выдержалъ экзаменъ на сельскаго учителя, но съ 1868 года отдался агитаторской дѣятельности; за убійство студента Иванова (въ ноябрѣ 1869 года), былъ судимъ (1873 г.) и приговоренъ къ каторгѣ, которую отбывалъ въ Петропавловской крѣпости; † въ ночь съ 8 на 9 мая 1882 года.—Во время пребыванія за-границею онъ издавалъ въ Женевѣ журналъ: „Народная Расправа“ (1869—1871 гг.).

Никитинъ, Николай Дмитріевичъ²⁾, вѣнбврачннй сынъ одного изъ крупныхъ помѣщиковъ Орловской губерніи, родился 27 марта 1822 года въ Болховскомъ уѣздѣ; учился въ Орловской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1848 г.), состоялъ прозекторомъ при томъ же Университетѣ (1848—1874 гг.), а затѣмъ—директоромъ Школы садоводства (1874—1882 гг.); † 11 декабря въ Москвѣ.—Кромѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ, подробно перечисленныхъ въ книгѣ Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели“ (Спб. 1886 г., вып. II, стр. 35; Спб. 1887 г., вып. III, стр. 42), онъ напечаталъ отдѣльно:

„Апоневрологія или наука о клѣтчато-волоконистыхъ растяженіяхъ челоѣческаго тѣла“, М. 1860 г., 63 стр.

„О нервѣ подзатылочномъ и частяхъ мозга и нервовъ, въ связи съ ними находящихся“, диссертация на степень доктора медицины, М. 1861 г., 66+2 стр. съ рисунками.

„Руководство къ устройству медицинскихъ садовъ при сельскихъ земскихъ лѣчебницахъ“, М. 1875 г., 198 стр. съ рисунками.

Новодворекій, Андрей Осиповичъ³⁾, потомокъ польской

¹⁾ О немъ: „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза, Спб. 1906 г., третій дополнительный томъ, стр. 241 и 274—275.—Статья С. Сватикова: „Бакунинъ и Нечаевъ“ въ историческомъ сборникѣ: „Наша Страна“ 1907 г., № 1.—Книга Б. Глинскаго: „Революціонный періодъ русской исторіи“, Спб. 1913 г., ч. I, стр. 384—453 (съ портретомъ).

²⁾ См. „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1848 годъ, стр. 22 и за 1861 годъ, стр. 6.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 342.—„Матеріалы“ А. П. Богданова, М. 1889 г., т. II, л. 7 (съ портретомъ).

³⁾ О немъ: *Отечественныя Записки* 1882 г., кн. 4 (статья І. Ясинскаго-Бѣлинскаго).—*Свѣтъ* 1882 г., № 75.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 100.—*Русское Божество* 1897 г., кн. 5, стр. 1—24; кн. 11, стр. 19—23.—*Историческій Вѣстникъ* 1898 г., кн. 2, стр. 551—554 („Воспоминанія“ І. Ясинскаго).—*Русскія Вѣдомости* 1908 г., № 216.

шляхетской семьи, родился въ Киевской губерніи (1853 г.) и учился въ Немировской гимназіи; по окончаніи курса (1870 г.) онъ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ Университетѣ Св. Владиміра по физико-математическому факультету и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ уроки, какъ домашній учитель, но затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и отдался литературной дѣятельности, печатая свои произведенія подъ псевдонимомъ: „А. Осиповичъ“; большой чахоткою, онъ съ 1881 года жилъ въ Нищѣ, гдѣ и умеръ 2 апрѣля 1882 года; его похоронили на тамошнемъ кладбищѣ.—Имъ напечатаны:

„Эпизодъ изъ жизни нищавы, ни вороны“, дневникъ домашняго учителя (*Отечественныя Записки* 1877 г., кн. 6, стр. 313—352).

„Карьера“, разсказъ (*тамъ же* 1880 г., кн. 5, стр. 121—165).

„Наканунѣ ликвидаціи“, разсказъ (*Слово* 1880 г., кн. 9, стр. 1—41).

„Тетушка“, святочный разсказъ (*Отечественныя Записки* 1880 г., кн. 12, стр. 291—302).

„Романъ“, разсказъ (*Отечественныя Записки* 1881 г., кн. 4, стр. 257—298).

„Мечтатели“, разсказъ (*тамъ же*, кн. 8, стр. 461—492).

„Исторія“, разсказъ (*Отечественныя Записки* 1882 г., кн. 2, стр. 375—402).

Все названныя произведенія, вмѣстѣ съ разсказомъ „Сувениръ“, вошли въ „Собраніе сочиненій“ покойнаго автора (Спб. 1897 г., XXII+394 стр.), гдѣ также помѣщенъ очеркъ его жизни и дѣятельности, написанный А. Скабичевскимъ.

Орловъ-Давыдовъ графъ, Владиміръ Петровичъ¹⁾, сынъ Петра Львовича Давыдова, женатаго на графинѣ Орловой, дочери графа Владиміра Григорьевича Орлова, родился въ 1809 году и съ 1856 года, получивъ титулъ и фамилію своего дѣда по матери, началъ именоваться „графомъ Орловымъ-Давыдовымъ“: † 24 апрѣля 1882 года въ Петроградѣ.—Его труды:

„Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Ионическихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи, въ 1835 году“, Спб. 1839 г., ч. I; Сиб. 1840 г., ч. II съ „Атласомъ рисунковъ“.

„О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи“ (*Библиотека для Чтенія* 1858 г., кн. 2).

„Lettre d'un député de comité à m-r président de la commission de la rédaction aide—de—camp général Rostovzeff“, Paris, 1859 г. О принадлежности этой брошюры гр. В. П. Орлову-Давыдову см. въ *Русскомъ Архивѣ* 1900 г., кн. 10, стр. 256.

„Лордъ Маколей“ (*Русскій Инвалидъ* 1860 г., № 13).

„Земледѣліе и землевладѣніе“ (*Вѣстникъ Европы* 1873 г., кн. 6).

„Биографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова“, Спб. 1878 г., два тома съ портретомъ, снимкомъ и тремя рисунками.—Этотъ трудъ вторично напечатанъ послѣ смерти автора въ *Русскомъ Архивѣ* 1908 г., кн. 7—12.

¹⁾ См. *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 132.—*Старина и Новизна* 1898 г., кн. 2, стр. 262—263.

Павловъ, Ипполитъ Николаевичъ¹⁾, сынъ извѣстнаго писателя—публициста Николая Филипповича Павлова, женатаго на талантливой поэтессѣ Каролинѣ Карловнѣ Янишъ²⁾, родился въ Москвѣ (1839 г.) и получилъ домашнее воспитаніе, послѣ чего по экзамену поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета (въ августъ 1855 года); по окончаніи курса кандидатомъ (1859 г.) состоялъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ помощникомъ столоначальника (1859—1860 гг.) и вторымъ переводчикомъ (1860—1862 гг.), учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ IV-ой Московской гимназіи (1867—1870 гг.), II-ой Московской гимназіи (1870—1871 гг.) и Лицеѣ Цесаревича Николая (1871—1872 гг.); наконецъ занималъ мѣсто кандидата на судебныя должности при прокурорѣ Московскаго Окружнаго суда (1872—1876 гг.); † 23 августа 1882 года въ Москвѣ и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

Покойный началъ свою литературную дѣятельность съ 1863 года въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“—газетѣ своего отца, послѣ смерти котораго († 29 марта 1864 г.) былъ ея редакторомъ-издателемъ (до 30 августа 1866 г.); затѣмъ состоялъ усерднымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“ и Аксаковской „Руси“; наконецъ самъ недолго издавалъ еженедѣльный журналъ „Кругозоръ“ (1880 г.). Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Фаустъ“, трагедія Гёте, часть первая, сцена первая, переводъ съ нѣмецкаго (*Русскій Вѣстникъ* 1867 г., кн. 7, стр. 169—182); сцена вторая (*тамъ же* 1873 г., кн. 3, стр. 155—166); сцена третья (*тамъ же* 1874 г., кн. 2).—Отдѣльно М. 1875 г., 93 стр.

„Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классихъ средне-учебныхъ заведеній“, М. 1873 г., VII+208 стр.—Въ составленіи этой книги, вмѣстѣ съ И. Н. Павловымъ, принималъ участіе и В. Я. Стоюнинъ.

„Литература и критика“ (*Русскій Вѣстникъ* 1876 г., кн. 2, стр. 873—883).

„Судьбы поэта“ (*тамъ же*, кн. 8, стр. 890—901).

„О преподаваніи русскаго языка и словесности“ (*Русскій Вѣстникъ* 1877 г. кн. 1). Окончаніе этой статьи появилось въ 1879 году (кн. 10, стр. 736—752).

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1859 годъ, стр. 13.—Періодическія изданія 1882 года: *Московскія Вѣдомости*, № 234; *Русь*, № 35; *Свѣтъ*, № 192.—„Историческая записка о 50-лѣтіи Московской II-ой гимназіи“, М. 1885 г., стр. 222—223.—*Русскій Архивъ* 1897 г., кн. 4, стр. 564—576.—„Пятидесятилѣтіе Московской IV-ой гимназіи“, М. 1899 г., стр. 175 и 184.—*Московскія Вѣдомости* 1900 г., № 286; 1902 г., № 231 и 1907 г., № 193.—„Сборникъ Русскихъ Вѣдомостей“, М. 1913 г., стр. 16—17.

²⁾ О ней см. нашъ „Обзоръ жизни и трудовъ русскіихъ писателей и писательницъ“, вып. XIII.

³⁾ См. о немъ нашъ „Обзоръ“, М. 1900 г., вып. VIII, стр. 107—113.

„Изъ Гейне“, стихотвореніе (*Русскій Вѣстникъ* 1878 г., кн. 9).

„Лордъ Беконсфильдъ, какъ литераторъ“ (*тамъ же*).

„Забываемый поэтъ—современникъ“ (*тамъ же*, кн. 12).

„Памяти А. С. Грибоѣдова“ (*Русскій Вѣстникъ* 1879 г., кн. 1, стр. 240—261).

„Посвященіе“ къ трагедіи „Фаустъ“ Гёте, переводъ съ нѣмецкаго (*Крутозоръ* 1880 г.).

„Разборъ сочиненій Е. Легуве: „L'art de la lecture“ и „La lecture en action“ (*Русскій Вѣстникъ* 1882 г., кн. 7).

Послѣ смерти И. Н. Павлова, напечатаны отрывки изъ его „Воспоминаній“ (*Русское Обозрѣніе* 1897 г., кн. 4, стр. 887—895).

Палладій, въ мѣрѣ Павелъ Егоровичъ Пьянковъ¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1816 году; воспитывался въ Пермской семинаріи и въ Московской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1840 г.), состоялъ профессоромъ родной семинаріи и принялъ священный санъ; послѣ же смерти жены (1846 г.), постриженный въ монашество, занималъ должность инспектора въ Саратовской и Казанской семинаріяхъ (1849—1854 гг.), мѣсто ректора въ Пермской, Кишиневской и Орловской семинаріяхъ (1854—1869 гг.), а хиротонисанный въ архіереи (16 ноября 1869 года) былъ епископомъ Кинешемскимъ и викаріемъ Костромской епархіи (1869—1872 гг.), епископомъ Сарапульскимъ и викаріемъ Вятской епархіи (1872—1877 гг.), наконецъ—епископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ (1877—1882 гг.); † 8 января въ Петрозаводскѣ.—Его труды:

„Обозрѣніе Пермскаго раскола, такъ называемаго старообрядства“, Сиб. 1863 г.

„Толкованіе на псалмы, составленное по текстамъ: еврейскому, греческому и латинскому, по ученію отцевъ и учителей Св. Церкви и дополненное различными замѣчаніями“, М. 1872 г.—Второе изданіе: Вятка 1874 г.

„Толкованіе на книги XII малыхъ пророковъ“, Вятка 1872—1876 гг., пять выпусковъ.

Панютичъ, Левъ Константиновичъ²⁾, родившійся въ 1829 году и писавшій большею частію подъ псевдонимомъ: „Нилъ Адмирари“, былъ фельетонистомъ газеты „Голосъ“ (1863—1875 гг.), сотрудникомъ „Будильника“, „Недѣли“ и „Россіи“ (1880 г.); † 1 декабря 1882 года въ Петроградѣ. Кромѣ фельетоновъ, онъ напечаталъ:

¹⁾ О немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи“, С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 163 и 432.—*Московскія Видомости* 1882 г., №№ 22 и 23.—*Московскія Церковныя Видомости* 1882 г., № 4.—*Церковный Вѣстникъ* 1882 г., № 6.—*Труды Пермской учебной архивной Комиссіи*, 1901 г., вып. IV, стр. 101; 1902 г., вып. V, стр. 49—50.

²⁾ См. о немъ „Словарь“ Брокгауза и „Воспоминанія“ А. Круглова въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1895 г., кн. 11, стр. 478—479.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-й.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Ансакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бэеръ**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго**.—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ**: письма императора **Николая I**, императора **Александра II**, **Ф. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечникова**, **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апухтина**, **Я. Полонскаго**, гр. **М. Ю. Вильгорскаго**.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. **свящ. Н. Модестовъ**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторіи, дѣли и слѣдствія. **Барона де Бая**.—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. **П. Юдинъ**;—Нашадевіе русскихъ шлопокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева**.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**; сообщ. **В. Крыжановскій**.—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго**.—Мелочи литературнаго проицаго, замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свиньина**; Нашадки на **Н. А. Полевого**; **Теньеръ** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пропавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина**.—Дѣло о сектѣ, называемой «христовищной», коея послѣдователи оскотпляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго**.—Историко-литературныя замѣтки. **І. Первый клубъ въ Россіи**. **М. Б.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

МАРТЪ.—Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя **Николая Николаевича** Составителю и Издателю Русскаго Архива.—Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святыишаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ **В. Благовидова**, Казань. 1889 г. **Д. X.**—Письмо графа **Николая Петровича Шереметева** къ **Алексѣю Теодоровичу Малиновскому** и его отвѣтъ.—Расколъ въ оренбургскомъ краѣ. Историческая записка, Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго **Антонія**. Сообщ. **П. Л. Юдинъ**.—Потѣшныя въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія императора **Николая I**. Сообщ. **Н. А. Военскій**.—Дѣло **Вильгельма, Барона де Бая**.—Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писательницъ и писателей, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

АПРѢЛЬ.—Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**; 12 Апрѣля 1865 г. Сообщ. Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.—Хлыеть или параноикъ? (Сектантъ **Василій Радаевъ**). **Н. Г. Высоцкаго**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія отсюда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. свещ. **Н. Н. Модестовъ**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ Уфимскимъ. Сообщ. Протоіерей **Сергій Петровскій**.—Нѣмецкое заселеніе. **П. Л. Юдина**.—Священной памяти Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**. Протоіерей **Іоанна Соловьева**.—Мишны въ русско-турецкой войнѣ 1877—78. **В. Голубева**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—О Мурманскомъ портѣ. **Б. С. П.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ
выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многи-
ми иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обшир-
нымъ отдѣломъ „Русскаго Библюфила“ явится отдѣлъ историко-
литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неиздан-
ныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей.
Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ
воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ
продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**,
начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства гра-
фическаго, вмѣстѣ въ вопросахъ библюфилии и коллекціонерства
будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ
журнала. Въ библюграфическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги
по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь вы-
ходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться опи-
санія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪИ БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянница В. А. Жуковскаго, известной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семей-
ныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній
Жуковскаго, Лыжкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ.
Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографіи
многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены
рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ
воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библюфила“.

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой (за гра-
ницу 35 фр.): безъ доставки 8 руб. При подпискѣ въ конторѣ и
въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается разсрочка.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51.

Пріемъ подписки въ конторѣ Журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип.—С и р і у с ъ—Тел. 583—67.

Редакторъ-Изд. Н. В. Соловьевъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССИИ.	10 р. 9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.	
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взымается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.**

страницахъ отдѣлы: „Украинство“, „Бѣлоруссы“ (т. е. Бѣлоруссы—революціонеры). Журналы „ученые“ имѣются имъ въ виду для будущей его работы, а объ журналахъ, какъ „Славянскія Извѣстія“, „Мирный Трудъ“, онъ не упоминаетъ. Чтѣй да разумѣть!

Мадьярская гегемонія въ Угрии (Венгріи) и Угорская Русь. I. Мадьярскій „глобусъ“ на глиняныхъ ногахъ.—II. Горькая судьба Угрососсовъ. Корреспонденціи изъ Угрии, въ свое время прошедшія безслѣдно. Перевиздалъ докторъ славяновѣдѣнія **А. ПЕТРОВЪ**. Градъ Св. Петра. 1915. Ц. 25 к.

Эти корреспонденціи изъ Венгрии были помѣщены въ журналѣ „Славянское Обозрѣніе“ 1892 г., но полны свѣжести даже въ текущемъ 1915 г. Одна говоритъ о ростѣ венгерской гегемоніи и ея слабыхъ сторонахъ, другая рисуетъ печальное состояніе Русскихъ за Карпатами подъ управленіемъ Венгровъ. Обѣ не подписаны авторами; но можно догадываться, что онѣ принадлежатъ выдающимся мѣстнымъ дѣятелямъ. Любопытны строки: „важнымъ факторомъ ультра-мадьяризма въ его борьбѣ со Славянами являются Евреи“ (стр. 7).

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода. Томъ XXII. 1742 г. М. 1914.

Новый томъ „Описанія“, не давая ничего особенно важнаго, сообщаетъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ въ Россіи половины XVIII в., о печатаніи и исправленіи книгъ (между прочими—Требника), о книжной торговлѣ въ Москвѣ на Спасскомъ мосту, о миссіяхъ въ Китаѣ и Камчаткѣ и т. п. Въ Приложеніи находится описаніе Триумфальныхъ

вратъ въ Москвѣ для вѣзда имп. Елизаветы Петр., латинскіе и русскіе привѣтственные стихи той же императрицѣ, опись имущества и библиотеки архіепа. Ростовскаго Іоакима и т. п.

Я. Л. БАРСКОВЪ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка. 1780—1792 г. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ. Пгр. 1915. Ц. 2 руб.

Письма, помѣщенные въ этой книгѣ, не представляютъ полной новизны. Часть ихъ была напечатана въ „Р. Старинѣ“, другая—въ „Р. Вѣстникѣ“ 1864—65 гг. (Ешевскимъ); третью пользовался Пекарскій. Теперь все, изданное ранѣе и неизданное, появилось въ свѣтъ въ одной книгѣ, съ разнообразными примѣчаніями. Не заключая въ себѣ новаго цѣннаго матеріала, трудъ Барскова можетъ быть названъ полезнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы о московскихъ мартинистахъ.

И. КАМАНИНЪ. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ. Ихъ древность и святость. Кіевъ, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Изыщная книга, со снимками и красивыми заставками, вышедшая изъ типографіи Кіево-Печерской Лавры, имѣетъ своимъ содержаніемъ Звѣринецкія пещеры близъ Выдубицкаго монастыря подъ Кіевомъ. Авторъ даетъ свѣдѣнія объ этихъ пещерахъ и о связи ихъ съ Выдубицкимъ монастыремъ, предлагаетъ найденныя въ нихъ надписи, анализируетъ ихъ со стороны письма и даетъ выводъ, что надписи эти, какъ и надписи пещеръ у Цѣльнаго моста въ Кіевѣ, относятся къ до-монгольскому періоду. Книга вполне заслуживаетъ прочтенія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобы благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель Петръ Бартевъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

6

стр.

129. Письмо И. С. Ансанова къ графинѣ А. Д. Блудовой.
133. Св. Пафнуцій Боровскій и родъ Зубовыхъ. Сообщ. И. Бр.
139. Баронъ Дельвигъ и русская народная пѣсня. Сергѣя Шервинскаго.
165. Калмыки въ борьбѣ съ Турціей. Къ исторіи турецкихъ просковъ на Кавказѣ. П. Юдина.
189. Военныя дѣйствія нашего флота на Дунавъ въ русско-турецкую войну 1828—29 гг. В. Голубева.
195. Переписка ин. Д. И. Долгорунаго.
208. Мировой германскій вопросъ. Барона де Бая.
244. Переписка К. П. Побѣдоносцева съ Никаноромъ епископомъ Уфимскимъ. (Письма 1883 г.). Сообщ. протоіерей Сергій Петровскій.
65. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. Д. Д. Язынова. Листъ пятый.
- Внутри обложки.—О книгахъ: проф. С. А. Венгерова, Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I; Труды Воронежской ученой архивной комиссіи, вып. V-ый; Библиотека великихъ писателей подъ редакціей проф. С. А. Венгерова, Пушкинъ, т. VI.

Русскій Архивъ скорбитъ объ утратѣ
Графа Алексѣя Васильевича Олсуфьева.
старѣйшаго сотрудника своего

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

Проф. С. ВЕНГЕРОВЪ.
Критико-біографическій словарь русских писателей и ученых. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней.) Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное изданіе. Т. I. Предв. списокъ русск. писат. и уч. и первыя о нихъ справки. Вып. 1. (Ааронъ—Васильевъ.) Вып. 2. (Васильевъ—Емельянова). Вып. 3 (Емельяновъ—Куликова). Ц. каждаго вып. 2 р. Т. I. стр. LXIX+1+436+18 табл.-портретовъ. Ц. I т. 6 руб.

Новый капитальный трудъ проф. С. А. Венгерова, являясь плодомъ работы трехъ десятилѣтій, представляетъ изъ себя драгоценнѣйшій вкладъ въ русскую бібліографію. Въ основу „Словаря“ положены собраніе автобіографій русскихъ писателей и ученыхъ, числомъ болѣе трехъ съ половиною тысячъ, картотека проф. С. А. Венгерова, т. е. собраніе бібліографическихъ записей, которыхъ въ настоящее время собиратель имѣетъ около 2-хъ милліоновъ, гдѣ собрано все, что имѣетъ какое либо касательство къ писателямъ русскимъ, и наконецъ литературная иконографія, собраніе портретовъ, каррикатуръ и т. д., коихъ имѣется болѣе тридцати тысячъ.—„Словарь“ начать своей справочно-фактической частью, именно „Спискомъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыми справками о нихъ“, гдѣ находимъ фамилію писателя, имя и отчество его, день рожденія, мѣсто рожденія общественное положеніе, объ умершихъ день и мѣсяцъ смерти. Въ концѣ „Списка“ будетъ приложено систематическое распредѣленіе писателей по специальнымъ группамъ,—поэты, новеллисты, драматурги, критики и т. д. Писатели, о коихъ нельзя было добыть точныхъ или вообще ка-

кихъ бы то ни было свѣдѣній, поименованы, какъ авторы того или другого произведенія или какъ сотрудники періодическихъ изданій. Такимъ образомъ „Списокъ“, будучи совершенно незамѣнимой книгой для справокъ всякаго рода, дастъ кромѣ того во второй своей части общую картину русской письменности отъ ея начала до нашихъ дней.—Въ первомъ выпускѣ „Словаря“ читаемъ обширное предисловіе составителя, говорящее объ исторіи и методѣ разбираемаго труда. Авторъ рассказываетъ какимъ образомъ пришлось ему оставить мысль о „Критико-бібліографическомъ словарѣ“ въ томъ видѣ, въ какомъ предполагался онъ при началѣ перваго изданія, первый выпускъ котораго вышелъ въ Сентябрѣ 1886 года и послѣдній (6 т.) въ 1904 г. Словарь слишкомъ растянулся отдѣльными монографіями, и скорѣе выяснилось, что въ немъ будетъ не менѣе 50 томовъ, для составленія которыхъ потребуется 80 лѣтъ... Кромѣ того изданіе требовало немалыхъ средствъ, „Словарь“ же расходился туго, а пособій не было. Какія деньги требовались для составленія „Словаря“ или, лучше сказать, подготовительной части его, именно картотеки, ясно говоритъ подсчетъ проф. Венгерова, изъ котораго видно, что при массѣ бесплатнаго труда картотека стоила 61.000 руб.—Заключаетъ свое предисловіе авторъ призывомъ о дополненіяхъ и исправленіяхъ погрѣшностей въ „Словарѣ“, со стороны лицъ имѣющихъ или имѣвшихъ касательство къ литературѣ, а также выражаетъ надежду, что второе изданіе „Словаря“ найдетъ себѣ распространеніе, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться.—Въ первомъ томѣ помѣщены свѣдѣнія о 32.831 лицѣ, ошибокъ намъ не пришлось замѣтить,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составляютъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ, Контора никакихъ жалобъ не ~~принимаетъ~~.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные № за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Баргеньвъ, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголѣвъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Виземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстни царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополѣ, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристина и Книжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Беэръ).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ лэди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Копи, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. П. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Баргеньвымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алисова къ супругѣ; сообщ. Гр. Солмогубъ.—Страничка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнъ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размысленія Француза въ его второмъ Отецествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—Истинная исторія Карпато-Россова, или Угорскихъ русиновъ, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Вѣляевъ.—Католикосъ Іосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Баргеньвъ (младшій).

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

И. И. Барте́невъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Д-р Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Э. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симоны, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Троицкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Этингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Юля—4 руб.

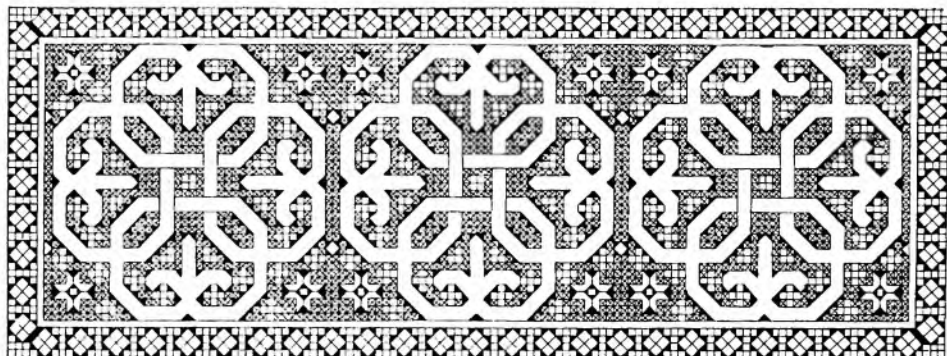
Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митюрникова, Лебедева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образование» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., $\frac{1}{2}$ стр.—55 р., $\frac{1}{3}$ стр.—40 р., $\frac{1}{4}$ стр.—30 р., $\frac{1}{8}$ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель **П. П. Вейнеръ.**

Письмо И. С. Аксакова къ графинь А. Д. Блудовой

Печатаемое ниже письмо даетъ хорошее представленіе о томъ, какъ наши официальные сферы тому шестьдесятъ лѣтъ назадъ относились къ Славянскому дѣлу, принявшему въ настоящее время такой грандіозный характеръ. Надо при этомъ замѣтить, что въ тѣ времена Славянская взаимность провозглашалась въ Россіи въ скромномъ видѣ взаимности *исключительно культурной*, изъ за которой Австрійскія власти предполагали усматривать опасные политическіе замыслы. Не удивительно, что Австрійское правительство относилось враждебно, къ какому бы то ни было стремленію къ объединенію Славянъ хотя бы только на культурной почвѣ, и не для иллюстрированія этой его черты настоящее письмо можетъ быть любопытно. Оно любопытно для уясненія того, какъ наше правительство относилось къ Славянскимъ стремленіямъ по адресу Россіи. Стремленіе подавить эти стремленія въ угоду Австріи, какъ противоестественное, должно было рано или поздно сначала исчезнуть, а потомъ принять ту воинственную форму, которая легла въ основаніе теперешнему міровому потрясенію, изъ котораго Славянской идеѣ, можетъ быть, суждено выйти въ томъ окончательномъ видѣ, о которомъ дѣятели 50-хъ годовъ преслагаго столѣтія только могли мечтать.

И. С. АКСАКОВЪ ГРАФИНЪ А. Д. БЛУДОВОЙ

1860 г.

Вѣна.

Понед. 31 Октября/12 Ноября.

Намъ съ Вами, Графиня, нечего говорить другъ другу о громадности нашей потери ни о великости бѣды, разразившейся надъ нами, надъ всей Россіей!—Никогда не становясь въ позицію главы партіи или учителя, Хомяковъ, конечно, былъ не только нашимъ вождемъ и учителемъ, но и постояннымъ неисчерпаемымъ источникомъ живой силы духовной, мыслей жизненныхъ, плодотворныхъ, такъ сказать зиждущихъ.—Мудрецъ съ младенческой простотою души, аскетъ, постоянно озаренный святымъ чистымъ веселиемъ души, поэтъ, философъ, пророкъ, учитель церкви, Хомяковъ, какъ и въ порядкѣ вещей, былъ оцѣненъ при жизни очень не многими, но значеніе его будетъ расти съ каждымъ годомъ. Его слово еще звучитъ, несется чрезъ современные поколѣнія къ поколѣніямъ грядущимъ.—

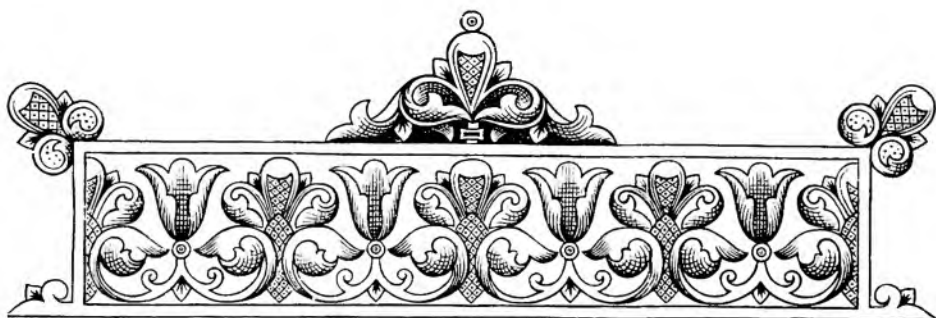
Не знаю, какъ въ Россіи, но здѣсь это извѣстіе глубоко огорчило всѣхъ мыслящихъ, образованныхъ Славянъ. Насъ это извѣстіе застало въ Вѣнѣ; недѣли двѣ скрывалъ я это отъ брата, пока не подготовилъ его постепенно. Поэтому только вчера могли мы отслужить здѣсь въ нашей церкви публичную панихиду по Хомяковѣ. Мы напечатали въ здѣшнемъ Fremdenblatt объявленіе, которое я Вамъ посылаю и которое, передъ тѣмъ за недѣлю въ Воскресенье было прибито къ церковнымъ дверямъ. Другихъ не было приглашеній. Церковь въ назначенный день, именно вчера, наполнилась представителями всѣхъ Славянскихъ племенъ, не только православныхъ, но и Католическихъ и Уніатскихъ. Послѣ литургіи, Мих. Ѳеодор. Раевскій, съ искреннимъ чувствомъ, со всевозможною торжественностью, отслужилъ панихиду. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ написать прекрасно задуманную имъ проповѣдь на текстъ: „не бойся, малое стадо“, и потому никакого слова произнесено не было.—Тутъ были и Галичане,

знающіе всѣ наизусть стихи Хомякова къ Києву; и Чехи, помнящіе его посланіе къ Гангѣ, и другіе Славяне, также не забытые и названные въ стихахъ Хомякова. Не было только, знаете ли кого? *Русскихъ!* Мы, конечно, тутъ были съ братомъ, но, какъ Русскіе литераторы. Славяне же здѣсь привыкли связывать идею Россіи съ ея официальнымъ представительствомъ и потому были поражены, огорчены, смущены, скандализированы тѣмъ, что *ни одного чиновника посольства не было въ церкви!* А между ними есть православные, бывающіе въ церкви, и къ тому же было Воскресенье! Дѣло было не случайно. Управляющій посольствомъ Кноррингъ находилъ неприличнымъ служить по Хомяковѣ паннихиду въ Посольской церкви и *запретилъ* своимъ чиновникамъ быть на паннихидѣ. Но это его дипломатическое поведеніе получило характеръ рѣзкой *демонстраціи*, характеръ *протеста*, произведшаго сильное впечатлѣніе на Славянъ.—Что было намъ отвѣчать на ихъ вопросы. Мы были поставлены въ очень неловкое положеніе. Славяне видѣли, что правительственная Россія не только не уважаетъ Русскихъ поэтовъ, но даже явно, публично оказываетъ къ нимъ полное презрѣніе. Но этого мало. Они подумали, что это презрѣніе относится именно къ тому поэту и писателю, который былъ проповѣдникомъ идеи Славянства; слѣдовательно, объясняли они, это презрѣніе распространяется на самое идею и на всѣхъ Славянъ! Итъ, говорятъ они, когда дѣло дойдетъ до публичности, то Россія всегда постыдится насъ предъ лицомъ свѣта! Разумѣется, мы старались всячески поправить дѣло, сваливая вину на болѣзни и недоразумѣніе, но въ сущности Славяне правы! Я знаю, (но это между нами) Кноррингъ призывалъ къ себѣ потомъ священника и дѣлалъ ему официальный выговоръ при всѣхъ членахъ посольства. Не грустно ли это? И чего они боятся! Демонстраціи!—Но даже проповѣди не было произнесено, но присутствовавшіе, отслушавъ паннихиду благочестиво, тотчасъ же разошлись, но *демонстрація* была учинена Русскимъ Посольствомъ. Теперь же въ особенности нечего бояться въ Австріи. Правительство смущено, потеряло голову и управленіе, вообще говоря, слабо.—Полулиберальныя учрежденія, данныя Правительствомъ, насколько не удовлетворили ни одно племя, входящее въ составъ Австрійской Монархіи; однако-же дали свободы настолько, что теперь всякое неудовольствіе выражается смѣлѣе и гласнѣе. Правительство боится только Венгріи и все его вниманіе обращено въ эту сторону, и надзоръ за Славянами значительно ослабленъ. Впрочемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: будь здѣсь Балабинъ, онъ непременно былъ бы въ церкви и воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы скрѣпить союзъ Россіи съ Славянами. Балабинъ имѣетъ между Славянами добрую

извѣстность и безбоязненно принимаетъ у себя каждаго Славянина. Это великое для насъ, Россіи и Православія счастье, что Балабинъ здѣсь посланникомъ. Сочувствія къ Хомякову, конечно, и нельзя было ожидать отъ Кнорринга, Протестанта, перешедшаго въ Католицизмъ, но можно было требовать отъ него *боліе дипломатическаго такта*. Я печатаю теперъ въ Лейпцигѣ одно изъ послѣднихъ произведеній Хомякова, это „Посланіе къ Сербамъ“ отъ насъ всѣхъ, имъ и нами всѣми подписанное. Оно печатается (съ нашими подписями) на Русскомъ и на Сербскомъ языкѣ вмѣстѣ. *Политическаго тутъ ничего нѣтъ*. Цѣль посланія передать заблаговременно Сербамъ нашу горькую опытность, чтобы они не впали въ наши ошибки,—оно не назначается собственно для продажи, но назначается для чтенія Сербамъ, которымъ и будетъ доставлено съ честною явностью. Когда будетъ готово, я Вамъ пришлю. Оно имѣетъ характеръ совершенно духовнаго посланія. Я просилъ Митрополита Сербскаго отслужить торжественную въ Бѣлградѣ панихиду по Хомяковѣ отъ имени Сербіи. Думаю, что онъ безъ затрудненія исполнилъ мою просьбу. Когда я былъ въ Бѣлградѣ, я получилъ Ваше письмо, но не отвѣчалъ на него потому, что исполненіе Вашего порученія приняла на себя Катерина Ивановна Милорадовичъ, отправлявшаяся въ Дрезденъ. Мнѣніе Митрополита впрочемъ было несогласно съ Вашимъ, и когда я былъ въ Сербіи, меня удержали отъ свиданія съ Костичемъ для того, чтобы напоминаніемъ о быломъ не вывести его изъ того тихаго и смирнаго состоянія, въ которомъ онъ тогда находился. Прошу Васъ передать мое глубочайшее уваженіе Графу Димитрію Николаевичу. Дай Богъ, чтобы здоровье его не разстроилось Петербургскою зимою. Преданный Вамъ

Ив. Аксаковъ.

Св. Пафнутіи Боровскій и родъ Зубовыхъ

„Зайдемъ и въ Боровскъ, чтобы къ Пафнутіи, родного заступника, мощамъ прибѣгнуть. Здѣсь нахъ и Князь Волконскій¹⁾ встарь, у этого порога святого, долгъ Вождя исполнить въ вѣчну честь и славу! Въ дни его, нашествіи другого была година: лихъ — измѣву, силу, леств пускала въ дѣйствіе, чтобы Русскій Народъ покорить, да не легко насъ вѣрно вѣдь сломить!“....

Паломничество Ипполита Завалишина.

1 Мая Православная Церковь чтитъ память преподобнаго Пафнутія Боровскаго Чудотворца, въ мѣрѣ Пароенія (1390—1477) причисленнаго къ лику святыхъ съ 1547 года. Мощи его почіуютъ въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ Калужской губерніи, имъ-же основанномъ въ первой половинѣ 1400-хъ годовъ.

Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуеть: „Видѣхомъ св. отца нашего Пахнутія, иже быша ученика Сергіева²⁾ старца Никиты, архимандрита монастыря Высоцкаго; съ нимъ-же и довольно лѣта поживомъ, и видѣхомъ его труды и злостраданіе, подвиги и посты и худость ризную, твердую къ Богу вѣру и любовь. И быше воистину далече отъ чловѣкъ нынѣшняго вѣку всѣми обычай: быше-же щедръ и милостивъ, егда подобаеть, жестокъ и напрасень, егда потреба....“

¹⁾ Кн. Михаилъ Констант. Волконскій убитъ въ соборной церкви Пафнутіевскаго монастыря при защитѣ его въ 1610 году отъ скопищъ Тушинскаго Самозванца (см. Рус. Арх. 1892 г., кн. I).

²⁾ Св. Сергій Радонежскій † 1392 г.

Въ лѣтописи за 1477 г. о св. Пафнутіи указано, что и Самодержцы земли Русскія при животѣ его приходили къ нему „благословенія ради и молитвы еже о нихъ, якоже и къ древнимъ преподобнымъ отцемъ земли нашея, такоже и прочіи князи и бояре и прочее православное христіанство и отъ Литовскія земли и отъ прочихъ странъ. благословенія и молитвы требующе отъ него“....

По тому-же сказанію предстательствомъ св. Пафнутія передъ Господомъ, у Царя Василя и Царицы Елены (Глинской) родился сынъ (1530 г.) Іоаннъ Васильевичъ, Царь Грозный....

„Преподобнаго Пафнутія Чудотворца по прошенію его и по моленію его (пишетъ Епископъ Рязанскій Леонидъ въ 1585 г. Царю Θεодору Іоанновичу) далъ Богъ дѣду Твоему Наслѣдника Царствію Нашему отца твоего, нашего Государя-Царя. а приѣмникъ его во святѣй кущели былъ Касьянъ Босой, ученикъ Пафнутія Чудотворца и собесѣдникъ старцу Іосифу преподобному, да Даніилъ архимандритъ Малой Переяславской, ученикъ-же Пафнутія Чудотворца“....

О томъ-же событіи свидѣтельствуесть и вязаная золотомъ надпись на покровѣ у раки преподобнаго Пафнутія: „Въ лѣто 7038 (1530—годъ рожденія Іоанна Грознаго) повелѣніемъ Василя, Божіей Милостью Господаря всея Руси и Великаго Князя Володимерскаго, и Московскаго, и Новгородскаго, и Псковскаго, и Смоленскаго и Тверскаго, и Огорскаго и Пермскаго и Болгарскаго и иныхъ, сдѣланъ бысть покровъ сей въ 24-е лѣто Государства Его и при Его великой Княгинѣ Еленѣ“.. Напоминають о томъ-же и другія царскія приношенія.

Самъ Іоаннъ Грозный въ посланіи своемъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, вспоминая о благочестіи св. Пафнутія, пишетъ:

„Такова бысть крѣпость въ святомъ мѣстѣ древле! А нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и пѣсноши“....

По уставу-же церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ началѣ 1630-хъ годовъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, было положено на 1 Мая „Пафнутію Боровскому благовѣсть въ ревуть, трезвопъ большой“.

*

Выдающееся значеніе Преподобнаго Пафнутія въ Исторіи Русскаго Царства и Православной Церкви, ставящее его имя въ ряду со св. Сергіемъ Радонежскимъ, св. Зосимой и Савватіемъ¹⁾ обяываетъ и

¹⁾ „Сергія, глаголю, и Варлаама и Кирилла, Никиту-же и Макарія, и Пафнутія и Димитрія и Зосима, и Саватія и инѣхъ“... (Изв. о началѣ патріаршества въ Россіи, 1619 г.)

въ наше время съ особымъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ матеріаламъ, хотя-бы случайно могущимъ пролить свѣтъ на прошлое, открытое 500-лѣтней давностью.

Составленіе житія св. Пафнутія приписывается Бассіану, архіепископу Ростовскому (въ міръ—Санину)—брату преподобнаго Іосифа Волоколамскаго. По нему считается достовѣрнымъ, что св. Пафнутій происходилъ „изъ рода Агарянскаго“ т. е, отъ Татарь.

„Когда попущеніемъ Божиимъ за грѣхи наши (сказано въ житіи) пришелъ безбожный Батый во множествѣ своей силы и опустошилъ всю землю Русскую, князей-же ея мечемъ пожалъ, какъ созрѣвшіе колосья, и вмѣсто ихъ поставилъ агарянскихъ властителей, называемыхъ *баскаками*, тогда одинъ изъ нихъ былъ дѣдъ Пафнутіевъ и властвовалъ, какъ баскакъ, въ своемъ участкѣ. Но послѣ перваго страха облегчилось иго варварское и благородные князья наши возвратились опять въ свои удѣлы. Начало истребляться нечестіе агарянское и самые баскаки побуждаемы были по мѣстамъ принять христіанство. Въ то время и дѣдъ Пафнутіевъ обратился къ истинной вѣрѣ и нарѣченъ былъ въ св. крещеніи Мартыномъ. У него родился сынъ *Іоаннъ*, сочетавшійся бракомъ съ благочестивой Фотиніей, и благословеннымъ плодомъ ихъ супружества былъ сей блаженный отрокъ, въ мірѣ называвшійся *Парөніемъ*“.

Въ позднѣйшемъ историко-археологическомъ описаніи Боровскаго Парөніева Монастыря, составленномъ архимандритомъ Леонидомъ (изд. 3-е, 1907 г.), гдѣ помѣщены и эти выдержки, подъ словомъ „*баскакъ*“ сдѣлано (по энциклопедическому словарю) общественное разъясненіе его, съ нижеслѣдующей оговоркой:

„...*между тѣмъ нѣкоторые предполагаютъ, что сохранилось отчасти и въ преданіяхъ старожиловъ Калужской Губерніи, что преподобный Пафнутій происходилъ отъ рода Баскаковыхъ, но съ этимъ мы вполне не можемъ согласиться, такъ какъ фамилія Баскаковыхъ появилась лишь съ 1544 года*“ (Филимонъ Ив. Баскаковъ участвовалъ въ Казанскомъ походѣ)... Предки рода Баскаковыхъ съ 1598 года записаны по г. Смоленску въ числѣ дѣтей боярскихъ..... Потомки сего рода продолжали владѣть предковскими имѣніями въ Калужской (и Тульской) губерніи...“

Такимъ образомъ на основаніи мнѣнія, высказаннаго лицомъ компетентнымъ, является до сего времени какъ бы спорнымъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли считать св. Пафнутія только внукомъ „агарянскаго правителя“—*баскака*, въ своемъ участкѣ (неизвѣстно въ какомъ), или его слѣдуетъ причислить и къ роду *Бискаковыхъ*, какъ о томъ гласитъ и мѣстное преданіе Калужской губерніи?

Пусть о первомъ Баскаковѣ упоминается лишь съ Казанскаго похода 1544 года, тогда какъ св. Пафнутій жилъ съ 1390 по 1477 г., но вѣдь и у Филимона Ив. Баскакова были предки.... Гдѣ они записаны? гдѣ найти о томъ свѣдѣнія? и наконецъ какъ приходится св. Пафнутій (Парвѣній) роднею Баскаковымъ?

Намъ кажется, что отвѣтомъ на эти вопросы вполнѣ или отчасти можетъ служить родословная г.г. Зубовыхъ. Списокъ ея случайно имѣется у насъ подъ рукой, откуда мы и дѣлаемъ нижеслѣдующія выписки:

Родоначальникомъ Зубовыхъ указанъ *Амбрагатъ*—намѣстникъ Батяя во *Владимірѣ*, который, „по убіеніи отъ Батяя-царя князя Георгія Всеволодовича въ 1237 году ходилъ собирать силу Низовскую на Нѣмцы.... Съ ними миръ учинивъ, взялъ у нихъ земли до Нарвы рѣки, потомъ крестился, и нарѣченъ *Захарія*“ (а не Мартинъ).

У Амбрагата (Захарія) по этой-же родословной записаны два сына,—оба *Іоанны*.

У перваго Іоанна единственный сынъ *Парвѣній*, о которомъ указано: „*Постриженъ съ монастырь и нареченъ Пафнутій, еже есть Боровскій Чудотворецъ*“.

У другою Іоанна—сыновья *Яковъ* и *Никита*, изъ нихъ „*Яковъ, по прозвищу Зубъ*, отъ него пошли *Зубовы*“.

У Никиты—сынъ „*Степанъ*, отъ него пошли *Баскакій*“ (но не Баскаковы).

Такимъ образомъ, если считается съ данными Зубовской родословной, то обѣ указанныя фамиліи одинаково касаются и Парвѣнія, (св. Пафнутія) вѣтвь котораго на немъ-же и прекратилась и которому первый изъ Зубовыхъ сынъ Якова „*Зуба*“—*Симеонъ* приходился роднымъ племянникомъ, а сыновья *Степана* (Баскакія)—внучатыми племянниками.

Въ этой родословной дальнѣйшій родъ „Баскакій“ (послѣ Степана) не указанъ; и этотъ лп родъ обратился въ 1500-хъ годахъ въ Баскаковыхъ (Филимонъ Ив.) неизвѣстно, хотя ясно, что настоящее превращеніе получается при простой замѣнѣ окончанія *ій* на болѣе русское *овъ*.

Что касается дальнѣйшаго рода Зубовыхъ, то, чтобъ связать его начало временъ св. Пафнутія и Батяя съ послѣдующими вѣками и настоящимъ—приходится указать по той-же родословной на нѣкоторыя данныя.

Такъ у вышеназваннаго Симеона Яковлевича (племянника св. Пафнутія) внукъ *Симеонъ* Іоанновичъ „убитъ отъ Мамая при велик.

кн. Дмитрій Донскомъ“. Правнукъ Симеона *Василій* Григорьевичъ (современникъ Филимона Баскакова) „убитъ при взятіи Казани“....

Два другіе его правнука *Лукоянъ* и *Игнатій* Іоанновичи дали двѣ длинныя вѣтви рожденій.

По одной изъ нихъ (отъ Лукояна) внукъ его *Дмитрій* Ивановичъ (стрѣлецкій полковникъ) „убитъ подъ Смоленскомъ“ и жалованъ землями Вологодскими и Кинешемскими.

Дѣти Дмитрія: *Иванъ* Дмитріевичъ (стрѣлецкій-же полковникъ), *Елизаръ* и Стольникъ *Клементій* Дмитріевичи убиты подъ Смоленскомъ же.

Внукъ Ивана Дм.—гвардіи бригадиръ *Федоръ* Ильичъ въ 1790 г. записанъ въ VI г. родословной Вологодской губ.

Внукъ Федора—*Петръ* Федоровичъ записанъ и по Нижегородской Губ. (с. Красное, Арзам. у.; Воскресенское—Макаров. у.)

Сынъ его *Федоръ* Петровичъ убитъ на Черной рѣчкѣ подъ Севастополемъ, а внуки участвуютъ въ текущей Отечественной войнѣ: С. А. въ чинѣ Генераль-Лейтенанта, другой П. П. въ чинѣ корнета Гвардіи, имѣя уже два солдатскихъ Георгія за бои противъ Нѣмцевъ....

Эта вѣтвь Якова Зуба, повидимому, со временъ св. Пафнутія до нашихъ дней остается боевой — военной по преимуществу: она же неослабно чтитъ день 1 Мая, какъ память о своемъ Святомъ Пращурѣ.

Другая вѣтвь отъ *Игнатія* Іоанновича (брата Лукояна) даетъ длинный рядъ „воеводъ“, начиная съ самого Игнатія—бывшаго товарищемъ воеводы Пронскаго въ Смоленскѣ и участвовавшаго тамъ-же съ княземъ Курлятевымъ „при встрѣчѣ пословъ Царскихъ“....

Сынъ его *Матвій* Игнатьевичъ—кравчій патриарха Филарета Никитича.

Внуки *Аѳанасій* Ив. (бывшій воевода въ Сибири) жалованъ землями Вологодскими и Кинешемскими за осадное сидѣніе въ Москвѣ въ Ковенижскомъ приходѣ.

Внукъ Аѳанасія—Василій Борисовичъ (стольникъ) является дѣдомъ перваго Графа Александра Николаевича, сыновья котораго свѣтл. Кн. Платонъ и Графы Николай, Дмитрій и Валеріанъ настолько извѣстны, что избавляютъ отъ дальнѣйшаго перечисленія.

Насколько памятно и здѣсь имя св. Пращура намъ не извѣстно. Не такъ давно, впрочемъ, случайно въ вагонѣ пришлось побесѣдовать на эту тему съ однимъ изъ представителей этого рода (по женской линіи—уже съ другой фамиліей); и несмотря на большой его интересъ къ своей родословной и на то, что онъ самъ, въ былое время занимая видный административный постъ въ Калужской губ., бывалъ

въ Боровскѣ,—о родствѣ со св. Пафнутіемъ никогда не слыхиваль и никакихъ семейныхъ преданій о немъ не хранить.

Просматривая списки драгоцѣнныхъ приношеній Боровскому Пафнутіеву Монастырю за нѣсколько столѣтій его существованія намъ не приходилось наткнуться въ нихъ на фамилію Зубовыхъ или Баскакіевъ; межъ тѣмъ списки эти пестрѣли именами бояръ Стрѣшневыхъ, Прончищевыхъ, Бутурлиныхъ, князей Волконскихъ, Щербатовыхъ, Рѣпниныхъ, Мезецкихъ, Лыковыхъ-Оболенскихъ, Литвиновыхъ-Масальскихъ, Метиславскихъ....

Среди приношеній между прочимъ значится „Страхомилово яйцо“*), окованное серебромъ, вѣсу 13 пудъ, пожертвованное Филаретомъ Никитичемъ, приходившимъ въ обитель на богомолье въ 1630 году... Но ни кравчій его Матвѣй Игнатьевичъ Зубовъ, ни одинъ изъ „воеводъ“, никто изъ графовъ временъ Екатерины, ни свѣтл. кн. Платонъ, не оставили въ обители святаго Пафнутія никакихъ вещественныхъ слѣдовъ своего существованія, указывающихъ на ихъ родство со святителемъ... Дѣйствительно, существовало-ли это родство—разрѣшать не беремъ на основаніи одной родословной, но напомнить о ней считали своевременнымъ въ виду ссылки въ новѣйшемъ историко-археологическомъ обследованіи Пафнутіева Монастыря на родъ Баскаковыхъ и на мѣстное Калужское преданіе. Во всякомъ случаѣ едва ли можетъ быть сочтено случайнымъ—совпаденіе мѣтнаго Калужскаго преданія о *Баскаковъ*, съ записаннымъ въ родословную Зубовыхъ—о *Баскакіѣ*, которымъ совершенно разными путями приписывается одно и тоже положеніе—родство со святымъ.

Сообщилъ И. Бр.

*) „Страхомиль“ или „строфокамиль“ апокрифическое названіе страуса.

Баронъ Дельвигъ и русская народная пѣсня

Дельвигъ принадлежитъ ко многимъ достойнымъ именамъ, затеряннымъ Мнемозиной. Его небольшое литературное наслѣдіе, справедливо оцѣненное современниками, было почти совсѣмъ забыто во второй половинѣ XIX вѣка; если же о Дельвигѣ и вспоминалъ кто нибудь, то чаще лишь, какъ о другѣ Пушкина, и оцѣнка поэзіи его въ этотъ періодъ очень невысока. Гаевскій въ подробной статьѣ по поводу изданія Смирдина*) называетъ твореніе Дельвига сочиненіями, „которыя перешли для насъ изъ категоріи современныхъ къ произведеніямъ, имѣющимъ значеніе только относительное и любопытнымъ съ историко-литературной точки зрѣнія“. Такая оцѣнка кажется несправедливой послѣ того восторженнаго отношенія, какое питалъ Пушкинъ къ произведеніямъ своего друга, хотя отношеніе это было, конечно, преувеличено дружескимъ пристрастіемъ. Оцѣнка Гаевского характерна для всего послѣдующаго періода, и даже въ новѣйшее время, столь противоположно смотрящее на художественныя цѣнности прошлаго, заставившее снова преклониться передъ гениями Языкова и Баратынскаго, выведшее изъ мрака забвенія даже Каролину Павлову, оставило въ тѣни Дельвига. Трудно согласиться съ мнѣніемъ Гаевского и едва ли можно отказаться отъ признанія безотносительной цѣнности за такими пѣснями, какъ „Сонетъ Языкову“, „Диѳирамбъ на пріѣздъ трехъ друзей“ или элегическій сонетъ „Златыхъ кудрей пріятная небрежность...“

Можно признавать и не признавать за Дельвигомъ крупнаго дарованія, но нельзя отрицать въ его гармоническомъ стихѣ той стройной мягкости и дѣвственной чистоты, какія составляютъ отличительныя и лучшія качества славной плеяды Пушкинскаго времени.

*) Полное собраніе сочиненій Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига, изд. Ал-дра Смирдина. СПб. 1850.

По крайней мѣрѣ современники цѣнили, какъ должно, талантъ Дельвига, и онъ самъ, зная это, говоритъ въ стихотвореніи „Къ друзьямъ“:

„И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливался подъ рукою,
И вы, друзья, любили голосъ мой“.

Нѣсколько пѣсень¹⁾ доставили Дельвигу извѣстность едва ли не большую, чѣмъ его прославленные идилліи. Мнѣнія, выраженныя друзьями и критиками поэта, даютъ намъ понятъ, съ какимъ восхищеніемъ относилась къ пѣснямъ Дельвига не только публика, но и литературный міръ. Кс. Полевой пишетъ: „Но истинное сокровище для русскаго читателя представляютъ русскія пѣсни и присказки барона Дельвига. Здѣсь авторъ нашъ, не связанный чуждымъ вліяніемъ... является во всей красѣ разгульнаго русскаго народа, у котораго въ пѣняхъ слышится грусть, и часто веселье оканчивается слезами. Никто лучше бар. Дельвига не воспользовался счастливою мыслью А. А. Мерзлякова, показавшему намъ всю прелесть родныхъ нашихъ пѣсень.“²⁾ Далѣе Полевой отдаетъ предпочтеніе Дельвигу передъ Мерзляковымъ въ отношеніи нѣжности и вкуса.³⁾ Иванъ Кирѣевскій указываетъ, что „поэзія, которою исполнены русскія пѣсни Дельвига, ближе русскому сердцу; въ этихъ пѣняхъ отзывается гармоническимъ отголоскомъ задумчивая грусть и поэтическая простота нашихъ русскихъ мелодій“⁴⁾. Пушкинъ, всегда слишкомъ снисходительный къ другу, также высоко ставилъ его пѣсни, и въ письмѣ къ Баратынскому изъ Одессы отъ 12 Января 1824 года называлъ Дельвига „молодцомъ“, прочтя его пѣсни: „Что, красотка молодая“ и „Голова ль моя головушка“. Въ горячей литературной полемикѣ 20-хъ годовъ между приверженцами старины и новымъ „романтическимъ“ направленіемъ Дельвигъ былъ однимъ изъ центральныхъ лицъ. главнымъ образомъ, какъ редакторъ періодическихъ изданій и какъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ представителей молодого поколѣнія. Поэтому нападки на Дельвига

¹⁾ По изданію Суворина пѣсень насчитывается 18, по изданію приложенному къ „Сѣверу“ (редакція Вал. Майкова)—16. Среди нихъ одна (№ 18.) озаглавлена „Малороссійская мелодія“, слѣдовательно, должна быть исключена изъ числа „русскихъ пѣсень“.

²⁾ Эта цитата и другія, касающіяся литературныхъ отношеній поэта, заимствованы мною изъ статьи Гаевского („Дельвигъ“, въ „Современникѣ“ 1853 г.) и изъ книги Трубицына „О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка“ (С.-Петербургъ, 1912).

³⁾ „Московскій телеграфъ“ 1829 г.

⁴⁾ „Европеецъ“ 1832 г. Лестные отзывы даетъ также, „Tygodnik Peterburgski“ и „Московскій телеграфъ“ за 1825 г.

со стороны журналовъ враждебнаго направленія, нападки не всегда корректныя, далеко не рѣдки. Между прочимъ и „русскій стиль“ Дельвига вызывалъ часто колкія насмѣшки, чему еще способствовала нѣмецкая фамилія поэта. Въ сатирической статьѣ „Благонамѣреннаго“ за 1823 годъ Дельвигъ выведенъ подъ именемъ господина Молокососова, который, по словамъ сатирика, „подслушалъ, кажется у народа всѣ стихотворенія или романтическія выраженія, разгадалъ трудную загадку, въ чемъ состоитъ народность поэзіи“. Въ другой статьѣ „Сплетница“, въ „Сѣверномъ Меркуріи“ 1830 г., авторъ, Бестужевъ-Рюминъ, остроумно осмѣиваетъ русскія склонности Дельвига, — который скрытъ подъ именемъ „Аделаиды Антоновны“: „Надобно замѣтить, что Аделаида Антоновна—великая проказница. Несмотря на то, что она, какъ можно судить по ея прозванію, не коренная россиянка, — она иногда любитъ щеголять въ старинномъ русскомъ нарядѣ, который (повторяемъ, что мы—люди безпристрастные) иногда идетъ ей весьма къ лицу и дѣлаетъ ее довольно миловидною“. Кирѣевскій въ „Обозрѣніи русской словесности“ за 1829 годъ¹⁾ говоритъ, что муза Дельвига была бы древней, если бы поэтъ не прикрывъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ „душегрѣйку новѣйшаго унынія“. Удачное выраженіе Кирѣевского имѣло такой успѣхъ у литературныхъ недруговъ поэта, что „душегрѣйка новѣйшаго унынія“ затѣмъ встрѣчается во многихъ сатирическихъ статьяхъ разныхъ авторовъ, въ примѣненіи также и къ народнымъ пѣснямъ Дельвига. Приведенные отзывы и нападки сатиры показываютъ, что опыты Дельвига въ русскомъ родѣ не только вызвали восторги и одобренія литературныхъ соратниковъ поэта, но и возбудили цѣлый рядъ выходокъ полемическаго характера со стороны его недоброжелателей. Появленіе русскихъ пѣсенъ Дельвига было фактомъ значительнымъ въ литературѣ 20-хъ годовъ.

Подражаніе народной пѣснѣ, какъ литературный родъ, — фактъ не только не единичный, но и далеко нерѣдкій въ началѣ прошлаго вѣка. Въ качествѣ подражателей народной пѣснѣ на словесномъ поприщѣ еще блисталъ литературный ветеранъ Дмитріевъ, за нимъ слѣдовали такіе даровитые поэты, какъ А. Мерзляковъ и Цыгановъ. Цѣлый хоръ болѣе мелкихъ авторовъ, затѣненный этими выдающимися именами, упражнялъ свое незамѣтное дарованіе въ подражаніяхъ народной лирикѣ и эпосу.²⁾ Пѣсни ихъ были разсѣяны по разнымъ журналамъ,

¹⁾ „Моск. Телеграфъ“ 1830, № 8.

²⁾ Къ этимъ мелкимъ поэтамъ принадлежатъ: Нелединскій-Мелецкій, вн. Ив. Мих. Долгорукій, Мих. Сушковъ, кн. Шаликовъ издатель сентиментальнаго „Дамскаго Жур-

вообще охотно принимавшимъ псевдо-народныя стихотворенія, или выходили отдѣльными книгами. Нѣкоторыя изъ ихъ пѣсенъ пользовались широкой популярностью, какъ напр. пѣсни Макарова или Ибрагимова. Теперь всѣ эти авторы полузабыты, имена ихъ почти потеряли свою индивидуальность и служатъ лишь достойнымъ фономъ для болѣе яркихъ величинъ пушкинскаго времени. Наконецъ и у первостепенныхъ поэтовъ, удѣлявшихъ лишь случайное вниманіе этому роду литературы, встрѣчаются единичные опыты въ ложно-народномъ духѣ.¹⁾ Пушкинъ заключилъ этотъ періодъ развитія псевдо-народной пѣсни и ему суждено было затмить всѣхъ предшественниковъ безупречной народностью своихъ твореній.

Одинъ брошенный взглядъ на поэтическую литературу пушкинскаго времени показываетъ съ очевидностью, какимъ широкимъ распространеніемъ пользовалась народно-подражательная поэзія, и какими выдающимися достоинствами должны были обладать пѣсни Дельвига, чтобы возбудить такія оживленныя мнѣнія въ то время, когда русская литература была наводнена ложно-народными пѣснями. Самъ Дельвигъ также, очевидно, цѣнилъ свои русскія пѣсни, по крайней мѣрѣ ихъ онъ печаталъ въ „Полярной звѣздѣ“ и въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“, изданіяхъ, гдѣ ему нужно было во всякомъ случаѣ не унижать своего престижа.

Подражательность была вообще однимъ изъ опредѣляющихъ свойствъ творчества Дельвига. Во всѣхъ произведеніяхъ его мало самостоятельности. Скудность индивидуальныхъ чертъ заставила даже проникательный умъ Пушкина ошибиться относительно подлиннаго призванія Дельвиговой музыки, когда въ письмѣ изъ Кишинева отъ 23 Марта 1821 года онъ совѣтуетъ своему другу обратиться къ истинному удѣлу поэта, къ „поэзіи мрачной, богатырской, сильной, байронической“. Стихотворенія Дельвига носятъ часто явно подражательный характеръ, и слѣдуетъ сказать, что Дельвигъ достигалъ въ подражаніи большого совершенства. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его идилліи, не копирующія рабски античныхъ образцовъ, но близко подходящія къ нимъ по духу. Существеннымъ недостаткомъ ихъ

нала“, А. Востоковъ и кн. Цертелевъ авторы теоретическихъ сочиненій по русскому стихосложенію, второй также товарищ Дельвига по цензурному комитету „Общества Любителей Росс. Словесности“. Остолоповъ составитель извѣстнаго „Словаря древней и новой поэзіи“, Ст. Юшковъ, Грамматичъ, Анна Бунина, Макаровъ, Филимоновъ, Ибрагимовъ, кн. Кугушевъ, Аппенковъ и много другихъ, частью анонимныхъ.

¹⁾ У Жуковскаго („Кольцо души-дѣвicy“), кн. Вяземскаго („Собирайтесь, дѣвкы красны“) и Баратынскаго („Страшно воетъ, завываетъ вѣтръ осенній“).

является слишкомъ украшенное и образное построение отдѣльныхъ фразъ и нѣкоторая нестройность ихъ растянутой формы,—недостатки, не свойственные греко-римской поэзіи. Однако искусное пользованіе классическими образами и мирный, безмятежный, тонко понятый по-этомъ тонъ идилліи не разъ заставляеть вспомнить подлинныя эклоги античныхъ буколиковъ. Пушкинъ искренне восхищался идилліями Дельвига; онъ писалъ: „Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ; и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы“. Валеріанъ Майковъ называетъ идиллію любимую формою Дельвига и считаетъ его эклоги болѣе совершенными, чѣмъ подобныя же опыты Гнѣдича. Но не однѣ лишь идилліи имѣють подражательный характеръ. Многія антологическія стихотворенія носятъ живой отпечатокъ Анакреонта, напримѣръ безпечно легкомысленныя пьесы: „Въ день моего рожденія“, „Диѳирамбъ“ и мн. другія. Нѣкоторыя стихотворенія настолько проникнуты духомъ Горация, что отдѣльныя мѣста изъ нихъ какъ будто переведены изъ пѣвца Хлои:

„Что намъ богатства искать? Имъ счастья себя не прикушимъ:
Всѣхъ на одной ладѣ—и бѣднаго Ира и Креза.
Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужаснаго Стикса
Старый Харонъ отвезетъ“ („Къ Діону“).

Эти четыре стиха могли быть начертаны стилемъ Горация.* Къ пьесамъ, подражающимъ Горацию, принадлежатъ еще посланія: „Къ А. С. Пушкину“, „Къ Евгению“, „Отвѣтъ Плетневу“ и др. Изящная пьеса „На смерть собачки Амики“ близкое подражаніе прославленнымъ гендекасиллабамъ Катулла „На смерть воробья Лесбіи“. „Русская баллада“, пародія на „Смальгольмскаго барона“ Жуковскаго, лишь подтверждаетъ способность Дельвига отдаваться чужой формѣ, отчасти и содержанію. Нѣтъ ничего естественнѣе, что Дельвигъ, испытавшій свои силы въ разнаго рода подражаніяхъ, обратился и къ русской народной пѣснѣ. Задача подражанія народной поэзіи, разрѣшеніе которой привлекало въ эту эпоху столь многихъ, стояла передъ Дельвигомъ, и если бы онъ прошелъ мимо этого рода поэзіи, онъ бы порѣшилъ противъ духа времени и основныхъ свойствъ своего дарованія. Дельвигъ, приступая къ созданію ложно-народной пѣсни ставилъ себѣ опредѣленно эстетическую, формальную задачу; для Дельвига русская пѣсня была такимъ же объектомъ подражанія, какъ и античныя идилліи или „Воробей“ Катулла. Эпиграфомъ къ своимъ пѣснямъ

Дельвигъ поставилъ Гетевское: „Ich singe, wie der Vogel singt“, но эта фраза лишь замаскировываніе, можетъ быть, бессознательное, того эстетизма, который лежитъ въ основѣ народно-подражательныхъ пѣсенъ поэта.

Эстетико-техническая задача, положенная въ основу поэтическаго произведенія, не должна нарушать и не нарушаетъ вдохновенія автора или его искренности, она лишь опредѣляетъ происхожденіе поэтическаго вида и утверждаетъ его искусственность. Дельвигъ былъ именно народно-подражательнымъ поэтомъ, искусственно подошедшимъ къ формѣ народной пѣсни. Связь Дельвига съ народной пѣснью была не органической, а эстетической. Это уже явствуетъ изъ того, какимъ образомъ онъ узналъ русскую пѣсню, и какъ свыкъся, даже сроднился съ ней.

При разсмотрѣніи отношенія Дельвига къ народности и къ русской народной поэзіи въ частности, врядъ ли слѣдуетъ принимать во вниманіе остзейское происхожденіе поэта. Баронъ родился въ Москвѣ, мать его была Русской, воспитывался онъ и жилъ въ условіяхъ русской жизни. Русскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ, рано ознакомился онъ съ нимъ и теоретически; при поступленіи въ Царскосельскій Лицей онъ хорошо былъ аттестованъ въ „грамматическомъ познаніи російскаго языка“. Наоборотъ, языкъ нѣмецкій онъ зналъ не въ совершенствѣ и при изученіи германской литературы пользовался помощью друга своего, поэта Кюхельбекера. Ни во внѣшности, ни въ характерѣ Дельвига не чувствовалось иностранца. Однако недолгая жизнь поэта сложилась такъ, что ему никогда не пришлось жить въ тѣсномъ соприкосновеніи съ народомъ и знакомиться съ русской народной поэзіей у самого ея корня. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ произошло первое знакомство Дельвига съ произведеніями народной поэзіи. Изданныя письма его чрезвычайно немногочисленны и не представляютъ вообще интереса. Сохранившіяся же письма къ Дельвигу Пушкина и Баратынскаго нисколько не освѣщаютъ этого вопроса. Есть, однако, полное основаніе предположить, что Дельвигъ рано столкнулся съ народной русской пѣсней. Между прочимъ извѣстенъ фактъ, что „Древнія російскія стихотворенія“ Кирши Данилова лицеисты имѣли еще въ 1815 году въ рукахъ (дневникъ Кюхельбекера); безъ сомнѣнія прочелъ ихъ и Дельвигъ, вообще читавшій все, что попадалось ему подъ руку. Столь же теменъ вопросъ, какимъ образомъ и въ дальнѣйшемъ ознакомленіе Дельвига съ народной словесностью. Дельвигу самому никогда не пришлось записать ни одной народной пѣсни. Во-первыхъ жизнь его протекла почти безвыѣздно въ родѣ;

извѣстны лишь двѣ продолжительныя отлучки поэта—одна въ Волынскую губернію, гдѣ онъ, можетъ быть, заимствовалъ свою „Малороссійскую идиллію“, и въ имѣніе свое въ Чернскомъ уѣздѣ, но дѣла по хозяйству, которыя ему пришлось устраивать, отвлекали его отъ литературныхъ изысканій. Къ этому надо прибавить и прирожденную лѣность поэта, которая всегда заставляла чернила пересыхать въ его чернильницѣ. Такимъ образомъ непосредственнаго знакомства съ народной поэзіей у Дельвига не было, знакомство это происходило почти исключительно книжнымъ путемъ. Возможно, что Дельвигъ зналъ и непосредственныя записи Пушкина. Но ни о пушкинскихъ записяхъ, ни о книгахъ, какія могъ имѣть въ рукахъ поэтъ въ отношеніи къ нему—ничего не извѣстно. Но можно а priori сказать, что Дельвигъ, какъ блестящій знатокъ русской литературы, долженъ былъ хорошо знать и народную поэзію, представленную многочисленными пѣсенниками и поэтами-подражателями. Упомянувшійся уже Кирша Даниловъ стоялъ у Пушкина на полкѣ, пѣсенникъ 1780 года былъ тоже читанъ имъ; очевидно, они были въ рукахъ и у Дельвига. Къ услугамъ Дельвига была кромѣ того публичная библіотека, гдѣ онъ служилъ подъ начальствомъ Ив. Андр. Крылова помощникомъ библіотекаря. Когда Дельвигъ женился, и его гостинная стала однимъ изъ литературныхъ центровъ Петербурга, извѣстно, что и тутъ процвѣтала живой интересъ къ народной словесности. Польскій поэтъ Мицкевичъ дѣлился съ гостями барона народными сказками. Хотя и лишенный непосредственныхъ впечатлѣній, Дельвигъ основательно изучилъ народную поэзію. Издатель „Малороссійскихъ пѣсенъ“ Максимовичъ пишетъ въ письмѣ къ Гаевскому о Дельвигѣ: „...мы съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыхъ онъ въ ту пору былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ знатокѣвъ“. Тотъ фактъ, что Дельвигъ исключительно книжнымъ путемъ ознакомился съ русскими пѣснями, имѣетъ первостепенное значеніе: пѣсенники давали матеріалъ чрезвычайно нечистый; издатели большею частью считали своей обязанностью подчищать пѣсню, а иногда и совсѣмъ переиначивать ее. Этотъ пагубный приѣмъ, столь обязательный въ XVIII вѣкѣ, сталъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, но и въ эпоху Дельвига пѣсенники были очень несовершенны. Къ этому надо прибавить, что искаженные подлинно-русскія пѣсни помѣщались рядомъ съ пѣснями искусственными, часто неуклюжими поддѣлками. Весьма типичнымъ для составителя пѣсенника было слѣдующее предувѣдомленіе Михаила Попова, издавашаго въ 1792 году въ Петербургѣ пѣсенникъ „Россійская Эрата“: „...Я рѣшился выправить ихъ повсюду, гдѣ взыскивала того нужда правиль, убавляя и прибавляя вновь многія мысли, передѣлывая стихи и

переименовая въ иныхъ и самое расположеніе, когда пристойность связи требовала того необходимо... Со старинными пѣснями поступилъ я такимъ же образомъ". Въ XIX вѣкѣ стали обращаться съ пѣсней болѣе почтительно, однако, даже прославленный пѣсенникъ Сахарова, вышедшій уже въ тридцатыхъ годахъ, признанъ позднѣйшими изслѣдователями внушающимъ подозрѣніе. Въ такой степени былъ несовершененъ тотъ матеріалъ, изъ какого могъ черпать Дельвигъ свои знанія народной пѣсни.¹⁾ Поэты-подражатели могли дать лишь слабое представленіе о нѣкоторыхъ пріемахъ и образахъ народной поэзіи и во всякомъ случаѣ не могли оказать благотворнаго вліянія въ смыслѣ уясненія народной русской поэзіи. Однако слѣдуетъ оговориться, что и въ пѣсенникахъ встрѣчались нерѣдко тексты не искаженные, и на этихъ немногихъ образцахъ могло воспитываться надлежащее пониманіе и чувство русской пѣсни.

Подражаніе народному эпосу было весьма распространеннымъ явленіемъ въ началѣ XIX вѣка, однако, у Дельвига такія подражанія отсутствуютъ совсѣмъ. Народная лирика одна вызвала подражанія поэта²⁾. Уже этимъ отсутствіемъ эпического суживается объемъ пѣсенъ Дельвига. Но и лирика народная захватываетъ значительно болѣе широкій кругъ настроеній и сюжетовъ. Пѣсни Дельвига всѣ нѣжно-элегическаго, большинство же непосредственно-грустнаго содержанія. Въ русской народной лирикѣ грусть-тоска является однимъ изъ преобладающихъ настроеній. Грустное настроеніе вообще свойственно народной лирикѣ, тѣмъ болѣе русской, гдѣ надо имѣть въ виду условія исторіи, природы и семейнаго быта.

Однако, грустью и жалобами далеко не исчерпывается духъ русскихъ пѣсенъ. Цѣлый рядъ пѣсенъ хороводныхъ, плясовыхъ, т. е. разгульныхъ, носятъ, наоборотъ, совершенно противоположный характеръ, характеръ необузданнаго, широкаго, не всегда трезваго веселья.

1) То, что Дельвигъ познакомился съ пѣсней книжнымъ путемъ, вовсе не значитъ, что поэтъ вообще чуждался народа; стоитъ вспомнить его прогулку съ Эриемъ и Баратынскимъ въ кабакъ за Малымъ театромъ въ Петроградѣ, затѣмъ въ простонародный трактиръ и, наконецъ, на Шукинъ дворъ, гдѣ поэты покупали у уличнаго торговца горячіе пирожки. Но Дельвигъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы часто предпринимать подобныя прогулки и извлекать изъ нихъ какую нибудь литературную пользу.

2) Изъ 17-ти пѣсенъ (по изд. Суворина) слѣдуетъ еще откинуть № 16 и 17 по причинамъ стилистическимъ; пѣсня „Дѣдушка! Дѣвцы разъ мнѣ говорили“, не имѣетъ никакихъ притязаній на народность; она скорѣе навѣяна Анакреонтомъ; № 17 „На яву и въ сладкомъ снѣ“... носитъ характеръ романа, лишь слегка украшеннаго народными образами; и въ этой пѣснѣ Дельвигъ не ставилъ себѣ задачи подражанія народному стилю. Остальныя 15 пѣсенъ носятъ, дѣйствительно, характеръ народно-подражательный.

Создавая свои пѣсни въ грустно элегическомъ тонѣ, Дельвигъ платилъ дань эпохѣ, для которой русская народная пѣсня была синонимомъ пѣсни заунывной, тоскливой.

Для большинства цѣнителей русской пѣсни, элегическая сторона ея совершенно затмевала другія стороны, главнымъ образомъ—обрядовую и веселую. Въ этомъ отношеніи характерны сужденія о русской пѣснѣ у поэтовъ того времени: въ XXIX строфѣ „Домика въ Коломнѣ“ Пушкинъ говоритъ:

„Фигурно иль буквально, всея семьей,
Отъ ящика до перваго поэта,
Мы всё поемъ уныло; грустный вой—
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта.
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ сейчасъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ“.

У кн. А. И. Одоевскаго мы находимъ слѣдующія строки въ стихотвореніи „Славянскія дѣвы“:

„Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана—
Славой гремитъ, но грустно живетъ;
Въ теремѣ дни проводить, какъ ночи,
Грустно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поетъ“....

Кн. Цертелевъ въ статьѣ: „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“ (Спб. 1820) говоритъ: „Печаль и уныніе... составляютъ главное свойство старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя господствуютъ не только въ словахъ, но и въ самой ихъ музыкѣ“. Аналогичныя мнѣнія находимъ мы у многихъ другихъ авторовъ, напр., у Грамматина и Глаголева. Такое одностороннее пониманіе русской пѣсни было, хотя и преувеличено, но въ основаніи своемъ справедливо. Поэты-подражатели, какъ Мерзляковъ, Нелединскій и Дельвигъ, поняли этотъ основной тонъ и во всякомъ случаѣ не сдѣлали ошибки, положивъ его въ основаніе своей народно-подражательной лирики.

Основное настроеніе пѣсенъ Дельвига и мотивы ихъ взаимно обуславливаютъ другъ друга. Почти всѣ пѣсни Дельвига относятся къ области лирики чисто-любовной. Лишь три¹⁾ имѣютъ предметомъ безпричинную тоску, кручину одинокаго молодца. Остальныя на темы

¹⁾ 1, 2 и 4 но Суворину.

любви. Разлука, любовная тоска, нежеланный бракъ, скорбь по умершемъ любовникѣ—вотъ обычные мотивы пѣсень Дельвига, а также и другихъ подражателей и вмѣстѣ съ тѣмъ мотивы характерные для русской народной поэзіи.

Грустный, тоскливый тонъ пѣсень Дельвига является также слѣдствіемъ основного эстетизма ихъ. Такого настроенія требовали избранные мотивы, его требовало современное пониманіе народной пѣсни. Вообще печаль и тоска не были ни въ характерѣ Дельвига, ни въ характерѣ его творчества. Такова была природа поэта, но и жизнь его сложилась тихо, безъ бурныхъ приключеній, чаще осѣненная свѣтлыми радостями, чѣмъ минутами горя. Миръ и безопасность всегда жили въ душѣ „баловня поэта“. Въ знаменитой пьесѣ „Тихая жизнь“ Дельвига, описавъ все мирныя прелести спокойнаго, уединеннаго, почти буколическаго существованія, говорить:

„Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро все забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? Я блаженъ. Я, живши, могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастье въ Лилетѣ“.

Добродушный товарищъ и вѣрный другъ, онъ объединялъ вокругъ себя тѣсную семью молодыхъ „романтиковъ“. Нерѣдко собиралъ онъ своихъ „вакхическихъ друзей“ за бутылкою воспѣтаго пѣвцами Аи и былъ истинною душою этихъ веселыхъ и благородныхъ собраній, когда, по слову Баратынскаго,

„Вино текло, вино сверкало,
Сверкали блески острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ“.

Лѣнь, безопасность и добродушіе были отличительными чертами поэта. „По характеру своему онъ былъ расположенъ къ самой счастливой веселости и безопасности“, пишетъ Плетневъ¹⁾. Судьба дала спокойную и безмятежную, хотя и краткую, жизнь пѣвцу лѣни и нѣгъ, который, по словамъ Пушкина, „геній свой воспитывалъ въ тиши“. Счастливая женитьба на Софіи Салтыковой, внесла новыя радости въ жизнь Дельвига. До самой смерти эта жизнь не была омрачена никакими грустными событіями. Творчество Дельвига ясно отразило его душу, его жизнь. Бывали и у него минуты тоски, скорѣе

¹⁾ Некрологъ о Дельвигѣ.

меланхоліи, о которыхъ свидѣтельствуемъ и Баратынскій¹⁾, заставившія его создать такія пьесы, какъ „Разочарованіе“ и „Грусть“. Но немногочисленные стихи такого настроенія затериваются въ произведеніяхъ, прославляющихъ счастливую любовь или Гораціанскіе пиры съ безпечною, достойной молодого Анакреонта;

„Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!“

признается самъ поэтъ. И характеръ поэта и его произведенія убѣждаютъ насъ, что печаль была совсѣмъ не въ свойствахъ „вольнаго баблоня забавъ“, больше всего цѣнившаго спокойствіе своей лѣнивой души. Поэтому, когда мы читаемъ пѣсню

„Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болншь ты, что ты клонншься
Ко груди, къ плечу могучему?“

то еще убѣдительное становится то, что тонъ Дельвиговскихъ пѣсень обусловливался одними эстетическими побужденіями. Дѣйствительно, всѣ мотивы Дельвиговскихъ пѣсень стоятъ въ діаметральной противоположности съ событіями его жизни. Его пѣсни—пѣсни несчастной любви, пѣтыя счастливымъ любовникомъ. Между ними лишь одна пѣсня: „Сиротинушка-дѣвушка“ проникнута теплою искренностью и выгодно выдѣляется среди другихъ пѣсень, ложныхъ и по мотивамъ, и по настроенію. То, что мотивы пѣсень никакъ не соотвѣтствовали событіямъ жизни поэта, а настроенія ихъ были не совсѣмъ свойственны его характеру, еще усугубляло и такъ уже трудную задачу эстетическаго подражанія.

Изслѣдуя настроенія пѣсень Дельвига, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что та тоска, та скорбь, какая разлита въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ, не вполне въ соотвѣтствіи съ грустью Дельвига. У Дельвига эти чувства смягчены, приглажены, никогда не являются въ той обнаженности, какая встрѣчается въ пѣсняхъ народныхъ, напр. въ такихъ, какъ: „Ужь не лебедь ходить бѣлая“ или „Ой, ты дума моя думушка“, чувства эти лишены Дельвигомъ ихъ первобытной простоты. Это, однако, не значить, что Дельвигомъ подчинилъ ихъ сентиментализму. Сентиментализмъ, владѣвшій псевдо-народной пѣсней въ концѣ XVIII вѣка, продолжалъ заражать ее и въ началѣ XIX-го.

¹⁾ „Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
Кому вѣрялъ признанья въ грусти тайной?“

(„Къ Дельвигу“, стр. 26—27).

Пѣсни другого знаменитаго поэта, пѣснеписателя, Дмитріева, еще вполнѣ подвластны ему. Не лишены сентиментальныхъ слабостей и пѣсни Мерзлякова, хотя онѣ и представляютъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Дмитріевымъ. Въ пѣснѣ V Мерзлякова (изд. Суворина) читаемъ:

„Голубчикъ печальный,
Не плачь, не тужи.
Ты можешь въ отраду
Хотя умереть.“

Эти строки Мерзлякова могутъ поспорить въ сентиментальности съ знаменитымъ „Голубочкомъ“ И. И. Дмитріева:

...„Идетъ ее... увь. Но тщетно;
Знать судилъ ему такъ Рокъ.
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ“...

Такихъ явно сентиментальныхъ чувствованій и выраженій уже не встрѣчается въ пѣсняхъ Дельвига; то, что въ нихъ отсутствуетъ въ яркой формѣ „чувствительность, души сладчайшая отрада“,—ставитъ пѣсни Дельвига значительно выше пѣсенъ Дмитріева и многихъ Мерзлякова. Не подчиняясь вліянію грубаго сентиментализма, Дельви́гъ, конечно, былъ далекъ отъ ложно-классицизма и слащавой пасторальности; въ пѣсняхъ Дельвига, которыя многіе признаютъ все же не лишенными сентиментальныхъ чертъ, проявляются настроенія элегіи въ современномъ смыслѣ этого слова. Неопредѣленные влеченія, безпричинная тоска, наѣонецъ, разочарованіе, находятъ себѣ мѣсто въ русскихъ пѣсняхъ Дельвига и дѣлаютъ ихъ произведеніями, близкими къ романтизму. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательны пѣсни 1, 2, 4 и 6.

Пѣла, пѣла пташечка,
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки.
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;

Убѣжать бы молодцу
 Въ лѣсъ дремучій.
 На морѣ валы шумятъ,
 А не вьюги;
 Въ лѣсѣ звѣри-лютые,
 Да не люди.

„Злые толки“, погубившіе молодого человѣка, стремленіе къ природѣ отъ человѣческаго общества, предпочтеніе лѣсныхъ звѣрей передъ людьми—все это элементы почти Байроническаго настроенія; то же можно сказать и о тоскующемъ молодцѣ пѣсни 4-ой, безъ видимой причины потерявшемъ „прежнюю волю съ прежней радостью“. Въ пѣснѣ 6-й дѣвушка говоритъ:

„Свѣжій запахъ каждой травки полевой
 Вреденъ дѣвицѣ весеннею порою.
 Хочетъ съ кѣмъ то этимъ запахомъ дышать
 И другимъ устами его передавать;
 Бѣлой груди чѣмъ то сладкимъ тяжело,
 Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло“.

И безпричинная тоска предыдущихъ пѣсень, и сложная неопредѣленность чувствъ, неясныя влеченія послѣдней пѣсни принадлежать къ сферѣ вновь народившихся чувствъ, далекихъ отъ ложно-классицизма и сентиментализма, но еще болѣе далекихъ, можетъ быть, отъ настоящихъ, простыхъ народныхъ чувствованій. Именно эти новыя настроенія, попадающіяся въ пѣсняхъ поэта, и дали поводъ къ „душегрѣйкѣ повѣйшаго унынія“, такъ какъ уныніе, положенное въ основу всѣхъ Дельвиговскихъ пѣсень Кирѣевскій назвать „новѣйшимъ“ никакъ не могъ. Эти же не народные, новыя настроенія сдѣлали то, что пѣсня Дельвига напоминаетъ иногда наивный романсъ александровскаго времени. Этому сходству съ романсомъ способствовала еще одна черта дельвиговскихъ пѣсень, имѣющая первостепенное значеніе: пѣсни Дельвига въ большинствѣ случаевъ написаны въ формѣ лирической, понимая лирику въ данномъ случаѣ болѣе узко, какъ выраженіе поющимъ лицомъ своихъ собственныхъ чувствъ. Народная пѣсня, по большей части, описательна, объективна. Не только обрядовая, но и большинство такъ назыв. „семейныхъ“ пѣсень написаны не отъ перваго лица. Эта непосредственно лирическая форма отдаляетъ пѣсни Дельвига отъ народной пѣсни, но роднитъ ихъ съ искусственнымъ романсомъ.

Исключительно яркая образность—одно изъ важнѣйшихъ качествъ русской народной пѣсни. Русская пѣснь рѣдко выражаетъ мысль въ обнаженномъ ея видѣ; болѣею частью—мысль въ видѣ образа или

въ сопровожденіи его. Эта образность даетъ русской пѣснѣ ея необычайную красочность и яркость. При созданіи народно-подражательной пѣсни передъ поэтомъ стоитъ задача такъ же насытить свое подражаніе образами, какъ насыщена ими народная поэзія. Эта задача, представляя большое испытаніе для художественнаго такта подражателя, затрудняется еще и тѣмъ, что образность древне-русской пѣсни совершенно особеннаго рода. Русская народная лирика символична. Нерѣдко символична вся пѣсня, по своему цѣльному смыслу, напр.: „Подойду, подступлю подъ Иванъ-городъ каменный... Выведу, выведу душу красну дѣвицу“, но чаще символизмъ проявляется въ двойственномъ значеніи образа. Созданная въ глубокой древности, пѣсня тѣсно была связана съ обрядностью и обычаями еще языческаго славянства. Языческій культъ, обряды брака, не исключая и умыканія у воды, народныя суевѣрія должны быть приняты во вниманіе при уясненіи народной пѣсни, какою она дошла до насъ. Народная пѣсня необыкновенно стойко сохраняетъ свои образы, появившіеся въ далекую эпоху первоначальнаго народнаго творчества. Каждый изъ этихъ образовъ, кажущійся намъ на первый взглядъ лишь художественнымъ элементомъ стили, имѣлъ первоначально свой опредѣленный символическій смыслъ, смотря по происхожденію своему отъ обряда, суевѣрія и т. п. Когда въ древнее время народный пѣвецъ употреблялъ въ пѣснѣ ея излюбленные образы, какъ „вѣнокъ“, „кольцо“, „соколь“ и т. п., для него было вполне ясно, что именно слѣдуетъ понимать въ образѣ; такъ: „кольцо“ и „вѣнокъ“ обозначали любовную вѣрность, договоръ любви. Если о вѣрности и не говорилось въ пѣснѣ, а употреблялся лишь образъ вѣнка, то въ самомъ этомъ образѣ уже таился символическій смыслъ. Это давало народной пѣснѣ двоякую и совершенную красоту. Ея образъ былъ художественнымъ элементомъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей глубоко-поэтическій смыслъ истиннаго символизма. Со временемъ, когда стали забываться многіе обычаи старины, образы пѣсни стали также утрачивать для народа свой истинный смыслъ, но, передаваясь изъ рода въ родъ, они не исказились въ цѣломудренныхъ устахъ народнаго преданія и дошли до нашихъ временъ въ дѣвственной чистотѣ своего яркаго символизма; и если для народнаго пѣвца они теперь и утратили добрую часть своего скрытаго содержанія, то знаніе позволяетъ возстановить символичность пѣсеннаго образа. Поэтъ-подражатель долженъ не только владѣть образами, какъ стилистическими элементами, понимать ихъ не только, какъ красивое выявленіе идеи, но долженъ неизмѣнно помнитъ ихъ символическій смыслъ, связывающій ихъ съ глубокою древностью. Баронъ Дельвигъ при созданіи своихъ пѣсенъ не совладѣлъ ни съ

тою, ни съ другою задачею. Прежде всего пѣсни его чрезвычайно блѣдны образами, чѣмъ невыгодно отличаются отъ пѣсень Цыганова и Мерзлякова. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Дельвига образъ отсутствуетъ вполне, уступая мѣсто описанію фактовъ¹⁾ или лирическому изліянію²⁾ Эта скудость образности—одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ Дельвиговскихъ пѣсень. Какимъ бѣднымъ покажется псевдо-народное вдохновеніе Дельвига передъ этими 6-тью стихами русской пѣсни:

„Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цвѣтамъ лазуревымъ.
Гуляй, гуляй, воля,
По чистому полю,
Бѣлѣй, бѣлета,
На бѣлой березѣ,
Чернѣйтся, очи,
У черного ворона.“

Изъ обычныхъ символическихъ образовъ народной пѣсни у Дельвига встрѣчается только „кольцо“. Этотъ образъ употребленъ Дельвигомъ въ трехъ пѣсняхъ³⁾, и употребленъ, какъ будто, съ пониманіемъ его символа.

Съ другой стороны такіе образы, какъ „вѣнокъ“, „каленая стрѣла“, „коршунъ“, „кукушка“, „соколы“, безъ которыхъ рѣдко обходится народная пѣсня, совсѣмъ упущены поэтомъ. Иные же образы употреблены Дельвигомъ безъ пониманія ихъ внутренняго смысла, сведены на чисто стилистическое украшеніе, напр.:

„Не воркуй, касаточка,
Сидя въ темномъ гнѣздышкѣ
Подъ кустомъ малиновымъ.“

Образный эпитетъ „малиновый“ имѣеть здѣсь случайный, ничѣмъ не оправдываемый характеръ, не говоря уже о томъ, что касаточка, свившая гнѣздо въ малинѣ,—явленіе весьма неправдоподобное. Калина-малина, какъ и калина просто, имѣютъ въ русской пѣснѣ опредѣленный символическій смыслъ. Онѣ означаютъ сначала дѣвушку, затѣмъ и отвлеченное понятіе дѣвственности. Съ этимъ связываются и нѣкоторые народные обряды. Очень умѣло образъ калины-малины употребленъ Цыгановымъ въ пѣснѣ 14:

1) Пѣсня 12.

2) Пѣсня I.

3) 3, 5 и 10.

„Ахти, калинка моя,
Ахти, свѣтъ малинка моя.
Все то въ теремѣ сидючи,
Съ старымъ мужемъ горюючи.“¹⁾

Иногда, наконецъ, Дельвигъ, употребляя символическій образъ, тутъ же раскрываетъ его символъ, чѣмъ нарушаетъ всю сущность символизма. Такой приемъ глубоко антихудожествененъ. Напр.:

„На всей краѣ, на берегѣ
Растеть, цвѣтеть шиловничекъ.
Въ шиловничкѣ—тоска моя;
Тоска—шины, любовь—цвѣты,
Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.“

Что же создать въ пѣсняхъ Дельвига тотъ русскій стиль, столь отличающій ихъ отъ Дмитриева? Образа символическаго, какъ неотъемлемой части русской пѣсни, у Дельвига почти нѣтъ; но образность виѣшняя, заключающаяся въ стилистическихъ мелочахъ создаетъ пѣснямъ поэтамъ ихъ первое какъ будто русское впечатлѣніе. Цѣлымъ рядомъ виѣшне-русскихъ образовъ, эпитетовъ иснещрены пѣсни Дельвига. Выраженія, какъ то: за тридевять земель, тоска-кручина и т. п., псевдо-русскіе мотивы, въ родѣ расчесыванія кудрей,—нерѣдки въ пѣсняхъ поэта. Однако, если присмотрѣться внимательнѣе ко всѣмъ этимъ „ленточкамъ“, „конопляночкамъ“, „кровелькамъ“, „ставенькамъ“ и т. п., то чувствуешь въ нихъ не элементы древне-русской пѣсни, даже древне-русскаго быта, а скорѣе нѣкій прообразъ того ложно-русскаго „пѣтушинаго“ стиля, который создалъ альбомы Лукутина, русскіе романы Дюбюка и въ послѣднемъ вырожденіи своемъ жалкую псевдо-русскую архитектуру послѣдней четверти прошлаго столѣтія.

Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ есть рядъ образовъ и понятій, принадлежащихъ къ особой категоріи, придающихъ пѣснѣ странную и грустную красоту; я разумѣю такія понятія, которыя давно не связаны съ русской жизнью и безконечно далеки отъ средне-русской равнины, гдѣ сохранялась и расцвѣтала русская народная пѣсня:

„Ахъ горы вы, горы крутыя.
Ничего вы, горы, не породили.“

или:

„Ужъ какъ палъ туманъ на синемъ морѣ“...

¹⁾ Было бы, однако, слишкомъ смѣлымъ предположить, что Цыгановъ зналъ о символическомъ значеніи этого образа, хотя и другіе образы, какъ „соколы“, „кукушка“, употреблены имъ весьма умѣстно.

или:

„У батюшки жалости не было,
Не снялъ меня, дѣвицу, съ моря“...

или:

„Протекало синее море,
Слетались птицы стадами“...

или:

„Ахъ ты, садъ ли, ты мой садочекъ,
Садъ да зеленое винограды“..

или:

„Дунаю, Дунаю, чего смутенъ течешь?“..

Крутыя горы, синее море, виноградъ, Дунай, лебедь, орлы,—какой чуждый и вмѣстѣ съ тѣмъ какой неотъемлемый элементъ русской пѣсни. Эти образы—пережитки далекаго историческаго прошлаго, отзвуки когда то близкой, давно чуждой жизни. Русскій всегда стремился къ морю, сознание русскаго народа съ завистью смотрѣло на утраченные счастливые берега Дуная, и эти сладкія воспоминанія придають русской пѣснѣ такое же очарованіе, какое даетъ античной поэзіи воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ. Дельвигъ не почувствовалъ этой прелести, въ его пѣсняхъ присутствуетъ лишь море, очевидно, потому, что это понятіе уже слишкомъ ярко бросалось въ глаза, встрѣчаясь въ цѣломъ рядѣ распространенныхъ пѣсней. Слѣдуетъ оговориться въ пользу Дельвига въ томъ смыслѣ, что не ко всякой его пѣснѣ примѣнимы такіе образы и понятія, т. к. нѣкоторыя пѣсни поэта написаны на темы современныя и подражаютъ современной престонародной пѣснѣ.¹⁾

Для достиженія того же „русскаго“ впечатлѣнія Дельвигъ часто примѣняетъ славянизмы и престонародныя формы. „Вспокаются, прилука (4) кручинушка (5), оборонушка (7), младешенька (10) и т. д.“ Подобными выраженіями изобилуютъ его пѣсни, и этимъ, конечно, достигается въ значительной мѣрѣ ложно-народный эффектъ. Второстепенные образы и выраженія поэта, хотя и весьма народны, но какъ-то глубоко не вяжутся съ дѣйствительно русской народной жизнью и ея поэтическимъ выраженіемъ. Воспитанность и изящество Дельвига не позволяло ему быть рѣзкимъ и непосредственнымъ, чего требуетъ русская пѣсня. Мы можемъ встрѣтить у него такую не лишнюю наивности сцену: дѣвушка потеряла кольцо на огородѣ; мать бранить ее:

„И за это меня матушка бранила,
Стыдно плакать о колечкѣ—говорила,
Я куплю тебѣ колечко золотое,
Я куплю тебѣ колечко съ изумрудомъ“ (10).

¹⁾ Напр., № 9.

Но эта изысканность чувствованія и выраженія никогда не позволила бы Дельвигу сказать такъ просто, какъ сказано въ народной пѣснѣ:

„За что млада бита,
За что она мучена?“

Изысканность рѣчи даже ни разу не позволила Дельвигу употребить пѣсенное слово „дѣвка“, между тѣмъ какъ у него встрѣчается слащавое выраженіе „красотка“.

Народные обороты, вульгарныя формы и съ другой стороны деликатность чувствъ и мотивовъ даютъ вмѣстѣ непріятный диссонансъ, замѣтный, однако, лишь при вчитываніи въ пѣсни Дельвига. Не одинъ Дельвигъ страдаетъ этимъ недостаткомъ; ни пѣсни Мерзлякова, ни даже Цыганова не приближаются къ глубокой, проникновенной простотѣ русской народной пѣсни.

Наряду съ народными выраженіями, Дельвигъ иногда пользуется и стилистическими приѣмами народной пѣсни. Эти приѣмы сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ: параллелизму, сравненію и повторенію. Параллель въ народной пѣснѣ проводится, большею частью, между явлениями природы и чувствами и дѣйствіями человѣка:

„Ужь какъ наль туманъ на спне море,
А тоска-кручина въ ретиво сердце“.

Дельвигъ тоже часто пользуется параллелями: такъ, вторая пѣсня вся состоитъ изъ двухчленныхъ параллелей:

„Пѣла, иѣла пташечка
И затхла.
Знало сердце радости
И забыло... и т. д.“

Трехчленный параллелизмъ встрѣчаемъ въ пѣсни 7-й:

„Хорошо цвѣту на полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ,—
Сиротиниукѣ дѣвушкѣ
Веселій того съ молодецъ“...

Свадебная пѣсня (II) написана въ видѣ одной двухчленной параллели. Наконецъ, въ одной пѣснѣ¹⁾ мы находимъ и отрицательный параллелизмъ:

„Не Волгой ильть, а слезы лить“.

¹⁾ „Сонъ“, 14.

Изъ извѣстныхъ предшественниковъ Дельвига не только Цыгановъ, но и Мерзляковъ гораздо шире пользуются параллелями, особенно отрицательными, и параллели у этихъ поэтовъ болѣе сильны, болѣе характерны, напр. у Цыганова:

„Ахъ, не пташечка,
Не ясенъ соколъ
Со тепла гнѣзда солетаетъ,
Въ путь дороженьку
Добрый молодець
Съ широка двора съѣзжаетъ“. (20)

или у Мерзлякова:

„Что не дѣвица въ теремѣ своемъ
Заплетаетъ русы кудри серебромъ,—
Мѣсяць на небѣ, безъ ровни, самъ большой
Убирается своею красотой“. (7)

На равныхъ правахъ съ параллелями Дельвигъ употребляетъ и сравненіе. Это противорѣчитъ обычаю народной пѣсни. Народная пѣсня рѣдко пользуется сравненіемъ. Сравненія же, встрѣчающіяся въ ней, чрезвычайно кратки и не являются сравненіями цѣлыхъ идей, а лишь понятій. Соединительнымъ словомъ въ народныхъ сравненіяхъ служатъ частицы „что“ или „словно“. Употребленныя Дельвигомъ сравненія въ рѣшительномъ противорѣчій съ народностью. Среди нихъ есть очень пространныя, сложныя, и соединительная частица въ нихъ „какъ“,—частица не свойственная народному языку. Привожу примѣръ изъ пѣсни 6-ой:

„Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Траву вспрыснетъ, но ея не освѣжитъ,—
Такъ и слезы не свѣжатъ меня молодой:
Скучно дѣвушка въ весну жить одной“.

Третьимъ приѣмомъ народной стилистики, повтореніемъ, Дельвигъ пользуется съ умѣніемъ и тактомъ, хотя, можетъ быть, слишкомъ рѣдко прибѣгаетъ къ этому характерному приѣму. Въ его пѣсняхъ попадаются очень удачныя повторенія, какъ напр.:

„Меня суженый сватаетъ,
Меня ряженный сватаетъ“ (II)

или:

„Чей у ней на ручкѣ перстень?
Чья въ повязкѣ лента,
Лента, ленточка цвѣтная
Съ золотой каймою?“ (5)

Однако, такихъ повтореній вообще въ пѣсняхъ Дельвига очень немного. Не менѣе искусно пользовался ими и непосредственный ихъ чувствовалъ Цыгановъ. Начало XIX пѣсни:

„Рано, рано вы, лазорвы цвѣты,
Рано, рано вы поблекли, отцвѣли“ (19)

или:

„Ахъ, дружочекъ миленькій
Мой дружочекъ.
Соколь сизокрыленькій
Соколочекъ“. (II)

Пѣсни Мерзлякова также не чужды этого приема:

„Развѣйтесь, развѣйтесь вы,
Дѣвическія кудри,
Поблекни, поблекни,
Дѣвическа прелесть“.

Иногда же достигаютъ и большой смѣлости, которой не было у Дельвига, напр.:

„Не ходитъ бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу“.

Такимъ образомъ всѣ три приема народнаго стиля были замѣчены и оцѣнены Дельвигомъ, но какая-то проглядывающая всюду несмѣлость помѣшала ему употребить ихъ въ томъ обширномъ объемѣ, какого требовалъ стиль народнои поэзіи.

Наконецъ передъ тѣмъ, какъ перейти къ разсмотрѣнію пѣсенъ Дельвига съ точки зрѣнія формы въ болѣе узкомъ смыслѣ, приведу нѣсколько примѣровъ выраженій, никакимъ образомъ не вяжущихся съ народностью, нѣкоторыхъ lapsus'овъ стиля: въ пѣснѣ 8-й:

„Не тоскуй, красавица,
Вспоминая милаго
Друга юныхъ дней своихъ“.

въ пѣснѣ 5-ой:

„Или словомъ, или дѣломъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль нескромнымъ разговоромъ
Ввелъ при людяхъ въ краску“.

Примѣровъ такихъ lapsus'овъ не два и не три въ пѣсняхъ Дельвига, въ чемъ, между прочимъ, ему не уступаютъ другіе поэты-подражатели его времени.

Переходя къ изслѣдованію формы пѣсни Дельвига въ узкомъ смыслѣ слова, слѣдуетъ прежде всего остановиться на построеніи его

пѣсенъ. Построеніе это всегда чрезвычайно логично, закончено. Такое построеніе, гдѣ послѣдующее закономѣрно вытекаетъ изъ предыдущаго, должно быть тѣснѣйшимъ образомъ связано со степенью логичности заключенныхъ въ пѣснѣ мыслей и образовъ. Мы видимъ здѣсь полное соотвѣтствіе формы съ содержаніемъ. Мысли и образы у Дельвига всегда расположены въ отношеніи другъ друга закономѣрно, съ методической логикой. Возьмемъ пѣснь 9-ую:

По небу
 Тучи громовыя ходятъ;
 По полю
 Пули турецкія свищутъ,—
 Молодцу-ль
 Грома и пули бояться?
 Что же онъ
 Голову клонитъ да плачетъ?
 Бѣдному
 Жаль не себя, горемыки,—
 Жаль ему
 Душечки красной дѣвицы!
 Дѣвушку
 Грозный отецъ принуждаетъ,
 Красную
 Жалобно матушка молить:
 Дитяtko,
 Выдь за богатаго замужь!
 Милое,
 Выдь! и не вспомнишь солдата.

Ходъ мысли въ этой пѣснѣ вполне логиченъ. Въ средней части—объясненіе начала, въ концѣ—объясненіе второй части. Въ этой безошибочной логичности идей и построения пѣсенъ Дельвига таится еще одно подтвержденіе ихъ ненародности. Русская народная пѣсня прежде всего логически и формально беззаконна. Ни мысль ея, ни ея образы не подчинены логической закономѣрности. Фантазія первобытнаго пѣснопѣвца подчинялась лишь властному требованію своей творческой интуиціи, не заботясь о логикѣ и стройности. Поэтому появленіе нѣкоторыхъ образовъ пѣсни не оправдано, они неожиданно какъ бы прерываютъ предыдущій ходъ мысли. Отъ этого вся русская пѣсня пріобрѣтаетъ характеръ нестройности и ничѣмъ не стѣсненной свободы творческаго изобрѣтенія, такъ что къ ней не примѣнимы мѣрки какого либо правильнаго построения.—

Не спала то я младешенька, не дремала,
 Я ни думала, младешепька, ни гадала,
 Съ правой ручки яснаго сокола опустила;

Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу
 Выше лѣсу, выше зеленой дубравы!
 Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,
 Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;
 По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,
 Во звончатые онъ гусельки играетъ,
 Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
 Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
 Наживай себѣ друга милого, иного.
 Буде лучше меня найдешь—позабудешь;
 Буде хуже найдешь—вспомынешь,
 Вспомынувъ меня, душа моя, заплачешь.¹⁾

Что же даетъ русской народной пѣснѣ ея художественное равновѣсіе? Въ чемъ заключается то эстетическое впечатлѣніе, которое она несомнѣнно производитъ? Конечно, не въ правильности, теоретически оправданной, а лишь въ скрытыхъ законахъ творчества, въ тайной закономерности слѣдованія поэгическихъ образовъ. Въ русской пѣснѣ, созданной интуитивно, вполне непосредственно, пѣть и не можетъ быть никакой разсудочности, никакой риторичности. Народный опытъ, выразившійся въ пословицахъ, никогда не нарушаетъ чистаго лиризма народной пѣсни. Элементы логическіе, какъ выводъ, доказательство; и дидактическія, какъ поученіе, мораль, отсутствуютъ въ народной лирической пѣснѣ. Разсудокъ мало принималъ участія въ созданіи народной пѣсни, уступая мѣсто чувству и творческой непосредственности. Пѣсни Дельвига цестрятъ мѣстами, вполне противорѣчащими народной непосредственности. Въ пѣснѣ 10 Дельвига находимъ такое глубоко разсудочное заключеніе:

„Любовь милого дороже изумруда
 Любовь милого дороже всего свѣта“...

или въ п. 6.

„Свѣжій запахъ каждой травки полевой
 Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой“.

Если изъ осторожности можно сомнѣваться въ преобладающей нелогичности и беззаконности русской пѣсни, то въ ея метрической беззаконности сомнѣнья быть не можетъ. При изслѣдованіи метровъ народной пѣсни слѣдуетъ прежде всего помнить, что русская пѣсня никогда не произносится безъ мелодіи, безъ пѣнія.

Въ русской народной пѣснѣ слова не подчиняютъ себѣ мелодіи; они являются съ нею въ сліяніи, чаще даже опредѣляются мелодіей.

¹⁾ Въ этой пѣснѣ нѣкоторые образы появляются вполне неожиданно. Пѣсня эта не связана въ своихъ частяхъ и не закончена.

Подчиняясь свободной мелодіи, метръ пѣсни уже не подчиняется какому нибудь принципу стихосложенія, и въ этомъ смыслѣ неурегулированный стихъ народной пѣсни было бы всего правильнѣе назвать свободнымъ стихомъ, въ отдѣльныхъ строкахъ котораго преобладаетъ тотъ или иной размѣръ.¹⁾

Какъ же разрѣшилъ Дельвигъ задачу метра русской пѣсни? Метры, коими писаны стихи поэта, несомнѣнно заимствованы изъ народной лирики, тѣмъ болѣе, что иногда авторъ прямо подражалъ опредѣленному образцу, какъ въ пѣснѣ:

„Скучно дѣвушка въ весною жить одной“

„Голова ль моя головушка“ написана стихомъ, очень распространеннымъ въ 800-ыхъ годахъ, такъ называемымъ стихомъ „русскимъ“, употреблявшимся больше для произведеній эпическихъ, между прочимъ, еще и Херасковымъ. Дельвигъ отдаетъ очевидное предпочтеніе краткимъ размѣрамъ, которые онъ, вѣроятно, считалъ болѣе подходящимъ для русскихъ пѣсней; по крайней мѣрѣ извѣстно, что Дельвигъ находилъ непригоднымъ для русскаго стиля протяжный александрійскій стихъ. Лишь немногія пѣсни написаны однимъ и тѣмъ же размѣромъ, большинство представляютъ богатое метрическое разнообразіе. Рокковымъ недостаткомъ пѣсней Дельвига является то, что Дельвигъ совсѣмъ не принялъ во вниманіе неурегулированности русскаго пѣсеннаго стиха. Пѣсни поэта выдержаны въ опредѣленныхъ размѣрахъ съ педантическою правильностью. Дельвигъ какъ будто причесалъ всѣ шероховатости подлинной народной пѣсни, отчего пѣсни его утратили красоту свободы и непосредственности. Дельвигъ въ размѣрѣ своихъ пѣсней nihil recusat, nisi quod nihil recusat.²⁾ Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину (1830) говоритъ: „языку нашему надобно воли дать болѣе—разумѣется, сообразно съ духомъ его“.

Въ стихосложеніи народной пѣсни нерѣдки случаи, когда въ метрическо-правильномъ стихѣ иные слоги могутъ быть ударяемы и неударяемы, напр.,

¹⁾ Напр., пѣсни:

„Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Казанкѣ“,

стихи которой не уравниваются ни тонически, ни силлабически, ни метрически.

²⁾ Цыгановъ допускаетъ въ своихъ пѣсняхъ неправильности стиха, Мерзляковъ также, но дѣлаютъ это такъ рѣдко и боязливо, что даже трудно приписать этимъ случаямъ намѣренность.

„Подъ тобой ли подь рябѣнушкой,
Что не ма́къ цвѣтѣть, не трава́ ростѣть!“

Дельви́гъ тонко замѣтилъ эту особенность и пользуется ею съ большимъ мастерствомъ:

„Отъ лихой же разлѣчницы,
Отъ лукавой указчицы,
На воротахъ замо́къ висѣтъ,
Въ подворотеньку пѣсь глядѣть!“ (7)

Не меньшее искусство выказалъ Дельви́гъ и въ пользованіи риемой. Въ пѣснѣ народной риемы иногда случаются, но, по счастливому выраженію Востокова „риемы, нечаянно родившіяся“ (надо замѣтить, что старинные теоретики народнаго стихосложенія, напр. Болховитиновъ и Востоковъ высказывали взгляды весьма основательные и по поводу свободы сгixa, и по поводу риемоупотребленія). Риемы въ пѣсняхъ Дельвига именно носятъ случайный характеръ, какъ напримѣръ въ приведенныхъ уже строкахъ:

„На воротахъ замо́къ висѣтъ,
Въ подворотеньку пѣсь глядѣть!“

или въ пѣснѣ 11-ой:

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной
Собирался пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали.

Исключеніемъ являются только три цѣликама сриемованныя пѣсни.¹⁾ Удачно пользуется Дельви́гъ и ассонансами, столь характерными для народной поэзіи вообще. Напр. въ пѣснѣ 7-ой:

„У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка“.

или въ пѣснѣ 11-ой:

„Не сидѣть же все дѣвцей,
Безъ любви и безъ радости,
До ворчунн ль до старости“.

Такимъ образомъ пѣсни Дельвига и съ точки зрѣнія узко-формальной народны въ подробностяхъ и не народны въ главномъ, т. е. въ

¹⁾ 6, 12 и 13-ая.

построеніи и въ метрѣ, такъ же, какъ и въ стилѣ, гдѣ чисто-народныя стилистическія мелочи украшаютъ ложную сущность.

Народность пѣсень барона Дельвига—характера внѣшняго. Подъ псевдо-народной оболочкой въ нихъ не чувствуется подлинности, не чувствуется народной души. Нѣтъ въ нихъ простой русской природы, нѣтъ духа глубокой древности, нѣтъ простого и чистаго эротизма. Этому впечатлѣнію дальности отъ русской народной жизни и чувствованій не можетъ помочь искусное владѣніе нѣкоторыми приѣмами народно-поэтическаго творчества. При всей любви и уваженіи къ дарованію Дельвига приходится согласиться съ суровымъ, но мѣткимъ мнѣніемъ Бѣлинскаго, что русскаго въ пѣсняхъ Дельвига—только слова. Слѣдуетъ замѣтить, что пѣсни Дельвига не совсѣмъ одинаковаго достоинства, смотря по времени написанія. Можетъ быть, при болѣе долгой жизни они могли бы развиться и въ болѣе совершенные образцы.

Многія изъ пѣсень Дельвига останутся навсегда прелестными и непритязательными пьесами, исполненными изящныхъ чувствъ, заключенныхъ въ благородную форму; но для того, чтобы пѣсни Дельвига могли казаться пріятными, нужно неминуемо отвлечься отъ ихъ притязаній на народность. Однако при всей ихъ ненародности, пѣсни Дельвига были, дѣйствительно, явленіемъ важнымъ для эпохи, т. к. они знаменовали собой значительный успѣхъ въ ряду многочисленныхъ эстетико-подражательныхъ пѣсень. Не говоря уже о томъ, что сентиментальныя пѣсенки Дмитріева не идутъ съ ними ни въ какое сравненіе, и прославленные пѣсни Мерзлякова во многихъ отношеніяхъ уступаютъ имъ.

Но какими блѣдными и безжалостно искусственными кажутся пѣсни Дельвига передъ пѣснями Цыганова и Кольцова! Причина этому кроется въ основаніяхъ болѣе глубокихъ. Къ народноподражательной пѣснѣ можно подойти двоякимъ путемъ. Первый путь тотъ, которымъ шли поэты, ставившіе себѣ технико-эстетическую задачу, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Дельвигъ и Пушкинъ. Другой путь—непосредственнаго творчества безъ предварительной намѣренности, путь близкій къ истинному непосредственному народному творчеству. Такимъ путемъ къ народной пѣснѣ подошли Цыгановъ и нѣсколько позже Кольцовъ. Оба эти поэта происходили изъ народа и были чисты отъ долголѣтняго вліянія цивилизаціи, вліянія пагубнаго для способности непосредственнаго выраженія. Пѣсни Цыганова, который былъ современникомъ Дельвига, кореннымъ образомъ отличались отъ пѣсень послѣдняго, почему сравненіе этихъ двухъ поэтовъ должно быть проводимо чрезвы-

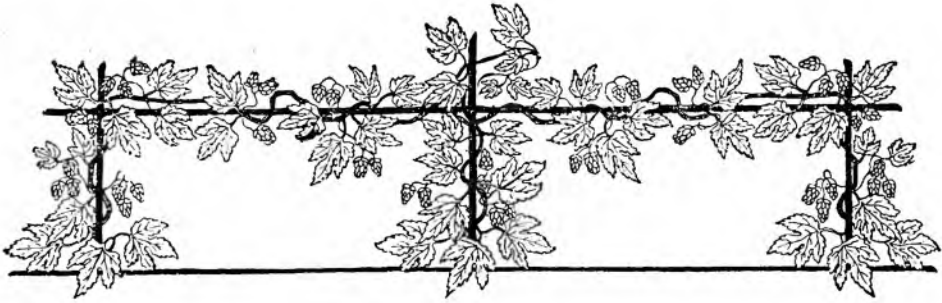
чайво осторожно. У Дельвига ложная сущность, почти совершенная выѣшность, у Цыганова при чрезвычайно неровной выѣшности—подлинно-народная сущность. Оцѣнка эстетическаго подражателя должна быть значительно строже, нежели оцѣнка такого непосредственнаго пѣвца, какимъ былъ Цыгановъ. Цыганову простительныя многіе lapsus'ы, многіе недостатки за эту чисто народную непосредственность. Цыгановъ былъ по справедливости оцѣненъ и критикой, и народомъ. Пѣсни Цыганова поются много, музыка къ нимъ давно затеряла своихъ авторовъ, но еще и теперь врядъ ли найдется въ Россіи человекъ, который не зналъ бы пѣсни: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“. Нѣсколько позже Кольцовъ, тоже народный пѣвецъ, но пѣвецъ болѣе сильнаго дарованія, къ тому же воспитавшій свой геній на стихъ Пушкина, довелъ народно-подражательную пѣсню до высокаго совершенства. И Цыгановъ, и Кольцовъ пѣли свои пѣсни, Кольцовъ даже сочинялъ ихъ, напѣвая. Ихъ творчество даже съ трудомъ можетъ быть названо творчествомъ подражательнымъ.

Подготовка отъ природы, прирожденная слитность съ народной душой значительно облегчаетъ созданіе пѣсни въ народномъ стилѣ; что для поэта ненароднаго по духу представляетъ трудно разрѣшимую эстетическую задачу, то поэтомъ-пѣвцомъ можетъ быть почувствовано и воплощено безъ труда. Поэтъ—эстетическій подражатель долженъ разрѣшить множество такихъ задачъ: общее настроеніе, мотивы, образы, языкъ, форма—все это представляетъ почти непреодолимыя трудности. При такихъ трудностяхъ возможна ли и вообще искусственная подражательная пѣсня?

Отвѣтъ на это сомнѣніе—въ пѣсняхъ Пушкина, которыя и самъ Кирѣевскій не умѣлъ отличить отъ подлинныхъ народныхъ пѣсень. Но для достиженія такого идеальнаго подобія народной лирики въ пѣснѣ эстетико-подражательной нужна была гениальная интуиція Пушкина, позволявшая ему съ божественной легкостью перевоплощаться. Пушкинъ создалъ неподражаемые образцы псевдонародной поэзіи и сравнительно съ нимъ Дельвигу принадлежитъ хотя и почетное, но мало видное мѣсто. И здѣсь, какъ и всегда, скромное дарованіе Дельвига затѣнено гениемъ его великаго друга.

Сергій Шервинскій.

КАЛМЫКИ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ТУРЦІЕЙ

(Къ исторіи турецкихъ интригъ на Кавказѣ).

I. Изъ-за Салтанаульцевъ.

Съ самыхъ первыхъ дней нашего водворенія въ сѣверной части Кавказскаго перешейка послѣ покоренія Астрахани, правительство Порты Оттоманской постоянно домогалось распространить свое властное вліяніе на русскихъ подданныхъ магометанскаго закона даже тѣхъ, которые никогда не были подчинены Турціи и не признавали главенства стамбульскаго халифата. Особенно старалось оно оказать давленіе на такъ называемыхъ Салтанаульскихъ Татаръ, извѣстныхъ подъ именемъ Малаго Ногай, и обитавшихъ въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта Черкесъ и Кабардинцевъ¹⁾.

Судя по „доношенію“ коллегіи иностр. дѣлъ сенату 28 Мая 1774 г., Ногайцы „издревле кочевали при Волгѣ въ подчиненіи астраханскаго хана“ и въ 1552 г. изъявили желаніе принять русское подданство, но потомъ во время Разинскаго возмущенія 1670 года, откочевали на Терекъ, а оттуда въ 1696 г. перешли на Кубань и „поддались хану крымскому“²⁾.

¹⁾ Кабардинцы, тѣ же Черкесы, составляющіе отрасль племени „Адые“, извѣстную нашимъ отдаленнымъ предкамъ подъ именемъ „Коголовъ“ („И Византію громили и съ Коголовъ брали дань“), которыхъ арабскіе писатели называли „Кешакъ“.

²⁾ Въ книгѣ Г. А. Ткачева „Гребенск., Терк. и Кизлярск. казаки“, стр. 32, поясняется безъ указанія источниковъ, что Малымъ Ногаемъ назывались „Казыевы улусы“, кочевавшіе на Кубани до Кумы и Маничей. Между тѣмъ, какъ видно по документамъ Москов. архива Иностр. дѣлъ, Казыевы улусы существовали еще въ 1569 г., когда Ногайцы и не помышляли уходить съ береговъ Волги. Въ книгѣ интересна еще такая подробность, будто въ 1633 году улусы эти громили Гребенск. и Терскіе (?) казаки съ терскимъ воеводою Турениновымъ, а ниже авторъ добавляетъ, что послѣдній умеръ до начала похода.

Благодаря этому, численность Закубанскихъ и Казыевскихъ Татаръ удвоилась, что дало возможность кубанскому сераскиру и крымскому хану усилить раззорительные набѣги на сосѣдніе черкесскія племена, считавшіяся со временъ Іоанна Грознаго въ русскомъ подданствѣ¹⁾).

Въ 1688 г. сераскиръ Казы-Гирей съ огромной ратью не только прошелъ всю кабардинскую землю, но достигъ Терека и уничтожилъ городки тамошнихъ казаковъ. Черезъ 20 лѣтъ набѣгъ повторился, Крымцы подъ начальствомъ сераскира Эштекъ-Каипъ-Салтана дошли даже до Каспія.

Вслѣдствіе этого, обѣ Кабарды, Большая и Малая, были порабощены Крымцами, князья ихъ обезличены, державшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіанства народъ принужденъ былъ перейти въ магометанство, а исповѣдовавшіе язычество безпрекословно подчинились фанатическому ученію ислама. Правда, въ 1721 г. астраханскій губернаторъ А. П. Волинскій²⁾ добился того, что области эти признали надъ собой власть русскаго императора, но за невозможностью, по недостатку пограничныхъ войскъ, защищать ихъ отъ татарскихъ набѣговъ, Петру Великому пришлось въ 1722 г. отказаться отъ этой мысли и въ договорѣ съ Турціей признать ихъ нейтральными.

Въ 1736 году открылась война съ Портой. Для нанесенія ей удара со стороны Кавказа были посланы на Кубань Калмыки съ Донскими казаками подъ начальствомъ хана Дондука-Омбо и войсковаго атамана Данилы Ефремова³⁾. Имъ удалось отбить отъ Кубанцевъ салтанавльскихъ Татаръ, изъ коихъ „военныхъ людей болѣе 10 тыс. человекъ собиралось“. Они снова приняли русскаго подданство, ихъ перевели кочевать на прежнія мѣста между Терекомъ и Кумой, и

¹⁾ Пятигорскіе Черкесы подчинились Россіи въ 1552 г., Кабардинцы—въ 1557 г.

²⁾ „Царскій адъютантъ“, полковникъ, Артемій Петровичъ Волинскій, былъ первымъ астрах. губернаторомъ, послѣ отдѣленія вновь заведенной области отъ губерніи Казанской въ Іюнь 1719 г., и правилъ краемъ до конца 1724 г.

³⁾ Терскій „историкъ“ Г. А. Ткачевъ увѣряетъ (въ своей брошюрѣ „Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки“, 1911, стр. 204), безъ указанія источника, будто въ этомъ походѣ находилось по предписанію фельдмаршала Миниха 500 гребенскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамановъ Ауки и Петрова. Въ главн. Москов. архивѣ м-ва иностр. дѣлъ (кабардин. корт. 1, № 1) есть точное указаніе, что 597 Гребенскихъ, Терскихъ и семейныхъ казаковъ были назначены въ походъ генераломъ Ласси, но на Кубань не дошли, вернулись съ дороги и никакого участія въ дѣлахъ съ Кубанцами вмѣстѣ съ Донцами и Калмыками не принимали.

„всѣ мурзы въ вѣрности учинили присяги и дали въ Кизлярскую крѣпость аманатовъ“¹⁾).

По договору съ Дондукомъ-Омбо, Ногайцы обизались, согласно прежнему обыкновению, платить Калмыкамъ дань по одной скотинѣ съ семьи. Но эта подать тяжело отзывалась на бѣдномъ классѣ населенія, почему въ 1738 году 700 кибитокъ ихъ ушло на Кубань, да „и о прочихъ имѣлось подозрѣніе“. Чтобы удержать послѣднихъ, Дондукъ просилъ коллегію иностр. дѣлъ перевести ихъ за Терекъ или въ другое какое мѣсто и, по указу Петра Великаго отъ 16 Апрѣля 1724 года, отдать ихъ въ полное распоряженіе Калмыковъ. Опасаясь, что они соединятся съ живущими на той сторонѣ этой рѣки горцами, „кои суть однозаконцы ихъ, мухамедане“, кабинетъ министровъ указалъ имъ мѣсто въ Терекскихъ устьяхъ за р. Кизляромъ, предписавъ взять въ Астрахань до 50 аманатовъ изъ лучшихъ мурзинскихъ дѣтей. Въ то же время находившемуся при калмыкахъ капитану гвардіи Андреяну Лопухину поручено было сказать „подъ рукою“ хану, чтобъ онъ, „разобравъ Ногайцевъ, раздѣлилъ ихъ по калмыцкимъ улусамъ“, для чего ему была обѣщана помощь казачьими войсками.²⁾

Требованіе правительства Дондукъ охотно вызвался исполнить и въ 1739 году вошелъ въ соглашеніе съ Донскимъ атаманомъ Данилой Ефремовымъ—„поймать знатныхъ салтанаульцевъ, половину отдать подъ охраненіе Россіянамъ, а другихъ умертвить и улусы ихъ перевести на Волгу или за Кизляръ“, „къ чему было назначено и время“. Но тутъ произошло такое обстоятельство, которое разомъ перемѣнило намѣренія Дондука, чему отчасти было виною и русское правительство.

Во время своего бѣгства въ 1732 г. на Кубань, вслѣдствіе происходившихъ въ Калмыцкомъ народѣ волненій послѣ смерти хана Аюки, Дондукъ-Омбо, желая, видимо, прекратить всякія съ своей родиной сношенія, развелся съ своею женою, Калмычкою Соломъ и женился на дочери главнаго кабардинскаго владѣльца (князя) Магомета Коргокина, по имени Джанъ. Когда въ 1735 г. правительство вызвало его въ русскіе предѣлы, чтобы вручить ему управленіе калмыцкимъ народомъ,—послѣдняя прибыла съ нимъ на Волгу. Послѣ

1) Т. е. заложниковъ.

2) Въ указѣ этомъ говорилось: „калмыцкимъ владѣльцамъ ушедшихъ отъ нихъ Татаръ, когда оныя будутъ возвращены цѣлыми улусами, какъ то напередъ сего бывало, не держать, но раздѣлить всѣхъ врознь по калмыцкимъ улусамъ“ (Астрах. архивъ, см. вышеуказан. доношенія кол. иностр. дѣлъ).

удачнаго въ 1736 г. Кубанскаго похода, значеніе и власть Дондука упрочились: въ 1738 г. правительство признало его „дѣйствительнымъ ханомъ“,—желая обезпечить себѣ положеніе въ будущемъ и укрѣпить за своими малолѣтними дѣтьми право на наслѣдованіе ханства послѣ престарѣлаго мужа,—молодая жена стала интриговать противъ своего пасынка Галданъ-Норбо, рожденнаго отъ Соломъ. Между отцомъ и сыномъ въ томъ же году она поселила „явную вражду“. Чтобы прекратить начавшееся смятеніе, императрица повелѣла схватить Галдана и отправила его въ заточеніе, по дорогѣ куда онъ умеръ¹⁾.

Послѣ этого Джалъ совѣмъ овладѣла умомъ Дондука, заставивъ его отказаться отъ мысли завладѣть родственными салтанаульцами, за сына главнаго Мусы-мурзы которыхъ въ томъ же 1739 году вышла замужъ ея сестра. Убѣждаемый кабардинскими родичами, дѣйствовавшими по наущенію турецкимъ эмиссаровъ, Омбо оставилъ ихъ кочевать при Терекѣ, поручивъ „смотрѣніе“ надъ ними „шурьямъ“ своимъ Магомету Каргокину съ братьями, и только для отвода глазъ предъ пограничными русскими властями, были взяты „у бывшихъ тогда въ подозрѣніи“ ногайскихъ мурзь Марсура и Арсанбека двое сыновей въ аманаты. Но и они, воспользовавшись разразившимися въ слѣдующемъ году среди Калмыковъ послѣ смерти хана волненіями, покинули отдачныхъ въ Кизляръ заложниками дѣтей и въ ста кибиткахъ ушли на Кубань²⁾.

Несмотря на всѣ пущенныя въ ходъ интриги, вдовѣ Джанъ не удалось завладѣть ханскимъ престоломъ. Жадные къ властолюбію таедши (владѣльцы) и ной-оны (князья) не согласились признать законными наслѣдниками дѣтей ея, выставляя претендентомъ на ханское достоинство старшаго сына Галдана Цебекъ-Доржу. „яко впука хана Дондукъ-Омбо“. Междоусобія дошли до такихъ размѣровъ, что 700 кибитокъ изъ рода Тюмугъ ушли за границу. Для прекращенія безпорядковъ какъ среди Калмыковъ, такъ и между салтанаульцами императрица Елисавета Петровна „прислала тайнаго совѣтника Татищева“³⁾, а для управленія калмыцкимъ народомъ. въ томъ же 1741 г.,

¹⁾ Изъ письма астрах. губернатора Ив. Сем. Захарова генераль-прокурору А. А. Беклемишву отъ 30 Ноября 1799 г. (дѣло Астрахан. архива, № 268).—Послѣ Галдана остались три сына: Цебекъ-Доржи, Киришъ и Аксагалъ.

²⁾ Годъ кончины обозначается разнo: въ донесеніи коллегіи иност. дѣлъ 28 Мая 1744 г. показывается 1740-й, въ письмѣ Захарова 1741-й.

³⁾ Василій Никитичъ Татищевъ (отецъ русской исторіи) началъ свою службу еще при Петрѣ I. Своей энергичной дѣятельностью особенно прославился онъ во время управленія Екатеринбургскими казенными заводами (1734—37), благодаря чему, послѣ смерти

былъ опредѣленъ намѣстникомъ ханства внукомъ перваго хана Аюки-Дондукъ-Даша. Интриговавшую же Джанъ, по высочайшему повелѣнію, отправили въ 1743 году въ Петроградъ, гдѣ она и воспріяла крещеніе подъ именемъ Вѣры, съ двумя дѣтьми Іоной и Алексѣемъ, ставшими потомъ родоначальниками извѣстной въ Россіи фамиліи князей Дондуковыхъ.

Къ салтанаульцамъ правительство командировало подполковника Карла Цейнера, который обнадежилъ ихъ освобожденіемъ отъ даваемой Калмыкамъ подати и склонилъ къ тому, что въ 1742 году мурзы прислали къ нашему двору депутатовъ съ прошеніями о подданствѣ. Вслѣдствіе этого, указанному офицеру повелѣно состоять при нихъ „для лучшаго въ вѣрности содержанія и примѣчанія поступковъ ихъ“, а губернатору Татищеву посланъ указъ, чтобы „черезъ Магомета Коргокина, братьевъ его и другимъ удобовозможнымъ способомъ“ старался онъ „тотъ салтанаульскій народъ поселить и утвердить въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества“.

Въ противномъ случаѣ требовалось насильно перевести ихъ за Кизляръ или къ Астрахани на Волгу, взять „довольное число аманатовъ“ и, разобравъ по калмыцкимъ улусамъ, „раззорить и разграбить“, лишь бы не допустить „до принадлежащихъ къ Кубани земель“. Для приведенія этого плана въ „дѣйствіе“, предполагалось „употребить Донскихъ и Терскихъ казаковъ“ съ калмыцкимъ войскомъ, ради чего были заготовлены „въ запасъ“ указы астраханскому губернатору, намѣстнику ханства Калмыцкаго и донскому войсковому атаману.

Однако, несмотря на всѣ прилагаемыя мѣстными властями старанія, затѣя эта не удалась, вслѣдствіе интригъ со стороны Кабардинскихъ князей и „подзывать“ отъ Кубанскихъ султановъ, дѣйствовавшихъ согласно съ видами турецкаго правительства. Уговорившись съ владѣльцемъ Кабарды Арсланбекомъ Койтокинымъ, старшій Мусамурза „съ прочими“ оставили содержащихся въ Кизлярѣ аманатчиковъ и 29 Сентября 1742 г. бѣжали за Кубань. Въ предѣлахъ Кабардинскихъ осталось не больше 30 ауловъ, да и тѣ намѣревались при удобномъ случаѣ скрыться туда же.

ст. с. Кириллова, его назначили (10 Мая 1737 г.) командиромъ Оренбургской комиссіи, однако, подавить башкирское возстаніе (начавшееся еще въ 1735 г.) ему не удалось. Въ 1739 году среди Башкиръ появился самозванецъ Карасакаль, выдававшій себя за брата Зюнгорскаго (Калмыцкаго) хана Гайданъ-Чирина (по видимому, вышелоказаннаго Гаддана-Норбо), почему на мѣсто Татищева былъ присланъ ген.-лейт. кн. Урусовъ. Назначенный въ 1741 г. астрах. губернаторомъ В. Н. управлялъ краемъ до 1745 года.

Правительство русское лишено было возможности принять какія либо принудительныя мѣры для обузданія такихъ дѣйствій кабардинскихъ князей, такъ какъ, согласно заключенному съ Турціей 18 Сентября 1739 г. Бѣлградскому трактату, объ Кабарды и весь кабардинскій народъ были признаны вольными и неподчиненными ни Портѣ Оттоманской, ни Россіи, „служба, какъ бы барьеромъ“ между обѣими имперіями. И хотя, „по древнему обыкновенію, для спокойнаго ихъ пребыванія“, положено было „содержать отъ нихъ аманатовъ“ тамъ и здѣсь, а въ случаѣ обнаруженія причинъ къ неудовольствію, наказывать каждой изъ договорившихся сторонъ, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не соблюдалось. Турція свободно чинила надъ поступками кабардинцевъ крутыя расправы чрезъ Кубанскаго сераскира или Крымскаго хана. Тогда какъ Россія для наказанія виновныхъ должна была сноситься съ Портой, всегда елико возможно обѣявшей своихъ единовѣрцевъ.

Для захвата Ногайцевъ весною 1743 года были посланы въ Кабарду Калмыки и казаки, которые перевели ихъ къ устьямъ Терека, но они и оттуда продолжали дѣлать за Кубань побѣги. Пришлось перегнать ихъ на Волгу, гдѣ 2809 человекъ изъ нихъ отдали для распредѣленія по калмыцкимъ улусамъ, 1162—удержали при Астрахани, а 126 дѣтей раздали разнымъ людямъ „въ службу“.

14 Января 1744 г. Коллегія иностр. дѣлъ предписала Татищеву отправить ихъ въ Казанскую губернію для поселенія мурзь и знатныхъ старшинъ при Казани въ Татарской слободѣ съ надѣленіемъ, „буде есть, порожими землями“, а прочихъ всѣхъ раздать на нагорной сторонѣ Волги въ Свіяжскомъ уѣздѣ по деревнямъ тамошнимъ татарскимъ мурзамъ въ вѣчное владѣніе. „И для того.—указывалось,—отправить изъ Астрахани до Царицына людей въ судахъ водянымъ путемъ съ пристойнымъ конвоемъ, а скотъ съ нѣсколькими ихъ служителями и безопаснымъ конвоемъ—сухимъ путемъ. А отъ Царицына отправить ихъ и скоты при нихъ до Свіяжска по Нагорной сторонѣ съ крѣпкимъ конвоемъ“.

В. И. Татищеву было предложено „учинить распредѣленіе“, сколько изъ нихъ могло прожить въ Казани, безъ надѣленія „землями, ежели тамъ порожнихъ не сыщется“, и сколько раздать свіяжскимъ мурзамъ. Тѣхъ изъ „разданныхъ“ ребятъ, которые еще не крещены, отдать отцамъ и матерямъ; крещенныхъ же и тѣхъ, которые, „за отдачею ихъ отцовъ и матерей Калмыкамъ“, оспротѣли, мужескаго пола взрослыхъ опредѣлить въ солдаты въ Архангелогородскій и Рижскій гарни-

зоны, а малолѣтнихъ отослать туда же въ солдатскія школы. „Дѣвокъ крещенныхъ раздать тамошнимъ (очевидно, астраханскимъ) офицерамъ и дворянамъ, которые суть російскаго закона, а иновѣрцамъ, яко то: Армянамъ и другимъ, никому не отдавать“.

16 Марта губернаторъ доставилъ въ коллегію иностр. дѣлъ „вѣдомость“, по которой было назначено въ Казанскую Татарскую слободу мурзъ „съ фамиліями“ муж. пола 33, женс. 37, служителей ихъ муж. 40, жен. п. 39; старшинъ муж. 201, жен. 57, служителей при нихъ муж. 30, жен. 36, а всего 568 чел.; для раздачи свѣжцамъ: мурзинскихъ и старшинскихъ служителей муж. п. 128, жен. 133, аульныхъ людей муж. 152, жен. 138, итого 280 мужч. и 271 женщ., а всѣхъ 1119 челов. „Да ребятъ, отцы и матери которыхъ отданы Калмыкамъ“, опредѣлилъ онъ въ солдаты 30 и въ школу 43 челов. Но сколько подлежало къ раздачѣ „дѣвокъ“, о томъ почему то не было доставлено свѣдѣній. Коллегія согласилась съ этимъ распредѣленіемъ и вошла съ „доношеніемъ“ въ сенатъ объ приведеніи въ исполненіе проектированной мѣры.

II. Изъ-за Кабардинцевъ.

Послѣ этого, Закубанскія орды и Кабардинцы, какъ будто при-
смирѣли и долгое время не дѣлали нашимъ пограничнымъ поселеніямъ
предерзостей. Напротивъ нѣкоторые изъ послѣднихъ просили даже
русское правительство, для лучшаго обращенія горцевъ въ христиан-
ство, построить близъ ихъ владѣній, на лѣвомъ берегу Терека, въ
урочищѣ Моздогу (т. е. дремучій лѣсъ), укрѣпленное селеніе. И того
же года, 17 Юля, князь Малой Кабарды Коргока Кончокинъ принялъ
въ Кизлярѣ православную вѣру съ именемъ Андрея Ивановича, а 9
Сентября крестились: его жена Коншофа, подъ именемъ Вѣры, дочери
Надежда и Любовь, сынъ Николай, сестра Александра и одинъ Черке-
шенякъ, которые первыми основались на отведенномъ мѣстѣ. Въ те-
ченіе посѣдующихъ лѣтъ къ нимъ присоединились девять крещеныхъ
Осетинъ п 7-мъ Осетинокъ, 2 грузинскихъ священника съ 89 м. и
и 65 ж. пола одноплеменниками и Армяне: 1 священникъ съ 26 при-
хожанами муж. п. и 29 ж. пола. Тогда правительство рѣшило по-
строить тутъ крѣпость для защиты вновь поселяемыхъ и огражденія отъ
кубанскихъ и горскихъ набѣговъ другихъ пограничныхъ русскихъ
селеній.

Распоряженіе это, однако, не понравилось прочимъ владѣльцамъ
Кабарды и особенно турецкому правительству, узнавшему откуда то,

что, кромѣ Моздокскаго, Россія строитъ еще три укрѣпленія „по край кабардинскихъ владѣній“. Нашему резиденту въ Константинополѣ было предъявлено настойчивое требованіе объ уничтоженіи этихъ крѣпостей, угрожая въ противномъ случаѣ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Дѣйствительно, въ Іюнь 1765 года кубанскій Мурза Цокуръ-Аджи Росланбекомъ съ 4 тысячной партіей появился на р. Кумѣ. намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Моздокъ, Кизляръ и Казачьи городки по Тереку. Къ нимъ присоединились Кабардинцы. Но попытка эта не удалась. Высланные 6000 казаковъ съ Дона, столько же Калмыковъ и 500 волжскихъ казаковъ не позволили имъ произвести разореній ни въ этомъ, ни въ послѣдующихъ годахъ¹⁾.

Кубанская орда отхлынула. Но Кабардинцы не унимались. 10 Мая 1765 г. Кизлярскій комендантъ Потаповъ доносилъ военной коллегіи, что, по случаю заведенія поселенія въ Моздокъ, они намѣреваются переселиться на Кубань по близости ногайскихъ жилищъ²⁾ и, сообщившись съ тамошними мурзами, начинаютъ дѣлать въ російскія границы злодѣйскіе побѣги. Одна изъ ихъ партій, соединившись съ темиргойцами, въ Апрѣлѣ, выше Моздока, на урочищѣ Ерашты въ Ханжинскомъ куту, побила шестерыхъ гребенскихъ казаковъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и настойчивѣе предъявляли они къ Россіи разныя требованія въ полной надеждѣ, что порта оттоманская поддержитъ ихъ домогательства и угрозами принудитъ русское правительство исполнить таковыя. И на самомъ дѣлѣ, большинство кабардинскихъ притязаній, какъ ни странно, выполнялось нами, ради поддержанія добрососѣдскихъ отношеній съ Турціей. Но такая миролюбивая политика веда лишь къ вреду и большому нашему униженію, ибо горскія племена, видя уступчивость русскихъ властей, еще злѣе и наглѣе обижали пограничныхъ поселенцевъ, нанося имъ постоянные уруны захвагомъ людей, скота и лучшихъ пахотныхъ и пастбищныхъ мѣстъ. Незадолго до войны съ Турціей Кабардинцы плѣнили 14 донскихъ, гребенскихъ и кизлярскихъ казаковъ и отогнали 75 казачьихъ коней.

Свои притязанія объ уничтоженіи Моздокскаго селенія объявляли они тѣмъ, что туда скрываются бѣжавшіе отъ нихъ холопы и подлые люди, а также находятъ тамъ пріютъ принимающіе христіанскую вѣру Осетницы и Ингуши, кои издавна ихъ подданными состояли.

¹⁾ Астрах. архивъ дѣла №№ 594 и 597 за 1765 г.

²⁾ Тѣхъ самыхъ салтанавльскихъ Татаръ, которые бѣжали туда изъ ихъ предѣловъ въ 1741—42 г.

Однако, вмѣсто того, чтобы обуздать ихъ наглые поступки, правительство наше старалось ихъ обнадеживать. При первыхъ признакахъ войны, коллегія иностр. дѣлъ предписывала (26 Октября 1768 года) кизлярскому коменданту Потапову взять мѣры, дабы Кабардинцы „не пристали къ противной сторонѣ“. „Когда же война точно разрѣшилась“, то другимъ указомъ отъ 16 Ноября было предложено ему „употребить стараніе отторгнуть и горскихъ жителей, зарѣкою Кубанью живущихъ, для ослабленія непріятельскихъ силъ отъ сообщества съ кубаяскими Татарами и преклонить ихъ въ здѣшнее подданство, представляя имъ разныя выгоды, какихъ они, будучи въ подчиненіи хановъ Крымскихъ, никогда имѣть не могутъ“¹⁾.

Для этого рекомендовалось дѣлать имъ „всяческія приласканія“. Но горцы и безъ того чувствовали свое положеніе не совѣмъ прочнымъ, по полученіи извѣстій о разрывѣ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портой, ибо, по прежнимъ примѣрамъ, знали хорошо, что Турція только въ мирное время храбрилась на словахъ, а на дѣлѣ, въ трудныя години, никогда не оказывала имъ помощи, заботясь лишь о защитѣ своихъ владѣній. Они понимали, что русское правительство не ограничится одной борьбой съ оттоманами, но постарается смирить и ихъ приспѣшниковъ.

Кабардинскіе владѣльцы послѣ этого сразу понизили тонъ. Вмѣсто требованія о возвратѣ принимаемыхъ въ Моздокѣ для крещенія холопей ихъ, они „искали (писаль 2 Декабря ген.-м. Потаповъ) быть по прежнему въ протекціи Ея И. В-ва“, прося только, чтобы природные ихъ люди Черкесы имъ возвращались, напротивъ того Армянь и Грузинцовъ, отъ нихъ такъ же бѣгающимъ, какъ природныхъ христіанъ, никогда не требуютъ, ровно какъ и изъ Кабардинцевъ каждому свободному человѣку вступать въ христіанской законъ отъ собственного произволенія и впредь зависѣть имѣть, въ чемъ сіи владѣльцы общаются и споровъ не дѣлать“²⁾.

Чтобы скорѣе добиться желаемого, они обратились къ заступничеству намѣстника ханства калмыцкаго Убашѣ³⁾, общая „съ вершинъ р. Кумы, куда удалились въ сосѣдство къ кубанскимъ Татарамъ“, назадъ перейти „на старыя мѣста къ рѣчкѣ Баксану и противъ непріятелей здѣшнихъ служить“ хотятъ.

¹⁾ Изъ указа коллегіи иностр. дѣлъ Потапову 11 Марта 1769 года.

²⁾ Ук. коллег. ин. д. Потапову 15 Января 1768 г.

³⁾ Сынъ Дондука-Даши, назначенный правителемъ Калмыцкаго народа послѣ смерти послѣдняго въ 1761 году.

Правительство русское понимало, конечно, откуда явилось у нихъ вдругъ такое доброжелательство, ибо до настоящаго момента „будучи удостовѣрены, что продолжавшимся между Всероссійской Имперіей и Портой Оттоманской трактатомъ наказаніе за продерзости зависѣло отъ обѣихъ дворовъ“, они держали себя высокомѣрно. Сомнѣнія нѣтъ, поясняла, коллегія иностр. дѣлъ Потапову, „нынѣшнее ихъ желаніе происходитъ не столько по склонности, сколько отъ заботы предварить угрожаемую имъ опасность, ибо они помнятъ, коль сильно въ послѣднюю войну Кубанцы отъ Калмыкъ поражаемы были, какого жребія нынѣ и себѣ ожидать имѣли бѣ, есть ли бѣ остались въ сообществѣ съ турецкими подданными“.

Признавая указомъ 15 Января 1769 г. лишеніе холопей для нихъ обстоятельствомъ тягостнымъ, тогда какъ „пользы для здѣшной стороны отъ такихъ подлыхъ и по большей части ни къ чему негодныхъ людей нѣтъ почти никакой“,—коллегія предложила Кизлярскому коменданту удостовѣрить ихъ въ милостивомъ Ея В-ва изволеніи на прошеніе ихъ, касающееся до бѣгающихъ отъ нихъ холопей, „выключая, однако-жъ, изъ того христіанъ природныхъ и тѣхъ, кои, будучи признаваемы добрыми людьми, похотятъ безкорыстно креститься, и наконецъ и для изясненія съ ними, что они будутъ дѣлать при настоящей войнѣ,— и въ чемъ поспособствовать нашей сторонѣ, отправить къ нимъ нарочнаго съ вашимъ письмомъ, которое вы такъ расположите, чтобы содержаніе оногo, хотя и въ увѣренныхъ изразеніяхъ, состояло, но отнюдь не льстило ихъ гордости, а напротивъ того долженствовали-бъ они единственно причитать оказанную имъ нынѣ милость природному Ея Императорскаго Величества великодушію и уваженію прежней изъ вѣрности. Но при томъ можете вы къ тѣмъ изъ нихъ, которые больше другихъ въ семь дѣлъ старались, послать отъ вашего имени нѣкоторые въ приласканіе подарки, по разсмотрѣнію вашему, и буде бы вздумали они одного изъ себя отправить сюда ко двору Ея Императорскаго Величества для толь лучшаго удостовѣренія и засвидѣтельствванія благородности своей,—вамъ надлежитъ немедленно его сюда отпустить, не дѣлая ни малѣйшаго затрудненія“.¹⁾

1) У. С. М. Соловьева (въ „Исторіи Россіи“ т. XXVIII, стр. 574) рассказываетъ, что „Кабардинцы начали покоряться“ послѣ побѣды Калмыковъ надъ Кубанцами въ Апрельѣ 1769 г., но какъ изъ этого указа, такъ изъ ниже приводимыхъ данныхъ явствуетъ, что свою покорность Россіи они заявили гораздо раньше.—Кстати сказать, у него нѣтъ никакихъ смылокъ на печатаемые впервые рескрипты и грамоты намѣстнику Убалѣ и генералу Медему.

Въ этихъ видахъ Потапову дано было знать, что война съ Турціей не только объявлена, но уже сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ войскъ на европейскую границу, подъ начальствомъ графа Румянцова, а „воинскій поискъ противъ Кубанскихъ народовъ“ препорученъ начальнику Кавказской линіи ген.-м. Медему, которому вмѣстѣ съ правителемъ Калмыцкаго народа были посланы слѣдующіе высочайшіе рескриптъ и грамота „по секрету“:

1.

„Божіею милостію мы Екатерина вторая, Императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

„Нашего Императорскаго величества вѣрноподданному намѣстнику ханства Калмыцкаго Убашѣ, прочимъ владѣльцамъ, судьямъ общенароднаго правительства, зайсангамъ и всему народу—Наша Императорская милость.

„Мы, великая Государыня, Наше Императорское Величество, дали уже тебѣ, Нашему вѣрному подданному, всевысочайшее повелѣніе, отъ 31-го Декабря минувшаго 1768-го года, о нарядѣ и объ отправленіи къ нашей арміи, имѣющей быть подъ командою генерала-аншефа графа Румянцова, двадцати тысячъ калмыцкаго войска, а настоящимъ указомъ повелѣвается: всѣми калмыцкими силами, сколько можетъ собраться за отправленіемъ онаго войска, дѣйствовать противъ живущихъ на Кубани и въ тамошнихъ горахъ турецкихъ подданныхъ, стараясь всякой вредъ имъ причинить, и не только обезсилить, но и вовсе истребить.

„Здѣсь не предписывается ни время, ни мѣсто, когда и откуда поиски начаты и съ лутчею удобностію производимы быть могутъ,—встрѣчающіяся обстоятельства, по полученіи сего Нашего великой Государыни указа, и неутомленное попеченіе, чтобы оными воспользоваться и чтобы укрыть отъ прежде-временнаго разглашенія пріемлемыя противъ непріятеля намѣренія, имѣютъ быть руководствомъ при такихъ предпріятіяхъ.

„Между тѣмъ, дабы ничего не оставить, что служить имѣетъ къ полученію желаемыхъ успѣховъ, то Калмыки, гдѣ нужда востребуется, подкрѣпляемы будутъ камандою регулярныхъ войскъ, пушками снабженнаго, а сверхъ того и казаками, подъ предводительствомъ нашего генерала маіора Медема, которой съ кизлярской стороны соединится съ калмыцкими войсками, коль скоро потребныя къ тому учинятся,

и съ которымъ мы, великая Государыня, Наше Императорское величество, повелѣваемъ тебѣ, нашему вѣрному подданному, во всѣмъ общія мѣры принимать и соглашаться. Сверхъ того и съ донской стороны Калмыки пособствуемы быть имѣютъ, по распоряженію онаго генерала маіора.

„Есть ли до отправленія къ нашей арміи двадцати тысячъ, слѣдовательно до наступленія весны, можно будетъ успѣть нѣкоторыя предпріятія въ разсужденіи турецкихъ подданныхъ, на Кубани живущихъ, произвести въ дѣйство, и употребленіе къ тому всѣхъ калмыцкихъ войскъ, въ томъ числѣ и тѣхъ двадцати тысячъ, которыя къ арміи нашей назначены, не воспрепятствуетъ,—однако жъ, нисколько благовременному сихъ послѣднихъ походу, объ отправленіи которыхъ безъ всякаго замедленія, по самой первой травѣ или и прежде; когда старою лошади съ начала прокормлены быть могутъ, и чрезъ сіе вновь наиточнѣйше подтверждается на то тебѣ, хотя дозволеніе и дается, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ послѣднее намѣреніе въ исполненіи перваго, то есть касающагося до отправленія къ арміи нашей повелѣннаго числа войскъ, отнюдь ни малѣйшей остановки не причинило.

„Во все продолженіе послѣдней между Нашею Имперіею и Портою Отоманскою войны, тогдашній ханъ Дондукъ-Омбо не переходилъ на луговую сторону, но весь калмыцкой народъ располагался на горной при Кумѣ рѣкѣ, около Дону, при водахъ и рѣчкахъ, въ степи протекающихъ, а иногда и въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, съ которыхъ прогонялъ кубанскихъ Татаръ,—а такимъ своимъ расположеніемъ, при нужной предосторожности, и находился въ состояніи всѣми случаями пользоваться къ учиненію непріятелю вреда съ удобностію и съ успѣхами, и препятствуемъ не былъ въ немедленномъ Калмыкъ и арміямъ отправленій. Сверхъ того пребываніе всего народа на Горной сторонѣ служило къ прикрытію лежащихъ по Волгѣ, Тереку и Дону рѣкамъ и Россійскихъ жилищъ.

„А какъ нужно и при настоящей войнѣ тѣ же виды имѣть и справедливо, чтобы наши подданные, одни другимъ, всѣмъ тѣмъ, сколько отъ которыхъ зависѣть можетъ, способствовали въ безопасности, особливо когда одни, то есть Калмыки, единственнымъ своимъ расположеніемъ жилища другихъ охранить могутъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя между тѣмъ въ службѣ нашей упражнены будутъ, а сами они не только въ порученныхъ и имъ военныхъ противъ Кубанцевъ дѣйствіяхъ не воспрепятствуются, но еще лутчею къ тому удобность возымѣютъ и въ прокормленіи скота своего, по примѣру,

бывшему при Ханѣ Дондукъ Омбѣ, никакой нужды не претерпѣть,— то въ слѣдствіе всѣхъ такихъ уваженій и повелѣвается тебѣ, нашему вѣрному подданному, впредь до другаго нашего высочайшаго указа со всѣмъ Калмыцкимъ народомъ остаться на горной сторонѣ, забравъ тотъ часъ, по полученіи сего, всѣхъ Калмыкъ, которые понывѣ еще на Луговой сторонѣ¹⁾ паче чаянія находиться могутъ, и гдѣ въ нихъ ни молѣйшей потребности нѣтъ и не будетъ,—оставаясь учрежденнымъ по Яику форпостамъ предохранять лежащіе на сей послѣдней сторонѣ жилища отъ Киргизъ-касакъ, которые, однако жъ, нынѣ въ спокойномъ состояніи находятся.

„Когда и гдѣ Калмыцкимъ улусамъ располагаться на Горной сторонѣ,—сіе будетъ зависѣть отъ соображенія выгодныхъ мѣстъ, съ обстоятельствами каждаго времени, большей или меньшей предосторожности, отъ непріятельскихъ покушеній и замысловъ требовать могущими,—однимъ словомъ, надобно будетъ при томъ стараться, чтобъ Калмыцкіе улусы и всѣ крайнія жилища оставались въ безопасности, и непріатели никакой и ни въ чемъ удачи имѣть не могли.

„Мы Великая Государыня, Наше Императорское величество, въ совершенной находимся надеждѣ, что ты, по всеподданнѣйшей должности твоей, по извѣстной къ намъ Великой Гр-нѣ усердію и вѣрности и по производящей и собственно для Калмыцкаго народа изъ того пользѣ, чтобъ непріятель какъ наискорѣя устранивъ, ослабленъ и разсѣянъ былъ,—употребишь, неусыпнде къ тому стараніе, предусматривая всѣ способы и приѣмля самыя надежныя мѣры, чѣмъ достойнымъ себя и учинишь особливаго нашего монаршаго благоволенія, а калмыцкіе владѣльцы, имѣя тѣ жъ самыя побуждающія и одолающія ихъ причины къ нашей службѣ, поступятъ единодушно, исполняя отдаваемые имъ приказы съ охотою и безъ прекословія,—вообще же все войско окажетъ опыты храбрости и мужества, имѣя въ томъ руководство и примѣры отъ своихъ начальниковъ.

„Вся получаемая Калмыками добыча, какого бы она званія ни была, оставляется имъ, равно какъ и плѣнники, кромѣ самыхъ знатныхъ людей. Сверхъ того и особое награжденіе учинено быть можетъ, есть ли въ самомъ дѣлѣ ревностную къ намъ, великой Гдр-нѣ окажутъ службу. О чемъ имѣешь ты, вступая въ полки противъ Кубанцевъ, во всемъ войскѣ обнародовать и владѣльцевъ и протчихъ

¹⁾ Луговая—лѣвая сторона Волги, правая—нагорная, граничащая съ Придонскими и Кизлярскими (притеречными) степями.

начальниковъ обнадѣжить всевысочайшею нашею Императорскою милостію, съ какою мы къ тебѣ и къ нимъ ко всѣмъ и нынѣ благосклонны пребываемъ. Данъ въ Санктъ Петербургѣ 15-го Генваря 1769-го года. Подлинная за Государственною печатью.“

„На концептѣ сей грамоты подписано собственною Ея И. В-ва рукою въ 15 день Генваря 1769 года тако: „*Быть по сему*“.

2.

„Божіею Милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица всероссійская, и пр., и пр., и прочая.

„Нашему генераль-маіору Меду.“

„Мы заблагоразсудили произведеніе воинскихъ чрезъ Калмыкъ поисковъ противъ живущихъ на Кубани турецкихъ подданныхъ, для принятія въ томъ надежнѣйшихъ мѣръ и полученія толь лучшихъ успѣховъ поручить въ ваше руководство и предводительство, почему и надлежитъ вамъ съ возможнымъ попѣшеніемъ ѣхать въ Кизляръ.

„Доставленіе безопасности въ продолженіе съ Портою Оттоманскою войны, въ разсужденіи лежащихъ по Волгѣ, Терку и Дону жилищъ, есть главнѣйшее въ семъ случаѣ намѣреніе.

„Находящіеся въ Кубанской сторонѣ народы, нѣкоторые живутъ въ горахъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и называются Бесленейцы, Башилбайцы, Темиргойцы, Атугайцы, Заны, Пшадухи; прочихъ пребываніе подъ горами и называются вообще кубанскими Татарами.

„Но сколько одни отъ другихъ въ образѣ житія своего ни рознятся, ибо горцы имѣютъ дома, а Татары кочуютъ—одинакая, однако же, во всѣхъ склонность къ хищеніямъ; слѣдовательно, и опасность отъ всѣхъ при пастоящей войнѣ равномѣрная, а изъ того и происходитъ нужда употребленія предосторожностей противъ ихъ покушеній, и чтобъ какъ наискорѣя привести самихъ въ страхъ сильными пораженіями.

„Возженіемъ между ими огня, внутреннихъ несогласій и внушеннымъ въ нѣкоторыхъ желаніемъ вступить въ наше подданство, тамошнія неприятельскія силы, которыя, при общемъ всѣхъ народовъ совокупленіи, имѣютъ быть не малыя; отчасти такъ же уменьшатся. Но пока сіи хищные народы не увидятъ страха,—едва ли подадутъ на такія мысли.

„Можетъ быть, надобно будетъ и для того держать надъ ихъ головами мечъ и, употребляя оный или противъ всѣхъ, или по разбору для устрашенія и протчихъ, стараться въ то жь время искусныя и ласкательныя дѣлать имъ предложенія.

„Удачность производимыхъ противъ ихъ поисковъ, по крѣпости мѣстъ, въ которыхъ во время нужды и Татары убѣжища искать будутъ, какъ зависить больше отъ того, чтобъ высматривать удобное время и притворными движеніями ихъ наружу выманить, будучи и опасно и излишно, безъ крайней надобности и безъ предварительнаго удостовѣренія о успѣхѣ,—въ ущелья вдаваться, такъ и при податности являемой нѣкоторыми изъ нихъ принять нашу протекцію,—крайнее предусмотрѣніе употреблять надобно, чтобъ напротивъ того не обмануться и, принимая притворство за правду, не пропустить иногда такого случая, который между тѣмъ представляться будетъ къ одержанію подъ ними выгодъ, ибо они сколь хищны, столь и коварны и непостоянны.

„Присовокупленіе къ нашей имперіи всего Кубанскаго края, буде можетъ, учинится, то не по склонности тамошнихъ народовъ, но по успѣхамъ нашего оружія противъ главнѣйшихъ непріятельскихъ силъ и по уступкѣ отъ Порты Оттоманской.

„Употребляемое потому съ вашей стороны стараніе о склоненіи изъ Кубанскихъ народовъ въ нашу протекцію, по большей части, тѣмъ оканчиваться долженствуетъ, чтобъ разномысліемъ ихъ, ваши предпріятія облегчались противъ тѣхъ изъ нихъ, которые, однако же, непріятелями останутся.

„Но есть ли со всѣмъ тѣмъ въ тамошнихъ народахъ произошло бѣ общее произволеніе учиниться нашими подданными, то сіе важное обстоятельство, какъ облеглающее уже и самое присовокупленіе къ нашей имперіи обитаемаго пми пространства земли, Чернымъ моремъ отъ Турецкаго владѣнія ограничивающагося, конечно, съ нашей стороны все вниманіе заслуживало бѣ.

„Легко можно будетъ разобрать истинность ихъ намѣренія предлагаемыми при томъ отъ нихъ условіями и ихъ того времени поведеніемъ и обращеніями.

„Калмыки, конхъ соберется для поисковъ безъ сумнѣнія весьма великое число, чтобъ съ успѣхомъ дѣйствовать могли, требуютъ по состоянію своему и одобренія, и дѣйствительнаго подкрѣпленія.

„Понинѣ было всему отъ Кизлярской крѣпости зависящему краю опасность отъ набѣговъ съ Кубани, потому что Кабардинскіе владѣльцы, которые тутъ живутъ, гдѣ здѣшнія мѣста оканчиваются, хотя могли по такому положенію своему, набѣгамъ препятствовать,—имѣли между тѣмъ свои причины нашею стороною не весьма быть довольными. Но теперь, когда на ихъ прошеніе сдѣлано уже снисхожденіе, о чемъ о всемъ усмотрите вы изъ приложенной при семъ копіи съ отправленнаго изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа къ Кизлярскому коменданту генералъ-маіору Потапову¹⁾, а такимъ образомъ бывшая опасность оканчивается тѣмъ, паче, что и Кубанцы заняты будутъ работою собственной обороны,—имѣете вы,—потому, что въ Кизлярской сторонѣ особливо въ войнѣ нужды нѣтъ, которая и вашими движеніями будетъ прикрываться,—взять въ вашу команду изъ назначеннаго въ Кизляръ Драгунскаго полку три эскадрона, съ принадлежащими къ сему полку пушками, да три жъ эскадрона изъ находящагося уже дѣйствительно тамъ гусарскаго, чтобъ у коменданта въ его распоряженіи, сверхъ гарнизона, изъ обоихъ полковъ по два эскадрона осталось,—а затѣмъ взять еще въ ваше вѣдомство и назначенныхъ въ Кизляръ же пять сотъ человекъ волскихъ казаковъ и пять сотъ Яицкихъ казаковъ. Сверхъ того изъ Гребенскихъ, семейныхъ и терскихъ сколько мѣсть ихъ охраненіе дозволить, а равнымъ образомъ и изъ жителей новозаведеннаго при рѣкѣ Теркѣ въ урочищѣ Моздокѣ селенія, состоящихъ изъ крещеныхъ горцевъ, Грузишцевъ и Армянъ охотниковъ; и потомъ выступить въ походъ, коль скоро исправитесь и возможно будетъ для соединенія съ калмыцкими войсками, согласясь о мѣстѣ предварительно съ намѣстникомъ ханства чрезъ находящагося при немъ подполковника Кишенкова, которой, что до воинскихъ поисковъ касается, отъ васъ зависѣть имѣеть.

„Въ прибавокъ къ двумъ пушкамъ, которыя будутъ при трехъ эскадронахъ драгунскаго полка, взять для трехъ эскадроновъ гусарскаго двѣ же пушки съ принадлежащими къ нимъ людьми отъ драгунскаго полку, въ Астрахань назначеннаго; а сверхъ того и еще нѣсколько орудій, по вашему разсужденію, есть ли пристойныя въ Кизлярѣ найтися могутъ. Въ прочемъ всѣхъ нужныхъ вещей, которыхъ въ Кизлярѣ не достасть и исправить тамъ будетъ не можно, требовать вамъ отъ астраханскаго нашего губернатора, генералъ-маіора Бекетова; но затѣмъ, одлако же, выступленіемъ не медлить, ибо вещи, которыя меньше другихъ нужны, могутъ къ вамъ и въ степь доставлены быть.

¹⁾ Указъ этотъ приведенъ выше.

„Для возки за вами провіанта употребить Кизлярскихъ аульныхъ Татаръ съ ихъ лошадьми, сколько будетъ потребно, по наряду чрезъ Кизлярскаго коменданта.

„Когда какіе поиски съ удобностію предпріяты быть могутъ противъ Кубанцевъ, на которыя мѣста сперва нападеніе и на которыя потомъ здѣлать будетъ полезнѣе, какія при томъ мѣры и распоряженія нужны, и какъ лутче Калмыкамъ дѣйствовать, совокупно ли, или по растояніямъ,—все сіе представляется вашему разсмотрѣнію и соглашенію съ намѣстникомъ ханства, а предписывается вамъ только поступать сходно съ видами, выше сего изъясненными, но соображаясь при томъ и съ операціями нашей арміи, имѣющей быть подъ командою генерала аншефа графа Румянцова.

„Донскіе казаки, которые при всѣмъ необходимымъ войскъ нашихъ въ разныя стороны употребленіи, въ ихъ домахъ останутся, Калмыкамъ такъ же пособствовать будутъ, но надобно ли и имъ для того съ вами и съ калмыцкими войсками соединится или особливые поиски производить къ раздѣленію непріятельскихъ силъ и къ взаимному облеженію предпріятій, сей вопросъ вамъ же рѣшить останется, по сношенію съ Донскимъ атаманомъ, а по усмотрѣнію обстоятельствъ, того или другаго распоряженія требовать могущихъ.

„Сколько Кизлярскій комендантъ предуспѣетъ склонить къ военному дѣйствію противъ Турецкихъ подданныхъ изъ Кабардинцевъ, Кумыкъ и изъ свободныхъ и ни отъ кого независимыхъ горскихъ народовъ,—всѣхъ оныхъ къ вамъ же отправить, которымъ, какъ вступающимъ по своей волѣ въ нашу службу, оставитъ надобно будетъ, гдѣ и какъ они сами себя употреблять будутъ, размѣряя потому и дѣлаемое имъ награжденіе изъ суммы, Кизлярскому коменданту нынѣ назначенной, а ежели въ числѣ ихъ будутъ владѣльцы и знатные начальники, такимъ мы по вашему засвидѣтельствуванію, склонны и особливую нашу милость показать, для обязанности и впредь къ нашей сторонѣ.

„Что касается до непріятели, съ которымъ вы дѣло имѣть будете. ухватокъ его и образа воинствованія, достаточное вамъ свѣдѣніе подать въ состояніи Кизлярской комендантъ, по всегдашнему его съ тамошними народами обращенію, почему и рекомендуется вамъ, отправляясь въ походъ, употребить его совѣты, а и во время произвожденія поисковъ, съ нимъ сноситься, открывая ему ваши мысли и требуя его разсужденій. А свойство Калмыкъ опишетъ вамъ находящейся при ихъ дѣлахъ подполковникъ Кишенсковъ. Здѣсь столько

однако же неизлишно признавается дать вамъ знать, что Калмыки хотя при арміяхъ уже не однажды и находились, но предводителями ихъ были владѣльцы, которые въ командѣ всякаго генерала безъ затрудненія быть могли, а вы напротивъ того будете обращаться съ начальникомъ всего народа. Все дѣло, конечно, надобно, чтобъ отъ васъ зависѣло. Но надобно жъ при томъ сколько возможно щадить и нѣжность его честолюбія, то есть не отдавать ему приказовъ, которые не только его, но и владѣльцовъ и весь народъ могутъ привести въ уныніе и въ нерадѣніе, когда изъ того примѣтится, что онъ въ вашу волю преданъ. А вмѣсто того съ нимъ совѣтовать и приводить его нечувствительно къ исполненію пріемлемыхъ ваши намѣреній, употребляя къ тому и подполковника Кишенскова, какъ уже къ Калмыкамъ привычнаго.

„Когда Калмыки, по наружности, будутъ зависѣть отъ природныхъ ихъ начальниковъ, они больше сдѣлаютъ, нежели при всякомъ другомъ распоряженіи. Съ стороны подлыхъ привычка къ послушанію своимъ владѣльцамъ, а съ стороны владѣльцовъ желаніе получить отъ васъ похвалу и засвидѣтельствованіе о службѣ своей будутъ для нихъ побудительными причинами, при томъ ласковость, скромность и обхожденіе пристойное, смотря по лицу каждаго, пріобрѣтеть вамъ немедленно склонность и вообще отъ степного сего народа.

„Сверхъ упоминаемой выше сего копіи съ указа Кизлярскому коменданту, прилагается здѣсь же для вашего извѣстія и употребленія копіи съ отправленной нынѣ къ намѣстнику ханства грамоты, съ рескрипта къ астраханскому губернатору и съ указа къ подполковнику Кишенскову, такъ же до порученаго вамъ дѣла принадлежащихъ; о чемъ о всемъ и нашей военной коллегіи знать дано, отъ которой и на Донъ нашъ указъ отправленъ будетъ, а равнымъ образомъ увѣдомленъ нынѣ и генералъ аншефъ графъ Румянцовъ.

„Мы не оставимъ во всемілостивѣйшее принять разсужденіе, когда сію службу съ успѣхомъ и пользою исправите.

„Что въ которое время у васъ будетъ происходить, имѣете доносить сюда немедленно чрезъ нарочныхъ куріеровъ, такъ же и къ генералъ аншефу графу Румянцову. Оставаясь при калмыцкомъ войскѣ чрезъ все то время, пока присутствіе ваше будетъ нужно; а послѣ того до другаго нашего указа въ Кизлярѣ или въ Астрахани. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 15-го Января 1769-го года.

„Екатерина.“

Слухи о готовящемся на Кубанцевъ нашествіи произвели внушительное впечатлѣніе не только на Кавказскихъ горцевъ, но и на Татаръ, находившихся въ Турецкомъ подданствѣ: Эдисановцевъ, Джембуйлуцкихъ и Малешашскихъ, которые кочевали въ степи, „предъ Крымомъ лежащей“, и коихъ турецкое правительство почему то намѣревалось перевести на Кубань.

Чтобы привлечь къ себѣ больше „вольныхъ народовъ“, одновременно съ посылкой Медуе рескрипта, было предписано астраханскому губернатору доставить въ Кизляръ 5 тыс. руб., главнымъ образомъ для награжденія послѣднихъ за поиски, „которые они вмѣстѣ съ Калмыками и здѣшними командами производить будутъ“.

Правительство особенно старалось переманить Кабардинцевъ, потому что они „во всѣхъ тамошнихъ народахъ за храбрость въ особливомъ почтеніи находятся“ и служили для прочихъ примѣромъ во всѣхъ политическихъ и культурныхъ начинаніяхъ.

Но въ то время, когда все казалось такъ было хорошо настроено, вдругъ (въ Декабрѣ 1768 г.), по распоряженію кизлярскаго коменданта Потапова. какой-то Моздокскій житель изъ крещеныхъ кабардинскихъ узденей (дворянъ) Павелъ Николаевъ захватилъ 24 тыс. барановъ, принадлежащихъ владѣльцами Кабарды, за то якобы, что князья эти не отдали принадлежащаго ему при переселеніи въ Моздокъ имущества, а официально мотивировался этотъ захватъ, какъ возмездіе за пропавшихъ 14 казаковъ и угнанныхъ 75 лошадей.

Хотя для разбора претензіи былъ посланъ Кизлярскій ротмистръ Кирѣевъ, но дѣло не было окончено въ пользу владѣльцевъ, и они принесли жалобу сначала астраханскому губернатору, а потомъ просили содѣйствія намѣстника Калмыцкаго и подполковника Кишенкова. Въ своихъ письмахъ князья жаловались, что ген.-м. Потаповъ поступалъ съ ними „строго и сурово, не пріемля никакихъ представленій“.

Столь сильная и „весьма не ко времени“ придуманная репрессивная мѣра могла конечно, легко „привести Кабардинцевъ въ развратъ“, и тогда пришлось бы для охраненія отъ ихъ набѣговъ Кизлярскаго края оставлять особия войска. уменьшая размѣръ формируемой противъ Кубанцевъ калмыцкой экспедиціи.

„Кажется лутче бъ вы сдѣлали,—писала 13 Февраля 1769 г. коллегія иностр. дѣлъ Потапову,—есть ли бъ только легкіе способы употребляли, посылая къ нимъ нарочныхъ для увѣщанія, угроженія и изыясненія слѣдствій, изъ такихъ ихъ поступковъ, наконецъ, происходящихъ. А

потомъ, когда бѣ тѣмъ не предупѣли, оставалось по настоящимъ обстоятельствамъ, истребовать и здѣшной резолюціи, которая имѣла бѣ быть не иначе, какъ соображенная съ главнѣйшимъ въ разсужденіи ихъ предметомъ“.

Ему предлагалось настойчиво „какъ наискорѣе отвратить пристойнымъ образомъ происходяція съ ними затрудненія, довольствуясь хотя бы единственнымъ обѣщаніемъ, что они стараться имѣютъ отыскать здѣшныхъ людей, въ плѣненіи которыхъ на нихъ подозрѣніе наводится“.

„Возмездіе за бывшія ихъ продерзости совсѣмъ оставлено быть можетъ, когда они въ настояще нужное время къ здѣшной сторонѣ обратятся; а ежели, напротивъ того, послѣ всѣхъ употребленныхъ стараній приобрѣсть ихъ доброжелательство,—зломысленными будутъ, тогда только самая необходимость заставитьъ съ нихъ начать уже и поиски для того, чтобы сколько нибудь предварить сообщеніе ихъ съ Кубанцами приведеніемъ въ нужду защищать себя дома; при чемъ тамошнему вашему усмотрѣнію предоставляется, неможно ли будетъ при такомъ противномъ ихъ мыслей расположеніи и всѣ тѣ ихъ мѣста сильными заставами захватить, чрезъ которыя, по ихъ попущенію, понынѣ Кубанцы къ Кизляру набѣги дѣлали.

„Но чаятельно, что Кабардинцы, которые и сами ищутъ теперь приняты быть въ протекцію Ея Императорскаго Величества, когда услышатъ о высочайшемъ повелѣніи, о бѣгающихъ отъ нихъ холопяхъ воспослѣдовавшемъ, удовольствованы будутъ возвращеніемъ захваченнаго отъ нихъ скота, и тѣмъ духи ихъ успокоятся,—по большей части всѣ къ здѣшной сторонѣ прилѣплятся, и на прежнее ихъ жилище къ Баксану переселятся, а потому и нужды не будетъ имѣть отъ нихъ предосторожность и опасеніе“.

Волненіе среди нихъ нашло себѣ откликъ въ правителяхъ Калмыцкаго народа. Намѣстникъ Убаши опасался въ виду этого переводить улусы на Нагорную сторону Волги, полагая вполне резонно, что враждебно настроенные противъ Россіи, они могутъ легко разграбить ихъ въ то время, когда остальное войско уйдетъ въ походъ на Кубань. Вслѣдствіе этого Убаша просилъ „министра“ графа Панина сдѣлать съ Кабардою примѣреніе. Пришлось поэтому писать и ему пространное письмо, чтобы убѣдить въ твердомъ намѣреніи Россіи сокрушить не только Кубанцевъ, какъ подданныхъ турецкихъ, но другихъ ихъ помощниковъ, даже и кабардинцевъ:

„Всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія Государыни Императрицы и Самодержацы Всероссійскія вѣрной намѣстникъ Ханства Калмыцкаго Убаша.

„Находящійся при васъ подполковникъ Кишенекъ доносилъ сюда, что вы съ Калмыцкими владѣльцами и учрежденными въ общенародномъ правительствѣ судьями, положили всѣ улусы для лучшей безопасности съ Горной на Луговую сторону Волги переправить по льду, а самимъ съ войсками остаться на Горной сторонѣ; для немедленнаго въ походъ выступленія, куда будетъ повелѣно, что однако же вы просите, чтобъ, при первомъ случаѣ, въ другія стороны изъ Калмыцкаго войска не отлучать, для толь удобнѣйшаго превозможенія непріятели въ вашемъ сосѣдствѣ, то есть на Кубани находящагося, о которомъ все предварительно не знаете,—сколь силенъ быть имѣеть,—а сами вы присланнымъ сюда представленіемъ испрашиваете позволенія розмѣнить захваченныхъ Татарами напредъ сего нѣсколькихъ Калмыкъ, на звѣриной ловлѣ бывшихъ, взятыхъ въ плѣнъ отъ Татаръ осемью человекъ и еще повелѣнія, какимъ образомъ поступать съ Кабардинцами.

„Отправленнымъ къ вамъ Ея Императорскаго величества указомъ, отъ 15-го Генваря, имянно и точно предписано: всему калмыцкому народу и съ улусами, впредъ до другаго указа, остаться на Горной сторонѣ. Вы и должны потому неперемѣнное исполненіе чинить.

„Основанія, требующія, при настоящей съ Портою Отоманскою войнѣ, пребыванія Калмыцкаго народа на сей сторонѣ и которыя въ помянутомъ указѣ довольно изъяснены,—всѣ необходимы и всѣ важны,—зависить отъ того прикрытія пограничныхъ мѣстъ безпрепятственное калмыцкихъ войскъ, куда ни понадобится, употребленіе и ближайшіе способы къ прокормленію тѣхъ, которые противъ Кубанцевъ дѣйствовать будутъ. Но, переправляя улусы на луговую сторону, надлежало бѣ отдѣлить для охраненія ихъ отъ Киргизъ-кайсакъ нѣсколько способныхъ людей; къ тому жѣ, по причинѣ великаго Волги въ лѣтнее время наводненія, и удобства не было бѣ къ полученію потребныхъ съ луговой стороны на пищу припасовъ; вмѣсто того, что, при расположеніи всего народа на одной сторонѣ, взаимное произойдетъ способствованіе; а что не трудно сіе исполнить,—доказывается примѣромъ, бывшимъ при Ханѣ Дондукъ Омбѣ, которой, во все продолженіе послѣдней войны, не переходилъ на Луговую сторону.—Опасность же, чтобъ улусы не подвержены были непріятельскому отъ Кубанцевъ нападенію, конечно, меньше той, какой они

подвержены быть могли бѣ на Луговой сторонѣ отъ Киргизь-кайсагъ. Кубанцы заняты будутъ собственно противъ Калмыцкихъ войскъ обороною; а въ такое время, когда поисковъ противъ нихъ производимо не будетъ, въ улусахъ довольно быть имѣть людей къ учиненію имъ сопротивленія. Но на Луговой сторонѣ малолюдство, при улусахъ оставленное, сдѣлаетъ Киргизь-кайсагъ и поползновенными и не возмощетъ отвратить вреда. ими причиняемаго, а употребленіе къ тому великаго числа напрасно ослабило бѣ ваши силы противъ настоящаго непріятели.

„Такія уваженія, хотя бы вы и повелѣнія отъ Ея Императорскаго Величества не имѣли, долженствовали васъ склонить остаться на Горной сторонѣ. Желаніе ваше, чтобъ Калмыцкія войска при первомъ случаѣ никуда отлучены не были, происходитъ, какъ видно, отъ того, что вы единственно заботитесь о разрушеніи непріятельскихъ силъ, которыя на Кубани быть могутъ; но извѣстно, что оныя отнюдь теперь не велики до сей сторонѣ; и Калмыки, конечно, въ состояніи найдутся и отправленіи, во исполненіе даннаго вамъ отъ 31 Декабря минувшаго года Ея И. В-ва указа, двадцати тысячъ къ арміи, состоящей подъ командою господина генералъ-аншефа графа Румянцова, съ успѣхомъ произвести поиски противъ Кубанцовъ, особливо при подкрѣпленіи, чинимомъ имъ отъ російскихъ командъ, которыя и пушками снабжены будутъ; а назначеніе Калмыцкаго войска двадцати тысячнаго числа къ арміи основывается, напротивъ току, на общемъ планѣ, какой о произведеніи противъ непріятели во всѣхъ сторонахъ и въ одно время военныхъ дѣйствій поставленъ, и по которому признано за нужно привести ген.-анш. гр. Румянцова въ состояніе многія непріятельскія силы занять, чѣмъ самымъ находящіеся нынѣ на Кубанѣ, Татара способовъ и лишатся имѣть отъ Крыма помощь и подкрѣпленіе.

„Послѣ сего изъясненія, безъ сумнѣнія, признаете вы и сами, по вашему благоразумію, что въ томъ отнюдь не можно сдѣлать отмѣны, потому что такая, какъ происходящая отъ предпочтительнаго уваженія одного края предъ другимъ, была бѣ нашему плану, отъ Ея И. В-ва установленному, несоотвѣтствующая, но, раздробляя оной, прешаствовало бѣ дѣйствительному по немъ исполненію, несмотря на то, что отъ него цѣлаго единственно повсейственные (sic) успѣхи войны зависятъ.

„Что касается до испрашиваемаго вами дозволенія о размѣнѣ плѣнниковъ между Татаръ Калмыкъ, то, хотя на то вамъ и дозволяется,

однако же непрежде, какъ при наступленіи будущей зимы, когда производимые противъ Кубанцевъ въ настоящемъ году поиски окончатся, дабы инако непріятель не могъ свѣдать о употребляемыхъ противъ его силахъ и другихъ обстоятельствахъ, которыя скрывать нужно. Между тѣмъ можете вы татарскихъ плѣнниковъ содержать и подъ собственнымъ Калмыцкимъ призоромъ.

„О Кабардинцахъ не могу вамъ сказать точно, благонамѣренными ли они или противными останутся; уповаю однако же, что предызберутъ первое. Собственная ихъ польза и цѣлостъ того отъ нихъ требуютъ. Сверхъ того, сколько можно было, уже по ихъ прошеніямъ здѣлано и свисхожденіе, о чемъ и отправленъ Ея І. В-ва указъ къ Кизлярскому коменданту.

„Есть ли склонятся они потому вступить по прежнему въ покровительство Ея І. В-ва и отъ сообщества кубанцовъ отстануть,—не должно будетъ ихъ беспокоивать ни Россійскими, ни Калмыцкими войсками, а въ противномъ случаѣ останется не дѣлать имъ никакой пощады, но поступать, какъ съ непріятелями.

„Васъ увѣдомитъ Кизлярской комендантъ, какое намѣреніе они наконецъ воспріимуть. а между тѣмъ можете вы и сами постараться привести ихъ вашимъ увѣщаніемъ къ тому, чтобъ они предварили угрожаемое имъ бѣдствіе, которое будетъ неминуемое, когда развратныхъ мыслей не покинуть.

„Ея І. В-во, имѣя особливое къ вамъ благоволеніе, въ разсужденіи уже бывшихъ помыслъ вашихъ поступокъ, всемилостивѣйше дозволяетъ вамъ въ знакъ того вздеть (sic.) на себя портретъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Г-дрии Императрицы Елисаветы Петровны, отцу вашему пожалованный, который и будете вы носить въ восполненіе вѣрной и усердной его службы,—но имѣя, при настоящихъ обстоятельствахъ. и собственные способы оказать, по всеподданнѣйшей должности вашей, такія Ея І. В-ву услуги, чтобъ за оныя удостоиться и самому по себѣ всевысочайшей Ея І. В-ва отличной милости.

„Я пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательнымъ.

„Гр. Н. Панинъ.

„Ея І. В-ва дѣйствительный тайный совѣтникъ, Г-д-ря Цесаревича и великаго князя оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ, дѣйствительный камеръ геръ и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ.“

„Въ Санктпетербургѣ 13 Февраля 1769-го года“.

Однако, несмотря на эти завѣренія, петроградскій дворъ все таки очень безпокоился происшедшей ссорой съ Кабардинцами, „издревле державшимися Всероссійской имперіи, не исключая себя изъ здѣшняго подданства и во время бывшаго съ Портою трактата“.

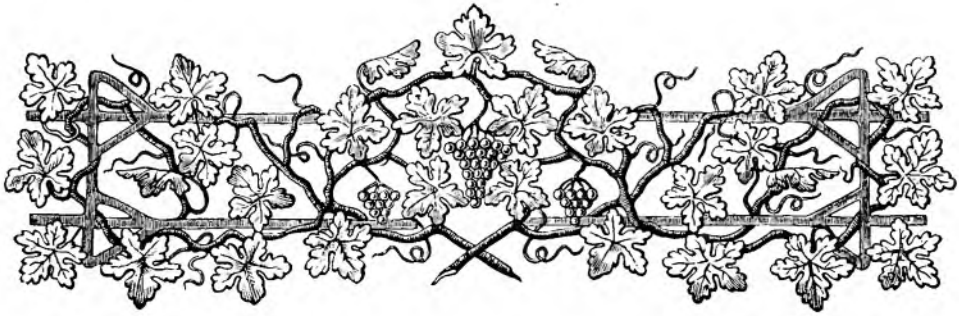
Потапову былъ посланъ третій указъ (11 Марта) приложить все старанія къ примиренію съ ними, удовлетвори ихъ притязанія, особенно возвратомъ скота.

Если бы даже говорилось ему, „при всехъ оказываемыхъ имъ снисхожденіяхъ, не предусмѣлось всехъ владѣльцовъ преклонить на здѣшнюю сторону, но въ томъ и нужды нѣтъ. Довольно будетъ, ежели нѣкоторые при первомъ случаѣ предъявятъ къ тому склонность, которыхъ примѣру потомъ и другіе послѣдовать могутъ; тѣмъ больше, что весь подлый народъ, какъ извѣстно, весьма неохотно видитъ, что теперь ихъ владѣльцы мнутъ. А когда вы вѣрныхъ прямо къ здѣшней сторонѣ изъ владѣльцевъ возможете отъ противныхъ отдѣлить, тогда съ сими послѣдними и по непріятельски поступить ничто уже не воспрепятствуетъ“.

Склоненіе ихъ къ дружелюбію необходимо было въ открывшуюся войну потому, что обѣ Кабарды, находясь между турецкими по Кубани и Черноморскому побережью и русскими на Тереку владѣніями, служили какъ бы заслономъ для задержанія набѣговъ закубанскихъ Татаръ въ наши пограничныя поселенія. И такимъ образомъ, при желаніи, Кабардинцы могли воспрепятствовать вторженію турецкихъ войскъ въ наши предѣлы со стороны Моздока. Но, видимо, сдѣланныя послабленія не удовлетворили ихъ. Въ Апрѣлѣ 1769 г. Кубанскіе Татары начали наступленіе именно отсюда. Медленно подвигавшіеся на Монычъ съ своими улусами, стадами и пожитками Калмыки не успѣли подойти къ этому времени. Кубанцамъ далъ отпоръ отрядъ Медема изъ драгунъ съ волжскими, гребенскими и терскими казаками. Только въ Іюлѣ Убаши соединившись съ послѣдними, нанесли окончательное пораженіе туземнымъ ордамъ, пройдя всю ихъ землю. Побѣдителямъ досталось болѣе 30-ти головъ скота и много плѣнныхъ изъ Кубанскихъ салтанаульскихъ Татаръ.

П. Юдинъ.

Военныя операціи нашего флота на Дунаѣ въ русско-турецкую войну 1828-29 гг.

Въ настоящей нашей статьѣ мы опишемъ съ какимъ блестящимъ успѣхомъ контръ-адмиралъ Завадовскій выполнилъ возложенное на него Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ порученіе прекратить сообщеніе Турокъ между крѣпостью Браиловымъ и Мачиномъ, воспрепятствовавъ такимъ образомъ подвозъ къ Браилу съѣстныхъ припасовъ.

О трудности означенной операціи можно судить уже потому, что удача послѣдней въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ того или другого направленія вѣтра и его интенсивности, фактовъ, съ которыми современнымъ морякамъ при теперешнемъ паровомъ флотѣ не приходится считаться.

Постараемся вести наше изложеніе словами всепреданнѣйшаго донесенія Завадовскаго на имя Великаго Князя.¹⁾

По прибытіи къ Браилу съ вѣренною мнѣ флотиліею, состоящею изъ 17-ти канонирскихъ лодокъ и 9 іоловъ (баркасовъ), Ваше Императорское Высочество изволили повелѣть мнѣ осмотрѣть мѣсто положенія крѣпости со стороны рѣки, береговья батареи, расположеніе непріятельской флотиліи, и по обзрѣніи сего, предоставили представить къ Вашему Высочеству мнѣніе о дѣйствіяхъ вѣренной мнѣ флотиліи къ прекращенію сообщенія Браилова, съ Мачиномъ, для воспрепятствованія подвозовъ и снабженія Браилова, производящихся посредствомъ Мачинскаго рукава. Для прикрытія входа въ Мачинскій рукавъ, у непріа-

¹⁾ Черноморскій Центральный Военно-Морской Архивъ. Для Черноморскаго Департамента.

теля нарочно сдѣланы на лѣвомъ флангѣ у крѣпости надвигавшейся низменности берега двѣ батареи, одна о восьми, а другая о шести пушкахъ, сверхъ сего на углу крѣпости, прилежащемъ къ рѣкѣ, имѣлась батарея о пяти пушкахъ, дѣйствующихъ также на входъ въ Мачинскій рукавъ. Непрiятельская флотилiя изъ 35 судовъ, расположена была слѣдующимъ образомъ: 10 непрiятельскихъ судовъ стояли у берега подлѣ самой крѣпости, два шлюпа и пять канонирскихъ лодокъ расположены въ губѣ, находящейся на лѣвомъ берегу Мачинскаго рукава при самомъ входѣ въ оный и могли дѣйствовать картечными выстрѣлами на входъ въ рукавъ; въ самомъ рукавѣ 18 непрiятельскихъ судовъ расположеніе имѣли, три шлюпа и три канонирскія лодки поставлены у берега острова, лежащаго близъ лѣваго берега рукава. Ботъ капитанъ-паши, одинъ шлюпъ и одна канонирская лодка занимали середину рукава; начиная отъ мыса губы, вверхъ по рукаву два шлюпа и шесть канонирскіхъ лодокъ поставлены вдоль праваго берега рукава. Ботъ капитанъ-паши, одинъ шлюпъ и одна канонирская лодка занимали середину рукава вверху двухъ непрiятельскихъ линій.

По обзорѣннiи мною вышеизясненнхъ непрiятельскихъ распоряженiй къ защищенiю входа въ Мачинскiй рукавъ, я имѣю честь представить на благоразсмотрѣнiе Вашего Высочества мнѣнiе мое о дѣйствiи флотилiи на прекращенiе происходящаго сообщенiя. что оно можетъ быть прекращено флотилiею слѣдующимъ образомъ: 16 канонирскихъ лодокъ при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ должны войти въ Мачинскiй рукавъ, при проходѣ оныхъ въ устья рукава, остающiяся на Дунаѣ, iолы и одна канонирская лодка должны подойти къ батарее, а iолы, поставленные тѣсно близъ берега на глубинѣ въ футъ, должны въ то время по батарее сильно дѣйствовать артиллерiею и тѣмъ ослабить дѣйствiе оной на входящiя канонирскiя лодки въ Мачинскiй рукавъ. Входъ канонирскихъ лодокъ въ рукавъ при свѣжемъ вѣтрѣ необходимъ потому, дабы оныя скорымъ движенiемъ могли нагнать непрiятельскiя суда и овладѣть оными или истребить ихъ и потомъ употребить всевозможныя мѣстныя удобства къ прекращенiю сообщенiя и даже дѣйствовать изъ за мыса на самую батарею на которую равно и на самую крѣпость по ночамъ производить пальбу съ iоловъ.

Ваше Императорское Высочество изволили одобрить предположенiе сіе и повелѣли при благопріятствующихъ обстоятельствахъ дѣйствовать, не ожидая дальнѣйшихъ о семъ предписанiй.

Съ 21-го Мая флотилія подвинулась ближе къ крѣпости въ двухъ сомкнутыхъ колонахъ изъ 17 канонирскихъ лодокъ и 8 іоловъ, поставленныхъ въ линію поперекъ рѣки, начиная отъ лѣваго берега и примыкая къ переднимъ лодкамъ колонны, стоящей къ лѣвому берегу. Съ сего числа съ береговыхъ непріятельскихъ батарей каждый день производили по флотиліи пальбу отъ 20 до 30 выстрѣловъ, ядра коихъ, хотя и ложились между судами, но ни одно не попало ни въ какое изъ судовъ нашихъ, и флотилія на непріятельскую канонаду ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчала. Простоявъ до 25 числа въ семь положеніи, я приказалъ всей флотиліи ночью спуститься на 4 кабельтова, дабы выйти изъ подъ выстрѣловъ.

26-го числа по повелѣнію Вашего Императорскаго Высочества изъ ввѣренной мнѣ флотиліи командированъ іоль въ рейдъ для занятія брандвахтеннаго поста. Сего числа также съ непріятельскихъ береговыхъ батарей сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, коихъ ядра не долетали до судовъ.

27 числа пополудни сдѣлался отъ сѣверо-запада тихій вѣтеръ, при которомъ небо обложило идущими по направленію вѣтра облаками, обѣщавшими, что оный къ ночи совѣжѣетъ, ибо восточные и юго-восточные вѣтры, безпрерывно идущіе болѣе трехъ недѣль, подавали надежду, что направленіе вѣтра измѣнится. Въ одиннадцатомъ часу вѣтеръ совѣжѣлъ, но я не снимался съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы входъ въ Мачинскій рукавъ и нападеніе на непріятельскую флотилію расположить передъ самымъ разсвѣтомъ; и потому снялся съ якоря и спустилъ подъ паруса въ половинѣ 12-го часа, о чемъ далъ знать флотиліи посредствомъ двухъ фонарей, съ кормы повѣшенныхъ, дабы непріятель не могъ замѣтить оныхъ, и тѣмъ не возбудить его вниманіе на флотилію. По снятіи съ якоря направилъ плаваніе къ правому берегу Дуная ниже мыса около двухъ миль по двумъ причпнамъ: 1-е, дабы Турки не примѣтили вступленія флотиліи подъ паруса прежде приближенія оной ко входу въ рукавъ и, 2-ое, быстрина теченія у береговъ гораздо тише и слабѣе, а посему и ходъ судовъ чрезъ сіе ускорится. Въ одинъ часъ пополудни приблизились къ правому мысу входа въ рукавъ, и съ непріятельскихъ береговыхъ батарей открыли на насъ огонь, съ коихъ ядра черезъ насъ летали. Засимъ вскорѣ изъ семи судовъ въ губѣ начали производить на насъ пальбу, на которую мы не отвѣчая, слѣдовали въ Мачинскій рукавъ. По входѣ въ оный шести лодокъ, вѣтеръ сталъ стихать и я опасался, чтобы оставшіеся въ рукава 10 канонирскихъ лодокъ по тихости вѣтра не были унесены быстрымъ теченіемъ отъ рукава. Въ сіе время въ душѣ моей

принесъ мольбу ко Всевышнему Существоу о ниспосланіи вѣтра, и Святое Провидѣніе, карающее свирѣпныхъ враговъ христіанства, передъ зарею послало вѣтеръ, при которомъ всѣ 16 лодокъ вошли въ рукавъ.

Съ сего времени изъ стоящей въ рукавѣ непріятельской флотиліи открыли по насъ огонь ядрами, подъ коими флотилія наша продолжала приближаться къ непріятельскимъ судамъ въ молчаніи, пока картечные выстрѣлы непріятеля стали доставать къ намъ. Тогда я приказалъ начать бой картечью и ядрами, а проходя непріятельскія передовыя суда, мы открыли по онымъ и ружейную пальбу. Выстрѣлы нашихъ передовыхъ судовъ открыты были такъ близко, что на одномъ непріятельскомъ суднѣ съ передовой нашей лодки подъ командою капитанъ-лейтенанта Щербачева пыжемъ зажженъ распущенный парусъ. По открытіи съ нашей флотиліи, такимъ образомъ, огня непріятель недолго сопротивлялся, и вскорѣ за симъ, сталъ обрубать якоря, спѣшилъ вступить подъ паруса и бѣжать вверхъ рукава къ Мачину—въ сіе время начало свѣтать, тогда я приказалъ заднимъ двумъ лодкамъ остаться для взятія четырехъ брошенныхъ непріателемъ судовъ; а прочимъ прибавить къ парусамъ греблю и гнать за непріателемъ „по способности“. При семъ сигналѣ на всѣхъ судахъ нашихъ при крикѣ *ура!* ударили веслами и гнали непріятеля, который по причинѣ большой парусности у судовъ своихъ тихаго вѣтра уходилъ отъ преслѣдующихъ его судовъ нашихъ, но при восхожденіи солнца, освѣтившаго пораженнаго и и бѣгущаго непріятеля, вѣтеръ опять сосвѣжѣлъ, и передовыя суда наши стали достигать непріятельскія, заднія, идущія вдоль берега и производящія съ кормовыхъ пушекъ пальбу. По приближеніи передовыхъ судовъ нашихъ на картечный выстрѣлъ непріятельскія три заднія судна бросились на берегъ, и Турки съ оныхъ, поражаемые картечью, бѣжали въ камыши. Посему я отрядилъ еще двѣ лодки для забратія брошенныхъ судовъ, а прочія продолжали чинить погоню производя пальбу по непріятельскимъ судамъ картечью и ядрами, слѣдствіемъ коихъ заднія четыре непріятельскихъ судна, одно по другому также бросились къ берегу, и люди съ оныхъ бѣжали въ камыши на гребныхъ судахъ, изъ коихъ нѣсколько потоплено вмѣстѣ съ людьми. Восемь непріятельскихъ судовъ и адмиральскій ботъ уже стали подходить къ Мачину, съ котораго открыли на насъ канонаду ядрами и бомбами. Жалѣя, что слабая сила вѣтра способствуетъ бѣгу непріятеля, особливо мнѣ желательно было настичь ботъ капитанъ-паши, посему мною вновь сдѣланъ сигналъ усилить греблю, съ помощію коей передовыя двѣ лодки приблизились къ непріятельскому боту и другому судну, вблизи его идущему, на картечный выстрѣлъ, которыми

принудило боть и др. судно броситься на берегъ, и съ бота люди и самъ капитанъ-паша, что можно было замѣтить по красному его кафтану, бросились на баркасъ, на которомъ убѣжали къ своимъ судамъ, впереди бѣгущимъ. При семъ случаѣ идущее съ ботомъ судно затоплено было нашимъ ядромъ, попавшимъ въ кормовую часть. Въ сіе время остальные непріятельскія шесть судовъ изъ одного шлюпа и пяти лодокъ приблизились къ колѣну, заворачивающемуся къ самому Мачину, и получивъ полиѣ вѣтеръ, стали имѣть превосходный ходъ, и тѣмъ приобрѣли спасеніе подъ крѣпостными выстрѣлами. Съ симъ вмѣстѣ я приказалъ прекратить погоню и стать на якорь для забратія плѣнныхъ судовъ, а на боть капитанъ-паши послалъ мичмана Васильева для сущенія адмиральскаго флага, забратія бумагъ и приведенія бота къ флагманской лодкѣ; затопленное же судно приказалъ сжечь.

При приближеніи нашемъ къ крѣпости Мачину, видна была конница отъ 1500 до двухъ тысячъ, тянувшаяся отъ горъ къ самой крѣпости, на которой показалось Турокъ до 1000 чел.; въ то же время непріятель, находившійся подлѣ крѣпости во многихъ мѣстахъ, зажегъ семь судовъ, находившихся въ губѣ, лежащей подъ крѣпостными выстрѣлами, во время погони бѣжали изъ оной подъ крѣпость Браиловъ.

По разбитіи 4-хъ шлюповъ и 3-хъ канонирскихъ лодокъ, снялся съ якоря и прибылъ со всѣми судами на мѣсто, занимавшееся непріятельскою флотиліею. Симъ образомъ кончилось пораженіе и разбитіе въ Мачинскомъ рукавѣ непріятельской флотиліи, состоявшей изъ 5 шлюповъ и 12 канонирскихъ лодокъ и бота капитанъ-паши, изъ коихъ достались въ добычу побѣдителямъ, кромѣ затопленнаго и сожженнаго судна, 4 шлюпа, 7 канонирскихъ лодокъ и одинъ капитанъ-пашинскій боть о пяти пушкахъ, о коихъ подробное свѣдѣніе, а также о снарядахъ, о порохѣ, приобретенныхъ судахъ при семъ имѣю честь представить Вашему Императорскому Высочеству вѣдомость.

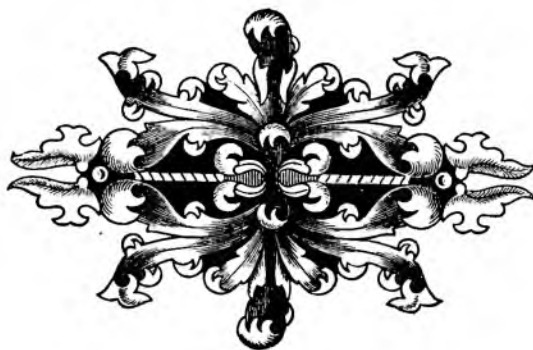
Потеря съ нашей стороны состоитъ въ 4-хъ убитыхъ и 8-ми раненыхъ.

Столь счастливому разбитію непріятельской флотиліи, овладѣніемъ изъ оной 12 судовъ и потопленіемъ одного я совершенно обязанъ искусству, благоразумію и мужеству сотрудниковъ моихъ командировъ судовъ, которыхъ пламенное усердіе къ службѣ Его Императорскаго

194 ВОЕННЫЯ ОПЕРАЦИИ НАШЕГО ФЛОТА НА ДУНАѢ ВЪ 1828-29 ГГ.

Величества ознаменовано слѣдствіемъ совершеннаго пораженія враговъ, съ коимъ прекращено и всякое сообщеніе Браиловской крѣпости, какъ съ Мачиномъ, такъ и съ берегами своими. Отмѣнные подвиги чиновниковъ въ дѣлѣ семъ священною обязанностию почитаю свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ.

В. Голубевъ.

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. М. И. Долгорукой брату.

— Флоренція, 1 Іюня 1826 года.

Будучи вѣренъ данному обѣщанію, пишу тебѣ, милый другъ, чрезъ двѣ недѣли послѣ твоего отъѣзда и адресую письмо въ канцелярію Посольства, гдѣ, надѣюсь, позаботятся о томъ, чтобы переслать ихъ тебѣ. Ты уже въ Парижѣ! Ты ужъ видѣлъ Пери, кузину, моего любимца „Петикашку“!! Сколько радостей, сколько наслажденій для души!! Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ тебя извѣстій; ты сможешь сообщить мнѣ множество любопытныхъ вещей—только ради Бога не будь лакониченъ.—Что касается меня, то я скажу тоже, что сказалъ тотъ старикъ, которому нянька, чтобы досадить, плохо приготовляла постель: я начинаю привыкать. Но мнѣ все таки лучше, благодаря лѣченію доктора Несполи; знаешь, вѣдь у меня очень искусный врачъ, скажи, пожалуйста, знаменитому Альбини, что самое простое средство, прописанное Итальянцемъ, помогло мнѣ гораздо больше, чѣмъ всѣ лѣкарства Его Превосходительства. Дней черезъ десять я надѣюсь покинуть свое убѣжище и освѣжиться ливорнскими купаньями; въ Луккѣ начнется купальный сезонъ, и „если тамъ соберется подходящее общество“, я наверстаю потерянное время.

Кранъ навѣстилъ меня черезъ 24 часа послѣ твоего отъѣзда, и мое письмо было прекрасно принято. Ты знаешь, что я подъ этимъ подразумѣваю. Семейство Д. окончательно отказалось отъ поѣздки въ Россію и поѣдетъ очаровывать скучающаго старика на купаньяхъ въ Луккѣ. Б. ѣдутъ въ Ливорно, тѣмъ не менѣе гр. В. всегда загляды-

ваетъ далеко впередъ, и нареченный долженъ пріѣхать во Флоренцію послѣзавтра. Развязка будетъ любопытная. Спектакли и танцевальныя вечера у г-на Демидова продолжаются, а каждую среду бываютъ собранія у министра Сардиніи. Все это извѣстно мнѣ по слухамъ. Вотъ и всѣ послѣднія новости, милый мой. Еще разъ благодарю тебя за книги, присланныя изъ Рима черезъ нѣсколько дней послѣ твоего отъѣзда; это цѣнное пріобрѣтеніе и хорошее добавленіе къ моей библиотекѣ. Я получилъ также нѣсколько запечатанныхъ пакетовъ... можно мнѣ открыть ихъ? Маленькій альбомъ, который я нашелъ среди книгъ, очень хорошъ и я прошу у тебя позволенія его присвоить. Оба письма изъ Генуи очень занимательны,—есть что то классическое въ томъ, что ты пишешь о республикѣ, а описаніе генуэзскихъ развалинъ дѣйствительно захватывающе.... Думаю, что размолвка не будетъ имѣть послѣдствій, но все таки она должно быть была серьезная—„дураки и дѣти несносныя часто люди“.—Ты сообщишь мнѣ причину ссоры, потому что мнѣ не мѣшаетъ это знать.

Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ тетушки, сестра не можетъ написать, потому что взволнована состояніемъ здоровья сына Мишеля, который захворалъ. Тетушка увѣряетъ, что опасности нѣтъ никакой. Затѣмъ она сообщаетъ подробности о тяжбѣ изъ за наслѣдства семейства Ефимовскихъ. „Полицію звали не разъ“, а до сихъ поръ еще не пришли ни къ какому рѣшенію. Кн. Елена Голицына окончательно рѣшила ѣхать въ Карлсбадъ, и ѣхать скоро. Письмо тетушки помѣчено 26-мъ Апрѣля нов. ст., т. е. написано раньше послѣдней нашей оказіи. Вотъ что она пишетъ о твоёмъ назначеніи о которомъ узнала изъ газетъ: „Признаюсь, что переходъ брата Вашего изъ Рима въ Мадридъ мнѣ вовсе не нравится, не нравится также и климатъ Испаніи, и сами Испанцы, и городъ, гдѣ ему придется жить. Бѣдный Дмитрій, его ожидаетъ только скука, и никакого удовольствія. Я желалъ бы, чтобы онъ ухитрился сдѣлать такъ, чтобы жить вмѣстѣ съ нами. Скажите что старая тетушка несетъ околесицу, скажите, кому угодно, это тѣмъ болѣе вѣрно, что таково мое мнѣніе и что мнѣ очень жаль бѣднаго *Митеньку*, таково вѣяніе времени. Во всемъ, что они говорятъ о климатѣ и о странѣ, есть доля правды, но что касается служебнаго поприща, образовательнаго значенія и особыхъ преимуществъ этого перемѣщенія—то все это заставляетъ желать этого перемѣщенія. Что касается меня, то отъ души желаю тебѣ счастья, достойный другъ мой, каково бы ни было это счастье. Да поможетъ тебѣ Провидѣніе и да направитъ тебя на должный путь. Скажи любезной Пери, милому другу, что я вручаю тебя ея заботамъ, а этого доста-

точно, этимъ все сказано. Прощай. Черезъ недѣлю напишу еще. Мое почтеніе графинѣ, нѣжно цѣлую дѣтей. Привѣтствую гр. Боссомброни и шлю наилучшія пожеланія мадемуазель Лизѣ. Какъ обстоятъ дѣла съ моими порученіями? Поклонись Голицынымъ. Катенька здорова. Всѣ письма изъ Москвы были присланы съ Шереметевымъ, который отправился гонцомъ въ Петербургъ.

Флоренція, 25 Мая/6 Юня 1826 года.

Сегодня переписка такъ меня утомила, дорогой мой, что я готовъ былъ отложить сегодняшнее письмо, если не побоялся тебя разсердить. Кромѣ того ты, можетъ быть, недолго останешься въ Парижѣ, и тогда запоздалое письмо будетъ совсѣмъ лишнимъ. Послѣ письма изъ Генуи я ни разу не получалъ отъ тебя извѣстій, но, несмотря на это, сегодня опять жду отъ тебя писемъ. Какъ ты путешествуешь? Какія чувства испыталъ ты, въѣзжая въ Парижъ? Вспоминалъ ли меня въ улицѣ Артуа? что говоритъ милая, интересная Пери? была она на седьмомъ небѣ, встрѣтись съ тобой? помнить ли своего стараго друга? Сколько вопросовъ! И на все это долженъ дать мнѣ положительные отвѣты, не забывая о томъ, что существуютъ другія вещи, которыя мнѣ было бы желательно, хотя и не такъ любопытно узнать.

Сегодня ровно три недѣли, какъ ты уѣхалъ изъ Флоренціи... а я все еще не могу выходить изъ комнаты. Послѣ завтра мнѣ поставятъ мушку, и я буду просить разрѣшенія поѣхать недѣли на три на воды. Въ общемъ я здоровъ и расположеніе духа у меня хорошее. Третьяго дня получилъ изъ Петербурга нѣсколько книгъ, и между прочимъ новое изданіе басенъ Крылова. Дѣйствительно, прекрасное изданіе: на венецовой бумагѣ, хорошія гравюры и великолѣпная печать. Увѣрю тебя, что этой книгой могли бы гордиться и парижскія мастерскія. Въ маленькомъ сборникѣ, въ видѣ календаря, есть много хорошихъ вещей; есть письмо Дельвига о „Святыхъ мѣстахъ,“ которое по содержанію можно сравнить съ путевыми замѣтками Шатобріана. Забавно видѣть въ печати стихи крестьянина Слѣпушкина, но чтеніе ихъ ничего не даетъ. Гагаринъ прислалъ женѣ портретъ Императора, заказанный въ Вѣнѣ, пышную и красивую гравюру; а я жду такого же портрета изъ Петербурга.

Пока довольно, дорогой мой другъ. Отъ всего сердца цѣлую и вручаю тебя Провидѣнію и друзьямъ. Будь здоровъ и пиши поскорѣе,

поскорѣе. Теперь я буду ждать отъ тебя отвѣта изъ Парижа. Но въ будущій вторникъ, въ случаѣ, если не получу отъ тебя никакихъ дальнѣйшихъ указаній, я отправлю свое письмо въ Мадридъ.

Мое почтеніе графинѣ. Цѣлую дѣтей и кланяюсь всему обществу, молодымъ Голицынымъ.

Что подѣлываетъ Марья Михайловна и почтенная Василиса?

Не забыть передать тысячу привѣтствій Мишелю Голицыну, если ты только встрѣчаешься съ ними. Каковы эти стихи для Дельвига?—

Жизнью живою играла она, какъ младость играетъ.
Скоро забыли ее: вѣрно угѣшилась тамъ.

Флоренція, 29 Мая/10 Юня 1826 года.

Я воскресъ, изумленъ, удивленъ, я восхищенъ, особенно восхищенъ! Пять писемъ послѣ отъѣзда! Если такъ, будетъ продолжаться (даже если и наполовину такъ), то, по приѣздѣ въ Мадридъ, я воздвигну тебѣ памятникъ. Твое послѣднее письмо было изъ Валлоны,—ты стало быть ужъ 2 Юня былъ въ Парижѣ! сколько впечатлѣній! сколько удовольствій! Слушай, я охотно извиню тебя, если на первыхъ порахъ ты немножко забудешь обо мнѣ; признаю права Пери, но только ради нея извиню забывчивость *дня на два*. По истеченіи этого срока ты напишешь мнѣ длинное посланіе. Если такъ, то я получу отъ тебя извѣстія самое позднее 16 Юня. Здоровье мое, дорогой мой, опять пошатнулось и плохо то, что я замѣчаю, что болѣзнь начинаетъ нравственно угнетать меня. Посѣтители, навѣщающіе меня каждое утро, становятся мнѣ въ тягость, мнѣ не хотѣлось бы никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить. Врачъ предписываетъ мнѣ движеніе, это меня утомляетъ, и мы грыземся безъ конца.

У насъ живутъ теперь двѣ коронованныя особы: король Вюртембергскій—въ Ливорно, и Баварскій—въ Перуджіи. Кн. Павелъ уѣхалъ въ Анкону. Въ Парижѣ вы скоро увидите гр. Остермана-Толстого. *Съ нимъ довольно большая свита*. Герцогъ Луккскій вернулся въ Италію. Я полагаю, довольно съ тебя новостей отъ затворника, не выходящаго изъ своей берлоги, которому по всей вѣроятности придется просидѣть въ ней еще нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ!...

Вотъ письмо отъ Пери, полученное сегодня утромъ. Оно твое и по справедливости его слѣдуетъ тебѣ переслать. Къ тому же тебѣ будетъ вдвое пріятнѣе прочитать его вмѣстѣ съ нею. Прощай, дорогой другъ, будь здоровъ. Скажи Пери: *Erkenntlichkeit und Zutrauer*. Мое почтеніе графинѣ, милыхъ дѣтокъ цѣлую.

Р. S. Скажи г-ну Альбини, что его августѣйшій портретъ былъ полученъ послѣ отъѣзда г-на Краузе. — Пакетъ огромный — что съ нимъ теперь дѣлать?

Привѣтствую кузеновъ Голицыныхъ и благодарю Теодора за обѣщаніе прислать Сегюра.

Если встрѣтишь секретаря Флорентійскаго посольства, передай ему отъ меня дружескій привѣтъ.

12/14 Юня 1826 года.

Если бы я еще могъ адресовать это письмо въ Парижъ, дорогой другъ мой, я безъ сомнѣнія началъ бы съ упрековъ. Какъ? до сихъ поръ — никакихъ извѣстій! ты пропустилъ 5 почтовыхъ дней *не давши мнѣ знать о пріѣздѣ*, не сказавъ ни слова о твоёмъ здоровьѣ! Къ счастью благодѣтельница Пери уведомила меня объ этомъ и такимъ образомъ отчасти избавила меня отъ тревоги, но я все таки на тебя сердить. Правда, есть надежда, или, вѣрнѣе, увѣренность въ томъ, что во вторникъ я непременно получу отъ тебя подробныя извѣстія и что это мое письмо придетъ къ тебѣ въ... Мадридъ! — вотъ мои лучшіе утѣшители. Итакъ, не нужно раздражаться, лишь бы только въ Испаніи дѣло наладилось. *Разъ въ недѣлю*, понимаешь, „Кузя“? — и непременно въ опредѣленные дни; я выбралъ субботу, такъ и буду продолжать.

Изъ Москвы я получилъ два письма; первое, помѣченное 26-мъ Апрѣля, отъ тетушки, гдѣ она пишетъ о болѣзни маленькаго Мишеля ребенка Антонины, и объ отчаяніи сестры. Второе письмо, отъ 16 мая, сообщаетъ печальную новость. Бѣдная Антонина! Вотъ что она пишетъ: „Когда тетушка въ послѣдній разъ писала тебѣ, дорогой, Мишель, я, изъ за ужасныхъ волненій за здоровье своего ребенка, могла написать только адресъ, чтобы подать тебѣ хоть признакъ жизни, но теперь, когда послѣ 26 дней волненій, страховъ и роковыхъ надеждъ все окончилось смертью самаго дорогаго для меня существа, моего

нѣжно-любимаго дитяти, я въ нѣсколькихъ строкахъ хочу тебѣ выказать, какъ я тебя люблю и посвятить тебѣ тѣ немногія мгновенія, когда я могу оторваться отъ терзающихъ мою душу воспоминаній. Я здорова, совершенно здорова, но терзаюсь невыразимо.... Передай Дмитрію все, что я тебѣ пишу, потому что это письмо я пишу вамъ обоимъ. Молитесь, молитесь за меня, это все, что осталось для меня и для того, кого я потеряла. Господь да будетъ съ вами. Твоя Катерина здорова.“

Дальше въ письмѣ идутъ приписки тетушки, Пьера, мачехи и Александра. Это показываетъ, что въ тяжелыя минуты всѣ опять объединились—благословимъ Провидѣніе, которое такимъ образомъ поддерживаетъ связь между остатками нашей семьи. Нѣтъ, я не въ силахъ выразить, какое грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе приписокъ. Тетушка и Пьеръ въ своихъ письмахъ рассказываютъ съ жаромъ о томъ, какъ заботливо ужасивала за больнымъ и за бѣдной нашей сестрой семья Телѣгиныхъ (Михайла Петровичъ). Поэтому я рѣшилъ немедленно написать ему письмо, и чего бы я не далъ, чтобы имѣть возможность писать его вмѣстѣ съ тобою!—

На дняхъ къ моей сыни присоединилась легкая простуда, и лѣченіе ея прервало лѣченіе подбородка, такъ что я снова *прокаженный*, и Богъ вѣсгъ на сколько времени. Право, живя въ прекрасной Италіи, я плохо провожу время, если только не избавлюсь отъ болѣзней въ будущемъ. Какъ тебѣ извѣстно, въ будущемъ, въ извѣстную эпоху (болѣе или менѣе отдаленную) должна рѣшиться моя судьба, это вопросъ всей моей жизни.... и чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ труднѣе рѣшиться. Другъ мнѣ необходимъ—жду твоего письма.

У насъ очень мало новаго. Говорятъ, иллюминація въ Пизѣ удалась на славу, а вчера здѣсь начались празднества въ честь Св. Іоанна. Кн. Боргезе уѣхалъ въ Парижъ и повезъ королю великолѣпный подарокъ отъ папы. Баварскій король возвратился въ свое королевство, а король Вюртембергскій все еще въ Ливорно. Сверчковъ сообщаетъ, что непременно вернется въ Сентябрь. Дай то Богъ!

Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ, любимъ, веселись и не скучай въ Мадридѣ.

Помнить ли меня г-нъ д' Убри? Одно время я работалъ подъ его непосредственными указаніями; онъ самъ руководилъ и исправлялъ мои труды.

Флоренція, 19 Іюня/1 Іюля 1826 года.

Ты меня огорчаешь, дорогой мой Дмитрій, даже очень огорчаешь. Вотъ ужъ мѣсяць, какъ ты въ Парижѣ, и не подаешь никакихъ признаковъ жизни. Если ты ждешь подходящаго момента, чтобы сообщить мнѣ *всѣ* подробности, то твой расчетъ невѣренъ, потому что такой большой перерывъ въ нашей перепискѣ меня очень заботитъ и огорчаетъ. Думаешь ли ты, напримѣръ, о томъ, что здоровье моего *лучшаго друга*, занимаетъ меня въ той же степени, какъ и тѣ новости, которыя ты намѣренъ сообщить мнѣ со временемъ? Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы ты могъ такъ думать, а, между прочимъ, что тебѣ стоитъ написать: „дорогой другъ мой, я здоровъ, прощай?“

Прости меня за эти жалобы, мой дорогой, мой чудный другъ. Твое молчаніе производитъ на меня такое сильное впечатлѣніе потому, что я ослабѣлъ отъ болѣзни, а въ моемъ положеніи такъ пріятно было бы получить отъ тебя нѣсколько строкъ! Флоренція опустѣла. Всѣ разѣхались, кто на воды, кто въ деревню. Демидовъ, за послѣдніе дни своего пребыванія во Флоренціи, положительно по дружески ухаживалъ за мною. Изъ Москвы писемъ нѣтъ, кромѣ того послѣдняго, о которомъ я тебѣ сообщалъ. Прощай, несмотря на то, что я поправляюсь, мнѣ запрещено заниматься, а то нездоровье, о которомъ я писалъ, оказалось простой простудой. Отъ души цѣлую тебя. Да благословить тебя Господь.

26 Іюня/8 Іюля 1826 года.

Слава Богу, наконецъ то, дорогой другъ, я получилъ изъ Парижа твое письмо, помѣченное 20-мъ (!) Іюня. Оно требуетъ подробнаго отвѣта, но не буду скрывать, дорогой мой, что я еще слабъ, и слѣдовательно не въ состояніи заняться этимъ теперь. Довольствуйся тѣмъ, дорогой мой, ангель, что мнѣ лучше. Слабость—послѣдствіе всякой болѣзни—не должна тебя тревожить. Прощай. „Обнимаю тебя всею душею.“—

10/22 Іюля 1826 года.

Мнѣ, слава Богу, все лучше и лучше, и черезъ нѣсколько дней я собираюсь поѣхать на недѣлю-другую на воды въ Лукку. Кранъ до сихъ поръ очень хорошо ко мнѣ относится. Слава Богу! Не спра-

шивай меня ни о какихъ новостяхъ, потому что нашъ городъ совѣмъ опустѣлъ. Одиночество мнѣ наскучило; моя сыль, лѣченіе которой пришлось прервать въ виду приближенія зимы, очень меня тревожить. Боже мой, если бы я могъ избавиться отъ нея. Передъ отъѣздомъ въ Ливорно г-жа Бутурлина захотѣла непременно повидаться со мной и отнеслась ко мнѣ очень хорошо. Только искренно-ли это?... мнѣ хочется думать, что да. Она сама заговорила о своей сестрѣ и жаловалась на нее. Аннетъ наконецъ вышла замужъ, но дальнѣйшія намѣренія графини никому неизвѣстны. Супругъ по всей вѣроятности увезетъ свою жену въ Ирландію, гдѣ семейная жизнь не такъ дорого стоитъ. Графиня Екатерина Воронцова торжествуетъ. Елена Голицына въ Карлсбадѣ, откуда обѣ дамы поѣдутъ въ Пизу, а потомъ придется устраиваться (мнѣ сдается, что это самое подходящее выраженіе) во Флоренціи. Я очень люблю кн. Елену. Мы часто вспоминаемъ золотыя времена и времена печали, и это наполняетъ жизненную пустоту.

Послѣ тѣхъ двухъ писемъ—отъ 20 и 21 Іюня (по условію, это лишь первые листки обычной переписки), съ тѣхъ поръ—ни единого слова. Между тѣмъ я получилъ ящикъ съ книгами и гравюрами. Книги тѣ, которыя мнѣ были обѣщаны Ѳ. Голицынымъ, но гравюры? Развѣ и имъ я обязанъ тоже ему?—Надежда обманула меня, я не нашелъ въ ящикѣ маленькой записочки отъ тебя, и мои грустные мысли остались при мнѣ. Посмотримъ, что то принесетъ слѣдующая почта. Вотъ она!— — — и опять ничего.....

Несмотря на то, что ты такъ меня огорчаешь, я тебя люблю, дорогой мой ангель, люблю какъ брата и какъ лучшаго друга. Господь да поможетъ тебѣ. Я молюсь за тебя, а себя вручаю твоимъ молитвамъ.—

Изъ Москвы писемъ нѣтъ.

Флоренція 17/29 Іюля 1826 года.

Повидимому лихорадка не любитъ шутить въ этой странѣ, потому что вотъ уже четыре недѣли, какъ я привѣтствую солнышко только сквозь занавѣси своей постели или черезъ окна (съ утра до ночи закрытыя). Докторъ сулитъ мнѣ всякое благополучіе въ Августѣ мѣсяцѣ; Августъ не за горами, а между тѣмъ и сегодня ноги отказываются мнѣ служить. Чтобы тамъ ни было, я благодарю Бога за то

терпѣніе, которое Онъ мнѣ посылаетъ, чтобы переносить все это. Я одинокъ, какъ сова; меня видятъ только мои слуги, докторъ и священникъ. Немножко похоже на островъ св. Елены. Ха! ха! На водахъ, говорятъ, мало народу, весьма вѣроятно, потому что помѣщенія невообразимо дороги.

Ну какъ же ты поживаешь въ Мадридѣ, мой дорогой, мой нѣжный другъ? Наладились ли твои служебныя отношенія и чайныя знакомства? Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій. Г-нъ Сверчковъ дѣлаетъ приготовленія, чтобы возвратиться въ Сентябрь. *Здоровье его совершенно поправилось*. Кто бы могъ это подумать нѣсколько недѣль тому назадъ. Доказательствомъ полного его выздоровленія служить то, что его жена уѣхала въ Карлсбадъ.

Изъ Москвы нѣтъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ писалъ. Прощай. Провидѣніе да хранить тебя. Прощай, прощай, дорогой ангель.

Съ 21 Іюня—отъ тебя ни одного слова.....

5 Августа нов. стilia 1826.

Развѣ на настоящаго друга можно было сердиться? Каждый день, лежа въ постели, я сѣтовалъ на твое молчаніе, но какъ только увидѣлъ печать Пери и адресъ, написанный твоей рукой, въ одну минуту все, все забылъ и былъ занятъ только тобою однимъ..... мой ангель! Кто не умилился при звукѣ этого прекраснаго, наивнаго и сердечнаго выраженія. Ахъ, Мишель, въ этотъ тяжелый мигъ я все бы отдалъ за маленькій уголокъ твоей постели, только чтобы быть около тебя, Господь да сохранить такое нѣжное, любящее существо, какъ ты. Я солгалъ бы тебѣ, сказавъ, что лихорадка кончилась, наоборотъ, сегодня утромъ ознобъ былъ еще сильнѣе. На нетерпѣливый вопросъ, который иногда у меня вырывается: *когда я выздоровлю?* докторъ отвѣчаетъ: будьте довольны тѣмъ, что опасность миновала.

Не зная, когда именно ты уѣзжаешь въ Мадридъ, и рассчитывая, что тебѣ не разрѣшатъ прожить въ Парижѣ больше мѣсяца, я 12/24 Іюня отправилъ тебѣ письмо въ Мадридъ. Твое послѣднее письмо сбиваетъ меня съ толку, но нѣтъ, это письмо я пошлю все таки въ Мадридъ.

Мы, то есть дипломатическій корпусъ, теперь въ Луквѣ, а я у себя на постели. Съ живѣйшимъ интересомъ жду рѣшенія ареопага, т. е., хочу сказать, совѣщанія, созваннаго Его Величествомъ изъ представителей главнѣйшихъ государствъ. Благодарю тебя, мой ангелъ, за присланные 550 фр., они покроютъ долгъ въ 600 фр., котораго я занялъ у Краузе. Дядя обращается со мной необыкновенно хорошо, послѣ твоего отъѣзда онъ въ три пріема далъ мнѣ, думаю, тысячи полторы—это Богъ послалъ мнѣ эти деньги, потому что иначе—хоть съ голоду умирай. Два раза въ день—визиты Несполи (4 наполеондера за 20 визитовъ!), столъ, который я держу для того, чтобы ѣли другіе—однимъ словомъ, дорогой мой, ты не можешь себѣ представить, что это такое.

Демидовъ черезъ 20 дней возвращается съ водъ, но я все таки думаю, что другіе тамъ останутся, потому что этимъ лѣтомъ удовольствія на водахъ не прекращаются. Англичане сами устраиваютъ пикники. Англійскій министръ поощряетъ развлечения. Маленькій герцогъ на самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ, вотъ еще лишняя, и самая главная потеря для купаній. Прощай, мой ангелъ, знай, что съ тѣхъ поръ, какъ я заболѣлъ, мнѣ ни разу не приходилось писать такое длинное письмо, я и теперь не сдѣлалъ бы этого, если бы оно не предназначалось тебѣ.

Теперь не время, дорогой мой, отвѣчать на первое твое письмо изъ Парижа, помѣченное 20—21-мъ Іюня, отвѣтъ на него нужно писать со свѣжей головой, но въ немъ есть одно мѣсто, которое нельзя класть подъ сукно, объ этомъ заговорятъ, даже въ томъ случаѣ, если ты уже уѣхалъ въ Мадридъ, а поэтому я долженъ обсудить его безъ малѣйшаго замедленія.

Вотъ что ты пишешь о Лизѣ. Въ будущемъ постарайся быть смѣлѣе и настойчивѣе въ отношеніяхъ къ этой молодой особѣ..... зачѣмъ?... чтобы потерять ее? Нѣтъ, мой другъ, это нужно сдѣлать иначе; такъ какъ (ты самъ это пишешь въ послѣднемъ своемъ письмѣ) тетушка *окончательно* рѣшила дать только 15 тысячъ франковъ, а для меня это равняется Дантовой надписи, то я постараюсь обращаться съ молодой особой такъ же, какъ и со всѣми остальными. Здѣсь встрѣчается одно очень затруднительное для меня обстоятельство,—ты зналъ, что бракъ невозможенъ, а ухаживалъ за Лизой. Я увѣренъ, что тетушкѣ ты далъ поводъ надѣяться, а она постарается осуществить эту надежду, а такъ какъ она знаетъ, что я далеко, то охлажденіе вполне возможно, вмѣсто всего этого тебѣ слѣдовало бы въ одинъ прекрасный день

откровенно поговорить съ ней объ этомъ, сказавъ, что мы оба отказались отъ этого намѣренія, а я остался бы въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ графиней на все время ея пребыванія здѣсь, чего теперь, конечно, не будетъ—дорогой мой, боюсь, что голова закружится. Прощай.

Флоренція 31 Іюля/12 Августа 1826 года.

Удовлетворенъ ли ты наконецъ моею аккуратностью, достойный другъ мой? Письмо № 11 будетъ отправлено въ субботу. Что меня огорчаетъ, такъ это то, что не будучи въ состояніи разсчитать, сколько времени ты пробудешь въ Парижѣ, я, естественно, посылалъ всѣ свои письма въ Мадридъ, такъ что въ Парижѣ ты сидишь безъ извѣстій отъ меня, а въ Испаніи тебя дожидается цѣлый ворохъ моихъ писемъ. Что подѣлаешь! Въ настоящую минуту, 12 Августа, ты уже навѣрно въ Мадридѣ. Посмотримъ, какъ то наладится теперь наша переписка!

8 Августа я получилъ изъ Москвы письмо, помѣченное 4-мъ Іюля ст. стилиа. Антонина, по обыкновенію, извиняется, что такъ долго не писала! Дѣла Пьера, Поля, лѣнь однихъ и безалаберность другихъ, все это, по ея словамъ, мѣшало ей прочесть письма изъ Италіи. А я отвѣтилъ, что, если ей *никакъ* нельзя написать *два слова* въ теченіе мѣсяца, то вслѣдствіе этого мы получаемъ извѣстія изъ Москвы только благодаря случайности, что весьма печально. Но я все таки буду исполнять свои обѣщанія.

Письмо отъ 4-го Іюля дѣйствительно нелѣпое. Антонина „хнычетъ, что ея мужа послали усмирить 300 мужиковъ.“ Они еще не получили послѣдняго оброка, что еще больше раздражаетъ ее теперь, то я подозреваю, что они уже получены, потому что я поручилъ ихъ Шереметеву, а онъ, взявши ихъ у меня во Флоренціи, возвратился въ Туринъ, чтобы ѣхать гонцомъ въ Петербургъ. Затѣмъ слѣдуетъ обширная статья о Полѣ и о томъ, какъ жалко Дмитрія. Представь себѣ, что они ни откуда не получаютъ денегъ; крестьяне всѣ разбѣжались, и 3 года не даютъ никакого дохода; наконецъ, въ одномъ изъ мелкихъ помѣстій, правительство забрало весь скотъ, чтобы покрыть недоимки въ 500 рублей. А съ капитаномъ дѣло обстоитъ еще хуже, онъ совсѣмъ ничего не получаетъ. Дядь Зелецкому онъ задолжалъ 2000 рублей. Таково печальное положеніе моего брата, и когда я подумаю, что и мнѣ предлагали (конечно, люди посторонніе,) нѣчто подобное, меня дрожь про-

бираетъ..... Мнѣ скажутъ, что мои деньги—вѣрныя, но здѣсь умѣренность значить то же самое, что у Поля—полное безденежье. Вотъ и все письмо Антонины, дорогой мой.

Если кн. Елена Голицына пріѣдетъ сюда въ Сентябрѣ, нужно ожидать и генерала Аракчеева. Вотъ и всѣ новости, которыя я узналъ, лежа за занавѣсками своей постели. Прощай, мой вѣрный другъ. дорогой мой ангелъ, да хранить тебя Господь Богъ. Кашель уменьшается, но слабость еще очень велика, поэтому я всѣ 24 часа провожу или въ большомъ креслѣ у окна, или въ постели. Прощай. Ты обѣщаль написать изъ Парижа длинное письмо, буду ждать его со слѣдующимъ гонцомъ. К. сказалъ мнѣ, что уже владѣешь испанскимъ языкомъ. Bravo, caro, bravissimo!

16 Сентября 1826 года. Флоренція.

Только что получилъ твое письмо № 2, дорогой мой Дмитрій. Ты имѣешь право жаловаться, но что же подѣлаешь? У каждаго свой жребій, нужно терпѣть. Пери навѣрное напишетъ тебѣ, а это большое утѣшеніе среди мадридской скуки. О себѣ скажу, что я выздоравливаю, но еще слабъ, т. е. не могу ходить. Выздоровленіе затянется на нѣсколько недѣль, а можетъ быть продлится и мѣсяцы.—Какимъ образомъ случилось, что ты не поселился въ Посольствѣ, какъ это должно было быть, по словамъ г-на д' Убри? Ты нанялъ помѣщеніе, велико ли оно, или мало, оно все же должно отнимать у тебя часть 9 т. фр. Ради Бога, настаивай, чтобы тебя помѣстили въ посольствѣ, я сдѣлаю то же самое со Сверчковымъ, когда онъ вернется министромъ. Нужно, чтобы онъ далъ мнѣ 3 комнаты и столъ. Откажетъ ли онъ мнѣ въ этомъ? Это было бы немножко стыдно.

Говорятъ, гр. Мэстръ въ Туринѣ. Богъ знаетъ, пріѣдетъ ли онъ во Флоренцію! К. Елена Голицына поѣхала въ Вѣну, чтобы посоветываться съ Малифатти, откуда она вернется во Флоренцію, чтобы здѣсь устроиться. Екатерина Воронцова вмѣстѣ съ нею; г-жа Бару (Анна) все еще въ Монрелле, и, повидимому, все еще не состарилась. Бѣдная Аннетъ! Здѣсь всѣ убѣждены, что она согрѣшила.... до брака. Бутурлина относится ко мнѣ, какъ къ родному, часто приходитъ ко мнѣ и сидитъ больше часа. Мнѣ кажется, что было бы возможно породниться съ нею, но, признаюсь тебѣ я еще не совсѣмъ рѣшился.

Изъ Москвы нѣтъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ сообщалъ. Вотъ два векселя, каждый по 1500 фр.; третій, въ 500 фр.,

подписанъ въ Петербургѣ, его я оставляю здѣсь. Свои деньги изъ Москвы ты навѣрно получишь въ Мадридѣ. Я говорилъ о нихъ Василевскому. Знаешь, мой дорогой, стыдно, что ты до сихъ поръ не написалъ Василевскому. Поторопись.

Прощай, мой ангелъ, мой другъ и братъ; я начинаю уставать, нужно кончать письмо. Пожалуйста, ради Бога, береги свое здоровье, я оцѣнилъ его только теперь два мѣсяца пролежавъ въ постели. Прощай, будь здоровъ.

Написано по русски рукою слуги Петра. 1826 года, Флоренція.

Сентября 23 дня, 14 №.

Любезный другъ. Сегодня осажденъ я былъ цѣлое утро визитами, теперь, когда еще есть время написать къ тебѣ словечко, прихватила меня лихорадка. Въ этомъ положеніи, ты знаешь, нѣтъ возможности чѣмъ либо заняться, а потому почеркъ Петра не долженъ никакъ тебя, мой ангелъ, беспокоить, ни тревожить. Вчера я спалъ шесть часовъ, добрый знакъ, ибо этого давно со мной не бывало. Кашель уменьшился въ треть доли, что подаетъ большую надежду, только слабость еще чрезвычайно велика. Стихи хороши, но потребуютъ прилежной отдѣлки. За симъ прости, мой ангелъ, будь здоровъ и не сѣтуй на Иберій, скучную природу котораго не воспують сѣверные стихи. Прости же, мой другъ. Изъ Москвы, кромѣ послѣднихъ, которыя я тебѣ сообщилъ, извѣстій, не получалъ. Adieu, adieu!

Конецъ.

LE MOMENT GERMANIQUE DU MONDE

Le moment germanique du monde.

Cette guerre sans précédent, ses phases tragiques et imprévues, le caractère sauvage et bestial que lui imprime notre ennemi, la signification mondiale de ce bouleversement gigantesque, la recherche de ce que peut être cette créature phénoménale qui s'est révélée comme un fléau de l'humanité; tous ces objets, séparément pourraient être le sujet d'études que les angoisses présentes ne permettent pas d'approfondir. Mais nous pensons que des impressions, des observations, notées durant cette période émouvante, indiqueront un peu l'état d'esprit qui règne actuellement. L'Europe enfiévrée est secouée par un formidable spasme. Et nous, nous sommes si absorbés par les émotions journalières, que nous songeons à peine à ce que nous réserve le lendemain. Certes, nous avons une absolue confiance dans l'avenir, sans toute fois prévoir l'heure du salut.

Le moment solennel que nous vivons, sous quel nom orqueilleux nos ennemis le désignent-ils? Cherchons le dans leur prose souvent emphatique.

Dans ses récentes conférences de Leipzig sur „la culture et la guerre“, le Professeur Lamprecht a fourni à Mr Chevillon les éléments d'une étude profonde sur le phénomène allemand, étude publiée dans la Revue de Paris. Il décrit la lente ascension du germanisme meurtri par les grandes mêlées de gouvernements et de peuples, puis l'explosion subite quand il a pris connaissance de sa force: „quand, par l'effet surtout de l'invisible travail commencé vers le milieu du XVIII-e siècle, les vieux équilibres moraux achèvent de se rompre, et que partout l'esprit se met en mouvement: alors du fond de l'inconscient où elles

МИРОВОЙ ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОСЪ

Мировой германскій моментъ.

Эта безпримѣрная война, ея ужасныя и непредвидѣнныя видоизмѣненія, дикій и животный оттѣнокъ, придаваемый ей нашимъ врагомъ, всемирное значеніе этого исполинскаго переворота, тѣ послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ необычайнаго явленія, ставшаго какъ бы бичемъ человѣчества; все это въ отдѣльности могло бы быть предметомъ изслѣдованія, но страданія настоящаго времени не позволяютъ намъ достаточно углубиться въ этотъ предметъ. Однако мы полагаемъ, что наши впечатлѣнія, наблюденія, сдѣланныя за этотъ поразительный промежутокъ времени, хоть немного укажутъ на царящее въ настоящее время настроеніе умовъ. Воспаленная Европа корчится въ исплинскихъ судорогахъ. А мы, такъ погружены въ заботы о сегодняшнемъ днѣ, что едва ли думаемъ о томъ, что ждетъ насъ завтра. Конечно, мы съ полнымъ довѣріемъ сможемъ впередъ, хотя все еще не можемъ сказать, когда придетъ часъ избавленія.

Какое же гордое имя дали наши враги тѣмъ торжественнымъ днямъ, въ которые мы живемъ? Поищемъ же его въ ихъ же собственной, подчасъ напыщенной прозѣ.

Недавно въ Лейпцигѣ, въ собесѣдованіяхъ о „культурѣ и войнѣ“ профессоръ Лампрехтъ сообщилъ Шервильону основы своего глубокомысленнаго изслѣдованія нѣмецкаго феномена, трудъ, напечатанный въ *La Revue de Paris*. Онъ описываетъ медленное возникновеніе германизма, сначала подавленное великими столкновеніями правительствъ и народовъ, затѣмъ его неожиданную вспышку, наступившую тогда, когда онъ созналъ свою силу: „Когда, особенно подъ вліяніемъ скрытой работы, начавшейся около середины XVIII столѣтія, старые нравственные устои были окончательно подорваны, и когда вездѣ началось умственное движеніе: тогда то бессознательно, изъ глу-

avaient si longtemps dormi, jaillissent, plus pures et plus hautes que jamais, les essentielles énergies de la race. Alors, selon Hegel, commence le moment germanique du monde, avec l'inoubliable embrasement de la pensée et de l'art allemands, dont l'art et la pensée des autres peuples ne feront plus que refléter les flammes¹⁾.

J'estime que ces mots: moment germanique du monde. pour exprimer par anticipation les temps que nous vivons, étaient une trouvaille suggestive. Les allemands nous enseignent ce qu'ils entendent par un moment germanique dans toute sa vérité, dans toute son extension dans toute son horreur. Leur vanité ambitieuse veut qu'il soit mondial, et le monde entier apprend tragiquement la signification actuelle du mot germanique.

Ce moment germanique du monde, Guillaume II l'a inauguré au milieu des acclamations délirantes de tout son peuple, dont il était comme le héros providenciel et comme l'émanation divine; tous ses innombrables artisans de la préparation de ce moment, saluaient leur tyran, comme le conquérant qui va sûrement vers la victoire.

Pour masquer l'oeuvre souterraine et préparatoire de ses espions répartis dans tous les hémisphères, le Kaïzer jouait en excellence la comédie; il se faisait passer pour l'Empereur de la paix; mais comme Ianus, il possède deux faces, l'une pour tromper, l'autre pour terroriser. C'est cette dernière qu'il montre. Le Comte Axel, son familier, et le comte de Moltke sont arrivés à cette conclusion, au début de juillet 1914, que le souverain jettait le masque et rêvait de s'engager dans une lutte qui fasse de lui, non seulement le maître de l'Europe, mais le maître du monde²⁾. Voilà arrivé le moment germanique du monde dont le Kaïzer a donné le signal. Depuis des mois ce moment dure, les allemands en ont marqué le caractère par la violation de leurs traités, les incendies, les massacres de civils, les pillages, les orgies. Ils se sont plutôt rués à une curée qu'à une conquête. A l'heure présente, le moment germanique du monde bat son plein. Il se poursuit avec acharnement, on ne peut en mesurer la durée, il prendra seulement fin alors que la France, la Russie, l'Angleterre, l'Italie, la Serbie, le Monténégro, le Japon auront triomphé totalement et auront rendu à l'Europe une vie normale.

¹⁾ L'Eclair 17 Avril 1915.

²⁾ Le Kaïser Ianus. L'Eclair du 18 Avril 1915.

бины души, гдѣ онѣ такъ долго дремали ярче и сильнѣе, чѣмъ когда либо, вырываются наружу главныя народныя силы. Тогда то, по Гегелю, начинается міровой германскій моментъ, та незабываемая вспышка нѣмецкой мысли и искусства, когда искусство и мысль другихъ народовъ будутъ служить только отблескомъ этого пламени¹⁾

Я полагаю, что слова: міровой германскій моментъ заранѣе обозначившія то время, въ которое мы живемъ, дѣйствительно были находкой. Нѣмцы ясно показали намъ, что именно они подразумеваютъ подъ германскимъ моментомъ, показали безъ прикрасъ, во всей своей наготѣ, во всемъ величїи и ужасѣ. Ихъ гордое тщеславіе требуетъ, чтобы онъ сталъ всемірнымъ, и цѣлый міръ съ прискорбіемъ узнаетъ настоящее значеніе слова „германскій“.

Вильгельмъ II освятилъ этотъ міровой германскій моментъ среди безумныхъ бредовыхъ криковъ всего своего народа, а самъ сталъ героемъ, якобы ниспосланнымъ Провидѣніемъ и какъ бы носителемъ божественныхъ силъ; всѣ его безчисленные приспѣшники въ дѣлѣ подготовки этого момента привѣтствовали своего деспота, какъ побѣдителя, который навѣрняка приведетъ ихъ къ побѣдѣ.

Для того, чтобы прикрыть подпольную дѣятельность и приготовленія своихъ доносчиковъ, отправившихся во всѣ части свѣта, Кайзеръ прекрасно разыгрывалъ комедію; онъ представился императоромъ-мироотворцемъ; но у него, какъ у Януса, два лица; одно для того, чтобы обманывать, другое для того, чтобы устрашать. Теперь онъ показалъ намъ послѣднее. Въ началѣ Іюля 1914 г. графъ Аксель, его родственникъ, и графъ Мольтке, пришли къ тому заключенію, что государь сбросилъ личину и затѣялъ борьбу, которая должна сдѣлать его не только властелиномъ Европы, но и властителемъ міра²⁾. Такъ наступилъ міровой германскій моментъ, сигналъ къ нему былъ поданъ Кайзеромъ. Съ тѣхъ поръ онъ длится мѣсяцы, Нѣмцы отмѣтили его нарушеніемъ договоровъ, пожарами, убійствомъ мирныхъ жителей, грабежами, оргіями. Они больше гнались за добычей, чѣмъ за побѣдой. Въ настоящее время міровой германскій моментъ въ полномъ разгарѣ. Развиваясь, онъ сдѣлается все ожесточеннѣе, и продолжительность его нельзя опредѣлить, или онъ окончится только тогда, когда Франція, Россія, Англія, Італія, Сербія, Черногорія, Японія окончательно восторжествуютъ и вернутъ Европу къ прежней нормальной жизни.

¹⁾ L' Eclair, 17 Апрѣля 1915 г.

²⁾ Кайзеръ Янусъ. L'Eclair, 18 Апрѣля 1915 г.

On se perd en conjectures sur la manière dont prendra fin le moment germanique du monde qui se résume en un drame où la bestialité de la Kultur veut étouffer la civilisation et la dignité de l'Europe. On se perd en conjectures sur les conséquences de ce moment terrible durant lequel se multiplient d'un côté les ignominies et de l'autre les héroïsmes. Le moment germanique du monde expirera pour céder la place au moment libérateur du monde: ce moment sera l'heure de la malédiction des boureaux et de la glorification des victimes. Ce moment sera l'heure de la punition des fauteurs de désastres et de la récompense des sublimes sacrifices dus aux sauveurs du droit et de la liberté. L'heure où, sur un amas de millions de cadavres humains, celui qui s'est repu de sang, d'orgueil, d'ambition, recevra de l'histoire le plus infamant des jugements—cet être soi disant sur humain sera rangé parmi les plus monstrueux phénomènes engendrés par la nature.

Pour l'Europe, ce moment germanique du monde est un fléau, un mal terrible comme qui dirait un cancer allemand arrivé à sa période la plus aigüe et rempli de menaces symptomatiques d'extension.

Le cancer allemand.

Le cancer allemand est un cancer qui affecte le cerveau dévoyé des intellectuels et se manifeste sous la forme d'un militarisme omnipotent et inplacable. Le fléau dont souffre l'Europe, et qui menace de franchir ses frontières, ne ressemble-t-il pas un cancer? Cancer moral et physique à la fois. De même que l'individu peut être atteint de cette maladie, les nations peuvent en être victimes; de même que l'individu peut la transmettre à d'autres individus, de même la nation contaminée, peut en inculquer les germes à d'autres nations.

Les peuples dans leur histoire, comme les hommes dans leur vie, subissent des maladies les unes passagères, les autres mettant leur vie en danger. Nous constatons actuellement, au centre même de l'Europe, un véritable foyer d'infection, ayant un caractère morbide, parvenir à l'apogée de sa croissance, de sa puissance et de son prurit d'extension. Seul, un traitement énergique, alors qu'il en est encore temps, peut empêcher le mal de s'étendre indéfiniment, peut en circonscrire les limites, et après en extirper les organes générateurs.

C'est en Prusse que le mal a pris racine, s'y est développé, puis ce milieu l'a transmis petit à petit à ses voisins confédérés et, de la sorte

Мы теряемся въ догадкахъ относительно того, какимъ образомъ окончится міровой германскій моментъ, ставшій драмой, въ которой звѣрство „нѣмецкой культуры“ собирается задушить цивилизацію и достоинство Европы. Мы теряемся въ догадкахъ, размышляя о послѣдствіяхъ этого ужаснаго момента, когда съ одной стороны, растетъ позоръ, а съ другой—множатся геройскіе поступки. Міровой германскій моментъ умретъ, для того, чтобы уступить мѣсто всемірному моменту освобожденія; этотъ моментъ наступитъ въ тотъ часъ, когда палачи будутъ прокляты, а жертвы прославлены. Этотъ часъ будетъ наказаніемъ для сотворившихъ разрушеніе и наградой за святыхъ жертвы спасителямъ права и свѣободы. Въ этотъ часъ тотъ, кто, на грудѣ милліоновъ человѣческихъ труповъ питался кровью, гордостью, тщеславіемъ, выслушаетъ позорнѣйшій изъ приговоровъ исторіи—это, такъ называемое сверхчеловѣческое существо будетъ причислено къ самымъ чудовищнымъ явленіямъ, порожденнымъ природою.

Для Европы міровой германскій моментъ является бичемъ, ужаснымъ зломъ, подобнымъ нѣмецкому раку, достигшему наивысшей степени своего развитія и полнымъ зловѣщихъ угрозъ, указывающихъ на возможность его распространенія.

Нѣмецкій ракъ.

Нѣмецкій ракъ поражаетъ заблуждающійся мозгъ интеллигенціи и выражается въ видѣ могучей и неумолимой военщины. Развѣ бичъ, подъ которымъ стонетъ Европа и который угрожаетъ переступить ея границы, не похожъ на ракъ? Это ракъ, въ одно и то же время и нравственный, тѣлесный. Какъ отдѣльное лицо можетъ заразиться этой болѣзью, такъ и цѣлые народы могутъ стать его жертвою; какъ отдѣльное лицо можетъ заразить имъ другихъ людей, такъ и зараженный народъ можетъ передавать зародыши болѣзни другимъ народамъ.

Въ исторіи народовъ мы видимъ, что они, подобно отдѣльнымъ людямъ, въ теченіе своей жизни переносятъ разныя болѣзни, однѣ легкія, другія, подвергающія ихъ жизнь опасности. Въ настоящее время мы наблюдаемъ, въ самомъ сердцѣ Европы, истинный очагъ заразы, имѣющей смертельныя признаки, заразы, достигшей высшей степени развитія и силы, и имѣющей склонность распоззаться повсюду. Только энергичное лѣченіе, и то, если примѣнить его во время, можетъ помѣшать этому злу распространяться безъ конца, можетъ положить ему предѣлы, и затѣмъ умертвить зараженные члены.

Это зло коренится въ Пруссіи, тамъ оно развилось, а затѣмъ мало по малу было перенесено къ сосѣдямъ-союзникамъ и такимъ

a pu s'en rendre maître. Les voisins, par affinité originelle de race, étaient plus aptes à contracter la contagion. Ils s'y sont bénévolement résigné en se laissant gagner d'abord et dominer ensuite. L'action rayonnante s'opéra ainsi. Le cancer s'étendra perfidement tant qu'une barrière ennemie n'aura entravé son extension. Le cancer d'abord prussien, devenu cancer allemand, aurait voulu devenir cancer européen, par inoculation de virus et ses tentatives se pratiquent un moyen d'espions porteurs de microbes pour la propagation du fléau. Lorsque le grand facteur d'infection pensa que les parties qu'il voulait atteindre étaient faibles, il chercha, par un effort gigantesque, à s'en emparer. Cet effort colossal est la poussée de l'Allemagne contre les nations attaquées par elle; nations qui veulent sauver leur vie, leur santé morale en même temps que celles des parties saines de l'Europe. C'est le combat de ce qui est sain contre ce qui est malsain; la protection de ce qui veut vivre contre ce qui apporte la mort. C'est la lutte d'une Europe qui aspire à s'affranchir et à se préserver d'une menace de torture suivie de trépas, contre une Europe qui se suicide en se nourrissant, en se glorifiant de principes délétères, en cherchant à terroriser et à châtier ceux qui étaient rebelles à la contamination. L'Europe sera sauvée quand la digue opposée à l'invasion funeste aura définitivement et radicalement enrayé la propagation du mal, quand enfin les virus vaincus stériliseront leur source.

Il restera aux sauveurs de l'Europe une tâche non moins grande à accomplir: celle de la préservation pour l'avenir d'un reflux des forces nocives. Ces sauveurs devront être des sanitaires plus unis que jamais. La puissance que l'Allemagne a tiré de la confédération de royaumes et de principautés, jadis indépendants, aujourd'hui entraînés dans la fièvre germanique, doit être anéantie. Ces royaumes et principautés doivent se départir de leur soumission à Berlin qui leur a imposé une tyrannie défigurante. A moins toute fois qu'ils préfèrent être totalement rongés comme le sera la Prusse dominatrice et propagandiste du mal qui a porté ses ravages loin de son foyer.

Je me suis cru autorisé à comparer les ravages du cancer à l'état morbide des mentalités allemandes qui ont déchaîné et conduiront le drame actuel. Ce rapprochement m'a été inspiré par ce mot si expressif de „rak“ (ракъ) qui sert, en langue russe, à désigner cette maladie. Il me semble que les pinces et les suçoirs d'un monstre, qui symbolise l'armée allemande, s'attaquent, pour meurtrir et détruire, à tout ce qui est à leur portée. Ces organes du monstre, il les faut trancher et détruire pour qu'ils ne réapparaissent pas; quant au corps, quant au cen-

образомъ и тамъ получило возможность восторжествовать. Вслѣдствіе врожденнаго сходства народовъ сосѣди были болѣе склонны къ воспріятію заразы. Они подчинились, добровольно сперва давъ ей доступъ, а затѣмъ и совсѣмъ покорившись. Такимъ образомъ зараза распространялась лучеобразно. Она будетъ коварно разползаться до тѣхъ поръ, пока враги не поставятъ ей преграды. Прусскій ракъ, ставшій потомъ нѣмецкимъ, захотѣлъ быть европейскомъ ракомъ посредствомъ прививки яда, и попытки эти дѣлаются шпіонами, носителями микробовъ, проповѣдующими бичъ человечества. Великій создатель заразы, думая, что страны, на которыя онъ хотѣлъ напасть, были слабы, исполинскимъ усиленіемъ попытался захватить ихъ. Это гигантское усилие есть вызовъ, брошенный Германіей всѣмъ народамъ, на которые она напала, народамъ, желающимъ спасти свою жизнь и свое нравственное здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь и здоровье остальныхъ, незараженныхъ частей Европы. Это битва здороваго съ больнымъ; борьба того, что хочетъ жить, съ тѣмъ, что несетъ смерть. Это борьба Европы, стремящейся освободиться и предохранить себя отъ угрозы вновь подвергнуться пыткамъ, а затѣмъ и смерти, съ Европой, совершающей надъ собой самоубійство, питаясь тлетворными завѣтами и прославляя, устрашая и казня возставшихъ противъ оскверненія. Европа будетъ спасена тогда, когда достойная преграда, выставленная противъ пагубнаго нашествія, окончательно и безповоротно оградитъ насъ отъ распространенія зла, когда противоядіе совершенно очиститъ источникъ.

Спасителямъ Европы нужно будетъ выполнить не менѣе великую задачу: предохранить себя въ будущемъ отъ наплыва вредоносныхъ силъ. Эти спасители должны будутъ сдѣлаться и охранителями народнаго здравія, болѣе сплоченными между собой, чѣмъ когда либо. Могуцество, созданное Германіей изъ когда то независимыхъ княжествъ и королевствъ, въ настоящее время пораженныхъ нѣмецкой лихорадкой, должно быть уничтожено. Эти королевства и княжества должны сбросить съ себя берлинское иго, навязанное имъ безобразной тираніей. По крайней мѣрѣ, если они не захотятъ быть окончательно сломленными, какъ это будетъ сдѣлано съ Пруссіей, владычицей и проповѣдницей зла, далеко вокругъ разнесшей свои опустошенія.

Я позволилъ себѣ сравнить разрушенія, наносимыя ракомъ, съ тлетворнымъ состояніемъ нѣмецкаго мышленія, вызвавшимъ современные событія и руководящимъ ими. Это сравненіе было мнѣ навѣяно столь выразительнымъ словомъ „ракъ“, означающимъ на русскомъ языкѣ эту болѣзнь. Мнѣ кажется, что клещи и щупальцы чудовища, символизирующаго нѣмецкую армію, накинута на все, чтобы убивать и уничтожать. Нужно обрѣзать и уничтожать члены этого чудовища,

tre, ils se dissolvent d'eux mêmes comme se désorganise tout foyer infectieux dont on a supprimé les moyens d'extension et de vitalité. Le monstre de proie qui a engendré et propagé le mal, périra rongé par le mal.

La guerre actuelle, telle que la pratiquent les allemands, est un péril mondial, un péril mortel, non seulement pour les nations contre lesquelles ils la dirigent, mais aussi pour les nations demeurées neutres. Le danger n'est-il pas aussi menaçant pour elles? Ne savent-elles pas que leur sort est en jeu? Ne se doutent-elles pas que l'ambition allemande les guette? Ne sont-elles pas témoins des atrocités allemandes? Que les neutres soient saisis d'indignation et d'épouvante en songeant à la destinée que l'Allemagne leur réserverait si elle était victorieuse.

Cette guerre, telle que la font les barbares, nous incite à en analyser les ferments et à mesurer quel serait l'étendue du cataclysme si ces barbares, contre toute probabilité, s'emparaient des régions convoitées par leurs visées géantes. Il faut que l'espoir de vaincre, qui persiste également dans les deux camps ennemis, se transforme dans le nôtre en certitude; dans le leur en déception. Les barbares ont voulu que cette lutte soit une lutte de vie ou de mort. Qu'ils n'espèrent plus une paix honorable, déshonorés qu'ils sont aux yeux du monde. Une paix honorable pour l'Allemagne vaincue équivaldrait à une reconnaissance de la part de ses adversaires qu'elle a employé des moyens loyaux dans les hostilités; ce serait contraire à la vérité.

Des deux côtés les belligérants se proclament sûrs de la victoire et des deux côtés ils affirment que cette guerre est pour eux une question de vie ou de mort. Il faut aller jusqu'au bout, disent-ils. Alors, comment, dans l'état présent des choses, pourrait-on supputer prématurément les conditions de paix?

La volonté absolue partagée par les alliés de poursuivre la guerre jusqu'au bout découle: 1° de la manière, contraire à toutes les règles, dont les allemands la font. 2° du but qu'ils visent. En effet les allemands combattent pour asservir l'Europe en s'annexant les petits états et en soumettant les grands.

Les ambitions de l'Allemagne font naître dans l'esprit de ses ennemis comme dans celui des neutres, la nécessité d'une solution radicale, aussi radicale que les projets de conquête étaient vastes. Le rôle

для того, чтобы они снова не выросли; что касается его тела, его сердцевины, то они распадутся сами собою, подобно тому, какъ разрушается всякій очагъ болѣзни, если его лишить жизненной силы и возможности сѣять заразу. Хищный звѣрь, несущій и распространяющій зло, самъ погибнетъ отъ этого зла.

Современная война при тѣхъ способахъ, какіе употребляютъ Нѣмцы, представляетъ собой всемирную гибель, гибель смертельную, не только для народовъ, противъ которыхъ она ведется, но и для нейтральныхъ странъ. Развѣ и имъ не грозитъ та же опасность? Развѣ онѣ не знаютъ, что и ихъ судьба поставлена на карту? Развѣ онѣ не знаютъ, что нѣмецкое тщеславіе подстерегаетъ и ихъ? Развѣ онѣ не являются свидѣтелями нѣмецкихъ звѣрствъ? Пусть негодование и ужасъ охватятъ нейтральные государства при мысли о томъ, какую участь уготовить имъ Германия въ томъ случаѣ, если она выйдетъ побѣдительницей.

Эта война и при тѣхъ способахъ, которые употребляютъ варвары, заставляетъ насъ разобраться въ отдѣльныхъ, составляющихъ ее явленіяхъ и взвѣсить, каковы будутъ размѣры переворота въ томъ случаѣ, если бы, паче всякаго чаянія, эти варвары завладѣли областями, на которыя направлены ихъ чрезмѣрные желанія. Нужно, чтобы надежда на побѣду, равно живущая въ обоихъ вражескихъ станахъ, въ нашемъ переродилась бы въ увѣренность въ побѣдѣ; въ ихъ станѣ—въ разочарованіе. Варвары захотѣли, чтобы эта борьба была борьбой не на жизнь, а на смерть. Пусть больше не надѣются на почетный миръ, послѣ того, какъ сами себя опозорили передъ лицомъ всего міра. Почетный для побѣжденной Германіи миръ со стороны ея противниковъ равнялся бы признаніемъ того, что она дѣйствовала законно по отношенію къ врагу; это противорѣчило бы истинѣ.

Обѣ воюющія стороны увѣрены въ побѣдѣ, и обѣ стороны утверждаютъ, что для нихъ эта война есть вопросъ жизни или смерти. Онѣ говорятъ: нужно идти до конца. Тогда, при настоящемъ положеніи вещей, какъ же можно заранѣе учесть условія мира?

Твердое рѣшеніе всѣхъ союзниковъ довести войну до конца вытекаетъ: во 1-хъ, изъ употребляемыхъ Нѣмцами способовъ, противныхъ всѣмъ правиламъ войны; во 2-хъ, изъ той цѣли, которую они имѣютъ въ виду. Дѣйствительно. Нѣмцы воюютъ для того, чтобы поработить Европу, захватывая маленькія государства и подчиняя себѣ большія.

Какъ во вражескихъ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ властолюбіе Германіи порождаетъ мысль о необходимости полного ея подчиненія, настолько же полного, насколько обширны были ея завое-

de la France et de ses alliés est de sauvegarder l'Europe du joug qui la menace.

Puisque „jusqu'au bout“ est comme la devise générale à l'heure actuelle, examinons, par nationalité, l'unanimité de cette volonté manifestée de part et d'autre de ne mettre fin aux hostilités que lorsqu'un des deux adversaires sera terrassé.

JUSQU'AU BOUT.

France—notre Patrie, après avoir tout fait pour maintenir la paix, a été traîtreusement attaquée. Alors elle a été sublime dans son appel à ses enfants et ses enfants ont été sublimes dans leur réponse à leur mère: nous vous défendrons jusqu'au bout. „La France vient de vivre une heure unique, une heure incomparable de son histoire. Je doute qu'il y en ait en de plus décisive depuis Jeanne d'Arc. Dans l'un et l'autre cas ce qui était en jeu, c'était l'existence même de la Patrie“¹⁾.

Nous devons avoir toujours, et maintenant plus qu'à jamais, présents à la mémoire les échos de tous les coeurs français vibrants le 22 décembre 1914 à la séance de la chambre dans ces paroles de M. Deschanel: „J'en atteste nos morts! Tous jusqu'au bout nous ferons notre devoir pour réaliser la pensée de notre race: Le Droit prime la Force!“ Puis, dans un beau mouvement d'éloquence, M. Viviani s'écriait: „La France et ses alliés ont dû subir la guerre, ils la feront jusqu'au bout!“

Pour la première fois depuis 1870, la France est aujourd'hui une nation unanime. Oui elle est unanime maintenant, comme au début de la guerre, pour aller jusqu'au bout. C'est seulement après qu'il sera question „d'une paix qui devra forcément changer complètement la répartition des forces européennes. La France aura droit à ce que l'équilibre, rompu en 1870, soit rétabli en sa faveur“²⁾.

Les alliés ont assumé la tâche d'écraser le militarisme allemand; ils doivent rejeter toute tentative qui serait faite pour les détourner de cette tâche. Dans ce but, une communication a été faite au colonel House, représentant personnel du Président Wilson à Paris. Elle a une

¹⁾ Victor Giraud. Le miracle français. Revue des Deux Mondes 15 avril 1915. p. 897.

²⁾ Frédéric Masson. Gaulois 28 avril 1915.

вательные планы. Роль Франціи и ея союзниковъ сводится къ охраненію Европы отъ грозящаго ей ига.

Такъ какъ „до конца“ является девизомъ настоящей минуты: прозлѣдимъ же единство этого желанія у каждаго народа въ отдѣльности желанія выраженного всѣми ими, желанія окончить военныя дѣйствія только тогда, когда одинъ изъ противниковъ будетъ поверженъ во прахъ.

ДО КОНЦА.

Франція. — На нашу Родину, все сдѣлавшую для сохраненія мира, предательски напали. Она была прекрасна, призывая дѣтей своихъ, и прекрасны были ея дѣти, отвѣчая матери: мы будемъ защищать тебя до конца. „Франція пережила незабвенную, ни съ чѣмъ несравнимую историческую минуту. Сомнѣваюсь, чтобы со времянь Жанны д'Аркъ имѣла мѣсто другая такая-же рѣшительная минута. Въ обоихъ случаяхъ на карту было поставлено самое существованіе Родины.“¹⁾

Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо нужно вспомнить тѣ отклики французскихъ сердець, которые прозвучали 22 Декабря 1914 г. на засѣданіи парламента въ словахъ г-на Дешанеля: „Убитыхъ призываю я въ свидѣтели! Мы всѣ до конца выполнимъ свой долгъ для того, чтобы осуществить задачи нашего народа. Право должно идти впереди Силы!“ Затѣмъ г. Вивіани воскликнулъ въ прекрасномъ порывѣ краснорѣчія: „Франціи и ея союзникамъ приходится переживать войну, и они будутъ вести ее до конца.“

Въ наши дни, впервые послѣ 1870 г., Франція стала единодушной. Да, она единодушна теперь, какъ и въ началѣ войны, и только впоследствии будетъ поставленъ вопросъ „о мирѣ, въ руки котораго будетъ отдано распредѣленіе европейскихъ силъ. Франція получитъ право возстановить въ свою пользу равновѣсіе, нарушенное въ 1870 году.“²⁾

Союзники задались цѣлью раздавить нѣмецкій милитаризмъ, имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ попытокъ, какія будутъ сдѣланы для того, чтобы отклонить ихъ отъ выполненія этой задачи. Съ этой цѣлью уже былъ сдѣланъ запросъ полковнику Гоузу, личному представителю президента Вильсона въ Парижѣ. Онъ имѣетъ важное значеніе. „Во избѣжаніе какого бы то ни было недоразумѣнія,“ пишетъ

1) Викторъ Жиро. Французское чудо. *Revue des deux Mondes*, 15 Апрѣля 1915 г. стр. 897.

2) Фредерикъ Массонъ — *Gaulois*, 28 Апрѣля 1915 года.

haute signification. „Pour éviter tout malentendu, dit le correspondant de „l'United Press“, le colonel House a été informé que toute mission visant la paix demeurerait inopportune tant que des troupes allemandes resteraient en France et en Belgique.

„On a fait savoir au colonel House que les alliés sont munis d'hommes, d'argent, de matériel pour continuer la guerre jusqu'à ce que l'Allemagne soit complètement battue; que leur force augmente chaque jour, tandis que les allemands deviennent de jour en jour plus faibles; et que tous les Français s'indigneraient d'une tentative quelconque de la part du Président Wilson en vue d'amener la paix à l'heure actuelle. Le colonel House transmettra cette communication au Président Wilson“¹⁾.

Tout compromis, toute trêve ou toute paix plâtrée dans l'espoir fallacieux d'arrêter l'effusion de sang, ne fera qu'amener une boucherie et un bain de sang bien plus terrible encore dans un avenir prochain.

Les lignes suivantes qui s'adressent aux allemands dépeignent bien notre état d'âme: „Vous avez réveillé... Vous avez réveillé l'âme française, qui sommeillait. Et elle s'est retrouvée ce qu'elle était aux plus grands jours de son histoire. N'espérez plus qu'après avoir repris possession d'elle-même, elle se rendorme, paisible et confiante dans vos meilleures paroles. Elle sait ce que lui coûte la guerre que vous avez déchaînée. Toute sa jeunesse, si brave, si belle, si intelligente, poussée dans la fournaise des combats, et mourant sans une plainte, héroïque, sous ses drapeaux redevenus triomphants. Nos villes détruites; Arras rasé; Reims tous les jours bombardé; des millions de dégâts dans nos provinces. Et toutes nos femmes en deuil. Gens d'Allemagne, il fallait penser plus tôt à ces catastrophes. Le jour est venu, pour vous, de souffrir, d'implorer, et de payer. Rien ne nous arrêtera plus. Le vin est tiré! C'est le vin amer de la défaite! Il faut le boire!“²⁾

Belgique.

Le héros, c'est le dévoué sans réserve, sans retour personnel, total, absolu. Tel est le Roi Albert, tels sont ses sujets. Ils n'ont pas seulement dressé un modèle sublime devant le respect et l'imitation des peuples libres, ils ont posé devant la conscience universelle et

1) L'Eclair 22 avril 1915.

2) Georges Ohnet. Gaulois 27 avril 1915.

сотрудникъ United Press, „полковнику Гоузу было сообщено, что всякая попытка, имѣющая цѣлью заключеніе мира, является несвоевременной до тѣхъ поръ, пока нѣмецкія войска останутся во Франціи или Бельгіи.

„Полковнику Гоузу сообщили, что союзники снабжены достаточнымъ количествомъ людей, денегъ, боевыхъ припасовъ, для того, чтобы продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Германія не будетъ окончательно побѣждена; что силы ихъ прибываютъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы ослабѣваютъ изо дня въ день; и что всѣ Французы придуть въ негодование, если со стороны президента Вильсона будетъ сдѣлана какая либо попытка заключить миръ въ настоящее время. Полковникъ Гоузь передастъ это сообщеніе президенту Вильсону.“¹⁾

Всякое перемиріе, всякій миръ, навязанный обманчивой надеждой прекратить кровопролитіе, приведетъ къ новой бойнѣ, къ болѣе ужасному кровопролитію въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Слѣдующія строки, обращенныя къ Нѣмцамъ, прекрасно выражаютъ настроеніе нашихъ умовъ: „Вы разбудили дремавшій французскій духъ. И онъ оказался такимъ, какимъ былъ въ величайшіе свои историческіе дни. Не надѣйтесь, что, обрѣтя самого себя, онъ снова задремлетъ, мирно довѣрясь вашимъ лучшимъ обѣщаніямъ. Онъ знаетъ цѣну войнѣ, въ которую вы насъ втянули. Вся наша молодежь, наша смѣлая, прекрасная, образованная молодежь, брошена въ горнило сраженій и безъ жалобъ, героически умираетъ подъ знаменами, вновь ставшими побѣдными. Наши разрушенные города: Аррасъ, который вы сравнивали съ землею; ежедневно бомбардируемый Реймсъ, милліоны развалинъ въ нашихъ областяхъ, всѣ наши женщины въ траурѣ! Жители Германіи, лучше подумали бы вы объ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Для васъ насталъ день страданія, день мольбы и расплаты. Мы не остановимся ни передъ чѣмъ. Жребій брошенъ! Побѣжденнымъ готовится горькая чаша! И ее надо испытать!“²⁾

Бельгія.

Герой—это человекъ, преданный беззавѣтно, человекъ, отдающій самого себя всецѣло, вполне. Таковъ Король Альбертъ, и таковы его подданные. Они не только подали намъ величайшій примѣръ самоотверженія, не только вызвали поклоненіе и подражаніе имъ у свободныхъ народовъ, но и передъ всемірною совѣстью ими заданъ одинъ

¹⁾ L' Eclair, 22 Апрель 1915 года.

²⁾ Жоржъ Оне. Gaulois, 27 Апрель 1915 года.

illuminé d'une clareté souveraine un des problèmes fondamentaux de la civilisation, celui des rapports du Droit et de la Force dans les conflits internationaux ¹⁾).

Le Roi Albert a prouvé et prouvera jusqu'au bout qu'il y a une Force Belge, un Droit Belge et, en affirmant l'indépendance de leur pays, ce grand Prince et son peuple ont revendiqué l'indépendance de tous les pays. Ils ont tout simplement pratiqué non pas Kant, mais l'Évangile. La Belgique se défendra jusqu'au bout; elle sera jusqu'au bout glorieuse dans les combats et glorieuse dans la victoire; elle sera, par les alliés, vengée jusqu'au bout.

L'envoyé spécial du gouvernement Allemand, chargé de soulever les Etats Unis contre les alliés, Mr Dernburg, déclare les alliés battus puis qu'ils n'ont pas pénétré en territoire allemand. Nous occupons, toute la Belgique, dit cet émissaire, et il ajoute: que l'Angleterre nous garantisse la liberté des mer et l'Allemagne évacuera la Belgique. Si elle s'y refuse, nous établirons à demeure une base fortifiée sur la Manche.

Les ignominies commises par les barbares en Belgique exigent la guerre jusqu'au bout, car elles ont soulevé l'indignation du monde entier. Ces barbares ont multiplié sur ce sol les pillages, les incendies, les ruines, les meurtres; ils ont fait de chaque habitant de ce pays une victime ou un martyr. La voix de la justice vengeresse s'entend sur toute l'étendue de ce territoire désolé parsemé de croix mortuaires. Elle crie: Monstres! vous avez été de sinistres bourreaux car souvent vous avez affirmé votre joug en juxta posant des naissances et des morts. Vous avez osé imposer votre sang maudit et impur en le transmettant de force à de malheureuses victimes. Vous avez voulu mélanger, par un supplice immonde, le sang de créatures sans défense à celui de brutes abjectes. Vous avez fait cela dans le but d'introduire, d'imposer votre race en lui procréant des représentants parmi les populations que vous avez odieusement tyrannisées. Vous avez ajouté cette infamie à tant d'autres. Sachez que les bêtes féroces s'accomplent entre elles et non avec celles qu'elles dévorent. Le règne animal donne une leçon de supériorité à votre Kultur.

Nous trouvons des preuves que les intellectuels allemands ne blâment pas les excès révoltants de la soldatesque qu'ils vénèrent comme

¹⁾ Paul Bourget. Les leçons de la guerre. Le Droit et la Force. Echo de Paris, 15 novembre 1914.

изъ основныхъ вопросовъ цивилизаціи, заданъ и освѣщенъ высшимъ свѣтомъ вопросъ о томъ, каковы должны быть отношенія между Правомъ и Силою въ международныхъ столкновеніяхъ.¹⁾

Король Альбертъ доказалъ и до конца докажетъ, что есть Бельгійская Сила, есть Бельгійское Право, и утвердивъ независимость своей страны, этотъ Великій Государь вмѣстѣ со своимъ народомъ вернетъ независимость всѣмъ странамъ, проводя въ жизни не завѣты Канта, а попросту евангельскіе завѣты. Бельгія будетъ защищаться до конца; до конца она будетъ славиться въ сраженіяхъ и побѣдахъ; союзники отомстятъ за нее до конца.

Особый посоль германскаго правительства, которому поручено было возстановить Соединенные Штаты противъ союзниковъ, г. Дербургъ, считаетъ послѣднихъ побѣжденными, потому что они не вступили на нѣмецкую землю. Мы заняли всю Бельгію, говоритъ посланникъ, и прибавляетъ: пусть Англія обезпечитъ намъ свободу на морѣ, и Германія очиститъ Бельгію. Въ случаѣ отказа, мы построимъ постоянную крѣпость на Ламаншѣ.

Звѣрства, учиненныя дикарями въ Бельгіи, требуютъ войны до конца, такъ какъ эти звѣрства вызвали негодованіе всего міра. На бельгійской землѣ варвары умножили число грабежей, пожаровъ, развалинъ и убійствъ; каждаго жителя этой страны они сдѣлали или своей жертвой или мученикомъ. Голосъ праведнаго мщенія слышится на всемъ протяженіи этой покинутой страны, усѣянной могильными крестами. Она взываетъ: Чудовища! Вы были злополучными палачами, потому что часто утверждали свое иго *juxta*, неся вмѣстѣ и жизнь, и смерть. Вы осмѣлились навязывать свою проклятую, нечистую кровь, насильно примѣшивая ее несчастнымъ жертвамъ. Въ неслыханныхъ мученіяхъ вы захотѣли смѣшать кровь беззащитныхъ созданий съ кровью гнусныхъ животныхъ. Вы сдѣлали это для того, чтобы слить свою расу, оставить ея отпрыски среди населенія, которое вы такъ гнусно угнетаете. Ко многимъ другимъ вы прибавили еще и эту подлость. Знайте, что дикіе звѣри совокупаются другъ съ другомъ, а не съ тѣми, кого пожираютъ. Въ животномъ царствѣ мы видимъ превосходство передъ вашей „культурой“.

У насъ есть доказательства того, что нѣмецкіе интеллигенты не порицаютъ возмутительныхъ проявленій солдатчины, которую они уважаютъ, какъ покорное орудіе нѣмецкой заразы. Они далеки отъ того, чтобы порицать ее, вмѣсто этого они ее поощряютъ. Для Нѣм-

¹⁾ Поль Буржэ. Уроки войны. Право и Сила. *Echo de Paris*. 15 Ноября 1914 г.

les instruments dociles de l'oeuvre de dépravation allemande. Loin de les blâmer ils les encouragent. L'étranger est une proie pour les Allemands envers laquelle il n'est de vertu que la force et la ruse pour la prendre, la déchirer, la tuer, pour en rassasier voluptueusement sa volonté de puissance¹⁾. „Au fond ce sont des tigres... , une force est en eux qui veut déborder, peu leur importe sur quoi“. Ainsi parle Nietzsche après Heine, deux connaisseurs de l'âme allemande. „Avouons que ces hommes (les allemands) qui inter pares sont tenus si sévèrement dans les bornes par la coutume, le respect, la reconnaissance..., ces mêmes hommes se montrent, envers le dehors, là où l'étranger commence, pas beaucoup meilleurs que des bêtes fauves ou déchaînées. Ils jouissent alors d'être libérés de toute contrainte sociale; ils se dédomagent dans les régions incultes, pour la tension d'un long internement, d'une antique contrainte dans la paix de la communauté. Alors ce ne sont que meurtres, incendies, viols joyeux. La superbe bête de proie blonde reparaît²⁾.

La bête de proie n'a épargné aucun supplice à la Belgique et dans cette suprême épreuve la Belgique a conquis non seulement l'admiration mais le coeur de l'Europe civilisée. Comme ce petit peuple est grand et comme son grand ennemi est bas! Comme ce petit Royaume est glorieux et comme le grand Empire est déshonoré!

Angleterre.

Le geste de l'Angleterre, s'unissant à la croisade des nations européennes en guerre contre la barbarie déchaînée, était plein de dignité et de droiture. Nous savons que pour se défendre et pour défendre ses alliés elle ira jusqu'au bout; de même que pour chercher à ruiner l'Angleterre, celui de ses ennemis qu'elle déteste le plus, l'Allemagne ira jusqu'au bout.

Au cours d'une réunion organisée par le parti unioniste à Birmingham, Mr Chamberlain, qualifiant la période actuelle de péril national, exprime l'espoir que la guerre sera poursuivie vigoureusement „coûte que coûte“ jusqu'à la victoire complète de l'Angleterre pour assurer la paix européenne. „Il y va de notre vie ou de notre mort, a-t-il ajouté; si nous n'aboutissons pas à la victoire, nous cesserions de

¹⁾ A. Chevrillon. Revue de Paris. Etude de la formation des idées germaniques.

²⁾ La religion allemande. L'Eclair 17 avril 1915.

цевъ иностранецъ—это добыча, единственная добродѣтель по отноше-
нію къ ней,—сила и ловкость, съ которой они ее хватаютъ, терзаютъ,
убиваютъ, для того, чтобы сладострастно удовлетворить свою жажду
власти.¹⁾ „Это въ сущности тигры... въ нихъ живетъ сила, бьющая
черезъ край, и имъ безразлично, на кого обрушится эта сила.“ Такъ
говоритъ Ницше, вслѣдъ за Гейне, а они оба—большіе знатоки
нѣмецкой души. „Сознаемся, что эти люди (Нѣмцы), которые *inter*
parces такъ строго придерживаются рамокъ обычая, уваженія, благодар-
ности... по отношенію ко всему, что находится извнѣ, по отношенію
ко всему чужому тѣ же самые люди становятся немного лучше дикихъ
звѣрей, выпущенныхъ на свободу. Тогда они считаютъ себя свобод-
ными отъ какихъ бы то ни было рамокъ общественности. Ихъ дикія
толпы вознаграждаютъ себя за долгое воздержаніе, за долгій общест-
венный миръ. Затѣмъ слѣдуютъ только убійства, пожары, веселыя
оргіи. „Прекрасный“ бѣлокурый дикій звѣрь проявляетъ себя.“²⁾

Въ Бельгіи дикій звѣрь не забылъ ни объ одной пытки, и въ
этомъ труднѣйшемъ испытаніи Бельгія завоевала не только восхище-
ніе, но и любовь всей цивилизованной Европы. Какъ великъ этотъ
маленькій народъ, и какъ низокъ его великій врагъ! Сколь славно это
маленькое Королевство, и насколько безчестна большая Имперія!

Англія.

Выступленіе Англіи, присоединившейся къ крестовому походу
европейскихъ народовъ, поднявшихъ противъ разнузданнаго варвар-
ства, полно чувства собственнаго достоинства и правоты. Мы знаемъ,
что она будетъ воевать до конца для того, чтобы защищаться и за-
щищать своихъ союзниковъ; а также знаемъ, что и Германія пойдетъ
до конца для того, чтобы погубить Англію, которую она ненавидитъ
больше всѣхъ.

На одномъ изъ засѣданій представителей всѣхъ союзниковъ въ
Бирмингэмѣ, г. Чемберленъ опредѣляя современный моментъ народнаго
бѣдствія, выразилъ надежду, что войну будутъ продолжать настойчиво,
„во что бы то ни стало,“ до полной побѣды Англіи, для того, чтобы
обезпечить европейскій миръ. „Дѣло идетъ о жизни или смерти,“ при-
бавляетъ онъ, „если мы не добьемся побѣды, намъ не будетъ мѣста
между великими націями. Мира не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока
освобожденная Бельгія не будетъ вознаграждена за всѣ горькія и тя-

1) Релігія нѣмцевъ. L' Eclair, 17 Апрѣля 1915 г.

2) Шервильонъ. Revue de Paris. Опытъ изученія исторіи германскихъ идей.

compter parmi les grandes nations. Il ne peut pas y avoir de paix avant que la Belgique libérée ait reçu une compensation aux torts amers et cruels soufferts par ses citoyens. Nous ne pouvons pas avoir de paix avant que la France ait regagné la liberté et le droit de penser, de parler et de sourire à la vieille province d'Alsace-Lorraine; avant que la Serbie héroïque ait recueilli la juste récompense de sa constance et de son courage; avant que la Russie ait reçu satisfaction pour ses champs ravagés, sa dignité foulée aux pieds et pour les insultes qu'elle a subies¹.

La rage teutone contre le royaume-uni ne connaît pas de bornes. Dans les „Hamburger Nachrichten“, feuille pangermaniste, vous trouvez une excitation contre l'Angleterre pareille à celles que prodigue journellement la presse allemande: „Les zeppelins ont été déjà aux portes de Londres. Le peuple allemand désire et exige que nos dirigeables survolent cette ville, y lancent des bombes et déchaînent le feu et le fer sur les maisons et autour des foyers de la capitale de ce peuple qui a impitoyablement voué le monde à la guerre et à la ruine. Il ne faut pas que nous permettions à ce peuple criminel qui a causé la mort de tant de nos fils, de continuer à mener en paix une vie de luxe et de confort“¹).

Aux attentats dans les airs ont succédé les attentats dans les mers. Le torpillage de la Lusitania, paquebot employé exclusivement au transport des passagers, par un sous-marin est un crime de plus et la joie sauvage et révoltante a dépassé toute mesure en Allemagne. C'est en vain que l'Allemagne chercherait à repousser, même à atténuer la responsabilité de son crime. Elle a fait des essais dans ce sens. La presse allemande relève que c'est le Gouvernement anglais par sa tentative barbare d'affamer la paisible population du grand pays de Germanie, qui a obligé de proclamer zone de guerre les eaux anglaises.

Par contre, le *Times* affirme, avec raison, que la destruction de la Lusitania doit sûrement hâter la venue du jour où toutes les puissances civilisées seront contraintes de s'unir pour marquer du sceau d'une infamie éternelle le renégat des nations.

Les alliés ont engagé solennellement leur signature à ne pas conclure de paix séparée et proclament que la paix collective ne sera accordée

¹) Extrait du Gaulois—26 avril 1915.

желыя потери, понесенныя ея гражданами. Мы не можемъ заключить мира раньше, чѣмъ Франція не вернетъ своей старой провинці Эльзась-Лотарингін, право думать, говорить и смѣяться; до тѣхъ поръ, пока героическая Сербія не получитъ справедливаго вознагражденія за свою твердость и мужество; пока Россія не получитъ вознагражденія за свои опустошенныя поля, за свое поправное достоинство и за всѣ полученныя ею оскорбленія.“

Тевтонское бѣшенство противъ соединеннаго королевства не знаетъ границъ. Въ пангерманистскомъ листкѣ „Hamburger Nachrichten,“ вы найдете возмущеніе противъ Англіи такое же, какъ и то, которое ежедневно расточается всей нѣмецкой печатью. „Цепелины были уже у воротъ Лондона. Нѣмецкій народъ желаетъ и требуетъ, чтобы наши дирижабли летали надъ этимъ городомъ, бросали бомбы, и огнемъ и мечемъ обрушивались на дома и на очаги столицы этого народа, безпощадно отдавашаго міръ во власть войны и разоренія. Мы не должны позволить этому преступному народу, бывшему причиною смерти столькихъ нашихъ сыновей, продолжать жить съ удобствами и роскошью.“¹⁾

За воздушными нападеніями послѣдовали нападенія подводныя. Потопленіе подводной лодкою Лузитанія, парохода, перевозившаго исключительно путешественниковъ—вотъ еще преступленіе, а въ Германіи дикая, возмутительная радость по этому поводу перешла всѣ границы. Германія напрасно старалась уменьшить и даже снять съ себя отвѣтственность за свое преступленіе. Она дѣлала попытки въ этомъ направленіи. Нѣмецкая печать заявляетъ, что варварское намѣреніе англійскаго правительства уморить съ голоду мирное населеніе великой Германіи привело его къ объявленію театромъ военныхъ дѣйствій также и англійскихъ водъ.

Но Times справедливо заявляетъ, что уничтоженіе Лузитаніи несомнѣнно ускоритъ наступленіе того дня, когда всѣ цивилизованныя государства будутъ вынуждены соединиться для того, чтобы валожить вѣчную печать позора на народъ, ставшій отступникомъ.

Союзники торжественно подписались подъ договоромъ—не заключать мира каждому въ отдѣльности, и заявляютъ, что совмѣстный миръ

¹⁾ Отрывокъ изъ Gaulois отъ 26 Апрѣля 1915 г.

qu'à des ennemis obligés aux réparations de leurs fautes, c'est à dire, vaincus, terrassés.

Achever les blessés et tuer les prisonniers anglais, tel est l'ordre qui aurait été donné. Le „Morning Post“ du 11 mai dernier nous l'apprend en reproduisant le rapport de l'Ambassadeur d'Angleterre à La Haye adressé au Ministre Sir Edward Grey.

Pour terminer ce résumé concernant l'Angleterre, je citerai les paroles prononcées récemment par le chancelier de l'Echiquier Lloyd George: „on me demande souvent combien de temps va durer la guerre. Je ne peux que répondre par les paroles d'Abraham Lincoln: „Elle se terminera quand le but sera atteint. „Par Dieu, j'espère qu'elle ne se terminera pas avant que ce moment vienne“. Le but suprême de la guerre est la liberté de l'Europe et le renversement de la caste militaire prussienne qui ambitionne de dominer l'Europe. Pour attendre ce but, il en coûtera à l'Europe un prix épouvantable en hommes et en argent. Il faut que nous soyons prêts à payer notre part ou à tomber pour jamais en état de vasselage.

Italie.

Félicitons cordialement notre soeur l'Italie du divorce qui l'a affranchie d'une union mal assortie. Elle est enfin rentrée dans le giron des races latines. Elle a senti que les civilisations latines et slaves étaient menacées d'être totalement subjuguées par le germanisme barbare. Donc vive la quadruple alliance!

Prévoyant que l'Italie voulait partager le sort glorieux des nations qui combattent l'Allemagne, la *Koelnische Volkszeitung* écrivait: „Si elle éclate cette guerre, la haine de l'Allemagne pour l'Angleterre ne sera rien en comparaison de sa haine pour l'Italie“. Ajoutons que la bravoure des Italiens dépassera, si possible, la haine des Allemands. C'est l'assurance que cette haine d'un côté et cette bravoure de l'autre dureront jusqu'au bout.

En face des événements si graves qui préparent une Europe nouvelle, on peut dire: l'Italie s'est ressaisie et il y a maintenant, comme dit le *Times*, une Italie Italienne¹⁾.

¹⁾ Autriche et Italie. *Gaulois* du 17 mai 1915.

будетъ предложенъ лишь врагамъ, обязавшимся исправить свои ошибки, т. е. врагамъ побѣжденнымъ, поверженнымъ во прахъ.

Добивать раненыхъ и умерщвлять англійскихъ плѣнныхъ—такой приказъ былъ отданъ. Объ этомъ извѣщаетъ насъ Morning Post отъ 2 Мая сего года, приводя докладъ англійскаго посла въ Гаагѣ, докладъ, посланный министру сэру Эдуарду Грэю.

Чтобы закончить этотъ краткій отчетъ, посвященный Англии, я приведу слова, произнесенныя на дняхъ канцлеромъ казначейства Ллойдъ Джоржемъ: „Меня часто спрашиваютъ, сколько времени продлится война. Я могу отвѣтить только словами Авраама Линкольна: „Она окончится тогда, когда цѣль будетъ достигнута.“ Надѣюсь, и Богъ дастъ, что она не кончится раньше, чѣмъ настанетъ это время.“ Высшая цѣль войны—это освобожденіе Европы и уничтоженіе прусскаго военнаго класса, который задался тщеславнымъ намѣреніемъ господствовать надъ Европой. Достиженіе этой цѣли обойдется Европѣ невѣроятно дорогою цѣной людей и денегъ. Мы должны быть готовы или заплатить свою часть—или навсегда отдать себя въ рабство.

Италія.

Отъ всего сердца поздравимъ нашу сестру Италію съ разводомъ, освободившимъ ее отъ неподходящаго ей союза. Наконецъ то она вернулась въ лоно латинскихъ народовъ. Она чувствовала, что романскимъ и славянскимъ цивилизаціямъ грозила опасность полного подчиненія варварскому германизму. Итакъ, да здравствуетъ союзъ четырехъ государствъ!

Предчувствуя, что Италія раздѣлитъ славную участь народовъ, воюющихъ съ Германіей, Koelnische Volkszeitung пишетъ: „Если эта война будетъ объявлена, ненависть Германіи къ Англии—ничто въ сравненіи съ ненавистью къ Италіи.“ Прибавимъ, что мужество Итальянцевъ, весьма возможно, превзойдетъ ненависть Нѣмцевъ. Мы увѣрены, что какъ ненависть съ одной стороны, такъ и мужество съ другой будутъ длиться до конца.

Передъ лицомъ столь важныхъ событій, подготовляющихъ новую Европу, можно сказать: Италія стала сама собою, она стала, по словамъ Times 'а, Итальянской Италіей.¹⁾

¹⁾ Австрія и Италія. Gaulois, 17 Мая 1915 г.

La diplomatie du Prince de Bülow, que l'on croyait habile, n'a servi qu'à humilier l'Autriche et à révéler à l'Italie cette sorte de tyrannie que l'Allemagne exerçait sur elle.

Le journal *Messaggero* traduisait bien le sentiment public lorsqu'il écrivait: „Tous les Italiens doivent être réunis en une armée docile et bien ordonnée qui coopérera de toutes les manières pour atteindre le succès auquel nous sommes dévoués à la vie, à la mort, comme un croyant à la religion“.

Serbie et Montenegro.

La Serbie et le Montenegro ont offert au monde le spectacle d'un héroïsme patriotique qui égale celui de la Belgique. Comme elle, depuis le début de cette guerre, ils ont magnifiquement défendu leur honneur. Ils ont été les champions de tous les Slaves des Balkans et ont versé leur sang pour leur affranchissement. Ils n'ont pas marchandé leur concours aux nations protectrices du droit. Ils ont tenu tête au grand ennemi et leur prodigieuse grandeur d'âme l'a rendu impuissant devant leur indomptable valeur. Ils ont lutté jusqu'au bout et jusqu'au bout ils seront honorés. La Serbie, jadis petite, deviendra grande puissance par l'étendue de son territoire et par le rayonnement de sa gloire.

Le sourire d'une reine heureuse peut maintenant franchir l'Adriatique et aller librement porter à son vénérable père la joie et l'espérance vers les Montagnes Noires, où dans les veines du roi et de son peuple coule le même sang, le sang des braves.

Allemagne.

Nous n'avons jamais ajouté créance à ce bruit, plus ou moins fondé, laissant supposer que l'Allemagne souhaitait conclure la paix. Ce serait, de sa part, avouer qu'elle ne peut atteindre son but ou bien qu'elle l'abandonne. Ceci ne s'harmonise guère avec la morgue orgueilleuse du Kaiser, ni avec l'assurance de la victoire finale qui enivre fallacieusement les cerveaux teutons. A l'heure présente, la paix serait pour l'Allemagne un échec moral. „Or les barbares qui déploient cette fureur devant l'obstacle sont résolus à retarder par tous les moyens l'échec moral“¹⁾.

¹⁾ «Le Temps» du 12 Mai 1915.

Дипломатія князя Бюлова, считавшаяся столь ловкой, послужила только къ униженію Австріи и къ освобожденію Италіи отъ того деспотизма, который Германія проявляла по отношенію къ ней.

Газета *Messenger* прекрасно передала общественное настроеніе, говоря: „Всѣ Итальянцы должны объединиться въ послушное и покорное своимъ начальникамъ войско; оно приложитъ всѣ усилія для того, чтобы добиться успѣха, которому мы преданы не на жизнь, а на смерть, такъ же, какъ вѣрующіе своей религіи.“

Сербія и Черногорія.

Сербія и Черногорія явили міру зрѣлище героическаго патріотизма, равнаго патріотизму Бельгіи. Подобно ей, онѣ съ самаго начала этой войны прекрасно защищали свою страну и свою честь. Они были сподвижниками всѣхъ Славянъ на Балканахъ и проливали кровь за ихъ освобожденіе. Они не просили помощи у народовъ защитниковъ права. Они сопротивлялись сильному врагу и чудесное величіе ихъ души обезсилило его передъ ихъ необузданной отвагой. Они боролись до конца, и будутъ чтимы до конца. Когда то маленькая Сербія станетъ великимъ государствомъ, великимъ—пространствомъ своихъ областей и блескомъ своей славы.

Теперь улыбка счастливой Королевы можетъ перенестись черезъ Адриатическое море и передать радостный привѣтъ и надежду своему достойному отцу въ Черногорію, гдѣ въ жилахъ короля и его народа течетъ одна и та же кровь, кровь храбрецовъ.

Германія.

Мы никогда не довѣряли болѣе или менѣе основательнымъ слухомъ, дающимъ возможность предполагать, что Германія желаетъ заключить миръ. Съ ея стороны это равнялось бы признаніемъ того, что она не можетъ достигъ намѣченной цѣли или что она отказывается отъ ея достиженія. Это нисколько не соотвѣтствуетъ ни гордой спѣси Кайзера, ни увѣренности въ окончательной побѣдѣ; увѣренности, коварно опьяняющей тевтонскіе умы. Миръ въ настоящее время былъ бы нравственнымъ паденіемъ для Германіи. „Враги съ такимъ неистовствомъ стремящіеся преодолѣть всѣ препятствія, все же рѣшили всѣми силами отдалить эту минуту нравственнаго проигрыша.“¹⁾

¹⁾ „Le Temps“, 12 Мая 1915 г.

Le chef du parti conservateur prussien, le comte Westarp, s'exprimait en ces termes sur les futures conditions de paix: „A quoi nous servent les plus grands et les plus beaux empires coloniaux, si un ennemi sans scrupules peut librement à tout moment nous couper du reste du monde? A quoi nous servent les meilleures relations extérieures, les belles oeuvres de culture, si cet ennemi peut à sa guise, dès qu'il en a envie, nous en rendre la conservation impossible et les détruire? Le libre accès de la mer plus assuré et plus libre qu'auparavant, afin que l'esprit hanséatique de Hambourg et de Brême propage l'honneur du nom allemand dans le monde, tel est le but pour lequel tout le peuple allemand, qu'il habite sur les côtes ou dans les montagnes bavaroises, est décidé à combattre jusqu'au dernier homme.

„Aucune paix n'est possible avant que ce but soit atteint“¹⁾.

Et pour atteindre ce but, un grand journal de Berlin en ordonne les moyens: „Soyons plus barbares encore“. Ou peut en effet lire dans la „Gazette de la Croix“ sous la signature de M. Théodor Thomsen: „Jusqu'à quand, par suite d'idées morales mal comprises et d'une sorte d'orgueil exagéré, continuerons-nous d'observer scrupuleusement les principes du droit des gens que nos ennemis violent impunément? Jusqu'à quand renoncerons nous aux mesures de rigueur que justifie la guerre et qu'elle exige même, si nous voulons protéger nos compatriotes, affaiblir l'ennemi, assurer et hâter la fin de la guerre? La cruauté de nos moyens de guerre ne doit pas nous empêcher de les employer; la guerre est cruelle; nos mortiers de 42 et nos zeppelins le sont aussi.

„Les principes de la morale et du christianisme nous empêchent de haïr notre prochain et de lui faire du mal par haine. Par contre lui faire du mal quand nous sommes en guerre, parce qu'il est notre ennemi et parce que nous hâtons ainsi la fin d'une guerre moralement justifiée, ce n'est pas seulement notre droit, c'est notre devoir.

„Il est absolument erroné par conséquent de nous laisser dominer par la chimère d'une guerre conforme au droit des gens et de tâcher de respecter ces préceptes ou de ne les violer que lorsqu'ils l'ont été précédemment par nos ennemis.

¹⁾ Extrait de «l'Eclair» du 20 Avril 1915.

Графъ Вестарпъ, руководитель прусской консервативной партіи, говорилъ объ условіяхъ будущаго мира въ такихъ выраженіяхъ: „На что намъ величайшія и прекраснѣйшія колоніальныя имперіи, если врагъ безъ зазрѣнія совѣсти можетъ когда угодно отрѣзать насъ отъ остальнаго міра? На что намъ наилучшія международныя отношенія, прекрасныя блага культуръ, если врагъ, когда и какъ только ему вздумается, можетъ лишить насъ этихъ благъ или вовсе ихъ уничтожить? Намъ нуженъ свободный доступъ къ морю, болѣе свободный, чѣмъ раньше, для того, чтобы ганзейскій духъ Гамбурга и Бремена разносилъ по свѣту честь германскаго имени, такова цѣль, ради которой весь нѣмецкій народъ, живетъ ли онъ въ баварскихъ горахъ или на берегу моря, рѣшилъ сражаться до тѣхъ поръ, пока въ Германіи останется хоть одинъ Нѣмецъ.

„Никакой миръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не будетъ достигнута.“¹⁾

Большая берлинская газета располагаетъ средствами для достиженія этой цѣли: „Будемъ еще болѣе жестокими.“ На самомъ дѣлѣ, въ „Крестовой Газетѣ“, за подписью Теодора Томсона, можно прочитать слѣдующее: „До какихъ же поръ вслѣдствіе неправильно понятыхъ нами идей нравственности и чрезмѣрной гордости, будемъ мы старательно соблюдать людскія права, тогда какъ враги наши попираютъ ихъ безнаказанно? До какихъ же поръ будемъ мы отказываться отъ серьезныхъ мѣръ, оправдываемыхъ и даже требуемыхъ войной? Нужно же помочь нашимъ соотечественникамъ ослабить врага, довести войну до конца и даже ускорить приближеніе этого конца? Жестокость нашихъ способовъ веденія войны не должна мѣшать намъ употреблять ихъ; война есть жестокость; жестоки также наши 42-хъ-сантиметровыя пушки и наши цеппелины.

„Завѣты христіанства и правила нравственности запрещаютъ намъ ненавидѣть ближняго и изъ ненависти причинять ему зло. Напротивъ, причинять ему зло, воюя съ нимъ, причинять зло потому, что онъ нашъ врагъ и потому, что такимъ образомъ мы ускоримъ наступленіе конца этой, нравственно оправдываемой нами, войны,—это не только наше право, это нашъ долгъ.

„Слѣдовательно, было бы ошибочно гнаться за призракомъ войны, основанной на человѣческомъ правѣ, и стараться уважать подобныя правила или же нарушать ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они были уже раньше нарушены нашими врагами.

1) Выдержка изъ „L' Eclair“, 20 Апрѣля 1915 года.

„Nous ne saurions nous laisser détourner de notre but pour la vaine gloire d'un militarisme prétendu supérieur. Pourquoi ne cherchions-nous donc point à abrégier ce conflit en frappant l'ennemi en ses points les plus sensibles, en bombardant Londres et les centres de la vie civile au moyen de nos zeppelins qui pourraient aisément s'acquitter d'une pareille tâche? Je le répète, Quo usque tandem?“

Comme ceux qu'elle combat, l'Allemagne voit aussi pour elle même une question de vie ou de mort. Dans son livre Mr Bernhardt a écrit: *Weltmacht oder Niedergang*: maîtrise du monde ou ruine. Donc le conflit actuel, enfanté par la volonté germanique, vaudra à notre ennemi la maîtrise du monde qu'il vise ou la ruine qui le guette. Tel est le dilemme.

Vaincre le monde! Le professeur Lamprecht donne cette note dans l'une de ses récentes conférences de Leipzig sur: la culture et la guerre: „notre avenir national nous est promis par la volonté qu'ont tous les allemands, d'élever le monde à toute noblesse et toute perfection. Et d'où nous viennent de telles idées? Des grands penseurs et poètes de nos âges classiques et romantiques. Ils ne les ont point formulées aussi claires qu'elles nous apparaissent aujourd'hui. Mais chargées de pressentiments, à la suite de la Poésie, à la suite de la Philosophie, ces idées se sont levées qui nous excitent à vaincre le monde!“

Nous constatons que les idées levées pour vaincre le monde n'ont rien de classique, ni rien de romantique. Vaincre le monde! Une telle ambition, poussée jusqu'à son extrême limite, conduit celui qui la nourrit, sur le chemin de la guerre jusqu'au bout. L'Allemagne veut aller jusqu'au bout vers des conquêtes trop vastes pour être réalisables; elle ira jusqu'au bout dans l'accomplissement pour sa défense de désastres multiples sur terre comme sur mer; elle ira jusqu'au bout vers sa perte.

La guerre sauvage, telle que la pratiquent les soldats du Kaizer, ne provoque aucun regret, aucun remord de la part des classes cultivées et éclairées de l'Allemagne. „Notre armée, disent-elles, est pour ainsi dire une image réduite de l'intelligence et de la moralité du peuple allemand. Nous devons sacrifier les meilleurs, les plus nobles d'entre nous dans une guerre contre les brutes russes, les mercenaires anglais et les fanatiques belges“¹⁾. J'en veux à cet herr Professor d'avoir oublié la France qui mérite bien d'être honorée de ses injures.

¹⁾ Du professeur Adolf Lasson de l'université de Berlin.

„Мы не перестанемъ преслѣдовать нашу цѣль только изъ пустой славы яко-бы высшаго милитаризма. Почему же намъ не попытаться прекратить это столкновение, напавши на врага съ самой уязвимой его стороны, бомбардируя Лондонъ и другія густо-населенныя мѣста съ нашихъ цеппелиновъ, которые легко могли бы выполнить подобную задачу? Повторяю: Quo usque tandem?“

Какъ передъ всѣми воюющими, передъ Германіей, поставленъ вопросъ о жизни или смерти. Бернгарди написалъ въ своей книгѣ: *Weltmacht oder Niedergang*: мировое владычество или гибель. Такимъ образомъ теперешнее столкновение, порожденное германской волей, дастъ нашему врагу или мировое владычество, котораго онъ добивается, или же стерегущую его погибель. Такова задача.

Побѣдить весь міръ! Въ Лейпцигѣ профессоръ Лампрехтъ на одномъ изъ недавнихъ своихъ собесѣдованій о культурѣ и войнѣ замѣчаетъ: „Наша національная будущность заложена въ народной волѣ, заключающейся въ томъ, что всѣ Нѣмцы хотятъ возвысить міръ до небывалаго благородства и совершенства. Откуда появились у насъ такія идеи? Мы заимствовали ихъ у нашихъ великихъ мыслителей и поэтовъ, классиковъ и романтиковъ. Они вовсе не выражали ихъ такъ ясно, какъ онѣ представляются намъ теперь. Но вслѣдъ за Поэзіей, вслѣдъ за Философіей полныя предчувствій встали эти идеи, побуждающія насъ побѣдить міръ!“

Мы можемъ отмѣтить, что въ появившихся идеяхъ о мировомъ владычествѣ нѣтъ ничего ни классическаго, ни романтическаго. Побѣдить весь міръ! Того, кто питаетъ подобное тщеславіе, достигшее предѣла, оно приведетъ на путь войны до конца. Германія хочетъ идти до конца къ побѣдамъ, черезчуръ огромнымъ для того, чтобы ихъ можно было осуществить; она пойдетъ до конца для того, чтобы, защищаясь, учинилъ безчисленныя бѣдствія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; она пойдетъ до конца на встрѣчу гибели.

Дикая война, такая война, какую ведутъ солдаты Кайзера, не вызываетъ ни малѣйшаго порицанія, ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти среди образованныхъ, просвѣщенныхъ классовъ Германіи. „Наша армія,“ говорятъ они, „есть, если можно такъ выразиться, сокращенное ограженіе умственныхъ и нравственныхъ устоевъ нѣмецкаго народа. Мы должны пожертвовать самыми лучшими, самыми благородными изъ насъ въ этой войнѣ со скотами Русскими, наемниками Англичанами и изувѣрами Бельгійцами.“¹⁾ Я сердитъ на г-на профессора за то, что онъ позабылъ о Франціи, которая вполне заслуживаетъ того, чтобы удостоиться его оскорбленій.

¹⁾ По профессору Берлинскаго Университета Адольфу Лассону.

Guillaume II a fixé la célébration du 500me anniversaire des Hohenzollern au 21 octobre prochain. Cette date est celle de la prestation du serment de fidélité. D'ici là se préparera sans doute la déchéance de cette dynastie destinée à périr dans l'opprobre de l'Univers.

Autriche et Turquie.

L'Autriche et la Turquie (quel étrange assemblage!), les deux alliés, on pourrait plutôt dire les deux victimes bénévoles de l'Allemagne, par ordre du Kaizer, doivent marcher à sa suite bon gré mal gré jusqu'au bout. Si elles sont tyrannisées c'est qu'elles s'y sont prêtées. L'Autriche devait bien savoir où l'on la conduisait tambour battant. Quand à la Turquie, elle a perdu son caractère et sa viabilité depuis que son parti Union et progrès l'a défigurée et livrée aux puissances infernales de Berlin. Par cette prise de possession de l'Autriche et de la Turquie, Guillaume II a associé deux états caducs à son oeuvre néfaste. C'est la banqueroute des diplomaties de Vienne et de Constantinople. La monarchie dualiste et catholique a oublié l'enseignement de la croix et les fils de Mahomet les préceptes du Coran. Leur Dieu est le grand incendiaire, le grand destructeur, le grand boureau.

Une paix séparée faite avec les alliés, l'affranchissement des liens malheureux qui lient l'Autriche et la Turquie à l'Allemagne, auraient été le salut de ces deux puissances atteintes de cécité. Si elles n'étaient pas aveuglées et trompées, elles auraient adopté ce moyen pour éviter de sombrer jusqu'au bout.

La Russie.

J'ai voulu terminer par la Russie. En écrivant ces pages, mon coeur est à la fois honoré et reconnaissant pour les délicates attentions dont je suis entouré. Je n'oublie pas que je suis doublement hospitalité; puis que je vis chez d'excellents amis et que je compose ces lignes pour une revue justement estimée. L'auteur et sa plume franco-russes bénéficient d'une hospitalité dont la cordialité a été, si possible, augmentée à cause du pillage et de la profanation de sa demeure familiale par l'ennemi commun.

L'heure présente, où se ravivent les souvenirs de 1870 fait un devoir à tout français de se rappeler que la France éprouvée fût sortie de son isolement par le geste généreux et la sagace prévoyance d'Ale-

Вильгельмъ II назначилъ празднованіе 500-лѣтней годовщины Гогенцоллернговъ на 21 Октября этого года. Это день принесенія присяги и клятвы вѣрности. Безъ сомнѣнія съ этого дня начнется паденіе этой династїи, которой суждено погибнуть среди всемірнаго позора.

Австрія и Турція.

Австрія и Турція (какое странное соединеніе!), оба союзника, или, можно сказать, обѣ добровольныя жертвы Германїи, по приказу Кайзера волей неволей должны идти за нимъ до конца. Если ихъ мучаютъ, то только по ихъ же доброй волѣ. Австрія должна была прекрасно знать, куда ее ведутъ съ барабаннымъ боемъ. Что касается Турціи, то она утратила свою самостоятельность и жизненную силу съ тѣхъ поръ, какъ партія Единеніе и прогрессъ совершенно измѣнила ея обликъ и отдала ее во власть адскимъ силамъ Берлина. Подчинивъ себѣ Австрію и Турцію, Вильгельмъ II привлекъ къ своему злополучному дѣлу оба одряхлѣвшія государства. Это было банкротствомъ Вѣны и Константинополя. Двуетная католическая имперія забыла христіанскіе завѣты, а сыны Магомеда—предписанія Корана. Ихъ Богъ сталъ великимъ поджигателемъ, великимъ разрушителемъ, великимъ палачемъ.

Отдѣльный миръ, заключенный съ союзниками, расширеніе злополучныхъ областей, которыми Австрія и Турція соприкасаются съ Германїей—вотъ что было бы спасеніемъ для обоихъ этихъ государствъ, пораженныхъ слѣпотой. Не будь они ослѣплены, они взяли бы за это средство для того, чтобы избѣжать вѣчнаго мрака.

Россія.

Россіей я хочу закончить. Въ то время, какъ я пишу эти строки, въ глубинѣ души я чувствую себя польщеннымъ и въ то же время благодарнымъ за тѣ знаки нѣжнаго вниманія, которымъ меня окружаютъ. Я не забываю, что пользуюсь двойнымъ гостепрїимствомъ; такъ какъ живу у прекрасныхъ друзей и пишу эти строки, чтобы дать дѣйствительно вѣрный, достойный обзоръ событій. Самъ авторъ и его франко-русское перо пользуются гостепрїимствомъ еще болѣе сердечнымъ, быть можетъ, потому, что общій врагъ обобралъ и осквернилъ наслѣдственное мое жилище.

Въ настоящее время, когда оживаютъ воспоминанія 1870 года, долгъ cadaго Француза вспомнить, что, переживъ испытаніе, Франція вышла изъ своего одиночества благодаря великодушному поступку

xandre III. L'Auguste héritier du sang et de la magnanimité de ce souverain voit ses phalanges, unies dans l'héroïsme avec celles de la France, accomplir la plus grande oeuvre de délivrance que l'histoire des derniers siècles ait enregistrée.

Au moment où leur était déclarée la présente guerre, la France et la Russie, mues par une même puissance supérieure, se sont présentées semblables devant le danger, devant l'injure, devant le défi, devant le monde. Elles se sont recueillies et avec la dignité et la noblesse que comportent la défense de l'honneur menacé, elles ont l'une et l'autre, animées d'une pareille ardeur, uni leur peuple pour le même idéal: le salut de la Patrie. Les divisions intestines se sont évanouies et la même foi dans l'avenir victorieux est descendu dans toutes les âmes. Le moment le plus solennel et le plus héroïque des deux alliés de la première heure fût celui où leur sang coula pour la cause commune. Or la cause commune est la plus belle que l'on puisse imaginer. Les soldats français, aux quels je pense de loin, et les soldats russes que je rencontre, sont tous marqués au front de cette auréole qui magnifie les élus appelés à délivrer l'Europe du joug qui menacé de l'écraser.

A l'armée, plus encore que dans son village, le moujik réalise le vieux proverbe russe suivant lequel: „celui là vit le mieux qui est toujours prêt à mourir“. Chez les combattants russes, l'idée dominante est celle d'un sacrifice pieux joyeusement accompli. Ils sont mus par des sentiments élevés bien proches de ceux qui animent notre vaillante armée.

Français, Russes et leurs alliés sont des héros, tandis que leurs ennemis sont des boureaux. Ceux-là se couvrent de gloire, ceux-ci de déshonneur. On sait ce que voudraient les allemands; on sait comment ils comprennent la guerre; on sait le but par eux poursuivi; on connaît les prétextes invoqués pour justifier leur infame conduite et leur mépris des lois de la guerre. La dissemblance absolue de l'état moral actuel des deux camps ennemis est dû aux tendances, aux influences, aux convictions d'un chacun. L'écart immense entre les deux civilisations s'est élargi encore et s'est rendu infranchissable par la façon dont la Kultur germanique s'est affirmée.

Il est donc certain que la Russie, elle aussi, ira jusqu'au bout, car la grande mission, entreprise de concert avec ses alliés, ne peut être remplie et couronnée de succès que lorsque l'ennemi commun sera

и дальновидной мудрости Александра III. Августѣйшій наследникъ крови и великодушія этого государя видитъ, какъ его войска, геройски соединясь съ войсками Франціи, совершаютъ величайшее дѣло освобожденія; дѣло, равнаго которому не было въ исторіи послѣднихъ вѣковъ.

Франція и Россія въ ту минуту, когда имъ была объявлена настоящая война, движимыя одной и той же могущественной силой, равно встали передъ лицомъ опасности, передъ оскорбленіемъ, передъ вызовомъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онѣ собрались съ силами, и съ достоинствомъ и благородствомъ, которыхъ требовала защита оскорбляемой чести, и та и другая загорѣвшись однимъ огнемъ, объединили свой народъ вокругъ общаго идеала: спасенія Родины. Внутреннія несогласія исчезли сами собою, и всѣ души охватила одна и та же вѣра въ будущую побѣду. На первыхъ порахъ для обоихъ союзниковъ самымъ торжественнымъ, самымъ героическимъ мгновеніемъ стало то, когда кровь ихъ загорѣлась навстрѣчу общей цѣли. Ибо, что же можно представить себѣ прекраснѣе служенія общей цѣли. Далекіе французскіе солдаты, о которыхъ я думаю, и тѣ русскіе солдаты, которыхъ я постоянно встрѣчаю, носятъ на челѣ славный вѣнецъ, отличающій всѣхъ избранныхъ, всѣхъ тѣхъ, которые призваны освободить Европу отъ ига, грозящаго ей разгромомъ.

Въ арміи гораздо больше, чѣмъ у себя въ деревнѣ, мужикъ живетъ по старой русской пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна.“ У русскихъ воиновъ господствуетъ идея о святой жертвѣ, приносимой съ радостью. Ихъ воодушевляють высокія чувства, весьма близкія къ тѣмъ, которыя вдохновляютъ нашу доблестную армію.

Французы, Русскіе и ихъ союзники—герои, тогда какъ враги ихъ—палачи. Первые покрыли себя славой, послѣдніе—позоромъ. Извѣстно, чего хотѣли Нѣмцы; извѣстно, какъ они понимаютъ войну; извѣстна цѣль, которую они преслѣдуютъ; мы знаемъ, на что они ссылаются для того, чтобы оправдать свое гнусное поведеніе и пренебрежительное отношеніе къ законамъ войны. Полное различіе нравственнаго состоянія обоихъ враждебныхъ лагерей въ настоящее время объясняется склонностями, вліяніями и убѣжденіями тѣхъ и другихъ. Огромная пропасть между обоими цивилизаціями дѣлалась еще шире и стала вовсе непроходимой благодаря тѣмъ способамъ, которыми утверждается германская „культура.“

Разумѣется и Россія тоже пойдетъ до конца, потому что великое начинаніе, предпринятое по взаимному уговору съ союзниками, будетъ выполнено и можетъ увѣнчаться успѣхомъ только тогда, когда общій врагъ будетъ вполне обезсиленъ. Представители русскаго искусства,

réduit à l'impuissance. Les représentants de l'art, de la littérature et de la science russes ont énergiquement protesté contre les abominations allemandes dans les termes suivants: „Nous Russes, artistes, littérateurs et savants, élevés dans un esprit de culte profond pour les grandes oeuvres et monuments des arts et des sciences, élevés aussi dans des sentiments humanitaires, nous exprimons notre indignation profonde contre les destructeurs des plus grands et des plus vénérables trésors artistiques et scientifiques du monde.

„Nous exprimons aussi notre indignation contre les horreurs indicibles, destruction de villes ouvertes, mutilations de blessés, violences commises sur des habitants sans défense et autres actes inouis de barbarie; nous sommes consternés en apprenant que de telles atrocités ont reçu l'approbation de certains hommes de lettres et savants éminents.

„Enfin, pleins de mépris pour les méfaits de la barbarie allemande, nous portons ces crimes abominables au jugement de l'humanité tout entière.

„Puisse la conscience du monde civilisé flétrir à jamais ces produits de la soi-disant culture germanique“.

Quelle différence entre ces sentiments élevés des sommités russes et les sanctions haïneuses données par les intellectuels allemands aux crimes de leurs cohortes! Quelle différence de mentalité entre les exécuteurs enthousiastes et empressés des ordres sauvages venant des chefs allemands et la mentalité des admirables combattants russes! Un psychologue anglais a fait ainsi ressortir la qualité de ces derniers: „nous avons quelque peine à reconnaître l'excellence morale de la guerre; mais le christianisme de l'âme russe n'y voit aucune difficulté. Pour le russe, aller à la guerre, c'est offrir son corps sur l'autel du sacrifice. Et le fait est que dans la splendide ardeur des soldats russes courant à l'ennemi, se perçoit le frémissement joyeux qui agitait le coeur des anciens martyrs s'élançant vers une mort toute saturée de gloire“¹⁾.

Evidemment nos chers alliés russes ont éprouvé ce sentiment que les barbares, en incendiant la cathédrale de Reims avaient détruit l'équivalent chez nous de leur antique cathédrale de l'Assomption au Kremlin de Moscou. Ils ont partagé notre tristesse, notre deuil. Comme

1) Stephen Graham. Russia and the Word. London 1915.

науки и литературы въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣятельно возстали противъ нѣмецкихъ гнусностей: „Мы, русскіе художники, писатели и ученые, воспитанные въ глубокомъ уваженіи къ великимъ произведеніямъ и памятникамъ искусствъ и наукъ, воспитанные также въ чувствахъ человѣколюбія, выражаемъ наше глубочайшее негодованіе по отношенію къ истребителямъ величайшихъ и наиболее чтимыхъ художественныхъ и научныхъ міровыхъ сокровищъ.

„Выражаемъ также наше негодованіе противъ небывалыхъ звѣрствъ, противъ разрушенія незащищенныхъ деревень, добиванія раненыхъ, насилій, совершенныхъ надъ беззащитными жителями и противъ другихъ неслыханныхъ варварскихъ поступковъ; мы пришли въ ужасъ, узнавъ, что подобныя жестокости были одобрены нѣкоторыми писателями и извѣстными учеными изъ Нѣмцевъ..

„Наконецъ, полные негодованія къ проявленіямъ нѣмецкой жестокости, мы выносимъ эти ужасныя преступленія на судъ всего человечества.

„Пусть совѣсть всего цивилизованнаго міра навсегда отвергнетъ это порожденіе такъ называемой германской культуры.“

Какая разница между этими возвышенными чувствами русскаго общества и постыднымъ согласіемъ, между нѣмецкими интеллигентами и ихъ преступными полчищами! Какая разница между мышленіемъ дикихъ ордъ, усердныхъ и восторженныхъ исполнителей приказовъ германскихъ вождей, и мышленіемъ удивительныхъ русскихъ воиновъ! Одинъ англійскій психологъ такъ опредѣлилъ качества этихъ послѣднихъ: „Мы немного затрудняемся опредѣлить нравственную цѣнность войны; но христіанская душа русскаго человѣка не встрѣчаетъ здѣсь ни малѣйшаго затрудненія. Для Русскаго идти на войну значить принести себя въ жертву на алтарь отечества. И на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ, что русскіе солдаты, въ прекрасномъ порывѣ рвутся на встрѣчу непріятелю, идутъ въ бой съ тѣмъ же радостнымъ волненіемъ, которое въ древности воодушевляло сердца мучениковъ, бросавшихся на встрѣчу славной смерти.“¹⁾

Конечно наши дорогіе союзники раздѣляли наши чувства въ тѣ дни, когда варвары подожгли Реймскій соборъ, представляющій для насъ такую же святыню, какъ для нихъ Успенскій соборъ ихъ въ Москвѣ. Они раздѣляли нашу печаль, нашъ трауръ. Такъ какъ они увлекаются всѣмъ, что красиво, такъ какъ они хранятъ историческіе

1) Стефанъ Грэхамъ. Россія и Міръ. Лондонъ, 1915 г.

ils sont épris de ce qui est beau, comme ils sont conservateurs des souvenirs historiques, ils ont manifesté contre ce crime leur profonde indignation.

Après la gigantesque lutte qui se livre; après cette longue fraternité d'armes qui unit; après la victoire chèrement payée qui approche; une oeuvre grandiose restera à poursuivre: celle de l'élaboration et de la constitution d'une Europe nouvelle. La guerre aura été fertile en enseignements. Après la digne opposée au militarisme allemand, France et Russie, secondées par leurs alliés, devront opposer aux barbares une digne sanitaire. Digne contre la survie de cette Kultur morbide, contre le retour de ces invasions d'espions, contre les dangers de ces envahissements et de ces accaparements coutumiers des allemands. Pour cette oeuvre de sauvegarde, qui doit être menée jusqu'au bout, la Russie aura un grand rôle à jouer à côté de la France. Plus que jamais, si possible, la superbe alliance d'aujourd'hui devra demain être intimement et étroitement unie pour cette coopération d'où dépend la sécurité de l'avenir. Sans cette union nécessaire, le couronnement de l'oeuvre et le but de tant de sacrifices ne seraient pas atteints. Cette union ne doit pas être seulement le gage de la victoire, mais aussi le triomphe moral et définitif des idées pour lesquelles s'est levée la croisade actuelle.

Il ne faut pas s'imaginer que le règlement des comptes, après la guerre, pourra se terminer par des traités. Que sont les traités pour les Allemands? des chiffons de papier.

Ce ne sera pas trop de l'effort de toutes les nations civilisées pour créer un nouvel état de choses sur les ruines accumulées par les Allemands.

Une voix d'outre-tombe, celle de tant de héros morts au champ d'honneur, nous dicte notre devoir de demain. Ceux qui sont tombés, unis désormais dans la gloire immortelle conquise par le sacrifice, après avoir été vengés, exigent que les survivants, au nom du triomphe militaire, s'unissent pour en tirer les conséquences morales et réparatrices. La cause de l'humanité a été providentiellement confiée aux alliés contre la barbarie, elle exige leur union jusqu'au bout.

Baron de Baye.

Moscou. Mai 1915.

памятники, то они и выразили свое глубокое возмущеніе противъ этого преступленія.

Послѣ исполинской борьбы, которая теперь ведется, послѣ продолжительной братской дружбы, соединяющей обѣ арміи; послѣ приближающейся побѣды, за которую придется дорого заплатить, послѣ всего этого придется выполнить еще одно огромнѣйшее дѣло: это выработать устройство новой Европы. Война принесетъ богатые плоды познанія. Давъ должный отпоръ германскому милитаризму, Франція и Россія съ помощью остальныхъ союзниковъ должны будутъ построить плотину, охраняющую отъ нашествія варваровъ. Плотину противъ живучести этой смертоносной „культуры,“ противъ новаго нашествія шпионовъ, противъ всѣхъ вторженій и противъ постоянныхъ нѣмецкихъ захватовъ. Въ этомъ дѣлѣ охраны, которое нужно вести до конца, Россія займетъ видное мѣсто рядомъ съ Франціей. Болѣе, чѣмъ когда либо, если только это возможно, прекрасный сегодняшний союзъ еще тѣснѣе и ближе сольется завтра для совмѣстной работы, отъ которой зависитъ будущее спокойствіе. Безъ этого необходимаго единенія это дѣло не было бы завершено и цѣль столькихъ жертвъ не была бы достигнута. Это единеніе должно быть не только вознагражденіемъ за побѣду, но и нравственнымъ торжествомъ, рѣшительной и конечной побѣдой тѣхъ идей, изъ за которыхъ начался теперешній крестовый походъ.

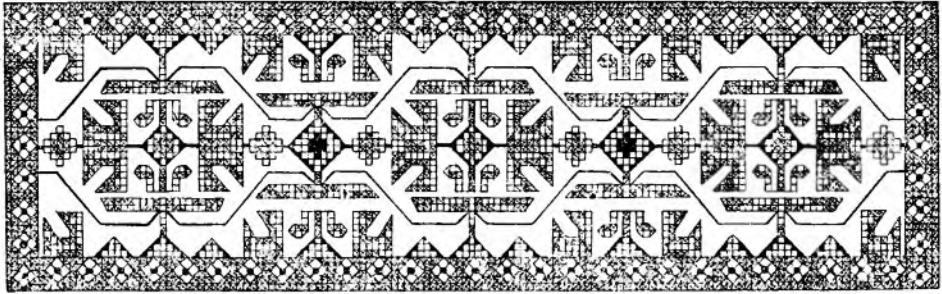
Не нужно представлять себѣ, что послѣ войны подведеніе счетовъ можетъ быть закончено мирными договорами. Что такое договоры для Нѣмцевъ?—Клочки бумаги.

Для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ не будетъ слишкомъ большимъ напряженіемъ создать новый порядокъ вещей на развалинахъ, накопленныхъ Нѣмцами.

Замогильный голосъ, голосъ столькихъ героевъ, умершихъ на полѣ чести. подсказываетъ, въ чемъ будетъ состоять нашъ завтрашній долгъ. Всѣ павшіе, отнынѣ объединенные въ безсмертной славѣ, достойной подобныхъ жертвъ, будутъ отомщены; они требуютъ, чтобы пережившіе ихъ во имя военнаго торжества объединились для того, чтобы добиться результатовъ, дающихъ нравственное удовлетвореніе и вознаграждающихъ потери. Само Провидѣніе вручило союзникамъ вести дѣло человечества противъ варварства, это дѣло требуетъ ихъ единенія до конца.

Баронъ де Бай.

Москва. Май 1915 года.

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЪДНОСЦЕВА

• Петербургъ. 4 Октября, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Долгомъ почитаю предувѣдомить васъ, что, не ожидая разрѣшенія вашего (въ коемъ едва ли могу сомнѣваться), приказалъ набирать въ отдѣльную брошюру поученіе ваше о крестѣ, ибо ожидаю отъ него пользы въ средѣ единовѣрческой особливо. Дѣло единовѣрія нынѣ закипѣло у насъ очень живо въ Пензенской епархіи, и туда прежде всего желаю я направить эту брошюру. Только я позволилъ себѣ,—да не соблазнимъ слабыхъ,—устранить двѣ строки изъ вашего текста, именно о происхожденіи двуперстія отъ Несторіевой ереси.

Есть и другое поученіе ваше, коимъ думаю воспользоваться для распространенія въ народѣ. Это—последнее напечатанное поученіе въ Великую Субботу: только надо, по моему мнѣнію, урѣзать его и сократить для народа. Надѣюсь, что и къ сему вы не будете имѣть препятствія,—ибо и въ сокращенномъ видѣ оно могло бы появиться безъ имени вашего. А на поученіи о крестѣ предполагаю выставить ваше имя ради авторитета.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью....

К. Побѣдоносцевъ.

1883 г. Октября 11. Уфа.

Ваше высокопревосходительство.

Не нахожу умѣстнымъ объяснять, какъ я чувствую себя удовлетвореннымъ и успокоеннымъ, получивъ два послѣднія посланія, которыми вамъ благоугодно было почтить меня.

О пособіи училищамъ я сдѣлаю безъ замедленія новое официальное представленіе. Прошу прощенія. Намъ крайне нужно нѣчто иное. Если я не беспокоилъ начальство своими ходатайствами по сему, то единственно изъ заботы не причинять начальству новыхъ заботъ безъ цѣли, исходя изъ мысли, что у начальства не имѣется способствъ, тогда какъ разнообразныхъ нуждъ множество. Намъ весьма нужно завести много миссіонерскихъ училищъ, а теперь же необходимо основать три, на которыя нужно, хоть на первый годъ, рублей до 500 (на каждое по 150 руб.). Объ этомъ я и попрошу, предоставляя себѣ выяснитъ прочія нужды чрезъ нѣсколько времени.

Что касается сообщеній, мнѣ сдѣланныхъ на счетъ Эннатскаго, то изъ послѣдняго письма моего о немъ изволите усмотрѣть, какъ я его понималъ. И теперь присовокуплю по чести. Когда мнѣ была заявлена корреспонденція священника Герм--ва, то меня она покорибила. Приходится тысячами опытовъ убѣждаться въ жизни, что у меня есть чутье, прозрѣніе не ума, а сердца. Она противна была мнѣ, эта корреспонденція. Но такъ она сама въ себѣ благовидна. Я разрѣшилъ ее напечатать, чтобъ показать безпристрастіе, чтобъ по безотчетному чутью сердца не помѣшать доброму дѣлу, чтобъ не показать священнику Гер--ву и за его спиной стоящему Эннатскому, котораго участіе я тутъ предугадывалъ, что я способенъ отталкивать полезную дѣятельность, хоть бы даже г. Эннатскаго.

Тѣмъ не менѣе съ ближайшимъ совѣтникомъ моимъ мы разсуждали: „Охъ, нѣтъ ли тутъ пашковства? Не эмиссаръ ли этотъ г. Эннатскій г. Пашкова?“ Развѣдать это дѣло я предполагалъ весною самолично, отправившись въ тѣ края для ревизіи. Но теперь самъ Богъ обличилъ его, поразилъ на смерть этого фарисея, врага церкви.

Желаніе вашего высокопревосходительства распространить мое поученіе о крестѣ въ особыхъ брошюрахъ дѣлаетъ мнѣ высокую честь. Съ величайшей радостью готовъ сослужить церкви Божіей хотя эту

малѣйшую изъ службъ. Прошу только при напечатаніи сдѣлать корректурныя поправки, указанныя мною въ препровождаемыхъ особо (мною) двухъ брошюрахъ этого поученія.

Другъ мой, товарищъ и благодѣтель Илларионъ Алексѣевичъ Чистовичъ представитъ вашему высокопревосходительству экземпляръ моихъ поученій, напечатанныхъ отдѣльною книгою. Благоволите принять благосклонно. При семъ имѣю честь изъясниться, что въ двухъ мѣстахъ, на стр. 40 и 35, я сдѣлалъ поправки, согласно вашимъ указаніямъ. Страница 40-ая даже перепечатана, такъ какъ была уже напечатана.

Призывая на васъ всегда благословіе Господне....

имѣю честь быть... Никаноръ, епископъ Уфимскій.

12 Октября, 1883.

Только что вышло изъ типографіи. Печатано 10000. Прислано будетъ вашему преосвященству 300, или сколько пожелаете.

К. Повѣдоносцевъ.

Петербургъ. 19 Октября, 1883.

Преосвященнѣйшій владыко.

Сейчасъ получено письмо ваше. Прошу извинить меня, что, не дождавшись вашего разъясненія (въ коемъ не сомнѣвался), отдалъ въ печать вашу проповѣдь, вслѣдствіе чего и повторены въ печати двѣ замѣченныя вами опечатки, впрочемъ не имѣющія важнаго значенія. Прежде того совѣтовался я съ двумя опытными единовѣрческими священниками, которые признали вполне пользу отъ распространенія книжки, указавъ только на необходимость выпустить двѣ строки о ереси Несторія. Поспѣшилъ же я потому, что одинъ изъ сихъ священниковъ уѣзжалъ домой, въ Пензенскую епархію, и мнѣ хотѣлось съ нимъ же отпустить книжки. Въ Пензенской епархіи у насъ происходятъ замѣчательныя явленія по распространенію единовѣрія въ самыхъ злыхъ центрахъ раскола. Достаточно сказать, что въ одномъ изъ глав-

ныхъ центровъ, въ с. Поимѣ, существуетъ школа для дѣвочекъ, гдѣ уже нынѣ 160 ученицъ и большая половина изъ раскольниковыхъ семействъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.... К. Побѣдоносцевъ.

Секретно.

1883 г. Октября 28. Уфа.

Ваше высокопревосходительство.

На этотъ разъ приходится вести объяснительную рѣчь о дѣлѣ печальномъ и возмутительномъ, въ дополненіе къ двумъ моимъ официально-секретнымъ сообщеніямъ о зловредной прикосновенности къ политической пропагандѣ псаломщика Петрова.

Въ послѣдніе дни онъ назначенъ къ собору г. Златоуста, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Діаконъ Трехъ-святительской Златоустовской церкви Никольскій рукоположенъ во священника въ село Сал-ку. На его мѣсто къ Трехъ-святительской Златоустовской церкви рукоположенъ псаломщикъ села Мяс-ва Тимашевъ. Но при рукоположеніи усмотрѣно, что діаконъ Тимашевъ обладаетъ замѣчательнымъ голосомъ-басомъ; почему ему, Тимашеву, и предложено поступить діакономъ-псаломщикомъ къ одно-штатной Троицкой церкви г. Уфы, на мѣсто этого Петрова. А какъ на мѣсто діакона къ Трехъ-святительской Златоустовской церкви назначенъ псаломщикъ Златоустовскаго же собора Бѣлокуровъ, которой еще не прибылъ къ хиротоніи въ Уфу, то на вакансію, очищаемую Бѣлокуровымъ, къ Златоустовскому собору, назначенъ сей Петровъ, обладающій также легкимъ, еще не сложившимся, голосомъ-басомъ, такъ какъ, при 19-ти лѣтнемъ своемъ возрастѣ, онъ еще не вполне физически развитъ, и выглядит незрѣлымъ юношею, почти мальчикомъ.

Объ арестованіи Петрова я узналъ сперва лично отъ г. г. вице-губернатора и жандармскаго полковника Англареса. Въ осеннюю безпутицу, ища подводы, чтобы добраться до г. Златоуста, онъ случайно, т. е. по устройенію Промысла, какъ-то сошелся съ жандармскимъ офицеромъ, который отправлялся туда-же, въ Златоустъ. Офицеръ охотно взялъ съ собою Петрова попутчикомъ, но на пути замѣтилъ странное поведеніе Петрова, который на станціяхъ старался заводить съ народомъ

рѣчи сомнительнаго свойства. Лишь только прибыли они въ г. Златоустъ, офицеръ, снесшись съ мѣстными властями, подвергъ Петрова обыску, при чемъ и найдены у него гектографическія воззванія революціоннаго содержанія, съ злонамѣреннымъ толкованіемъ словъ Государя Императора, обращенныхъ къ областнымъ старшинамъ въ Москвѣ, во дни священнаго коронованія, съ принаровленіемъ редакціи къ народному духу, съ призываніемъ имени Божія: „Господь не попуститъ“ и т. д.

Когда я выслушалъ этотъ разсказъ, первымъ моимъ словомъ было: „Это Соколовъ.“ „Это Соколовы.“ Въ г. Уфѣ имѣется священникъ, болѣе многихъ любимый, способный и умѣющій привлекать простыя сердца, мнѣ впрочемъ издавна не особенно симпатичный, Николай Соколовъ, членъ консисторіи. Онъ имѣлъ слабость отдать и перваго своего сына и втораго въ уфимскую гимназію, гдѣ они шли и кончали курсъ первыми; третьяго сына-тупицу въ духовную семинарію, а четвертаго способнаго опять же въ гимназію. Первый уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступилъ было въ Казанскій университетъ, откуда, кажется, не разъ былъ удаляемъ; теперь же окончательно удаленъ за демонстраціи политическаго свойства и въ настоящее время проживаетъ въ селѣ Мои-въ уфимскаго уѣзда у мужа своей родной сестры Бр-ва, управляющаго имѣніями Базилевскихъ, въ качествѣ якобы домашняго учителя дѣтей, своихъ родныхъ племянниковъ. Второй сынъ чуть ли не въ этомъ году поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ и пребываетъ. Третій учится въ нашей семинаріи; четвертый—въ гимназіи. О сынѣ-семинариствѣ до сихъ поръ ничего худого замѣчаемо не было; но вообще вся эта семья у меня давно въ подозрѣніи, во-первыхъ потому, что этотъ священникъ имѣетъ такую странную склонность къ свѣтскому-образованію для своихъ дѣтей; а во-вторыхъ я предчувствовалъ и громко многократно предсказывалъ, что онъ за эту предосудительную склонность будетъ наказанъ въ своихъ дѣтяхъ, что и начало сбываться; въ третьихъ, потому, что до меня и доходили слухи о предосудительныхъ склонностяхъ сынковъ-университантовъ, особенно старшаго, успѣвшаго уже не разъ и наконецъ окончательно быть изгнаннымъ изъ университета и дѣлающаго подъ крыломъ, у своего батюшки-священника гнѣздо-сборище молодежи сомнительныхъ качествъ и тенденцій. Недавно въ лѣтніе каникулы всѣ эти птенцы нигилизма проживали въ домѣ у отца, въ церковномъ домѣ Троицкой церкви г. Уфы. А въ этомъ же домѣ, на одномъ и томъ же дворѣ имѣлъ казенную церковную квартиру, только въ отдѣльномъ флигелькѣ, и псаломщикъ Петровъ.

Вѣроятно, университетанты, все таки скрываясь отъ глазъ бабушки и особенно матушки, кроткой и богобоязненной женщины, которая искренно горевала о склонностяхъ и печальной будущей судьбѣ своихъ сынковъ,—вѣроятно, университетанты съ своею шайкою собирались и на бесѣды во флигелѣ псаломщика, мальчика Петрова, который проживалъ тамъ только съ своею матерью-вдовою.

Я указалъ также жандармскому надзору, какъ на сомнительный же, на домъ заштатнаго священника, имѣющаго помѣстье подъ самымъ городомъ, равно какъ богатый домъ и въ самой Уфѣ, діак. Б-ва, который также отдаетъ многихъ своихъ сыновей въ гимназію, у котораго одинъ старшій сынъ уже успѣлъ и поступить въ Казанскій университетъ и быть уволеннымъ совмѣстно съ старшимъ Соколовымъ, и снова поступить туда же, въ университетъ. Студентъ Б--въ проживалъ въ домѣ, у отца круглый годъ съ какимъ то другимъ, также изгнаннымъ изъ университета же. Эти два, прогнанные студента просвѣщали многочисленную семью своего отца-священника, у котораго за столъ садится до 20 человѣкъ многочисленныхъ сыновъ и дочерей Бар-хъ, равно какъ и всѣхъ, желающихъ поучиться у нихъ уму-разуму. Я указывалъ даже на то обстоятельство, что въ это прошлое лѣто ходила по нашей братіи глухая молва, будто у Б--хъ былъ даже домовый обыскъ, будто при осмотрѣ у нихъ вспороли даже мебель и будто у нихъ имѣется даже гектографъ.

Сегодня г. вице-губернаторъ (жандармскій полковникъ лежитъ въ постели больной) сообщаетъ мнѣ словесно о первыхъ показаніяхъ арестанта Петрова: „Получилъ-де революціонные листки отъ неизвѣстной женщины,“—это сперва; затѣмъ: „Получилъ въ Казани отъ двоюроднаго брата, обучающагося въ казанской гимназіи“.—Ясное дѣло—путаешь. Но странно.—„Отчего же вы не хотите полюбопытствовать, —я спрашиваю,—что подѣлываетъ въ М—вѣ прогнанный студентъ Соколовъ.“ Они его сами знаютъ; онъ у нихъ на примѣтѣ.—„Не можемъ, не имѣемъ права. Можемъ сдѣлать обыскъ только по основательному поводу и не иначе, какъ въ согласіи съ прокурорскимъ надзоромъ“.—„Помилуйте, вѣдь это значитъ давать всѣ способы прятать концы въ воду“.—„Что же дѣлать? Вотъ, если бы нашъ край былъ въ положеніи особенно усиленной охраны, тогда дѣло другое“.— Не сегодня, завтра разнесется, что Петровъ арестованъ, и всѣ прикосновенные спрячутъ концы въ воду.

По основательнымъ моимъ разспросамъ оказывается, что у этого Петрова не имѣется внѣ уфимской губерніи, какъ и въ Казани, ника-

кого родства. Есть одно только недоумѣніе, которое я разъясню завтра и для себя, и для жандармскаго надзора.

Объ арестѣ Петрова въ Уфѣ неизвѣстно еще никому. Сегодня отбываетъ изъ Уфы на жительство въ Златоустъ его мать вдова со всѣмъ имуществомъ, о чемъ мною также сообщено жандармскому полковнику, съ указаніемъ, что „можно бы полюбопытствовать, особенно за заставою, по выѣздѣ изъ Уфы“. На чемъ у нихъ рѣшено по этому, не знаю.

О дальнѣйшемъ движеніи этого печальнаго дѣла сочту долгомъ сообщать и официально, а еще скорѣе и вѣрнѣе, съ надлежащимъ освѣщеніемъ, неофициально.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять увѣреніе въ искреннемъ и глубокомъ къ вамъ уваженіи и душевной о Господѣ Иисусѣ преданности...

Никаноръ епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Октября 28. Въ клировой вѣдомости села Дюр-ей Бирскаго уѣзда за 1882 г. значится: „У священника Димитрія Петрова (родного дяди по отцу арестанта Петрова) дѣти: Іоаннъ, съ 1881 г. состоитъ въ военной службѣ, 23 лѣтъ; Александръ—обучается въ 7 кл. 3-ей казанской гимназіи, 20 лѣтъ“. О чемъ сію же минуту дано мною знать г. жандармскому полковнику.

1883, Октября 29.

Благосклонныя посланія вашего высокопревосходительства, насчетъ изданія моихъ поученій, я имѣлъ утѣшительную честь получить. Всѣ ваши рѣшенія по этому вопросу съ радостью приѣмлю.

Съ Н. И. Ильминскимъ я дѣйствую въ наиполнѣйшемъ согласіи. Я состою съ нимъ въ непрерывныхъ и официальныхъ, и частныхъ сношеніяхъ. Всѣ кандидаты на священство и миссіонерское учительство берутся нами отъ него. Безъ него по этой части мы шагу ступить не можемъ по миссіонерскимъ предпріятіямъ.

Простите нескромность. Въ газетахъ опять поставлено невѣжественное требованіе о пересмотрѣ нашей присяги, объ исключеніи словъ: „Клянусь Богомъ“, зазираемыхъ старообрядцами. Мною напечатана

на эту тему особая бесѣда (для внѣ-церковнаго собесѣдованія). По напечатаніи, я дополнилъ ее новыми соображеніями. Не соизволите-ли, чтобы я представилъ вашему высокопревосходительству нѣсколько брошюръ этой бесѣды.

1883, Ноября 1. Уфа.

Къ частному сообщенію моему о политическомъ арестантѣ Петровѣ долгомъ считаю присовокупить, что въ г. Уфѣ уже разнеслась молва объ его приключеніи. Разнеслась, кажется, съ того, что жандармскій надзоръ, повидимому, спрашивалъ священника Соколова, а, быть можетъ, и другихъ и обязалъ подпиской о невыѣздѣ изъ Уфы мать арестанта Петрова, вмѣсто того, чтобы, по моему указанію, за городской заставой, или же въ самомъ Златоустѣ, порыться въ имуществовѣ Петрова, съ которымъ собралась было выѣзжать изъ Уфы Петрова мать.

Тутъ же я узналъ и далъ знать жандармскому полковнику, что бывшій псаломщикъ Петровъ отдавалъ въ наймы половину своей казенно-церковной квартиры, гдѣ жила какая-то вдова чиновника Иванова и въ лѣтніе каникулы проживалъ у нея сынъ ея, учитель Ивановъ, который теперь будто бы назначенъ учителемъ въ учительскую семинарію Благовѣщенскаго завода, въ 35 верстахъ отъ Уфы, гдѣ также полгода назадъ былъ политическій процессъ, имѣвшій распространеніе даже за Ураломъ, въ гимназій г. Троицка и между уральскими казаками.

Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Секретно.

1883, Ноября 2. Уфа.

По частнымъ свѣдѣніямъ.

Мать арестанта Петрова, вдова рассказывала, какъ и жандармскому надзору показала: „Ея сыну, арестованному возмутительные листки передалъ двоюродный его братъ, сынъ священника села Дюр-лей, Уфимской губерніи, воспитанникъ казанской гимназій, Петровъ, который въ лѣтніе каникулы проживалъ у нихъ въ Уфѣ. Мать, жившая съ какой-то юной родственницей въ казенно-церковной квартирѣ сына,

обѣ знали о передачѣ этихъ листовъ Петровымъ казанскимъ—Петрову уфимскому; юная родственница, при отъѣздѣ послѣдняго въ Златоустъ, говорила ему: „Сожегъ-ли ты тѣ казанскіе листки?“ Обѣ же говорятъ, будто казанскій Петровъ роздалъ много этихъ листовъ уфимскимъ гимназистамъ.“

Соколовы же, мужъ-священникъ и жена нимало не смущены и говорятъ, что „ни они, ни дѣти ихъ совершенно не причастны къ этому дѣлу; дѣти ничего общаго съ этимъ Петровымъ не имѣли; у него не бывали и у себя не принимали никогда; да и не жили въ городѣ, проживая всю лѣтнюю вакацію въ селѣ Мойсеевѣ, у сестры и зятя, управляющаго имѣніями Базилевскихъ“.

Только что пріѣхавшій въ Уфу на мѣсто Петрова, проѣхавъ по свѣжимъ слѣдамъ Петрова, по той же дорогѣ, діаконъ Тимашевъ сказываетъ, что Петровъ во всю путину кутилъ. Этимъ объясняется его безумно-неосмотрительное поведеніе, что его спутникъ, жандармскій офицеръ, заподозрилъ его, Петрова, въ преступныхъ умыслахъ.

Н и к а н о р ь епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Петербургъ. 5 Ноября 1883 г.

Пишу наскоро нѣсколько словъ, по полученіи вашего письма.

Благодарю за свѣдѣнія о Петровѣ. Боже, сколько развелось этой сволочи. Но здѣсь у всѣхъ очи ослѣплены и окаменены сердца. Доказательство—что не смѣютъ, въ силу закона—сдѣлать обыскъ у Соколова. „Велика Артемида Ефесская“. Еже есть Θεмида.

Покорнѣйше прошу доставить мнѣ ваши брошюры о присягѣ. Проповѣдь я знаю, ибо замѣтилъ въ свое время.

Душевно уважающій К. П о в ѣ д о н о с ц е в ѣ .

1883, Ноябри 15. Уфа.

Секретно.

Ваше высокопревосходительство.

Нашъ жандармскій полковникъ выздоровѣлъ и сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, при чемъ разъяснилъ положеніе дѣла арестанта Петрова.— „Слабый, ничтожный мальчикъ“,—съ чѣмъ я вполне согласился.— „Упалъ духомъ всесовершенно, рассказалъ все, повидимому, съ полнѣйшей искренностью. Стоитъ на томъ, что преступные листки пере-

далъ ему двоюродный братъ его Петровъ, воспитанникъ казанской гимназіи, передалъ еще въ прошломъ году, въ прїѣздъ свой въ Уфу, на лѣтнюю вакацію. Спрашивали, показывалъ ли онъ эти листки кому либо въ Уфѣ. Клянется, что показывалъ одному, единственно своему другу и повѣренному всѣхъ его задушевныхъ мыслей, Соколову, сыну здѣшняго священника, воспитывающемуся въ здѣшней семинаріи. Этотъ другъ его тогда же убѣждалъ его уничтожить эти листки, предсказывая, что они приведутъ къ тяжелой бѣдѣ. Мы думаемъ,—прибавлялъ къ этому г. полковникъ,—произвести обыскъ у этого Соколова, равно какъ и у брата его, исключеннаго студента, живущаго въ селѣ Моисеевѣ.“

Я чуточку поморщился при этомъ сообщеніи, разъяснилъ г. полковнику, что „я де хорошо понимаю значеніе государственныхъ соображеній, чтобы дать кому либо хотя малѣйшій намекъ относительно вашихъ предположеній и чтобъ отклонять хотя сколько либо ихъ осуществленіе. Но этотъ Соколовъ, воспитанникъ духовной семинаріи, живетъ у отца-священника; зтотъ обыскъ придется произвести въ квартирѣ священника. Это произведетъ впечатлѣніе“. — „Да, впечатлѣніе“—согласился со мною г. полковникъ, задумавшись. — „И впечатлѣніе теперь бесплодное,—продолжалъ я. Быть можетъ полезно было бы сдѣлать обыскъ съ самаго начала, пока дѣло не огласилось. А теперь всѣ прикосновенные, конечно, попрятали всѣ концы самыхъ тонкихъ ниточекъ въ воду, здѣсь ли, въ Уфѣ, тамъ ли, въ Моисеевѣ. Что до Моисеева, то я откроюсь вамъ, я вызывалъ оттуда, изъ Моисеева мѣстнаго священника, который имѣетъ причины питать неудовольствіе на г. Бр-ва, управляющаго имѣніями Базилевскихъ, зятя Соколовыхъ, такъ какъ управляющій усиливается выжить своего настоящаго священника изъ Моисеева. И не сказавъ священнику о положеніи дѣла ни слова, а только указавъ ему на святую икону и напомнивъ священническую присягу на вѣрность Богу и Царю, поручилъ ему наблюсти за дѣйствіями и отношеніями къ народу выгнаннаго студента Соколова и о наблюденіяхъ своихъ доложить мнѣ. Такъ, священникъ, если что узнаетъ, непременно донесетъ мнѣ, не утаитъ по священнической совѣсти. Между тѣмъ онъ увѣрялъ меня тогда же, что до сихъ поръ въ дѣйствіяхъ этого Соколова ничего худого не замѣчалъ, о немъ въ Моисеевѣ ничего худого пока не слышно“.

Дѣлая общую характеристику этого процесса, г. жандармскій полковникъ говорилъ, что „въ этомъ процессѣ повторилась исторія Благовѣщенской учительской семинаріи. Какъ тамъ у насъ, въ семинаріи Благовѣщенскаго завода, дѣло только началось, не имѣя никакихъ развѣтвленій, корни же дѣла были въ г. Троицкѣ Оренбургской

губерніи, въ тамошней гимназіи,—такъ и здѣсь. Развѣтвленій здѣсь не усматривается никакихъ. А корни зла въ Казани, въ гимназіи, конечно, и дальше, быть можетъ, въ университетѣ. Туда сообщено, и Петровъ гимназистъ, конечно, арестованъ“.

Чего я не сказалъ г. полковнику, но долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства: я сдѣлалъ крѣпкое предостереженіе о. ректору и инспектору уфимской дух. семинаріи, чтобъ они сами вникли въ сношенія учениковъ семинаріи Соколова и Б-ва и, если бы что усмотрѣли предосудительное, или даже подозрительное въ политическомъ отношеніи, то чтобъ безотлагательно сообщили жандармскому надзору, безъ утайки, иначе все равно дойдутъ по нитямъ. Но ректоръ и инспекторъ увѣряли меня, что и прежде наблюдали за этими воспитанниками и послѣ моего сообщенія вникали, но ничего подозрительнаго не усмотрѣли.

1883, Ноября 16.

Сію минуту являлся ко мнѣ священникъ села Моисеева, съ докладомъ по моему порученію. Ничего худого за студ. Соколовымъ по селу Моисееву не замѣчается и не слышно.

Петербургъ. 25 Ноября, 1883.

Преосвященнѣйшій владыко.

Спѣшу конфиденціально покуда сообщить вамъ, что сегодня Св. Синодъ предназначилъ васъ на Херсонскую кафедру, на мѣсто почившаго преосв. Димитрія. Дѣла много будетъ. О семь послѣ.

Но дабы имѣли вы возможность заранѣе приготовиться, пошлю вамъ завтра же послѣдніе ревизорскіе отчеты о состояніи духовно-учеб. заведеній Херсонской епархіи. Письмо это содержите покуда въ безгласности.

Душевно уважающій и преданный К. Повѣдоносовъ.

Петербургъ. 14 Декабря 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

На дняхъ получите и указъ Св. Синода о назначеніи васъ въ Одессу. Докладъ уже утвержденъ Государемъ.

На ваше мѣсто поѣдетъ преосв. Діонисій. Путь ему долгій, изъ Якутска. Пріѣдетъ онъ долго послѣ васъ, въ край совершенно неиз-

вѣстный. Съ вами не съѣдется. Пособите ему. Я просилъ бы васъ, если можно, составить для него записку о епархіи, обо всемъ, что вы начали и что надлежитъ продолжать, о лицахъ и учрежденіяхъ (объ учебныхъ заведеніяхъ). Вотъ я сожалью о миссіонерскихъ училищахъ, которыя вы предприняли учредить: и деньги на нихъ отпущены.

Ревизорскіе отчеты по Херсонской епархіи посланы вамъ: надѣюсь, что и получены.

Покуда вы еще въ Уфѣ, обратите вниманіе на семинарскую бібліотеку. По спискамъ книгъ, отовсюду доставленнымъ, за 2 года, уфимскій обращаетъ на себя вниманіе—съ отрицательной стороны. Много выписано дряни. Не говорю уже о книгахъ новыхъ натуралистовъ-философовъ. За ними гоняются повсюду. Но скажите—какое мѣсто въ семин. бібліотекѣ, и на казенныя деньги глупымъ и пустымъ романамъ. Кому понадобились и зачѣмъ выписаны собраніе сочиненій Щербины, романы Гюго и Доде въ русскомъ переводѣ, господина Обломовы, сочиненія Михайлова, вздорные романы Мещерскаго, рассказы Каразина, романъ г-жи Жадовской,... рассказы Глѣба Успенскаго и т. д. Какой смыслъ платить 40 руб. за роскошное изданіе русской библии съ рисунками Доре, покупаемое богачами—для показу, на столѣ въ гостиной. Все это показываетъ и дурной вкусъ и пустое направленіе, такъ что Уфимская семинарія этимъ отличается съ двумя другими—саратовскою. Правда, въ Саратовѣ еще хуже.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.....

1883. Декабря 23, вечеръ.

Ваше высокопревосходительство.

Благоволите еще разъ принять выраженіе моей живѣйшей признательности за высокое благовниманіе вашего выс-ства къ моему недостоинству. Мой долгъ молить за васъ Господа Бога всегда. Богъ васъ да хранитъ и милуетъ отъ всякихъ напастей и бѣдъ.

Обѣщаюсь начать и вести дѣло Божіе въ Одессѣ тихо, естественныя вспышки моего холерическаго темперамента по возможности обуздывать, высшей гражданской власти слушаться, какъ и слушался, еврейскій вопросъ обходить, штунду сперва изучить, а потомъ дѣйствовать, положеніемъ духовно-учебныхъ заведеній заняться, чтобъ направить ихъ къ болѣе безпрепятственному своей духовно-воспитательной задаче выполненію, строгость богослужебнаго чина поддерживать, конечно, все это Богу содѣйствующу, заступленіемъ святыхъ отецъ нашихъ.

Ѣхать безъ зова въ Петербургъ въ настоящую пору самой острой зимы я и не желаю и затрудняюсь, потому что уже около 30 лѣтъ страдаю бронхитомъ, раздраженіемъ горла и справляясь съ этимъ недугомъ въ самую жестокую часть зимы мнѣ весьма затруднительно. Помози Богъ благополучно проѣхать 5000 верстъ отъ Уфы до Одессы.

На библіотеку уфимской дух. семинаріи я и обращалъ вниманіе и теперь снова обращаю на нее вниманіе здѣшняго строгаго, степеннаго и разсудительнаго о. ректора, протоіерея Б-го. Причина сдѣлавшейся замѣтную неровности по здѣшней библіотекѣ заключаются въ старой евангельской истинѣ, что „неудобъ богату въ царствіе Божіе внити“. Здѣшняя семинарія имѣетъ не только возможность, но и завѣщанный долгъ издерживать на библіотеку не только назначенную ежегодно казенную сумму, но и 500 руб. $\frac{1}{100}$ $\frac{1}{100}$, ежегодно получаемыхъ съ капитала въ 10000 руб., завѣщанныхъ благотворителемъ Розановымъ именно на библіотеку здѣшней семинаріи. Оттого и происходитъ во-первыхъ роскошь ежегодной выписки книгъ,—на что нибудь нужно же израсходовать такую значительную для ежегоднаго употребленія сумму; затѣмъ современнѣйшія философскія книги выписывалъ Дмитровскій, нынѣ протоіерей и ректоръ Оренбургской семинаріи, способнѣйшій изъ наставниковъ семинаріи уфимской, который въ бытность свою въ Уфѣ, постоянно не только училъ внимательно философскимъ наукамъ, но и учился, читалъ, изучалъ новѣйшія философскія произведенія. Что же (касается) до новѣйшихъ продуктовъ русской литературы, то они выписывались по указанію и требованію бывшаго преподавателя словесности въ здѣшней семинаріи. Я сперва пропустилъ эту выписку мимо глазъ, исходя изъ мысли, что наставники семинаріи, какъ люди высшаго образованія и работники науки, и могутъ безъ опасенія, и даже обязаны слѣдить за всѣми выдающимися проявленіями русской мысли и литературы. Но когда, наконецъ, усмотрѣлъ тутъ незазорную, какую-то опредѣленную намѣренность, не говоря уже о недостаткѣ осмотрительности, то офиціально поднялъ по этому поводу тревогу, такъ что за нѣкоторыя изданія наставнику пришлось даже заплатить свои собственные деньги, а книги въ библіотеку семинаріи не допущены. Сверхъ того, указавъ на признанную недаровитость и неосмотрительность этого преподавателя словесности, я формально предложилъ перевести его на какую либо другую кафедру, менѣе вліяющую на развитіе смысла учениковъ. Но этотъ наставникъ предпочелъ совершенно оставить службу при уфимской дух. семинаріи и поступилъ въ свѣтское вѣдомство.

- „Стихотворенія“, М. 1858 г.
 „Нѣчто по поводу столицъ“ (*Голосъ* 1863 г., № 100).
 „По вопросу о пролетаріатѣ“ (*тамъ же* 1864 г., №№ 194 и 196).
 „О трагедіи гр. А. К. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго“ (*Недѣля* 1866 г., № 1).
 „Элементы европейской цивилизаціи“ (*Отечественныя Записки* 1867 г., т. XXI).
 „Партіи въ Сибири“ (*тамъ же*).
 „Отвѣтъ г. Натальину о Публичной библіотекѣ“ (*Голосъ* 1869 г., № 136).
 „Нѣчто о трагедіи г. Жандра: „Неронъ“ (*тамъ же*, №№ 342—345).
 „Смерть Герцена и толки по поводу ея“ (*Голосъ* 1870 г., № 18).
 „Разказы Нила Адмирари“, Спб. 1872 г., два тома.

Перовъ, Василій Григорьевичъ¹⁾, извѣстный русскій художникъ, родился 23 декабря 1833 года въ Tobольскѣ; учился грамотѣ у сельскаго дьячка, а затѣмъ въ Арзамасскомъ училищѣ; послѣ обученія живописи въ иконописной школѣ Ступина, существовавшей въ Арзамасѣ, съ 1853 года занимался въ Московскомъ Училищѣ живописи, ваянія и зодчества, а съ 1856 года—въ Императорской Академіи Художествъ; удостоенный большой золотой медали за картину „Проповѣдь въ селѣ“ (1861 г.), онъ былъ командированъ за границу; по возвращеніи же въ Россію (1864 г.) за свои высокохудожественныя произведенія получилъ званія академика и профессора живописи; съ 1871 года до дня смерти состоялъ преподавателемъ въ Московскомъ Училищѣ живописи; † 29 мая 1882 года въ селѣ Кузьминкахъ, близъ Москвы.—Кромѣ картинъ, эскизовъ и портретовъ, перечисленныхъ у Н. П. Собко (см. примѣчаніе), ему также принадлежали слѣдующіе литературные труды:

- „Тетушка Марья“, изъ воспоминаній художника (*Пчела* 1875 г., № 11).
 „Автобіографія“ (*Художественный Журналъ* 1881 г., кн. 2).
 „Новогодняя легенда о счастьѣ“ (*тамъ же* 1882 г., кн. 1).
 „Медовый праздникъ въ Москвѣ“, изъ воспоминаній художника (кн. 9).

¹⁾ Подробный перечень художественныхъ работъ В. Г. Перова и списокъ печатныхъ матеріаловъ о немъ, составленные Н. П. Собко, помѣщены въ Журналѣ: „Искусство и художественная промышленность“ (1892., приложение, стр. 306—325). Однако тамъ пропущены слѣдующія изданія, касающіяся жизни и трудовъ Перова: „Русскій Календарь А. Суворина“ на 1873 годъ.—*Семейные Вечера* (старшій возрастъ) 1881 г., № 6.—Періодическія изданія 1882 года: *Будильникъ*, № 23 (съ портретомъ); *Газета Гатцука*, №№ 23 и 26; *Москва*, № 21; *Московский Листокъ*, № 151; *Новое Время*, № 2244.—*Выстникъ Изящныхъ Искусствъ* 1883 г., вып. I.—*Новое Время* 1883 г., № 2620.—*Семейные Вечера* 1883 г., № 8. Позднѣ же появились: „В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія“, Н. Собко, изд. Д. А. Ровинскаго, Спб. 1892 г., 2+79 стр. съ 60 фототипіями.—„В. Г. Перовъ“, статья В. В. Стасова (*Историческій Выстникъ* 1892 г., кн. 3, стр. 794—800).—Статья о Перовѣ въ *Артистѣ* 1884 г., кн. 33, стр. 17—26.—„В. Г. Перовъ“, Нины Николаевой, М. 1914 г., 48 стр. съ рисунками.

Петровскій, Андрей Станиславовичъ¹⁾, питомецъ Московскаго Университета, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ по отдѣлу естественныхъ наукъ (1854 г.); затѣмъ—преподаватель, а послѣ полученія степени магистра ботаники (1867 г.)—профессоръ естествовѣдѣнія въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ до его преобразования; позже—учитель естественной исторіи въ Ярославской женской гимназій, предсѣдатель Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи и основатель мѣстнаго естественно-историческаго музея; † 25 марта 1882 года въ Ярославлѣ.—Кромѣ статей въ „*Botanische Zeitung*“, имъ напечатаны:

„*Etudes algologiques*“ (*Bull. de la Soc. des Nat. de Mosc.* 1861 г., I, стр. 605—618; 1862 г., I, стр. 575—585; II, стр. 465—468).

„О флорѣ Ярославскаго уѣзда“ (*Памятная книжка Ярославской губерніи на 1862 годъ*, стр. 343—374).

„Критическій взглядъ на семейство питчатоку, по поводу наблюденій надъ размноженіемъ *Cladophora macrospora*“, магистерская диссертация, М. 1867 г.

„Очеркъ Ярославской флоры“ (*Труды Ярославск. Статистическ. Комитета*, 1868 г., вып. IV, стр. 287—372).

„Наблюденія надъ размноженіемъ и развитіемъ водорослей—*Cladophora macrospora* изъ семейства *Confervaceae*“ (*Протоколы Импер. Общества Любителей Естествознанія*, М. 1868 г.).

„Вліяніе растительнаго міра на культуру человѣка“ (*Извѣстія Импер. Общества Любит. Естествознанія* 1868 г., т. VII).

„Физика частичныхъ явленій, изложеніе научныхъ открытій и практическихъ приложеній ихъ, сдѣланныхъ въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія“, аббата Муаньо, переводъ съ французскаго, М. 1869 г., 170 стр.

„О наблюденіяхъ надъ *Aristolochia dematitidis* близъ Ярославля“ и „О строеніи корня жень-шеня“ (*Извѣстія Импер. Общ. Люб. Естест.* 1877 г., т. XXIV, вып. 2).

„Труды Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи“, М. 1880 г., выпускъ первый, 146 стр.

Планеръ, Дмитрій Ивановичъ, родился въ 1820 году и учился въ Институтѣ горныхъ инженеровъ; по окончаніи курса долго служилъ на Уралѣ, гдѣ состоялъ управляющимъ Юговскаго завода, а затѣмъ—Мотовилихинскаго и Сысертскаго заводовъ; позже былъ бібліотекаремъ Горнаго Института (1866—1876 гг.); † въ 1882 году (см. „Русскій Біографическій Словарь“, Спб. 1905 г., стр. 12—13).—Кромѣ статей въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Горномъ Журналѣ“, имъ напечатаны:

„О мѣрахъ предосторожности, которыя принимаемы были Пермскими заводами во время Пугачевского бунта, въ 1774 году“ (*Пермскій Сборникъ* 1859 г., кн. I, отд. I, стр. 88—112).

¹⁾ О немъ: „Отчеты Московскаго Университета“ за 1854 годъ, стр. 17 и за 1867 годъ, стр. 15.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 92.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 87.

„Историко-статистическое описаніе округа Пермскихъ казенныхъ мѣднплавильныхъ заводовъ“ (*тамъ же*, отд. III, стр. 3—34).

„Сборникъ вновь открытыхъ и вновь изслѣдованныхъ въ новѣйшее время минераловъ“, Спб. 1867, 1869 и 1872 г., три выпуска.

„Указатель статей Горнаго Журнала“, съ 1860 по 1869 г., Спб. 1871 г. 239 стр.

Покровскій, Павелъ Ивановичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1837 году и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1862 г.) состоялъ ординаторомъ во II-ой Московской городской больницѣ, гдѣ позже занималъ должность главнаго врача; † 20 октября въ Москвѣ.—Его труды:

„Случай быстраго излѣченія вторичныхъ явленій сифилиса подкожными выриваніями раствора сулемы“ (*Московская Медицинская Газета* 1869 г., № 17).

„Краткій медицинскій отчетъ по временной городской въ Москвѣ больницѣ за 1872 годъ“, М. 1873 г., 52 стр.

„Объ устройствѣ госпиталей сообразно гигиеническимъ требованіямъ“, М. 1874 г., 103 стр.

„Первичный крупъ носа у дѣтей“ (*Московская Медицинская Газета* 1875 г., № 11).

„Временная городская Московская больница“ (*Медицинское Обозрѣніе* 1879 г., ч. X).

Поповъ, Арсеній Михайловичъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился въ городѣ Устюгѣ (1816 г.) и учился въ Вологодской духовной семинаріи; по окончаніи семинарскаго курса (1838 г.) былъ рукоположенъ во священника къ Устюгской Александро-Невской церкви, отъ которой въ 1850 году переведенъ къ Устюгской Спасовсеградской церкви, а съ 1877 года въ санѣ протоіерея былъ назначенъ настоятелемъ Устюгскаго Успенскаго собора, гдѣ и состоялъ до дня смерти—10 сентября 1882 года.—Ему принадлежали слѣдующія статьи въ „Вологодскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“:

„Историческое извѣстіе о крестныхъ ходахъ изъ Великоустюгскаго Успенскаго собора“ (1867 г., № 6).

„Къ біографіи Иринея, епископа Вологодскаго и Устюгскаго“ (№ 12).

„Случай изъ жизни Евгенія, бывшаго епископа Вологодскаго, позже Кіевскаго митрополита“ (1868 г., № 20).

„Матеріалы для исторіи Устюгскаго духовнаго училища,“ 1788—1806 гг. (1874 г., № 17).

„Великоустюгскій Прокопьевскій соборъ“ (1874 г., №№ 19 и 20).

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1862 годъ, стр. 20.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 297.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 296.—„Русскіе врачи-писатели“, Л. Змѣева, Спб. 1889 г., вып. V, стр. 70.

²⁾ См. о немъ *Вологодскія Епарх. Вѣдомости* 1882 г., № 20 и книгу П. Дилакторскаго: „Вологжане-писатели,“ Вологда 1900 г., стр. 89—91 и 140.

„Церкви въ Устюгѣ:“ Св. Іоанна Юродиваго (1874 г., № 21), Спасская Всеградская (№ 23), Рождества Христова (№ 24), Срѣтенская—Мироносицкая (1875 г., №№ 1 и 2), Дымковская Димитріевская (№ 7), Вознесенская (№ 9), Спасопреображенская (№ 11) и Николаевская—Гостинская (№ 12).

„Описаніе Великоустюгскаго Іоанно-Предтечева дѣвичьяго монастыря“ (1877 г., №№ 9—15).

„Георгіевская церковь въ городѣ Устюгѣ“ (1878 г., № 13).

„Котовальская часовня, приписная къ Великоустюгскому Успенскому собору“ (1879 г., № 12).

„Варлаамовская церковь, что въ Городищѣ, въ Устюгѣ“ (1881 г., №№ 21 и 22).
Послѣ смерти протоіерея А. М. Попова, появились двѣ статьи его:

„Церкви въ городѣ Юстюгѣ:“ Преподобнаго Симеона Столпника (1885 г., № 21) и Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго (1885 г., № 22).

Похвисневъ, Михаилъ Николаевичъ¹⁾, изъ дворянъ, родился въ 1813 году; служилъ правителемъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа; съ 1852 года состоялъ цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, а позднѣе—начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати (1866 г.) и сенаторомъ; † 4 ноября 1882 года въ Петербургѣ.—Ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,“ воспоминанія (*Русская Старина* 1872 г., т. VI, стр. 475—500).

Сообщеніе: „Письмо служилаго челоѣка Якова Васильевича Похвиснева къ своему отцу, стольнику Василию Михайловичу Похвисневу, въ началѣ XVIII вѣка“ (*тамъ же* 1875 г., т. XIII, стр. 143—145).

„Ходатайство В. И. Назимова, попечителя Московскаго учебнаго округа, объ изданіи сочиненій Гоголя безъ цензурныхъ урѣзкокъ,“ 1853—1855 г. (*тамъ же* 1882 г., т. XXXIII, стр. 481—490).

Послѣ смерти М. Н. Похвиснева, его „Дневникъ“ появился въ „Шукинскомъ Сборникѣ“ (М. 1908 г., кн. IX), откуда затѣмъ перепечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1911 г., кн. 2, стр. 189—215).

Прохоровъ, Василій Александровичъ²⁾, археологъ, родился 28 февраля 1818 года въ Орловской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія; какъ сынъ священника, онъ сначала воспитывался въ Херсонской семинаріи, а затѣмъ учился въ Импер. Академіи Худо-

¹⁾ См. о немъ: „Жизнь и труды Погодина,“ Н. Барсукова, кн. XIII, XIV и XVIII (по указателю).—„Русскій Біографическій Словарь,“ Спб. 1905 г., стр. 722. „Московскій Комитетъ по дѣламъ печати,“ А. Сидорова, М. 1912 г., стр. 14—15.

²⁾ О немъ періодическія изданія 1882 года: *Газета Гатичка*, № 29; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 8, стр. 447—448; *Московскія Вѣдомости*, № 188; *Свѣтъ*, № 150.—*Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ* 1885 г., т. III, вып. 4, стр. 320—360 (статья В. Стасова, вышедшая и отдѣльнымъ оттискомъ: Спб. 1885 г.).—*Русская Старина* 1888 г., кн. 3, стр. 696—703.—„Императорское Московское Археологическое Общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія,“ М. 1915 г., т. II, стр. 294 и приложеніе, стр. 158.

жествъ; по окончаніи курса въ послѣдней—преподаватель всеобщей исторіи въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и позже—учитель исторіи древне-русскаго искусства въ названной Академіи; † 28 іюня 1882 года въ старомъ Петергофѣ.—Покойный при Академіи Художествъ устроилъ „древне-христіанскій“ и „русскій бытовой“ музеи, а при Императорскомъ Географическомъ Обществѣ—„этнографическій музей.“ Кромѣ редактированія „Журнала общепользныхъ свѣдѣній“ (1854—1857) гг.) и изданія ежемѣсячнаго журнала: „Христіанскія Древности“ (1862—1865, 1871—1872, 1875—1878 гг., съ перерывами), онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

„Краткій очеркъ всеобщей исторіи для воспитанниковъ Морского кадетскаго корпуса,“ Спб. 1851—1857 гг., два выпуска съ таблицами, картами и рисунками.

„Науки въ игрушкахъ, развивающія умственныя способности и познанія дѣтей,“ живописное изданіе съ литографированными таблицами и объяснительнымъ текстомъ, Спб. 1858 г., двѣ части.

„Нѣсколько словъ о статьѣ г. Алымова“ (*Морской Сборникъ* 1861 г., № 2, отд. смѣси, стр. 161—163, подъ инициалами „В. П.“).

„Двѣ плитки съ загадочными монограммами и изображеніями“ (*Извѣстія* Импер. Археологическаго Общества 1862 г., т. IV, вып. 2).

„Русскія древности,“ Спб. 1871—1877 гг., два тома.

„Описаніе церкви Св. Георгія въ Рюриковой Староладожской крѣпости,“ Спб. 1871 г. съ рисунками.

„О древнихъ сабляхъ съ греческими, славянскими и другими надписями,“ Спб. 1878 г., 8 стр.

„Очеркъ исторіи византійскаго искусства и обзоръ исторіи русской архитектуры“ (*Труды* 3-го Археологическаго Съѣзда, т. I).

„О раскопкѣ вургановъ близъ Бологова“ (*Сборникъ* Археологическаго Института, Спб. 1880 г., кн. 3).

„О древнемъ деревянномъ храмѣ въ Ребовскомъ погостѣ, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи,“ Спб. 1881 г., 7 стр. съ рисунками.

„Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной,“ Спб. 1881 г., 88 стр. съ 59 рисунками.

„Болгарскія раскопки близъ Эски—Загры,“ Спб. 1882 г.

Послѣ смерти В. А. Прохорова, обнародованы его „Письма“ М. П. Погодину, относящіяся къ 1862—1864 годамъ (см. „Жизнь и труды Погодина“, Н. Барсукова, Спб. 1907 г., кн. XXI, стр. 350—354, 356, 357, 359, 361—373).

Рождественскій, Иванъ Васильевичъ¹⁾, сынъ священника, родился 18 января 1815 года въ селѣ Богоявленскій погостъ,

¹⁾ О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи,“ И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 376, 393, 428 и 449.—„Историческій очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго училища,“ А. Платова и Л. Кирпичева, Спб. 1870 г., стр. 166—167.—„Исторія Владимірской дух. семинаріи,“ К. Надеждина, Владим. 1875 г., стр. 146.—„Исторія Петербургской дух. семинаріи,“ А. Надеждина, Спб. 1885 г., стр. 40.—„Петербургская Дух.

Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи; воспитывался во Владимірской семинаріи и Петербургской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1837 г.) состоялъ профессоромъ словесности въ Рязанской (1837—1838 гг.) и Петербургской семинаріи (1838—1839 гг.), а по принятіи священнаго сана (1839 г.)—законоучителемъ въ Дворянскомъ полку и въ Артиллерійскомъ училищѣ; позже—протоіерей при Зимнемъ Дворцѣ (1862—1882 гг.) и членъ Св. Синода (1865—1882 гг.); † 10 октября въ Петербургѣ и похороненъ на тамошнемъ Смоленскомъ кладбищѣ.—Имъ напечатаны „Рѣчи, говоренныя при выпускѣ въ офицеры воспитанниковъ Дворянскаго полка съ 1840 по 1850 годъ“ (Спб. 1850 г.), сначала постепенно помѣщавшіяся въ „Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“ за 1841—1850 годы. Кромѣ того, изданы его „Письма“ къ Паренію, архіепископу Воронежскому, отъ 16 декабря 1850 года (*Владимірскія Епарх. Вѣдомости* 1881 г., № 21) и къ протоіерею И. И. Базарову, 1857—1862 гг. (*Русская Старина* 1901 г., кн. 5, стр. 283—298; кн. 8, стр. 243—247; кн. 9, стр. 546—547).

Рождественскій, Николай Павловичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, сынъ священника, родился въ Курской губерніи (1840 г.); учился въ мѣстной семинаріи и въ Петербургской Духовной Академіи; по окончаніи курса со степенью перваго магистра (1865 г.) состоялъ бакалавромъ основного и обличительнаго богословія въ Казанской Духовной Академіи (съ 9 октября 1865 г.), а затѣмъ—экстраординарнымъ профессоромъ Петербургской Академіи по кафедрѣ введенія въ богословіе (съ 31 января 1869 г. до дня смерти); † 26 ноября 1882 года въ Петербургѣ.—Его труды въ „Христіанскомъ Чтеніи“:

„О древности человѣческаго рода,“ магистерская диссертация (1866 г., ч. II).

„Исторія апологетики и современно-научная ея постановка.“

„Старая и новая вѣра Штрауса“ (1873 г.).

Академія за 30 лѣтъ,“ И. Чистовича, Спб. 1889 г., стр. 81.—*Владимірскія Епарх. Вѣдомости* 1869 г., № 18; 1870 г., № 12; 1880 г., № 17; 1882 г., №№ 20, 21 и 24; 1883 г., №№ 4 и 17.—Періодическія изданія 1882 года: *Голосъ*, № 291; *Московскія Вѣдомости*, № 286; *Московскія Церковныя Вѣдомости*, № 42; *Святъ*, № 228; *Церковный Вѣстникъ*, № 42.—*Русская Старина* 1891 г., кн. 1, стр. 118—119.—„Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи,“ А. Смирнова, Владим. 1897 г., вып. II, стр. 201—213 и 264.

¹⁾ О немъ: *Газета Гатицука*, 1882 г., № 49.—*Святъ*, 1882 г., № 269.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 332.—„Петербургская Дух. Академія за 30 лѣтъ,“ И. Чистовича, Спб. 1889 г., стр. 39, 131—132 и прилож. стр. 26.—„Исторія Казанской Дух. Академіи,“ П. Знаменскаго, Казань 1892 г., т. II (по указателю).

„Современное невѣріе на западѣ Европы и общій характеръ западной апологетики христіанства.“

„Антихристъ Ренана“ (1874 г.).

„Обзоръ западной апологетической литературы за 1874 годъ.“

„Очеркъ новѣйшей западной противомусульманской литературы.“

„Новыя иностранцыя сочиненія объ основныхъ вопросахъ религіи.“

„Обзоръ новѣйшихъ апологетическихъ сочиненій по вопросу о жизни Иисуса Христа.“

„По поводу изданія богословскихъ лекцій о Сидонскаго“ (1876 г.).

„Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры,“ критическій разборъ апологетическихъ сочиненій профессора Н. А. Сергіевского.

„Символика Гасса.“

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ имъ напечатаны слѣдующія статьи:

„Материализмъ, разсматриваемый съ политико-соціальной точки зрѣнія.“

„Религіозныя воззрѣнія Шеллинга.“

„Соціалистическо-атеистическое движеніе въ Германіи.“

„О спиритизмѣ.“

Кромѣ того, въ обоихъ періодическихъ изданіяхъ — „Христіанскомъ Читеніи“ и „Церковномъ Вѣстникѣ“ онъ съ 1872 года помѣщалъ „Обозрѣніе религіозной жизни на Западѣ.“

Послѣ смерти Н. П. Рождественскаго, изданы его лекціи, подъ заглавіемъ: „Курсъ основного богословія или христіанская апологетика“, Спб., 1884 г., два тома.

Савельевъ, Викторъ Константиновичъ¹⁾, сынъ учителя рисованія, родился 1 апрѣля 1810 года въ Горбатовѣ, уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи, учился въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ и рано началъ службу въ Нижегородской казенной палатѣ; затѣмъ служилъ въ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа и въ правленіи Казанскаго Университета; по любви къ археологіи и нумизматикѣ онъ собралъ коллекціи замѣчательныхъ русскихъ древностей и старинныхъ монетъ; † 27 марта 1882 года въ Казани. — Онъ напечаталъ:

„Описаніе русскихъ монетъ, найденныхъ въ 1854 году близъ Казани“ (*Записки Импер. Археологическаго Общества* 1856 г., т. IX и отдѣльно: Спб: 1856 г., 40 стр.).

„Описаніе нѣсколькихъ древнихъ русскихъ монетъ“ (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества* 1864 г., т. V, вып. 5).

„О кладахъ золото-ордынскихъ монетъ въ развалинахъ древняго города Болгаръ“ (*Труды перваго Археологическаго Съѣзда*, М. 1871 г., т. II, стр. 492—500).

„Описаніе дополнительной коллекціи Джучидскихъ монетъ хановъ изъ Золотой Орды, изъ развалинъ города Увѣка“ (*Извѣстія и ученія записки Казанскаго Университета* 1880 г., №№ 9—10, стр. 171—175).

Салмановъ, Петръ Алексѣевичъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1817 году и воспитывался въ Московскои семинаріи; по

¹⁾ См. о немъ: *Историческій Вѣстникъ* 1882 г., кн. 5, стр. 477. — Императорское Московское Археологическое Общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія, М. 1915 г., т. II, стр. 314—315 и приложение, стр. 167.

²⁾ См. о немъ: „Московская духовная семинарія,“ историческій очеркъ, М. 1889 г., приложение, стр. 69.

окончаніи курса во второмъ разрядѣ (1838 г.) служилъ въ Московской Духовной Консисторіи, гдѣ былъ столоначальникомъ до конца пятидесятихъ годовъ, когда переселился въ Петербургъ и началъ издавать „Юридическій Журналъ“ (1860—1861 гг.); † 1 іюня 1882 года.— Кромѣ названнаго журнала, имъ напечатаны:

„Дитя,“ повѣсть изъ русскаго оконченнаго дѣла, Спб. 1862, 1879 и 1886 гг. (три изданія).

„Голосъ совѣсти,“ драма, Спб. 1863 г.

„Убийца,“ романъ изъ русскаго оконченнаго дѣла, Спб. 1877 г.

„Князь Борисъ Щеглятевъ,“ историческій романъ XIII вѣка, изъ времени нашествія Батгя на Россію, Спб. 1881 г.

Самсоновъ, Левъ Николаевичъ¹⁾, воспитывался въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и, по окончаніи курса, состоялъ учителемъ, а затѣмъ, по любви къ театру, сдѣлался провинціальнымъ актеромъ; † 8 октября 1882 года въ Петербургѣ.—Его литературные труды:

„Провинціальныи актеръ,“ драма въ трехъ дѣйствіяхъ (*Русскій Вѣстникъ* 1862 г., кн. 12).

„Очередная,“ драма въ четырехъ дѣйствіяхъ (*Русская Сцена* 1864 г., кн. 9).

„Изъ записокъ актера“ (*тамъ же* 1865 г., кн. 1—3).

„Сказка про бѣлаго быка,“ пьеса о современной драматургін (кн. 4 и 5).

„Послѣдній метафизикъ,“ комедія изъ закулисныхъ провинціальныихъ дѣлъ въ четырехъ дѣйствіяхъ (кн. 6—7 и отдѣльно: Спб. 1865 г.).

„Театральное дѣло въ провинціи,“ Одесса 1875 г., 168 стр.

„Халатъ,“ рассказъ (*Еженедѣльное Новое Время* 1879 г., т. IV).

„Пережитое,“ мечты и рассказы русскаго актера, 1860—1878 гг., Спб. 1880 г. 382 стр.

„Лампадку потушили,“ рассказъ (*Литературный Журналъ* 1881 г., № 3).

„Муха на носу,“ повѣсть (*тамъ же*, № 6).

Селивановъ, Илья Васильевичъ²⁾, изъ дворянъ Рязанской губерніи, родился въ 1810 году и высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса служилъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ одно время занималъ должность совѣтника губернскаго правленія, затѣмъ въ Пензѣ и Вяткѣ, куда въ 1850 году „былъ переведенъ за либеральный образъ мыслей;“ позднѣе былъ предсѣдателемъ Московской уголовной палаты, во время усмиренія польскаго мятежа находился въ Варшавѣ, гдѣ ему было поручено дѣло закрытія католическихъ монастырей и завѣдываніе редакціею „Варшавскаго Дневника;“ съ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій (1865 г.) онъ былъ назначенъ

¹⁾ О немъ: *Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 278.—*Московскія Вѣдомости* 1901 г., № 64.—„Русскій Біографическій Словарь,“ Спб. 1904 г., стр. 174.

²⁾ О немъ: *Русская Старина* 1882 г., кн. 12, стр. 717.—„Біографическій словарь уроженцевъ Рязанской губерніи,“ Рязань 1910 г., стр. 219—220.—„Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности,“ М. 1911, стр. 252—253.

членомъ судебной палаты сначала въ Москвѣ, а затѣмъ въ Одессѣ; по выходѣ же въ отставку былъ мировымъ судьей въ Московской губерніи; † 24 іюня 1882 года въ Москвѣ.—Имъ напечатаны:

- „Провинціальныя воспоминанія“ (*Современникъ* 1856 г., кн. 11).
- „Продажа остатковъ на Оминой недѣлѣ: Кузнецкій мостъ и вліяніе его на женское народонаселеніе Москвы“ (*Молва* 1857 г., № 2).
- „Волостной голова,“ изъ провинціальныхъ воспоминаній чудака (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 3).
- „Провинціальныя воспоминанія,“ изъ записокъ чудака (*Современникъ* 1857 г., кн. 3 и 5).
- „Изъ воспоминаній чудака:“ I. Камень. II. Замѣчательное психологическое явленіе (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 12).
- „Почтовая станція,“ изъ воспоминаній чудака (*тамъ же* кн. 22).
- „Неомыніи родства,“ повѣсть (*Современникъ* 1857 г., кн. 11).
- „Провинціальныя воспоминанія,“ изъ записокъ чудака, М. 1857 г., два тома.
- „Объ усадьбахъ“ (*Журналъ землевладѣльцевъ* 1858 г., кн. 7).
- „Мордва“ (*тамъ же*, кн. 8 и 11).
- „Полѣсовщики,“ рассказъ (*Современникъ* 1858 г., кн. 9).
- „Контрабанда“ рассказъ (*тамъ же*, кн. 11).
- „Необыкновенный случай,“ былъ (*Современникъ* 1858 г., кн. 8).
- „Практическія замѣтки дѣловаго человѣка“ (*Библіотека для Чтенія* 1860 г., кн. 1 и 4).
- „Объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности“ (*Московскія Вѣдомости* 1860 г., №№ 32, 65 и 80).
- „Иванъ Ермолаевичъ,“ былъ (*Современникъ* 1860 г., кн. 12).
- „Два убійства,“ повѣсть (*тамъ же* 1861 г., кн. 5).
- „Уголовное дѣло“ (*Вѣкъ* 1861 г.).
- „Собственное сознаніе“ (*тамъ же*).
- „Новое городское управленіе въ Москвѣ“ (*Московскія Вѣдомости* 1862 г., №№ 258, 269, 277 и 279).
- „О мировыхъ посредникахъ“ (*Современная Лѣтопись* 1863 г., № 40).
- „Театръ въ Варшавѣ“ (*Театральныя Афиши и Антрактъ* 1864 г., №№ 148, 186, 188 и 191).
- „Холера въ Петербургѣ, въ 1831 году,“ рассказъ очевидца (*Русскій Архивъ* 1868 г.).
- „Основаніе Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества“ (*Русская Старина* 1880 г., кн. 5).
- „Письмо къ Н. П. Синельникову“ (*Русская Старина* 1880 г., кн. 10, стр. 444—446).
- „Записки дворянина—помѣщика, бывшаго въ должности предводителя, судьи и предсѣдателя палаты“ (*Русская Старина* 1880 г., кн. 6—12; 1871 г., кн. 8; 1882 г., кн. 3).
- „Замѣтка“ о книгѣ А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“ (*тамъ же* 1882 г., кн. 6).
- „Воспоминанія о старомъ сенатѣ“ (*тамъ же* 1882 г., кн. 12).

Послѣ смерти И. В. Селиванова, напечатанъ отрывокъ изъ воспоминаній его: „Мое знакомство съ И. П. Козловымъ“ (*Русскій Архивъ* 1903 г., кн. 12, стр. 665—668).

Сендульскій, Аполлоній Дорощеевич¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1830 году; послѣ образованія въ семинаріи принялъ священный санъ и былъ настоятелемъ церкви села Сивокъ, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи; † въ мѣстѣ своего служенія 7 января 1882 года.—Онъ печаталъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (1868—1882 г.) свои проповѣди и историческія статьи; изъ послѣднихъ особенно важны:

- „Исторія села Сивокъ.“
- „Мѣстечко Лиховцы, Острожскаго уѣзда.“
- „Село Тихомль и мѣстечко Ямполь.“
- „Мѣстечки Шумекъ и Рахмановъ.“
- „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ Валевскомъ монастырѣ.“
- „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ городѣ Луцкѣ.“
- „Мѣстечко Вишневецъ.“
- „Татаринскій мужской монастырь, бывшій вблизи села Обычи.“
- „Села Суражъ и Стожокъ.“
- „Города Луцкъ и Кременецъ.“
- „Села Поляновка и Городище.“
- „Городъ Заславль.“
- „Преподобный Іовъ, игумень Почаевскій.“
- „Города Овручъ и Дубно.“
- „Загаецкій монастырь.“
- „Мѣстечки: Бѣлокриница, Боремль, Олыка, Четвертня, Чарторыйскъ, Берестечко, Искорость, Пересопница, Клевань, Корець и Вышгородокъ.“
- „Города Ровно и Острогъ.“
- „Мѣстечки Полонное и Домбровица.“
- „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, во имя пр. Феодора, князя Острожскаго.“
- „Изъ наблюденій сельскаго священника.“

Скворцовъ, Николай Семенович²⁾, изъ небогатыхъ дворянъ, родился въ Костромской губерніи (1839 г.); учился въ мѣстной гимназіи, Демидовскомъ Лицеѣ въ Ярославлѣ и на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго Университета; изъ послѣдняго онъ вышелъ до окончанія курса и сдѣлался сотрудникомъ газеты „Наше Время“, а по прекращеніи ея, съ 1863 года участвовалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которыхъ затѣмъ былъ редакторомъ (съ № 39 за 1864 годъ) до дня своей смерти; † 13 сентября 1882 года въ Москвѣ.—

¹⁾ См. о немъ *Кіевскую Старину* 1882 г., кн. 10, стр. 166—170.—Его „Автографіи“ помѣщена также въ *Кіевской Старинѣ* (1896 г., кн. 1).

²⁾ О немъ періодическія изданія 1882 года: *Будильникъ*, № 37; *Московскій Листокъ*, №№ 253 и 255; *Русскія Вѣдомости*, №№ 252 и 254; *Современныя Извѣстія*, № 254.—*Сборникъ* „Русскихъ Вѣдомостей“, М. 1913 г., стр. 63—70 и 162—163.

Ему принадлежало много разнообразныхъ статей какъ въ „Нашемъ Времени,“ такъ особенно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ.“

Смирнова, Александра Осиповна, въ дѣвчествѣ Рос-сетъ¹⁾, родилась 9 марта 1810 года на югѣ Россіи и воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ; по окончаніи курса съ шифромъ (1826 г.)—любимая фрейлина Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны, пока не вышла замужъ за Н. М. Смирнова, бывшаго губернаторомъ сначала въ Калугѣ, а потомъ въ Петербургѣ; послѣдніе годы жизни, большею частію, провела за-границею; † 7 іюня 1882 года въ Парижѣ и похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.—Она извѣстна своею дружбою со многими русскими писателями, напримѣръ: Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, кн. Вяземскимъ, Плетневымъ, Аксаковыми, Хомяковымъ и др. О нѣкоторыхъ изъ нихъ она написала свои мемуары, которые напечатаны въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

„Воспоминанія о Жуковскомъ и Пушкинѣ“ (*Русскій Архивъ* 1871 г., кн. 11).

„Изъ записокъ знатной дамы“, 1845 г. (*Русскій Архивъ* 1882 г., кн. 1). •

„Изъ записной книжки“ (*Русскій Архивъ* 1890 г., кн. 6).

„Записки“ (*Сѣверный Вѣстникъ* 1893 г., кн. 2—12; 1894 г., кн. 1—6, 8—9 1895 г., кн. 5—7, 10—12; 1896 г., кн. 11; 1897 г., кн. 1—2 и *Русскій Архивъ* 1895 г., кн. 4—9).—Отдѣльное изданіе „Записокъ:“ Спб. 1897 г., два тома.

„Пушкинъ“ по „Запискамъ А. О. Смирновой“ (*Русскій Архивъ* 1899 г., кн. 5, стр. 146—158; кн. 6, стр. 310—339).

Кромѣ „Записокъ,“ А. О. Смирнова вела оживленную переписку со многими лицами, изъ которой изданы:

„Письма къ кн. П. А. Вяземскому“, 1836 г. (Брошюра: „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива,“ Спб. 1880 г.).

„Письма къ Н. В. Гоголю“ (*Русская Старина* 1888 г., кн. 6, 7, 10; 1890 г., кн. 6—8, 11 и 12).

„Письмо къ П. И. Бартепеву“ (*Русскій Архивъ* 1889 г., кн. 11, стр. 406—409).

¹⁾ О ней періодическія изданія 1882 года: *Газета Гатцука*, № 38; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 225; *Русь*, № 37; *Сѣтъ*, № 157.—„Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго,“ Спб. 1883 г., т. VIII, стр. 233—235.—*Русскій Архивъ* 1884 г., кн. 4, стр. 433—434.—„И. С. Аксаковъ въ его письмахъ,“ М. 1888 г., ч. I.—*Русская Старина* 1888 г., кн. 4, стр. 31—72.—*Историческій Вѣстникъ* 1888 г., кн. 11, стр. 456—459.—„Библиографическій Словарь русскихъ писательницъ,“ кн. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 228.—*Сѣверный Вѣстникъ* 1890 г., кн. 1, стр. 191—221.—*Русская Старина* 1891 г., кн. 2, стр. 501—502 (съ портретомъ).—„Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ,“ Спб. 1896 г., три тома (по указателю).—*Сѣверный Вѣстникъ* 1896 г., кн. 4, стр. 131—143; кн. 6, стр. 168—178.—*Русская Старина* 1902 г., кн. 9 (статья П. Висковатаго).

„Письма къ Н. В. Гоголю“ (*Помощь голодающимъ*, учено-литературный сборникъ, М. 1892 г., стр. 470—479 и *Съверный Вѣстникъ* 1893 г., кн. 1, стр. 231—263).

„Изъ переписки съ Аксаковыми“ (*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. 1, стр. 142—160).

„Изъ писемъ 1855 года“ (*Русскій Архивъ* 1897 г., кн. 8, стр. 615—632; кн. 9, стр. 123—133).

„Письма къ Я. П. Полонскому,“ 1857 г. (*Русскій Архивъ* 1898 г., кн. 11, стр. 445—452).

„Письмо къ Гоголю,“ 1849 г. (*Новое Время* 1902 г., иллюстрированный № 9327).

„Письма къ В. А. Жуковскому,“ 1831—1852 гг. (*Русскій Архивъ* 1902 г., кн. 5, стр. 95—127).

„Письма къ графинѣ Е. П. Растопчиной“ (*тамъ же* 1905 г., кн. 10, стр. 212—232).

Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ¹⁾, графъ, родился 8 августа 1813 года въ Петроградѣ и высшее образованіе получилъ въ Юрьевскомъ Университетѣ; по окончаніи курса (1834 г.) поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и нѣкоторое время состоялъ при Русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ; затѣмъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и долго служилъ въ Центральномъ статистическомъ комитетѣ на Кавказѣ; послѣ того—предсѣдатель Высочайше утвержденной комиссіи о преобразованіи тюремъ въ Россіи (1875 г.); во время же Русско-Турецкой войны (1877—1878 гг.) находился при главной квартирѣ Государя Императора; † 5 (17) іюня 1882 года въ Гомбургѣ.

Графъ В. А. Соллогубъ написалъ на французскомъ языкѣ рядъ статей, помѣщенныхъ въ иностранныхъ газетахъ, стихотвореній и

¹⁾ О немъ: „Album Academicum,“ Dorpat 1853 г., стр. 121, № 2834.—*Русскій Художественный Листокъ* 1857 г., № 34 (съ портретомъ).—*Иллюстрированная Недѣля* 1874 г., № 9 (съ портретомъ).—„Литературныя воспоминанія,“ И. Панаева, Спб. 1876 г.—Періодическія изданія 1882 года: *Историческій Вѣстникъ*, кн. 7, стр. 223; *Газета Гатиука*, № 24; *Московскія Вѣдомости*, №№ 163 и 215; *Нива*, № 27; *Русскія Вѣдомости*, № 156; *Свѣтъ*, № 126.—*Дѣло* 1886 г., кн. 8, стр. 14—22.—*Вѣстникъ Европы* 1886 г., кн. 11, стр. 179—183.—*Историческій Вѣстникъ* 1888 г., кн. 2, стр. 328.—*Русскій Архивъ* 1888 г., кн. 10, стр. 268; кн. 11, стр. 468.—*Московскій Листокъ* 1888 г., № 312.—„Жизнь и труды Погодина,“ Н. Барсукова (по указателю).—*Историческій Вѣстникъ* 1889 г., кн. 2, стр. 316, 319—320; кн. 6, стр. 695—700.—*Русская Старина* 1890 г., кн. 6, стр. 648.—*Русскій Архивъ* 1891 г., кн. 12, стр. 479.—*Русская Мысль* 1893 г., кн. 1, стр. 32.—*Историческій Вѣстникъ* 1893 г., кн. 9, стр. 584.—*Русская Старина* 1895 г., кн. 1, стр. 117—124.—„Переписка Я. К. Грога съ П. А. Плетневымъ,“ Спб. 1896 г., три тома (по указателю).—*Русскій Архивъ* 1898 г., кн. 7, стр. 419—420.—*Deutsche Revue* 1899 г., іюнь.—„Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности,“ М. 1911 г., стр. 266.—„Отчетъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея за 1913 годъ, М. 1914 г., стр. 107—115.

пьесъ; такъ изъ-подъ пера его вышла комедія: „Preuve d'amitié“ („Доказательство дружбы“), не безъ успѣха представленная въ 1859 году на театрѣ „Gimnase.“ На русскомъ же языкѣ имъ напечатаны слѣдующія произведенія:

„Два студента,“ повѣсть (*Современникъ* 1837 г., т. V).

„Три жениха,“ (*тамъ же*, т. VI).

„Сережа,“ рассказъ (*Литературныя Прибавленія къ „Русскому Инвалиду“* 1838 г., № 15).

„Исторія двухъ калошъ,“ повѣсть (*Отечественныя Записки* 1839 г., кн. 1).

„Большой свѣтъ,“ повѣсть въ двухъ танцахъ: 1) понури и 2) мазурка (*Отечественныя Записки* 1840 г. кн. 3). Эта повѣсть переведена по-нѣмецки подъ названіемъ: „Vornehme Welt“ (*Russ. Leben und Dichten*, Leipzig 1851 г.) и на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Le grand monde russe,“ trad. du russe par le comte E. de Lonlay (Paris 1854 г.).

„Семь главъ“ изъ „Тарантаса“ (*Отечественныя Записки* 1840 г., кн. 10).

„Аптекарьша,“ рассказъ (*Русская Бесѣда* 1841 г., кн. 2). Этотъ рассказъ, перепечатанный въ „Библиотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ“ (Спб. 1855 г., кн. 1), былъ помѣщенъ на французскомъ языкѣ въ книгѣ Мармье: „Au bord de la Nawa (Paris, 1856 г.).

„Левъ,“ повѣсть (*Отечественныя Записки* 1841 г., кн. 4).

„Серенада,“ посвящ. Н. М. Языкову (*Москвитянинъ* 1841 г., ч. VI, № 11, стр. 5—6).

„О литературной совѣстливости“ (*Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Импер. Александровскаго Университета, Гельсингфорсъ* 1842 г.).

„Ямщикъ, или шалость гусарскаго офицера,“ драматическая картина въ одномъ дѣйствіи (*Отечественныя Записки* 1842 г., кн. 5).

„Медвѣдь,“ повѣсть (*Утренняя Заря*, альманахъ на 1843 годъ, стр. 136—248). Эта повѣсть переведена на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: „Der Bär“ и напечатана въ книгѣ: „Erzählungen aus Russland, von Wolfssohn“ (Dessau, 1851 г.).

„На сонъ грядущій,“ отрывки изъ вседневной жизни, Спб. 1841—1843 гг., двѣ части.—Второе изданіе: Спб. 1844—1845 гг., два тома.

„П. П. Новосильцеву,“ стихотвореніе (*Москвитянинъ* 1844 г., ч. V).

„Записки петербургскаго жителя“ (*Иллюстрація* 1845 г., №№ 1, 5 и 7).

„Тарантасъ,“ путевыя впечатлѣнія, Спб. 1845 г. съ политипажами.—Это лучшее сочиненіе гр. В. А. Соллогуба вторично издано А. С. Суворинымъ (Спб. 1886 г., 330 стр.) и было три раза переведено подъ слѣдующими заглавіями: „Tarantas“ (Leipzig, 1847 г.), „The Tarantas, travelling impression of young Russia“ (London, 1850 г.) и „Tarantas, pocestni dojmny,“ z rúst. prel. K. Stefan (V Hradei Kralové, 1853 г.).

„Букеты, или петербургское цвѣтобѣсіе,“ шутка въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1845 г.

„Вчера и сегодня,“ литературный сборникъ (въ сотрудничествѣ съ В. А. Жуковскимъ и графиней Е. П. Растопчиною), изданный А. Смирдянымъ, Спб. 1845—1846 гг., двѣ книги, въ которыхъ помѣщены слѣдующія повѣсти графа В. А. Соллогуба: „Собачка“ (кн. 1) и „Воспитанница“ (кн. 2).

„Балъ,“ изъ записокъ Леонина, повѣсть (*Новоселье*, сборникъ, Спб. 1846 г., ч. 3).

- „Двѣ минуты,“ свѣтская повѣсть (*Отечественныя Записки* 1846 г., кн. 1).
- „Княгиня,“ повѣсть (*тамъ же*, кн. 3).
- „Э. И. Губерт,“ некрологъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1847 г., № 87).
- „Метель,“ повѣсть (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1849 г.).
- „Баль—маскарадъ—аллегри въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ“ (*тамъ же*, № 74).
- „Мѣстничество,“ драма въ пяти дѣйствіяхъ (*Литературный Сборникъ*, изданіе журнала „Современникъ,“ Спб. 1849 г., стр. 1—142).
- „Бѣда отъ нѣжнаго сердца,“ комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи (*Отечественныя Записки* 1850 г., кн. 3). Эта пьеса переведена по-нѣмецки подъ заглавіемъ: „Das empfindsame Herz oder keine Wahllohne Qual,“ von P. Ragotzky и издана литографскимъ способомъ (Doprat, 1855 г.).
- „Старушка,“ повѣсть (*Отечественныя Записки* 1850 г., кн. 4 и 5).
- „Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься,“ пословица въ двухъ отдѣленіяхъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1850 г. и отдѣльно: Спб. 1851 г.).
- „Объ источникахъ для познанія Кавказа“ (*Кавказъ*, газета, 1852 г., №№ 48—49).
- „Россія предъ врагами,“ ода—симфонія (*Закавказскій Вѣстникъ* 1854 г., № 14).
- „Биографія генерала Котляревскаго“ (*Кавказъ*, газета, 1854 г., №№ 14—17, 19—21). Затѣмъ этотъ трудъ вышелъ тремя изданіями: первое—Тифлисъ 1854 г.; второе—Спб. 1856 г., 233 стр.; третье—Сиб. 1901 г., 158 стр.)
- „Тифлисская ночь,“ стихотвореніе (*Пантеонъ* 1854 г., кн. 6).
- „Альбомныя стихотворенія,“ тридцать четыре произведенія въ стихахъ, Тифлисъ 1855 г.
- „Ночь передъ свадьбой, или Грузія черезъ тысячу лѣтъ,“ драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ (*Зурна*, закавказскій альманахъ, 1855 г.). Отдѣльно: Спб. 1856 г.
- „Разборъ“ альманаха: „Зурна“ (*Кавказъ*, газета, 1855 г., № 59).
- „Нѣсколько словъ объ одномъ изъ защитниковъ Севастополя—баронѣ Мейендорфѣ“ (*Русскій Инвалидъ* 1855 г., № 209).
- „Сочиненія графа В. А. Соллогуба, Спб. 1855—1856 гг., пять томовъ.
- „Кавказъ въ восточномъ вопросѣ“ (*Кавказъ*, газета, 1856 г., №№ 3, 4, 6 и 7).
- „Чиновникъ,“ комедія въ одномъ дѣйствіи (*Библиотека для Чтенія* 1856 г., кн. 3 и отдѣльно: Спб. 1856 г.).
- „Тридцатое августа 1756 года,“ комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (*Библиотека для Чтенія* 1856 г., кн. 12 и отдѣльно: Спб. 1873 г.).
- „Мастерская русскаго живописца,“ водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1856 г.
- „Горбунъ, или выборъ невесты,“ водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1856 г.
- „Модныя петербургскія лѣченія,“ шутка—водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1856 г.
- „Мыльные пузыри,“ водевилъ à propos въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1856 г.
- „Годъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ,“ 1853—1854 гг. (*Библиотека для Чтенія* 1857 г., кн. 3, 6—8).
- „Ночь въ духанѣ,“ драматическій очеркъ закавказскихъ нравовъ (*тамъ же*, кн. 9).
- „Юбилей кн. П. А. Вяземскаго“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1861 г., № 58).

„Изъ воспоминаній о Пушкинѣ и Гоголѣ“ (*Русскій Архивъ* 1865 г., кн. 5—6 и отдѣльно: М. 1865 г.).

„О русскомъ романѣ“ (*День* 1865 г., № 19).

„Меценатъ“, музыкально-драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи, М. 1865 г.

„Нигилистъ“, поэма (*Утро*, сборникъ, изд. Погодинымъ, М. 1866 г., стр. 59—84).

„Тюрьмы и театры“ (*Москва*, газета, 1867 г., №№ 3, 9 и 15).

„Опыты критическихъ оцѣнокъ: 1) „Пушкинъ въ его сочиненіяхъ“ и 2) „О значеніи князя П. А. Вяземскаго въ Россійской словесности“ (*Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности*, М. 1867 г., вып. I, отд. II, стр. 1—32).

„Сибирскій вопросъ“ (*Московскія Вѣдомости* 1867 г., № 65).

„О русскомъ театрѣ“ (*Антрактъ* 1868 г., № 20).

„Разочарованные“, комедія въ одномъ дѣйствіи, М. 1868 г.

„Воспоминаніе о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ“ (*Голосъ* 1869 г., № 72). Оно перепечатано въ брошюрѣ: „Въ память о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ“, М. 1869 г.

„Предисловіе“ къ книгѣ Савенко: „Опытъ тюремной педагогики“, Спб. 1869 г.

„Новый Египетъ“, Спб. 1871 г., IV+164 стр.

„Исторія и современное положеніе ссылки“, Спб. 1873 г.—Вторично этотъ трудъ, сначала изданный не для публики, былъ перепечатанъ въ журналѣ „Вѣкъ“ (1883 г., кн. 1—2).

„Стихотворенія“ и „Посредникъ“, глава изъ повѣсти (*Складчина*, сборникъ, Спб. 1874 г.).

„Пережитые дни“, рассказы о себѣ по поводу другихъ (*Русскій Міръ* 1874 г., № 243).

„Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году“, Спб. 1878 г., 275 стр.

Послѣ смерти гр. В. А. Соллогуба, напечатаны слѣдующіе его труды:

„Черезъ край“, посмертный романъ (*Новь* 1884—1885 г., кн. 7—18).

„Посланіе въ стихахъ къ графу И. М. Толстому“ (*Русская Мысль* 1885 г., кн. 9).

„Повѣсти и рассказы“, изданіе А. Суворина, Спб. 1886 г., три книги, съ портретомъ автора. Это—второе по счету изданіе.

„Воспоминанія графа В. А. Соллогуба“ (*Историческій Вѣстникъ* 1886 г., кн. 1—6, 11—12 и отдѣльно: Спб. 1887 г., VIII+287+VIII+IV стр.).

„Горячая пора“, стихотвореніе (*Русскій Архивъ* 1894 г., кн. 4).

„Посланіе въ стихахъ къ графу И. М. Толстому“ (*Русская Старина* 1896 г., кн. 1, стр. 139—141). Это—болѣе полная перепечатка „Посланія“, названнаго выше.

„Посланіе въ степь“ (*Татевскій Сборникъ*, Спб. 1899 г., стр. 123—127).

„Письма къ М. Н. Галкину—Врасскому“ (*Журналь Министерства Юстиціи* 1907 г., кн. 11).

„Два письма къ В. А. Жуковскому“, 1840 и 1841 гг. (*Русскій Архивъ* 1902 г., кн. 7, стр. 454—456).

„Повѣсти и рассказы“, изданіе А. Суворина, Спб. 1902 г., три книги. Это—по счету третье изданіе.

„Письма къ графу А. К. Толстому“, 1866—1868 гг. (*Вѣстникъ Европы* 1905 г., кн. 10, стр. 445—447).

„Письмо къ графинѣ С. А. Толстой,“ отъ 19 февраля 1867 года (*Вѣстникъ Европы* 1908 г., кн. 1, стр. 229—237).

„Алаверды,“ стихотвореніе, 1850 г. (*Русскій Архивъ* 1909 г., кн. 7, стр. 512—513).

Сверхъ перечисленныхъ трудовъ, гр. В. А. Соллогубъ издалъ подъ своею редакціею „Записки Кавказскаго отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества“ (Тифлисъ 1852—1853 гг., двѣ книги) и въ 1848 году написалъ либретто для оперы „Ундиива“ (см. „Хронику Петербургскихъ театровъ“, А. Вольфа, Спб. 1877 г., ч. II, стр. 147).

Спасовичъ, Даніилъ Осиповичъ, родился въ 1797 году и воспитывался въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ получилъ степени лѣкаря (въ апрѣлѣ 1823 года) и доктора медицины (29 іюня того же года); послѣ того состоялъ Рѣчицкимъ уѣзднымъ врачомъ (1824—1831 гг.) и инспекторомъ Минскаго врачебнаго управленія (1831—1864 гг.); † 18 октября 1882 года.—По указанію Л. Ѳ. Змѣева („Русскіе врачи-писатели“, Сиб. 1886 г., вып. II, стр. 117), покойному принадлежала докторская диссертация: „De labrographia“ (Viln. 1823 г., 27 стр.) и статья: „Lienitis carbunculosa et carbunculus Sibiricus“ (*Medicinische Zeitung Russlands* 1851 г., стр. 123 и слѣд.).

Спѣшневъ, Николай Александровичъ¹⁾, сынъ богатаго помѣщика-дворянина, родился въ Курской губерніи (1821 г.); воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ; съ 1842 года жилъ за-границею, а по возвращеніи въ Россію, за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго (1849 г.), былъ сосланъ въ Сибирь (1849—1860 гг.); возвращенный изъ ссылки, съ 1860 года жилъ въ Псковской губерніи и одно время занималъ должность мирового посредника въ Островскомъ уѣздѣ; † во второй половинѣ марта 1882 года.—Онъ былъ редакторомъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (съ мая 1857 г. по мартъ 1859 г.).

Ставровскій, Алексѣй Ивановичъ²⁾, сынъ священника, родился въ Новгородской губерніи (1811 г.); воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи и въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; по

¹⁾ О немъ: *Современныя Извѣстія* 1882 г., № 85.—„Биографія, письма и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго,“ Спб. 1883 г.—*Русская Старина* 1887 г., кн. 11, стр. 417—424; 1890 г., кн. 10, стр. 60—63.—*Историческій Вѣстникъ* 1889 г., кн. 5, стр. 279.—*Голосъ Минувшаго* 1913 г., кн. 4, стр. 95—123 (съ портретомъ); кн. 8, стр. 73—86; кн. 12, стр. 78—116; 1915 г., кн. 1, стр. 66—76 (съ портретомъ); кн. 3, стр. 20—35.

²⁾ См. о немъ: „Исторія Университета Св. Владиміра,“ В. Шульгина, Спб. 1860 г., стр. 128.—*Историческій Вѣстникъ* 1881 г., кн. 4, стр. 707—734.—*Кіевская Старина* 1882 г., кн. 12, стр. 626.—„Исторія Университета Св. Владиміра,“ М. Владимірскаго—Буданова, Кіевъ 1884 г., стр. 114 и 247.—„Биографическій Словарь профессоровъ Университета Св. Владиміра,“ Кіевъ 1884 г., стр. 619—622.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-й.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Аксакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бзерь**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго**.—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовича**: письма императора **Николая I**, императора **Александра II**, **Ф. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечникова**, **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апухтина**, **Я. Полонскаго**, гр. **М. Ю. Вѣльгорскаго**.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. свѣщ. **Н. Модестовъ**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорунаго**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Ирусификація Германіи, ея исторіи, цѣль и слѣдствія, **Барона де Бая**.—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. **П. Юдинъ**;—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева**.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**; сообщ. **В. Крыжановскій**.—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго**.—Мелочи литературнаго прошлаго замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свиньина**; Нападки на **Н. А. Полевого**; **Теньберъ** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Прощавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина**.—Дѣло о сектѣ, называемой «христовщиной», коея послѣдователи оскопляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго**.—Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. **М. Б.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка кн. **Д. И. Долгорунаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, **Д. Д. Язынова**.—Библиографическія замѣтки.

МАРТЪ.—Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени **Государя Императора** и **Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича** Составителю и Издателю Русскаго Архива.—Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ **В. Благовидова**, Казань. 1889 г. **Д. X.**—Письмо графа **Николая Петровича Шереметева** къ **Алексѣю Теодоровичу Малиновскому** и его отвѣтъ.—Расколъ въ оренбургскомъ краѣ. Историческая записка, Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго **Антонія**. Сообщ. **П. Л. Юдинъ**.—Потѣшные въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія императора **Николая I**. Сообщ. **Н. А. Военскій**.—Дѣло **Вильгельма, Барона де Бая**.—Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Переписка кн. **Д. И. Долгорунаго**. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, **Д. Д. Язынова**.—Библиографическія замѣтки.

АПРѢЛЬ.—Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**; 12 Апрѣля 1865 г. Сообщ. Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.—Хлысть или параноикъ? (Сектантъ **Василій Радаевъ**). **Н. Г. Высоцкаго**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ пленныхъ въ 1821 году. Сообщ. свящ. **Н. Н. Модестовъ**.—Переписка **Н. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ Уфимскимъ. Сообщ. Протоіерей **Сергій Петровскій**.—Нѣмецкое засѣденіе. **П. Л. Юдина**.—Священной памяти Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**. Протоіерей **Іоанна Соловьева**.—Мины въ русско-турецкой войнѣ 1877—78. **В. Голубева**.—Переписка вн. **Д. И. Долгорукаго**.—О Мурманскомъ портѣ. **Б. С. П.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Язынова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ
выходить 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многи-
ми иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обшир-
нымъ отдѣломъ „Русскаго Библюфила“ явится отдѣлъ историко-
литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неиздан-
ныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей.
Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ
воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ
продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**,
начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства гра-
фическаго, вмѣстѣ въ вопросамъ библюфилии и коллекціонерства
будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ
журнала. Въ библюграфическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги
по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь вы-
ходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться опи-
санія частныхъ собраній и библютекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРОБРЕТЕНЪИ БУДЕТЬ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, известной „Святланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семей-
ныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній
Жуковскаго, Изькова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ.
Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свидѣній для біографіи
многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены
рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ
воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библюфила“.

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой (за гра-
ницу 35 фр.): безъ доставки 8 руб. При подпискѣ въ конторѣ и
въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается разсрочка.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51.

Пріемъ подписки въ конторѣ Журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип.—С и р і у с ъ—Тел. 583—67.

Редакторъ-Изд. Н. В. Соловьевъ.

МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССІИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА № Московскихъ Вѣдомостей въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ № № *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.

исключая небольшое количество пропусков или двукратных повторений именъ, однако всегда относительно мелкихъ дѣятелей, чего, конечно, избѣжать и не представлялось возможности.

Б. С. П.

И. С. СИМОНОВЪ. Кавелинъ—учитель. (Къ 30-лѣтію со дня смерти: 3 Мая 1885—3 Мая 1915). Безпл. прилож. къ журн. „Педагогическій Сборникъ“ за Май 1915. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. не озв.

Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. 5-ый. Подъ редакцію правителя дѣлъ комиссіи Протоіерея **Ст. ЗВѢРБА.** Воронежъ, 1914. Стр. VIII+703+II. Ц. 2 р.

Весь пятый выпускъ „Трудовъ Ворон. уч. арх. ком.“ заполненъ „Описаніемъ Воронежскихъ древнихъ актовъ, собранныхъ Н. И. Второвымъ и хранящихся въ Воронежскомъ Губернскомъ музеѣ въ особыхъ коробахъ“, именно актовъ находящихся въ 6, 7, 8, 9, 10, и 11 коробахъ. Акты эти и уже напечатанные въ предыдущемъ выпускѣ „Трудовъ“ Воронежской комиссіи относятся къ „последней четверти семнадцатаго столѣтія и обнимаютъ конецъ царствованія царя Алексѣя Михайловича, все царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и начало царствованія младшаго его сына Великаго Преобразователя Россіи“, какъ сообщаетъ введеніе г. В. Тевяшова. Громадное количество актовъ этихъ (съ № 1227 по № 8727, т. е. всего семь съ половиною тысячъ) заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія самыя разнообразныя, касающіяся торговли края, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, набѣговъ Татаръ и Калмыковъ, суда, отношенія къ суду населенія, народнаго образованія и т. д. Наиболѣе интересные акты приведены цѣликомъ,

иные лишь изложены вкратцѣ. Къ книгѣ приложены указатели именъ личныхъ и географическихъ.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей проф. **С. А. Венгерова. ПУШКИНЪ.** Т. VI. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Пгр. 1915. Стр. 4+(нен.)+662+1(нен.)+23 рисунка внѣ текста.

Содержаніе: Письма Пушкина, — гг. 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1832, 1833, 1834, 1835, 1836, и 1837.—Дополненія къ письмамъ Пушкина.—Письма тридцатыхъ годовъ.—Письма неизвѣстнаго времени.—Статьи и замѣтки: Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста и дополненія; Н. О. Лернера. Пушкинъ, какъ историкъ; проф. Н. Н. Ѳирсова. Чаадаевъ и Пушкинъ; М. О. Гершензона. В. К. Фонъ Кюхельбекеръ; акад. Н. А. Котляревскаго. Последняя дуэль Пушкина; П. Е. Щеголева. Болѣзнь и смерть А. С. Пушкина: д-ра Ю. Г. Малиса. Святые Горы—мѣсто вѣчнаго упокоенія Пушкина; проф. А. И. Яцимирскаго. Обнажившійся гробъ Пушкина; В. В. Александръ Тургеневъ и Пушкинъ; А. А. Ѳомина. Стихотворная техника Пушкина; Валерія Брюсова. Политическіе и общественные взгляды Пушкина въ послѣдній періодъ его жизни; В. В. Водовозова. Пуцинъ и Пушкинъ; С. Я. Штрайха. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1831—1836 гг.; Н. О. Лернера. Пушкинъ и русская музыка; проф. С. К. Булича. Пушкинъ и Лермонтовъ; М. О. Гершензона. Пушкинъ у Брюллова; Н. О. Лернера. Примѣчанія къ письмамъ Пушкина; П. О. Морозова. Дополненія къ письмамъ Пушкина, Н. О. Лернера. Алфавитный указатель произведеній Пушкина по заголовку и по первому стиху; В. В. Водовозова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются годовые комплекты журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. за каждый годъ.

Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

7

стр.

1. Памяти Василія Сергѣевича Арсеньева, Протоіерея Іоанна Соловьева.
257. Двѣ черновыя записки Кн. П. П. Вяземскаго о Таранановой. Сообщ. Г. С. Ш.
260. Татары на Кавказѣ (По легендамъ кабардинцевъ). С. Фарфоровскаго.
262. Къ исторіи иностраннаго заселенія Россіи. П. Ю.
267. Изъ бумагъ генераль-лейтенанта А. Д. Буткевича. Сообщ. И. Мордвиновъ.
276. Къ исторіи освобожденія Русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы. Сообщ. дѣят. чл. Оренб. уч. арх. ком. Свящ. Николай Модестовъ.
302. Монахи въ старой Варшавѣ. Н. Ѳ. Акаѣмова.
323. Жалоба флота капитанъ-командора В. М. Головина. В. Голубева.
331. Изъ прошлаго города Кременска. Сообщ. В. С. Арсеневъ.
335. Переписка К. П. Побѣдоносцева съ Нинаноромъ Епископомъ Херсонскимъ (Письма 1883 г.). Сообщ. Протоіерей Сергій Петровскій.
81. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. Д. Д. Языкова. Листъ шестой.

Внутри обложки.—О книгахъ: Н. Н. Рѣдкова, Игнатій Смолинъ паломникъ XIV в.; Библиографическая лѣтопись, изд. Имп. Общ. люб. др. писемъ; Бориса Демчинекаго, Сокровенный смыслъ войны; Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда. Т. II, копіи съ документовъ архива Н. П. Глухарева; Н. Д. Приселкова, Очеркъ по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв.; Діакона А. Соловьева, Къ 500-лѣтнему юбилею мученической кончины магистра Яна Гуса; проф. Ал. Дм. Григорьева, Къ исторіи Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской губ.; Юліана Кулаковскаго, Исторіи Византии.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

**Н. Н. РѢДКОВЪ. Игнатій
Смоляннинъ паломникъ XIV
в. Смоленскъ. 1915.**

Скромная брошюра, оттискъ изъ 6 № „Смол. Епарх. Вѣд.“,—богата содержаніемъ. Авторъ говоритъ объ литературныхъ трудахъ спутника м-та Пимена по путешествію его въ Царьградъ въ 1389 г., Игнатія, и объ Смоленскомъ княжествѣ к. XIV в. Изслѣдованіе г. Рѣдкова—докладъ, читанный имъ въ Смоленскомъ отд. Правосл. Палестинскаго Общества.

Библиографическая лѣтопись. I. Спб. 1914.—II. Пгр. 1915.
Изданіе Имп. Общ. люб. др. письменн. II. по 1 р.

Недостатокъ библиографическихъ указателей побудилъ Общество люб. др. п. основать своего рода ежегодникъ, посвященный библиографіи книгъ по предметамъ др.-русск. письменности и близкимъ къ ней. Передъ нами два выпуска, редактированные Н. К. Никольскимъ. Первый и главный отдѣлъ ежегодника—критико-библиографич. замѣтки, написанныя въ мягкихъ тонахъ, въ общемъ безпристрастно, и дающія достаточное понятіе о книгахъ. Второй отдѣлъ—такъ наз., смѣсь, относится къ др.-р. письменности. Въ дополненіе къ обоимъ отдѣламъ—списокъ книгъ соответствующаго содержания. Можно пожелать успѣха предпріятію Общества люб. др. письм.

**Борисъ ДЕМЧИНСКІЙ.
Сокровенный смыслъ войны.**
Петроградъ. 1915.

Небольшая книга г. Демчинскаго заслуживаетъ вниманія. По мнѣнію автора, и западъ, и востокъ, шли доселѣ къ развитію невѣрными путями. Востокъ, весь отдавшись духовному созерцанію Божества, сталъ безсильнымъ тѣлесно; Западъ, отвергнувъ

Божество, сталъ заботиться лишь о мірскомъ, и первая его представительница на этомъ пути, Германія, первою дошла до столпотворенія Вавилонскаго—до настоящей войны. Россія всегда шла своей особой дорогой, стройно соединивъ къ себѣ завѣты Запада и Востока, міра тѣлеснаго и духовнаго—и въ обращеніи къ Россіи и есть спасеніе Европы. Мы не можемъ согласиться съ г. Демчинскимъ лишь въ его пониманіи духовной сущности Россіи. По мнѣнію его, у русскихъ нѣтъ опредѣленнаго понятія Бога, закрѣпленнаго какою-либо церковностью. Мы полагаемъ, что именно вѣра въ Бога, хранимая въ нѣдрахъ Православной Церкви, всегда спасала и нынѣ спасаетъ Русь въ минуты посылаемыхъ ей тяжелыхъ испытаній.

Н. П.

Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда.
Т. П. Копія съ документовъ архива **Н. П. Глухарева.** Собраны и списаны имъ же. Изд. 1914 года. Боровскъ. Стр. 4 (цен.)+164+IV. Ц. 1 р.

И. Д. ПРИСЕЛКОВЪ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к. Трудъ г. Приселкова принадлежит болѣе поэзіи, чѣмъ наукѣ. Съ одной стороны авторъ заставляетъ свою фантазію работать изо всѣхъ силъ, съ другой—повторяетъ измышленія разныхъ фантазеровъ. Вы думаете, отъ кого зависѣла русская церковь во времена Владимира Св.?—Отъ охридскаго патріарха! Авторъ на стр. 42 пишетъ: „мы можемъ съ увѣренностію говорить, что Владимиръ послѣ Кореунской войны не взялъ іерархіи новаго Рима, а обратился за этимъ въ болгарскую

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартеповымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартеневъ, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголѣзовъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристины и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Взеръ).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ ляди Портѣръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записки Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Федрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Паладія съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алсова къ супругѣ; сообщ. Гр. Содогуль.—Страничка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнѣ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брокля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Іосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартеневъ (младшій)**.

ИЗВѢСТІЯ

ВОЛОГОДСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ СѢВЕРНАГО КРАЯ

выходятъ въ г. Вологдѣ

въ объемѣ не менѣе 5 печатныхъ листовъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Статьи и доклады по изученію края въ историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Текущая жизнь Сѣвера. Хроника дѣятельности Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго Края. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Объявленія.

Цѣна выпуска 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Въ 1914-мъ году вышелъ 1-й выпускъ, содержащій, между прочимъ, статьи: *Растительность по р. Сысолъ*—Н. В. Ильинскаго; *О юрскихъ образованіяхъ и мѣсторожденіяхъ фосфоритовъ и стернаго колчедана въ районѣ р.р. Сысолы и Б. Визини*—В. Г. Хименкова; *О неизвѣстныхъ промыслахъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. Сойвы*—А. Макарова; *Вологжане-писатели*—П. А. Дилакторскаго; *О книжномъ и рукописномъ наслѣдствѣ покойнаго библиографа П. А. Дилакторскаго*—И. В. Евдокимова и проч.

Въ 1915 году вышелъ 2-й выпускъ со статьями: *Старый бытъ*—И. В. Евдокимова; *По деревнямъ Олонецкаго края*—А. А. Шустикова; *Вологодская тимофеевка въ ея прошломъ и настоящемъ*—Н. В. Ильинскаго; *Хозяйственно-экономическое значеніе Вологодской тимофеевки*—Л. И. Молякова; *О горимости лѣсовъ на Сѣверѣ*—В. И. Никуличева; *Вологда въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка*—В. Н. Трапезникова и мн. др.

Адресъ редакціи: Вологда, Большая Дворянская, № 12.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССІИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платять за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗЪИЩНАЯ ПРОДАЖА №№ *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.**

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ СЕРГІЕВИЧА АРСЕНЬЕВА.

Съ любезнаго разрѣшенія глубокочтимаго Отца Іоанна Соловьева мы перепечатаваемъ поминальное слово о Василии Сергіевичѣ Арсеньевѣ. Отраднo помянуть, что почившій сотрудничалъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Образъ такихъ людей не тускнѣетъ со временемъ, а, наоборотъ, утрачивая случайное и несущественное, все ярче служитъ водителемъ для поколѣній грядущихъ, указуя, что человѣческая жизнь лишь тогда получаетъ значеніе возвышенное, когда течетъ въ животворномъ единеніи съ Церковью. П. В. (младшій).

Уже не одинъ десятокъ лѣтъ у насъ въ Москвѣ, на Садовой улицѣ, противъ церкви Св. Ермолая, въ ближайшемъ между собой сосѣдствѣ жили два глубокіе старца, въ бесѣдѣ о своихъ лѣтахъ иногда говорившіе о нихъ сравнительно съ годами своего сосѣда, который-де „вѣроятно помоложе меня“. Почти сверстники по годамъ (оба они родились въ 1829 году: одинъ—въ мартѣ, а другой—въ октябрѣ), оба эти великіе старца, при рѣзкихъ особенностяхъ своихъ личныхъ духовныхъ настроеній, умственныхъ интересовъ и даже общественныхъ отношеній, были хорошо знакомы между собою и очень близко подходили одинъ къ другому въ общемъ, такъ сказать, характеръ этихъ настроеній и интересовъ, дѣлавшемъ ихъ типичными представителями этихъ настроеній и интересовъ. Оба они могутъ быть названы хранителями отеческихъ преданій, но каждый въ своемъ родѣ.

Я говорю о хорошо, конечно, извѣстномъ каждому интересующемуся отечественной исторіей, особенно послѣднихъ столѣтій, Петрѣ Ивановичѣ Бартеневѣ, почти 50 лѣтъ бывшемъ „составителемъ и издателемъ“ основаннаго имъ въ 1863 году „Русскаго Архива“, и одѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Василю Сергіевичѣ Арсеньевѣ, 33 года бывшемъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія. Петръ Ивановичъ былъ „хранителемъ отеческихъ преданій“, касающихся нашего земного отечества и земныхъ, такъ сказать, отношеній и положеній, а Василій Сергіевичъ, по-моему, можетъ быть названъ „хранителемъ отеческихъ преданій, касающихся отечества небеснаго и отношеній духовныхъ“; первый былъ собирателемъ и хранителемъ *преданій русскаго народа*, именно какъ народа, а послѣдній—русской православной церковности,—того, чѣмъ жила и жива была наша родина, именно какъ *Святая Русь*...

Петръ Ивановичъ Бартеневъ скончался почти три года тому назадъ (22 октября 1912 года) и въ свое время о немъ именно въ указанномъ отношеніи было говорено на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*; поэтому и моя настоящая рѣчь будетъ не о немъ, а о Василии Сер-

гевичѣ Арсеньевѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этой кончины невольно хочется сказать объ этомъ типичнѣйшемъ представителѣ нашей православной церковности, какъ будто въ область преданій уходящей изъ дѣйствительной жизни. Такъ тяжела эта утрата!

Я не могу и не берусь представить духовный образъ этого отечески-учительнаго представителя нашей православной церковности, какъ сказалась она въ многообразныхъ путяхъ его почти вѣковой жизни; я хочу, какъ умѣю, воспроизвести лишь нѣкоторыя отдѣльныя черты этого прекраснаго въ своей цѣлостности и, къ сожалѣнію, рѣдкаго образа, наблюдать который Богъ привелъ мнѣ въ теченіе немалыхъ лѣтъ неблизкаго, правда, знакомства съ этимъ великимъ старцемъ.

Свѣтозарные отблески духовной жизни почившаго прежде всего и больше всего сказались для меня въ тѣхъ духовно-богословскихъ писаніяхъ его, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщаль онъ на страницахъ нашихъ московскихъ духовныхъ журналовъ: „Душеполезнаго Чтенія“, „Радости Христіанина при чтеніи Библии“ и издававшегося мною: „Вѣра и Церковь,* и въ многократныхъ бесѣдахъ, которыхъ удостоивалъ меня покойный по поводу этихъ писаній. По этимъ-то писаніямъ и бесѣдамъ судя, В. С. Арсеньевъ, принадлежавшій къ высшему свѣтскому обществу, зналъ богобожественные библійско-отеческіе первоисточники нашей вѣры въ ихъ иноязычныхъ подлинникахъ въ такой полнотѣ и совершенствѣ, какъ знаютъ ихъ далеко не всѣ, самымъ званіемъ и положеніемъ своимъ обязанные имѣть это знаніе. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, о чемъ рѣчь ниже, покойный ясно напоминалъ собой другого такого же именитаго своимъ положеніемъ мірянина, какимъ былъ покойный К. П. Побѣдоносцевъ. Можно было только удивляться, когда находили они время заниматься чтеніемъ и изученіемъ ихъ при своихъ общественно-государственныхъ дѣлахъ.

Но это—лишь ви́шняя сторона дѣла; суть же его—въ отношеніи покойнаго къ этимъ сокровищамъ нашей вѣры, всегда исполненномъ глубокаго благоговѣйнаго почитанія. Взирая на Библию, какъ на Богооткровенное слово жизни, онъ это слово, а не личный свой разумъ и не науку, поставлялъ въ основѣ всѣхъ своихъ жизненныхъ отношеній и дѣлъ, какъ руководственное начало, и не рационалистически, какъ протестанты, не на соображеніяхъ только разума основывалъ и самое пониманіе его, а какъ и учить наша православная Церковь,—на Св. преданіи. И здѣсь опять во многомъ превзошелъ многихъ именно православныхъ богослововъ, понимая преданіе глубже и шире ихъ. Прежде всего онъ не ограничивалъ его одними лишь святоотеческими твореніями въ собственномъ смыслѣ, но въ равномъ съ ними достоинствѣ

* Писанія эти почти всѣ поименованы въ некрологѣ В. С. Арсеньева, помѣщенномъ въ № 168 *Моск. Видомостей*.

смотрѣлъ и на богослужебныя пѣснопѣнія, и на всѣ общепринятыя обряды и уставы церковныя, чисто и даже въ большинствѣ случаевъ невѣдомыя въ ихъ, такъ сказать, авторскомъ происхожденіи, но всѣмъ намъ близкія и дорогія, какъ всѣми пріемлемыя и хранимыя. И опять нужно сознаться, что источникъ нашей вѣры, наши церковно-богослужебныя книги, онъ зналъ такъ, какъ немногіе изъ насъ, предъ глазами которыхъ книги эти постоянно. Достойны особеннаго вниманія тѣ резоны, которыми руководился онъ съ особеннымъ усердіемъ, занимаясь ими и прислушиваясь къ голосу ихъ, какъ выраженію церковнаго преданія. „Творенія святоотеческія въ собственномъ смыслѣ,—не разъ говаривалъ въ Бозѣ почившій,—въ ихъ подлинныхъ словахъ и реченіяхъ вѣдомы немногимъ даже изъ просвѣщенныхъ вѣрующихъ, и подлинныя голоса ихъ не раздаются въ Церкви православной всегда и вездѣ, именно какъ голосъ церкви Вселенской; богослужебныя же пѣснопѣнія всѣми нами—и учеными и простецами вѣры,—какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ воспѣваются и нерѣдко даже малыми дѣтьми повторяются, точно такъ же, какъ всѣми же въ равной мѣрѣ исполняются и обряды, и уставы. И что придаетъ особенное значеніе всему этому, какъ общецерковному голосу, такъ это то, что онъ раздается въ моменты наивысшаго подъема духовной жизни человѣка и въ молитвѣ, и въ изъявленіи религіозно-нравственныхъ его стремленій къ горнему міру и въ живомъ общеніи съ нимъ; ибо вѣруемъ мы, что въ храмѣ съ нами силы небесныя невидимо служатъ, и самимъ усопшимъ, въ память которыхъ творимъ мы извѣстные обряды, память эта отрадна“. Не правда ли, какъ напоминаетъ собою въ рѣчахъ этихъ въ Бозѣ почившій великій старецъ незабвеннаго всероссійскаго пастыря и молитвенника батюшку о. Іоанна Кронштадтскаго, который такъ любилъ и постоянно самъ читалъ за богослуженіемъ положенныя на немъ по уставу каноны, тропари и др., и тѣмъ особенно любъ былъ православному народу. Въ этой новизнѣ отношеній того и другого къ этимъ „заброшеннымъ“ источникамъ нашей вѣры родная старина слышится—старая святая Русь, именно этимъ путемъ умѣвшая сохранить православіе въ его чистотѣ и цѣлости...

Недаромъ и не безъ ума народъ нашъ храмъ Божій съ его богослуженіемъ называетъ Церковію, видя въ немъ именно наивысшее выраженіе церковной вѣры и жизни. Невольно припоминается при этомъ изреченіе одного изъ учителей церкви, что: „тому Богъ—не Отецъ, кому Церковь—не мать“.

И да не подумаетъ кто-либо, что всѣ эти и подобныя имъ прекрасныя слова и разсужденія въ Бозѣ почившаго все же не дѣла, которыя даютъ собой вѣрный отпечатокъ духовнаго образа человѣка и даютъ ему цѣнность. Всѣ слова свои, какъ выраженіе своей вѣры и своихъ убѣжденій, покойный прилагалъ къ своей жизни во всей доступной его силамъ мѣрѣ, такъ что слова эти могутъ быть названы

лишь общей картиной его духовной жизни. Ахъ, какъ любилъ онъ благолѣпіе святыхъ Божіихъ храмовъ, благозвучіе пѣсней церковныхъ и красоту богослужебныхъ обрядовъ! И когда немощи плоти и недуги старчества лишали его радостей личнаго участія въ общецерковной жизни, какъ глубоко сокрушался онъ объ этомъ лишеніи, стараясь домашнимъ чтеніемъ церковныхъ молитвословій восполнить это лишеніе. Потому-то и самая рѣчь его была всегда церковно-отеческая даже въ слововыраженіяхъ и самый укладъ его домашней жизни—въ соотвѣтствіи съ церковнымъ, даже домъ его былъ какъ бы малою церковью. Объ истинной церковности этого человѣка высшаго свѣтскаго общества говоритъ уже то, что двухъ изъ сыновей своихъ онъ воспиталъ для служенія Церкви въ священномъ санѣ, и одинъ изъ нихъ имѣетъ даже высшую ученую степень доктора богословія—единственнаго среди всего Московскаго духовенства. И нельзя бывало безъ умиленія слушать, какъ убѣленный сѣдинами именитый отецъ скромно въ обращеніи къ этимъ сыновьямъ своимъ, въ священномъ санѣ сущимъ, называлъ ихъ „преподобіемъ“, и не видѣть, какъ онъ съ вѣрующимъ смиреніемъ освящался отъ нихъ священническимъ благословеніемъ.

Я мало знаю лично дѣятельность покойнаго Василя Сергѣевича, какъ почечнаго опекуна, въ управленіи имъ разными свѣтскими учебными заведеніями, хотя не мало слыхалъ отъ него о важности и необходимости религіозно-нравственное образованіе и воспитаніе нашего свѣтскаго юношества не только согласовать съ ученіемъ Православной Церкви, а и вести подъ благодатнымъ покровомъ Церкви и ея завѣтовъ и уставовъ. Поэтому не стану распространяться объ этомъ.

Вмѣсто того въ заключеніе своихъ воспоминаній о почившемъ скажу объ одномъ чудномъ и мало кому извѣстномъ эпизодѣ въ его жизни въ дни бывшихъ въ Москвѣ въ 1905 г. беспорядковъ. Дѣло было въ глухую осеннюю ночь; противники, собравшись въ одномъ домѣ, который былъ чуть не рядомъ съ домомъ покойнаго, отстрѣливались отъ пытавшихся захватить ихъ войскъ; отъ грохота орудій и выстрѣловъ изъ браунинговъ въ домѣ В. С. дрожали стекла и нѣкоторые выстрѣлы противниковъ летѣли даже въ сторону этого дома. Что же дѣлаетъ въ это время этотъ едва державшійся на ногахъ старецъ? Онъ съ иконою Божіей Матери безстрашно стоялъ въ это время на крыльцѣ своего дома почти на виду у противниковъ и... молился, можетъ-быть, за нихъ же самихъ, упрашивая Пречистую смягчить ихъ озлобленное сердце...

Прот. Іоаннъ Соловьевъ.

Двѣ черновыя записки Кн. П. П. Вяземскаго о Таракановой

Среди бумагъ Князя Павла Петровича Вяземскаго, хранящихся въ Остафьевскомъ его Архивѣ, найдены двѣ записочки, писанныя его рукою подъ заглавіемъ „Тараканова.“ Въ одной записано слѣдующее:

„Въ жизнеописаніи Петра III подъ именемъ Сальдерна, послѣ его смерти и смерти Императрицы (1800 г.) съ подложнымъ обозначеніемъ мѣста изданія въ Петербургѣ (Frankfurt), упоминается о Таракановой, не называя ее, какъ о дочери Елизаветы. Въ этой книгѣ говорится, что Грейгъ *) съ большимъ участіемъ относился о доставленной имъ молодой женщинѣ и что онъ почти готовъ былъ ее высадить въ дорогѣ.....“

„Весьма похожа на нее молодая женщина, выдававшая себя за дочь Императора Франца, умершаго 18 Августа 1765 года.—Въ 1768 г. Графъ Кобенцель уполномоченный Министръ въ Австрійскихъ Нидерландахъ получилъ письмо за подписью „La Freulen“, въ коемъ просили его совѣтовъ и участія съ общаніемъ, что онъ скоро узнаетъ о комъ идетъ рѣчь и тогда не будетъ размолвокъ въ оказанномъ участіи. Отвѣтъ долженъ быть адресованъ „Mademoiselle Freule“ à Bordeaux. Графъ Кобенцель принялъ участіе въ этой молодой дѣвушкѣ и вскорѣ за тѣмъ получилъ приказаніе по доставленіи ея изъ Франціи арестовать и произвести слѣдствіе. 24 засѣданія ничего не открыли, а характеръ и впечатлѣніе, производимое молодой дѣвушкой, напоминаетъ Тараканову.

Графъ Кобенцель просилъ о помѣщеніи ея въ монастырь. Графъ Нери (?), принимавшій участіе въ слѣдствіи, посоветовалъ Императ-

*) Адмиралъ Greig, сопровождавшій ее въ плаваніи.

рицѣ Маріи-Терезіи дозволить ее вернуть въ Бордо. Графъ Шуазель не соглашался, несмотря на все старанія дозволить ей (не разобрано) во Францію. Четыре дня послѣ смерти Графа Кобенцеля (ум. 27 Января 1770 года) получили его приказаніе содержать ее подъ арестомъ, впредь до приказанія. Молодая дѣвушка была отведена полицейскимъ офицеромъ въ Quevvin. Ей выдано было 50 луйдоровъ и она представлена своей судьбѣ. Тонкія граціи и тонкія ухищренія, что у Таракановой и чачоточное расположеніе и та не можетъ доставать (ей) деньги. Описаніе ея находится въ *Geh. gesch Rusan IV B. стр. 119*, главный источникъ его разсказа „*L' Inconnue, histoire véritable*“ въ 1785 г., анонимное и безъ обозначенія мѣсяца и числа. Сочинитель говоритъ, что исторія ему извлечена была изъ протоколовъ слѣдствія, сообщенныхъ ему Графомъ Коронини, племянникомъ Графа Кобенцеля.

Что касается до показаній „Персидскихъ“ Таракановой, то они относятся до генерала Тараканова, командовавшаго отрядомъ во время Крымской компаніи 1736 года. Не оставался ли Таракановъ въ окрестностяхъ Каспійскаго моря или не былъ ли онъ перемѣщенъ потомъ въ Оренбургъ?¹⁾ Тараканова упоминаетъ также о „Кейтѣ“, ²⁾ который былъ вмѣстѣ съ Таракановымъ въ Крыму (въ какомъ году переѣхалъ Кейтъ въ Русскую службу?). Воспоминаніе дѣтства Таракановой могли относиться къ 1742—1755. Мнимая Кесарская дочь имѣла большое искусство въ интригахъ и должна была искусно составлять письма.

Графъ Кобенцель не сомнѣвается, что онъ получилъ записку Императрицы Маріи безъ надписи, рекомендовавшей ему эту молодую дѣвушку. Король Испанскій также получилъ письмо отъ Императора Иосифа, возбудившее его сомнѣніе; по объясненіи Императора Иосифа Марія-Терезія потребовала отправленія ея изъ Франціи въ Брюссель и наряжено было слѣдствіе, кончившееся ея освобожденіемъ и выдачею 50 луйдоровъ. Здѣсь эта искусная интригантка могла вступить въ сношенія съ Княземъ Радзивиломъ или другими Польскими дѣятелями и связавшими ея исторію съ Таракановыми.“

До сихъ поръ все написано рукою Князя Павла Петровича Вяземскаго, а затѣмъ другимъ почеркомъ слѣдуетъ перечисленіе источниковъ:

¹⁾ Ген. Таракановъ командовалъ въ Астрахани: въ 50-хъ годахъ XVIII в. персидскія дѣла не были ему чужды. Къ тому же Таракановы были въ родствѣ съ Шубинымъ.... *С. III.*

²⁾ Keith. см. въ истор. Словарѣ И. Р. И. О.

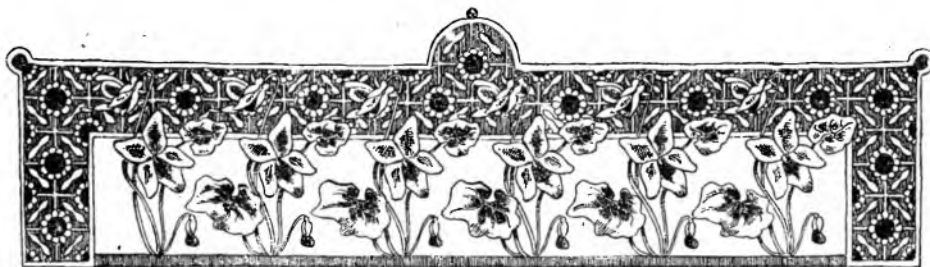
- 1) Принцесса Тараканова. Нѣсколько данныхъ для ея исторіи. *Русская Бесѣда* 1859. № 6, стр. 59—76.
- 2) Кн. Тараканова. М. Лонгиновъ. *Русскій Вѣстникъ*. 1859, № 24. стр. 716—736.
- 3) Преданіе о судьбѣ Таракановой 1860. № 39 (П. Мельниковъ).
- 4) По поводу картины Флавицкаго Статья Лонгинова. *Р. Вѣст.* 1864, № 47 и 49.
- 5) Кн. Тараканова. Картина Флавицкаго. Н. Раназановъ. *Московскія Вѣдомости*. 1868, № 80.
- 6) О кн. Таракановой А. Самгинъ. *Современная Лѣтопись* 1865, № 13. (Эти свѣдѣнія переданы о Кн. Таракановой покойной бабушкой автора).
- 7) Къ вопросу о Кн. Таракановой; Г. Юрьевъ. *Русскія Вѣдомости* 1865, № 70.
- 8) Замѣтка о Кн. Таракановой (по поводу картины Флавицкаго. М. Н. Лонгиновъ.) *Русскій Архивъ* 1865, № 1.
- 9) Краткая исторія Е. А. Таракановой, гр. В. Панинъ. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древ. Рос.* 1867, № 2.
- 10) Кн. Тараканова и принцесса Владимірская. Статья П. Мельникова. *Рус. Вѣстникъ*. 1867, № 5 и 6 и 8 (т. 69 и 70).
- 11) Объясненіе О. Бодянской. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Др. Рос.* 1867. № 3. (Въ этой статейкѣ О. Бодянской доказываетъ, что предыдущая статья почти вся украдена изъ статьи В. Панина).
- 12) По поводу ст. г. М. и Кн. Тараканова и принцесса Владимірская. Статья Р. *Вѣстникъ Европы* 1867. № 4, стр. 36—44.
- 13) Статья въ *Сборникъ Русск. Ист. Общества* т. I, 1867.

„Англійскій (?) посланникъ, указывавшій въ Петербургѣ на происхожденіе Таракановой отъ Прагскаго трактирщика вѣроятно имѣлъ въ виду Австрійскую авантюристку, рекомендованную Кобенцелею письмомъ изъ Праги за подписью Іоанна фонъ Вейсендорфъ (l'Inconnue histoire vraie). Бюлау говоритъ, что онъ въ другомъ сочиненіи названъ Вейсенштейномъ.“—Эти слова также написаны рукою Князя Павла Петровича Вяземскаго.

Г. С. Ш.

Михайловское. 17 Іюня 1915.

ТАТАРЫ НА КАВКАЗѢ

(По легендамъ кабардинцевъ)

Крымскій ханъ Кипланъ Гирей завоевалъ Кабарду очень быстро, явившись туда неожиданно съ своимъ войскомъ. Не приготовившись къ защитѣ и растерявшись отъ внезапнаго нападенія, Кабардинцы заявили покорность. Ханъ взялъ съ нихъ заложниковъ и остался на нѣкоторое время въ Кабардѣ. Свое войско онъ расположилъ въ аулахъ. Въ каждомъ дворѣ было по два Крымца. Татары всячески издѣвались надъ бѣдными Кабардинцами. Послѣ обѣда послѣдніе должны были, въ знакъ покорности, запрягаться въ арбы и возить своихъ постояльцевъ, пока имъ не надоѣстъ. По вечерамъ Татары ходили по домамъ и осматривали кабардинскихъ женщинъ, чтобы взять къ себѣ.

Эго продолжалось около полугода. Половина крымскаго войска стояла лагеремъ на горѣ Кинжалъ (у предгорья Эльбруса). Туда Кабардинцы гоняли скоть для прокормленія своихъ враговъ.

Въ селеніи Ашабовомъ жилъ знатный кабардинецъ по имени Миншакъ Ашабовъ, княземъ же кабардинцевъ былъ Кургоко Атажукинъ. Одинъ крымскій паша замѣтилъ, что у Миншака есть красивая жена и распорядился, чтобы ее привезли къ нему. Вечеромъ пришли къ Миншаку люди за женой, но онъ отказался ее уступить. На слѣдующій день призвали Миншака къ хану, который положилъ свою большую трубку на голову Миншака, перевернувъ ее горячей золой внизъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока огонь въ трубкѣ не выгорѣлъ; Миншакъ стоялъ, не моргнувши глазомъ, какъ будто онъ не чувствовалъ никакой боли. Удивившись твердости его духа, ханъ отпустилъ его домой.

На рѣчкѣ Мазехѣ, правомъ притокѣ Малки стоялъ аулъ Кармовъ. Здѣсь были два брата. Ханъ самъ гостилъ у нихъ и былъ женатъ на ихъ сестрѣ. У этого хана былъ пелюанъ (борецъ), котораго никто до-

селѣ не могъ побѣдить. Однажды ханъ велѣлъ огородить плетнемъ мѣсто для борьбы и дать знать по ауламъ—кто хочетъ побороться съ пелюаномъ. У братьевъ Кармовыхъ былъ крестьянинъ—Бей, который былъ такъ силенъ, что, отправляясь въ лѣсъ, вырубать ступицы, ободья колесъ и всѣ деревянныя принадлежности арбы, привязывалъ къ большому брусу и несъ на своихъ плечахъ, не чувствуя тяжести, какъ будто это была вязанка дровъ. Этотъ Бей и захотѣлъ сразиться съ ханскимъ пелюаномъ. Начался бой. Самъ пелюанъ—кричалъ и ревѣлъ, какъ левъ, вызывая соперниковъ. Позади его сидѣлъ ханъ и курилъ изъ длинной трубки. Вдругъ подошелъ къ пелюану Бей, схватилъ его своими мускулистыми руками, поднялъ вверхъ и швырнулъ о землю съ такой силой, что пелюанъ только стоналъ отъ боли, лежа еле-еле живымъ. Ханъ, не ожидавшій ничего подобнаго, былъ до такой степени пораженъ, что вскочилъ съ мѣста, бросился на Бея и пробилъ ему голову.

Этотъ и другіе поступки возмущали совѣсть Кабардинцевъ и ненависть ихъ противъ враговъ росла. Созвали глашатаевъ князей на сходъ, перечислили всѣ оскорбленія отъ Татаръ и рѣшили въ слѣдующую ночь умертвить всѣхъ Татаръ, расположенныхъ по домамъ кабардинцевъ. Бей былъ во главѣ недовольныхъ. Ночью онъ ворвался въ домъ братьевъ Кармовыхъ, убилъ хана своей шашкой и поднялъ мятежъ. Кабардинцы подъ начальствомъ князя Кургоко напали и на лагерь Татаръ. Половину войска они истребили, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Такъ окончилось господство Татаръ на Кавказѣ въ 1703 году.

С. Фарфоровскій.

Къ исторіи иностраннаго заселенія Россіи

*) Божією милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и проч., и проч., и прочая.

Нашему Астраханскому губернатору генералъ маіору Бекетову.

Посылается при семъ къ Вамъ копія съ поднесеннаго намъ отъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отъ насъ всемилостивѣйше конфирмованнаго 24-го Генваря сего 1767-го года доклада, изъ которой вы усмотрите, что мы всемилостивѣйше повелѣли, по прошенію нѣкоторыхъ Кизлярскихъ жителей римскаго исповѣданія, селиться въ урочищѣ Моздокѣ и сего исповѣданія людямъ, дозволяя имъ построить тамо для себя церковь, и на что выдать имъ изъ астраханскаго банка заимообразно пятьсотъ рублевъ.

Вы имѣете толикое число денегъ, по полученіи сего, отослать къ кизлярскому коменданту генералъ маіору Потапову, а каковъ къ нему посланъ изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ указъ, съ того для вашего извѣстья копія при семъ же. Данъ въ Москвѣ 31 Мая 1767-го года.

По Ея И. В-ва указу: Н. Панинъ. К. А. Голицынъ.

*) Нижериводимый рескриптъ съ докладомъ отысканъ въ дѣлахъ Астраханскаго губерн. архива. Мы печатаемъ его потому, что онъ очень ярко характеризуетъ наше всеобщее слѣпое обожаніе ко всѣмъ иностранцамъ, безъ различія племенъ и исповѣданій, для которыхъ мы дѣлали всевозможныя послабленія и вспоможенія въ ущербъ благосостоянію и культурному развитію коренного русскаго населенія. Давали средства даже на устройство церквей и школъ, а для своихъ подданныхъ таковыхъ не заводили.

Ея Императорскому Величеству.

Всеподданнѣйшій докладъ

Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ оной коллегіи получено отъ Кизлярскаго коменданта ген.-м. Потапова поданное ему прошеніе отъ нѣкоторыхъ кизлярскихъ жителей римскаго исповѣданія, которымъ они, предъявляя желаніе переселиться съ такими же вольностями, какія высочайшимъ Вашего И. В-ва указомъ отъ 22-го Іюля 1753 года поселяющимся въ Имперіи вашей иностранцамъ дозволены, въ урочище Моздокъ, гдѣ изъ новокрещенныхъ горскихъ жителей селеніе заводится,—просятъ при томъ дозволенія построить тамъ собственнымъ своимъ иждивеніемъ и церковь, подавая надежду, что, послѣ того въ Моздокъ изъ за границъ римскаго исповѣданія людямъ, какое дѣлать ли для перваго случая вспоможеніе и снабженіе.

По первому плану, которой Ваше И. В-во высочайшей конфирмаціи на докладѣ Сената 9-го Октября 1762 года удостоить изволили, о заведеніи на рѣкѣ Терекѣ изъ новокрещенныхъ горскихъ жителей селенія, къ чему послѣ и избрано урочище Моздокъ,—за первое правило принято, чтобъ дозволена была для приданія охоты къ переселенію въ сіе мѣсто и вольность такая жъ всѣмъ тамъ поселяющимся, какую донскіе и яицкіе казаки имѣютъ, въ куреніи вина, въ вареніи пивъ и медовъ и въ вывозѣ изъ ближнихъ къ нимъ мѣстъ соли, и въ невозбранной всего того и протчаго въ своихъ жилищахъ и въ отвозѣ въ горы продажѣ, а напоследокъ и въ заведеніи въ ихъ жилищахъ шелку, хлопчатой бумаги и всякихъ фабрикъ и виноградныхъ и другихъ садовъ.

Награжденія за выходъ и за принятіе крещенья назначено по тому плану, Кабардинцамъ и другимъ горскимъ жителямъ, старшинамъ и узденямъ по десяти, а рядовымъ по пяти рублевъ на семью, а холостымъ противъ того въ полы. Въ разсужденіе же того, что горскіе народы въ дѣланіи шелка и въ мануфактуровъ искусства не имѣютъ, а христіанскихъ законовъ азіане, какъ то: Грузины, Армяне и другіе много въ томъ упражняются, для того, тѣмъ же планомъ, положено дозволить селиться въ той сторонѣ и съ такими жъ кондиціями и всѣхъ христіанскихъ націй людямъ, располагая ихъ селеніи по рѣкѣ Терекъ,

и каждой націи особливими слободами и дать имъ волю въ своихъ слободахъ строить церкви для отправленія каждому, по своему закону, службы Божіей, да и судомъ самимъ между собою разбираться.

Когда потомъ при Моздокѣ дѣйствительно селеніе началось, находясь нынѣ тамъ, по послѣднему кизлярскаго коменданта рапорту, слишкомъ пятьсотъ душъ мужскаго и женскаго пола, а между тѣмъ примѣчено, что переселяющіеся туда, по своей бѣдности, сперва назначеннымъ для нихъ награжденіемъ исправиться не могли, имѣя нужду заводится строеніемъ, скотомъ, хлѣбомъ, пашенными сѣменами, то по всеподданнѣйшему коллегіи иностранныхъ дѣлъ докладу, воспослѣдовало 9 Юля 1765-го года такое еще высочайшее Вашего И. В-ва повелѣніе. что многія ихъ же исповѣданія изъ Крыма, Персіи, Грузіи и другихъ мѣстъ въ Моздокѣ селиться будутъ, каковыхъ напротивъ того нынѣ туда, да и въ Кизляръ, на житье мало выходитъ, по неимѣнію только и въ семъ послѣднемъ мѣстѣ ихъ исповѣданія церкви.

Кизлярскій комендантъ, представя такое прошеніе въ коллегію, присовокупилъ къ тому свое мнѣніе, что дозволеніе дать въ Моздокѣ римскую церковь построить онъ никакого сомнѣнія не находитъ, тѣмъ больше, когда въ другихъ здѣшней Имперіи мѣстахъ такія есть, и что въ самомъ дѣлѣ для сего обстоятельства чаятельно быть великому выходу римскаго исповѣданья людямъ, чѣмъ тамошнее селеніе, да и самый Кизляръ скоро усилены быть могутъ.

Но чтобъ не было отъ нихъ соблазна прочимъ въ Моздокѣ поселенцамъ изъ Грузинцовъ, Армянъ и другихъ, а отъ патеровъ ихъ въ Осетинскомъ народѣ, какъ оттуда весьма близкомъ проповѣди, къ помѣшательству той, какова въ семъ народѣ, подъ руководствомъ здѣшняго Синода, чрезъ нарочно опредѣленныхъ къ тому духовныхъ, производится—для того комендантъ разсуждаетъ, поселить ихъ отъ прочихъ моздоцкихъ жителей особливою слободою, а патеровъ ихъ на Горную сторону рѣки Терека, гдѣ жителство Осетинскаго народа, ни для чего не пропускать, и сверхъ того обязать крѣпкою подпискою, дабы они никого и въ Моздокѣ въ свой законъ не превращали.

Впрочемъ, комендантъ доносилъ еще, что, хотя помянутые просители и принимаютъ построеніе церкви на собственное свое иждивеніе, но бывший изъ Астрахани въ Кизляръ въ проѣздъ одинъ римской патеръ просилъ его о выдачѣ для того заимообразно изъ казны пятьсотъ руб. съ тѣмъ, чтобъ оныя въ пять лѣтъ съ нихъ возвращены были, представляя при томъ, что, по новости тамошняго мѣста, они строенія для церкви безъ того сдѣлать будутъ не въ состояніи.

Комендантъ, оставя все сіе въ здѣшнее разсужденіе, просилъ на послѣдокъ резолюціи, выходящимъ на поселеніе повелѣніе, чтобъ изъ живущихъ въ кавказскихъ горахъ народовъ впредь не только на поселеніе въ Моздокъ перезывать, но и въ службу принимать, съ произведеніемъ назначеннаго имъ при томъ жалованья, будучи нужно, чтобъ сіе мѣсто, какъ крайнее, всегда снабжено было и военными людьми, а при всѣмъ томъ и прочимъ выходцамъ, хотя и службы непринимающимъ, по причинѣ ихъ бѣдности, выдавать сверхъ опредѣленной денежной дачи первой годъ на сѣмена и на пищу хлѣба четвертей по шести.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ, будучи согласна со мнѣніемъ Кизлярскаго коменданта о дозволеніи и римскаго исповѣданія людямъ, поселяясь въ Моздокъ, построить тамъ для себя церковь, ибо особливую изъ нихъ колонію, какъ въ первомъ планѣ постановлено, по невесьма великому еще числу жителей и въ Моздокъ, кажется заводить въ нѣкоторомъ отъ сего мѣста отдаленіи рановременно, а нужно напередъ зачатое уже селеніе усилить и привести въ безопасное состояніе отъ тамошнихъ варваровъ, а такимъ дозволеніемъ чаятельно многія того исповѣданія впредь туда выходить могутъ къ умноженію тамошняго мѣста—подвергаетъ всемилостивѣйшему Вашего И. В-ва благоволенію,—угодно ли будетъ сдѣлать имъ какое либо вспоможеніе денежное, заимообразно или и безъ того, для строенія ихъ церкви.

Это касается до ихъ же при первомъ случаѣ снабженія, то кажется въ томъ, какъ и въ разсужденіи дозволяемыхъ имъ вольностей, чтобъ одни жители предъ другими никакого различія не имѣли; поступлено быть можетъ по правиламъ для Моздока уже постановленнымъ, выдовая какъ денежное награжденіе, такъ и первой годъ на сѣмена хлѣбъ такимъ изъ нихъ, которыя будутъ бѣдны и безъ такого вспоможенія обойтись не могутъ, а болѣе сіе состоятъ въ высочайшемъ Вашего В-ва благоизобрѣтеніи. Н. Панинъ. К. Александръ Голицынъ.

На подлинномъ собственной рукою Императрицы написано: „*Быть по сему, а на церковь выдать изъ астраханскаго банка заимообразно пять сотъ рублеей.*“

Въ Санктпетербургѣ 24 Генваря 1767 года.

Слѣдомъ за этимъ указомъ Коллегія иностр. дѣлъ отъ 31 Мая 1767 г., Кизлярскому коменданту ген-м. Потапову предложено было „объявить кизлярскимъ римск. исповѣданія жителямъ о данномъ доз-

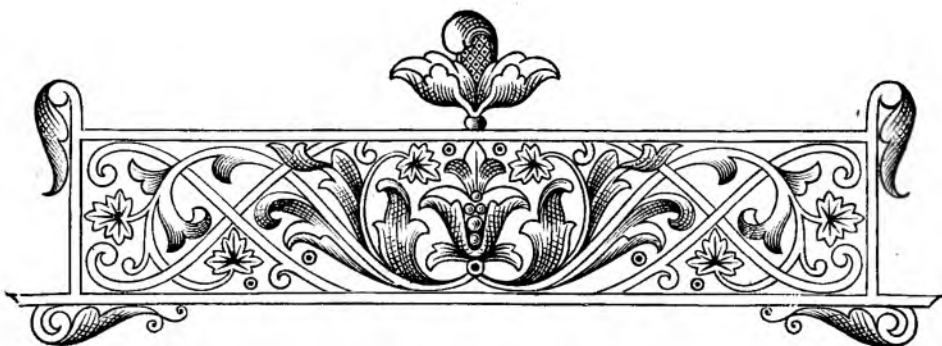
воленіи ихъ исповѣданія людямъ селиться въ Моздокѣ, предписывая находящемуся тамъ командиру, при выходѣ на поселеніе таковыхъ, поступать по содержанію того подтвержденнаго доклада...“

„Когда получите вы отъ астрах. губернатора пятьсотъ руб., которыя повелѣно выдать имъ заимообразно, то кому овья деньги препоручить, дабы напрасно не пропали и въ пять лѣтъ назадъ возвращены были, имѣть зависѣть отъ вашего попеченія; между тѣмъ примѣчается здѣсь, коимъ образомъ весьма нужно, дабы толь скорѣе православная церковь тамъ построена была, на которую давно уже и денегъ двѣ тысячи ассигновано*), но изъ доношеній вашихъ напротивъ того здѣсь извѣстно, что понынѣ къ тому и начала еще не сдѣлано, имѣете стараніе приложить о поставленіи какой либо временной, когда и такой понынѣ не было.“

П. Ю.

*) Дѣйствительно, явленіе непонятное. Указомъ коллегіи иностран. дѣлъ отъ 25 Октября 1764 года велѣно было тому же астр. губерн. Бекетову соорудить въ Моздокѣ каменную церковь для духовныхъ потребностей гарнизона и поселявшихся тамъ новокрещенныхъ Осетинъ и Кабардинцевъ съ отпускомъ на то 2 т. руб. Однако не смотря на неоднократныя требованія коменданта полков. Иванова о присылкѣ изъ Астрахани мастеровъ каменщиковъ, плотниковъ, иконописцевъ и потребнаго матеріала, краски и проч., онъ подъ разными предлогами оттягивалъ высылку таковыхъ, почему сооруженіе „русскаго“ храма затянулось на цѣлыхъ три года. Между тѣмъ поселившіеся въ Моздокѣ въ 1764 г. Армяне имѣли одного священника, Грузины двухъ, при церкви Великомуч. Георгія.—Мало этого, по высочайше комфирмован. 7 Февраля 1767 г. докладу коллегіи иност. дѣлъ, приказано было завести въ Моздокѣ для обученія дѣтей Осетинцевъ и горцовъ школу, тогда какъ дѣтямъ русскихъ служилыхъ людей: офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ не гдѣ было обучаться, и они учились грамотѣ у дьячковъ и пономарей. Не странно ли это?..

Изъ бумагъ генераль-лейтенанта А. Д. Буткевича

(1790—1828).

Александръ Дмитріевичъ Буткевичъ, боевой генераль „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“ былъ сыномъ перваго новгородскаго предводителя дворянства—Дмитрія Михайловича Буткевича (въ періодъ годовъ 1776—1784).—Онъ бился подъ Очаковымъ, Аккерманомъ, Бендерами, на Кубани. Въ 1795 г. состоялъ шефомъ мушкатерскаго полка своего имени, въ 1799 г.—отставленъ, а въ 1812 г. избранъ правителемъ новгородскаго и петербургскаго ополченій.

Нѣкоторые изслѣдователи отождествляютъ загадочную молчаливицу Вѣру, подъ именемъ которой, какъ гласитъ легенда, скрывалась императрица Елизавета Алексѣевна,—съ дочерью А. Д. Буткевича—Вѣрою Александровною.

Годъ кончины А. Д. намъ, къ сожалѣнію, не извѣстенъ. Подъ конецъ своей жизни, насколько можно судить по нижеприводимымъ бумагамъ, очаковскій герой былъ запутанъ въ какое то дѣло, отъ тѣнеть котораго спасло его вмѣшательство Дибича.

Выдержки изъ бумагъ А. Д.—письмо барона А. А. Аракчеева (1797 г.) и два рескрипта В. К. Александра Павловича (1798 г.)—были напечатаны въ „Сборникѣ Новгородскаго общества любит. древности“ 1912 г., вып. VI. Подлинники хранятся у внука А. Д.—тихвинскаго предводителя дворянства Михаила Николаевича Буткевича, который любезно разрѣшилъ воспользоваться принадлежащими ему матеріалами для научныхъ цѣлей. Нижеприводимые документы любопытны во многихъ отношеніяхъ и вносятъ нелишнюю деталь въ исторію нашихъ первыхъ дѣйствій на Кавказѣ.

I.

Милостивый Государь мой Александръ Дмитріевичъ!

На пунктъ въ письмѣ вашего высокородія о г-нѣ полковникѣ князѣ Волконскомъ симъ въ отвѣтъ даю знать, что бригады ему дать не слѣдуетъ потому, что есть много бригадировъ оныхъ не имѣющихъ, а сверхъ того полкъ Гранадерской и самъ по себѣ уже составляетъ бригаду, имѣя четыре баталіона, и по сей его величинѣ столько требуетъ вниманія полковничьяго, что крайне мало останется ему за тѣмъ времени заниматься бригаднымъ начальствомъ, которое такъ же вниманія и наблюденія требуетъ. При томъ полки Московской и Псковской Драгунской находятся въ довольномъ отдаленіи да и росписание о генералитетѣ скоро новое выдетъ.

Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Высокородія покорный слуга Князь Николай Репнинъ.

Гродно. 5-го Юня 1795 г.

II.

Милостивый Государь мой Александръ Дмитріевичъ!

Изъ заключаемаго здѣсь въ копіи сообщенія отъ Его Сіятельства Г-на Генералъ фельдмаршала и кавалера Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго отъ 1-го числа Октября увидѣть вы изволите, что Херсонскаго Гранадерскаго полку премьеръ-маіоръ Павель и капитанъ Матвѣй Моллеры жалаютъ продолжать службу въ полку вамъ ввѣренномъ Тамбовскомъ мушкатерскомъ, но понеже въ семъ полку вакансій теперь не состоитъ, а должны онѣ будутъ по переводѣ служить на своемъ содержаніи, то прежде, нежели отвѣчать я стану объ нихъ Его Сіятельству, желалъ бы знать ваше мнѣніе, какіе онѣ люди и нужны ли вамъ. Для чего и не оставте меня поспѣшно о томъ увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю Вашего Высокородія покорнымъ слугою Князь Николай Репнинъ.

Гродно. 31 Октября 1796 года.

III.

Милостивый Государь Александръ Дмитриевичъ!

На письмо Вашего Превосходительства отъ 13 сего Февраля, имѣю честь увѣдомить, что по разсмотрѣннй свѣдѣннй, истребованныхъ отъ комиссіи военнаго суда, учрежденной надъ Секретаремъ Старорусской Межевой Комиссіи Гусевымъ, находя жалобу Вашу основательною, я сдѣлалъ распоряженіе, по которому писано здѣшнему Гражданскому Губернатору, объ отмѣнѣ требованія сей военно-судной комиссіи, касательно невыѣзда вашего изъ С.-Петербурга; а самой Комиссіи поставилъ на видъ неправильное ея въ семь случаевъ дѣйствіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Графъ Иванъ Дибичъ.

№ 1105. С.-Петербургъ.. 29 Февраля 1828. Его П-рву А. Д. Буткевичу.

IV.

Выписки изъ послужнаго списка генераль-лейтенанта Буткевича. —

Въ 1788-мъ году былъ на штурмѣ подъ городомъ Очаковымъ и произведенъ въ армію полковникомъ, въ 789 году при разбитіи непріятеля въ Каушанахъ при взятіи крѣпости Акѣрмана и Бендеръ, въ 790 году Сентября 30 командовалъ большимъ отрядомъ и всю кавалерію, перешелъ чрезъ Кубань, остановилъ большой корпусъ турецкихъ войскъ и горскихъ народовъ при чемъ и взялъ Баталь-пашу съ его большою свитою; въ 791 году Юля 22 при взятіи крѣпости Анапы штурмомъ командовалъ передовымъ отрядомъ всѣмъ легкимъ войскомъ противъ горскихъ народовъ и былъ дежурнымъ при командующемъ армію Генераль-аншефѣ графѣ Гудовичѣ; въ 793 году посланъ былъ съ полками для усмиренія всего Дону, что и привелъ въ спокойствіе; въ 794 году посланъ въ Польшу принять корпусъ отъ господина генераль-поручика Кноринка; принявъ оной и правилъ должность Гражданскаго Губернатора въ Вильнѣ цѣлой годъ до опредѣленія гражданскимъ губернаторомъ генераль-маіора Тормосова; произведенъ въ генераль-лейтенанты по арміи въ 1798 году Сентября 30 и служилъ

въ арміи два года генераль-лейтенантомъ, потомъ вышелъ въ отставку, а въ отставкѣ будучи, ѣздилъ первымъ депутатомъ при коронаціи вѣчно достойныя памяти Государя Императора Александра I и въ царствованіе его былъ выбранъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ правителемъ ополченія и при блаженныя памяти Государѣ отправлялъ все с.-петербургское ополченіе, потомъ обратно его принялъ, расчолся съ ними, командировъ передалъ къ опредѣленію въ армію, а ополченіе все распустилъ по домамъ. И всему с.-петербургскому и новгородскому дворянству далъ зачетныя квитанціи и казенной Петербургской палатѣ чрезъ покойнаго генераль-губернатора с.-петербургскаго Вязмитинова доставилъ книги расчѣтныя всему ихъ ополченію и зачоты рекрутскіе. Вездѣ начальствомъ былъ похваленъ въ исправномъ окончаніи, деньги всѣ остальные представлены въ комиссаріатъ, а книги и всѣ бумаги приказано мнѣ отдать въ Главной Архивъ, что все въ исправности и точности выполнилъ; никогда не только въ штрафахъ ни подѣ судомъ не былъ, но даже и выговоровъ и замѣчаній по службѣ никакихъ не было. Въ чемъ и подписуюсь отставной генераль-лейтенантъ и кавалеръ Александръ Буткевичъ.

—Списокъ писанъ и подписанъ собственноручно А. Д. Буткевичемъ. Очевидно—это не копія съ официального документа, а самостоятельная записка, для кого то составленная, можетъ быть въ виду того дѣла, о которомъ въ предыдущемъ письмѣ упоминаетъ Дибичъ.

V.

Получень 7 Октября 1790 г.

Копія.

*Превосходительному господину генераль-майору Серію Алексевичу
Булакову*

*Рапортъ *)*

Минувшаго Сентября 30 числа донесъ я Его Сіятельству господину генераль-поручику командующему Кавказскимъ корпусомъ и разныхъ орденовъ кавалеру графу Антону Богдановичу Дебалмену, что помощію Божіею и храбростію Ея Императорскаго Величества войскъ турецкій Баталь-паша совершенно разбитъ; весь его лагерь и

*) Внизу примѣчаніе: „Подлинной отправленъ къ свѣтлѣйшему князю Октября 8 дня.“ —

тридцать пушекъ и самъ онъ въ нашихъ рукахъ. Одержаніе побѣды и истребленія столь сильнаго и важнаго для здѣшной границы непріятеля я на себя взять не могу: мнѣ помощниковъ и усердныхъ слугъ много было, какъ изъ слѣдующаго описанія моихъ движеній и послѣдовавшаго сраженія съ непріятелемъ 30 Сентября Ваше Превосходительство ясяѣ увидѣть изволите.—20 числа Сентября, бывши увѣдомленъ объ точномъ приближеніи непріятеля, идущаго въ горахъ отъ Лабы къ Кубану, съ вѣренными мнѣ войсками шелъ форсированнымъ маршемъ отъ пѣшаго брода на Кумъ къ Кубани; 23 числа издалека слышны были непріятельскіе сигнальные выстрѣлы для горскихъ народовъ и по примѣчанію изъ большихъ орудіевъ; 25-го Баталь-паша прибылъ, по заключенію его выстрѣловъ, на рѣку Малый Зеленчугъ версть около тридцати отъ моего лагеря и для точнаго узнанія отправилъ я отборныхъ трехъ казаковъ, которые подкрались до самаго его стана, и чрезъ ихъ узналъ я, что онъ на самомъ Зеленчугѣ стоитъ на моей переправѣ, имѣя дефилеи и каменные горы въ рукахъ и свой путь къ Кубану свободной. 26-е число прошло съ обѣихъ сторонъ другъ друга разсматривать; 27 числа его передовые войски показались на Кубанѣ около называемаго Каменнаго брода версть двадцать семь отъ моего лагеря; останова тяжелый свой обозъ на самомъ берегу Кубана съ прибытіемъ въ вагенбургъ¹⁾ шелъ ему навстрѣчу по рѣчкѣ Подпаклѣ, чтобъ удержать горы Тахтамыскіе и ему запереть путь въ Кабарду, куда его стремленіе было.—28-го Баталь-паша повидимому со всѣми войсками перебрался на сію сторону, и я приближался ему; 29-го вверхъ по той рѣчкѣ, переправясь оную и сталъ версть около пятнадцати отъ непріятельскаго лагеря; 30-го шелъ я съ войсками мнѣ вѣренными, надѣясь на помощь Божію, атаковать укрѣпленной его лагерь; шелъ я въ пяти колонахъ, и сколь скоро тронулся отъ своего мѣста, фланкеры изо всѣхъ сторонъ немедленно меня увѣдомили, что большіе и частые толпы черкесской и горской кавалеріи изъ ущелинъ и лѣсовъ идутъ навстрѣчу и только было время всѣхъ фланкировъ и казаковъ подъ общую команду *Астраханскаго драгунскаго полка секундъ-майора князя Арбеліонова*²⁾ соединить, которому я приказалъ поспѣшно занять высоту надъ Тахтамысомъ, какъ уже перепалка началась.— *Правая колонна кавалеріи* подъ командою господина полковника *Буткевича* и *лѣвая* подъ командою господина полковника *Муханова* скоро поспѣшали на гору, и тѣмъ самымъ дали время пѣхотѣ и артиллеріи

¹⁾ Вагенбургъ—обозъ, буквально—городъ изъ повозокъ. См. Энцикл. лексиконъ Плюшара, 1837, т. 8, стр. 24—25.

²⁾ Орбеліани.

подойти, Господинъ бригадиръ и кавалеръ *Матценъ* съ среднею отмѣнно поспѣшалъ на гору, также и егерская колонна подъ командою господина бригадира барона *Бервица* скоро подоспѣла; въ сіе время турецкая пѣхота, идя весьма поспѣшно изъ своего лагеря, подъ предводительствомъ аджи *Мустафы-паши* къ соединенію *Горскимъ народамъ*, почти на мѣсто сраженія поспѣла съ нами вмѣстѣ; и едва выстроились колонны, что сильная пушечная пальба уже открылась изъ обѣихъ сторонъ. Артилеріи господинъ маіоръ *Афросимовъ* немедленно устроилъ свои батареи, и сей искусной и неустрашимой офицеръ столь удачно огонь свой произвелъ, что послѣ полчаса сбиль непріятельскія батареи на правомъ его флангѣ; между тѣмъ, что сіе происходило; *Черкесы* и горскіе народы стремились взять у меня тыль, но г-нъ полковникъ *Буткевичъ* съ своею бригадою далъ симъ сильной и храброй отпоръ и обратилъ ихъ въ бѣгъ и къ тому способствовалъ весьма съ своими резервами господинъ бригадиръ и кавалеръ *Матценъ*, оного полку секундъ-маіоръ *Штейшель* и артилеріи *подпоручики Уваровъ* и *Мауринъ*, подвезя съ отмѣнною скоростію орудія, гдѣ надобно было. Донской полковникъ *Луковкинъ* съ казаками также не мало въ томъ имѣлъ участіе. Въ это время отрядилъ я съ праваго фланга колонну егерскую подъ командою господина бригадира *Бервица* на непріятельскій лѣвый; на которой такъ жестоко наступилъ, хотя непріятель съ своимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ сильно противился и какъ въ самомъ томъ времени поспѣшилъ къ егерямъ господинъ полковникъ *Мухановъ* съ *Астраханскимъ полкомъ* имѣлъ жестокое сраженіе съ Турками и Черкесами, врубился въ турецкую пѣхоту и купно дѣйствовалъ съ егерскою командою, пушки были и лѣвой флангъ непріятельской сбить; съ лѣваго нашего фланга колонна пѣхотная господина полковника *Чемоданова* подошла къ правой непріятельской и непріятельскія пушки были оставлены; середняя сошла съ горы, войски въ великомъ восторгѣ закричали—ура!—и всѣ непріятельскія силы разсыпались. Непріятель былъ преслѣдованъ вплоть до его лагеря, и хотя возможно бы было многихъ взять въ плѣнъ живыхъ, но рѣдко кто спасся и удержать войско безъ истребленія бѣгущаго непріятели средствъ не было. Сойдя съ горы, собралъ я войски въ разные мѣста преслѣдовавшихъ непріятели и шелъ къ его лагерю; зайдя съ праваго его фланга, навстрѣчу вышли верстъ около двухъ отъ лагеря толпы *Черкесовъ*, но скоро были прогнаны фланкерами, при которомъ случаѣ отличили себя весьма *Ростовскаго карабинернаго* полка ротмистръ *Шрейдеръ* и былъ раненъ, а примѣтя волненіе въ турецкомъ лагерѣ пробирающихся чрезъ рѣку на той сторонѣ Турковъ, послалъ я подъ командою г-на полковника *Буткевича* всю свою кавалерію прямо въ

лагерь съ подкрѣпленіемъ пѣхоты, и предводитель турецкой *Баталь-паша*, видя совершенную свою погибель, выѣхалъ съ своею свитою навстрѣчу къ нему и отдался въ плѣнъ, и весь его лагерь съ довольными разными воинскими и другими припасами и немалою добычею остался въ рукахъ нашихъ. Сія совершенно одержана побѣда съ весьма малымъ урономъ отъ нашей стороны и состоятъ въ одномъ оберъ-офицерѣ, въ одномъ старшинѣ и двадцати шести человекѣхъ нижнихъ чиновъ убитыхъ, и раненыхъ одномъ оберъ-офицерѣ и во стѣ четырнадцати человекѣхъ нижнихъ же чиновъ. Успѣлъ я занять самую высоту и непріятель принужденъ былъ истреблять снизу все на елевацию, и ядра его или не долетали или чрезъ насъ шли, а какъ огнемъ господина артилерія майора батареи непріятельскіе сбиты были, колонны вдругъ шли на его и отъ страху всѣ побѣжали. Непріятельской уронъ весьма великъ на мѣстѣ сраженія, гдѣ убитъ *аджи Мустафа-паша* и по полямъ вплоть до его лагеря болѣ тысячи убитыхъ лежало, много найдено по надъ Кубаномъ и много въ той рѣкѣ потонули, и ежели бы не ночь достигла и можно бы было тотъ часъ непріятеля преслѣдовать; рѣдко, кто бы спаслися могъ; на другое утро отправлено съ оберъ-квартирмейстеромъ *Штедеромъ* четыре эскадрона Астраханскаго полку и двѣсти казаковъ. За Кубаномъ онъ доѣхалъ до Большого Зеленчуга и кромѣ брошенныхъ, слабыхъ и умирающихъ по дорогѣ Турковъ до трехсотъ, никого не видалъ, иные были задавлены уповательно самими горскими народами и всѣ ограблены; и сами плѣнные турки увѣряютъ: изъ остальныхъ мало кто дойдетъ до *Анаты*.—Турецкой корпусъ состоялъ около *осми тысячъ пѣхоты и до десяти тысячъ Турецкой конницы*: закубанскихъ и здѣшнихъ Черкесовъ и разныхъ другихъ горскихъ народовъ было сколько Баталь-паша самъ знаетъ—до *десяти тысячъ конницы*.—Онъ съ собою везъ мортиру походную двухпудовую, артаульныхъ единороговъ два, полукартаульныхъ и мелкихъ единороговъ съ довольномъ числомъ бомбъ и чиненныхъ ядеръ, и изъ его пушекъ ни одной нѣтъ малого калибра, сверхъ того болѣ ста бочекъ пороха взято мною, свинца и разные шанцовые инструменты. Корпусъ Россійской состоялъ въ *трехъ тысячахъ съ небольшимъ человекъ*, имѣлъ при себѣ *осмнадцать орудіевъ*. Я не могу Вашему Превосходительству довольно описать ревность и усердіе, оказанныхъ въ этотъ день, господъ колонныхъ начальниковъ и всѣхъ частныхъ командировъ, и я за долгъ считаю ихъ чрезъ посредство Вашего Превосходительства одобрить вышнему начальству—*Секундъ майоръ князь Арбеліановъ*, командующей моимъ авангардомъ донской полковникъ *Луковкинъ*, капитаны *Деконской*, *Трейденъ*, поручикъ *Пищевичъ*. При занятіи высоты въ виду уже поспѣшно идущаго непріятеля на встрѣчу

отмѣнно показаль ревность и усердіе и во время сраженія съ авангардомъ употребляемъ былъ съ немалою пользою вездѣ, гдѣ только нужда потребовала. Отмѣнную похвалу заслужили всеъ господа колонныя начальники, баталионныя командиры, подполковники *Мансуровъ* и *Сенинбергъ*, артилеріи маіоръ *Афросимовъ* и оберъ-квартирмистръ *Штедеръ*, послѣдній до сраженія еще обще съ маіоромъ *Арбеліановымъ* съ полковникомъ *Луковкинымъ* и капитанами *Деконскимъ*, *Трейденомъ* употребленъ былъ въ весьма опасныя посылки для открытія непріятеля; при мнѣ правящей дежуръ-маіорскую должность Владимирскаго пѣхотнаго полку аудиторъ *Казариновъ*, который во все время неусыпными трудами и неустрашимостью во время сраженія весьма себя отличаль, и отправляющіе при мнѣ должность адъютантскую того-жъ полку подпорутчики *Эмелъ* и *Шелевской*. Господа частныя начальники весьма одобряють храбрость и поведеніе своихъ подчиненныхъ штабъ и оберъ офицеровъ. Господинъ бригадиръ баронъ *Беершицъ* одобряетъ весьма поведеніе храброй и отличное усердіе третьяго егерскаго баталіона командира господина *подполковника Мансурова*, капитановъ *Поскочина*, *Лебле*, *Телепова*, порутчиковъ *Клюкина*, *Таланова*, подпорутчика *Лутвинова*, адъютанта *Неймана*, 2-го егерскаго подполковника *Сенинберга*, капитановъ *Вялкова*, *Кононова*, *Асеева*, порутчика *Ахлебнина*, подпорутчиковъ *Кононова*, адъютанта *Сенинберга* и бывшаго при немъ за дежурнаго Каргопольскаго карабинернаго полку аудитора *Карабельщикова*; господинъ полковникъ *Чемодановъ* Владимирскаго полку примеръ-маіора¹⁾ *Стеллиха*, капитановъ *Чичачова*²⁾, *Шкапскаго*, подпорутчиковъ *Григорья*, *Никанора Струковыхъ*, адъюданта *Казлова* и бывшаго у него съ фланирами 3-го егерскаго баталіона подпорутчика *Сазонова*, которымъ и отбита одна непріятельская пушка. Господинъ полковникъ *Буткевичъ* Ростовскаго карабинернаго ротмистровъ *Бориса Шрейдера*, *Зевалина*, *Муравьева*, порутчиковъ *Кираулова*, *Вилкинса*, *Сурини*, корнетовъ *Козму* и *Ивана Филатовыхъ*, *Пахомова*, *Саирева* и *Михачева*, Каргопольскаго—ротмистра *Ливена*, порутчиковъ—*Адинца* (Одынца?), *Гудрина*, *Семейцова*, *Коробова*, корнетовъ *Новикова*, *Чернопятова*; господипъ полковникъ *Мухановъ* Астраханскаго драгунскаго подполковника *Разумовскаго*, капитановъ *Егора* и *Евтифья Арсеньевыхъ*, *Трейдена*, порутчиковъ *Куропдова*, *Куликовскаго*, отличившагося отмѣнно и получившаго въ сраженіи рану, *Башкатова* адъютанта *Назарова*, подпорутчика *Тарасова*; господинъ артиллеріи маіоръ *Афросимовъ*—порутчиковъ *Уварова* и *Мауринова*; командующей авангардомъ

¹⁾ Премьеръ-маіоръ.

²⁾ Чичачева.

секундъ-маіоръ князь *Арбеліановъ* Астраханскаго полку капитана *Палехина*, порутчика *Башкатова*, прапорщика *Атаманова* и бывшихъ съ нимъ съ фланирами 2-го егерскаго подпорутчиковъ *Агаркови* и *Григорьева*; донской полковникъ *Луковкинъ* своего полку есаула *Понасова* сотника *Калмыкова*, хорунжего *Клименова* полку Поздѣва сотника *Небыкова*, *Ханженкова*, Волскаго полку подпорутчика *Страшнова* и прапорщика *Тимофеева*; Астраханскаго полку трубачъ *Федоръ Пономаревъ* показалъ скрытую непріятельскую батарею, которою онъ открылъ и казаки полковъ *Луковкина*, *Барыкина*, *Поздпеевъ*, *Стрежеменковъ* отбили знамя и булаву и вообще всѣ нижнія чины отмѣнную показали храбрость и усердіе. За долгъ считаю еще одобрить распоряженіе оберъ-квартирмистра *Тюреникова*, котораго я въ виду непріятеля оставилъ съ Вагинбургомъ для сохраненія онаго съ моей коммуникаціонной линіей, съ линіей и прочими войсками.—

Подлинной подписалъ: Генералъ маіоръ

Иванъ Германъ.

Октября 4-го дня 1790 года.

—Рапортъ ген.-маіора Германа выясняетъ любопытныя подробности дѣйствій экспедиціи графа де-Бальмена, послѣдовавшей за несчастнымъ походомъ Бибикова и предшествовавшей движенію гр. Гудовича на Анапу, которая была взята русскими войсками въ слѣдующемъ 1791 году.—

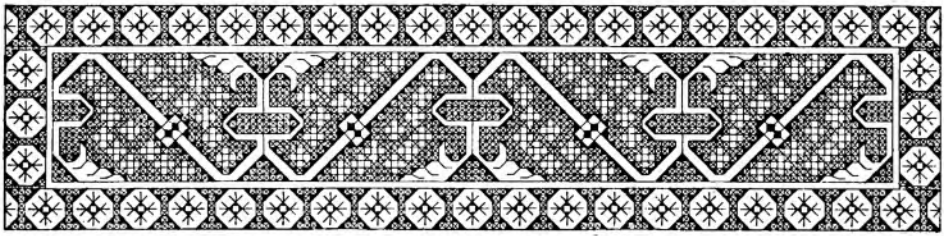
Русскія войска наступали со стороны р. Кумы, на западъ отъ Эссентукъ и вели бой, вѣроятно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоитъ большая станица *Баталташинская* (отъ Баталъ-паши?), указанная на картахъ дорогъ Кавказскаго края 1841 и 1858 гг.—О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ экспедиціи свѣдѣній у насъ не имѣется.

Списокъ героевъ, отличившихся въ бою, примѣчательнъ:—нѣмецъ въ немъ не мало. Примѣчательны и тонкости слога:—одни полковники именуются „господами,“ а другіе (Донцы)—просто полковниками.

О де-Бальменовскомъ походѣ свѣдѣній въ печати, кажется, не было, а то, что можетъ быть, имѣется въ литературѣ военно-исторической, намъ да, вѣроятно, и многимъ изъ читателей,—неизвѣстно.

И. Мордвиновъ.

Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы

(Изъ архива Оренбургской ученой архивной комиссіи).

Письмо московскаго генераль-губернатора, князя Д. В. Голицына, къ оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому.

Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ.

Начинаю извиненіемъ, что по разнообразнымъ моимъ занятіямъ замедлилъ благодарить Ваше Превосходительство за пріятное извѣщеніе Ваше отъ 21-го Сентября, доставившее мнѣ душевное удовольствіе тѣмъ, что надежды и предположенія Ваши относительно освобожденія множества Русскихъ невольниковъ, скорбящихъ въ Хивѣ по утраченной отчизнѣ, приняли нынѣ желаемый оборотъ, и что Ханъ, собравъ плѣнниковъ нашихъ, отправляетъ ихъ въ Оренбургъ съ Бухарскими караванами.

Послѣ сего я остаюсь въ пріятной надеждѣ, что и другое предположеніе Вашего Превосходительства о измѣненіи сношеній нашихъ съ Хивою увѣнчается таковымъ же успѣхомъ: Ваша патріотическая готовность, Ваши непрерывныя попеченія въ краѣ, Вамъ ввѣренномъ, и самая довѣренность къ Вамъ Царя, конечно, заставитъ Хана почувствовать силу Россійскаго Императора.

Если свободное время отъ Вашихъ занятій позволить, то Ваше Превосходительство много бы меня одолжило извѣстіемъ о томъ, какъ велико число Русскихъ плѣнниковъ, изъ Хивы возвращенныхъ*), и

*) Въ 1837 году было возвращено изъ Хивы 25 человекъ русскихъ плѣнныхъ, въ 1839 году—80 человекъ, а въ 1840 году—болѣе 500 человекъ.—С. Н. М.

можно ли надѣяться, что сіе мѣсто не будетъ болѣе рынкомъ для продажи несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ.

Съ чувствами душевнаго уваженія и истинной преданности имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Покорнѣйшій Слуга

Князь Дмитрій Голицынъ.

26 Ноября 1837 года.
Москва.

Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссін, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 73/1).

Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1837 году.

1) Василій Матвѣевъ, сынъ Ильинъ, отъ роду 67 лѣтъ, крестьянинъ помѣщика Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, Сергѣя Васильевича Шереметева, исповѣданія православнаго Грекороссійскаго, подъ судомъ и наказанъ не былъ.

Въ плѣнъ я былъ взятъ 15 Августа 1834 года, на Каспійскомъ морѣ, разстояніемъ отъ Астраханскихъ черней*) верстахъ въ 60, гдѣ я находился для рыболовства на суднѣ одного со мною господина крестьянина Антова Петрова сына Гоняева, вмѣстѣ съ нимъ и еще тремя работниками: Лукьяномъ Ѳоминымъ одного же со мною господина, Яковомъ и Михаиломъ. Эти двое послѣдніе были такъ же крестьяне, но какихъ господъ и какъ звали по отчеству и какъ прозывались, не помню. Плѣнители наши были 6 человекъ Хивинцевъ и 13 человекъ Туркменцевъ, которые по взятіи насъ въ плѣнъ потопили судно и повезли насъ къ Югу отъ Мангишлака, гдѣ приставъ къ берегу, повезли насъ въ аулы, расположенные отъ моря верстахъ въ 10. Въ аулѣ этомъ находились русскіе плѣнники, взятые прежде насъ, а нѣкоторыхъ привезли послѣ насъ, всего же собрано было до 80 человекъ, съ которыми плѣнители наши и другіе товарищи ихъ чрезъ недѣлю повезли насъ по дорогѣ къ Хивѣ, продавая плѣнныхъ выѣзжавшимъ имъ на встрѣчу Хивинцамъ; до города же Хивы довели только меня и Якова. Имень плѣнителей моихъ я не знаю.

*) Т. е. отъ береговъ.—С. Н. М.

Въ Хивѣ меня и Якова продавали на базарѣ три дня, и наконецъ купилъ меня за 25 золотыхъ монетъ Хивинецъ Курбанъ Нязъ-Бай Клычбаевъ, житель мѣстечка Анбара, куда онъ меня и увезъ. Яковъ же остался послѣ меня непроданнымъ и кому онъ достался я не знаю.

У купившаго меня Хивинца жилъ я до самаго освобожденія меня посланцемъ Кабылбаемъ, который меня выкупилъ у хозяина, заплативъ 26 золотыхъ же Хивинскихъ монетъ изъ данныхъ ему отъ Хана денегъ.

2) Иванъ Петровъ Рязановъ, отъ роду имѣю 30 лѣтъ, крестьянинъ помѣщика Пензенской губерніи, Нижне-Домовскаго уѣзда, князя Василя Васильевича Долгорукова, вѣроисповѣданія православнаго Грекороссійскаго, грамотѣ не знаю, подъ судомъ и наказанъ не бывалъ.

Назадъ тому четыре года (весною 1733 года) находясь съ хозяиномъ моимъ Астраханскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Тимоѣевымъ Голубевымъ и тремя товарищами, крестьянами Пензенской же губерніи: Василюмъ Медвѣдевымъ, Игнатіемъ и Климомъ, по прозванію неизвѣстными, для рыболовства на Каспійскомъ морѣ, настигнуты были мы 70-ю человѣками Трухменцевъ, изъ которыхъ помню одного, называемаго Миллякъ, которые, напавъ на насъ и ранивъ меня выстрѣломъ изъ ружья въ правую руку, гдѣ и понынѣ имѣю знакъ, связали насъ и увели въ Тюкъ-Караганскія горы. Проживъ въ горахъ около двухъ мѣсяцевъ, гдѣ занимался паствою (sic) скота, я бѣжалъ, надѣясь спастись въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи, которое тогда основывалось*), но не дошедъ до него за два дня хода, былъ снова схваченъ Киргизами и опять отвезенъ въ горы, откуда въ скоромъ времени былъ проданъ въ Хиву и подаренъ Хану. Бывшій хозяинъ мой Голубевъ былъ проданъ неизвѣстно за какую сумму племяннику Хана Юсуфъ-Беку. Товарищи мои: Василій былъ вмѣстѣ со мною подаренъ Хану; Игнатій находился вмѣстѣ съ Голубевымъ у Юсуфъ-Бека, а о Климѣ ничего не знаю со времени вывоза нашего изъ горъ. Во время четырехъ-лѣтняго плѣну я занимался тяжелыми работами, какъ-то: перевозкою земли, землешествомъ и очищеніемъ дворовъ. Въ Сентябрѣ ~~текущаго~~ (1837) года былъ я освобожденъ приказчикомъ Хана Ходжибаемъ и отведенъ въ гостинный дворъ (въ караванъ-сарай), гдѣ съ 6-ю моими товарищами, находившимися такъ же въ услугахъ Хана, вмѣстѣ со мною освобожденными, находился двѣ недѣли подъ карауломъ и

*) Въ заливѣ Куйдакъ, на урочищѣ Кизиль-Ташъ (красный камень).—С. Н. М.

потомъ былъ отданъ посланцу Кабылеву, который съ караваномъ доставилъ меня сюда (въ Оренбургъ).

Подъ карауломъ насъ содержали для того, чтобы прочіе Русскіе плѣнники не узнали объ отправленіи насъ въ Россію и не могли бы послать съ нами писемъ или дать изустныхъ порученій, почему насъ и вывезли ночью.

3) Константинъ Прововъ Бубновъ, отъ роду 50 лѣтъ, Астраханскій мѣщанинъ, подъ судомъ и въ штрафахъ не бывалъ, исповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотъ читать и писать умѣю.

Въ плѣнъ былъ я взятъ въ 1830 году Сентября 12 числа съ Каспійскаго моря, на которомъ производилъ рыболовство на семисаженой глубинѣ, отъ Гурьева городка дня на полтора ѣзды, вмѣстѣ съ Астраханскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Силантьевымъ (который въ 1834 году въ плѣну померъ) бывшими у насъ рабочими людьми: Астраханскими же мѣщанами — 1) Архипомъ Григорьевымъ, 2) Алексѣемъ Григорьевымъ Коробовымъ, 3) Иваномъ Григорьевымъ Булыгинимъ, 4) Саратовскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Григорьевымъ Масловымъ и крестьянами помѣщичьими — 5) Сергѣемъ Алексѣевымъ, 6) Михаиломъ Михѣевымъ, 7) Егоромъ Степановымъ и 8) Терентьемъ Егоровымъ.

Плѣнители наши были Киргизы (неизвѣстно какого рода) 60 человекъ, напавшіе на насъ ночью въ трехъ лодкахъ и при защитѣ нашей отъ нихъ убившіе изъ насъ тогда же Терентья Егорова. По захватѣ насъ хищники, судно наше привели на мель, сожгли, а находившуюся на ономъ наловленную рыбу 2300 севрюгъ и приготовленную икру 110 пудовъ, клею 3 пуда 10 фунтовъ, такъ же рыболовныя снасти бросили въ море, а съѣстные запасы взяли себѣ и привезли насъ въ свои аулы, бывшіе на Трухменскомъ кряжѣ *) и тамъ раздѣлили. Я достался Киргизу Амамбаю, который продержавъ меня у себя 42 дня, отвезъ въ городъ Гурлянь и продалъ Хивинцу Тюлебаю за 40 хивинскихъ червонцевъ и за 3 халата, а товарищи мои остались у Киргизовъ, изъ коихъ послѣ одного — Архипа Григорьева видѣлъ я въ городѣ Кади, проданнаго Хивинцу, имя коего не знаю, объ Алексѣѣ Григорьевѣ Масловѣ и Михайлѣ Михѣевѣ слышалъ, что они бѣжали въ Бухарію и живутъ тамъ у Хана; прочіе же гдѣ находятся никакого свѣдѣнія не имѣю. У Хивинца Тюлебая я проживалъ все прошедшее время, а нынѣ предъ отправленіемъ сюда (въ Оренбургъ) Хивинскаго

*) Кряжъ — материкъ земли, никогда не заливаемый водой. — С. Н. М.

каравана выкупленъ отъ него посланцемъ Кабылбаемъ на Ханскіе деньги за 25 червонцевъ и приведенъ былъ прямо въ караванъ, сбиравшійся близъ мѣстечка Ташауза, на степи, а на другой день отправились въ путь. При отпускѣ меня Хивинецъ Тюлебай отобралъ бывшія у меня въ должныхъ мнѣ нѣкоторыми Хивинцами деньгахъ росписки всего на 31 червонецъ.

4) Василій Ѳедоровъ, сынъ Ивановъ, отъ роду, полагаю я, должно быть мнѣ 120 лѣтъ, настояще же не припомню, крестьянинъ Полковника Василя Ивановича Буренина, Уральскаго казачьяго войска, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго старо-обрядческаго, подъ судомъ не былъ, грамотъ читать и писать умѣю.

Плѣненъ я Киргизами, назадъ тому 15 лѣтъ, за 3 дня до Рождества Христова, во время бытности моей на рѣчкѣ Ямбулатовкѣ, противъ Генварцевскаго форпоста¹⁾ табуномъ лошадей, принадлежащихъ казакамъ и господину моему. Табунъ этотъ также весь угнать былъ хищниками.

По плѣненіи, въ девятый день, былъ я привезенъ въ отдаленныя отъ линіи мѣста, гдѣ были только двѣ Киргизскія кибитки, принадлежащія плѣнителямъ, и проживалъ здѣсь. Вскорѣ за симъ былъ привезенъ туда же плѣненный киргизами Казачій Офицеръ—Иванъ Васильевичъ Подуроръ, Оренбургскаго Казачьяго войска. Этотъ чиновникъ мѣсяца черезъ два куда то былъ отправленъ, а я послѣ него былъ проданъ торговавшему въ Киргизахъ Хивинцу Досъ-Тазику за 104 барана.

Досъ-Тазикъ увезъ меня въ городъ Гурлянъ, въ коемъ я все проживалъ. Лѣтъ семь назадъ тому я лишился зрѣнія и изъ сожалѣнія былъ выкупленъ отъ Досъ-Тазика на волю за три золотыя монеты плѣнникомъ Кузьмой Глѣбовымъ Шмелевымъ, Астраханскимъ, проживая остальное время у этого Шмелева.

Напослѣдокъ, по позволенію будто Хана, Шмелевъ, отправляясь въ Россію вмѣстѣ съ посланцемъ Кабылбаемъ, взялъ и меня съ собою и такимъ образомъ я пріѣхалъ сюда (въ Оренбургъ).

Этотъ Шмелевъ теперь здѣсь.

(Архивъ Оренбургской уч. комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 52—53).

*

¹⁾ Такъ назывались прежде передовыя казачьи станицы, представлявшія собою родъ маленькихъ военныхъ укрѣпленій.—С. Н. М.

5) Козьма Глѣбовъ Шмелевъ, 53 лѣтъ, крестьянинъ Графа Дмитрія Александровича Зубова, жительствовалъ Астраханской губерніи, Черноярскаго уѣзда, въ селѣ, называемомъ Поды, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, въ штрафахъ и подѣ судомъ не бывалъ, грамотѣ не знаю.

Въ плѣнъ взятъ въ которомъ году—не помню, а только знаю что назадъ тому 36 лѣтъ весною, съ Каспійскаго моря, гдѣ производилъ я рыболовство, будучи по найму въ работникахъ. Хозяинъ мой былъ Астраханскій мѣщанинъ Ефимъ Павловъ, съ нами было, кромѣ меня, еще два работника: 1) Иванъ, 1) Григорій, по прозваніямъ и какого званія—не знаю.

Плѣнители наши были Киргизы Черкесскаго рода, 90 человекъ, подѣ предводительствомъ батыря¹⁾ Сенгирбая Караджиштова. Они напали на насъ во время ночи въ весьма недалнемъ разстояніи отъ казеннаго судна²⁾, на которомъ находились 12 человекъ матросовъ, которые, однако, вѣроятно, всѣ спали. По взятіи они привезли насъ на берегъ, въ это время хозяинъ нашъ Павловъ бросился въ воду и какъ она была мелка успѣлъ выйти на сказанное судно и спастся отъ плѣненія, насъ же троихъ раздѣлили: я достался помянутому батырю Сенгирбаю, а прочіе къ кому угодили, не знаю. Пробывъ у него съ мѣсяцъ, былъ я проданъ пріѣзжавшему въ аулы ихъ для торговли Хивинцу Мятъ-Назару Апану за 150 барановъ. Этотъ Хивинецъ привезъ меня въ городъ Урганычъ и продалъ Хивинцу же Муминбаю Латифову за 55 золотыхъ Хивинскихъ монетъ. Проживъ у сего Хивинца въ неволѣ 19 лѣтъ, потомъ откупился я отъ него на волю, заплатя за это 75 золотыхъ монетъ и съ тѣхъ поръ находился уже на свободѣ, проживалъ въ городѣ Гурлянѣ и занимался дѣланіемъ и продажею сундуковъ. Женатъ на дочери плѣнника Антропа Андреева Плотникова (когорый также нынѣ освобожденъ) по имени Давлетѣ, родившейся въ Хивѣ и не крещеной, отъ который имѣю дѣтей: дочь трехъ лѣтъ и сына одного года.

Нынѣ, предѣ отправленіемъ изъ Хивы въ Россію каравана, прибыли ко мнѣ отъ Хивинскаго посланца Кабылбая люди и меня, тестя моего—вышеозначеннаго Плотникова и крестьянина Полковника Бу-

¹⁾ Батырь—киргизскій партизанъ.—С. Н. М.

²⁾ Казенное судно отправлялось на Каспійское море для охраны рыболововъ, но, какъ видно, не всегда удовлетворяло своей цѣли.—С. Н. М.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссін, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 59—60).

ренина—Василія Иванова, которыхъ, по старости ихъ лѣтъ, пропиты-валъ я, взяли и доставили въ караванъ, который находился уже въ дорогѣ. Жена же моя и дѣти оставлены тамъ, хотя я и просилъ посланныхъ о взятіи ихъ вмѣстѣ со мною, но они не уважили этого. Взятыхъ со мною двухъ товарищей видѣлъ я въ Хивѣ у разныхъ хозяевъ, которые на послѣдокъ оба тамъ померли.

6) Козьма Ивановъ Лосевъ, 33 лѣтъ, матросъ 45 флотскаго экипажа, въ службу Его Императорскаго Величества вступилъ 1825 года Апрѣля 16 дня изъ крестьянъ помѣщика Ивана Агарева, Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда, села Траскина, вѣроисповѣданія Греко-россійскаго православнаго, въ штрафахъ и подь судомъ не былъ.

Въ плѣнъ взятъ въ Іюнь мѣсяцѣ 1836 года съ Каспійскаго моря, гдѣ находился съ лейтенантомъ Гусевымъ, 12 матросами, однимъ Квартирмейстеромъ и однимъ конониромъ, для охраненія рыбопромышленниковъ, Киргизами Адайскаго (Адаевского) рода, бывшими въ большомъ количествѣ, при чемъ одинъ матросъ Василій Полунивъ убитъ.

По плѣненіи всѣхъ насъ раздѣлили, я достался на часть одного Киргиза, имя коего—не знаю, который вскорѣ продалъ меня вмѣстѣ съ однимъ Русскимъ же плѣнникомъ, крестьяниномъ Князя Юсупова, Петромъ Соколовымъ, Трухменцу Худайназару, по отчеству неизвѣстному. Трухменецъ этотъ привезъ насъ въ Хиву, гдѣ товарища моего продалъ неизвѣстно кому, а меня отдалъ Хану безъ платы, у котораго и находился я до самаго отправленія меня съ караваномъ въ Россію, которое послѣдовало слѣдующимъ образомъ: въ одинъ день, во время нахождения моего въ числѣ 12 человекъ на работѣ, пріѣхалъ къ намъ Диванъ-Беги Бекъ-Ниязъ и изъ насъ 6 человекъ, какъ-то: 1) меня, 2) Ивана Петрова, 3) Ивана Тимофеева, 4) Василія Игнатьева, 5) Микифора Борисова и 6) сына его Григорія взявъ, приказалъ привести въ караванъ-сарай, въ которомъ и держали насъ 14 дней. Сюда привезенъ былъ на другой день еще одинъ плѣнникъ Илья Ѳедоровъ. Во время нахождения нашего въ Караванъ-сарай никого изъ плѣнниковъ къ намъ не допускали для того, чтобы другіе Русскіе плѣнники не узнали объ отправленіи насъ въ Россію и не могли бы послать съ нами писемъ или дать изустныхъ порученій, почему насъ и вывели оттуда ночью на 15 день и доставили въ караванъ, въ которомъ до отхода находились мы 8 дней. Денегъ и

ничего у меня отобрано не было, кромѣ того, что небольшое мое имущество осталось въ Ханскомъ домѣ.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссiи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 44—45)

*

7) Василій Астафьевъ Коптягинъ, отъ роду имѣю 82 года, Казакъ Оренбургскаго Казачьяго войска, Чебаркульской станицы, состоящей въ Челябинскомъ уѣздѣ¹⁾; подъ судомъ и въ штрафахъ не бывалъ, исповѣданія православнаго Грекороссійскаго, въ службу Его Императорскаго Величества вступилъ въ которомъ году—не знаю, но только помню, что въ тотъ самый годъ, въ который попался въ плѣнъ; грамотъ не умѣю.

Въ плѣнъ взятъ я назадъ тому 55 лѣтъ (а какого мѣсяца и числа—это мнѣ неизвѣстно) во время осени, съ Оренбургской линiи отъ отряда Орловскаго, гдѣ находился я въ лѣтней линейной службѣ на маякѣ²⁾, отстоявшемъ верстахъ въ трехъ отъ этого отряда. Вмѣстѣ со мною плѣнены были тогда одной со мной станицы Казакъ Алексѣй Максимовъ, одинъ гарнизонный солдатъ, имя и прозванiе коего не знаю, и 5 человекъ Башкирцевъ.

Плѣнители наши были Киргизы, какъ припомню, Серкечева рода, до 300 человекъ подъ предводительствомъ батыря Алибая, но по именамъ изъ нихъ никого не знаю. Когда вывезли они насъ за границу³⁾, то на другой день Башкирцевъ отпустили обратно, отобравъ у нихъ лошадей и одежду, а солдатъ, будучи одержимъ болѣзнію, померъ. Меня же съ Максимовымъ на третій день Киргизы раздѣлили между собою, я достался по раздѣлу помянутому батырю Алибаю, а Максимовъ къ кому угодилъ—не знаю, и съ тѣхъ поръ я его никогда не видалъ и ничего объ немъ не слыхалъ. Алибай отвезъ меня Хивинскаго владѣнiя въ городъ Гурлянъ и продалъ тамъ Хивинцу Ирнаргаръ-баю за 50 червонцевъ, у коего находился я 30 лѣтъ. По смерти же онаго, сынъ его продалъ меня въ этомъ же самомъ городѣ Хивинцу Сейтъ-Ниязу за 50 же червонцевъ. У сего послѣдняго жилъ я до нынѣ. Когда

¹⁾ Оренбургской губерніи,—С. Н. М.

²⁾ Маяками назывались прежде казачьи сторожевыя вышки, которыя устраивались обычно изъ трехъ или четырехъ столбовъ съ помостомъ и длиннымъ шестомъ обвитымъ соломой, зажигавшейся, когда угрожала опасность. Но и онѣ, какъ видно, не всегда удовлетворяли своей цѣли.—С. Н. М.

³⁾ Т. е. за Оренбургскую линiю.—С. Н. М.

Хивинскій посланецъ Кабылбай собирався отправиться въ Россію, то меня отъ означеннаго Сеитъ-Ніза выкупилъ за полтора червонца Хивинецъ, по имени Куйбакъ и представилъ къ Кабылбаю на дорогъ, когда онъ отправился изъ Хивы. Выкупъ этотъ учинилъ онъ, какъ я слышалъ, по той причинѣ, что задержаны здѣсь—въ Оренбургъ—два брата его, по именамъ мнѣ неизвѣстные, за которыхъ онъ долженъ былъ отдать Кабылбаю находящагося у него, Куйбака, Русскаго плѣнника—Господскаго человѣка молодыхъ лѣтъ, по имени Андрея Михайлова, но онъ удержалъ его у себя. Такимъ образомъ упомянутымъ посланцемъ Кабылбаемъ въ числѣ прочихъ привезенъ я сюда—въ Оренбургъ.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 45—47).

*

8) Яковъ Матвѣевъ Соколовскій, отъ роду 60 лѣтъ, изъ Поляковъ бѣжалъ изъ Польши (въ которомъ году не знаю, но будетъ теперь ¹⁾ этому лѣтъ 35) въ Россію въ городъ Ковно, а отсюда за неимѣніе вида отосланъ былъ въ Оренбургскую губернію и поселенъ на жительство въ крѣпости Орской. Вѣроисповѣданія Римско-Католическаго, подъ судомъ не бывалъ, грамотъ не знаю.

Проживъ въ Орской крѣпости мѣсяца два, былъ я плѣненъ Киргизами во время купанія на рѣкѣ Уралѣ и увезенъ въ Хивинское владѣніе въ городъ Гурлянъ. Именъ плѣнителей - Киргизовъ я не знаю. Въ Гурлянѣ былъ проданъ я какому то богатому человѣку Сурману-Катагану (вѣроятно, Хивинцу) за 40 золотыхъ монетъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ Сурманъ Катаганъ померъ и я достался дѣтямъ его Ядряту и Мадряну. Назадъ же тому 12 лѣтъ откупился я отъ нихъ, заплативъ 40 золотыхъ монетъ и жилъ на волѣ. Имѣлъ я тамъ жену Хивинку Жіолу, съ которою прижилъ двухъ дочерей: Койкулу и Давлюту. Напоследокъ взяли меня какіе то Хивинцы и привели къ посланцу Кабылбаю, которымъ я привезенъ сюда вмѣстѣ съ другими плѣнниками ²⁾. Жена же и дочери остались тамъ ³⁾.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 58—59).

¹⁾ Т. е. въ 1837 году.—С. Н. М.

²⁾ Полный списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1837 году см. въ Русскомъ Архивѣ 1915 года, № 1, стр. 31—33.—С. Н. М.

³⁾ Плѣнникъ этотъ, будучи боленъ, объясняется весьма худо и потому подробнѣ сего показать ничего не могъ. *Примѣчаніе подлинника.*

**Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы
въ 1839 году.**

1) Зовутъ меня Васильемъ Борисовымъ, сынъ Громовъ, отъ роду мнѣ 42 года, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, Тамбовской губерніи, города Шацка однодворецъ, жителство имѣю близъ означеннаго города въ Стрѣлецкой слободѣ, грамотѣ не знаю.

Въ плѣнъ взятъ я въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1839 года) съ Каспійскаго моря, близъ Тюленьихъ острововъ, гдѣ находился для рыболовства, по найму Астраханскаго мѣщанина Ивана Жидкова. Со мною вмѣстѣ находились тамъ на двухъ кусовыхъ лодкахъ¹⁾ и также плѣнены означенный Жидковъ и 7 человекъ другихъ работниковъ, именно: 1. Филатъ Денисовъ 2. Василій Салувьянскій 3. Василій Михайловъ 4. Дмитрій Громовъ 5. Алексѣй 6. Иванъ, по прозванію неизвѣстные и 7. Иванъ Аванасьевъ, отставной солдатъ, а прочіе изъ какого сословія, я не знаю. Изъ этихъ людей Денисовъ, Салувьянскій и Михайловъ прибыли нынѣ вмѣстѣ со мною сюда, а послѣдніе остались въ Хивѣ. При нападеніи на насъ ночью разбойниковъ, коихъ было до 50 человекъ, хотя мы и не спали, но сопротивленія противу нихъ не дѣлали, потому что, при пріѣздѣ ихъ къ намъ, мы сочли ихъ за рыбопромышленниковъ. Плѣнителей по именамъ ни одного я не знаю, но только были они Киргизы и Туркменцы. По взятіи, хищники привезли насъ на берегъ къ Тюкь-Караганскому заливу, въ свои кочевья, гдѣ раздѣлили насъ. Я достался одному киргизу, который вскорѣ продалъ меня Хивинцу по имени неизвѣстному. Этимъ Хивинцемъ и другими его товарищами, которыхъ тамъ²⁾ было весьма много, вѣроятно, для покупки плѣнниковъ, отвезенъ я въ числѣ 29 человекъ Русскихъ, захваченныхъ на морѣ жъ, въ Хиву, гдѣ Ханъ взялъ всѣхъ насъ къ себѣ. Черезъ 12 дней отослалъ онъ насъ въ мѣстечко Ташаузъ, гдѣ находились мы 40 дней и съ недѣлю занимались жатвою хлѣба, принадлежащаго Диванъ-Бегію Бекъ-Ніязу, а болѣе ничего не дѣлали. Назадъ же тому дней 45 привезли къ намъ въ Ташаузъ еще Русскихъ плѣнниковъ (51 человекъ) и всѣхъ вмѣстѣ, при двухъ Хивинцахъ—Ишбаѣ и Сеитѣ и вожакѣ Киргизѣ Ніязѣ, отправили въ Россію. Предъ отправленіемъ выдали намъ, 32 чело-

¹⁾ По словамъ Мельникова-Печерскаго, кусовая лодка—большая ловецкая лодка, рано выходящая на морской промыселъ.—С. Н. М.

²⁾ Т. е. въ киргизскихъ кочевьяхъ.—С. Н. М.

вѣкамъ, плѣненнымъ нынѣ весною, по одному бумажному халату, по одной парѣ сапоговъ, по одной парѣ рубахъ съ подштанниками, по пуду муки и по пуду пшеницы, смолотой на крупу.

Дорогою, во время слѣдованія въ Россію, Хивинцы обходились съ нами весьма хорошо. Ъхали мы 32 дня на верблюдахъ, которыхъ дано было намъ на двухъ человѣкъ по одному; какими мѣстами ѣхали, я не знаю. Подножный кормъ былъ дорогою хорошъ. Во время пути былъ дождь только одинъ разъ.

При плѣненіи насъ было ограблено собственнаго моего имущества: одинъ овчинный тулупъ въ 14 рублей, одинъ кафтанъ верблюжей шерсти въ 17 рублей, одна пара сапоговъ въ 9 рублей, двѣ пары рубахъ съ подштанниками въ 10 рублей и шапка въ 60 копѣекъ.

Болѣе этого я ничего не знаю, и о намѣреніи и дѣйствіяхъ Хивинскаго Хана не слыхалъ, потому что не находился на свободѣ. Объявивъ сіе справедливо, въ томъ, по безграмотству, дозволяю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года. стр. 27--28).

*

2) Зовутъ меня Филатомъ, Денисовъ, сынъ Митрофановъ, отъ роду имѣю 26 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, крестьянинъ Графини Головкиной, жительство Московскои губерніи, Коломенскаго уѣзда, въ селѣ Сѣверскомъ, грамотѣ не знаю.

На счетъ плѣненія моего и освобожденія показываю во всемъ согласно съ плѣнникомъ Василиемъ Громовымъ¹⁾, потому что въ плѣнъ взятъ былъ я вмѣстѣ съ нимъ. При чемъ присовокупляю, что при плѣненіи меня ограблены хищниками вещи: одинъ тулупъ въ 18 рублей, одинъ полушубокъ въ 17 рублей, одна пара сапоговъ въ 6 рублей, три рубахи и четверо подштанниковъ въ 12 рублей. Въ чемъ, по незнанію грамоты, довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургскои уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 28—29).

*

¹⁾ См. предшествующее показаніе.—С. Н. М.

3) Александромъ меня зовутъ, Логиновъ, сынъ Скворцовъ, отъ роду 48 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотъ не знаю, рабочій вѣдомства Илецкаго Солянаго Правленія, жителство до плѣненія имѣлъ въ крѣпости Илецкой Защитѣ¹⁾.

Въ 1821 году посланъ я былъ изъ крѣпости Илецкой Защиты Чиновникомъ Гавриломъ Ивановичемъ (чей же онъ по прозванію—я позабылъ) на находившуюся на рѣчкѣ Черной, близъ Чесноковскаго отряда, казенную мельницу, для распилки лѣса, съ однимъ товарищемъ вѣдомства того же Правленія—Иваномъ Семенчукомъ. Не доѣзжая туда версты три, нападшими на насъ неизвѣстными Киргизами 6 человекъ взяты были въ плѣнъ. По плѣненіи они насъ раздѣлили между собою. Я достался одному Киргизу, имя котораго не знаю, который, не останавливаясь ни въ какихъ аулахъ, прямо отвезъ меня Хивинскаго владѣнія въ городъ Гурлянъ и продалъ тамъ за 65 золотыхъ, на базарѣ, Диванъ-Бегію Бекъ-Ніязу, а сей послѣдній увезъ меня въ городъ Хиву, гдѣ я находился у него все время, занимаясь работою. Въ продолженіе сего времени я сдѣлалъ было одинъ разъ побѣгъ, но былъ пойманъ и жестоко наказанъ. Товарища же моего я въ Хивѣ не видалъ, но встрѣтилъ его уже здѣсь²⁾, онъ объявилъ мнѣ, что убѣждалъ отъ Киргизовъ, спустя мѣсяць послѣ плѣненія. Въ первыхъ числахъ Іюня сего (1839) года хозяинъ мой Бекъ-Ніязъ приказалъ мнѣ идти въ мѣстечко Ташаузъ, по прибытіи куда, увидалъ я плѣнниковъ, доставленныхъ сюда вмѣстѣ со мною, съ коими чрезъ нѣсколько времени отправленъ былъ въ Россію. Далѣе о слѣдованіи въ Россію показалъ согласно съ тѣми плѣнниками. Слухи о выступленіи Россійскихъ войскъ въ Хиву дошли, но Хивинскій Ханъ, какъ я слышалъ, не вѣритъ, надѣясь на Бога и на то, что Русскіе Цари никогда не поднимаютъ на Хивинское Ханство своего оружія, и поэтому не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго. При отправленіи насъ въ Россію, Диванъ-Бегій Бекъ-Ніязъ говорилъ Хивинцу Ишбаю при всѣхъ плѣнникахъ, чтобы онъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ попросилъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора³⁾ отъ имени Хана объ освобожденіи хотя человекъ 20 изъ задержанныхъ здѣсь Хивинскихъ купцовъ⁴⁾ и чтобы за остальными плѣнниками послали въ Хиву Русскаго Чиновника. Тогда Ханъ будто отдастъ не только что старыхъ плѣнниковъ, но даже и

¹⁾ Оренбургской губерніи. С. Н. М.

²⁾ Т. е. въ Оренбургѣ.—С. Н. М.

³⁾ Т. е. Василія Алексѣевича Перовскаго.—С. Н. М.

⁴⁾ Хивинскіе купцы были задержаны въ Оренбургѣ въ Августѣ 1837 года. Въ общій на нихъ ханъ и поспѣшилъ выслать нѣкоторыхъ русскихъ плѣнныхъ.—С. Н. М.

рожденныхъ отъ нихъ дѣтей. Русскихъ плѣнниковъ находится теперь въ Хивѣ до 1000 человекъ. Изъ нихъ я знаю проживающихъ у моего хозяина Бекъ-Ніяза шесть человекъ, именно: Ивана Егорова, Якова и Григорья Щукиныхъ, Александра, Ѳедота, по прозванію неизвѣстныхъ, плѣненныхъ съ Каспійскаго моря, и бѣглаго солдата Ивана, по прозванію также неизвѣстнаго; у средняго брата Бекъ-Ніяза, Бабажана,—трехъ человекъ: Ивана, Ѳедота и Николая, неизвѣстныхъ по прозванію, и у меньшого брата, Арніяза,—двухъ человекъ: Астраханской губерніи мѣщанина Якова и господскаго человека Василья, по отчеству неизвѣстныхъ. У самаго Хана я знаю плѣнника Василья Лаврентьева, который находится при пушкахъ, и, какъ я слышалъ, назадъ тому лѣтъ 30 бѣжалъ изъ Санктъ-Петербурга отъ какого то господина. Въ послѣдній набѣгъ Хивинскаго Хана на Персидскія владѣнія этотъ Василій Лаврентьевъ пожалованъ отъ Хана ножемъ, съ возведеніемъ его въ Махрямское достоинство. Много ли Хивинскій Ханъ можетъ собрать войска—мнѣ настояще неизвѣстно, но полагаю, что наберется у него воиновъ тысячъ 30. Трухменцы и Каракалпаки преданы Хану до времени: слухи носятя, что они ожидаютъ только прибытія Россійскихъ войскъ, и тогда хотятъ всѣ перейти подъ покровительство ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; теперь же сдѣлать это они опасаются Хана. Хивинцы, какъ видно, не расположены начинать войну съ Россією, но желаютъ и даже нѣсколько разъ просили Хана возвратитъ находящихся у нихъ Русскихъ плѣнниковъ. Это же назадъ тому года два предлагалъ Хану и братъ его Инакъ, но когда Ханъ не согласился, то онъ, уѣзжая отъ него въ городъ Азаристъ, гдѣ онъ находится начальникомъ, сказалъ, что когда услышитъ о приближеніи Русскихъ войскъ, то встрѣтитъ ихъ на половинѣ пути, и присоединится къ нимъ, и будетъ дѣйствовать противъ него и съ тѣхъ поръ Инакъ обращается съ Ханомъ не такъ, какъ съ братомъ, но какъ съ непріателемъ. Болѣе этого я ничего не знаю, причемъ присовокупляю, что при плѣненіи меня ограблены у меня хищниками: кафтанъ желтаго сукна въ 15 рублей, сапоги въ 8 рублей, рубаха съ портами въ 9 рублей и деньгами 50 рублей. Что показало справедливо, въ томъ вмѣсто себя довѣряю подписаться.

4) Зовутъ меня Петромъ, Ивановъ, сынъ Литвиновъ, отъ роду мнѣ 38 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, Оренбургскаго войска служащій казакъ, жительство имѣю въ Островной станицѣ Оренбургской линіи, грамотъ не знаю.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1832 года я съ казаками одной со мною станицы: Павломъ и Иваномъ Зайцевыми и Дмитриемъ Васильевымъ поѣхалъ въ Пречистенскую крѣпость для продажи арбузовъ и не доѣзжая урочища, Студенцами называемаго, у рѣки этого же названія, около вечерни остановились мы кормить лошадей. Въ это время напали на насъ Киргизы 12 человекъ—какого рода, отдѣленія и какъ ихъ зовутъ, не знаю—противу коихъ мы сдѣлали было сопротивление, но должны были уступить ихъ силѣ, и они взяли насъ въ плѣнъ. Потомъ, перевезя чрезъ Ураль, раздѣлили насъ; я достался одному Киргизу, по имени мнѣ неизвѣстному, который чрезъ 5 дней продалъ меня другому Киргизу, котораго родъ, отдѣленіе и имя также не знаю. Этотъ Киргизъ вскорѣ отвезъ меня въ Хиву, и на базарѣ продалъ Хивинскому Ходжашмахряму за 49 золотыхъ монетъ.

Означенный Ходжашмахрямъ отправилъ меня на хуторъ его, отстоящій отъ Хивы верстахъ въ 30, гдѣ я находился въ работѣ; только прошлаго года предъ Рождествомъ Христовымъ за отданныя мною ему 65 золотыхъ монетъ уволенъ имъ на свободу,—съ полученіемъ отпускнаго письма за Ханской печатью, которое при семъ представляю,—и до отправленія въ Россію находился на томъ же хуторѣ по своей волѣ. Тамъ же, вмѣстѣ со мною проживалъ у Ходжашмахряма плѣнникъ изъ солдатъ, Никита Балабановъ, прибывшій нынѣ въ числѣ прочихъ сюда (въ Оренбургъ). Побѣговъ отъ хозяина своего я не дѣлалъ и наказанъ ни за что не былъ.

Назадъ тому около двухъ мѣсяцевъ пріѣхалъ къ намъ на хуторъ прикащикъ хозяина нашего, по имени неизвѣстный; и взявъ насъ обоихъ, привезъ къ нему въ домъ. Онъ же, объявивъ намъ, что по волѣ Хана отпущены мы будемъ въ свое отечество, отправилъ въ Ханскій домъ, гдѣ по собраніи подобныхъ намъ плѣнниковъ, всего съ нами 48 человекъ, при двухъ Хивинцахъ, Ишбаѣ и Сеитѣ, и вожакѣ—Киргизѣ Ніязѣ отсланы были мы въ Ташаузъ, а изъ онаго съ присоединенными къ намъ 32 человекъ, взятыми въ плѣнъ весною нынѣшняго года, отправлены мы въ Россію. Далѣе о слѣдованіи по тракту объявляю согласно съ прочими плѣнниками и присовокупляю, что выкупившимся на волю и проживающимъ въ Хивѣ Русскимъ плѣнникамъ возвратиться въ отечество не позволено неизвѣстно почему: точно также и мнѣ по освобожденіи отъ Ходжашмахряма запрещено было уйти куда либо изъ Хивы.

Въ Хивинскомъ владѣніи урожай хлѣба и травъ въ нынѣшнемъ (1839) году довольно хорошъ, но противу прежнихъ лѣтъ хуже; близъ

же самага города Хивы трава большею частію поѣдена червемъ. Трава въ Хивинскомъ владѣніи сама собою не растеть, какъ у насъ въ Росіи, но весною сѣютъ ее.

Болѣе означеннаго я ничего не знаю, потому что постоянно находился на хуторѣ, и ничего не могъ слышать и видѣть; все же означенное объявилъ справедливо, въ чемъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 159-160).

*

5) Зовутъ меня Никитой, Петровъ, сынъ Балабановъ, отъ роду мнѣ 65 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотѣ не знаю.

Въ 1810 году изъ государственныхъ крестьянъ Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, деревни Монаревой по очереди взятъ былъ я въ рекруты и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ на службу Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса въ 3-ю Гренадерскую легкую артиллерійскую роту рядовымъ; потомъ—не припомню въ которомъ году—переименованъ въ Бомбандиры.

Въ 1827 году, во время войны съ Персіею, рота, въ которой я находился, была въ дѣйствиіи подъ городомъ Эриванью, гдѣ находился и я, и въ одно время посланъ былъ съ 6-ю товарищами на рѣчку, называемую Каменною, для кошенія травы. Тутъ пробыли мы дней 10, а потомъ, при разсвѣтѣ дня, напали на насъ Персіяне до 500 человекъ и одного изъ насъ при сопротивленіи убили, а 6 человекъ захватили въ плѣнъ; сверхъ того угнали до 35 артиллерійскихъ лошадей, находившихся на подножномъ корму, и при оныхъ взяли пасшихъ ихъ 2 артиллеристовъ, всего же составилось насъ 8 человекъ.

Плѣненные артиллеристы по именамъ были: 1. Андрей Назаровъ 2. Ѳедоръ Тимошеевъ 3. Демидъ Лукьяновъ 4. Макарь Козловъ 5. Кондратій Селифонтовъ 6. Яковъ Трифоновъ, изъ которыхъ послѣдніе двое, бывши въ Хивѣ, померли, а первые четверо живы у Хана при пушкахъ; послѣднихъ двухъ артиллеристовъ именъ не знаю и они тоже живы и находятся въ Хивѣ при пушкахъ.

По плѣненіи, отправили насъ во внутрь Персіи, потомъ продали Туркменцамъ, а сіи послѣдніе перепродавая изъ рукъ въ руки, наконецъ, весною пригнали насъ въ Хиву и продали разнымъ хозяевамъ: меня купилъ Ходжашмахрямъ за 35 золотыхъ монетъ, а прочихъ кто

именно купилъ, не знаю, но всѣ они вскорѣ поступили къ Хану, и приставлены къ пушкамъ; я же не изъявилъ желанія быть при пушкахъ, хотя и было предлагаемо мнѣ это, потому что отъ этой должности труденъ выходъ въ Россію.

У Ходжашмахрама жилъ я на хуторѣ, отстоящемъ отъ Хивы верстахъ въ 30, и все время употребляемъ былъ тамъ въ работу вмѣстѣ съ казакомъ Оренбургскаго войска Петромъ Литвиновымъ, съ коимъ объявляю далѣе во всемъ согласно. Показавъ все по справедливости, въ томъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ Августа 1839 года, стр. 60-61).

*

6) Степаномъ меня зовутъ, Екимовъ, сынъ Сидоровъ, отъ роду мнѣ 39 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотѣ читать и писать умѣю, государственный крестьянинъ Саратовской губерніи, Царицынскаго уѣзда, Погроменской волости, деревни Чарлено-Разной, жительство имѣлъ въ городѣ Астрахани, гдѣ осталась у меня жена и одинъ сынъ.

Плѣненъ я въ Маѣ мѣсяцѣ 1836 года съ Каспійскаго моря, гдѣ находился для рыболовства; по найму Астраханскаго мѣщанина Оедора Воронова, на кусовой лодкѣ. Насъ было 4 человекъ; я, одной со мной деревни государственный же крестьянинъ Матвѣй Шулеповъ (онъ при плѣненіи убитъ хищниками и брошенъ въ море), государственный крестьянинъ Харьковской губерніи Титъ, по прозванію неизвѣстный, и Петръ, по отцѣ Филипповъ (кто онъ и изъ какой губерніи не знаю). Плѣнители были Туркменцы до 40 человекъ, на 2-хъ кусовыхъ лодкахъ (по именамъ ихъ я не знаю). Они напали на насъ вечеромъ съ двухъ сторонъ такъ, что мы, не имѣя средствъ уйти, начали было стрѣлять въ нихъ, но они подѣхавъ ближе, выстрѣлили изъ нѣсколькихъ ружей и одного, Матвѣя Шулепова, убили, а потомъ, связавъ насъ, увезли съ собою и высадили на берегъ на Архіерейскомъ Калтукѣ. Тутъ они раздѣлили насъ между собою; я съ Петромъ Филипповымъ достался Туркменцу Атаназару, у котораго пробылъ два мѣсяца. Въ продолженіе этого времени товарищъ мой Петръ бѣжалъ отъ хозяина и, какъ я слышалъ, вышелъ въ Астрахань. Атаназаръ отвезъ меня въ Хиву и продалъ Хивинцу Веиспазачи Маряму въ собственность его дома за 43 Хивинскія золотыя монеты. Въ Хивѣ я увидѣлъ и другого товарища своего, Тита, который и теперъ тамъ остался у Хивинца

Авезбая, у котораго находится еще Астраханской губерніи житель Краснаго Яра Семень Васильевъ. Хозяинъ отдалъ меня къ одному мастеру учиться дѣлать телѣги, гдѣ я прожилъ до отправленія въ Россію. Предъ отправленіемъ же хозяинъ, по приказанію Хана, отдалъ меня Диванъ-Бегію Бекніязу, а онъ въ числѣ 30 человекъ Русскихъ же плѣнниковъ отправилъ меня въ мѣстечко Ташаузъ, откуда чрезъ 9 дней отправлены сюда—въ Оренбургъ. На дорогу дали мнѣ только пудъ муки и пудъ же крупы; изъ одежды же ничего не дали. О слѣдованіи дорогою показываю одинаково съ товарищами, вывезенными вмѣстѣ со мною; при томъ присовокупляю, что хозяинъ мой, Хивинецъ Веисъ-Марямъ при отправленіи меня сюда удержалъ принадлежавшаго мнѣ лѣсу караману (для дѣланія телѣгъ) на 90 руб. Плѣнниковъ въ Хивѣ осталось, по словамъ самихъ Хивинцевъ, до 900 человекъ; въ нынѣшнемъ (1839) году привезено до 200 человекъ, изъ числа коихъ у самаго Хана находится до 50 человекъ. Нѣсколько Русскихъ, откупаясь отъ хозяевъ своихъ, живутъ на волѣ и просились у Хана, чтобы отпустилъ ихъ въ Россію, хотя бы за деньги, но онъ не согласился на это. Я слышалъ отъ плѣнниковъ Русскихъ, что нынѣшней весною Ханъ собиралъ охотниковъ изъ Туркменцевъ и послалъ ихъ на Каспійское море для захвата Русскихъ, предоставляя имъ пользоваться имуществомъ, а людей что-бы представляли къ нему. Когда я находился у Туркменцевъ въ кочевьяхъ, то замѣтилъ двухъ Татаръ, отца съ сыномъ, по именамъ неизвѣстныхъ, про которыхъ слышалъ, что они Астраханскіе Татары. Урожай хлѣба и травъ въ нынѣшнемъ году въ Хивѣ былъ хорошъ. Пшеница продавалась по одному рублю пудъ. Въ Хиву пріѣзжали Персидскіе послы съ требованіемъ выдачи всѣхъ Персидскихъ плѣнниковъ, но согласился ли на это Хивинскій Ханъ, неизвѣстно; и по возвращеніи Персидскихъ пословъ слышно было, что и Хивинскій Ханъ отправилъ въ Персію своихъ пословъ. Въ прошломъ году, когда Хивинскій Ханъ отправлялъ въ Персію войско, то просилъ у Бухарскаго Хана помощи, но онъ ему отказалъ. За недѣлю до отправленія насъ въ Россію изъ Ташауза Киргизъ (какого рода и какъ его зовутъ, не знаю) привезъ къ Хивинцу Сеиту, который нынѣ прибылъ съ нами, одного Русскаго въ уплату за состоящее на немъ одолженіе съ такимъ условіемъ, что, если онъ будетъ высланъ въ Россію, то заплатитъ Сеиту деньги. Русскій этотъ остался нынѣ въ Хивѣ въ домѣ Сеита.¹⁾ При плѣненіи у меня ограблено (кромѣ лодки съ припасами, принадлежавшими

¹⁾ За этотъ поступокъ Хивинскаго посланца Сента В. А. Перовскій задержалъ его самаго въ Оренбургѣ.—С. Н. М.

хозяину моему, Воронову, коей я настоящую цѣну не знаю) собственнаго имущества: тулупъ, сапоги, полушубокъ, три пары рубахъ съ портами, два ружья, кошма, шапка и топоръ, а всего на 85 рублей.

Болѣе ничего не знаю, въ чемъ и подписуюсь.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссiи, отдѣлъ пограничный, дѣло 12 Августа 1839 года, стр. 171-173).

*

7) Никономъ меня зовутъ, Филипповъ, сынъ Дихановскій, отъ роду имѣю 52 года, вѣроисповѣданiя Грекороссiйскаго православнаго, 20-й дивизiи, 39-го егерскаго полка рядовой, грамотѣ не знаю.

Въ 1827 году въ Августѣ мѣсяцѣ находился я въ отрядѣ, бывшемъ подъ начальствомъ Генерала Красовскаго въ Грузiи, около Эчмиадзинскаго монастыря, гдѣ при нападенiи Персiянъ на отрядъ нашъ, взять я съ прочими (въ числѣ 230 человекъ) ими въ плѣнъ и привезенъ въ городъ Тегеранъ, въ коемъ, проживъ мѣсяца два, былъ проданъ неизвѣстнымъ персидскимъ чиновникомъ Туркменцу, по имени неизвѣстному, за 60 Хивинскихъ червонцевъ, а симъ послѣднимъ былъ перепроданъ Хивинскому Кушбегю Мадрасѣ, отцу нынѣшняго Кушбегия Атамрата, у коего я жилъ въ рабствѣ до самаго освобожденiя, а нынѣ, по приказанiю Хана, взять я отъ него и отправленъ въ Россiю въ числѣ прочихъ плѣнниковъ, прибывшихъ сюда. На дорогу дано намъ всемъ по одному пуду муки и по пуду крупъ; одежды же дано мнѣ не было. Стѣдовали мы степью на верблюдахъ 32 дня. Препровождавшiе насъ Хивинцы и Киргизы во время пути притѣсненiй намъ не дѣлали, а только я слышалъ, что Ханъ Хивинскiй отпустилъ имъ денегъ на покупку для насъ всехъ одежды, но они такую дали только 32 человекамъ. Изъ Русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ я знаю крестьянъ: Сызранскаго уѣзда Василья Михайлова, Оренбургскаго уѣзда Матвѣя, Владимiрскаго губерни, Вязниковскаго уѣзда, Андрея и Матроса Ефима, по прозванiямъ неизвѣстныхъ.

Въ Хивѣ съ Русскими плѣнниками обращаются жестоко. Русскiе товары въ Хивѣ, послѣ задержанiя въ Россiи Хивинцевъ, продаются дороже прежняго. Урожай хлѣба тамъ въ нынѣшнемъ году посредственный.

Болѣе я ничего не знаю, потому что жилъ не въ самомъ городѣ Хивѣ, а за четыре версты отъ онаго—на пашняхъ.

При плѣненіи меня собственныхъ вещей ограблено не было. Что показалъ по справедливости, въ томъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 173—175).

*

8) Савельемъ меня зовутъ, Константиновъ, сынъ Чаплыгинъ, отъ роду мнѣ 62 года, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотѣ не знаю, крестьянинъ Князя Юсупова, жителство имѣлъ Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, въ селѣ Джамбайскомъ.

Въ плѣнъ я взятъ назадъ тому лѣтъ около пятнадцати (но въ какомъ именно году, припомнить не могу) весною съ Каспійскаго моря, гдѣ были для рыболовства на одной кусовой лодкѣ: со мною были и также взяты два человѣка работниковъ: первый Гаврила, по прозванію неизвѣстный, Астраханскій мѣщанинъ, второй—Егоръ Соколовъ, крестьянинъ князя Юсупова. Черезъ плѣненіе меня понесено убытка на 2050 рублей ассигнаціями, именно: кусовая (лодка) со всѣмъ приборомъ стоила 2000 рублей и одежды было на 50 рублей.

Плѣнители были Туркменцы; ихъ было 25 человѣкъ. Они привезли насъ на Туркменскій гряжъ и раздѣлили по себѣ; по именамъ я изъ нихъ никого не знаю. Вскорѣ потомъ пятеро изъ плѣнителей привезли меня въ городъ Хиву и продали за 60 Хивинскихъ золотыхъ монетъ Хивинцу Ходжашъ-Махряму, у котораго я и жилъ до самаго освобожденія, занимаясь разработкою земли на пашнѣ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ, по приказанію Хана, и еще пять человѣкъ изъ находящихся у Ходжашъ-Махряма плѣнниковъ, именно: Петръ Литвиновъ—Оренбургскій казакъ, Никита Балабановъ—полевой артиллеріи солдатъ, Алексѣй Михайловъ—новокрещенный изъ Татаръ, Василій Савинъ—помѣщичій крестьянинъ и Иванъ Лукьяновъ—Черноморскій казакъ взяты отъ него и съ прочими плѣнниками отпущены въ Россію,¹⁾ о прибытіи куда показываю согласно съ ними. У Ходжашъ-Махряма, за освобожденіемъ насъ, осталось еще десять человѣкъ плѣнниковъ (девять мужчинъ и одна женщина), которыхъ я по именамъ настояще не знаю, потому что всѣ вообще плѣнники въ Хивѣ настоящими именами не сказываются.²⁾ Болѣе сего я ничего не знаю, потому что все почти время жилъ на пашнѣ. Объяснивъ же прописанное справедливо, довѣряю въ томъ вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 105—106).

*

¹⁾ Полный списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1839 году, см. въ Русскомъ Архивѣ 1915 года, № 1, стр. 36—41.—С. Н. М.

²⁾ Курсивъ нашъ.—С. Н. М.

Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ министру финансовъ, графу Е. Ф. Канкрину.

Милостивый Государь,

Графъ Егоръ Францевичъ.

Высылка изъ Хивы плѣнниковъ нашихъ (80 человекъ), прибывшихъ въ Оренбургъ въ прошломъ мѣсяцѣ,¹⁾ дала возможность получить положительныя свѣдѣнiя о состоянiи тамошней торговли въ настоящее время; свѣдѣнiя эти, по соображенiю съ имѣющимися здѣсь данными, привели къ выводамъ, которые имѣю честь представить на усмотрѣнiе Вашего Сiятельства, въ надеждѣ, что Вы ихъ, Милостивый Государь, не сочтете незаслуживающими Вашего вниманiя, постоянно обращеннаго на улучшение нашей торговли съ Средней Азiей.

Ваше Сiятельство изволите быть извѣстны о причинахъ, вынудившихъ Правительство задержать въ Россiи Хивинскихъ купцовъ. Мѣра эта имѣла непосредственнымъ послѣдствiемъ чрезвычайное возвышенiе цѣнъ на Русскiе товары въ Хивѣ, какъ обнаруживается изъ нижеслѣдующей таблицы, котóрая составлена въ Генварѣ 1837 года посыланнóмъ въ Хиву Вухарцемъ.

	Цѣны въ Оренбургѣ.	Цѣны въ Хивѣ.	
		Прежде 1836 г.	Послѣ 1836 г.
Юфть Кунгурская, 10 кожъ.	120 р.	130.	270 р.
Юфть Арзамасская, 10 кожъ.	140.	155.	300.
Квасцевъ пудъ.	8.	12.	40.
Ртути пудъ.	200.	240.	606.
Киновари пудъ.	140.	155.	600.
Кошенили пудъ.	460.	500.	675.
Ситца кусокъ въ 50 арш.	30.	35.	40.
Сахара мелюса пудъ.	45.	50.	68.
Миткаля кусокъ въ 50 арш.	18.	22.	30.
Коленкора 20 шт. по 16 арш.	200.	240.	300.
Чугунъ въ котлахъ 16 пуд.	72.	112.	150.
Желѣза полосоваго пудъ.	4.	9.	15.
Стали пудъ.	7.	12.	20.
Сукна цвѣтнаго половина.	125.	150.	210.
Хлопчатой бумаги пудъ.	24.	12.	6.

¹⁾ Т. е. въ Августѣ 1839 года.—С. Н. М.

Цѣны эти не только удерживаются до нынѣ,¹⁾ но даже на многіе предметы, напр. юфть, полосовое желѣзо поднялись еще болѣе, не смотря на то, что жители Ново-Ургенча (самаго промышленнаго города Хивинскаго Ханства) вошли въ дѣятельныя сношенія съ Бухаріею посредствомъ водянаго сообщенія по Аму до г. Чарджуя и что по настоянію Хана всѣ Бухарскіе караваны насильственно заходятъ въ оба конца въ Хиву для взятія на Коммиссію нѣкоторыхъ Хивинскихъ продуктовъ и для распространенія тамъ части вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ.

Между тѣмъ прекращеніе прямыхъ сношеній съ Хивою, столь невыгодное для Хивинцевъ, не только не повредило нашей торговлѣ, но даже какъ будто бы содѣйствовало расширенію ея.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ таможнями, было вывезено:

	1834 года.		1835.		1836.		1837.		1838.	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
Въ Бухарію Товаровъ.	793.152	60	1.051.985	45	1.384.738	10	1.383.133	69	1.167.423	70
монеты.....	60.135	»	10.000	»	194.590	»	142.086	50	496.122	10
Въ Хиву.	68.493	55	97.876	10	57.248	20	»	»	»	»
Всего.	921.781	115	1.159.861	55	1.636.576	30	1.525.220	19	1.663.545	80

	Въ 1836 году.		1837.		1838.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
	517.342	65	463.234	74	601.560	35
	292.124	75	233.272	14	17.562	15
	476.704	75	366.481	10	513.684	25

Слѣдовательно, вывезено Бухарцами болѣе, чѣмъ въ 1835 году, на .

Сумма вывоза товаровъ въ 1835 году была менѣе вывоза въ послѣдующіе года на

Вся сумма²⁾ вывоза 1835 года была менѣе всего итога отпуска послѣдующихъ годовъ на

Результатъ этотъ, кажется, ведетъ къ заключенію, что Хива, не будучи значительнымъ мѣстомъ сбыта нашихъ произведеній, но на-

¹⁾ Т. е. до сентября 1839 года.—С. Н. М.

²⁾ Курсивъ вездѣ подлинника.—С. Н. М.

ходясь на перепутѣхъ всѣхъ дорогъ изъ Средней Азіи въ Россію, у ключа къ водянымъ сообщеніямъ съ Бухарой и Бальхомъ—по Аму, Ташкендомъ и Коканомъ—по Сыру, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ опорная точка, для всѣхъ торговыхъ предпріятій Россіи въ Средней Азіи.

Значительность барышей, доставляемыхъ среднеазіатской торговлею, не подлежитъ сомнѣнію. Доказательствомъ сему могутъ служить слѣдующіе примѣры:

Ситець продается на Нижегородской ярмаркѣ отъ 48 до 54 коп. за аршинъ, провозъ до Оренбурга $\frac{1}{2}$ коп., пошлины при вывозѣ взыскивается $\frac{1}{2}$ коп., доставка въ Бухару обходится въ 3 коп., всего расходовъ на аршинъ 5 коп.; продается же онъ тамъ отъ 61 до 71 коп. за аршинъ или по 32 руб. за штуку (отъ 45 до 52 арш.). Слѣдовательно барыша съ аршина 10 коп. или 20 процентовъ.

Нанка при подобномъ расчетѣ даетъ до 30 процентовъ.

Коленкоръ 18 ‰.

Платки бумажные 33 ‰.

Платки карманные красные 37 ‰.

Алое сукно 46 ‰ и другихъ цвѣтовъ 41 ‰.

Парча мишурная 18 ‰.

Юфть 29 ‰.

Воскъ 44 ‰.

Сахаръ 44 ‰.

Желѣзо прутковое 6 ‰.

Полосовое 9 ‰.

Котлы чугунные $7\frac{1}{2}$ ‰.

Мѣдь 2 ‰.

Олово 15 ‰.

Ртуть 42 ‰.

Синій купоросъ 75 ‰.

Выбойка 5 ‰.

Барыши отъ Азіатскихъ товаровъ:

Пряденная Магаршабская бумага продается въ Бохарѣ по 24 черв. за батманъ¹⁾, т. е. 48 р. за пудъ, пошлина взыскивается Хивой по 1 р. 20 к. съ пуда, провозъ до Оренбурга 5 р., пошлина въ Оренбургъ 4 р., провозъ до Нижняго-Новгорода 2 р., всего расхо-

¹⁾ Батманъ въ Хивѣ и Бухарѣ равняется нашимъ восьми пудамъ (Мельниковъ-Печерскій), а червонецъ ходилъ тамъ въ данное время по 16 рублей, какъ видно изъ приводимаго расчета.—С. Н. М.

довъ на пудъ 12 р. 20 к., продажная цѣна около 80 рублей. Итакъ барышей съ пуда 33 %.

Пряденная Міонкальская бумага даетъ при такомъ же расчетѣ 56 %.

Пряденная Бохарская и Хивинская бумага—53 %, въ хлопкахъ 15 %. Круглымъ числомъ наши товары даютъ 24 %, Азіатскіе—33 %. Слѣдовательно одинъ торговый оборотъ (т. е. отправка и привозъ) даетъ 65 р. на 100 р.

Остается только нерѣшеннымъ вопросъ, до какой обширности можетъ достигнуть эта торговля и не суждено ли ей, по малости круга дѣйствія, навсегда остаться ничтожною?

Должно сознаться, что для положительнаго рѣшенія этой задачи настоящія свѣдѣнія наши о Средней Азійи еще слишкомъ недостаточны, но принимая въ соображеніе:

1) Обширность этого рынка, объемлющаго западный Китай, Ташкендъ, Коканъ, Бадакшанъ, Балхъ, Бохару и по крайней мѣрѣ транзитный торгъ съ Авганомъ и Лагаромъ.

2) Промышленную дѣятельность, уже тамъ существующую.

Караваны ходятъ ежегодно изъ Кульджи въ Кашемиръ 20 дней; въ Кашгаръ (черезъ Хутанъ, Яркентъ-Аксау) въ 30 дней; изъ Кашгара въ Коканъ въ 23 дня; изъ Кокана въ Туркестанъ (черезъ Ташкендъ) въ 13 дней; въ Бохару въ 21 день: изъ Вохары, равно какъ изъ Кашгара въ Авганистанъ, Самаркандъ, Ташкендъ, Туркестанъ, Балхъ, Шерваседъ, Фейзабадъ. Сверхъ того отдѣльно между всѣми этими городами.

3) Хотя теперь еще и отдаленную возможность усилить эту дѣятельность улучшеніемъ сообщеній и открытіемъ водяныхъ путей по Сыру и Аму.

4) Существенную потребность для Средней Азійи въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ продуктовъ и возможность для насъ доставлять туда всѣ произведенія дешевле прочихъ Европейцевъ.

5) Выгодность полученія оттуда нѣкоторыхъ товаровъ, какъ то: хлопчатой бумаги, шелка, чая, кубовой краски, индиго, шафрана, перца, цицварнаго сѣмяни, ревеня, бирюзы, лаписъ-лазури, шалей и проч.

6) Постоянное возрастаніе торговли нашей съ Бохаріею среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ вражды Хивинцевъ и смуть въ Авганистанѣ.

7) Наконецъ, старанія Англичанъ, опытныхъ въ дѣлахъ торговыхъ, проникнуть сюда черезъ Индію и Персію. Товары ихъ съ 1830 года въ маломъ количествѣ появились уже въ Кульджѣ и Китайскомъ Чарджуѣ и въ гораздо большихъ размѣрахъ въ Бохарѣ изъ Бенареса, и продавались неимовѣрно дешево, напр., кусокъ кисеи въ 27 аршинъ, стоющій въ Россіи до 50 рублей,—9 рублей серебромъ, кусокъ коленкору въ 16 аршинъ (на наши цѣны въ 25 рублей)—по 3 рубля серебромъ, ситецъ двуличный за 12 аршинъ—12 рублей, что, кажется, очевидно обнаруживаетъ намѣреніе, хотя съ временнымъ для себя убыткомъ, подорвать нашу торговлю.

Всѣ эти причины даютъ право надѣяться, что и по обширности своей торговля съ Средней Азіею можетъ принести значительныя выгоды, но дабы это осуществилось въ пользу Россіи, я смѣю думать, что намъ надлежитъ идти, такъ сказать, на—встрѣчу Азіатцамъ, не ожидая, чтобы они вышли изъ вѣковой летаргіи своей. Необходимымъ же условіемъ этой дѣятельности будетъ, кажется, въ Восточной половинѣ Средней Азіи открытіе непосредственныхъ сношеній съ Чарджуемъ и Кашгаромъ,—въ Западной обезопасеніе пути къ главному рынку здѣшнихъ мѣстъ—Бохарѣ, пріобрѣтеніемъ положительнаго вліянія на Хиву и увеличеніе судоходства по Каспію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть
и т. д.

19 Сентября 1839 года. № 178.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 183-186).

Отношеніе Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго г. Астраханскому военному губернатору.

Изъ числа доставленныхъ сюда въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ 80 человекъ Русскихъ, бывшихъ въ неволѣ у Хивинцевъ, 23 человека въ отобранныхъ отъ нихъ Оренбургскою Пограничною Коммиссіею допросахъ показали себя жителями Астраханской губерніи, которые поэтому и препровождены Коммиссіею въ тамошнее Губернское Прав-

леніе, за исключеніемъ 9-ти, оставленныхъ на время здѣсь по конувшейся къ нимъ (sic) надобности.

Имѣя честь сообщить объ этомъ Вашему Превосходительству, равно и о заключеніи Пограничной Коммиссіи, что находящіеся въ числѣ вырученныхъ изъ плѣна помѣщичьи крестьяне на основаніи 705 статьи IX тома Свода законовъ подлежатъ освобожденію изъ крѣпостного состоянія, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., не оставить почтить меня увѣдомленіемъ о распоряженіи, какое будетъ сдѣлано объ упомянутыхъ 23 человекъ, вырученныхъ изъ плѣна, о которыхъ на усмотрѣніе Ваше прилагаю именной списокъ съ означеніемъ состоянія ихъ и мѣстожителства, такъ же кто изъ нихъ уже отправленъ и кто еще остался здѣсь.¹⁾

21 Сентября 1839 года. № 1118.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 187).

Рапортъ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго „Господину Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.“

Въ минувшемъ Августѣ доставлено въ Оренбургъ отъ Хивинскаго Хана 80 человекъ, бывшихъ въ Хивѣ Русскихъ плѣнныхъ, изъ коихъ, по сдѣланнымъ имъ въ Оренбургской Пограничной Коммиссіи допросамъ, 69 человекъ показали себя принадлежащими къ состоянію податному и крѣпостному, а 11 человекъ къ вѣдомству военному; почему Пограничною Коммиссіею и отправлены первые, за исключеніемъ немногихъ, оставленныхъ при Коммиссіи для отобранія отъ нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, къ Начальству тѣхъ Губерній, жителями коихъ они показали себя, а послѣдніе—къ Начальству Военному.

Сообщивъ объ этомъ Начальникамъ Губерній, равно и о заключеніи Пограничной Коммиссіи, что находящіеся въ числѣ вырученныхъ изъ плѣна помѣщичьи крестьяне на основаніи 705 статьи IX-го тома Свода законовъ подлежатъ освобожденію изъ крѣпостного состоянія, я долгомъ считаю увѣдомить объ этомъ Ваше Сіятельство.

Въ Оренбургѣ.

21 Сентября 1839 года.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отд. пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 198).

¹⁾ Точно такія же отношенія были посланы В. А. Перовскимъ и всѣмъ другимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ происходили возвратившіеся изъ Хивы русскіе плѣнные.—С. Н. М.

**Письмо министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, къ
Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому.**

Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ.

Отношеніе Вашего Превосходительства отъ 21 Августа, коимъ сообщаете о возвращеніи Хивинцами 80 человекъ Русскихъ плѣнныхъ¹⁾ съ препровожденіемъ при ономъ Грамоты отъ Хана Хивинскаго, и имѣлъ честь получить и поспѣшилъ довести до свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Нынѣ въ отвѣтъ на сіе долгомъ поставляю Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что распоряженія, учиненныя Вами въ послѣдствіе таковой присылки отъ Хана плѣнныхъ и Грамоты съ Посланцами, удостоены вполне ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА одобренія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Гр. Нессельроде.

С. Петербургъ.

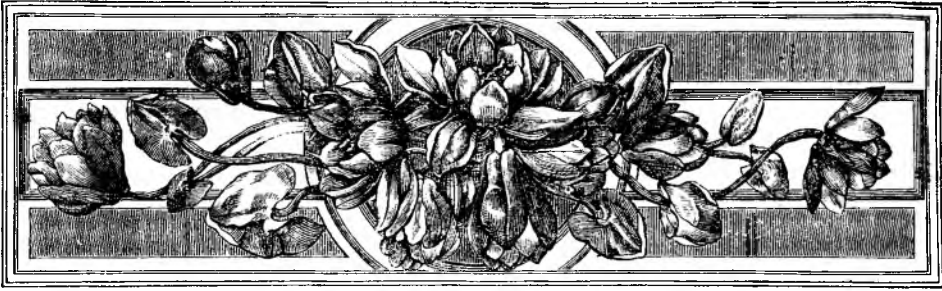
29 Сентября 1839-го № 2533.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 199).

Сообщилъ священникъ Николай Модестовъ.

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ нынѣшняго 1915 года, № 1, стр. 34-35.—С. Н. М.

МОНАХИ ВЪ СТАРОЙ ВАРШАВѢ.

Монахи занимали видное мѣсто въ жизни прежней Варшавы—г княжеской, и королевской, особенно съ начала XVII вѣка, когда съ легкой руки богомольнаго до ханжества Сигизмунда-Августа III число монастырей стало быстро возрастать, такъ что къ XVIII вѣку ихъ было въ Варшавѣ 24 съ братією, доходившею до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.¹⁾ Населеніе Варшавы въ XVII—XVIII вѣкахъ колебалось подъ воздѣйствіемъ частыхъ моровыхъ повѣтрій, шведскихъ набѣговъ и т. п. между 14000 (въ 1624 году по подсчету г. Хлѣбовскаго, „Геогр. слов.“, XIII, 71) и 30000 чел. (въ началѣ царствованія Станислава-Августа, какъ о томъ заявилъ Нарушевичъ въ рѣчи, произнесенной на четырехлѣтнемъ сеймѣ 13 октября 1789 г.), такъ что монашествующіе составляли, повидимому, въ общемъ чуть ли не болѣе десятой части общей цифры жителей польской столицы. Владѣя значительными земельными угодіями въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ и воздѣйствуя на населеніе черезъ конфессіональ, монахи оказывали большое вліяніе на городскую жизнь и нравы. Хотя монахамъ и подобало бы, казалось, сидѣть въ стѣнахъ своихъ обителей, въ сторонѣ отъ мірскихъ соблазновъ, но въ дѣйствительности они, за рѣдкими исключеніями, мало пеклись о „спасеніи своихъ душъ“, а за то принимали дѣятельное участіе въ повседневной суетѣ суетъ, создавая иной разъ громкія „исторіи“, которыя дали имъ право на видное мѣсто и въ исторіи старой Варшавы.

Старѣйшимъ изъ монашескихъ орденовъ въ Варшавѣ былъ орденъ августинцевъ, которые владѣли костеломъ св. Мартина на Пивной

¹⁾ Источниками для этого очерка послужили данныя, заключающіяся въ трудахъ польскихъ изслѣдователей варшавской старины Вейнера („Starożytności Warszawy“), Бартошевича (Kościoły warszawskie), Пшиборовскаго („Z przeszłości Warszawy“), Гомулицкаго („Opowiadania o starej Warszawie“) и другихъ.

улицѣ, построеннымъ въ 1356 г. княземъ мазовецкимъ Земовитомъ. По преданію, этотъ князь пожертвовалъ костелу икону Скорбящей Богоматери, византійскаго письма, которая вскорѣ прославилась среди варшавянъ чудесами. Когда въ 1478 году пожаръ, начавшійся на улицѣ Дунай, уничтожилъ всю Пивную улицу, а также и костелъ, отъ котораго остались лишь стѣны, икона эта чудесно уцѣлѣла. То же повторилось и въ 1669 году, во время пожара, уничтожившаго улицы Пивную, Пекарскую и Кривое Коло.

9 іюня во время сѣзда шляхты на выборы короля Михаила подрались вечеромъ изъ-за квартиры литовскіе „пахолки“. Дѣло дошло до сабель, а затѣмъ въ драку вмѣшались и паны. Во время этой суматохи на улицѣ Дунай вспыхнулъ пожаръ, который некому было тушить, такъ какъ бой на улицѣ продолжался съ большимъ ожесточеніемъ. Августинцы хотѣли, какъ гласитъ преданіе, вынести икону Богоматери, но какая-то сила не допустила этого. Послѣ напрасныхъ попытокъ монахи оставили икону на ея обычномъ мѣстѣ. Въ это время,—говорить легенда,—надъ костеломъ появилась Пресв. Дѣва и заслонила его своимъ плащомъ. Вслѣдствіе перемѣны направленія вѣтра пожаръ пересталъ распространяться въ сторону костела, уничтоживъ сосѣдніе съ нимъ дома.

Земовитъ кромѣ иконы подарилъ августинцамъ много земельныхъ участковъ около Варшавы и восемь деревень, въ томъ числѣ Цегловъ, за Вислой. Жертвовали на монастырь и богатые варшавскіе обыватели, такъ что августинцы жили сначала въ полномъ довольствѣ, но сто лѣтъ спустя послѣ основанія костела ихъ постигла большая бѣда. Жена плоцкаго князя Владислава I Анна Мазовецкая, не любившая почему-то августинцевъ, основала госпиталь Св. Духа на земляхъ, отобранныхъ у нихъ и находившихся рядомъ съ костеломъ. На этихъ земляхъ помѣщались монастырскій садъ и часть кладбища. Управление госпиталемъ княгиня Анна поручила ксендзамъ кафедральнаго костела Св. Іоанна, и тѣ отобрали у августинцевъ почти всѣ ихъ деревни, обративъ доходъ съ нихъ на содержаніе госпиталя.

Съ той поры началась продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ вражда августинцевъ и ксендзовъ костела Св. Іоанна. Августинцы, обиженные этими ксендзами, скоро опять стали богатѣть, такъ какъ варшавяне считали своимъ долгомъ помочь пострадавшимъ отъ несправедливости монахамъ. Мазовецкая шляхта тоже присылала августинцамъ щедрые дары, а монахи за то предоставляли ей въ стѣнахъ своего монастыря

помѣщеніе для „сеймиковъ“. Но обиды со стороны свѣтскихъ ксендзовъ августинцы забыть не могли...

Въ XVII вѣкѣ августинцы опять такъ разбогатѣли, что не только разукрасили костель, но и содержали при немъ оркестръ музыки и „много набожныхъ женщинъ и вдовъ“... Но несмотря на свое богатство монахи эти отличались большой жадностью. Во время великаго поста они по обычаю получали отъ магистрата Старога Мѣста бочку селедокъ. Въ 1627 году магистратъ выдалъ имъ стоимость этихъ селедокъ деньгами, а въ 1628 году не прислалъ ничего. Августинцы разсердились на магистратъ и такъ назойливо начали приставать къ нему съ требованіемъ селедокъ, что тогдашніе „отцы города“ рѣшили никогда ничего августинцамъ не давать. Тогда августинцы стали униженно просить магистратъ не обижать ихъ и въ 1629 г. опять получили бочку съ сельдями.

Вражда съ ксендзами костела Св. Іоанна, не угасавшая въ теченіе столѣтій и проявлявшаяся въ постоянныхъ „подсигиваніяхъ“ другъ друга, обострилась въ 1614 году. Въ стѣнѣ, отдѣлявшей костель отъ госпиталя Св. Духа, была дверь, слѣды которой имѣются до сихъ поръ въ костельной „сакристіи“. Пріѣхавшій въ Варшаву генеральный викарій августинцевъ велѣлъ заложить эту дверь и, чтобы было „прочнѣе“, поставилъ около нея алтарь въ честь св. Вильгельма. Капитулъ костела Св. Іоанна, считавшій пользованіе этою дверью своею привилегіею, пожаловался папскому нунцію, но тотъ ничѣмъ помочь не могъ, такъ какъ августинцы объяснили, что дверь пришлось заложить потому, что иначе они не могли бы осуществить свое благочестивое намѣреніе—поставить алтарь въ честь св. Вильгельма. Тогда кафедральные ксендзы позвали людей и велѣли имъ разрушить стѣну и алтарь. Августинцы сидѣли за обѣдомъ, когда ксендзы пошли на приступъ. Они бросились защищать костель, пріоръ велѣлъ бить въ набатъ, а на разрушаемомъ алтарѣ поставилъ Св. Дары. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ съ палками, косами, дубинами... Ксендзамъ пришлось уступить. Генеральный викарій требовалъ отъ нунція отлученія ксендзовъ отъ церкви, но нунцій на это не согласился и пригрозилъ отлучить августинцевъ. Дѣло доходило до сейма, но и тамъ не было рѣшено и было передано въ Римъ...

Въ 1628 году, въ тотъ самый годъ, когда магистратъ не далъ августинцамъ бочки сельдей, на монастырь свалилась новая бѣда со стороны іезуитовъ, обосновавшихся рядомъ съ костеломъ Св. Іоанна

и строившихъ тамъ свой костель. Но постройка подвигалась медленно вслѣдствіе отсутствія средствъ, и іезуиты задумали завладѣть костеломъ Св. Мартина. Чтобы достичь этого, іезуиты пустились на хитрость. Они подговорили одну изъ тѣхъ „вдовушекъ“, о которыхъ такъ заботились августинцы, заказать имъ заупокойное богослуженіе по ея покойномъ мужѣ, а затѣмъ пригласить ихъ къ себѣ на обѣдъ. Послѣ богослуженія всѣ монахи съ пріоромъ во главѣ отправились къ „вдовушкѣ“, оставивъ въ монастырѣ одного лишь „брата Фуртіана“ (привратника), но ему, очевидно, скучно было сидѣть одному, такъ какъ, когда пришелъ одинъ изъ іезуитовъ и сказалъ, что пріоръ приглашаетъ на пиръ также и достопочтеннаго „Фуртіана“, тотъ побѣжалъ къ „вдовушкѣ“, оставивъ монастырь на попеченіе іезуита, благосклонно согласившагося посидѣть у входа и покарать.

Другіе іезуиты только этого и ждали. Они явились въ монастырь и заняли его подъ предлогомъ, что онъ-де никому не принадлежитъ, такъ какъ никакихъ обитателей въ немъ нѣтъ.

Благодушествовавшій на поминальномъ обѣдѣ пріоръ пришелъ въ полное недоумѣніе, увидѣвъ, что и „братъ Фуртіанъ“ появился среди пирующихъ, но недоумѣніе перешло у него въ ярость, когда онъ узналъ, что „Фуртіана“ сманилъ іезуитъ, передавъ ему приглашеніе отъ пріора. Бросивъ обѣдъ, пріоръ вмѣстѣ съ монахами спѣшитъ въ монастырь, но войти въ него не можетъ: іезуиты заперлись въ немъ и „постороннихъ“ впускать не желаютъ. Не помогаютъ ни просьбы, ни уговоры. Іезуиты не уступаютъ, а собравшаяся на необычное зрѣлище толпа хохочетъ и издѣвается надъ попавшими впро�акъ августинцами. Наступаетъ вечеръ, а августинцы все еще на улицѣ. Наконецъ пріоръ рѣшаетъ размѣстить братію у „вдовъ“ и „благочестивыхъ женщинъ“, а на другой день начинаетъ процессъ, обвиняя іезуитовъ въ разбойномъ нападеніи. Дѣло дошло до Рима, и оттуда пришелъ приказъ іезуитамъ возвратить монастырь августинцамъ, причемъ папа „къ вѣчному стыду іезуитовъ“ велѣлъ имъ ежегодно 5 мая совершать торжественную мессу въ присутствіи всей іезуитской братіи съ проповѣдями утромъ и послѣ полудня.

Противоположностью августинцевъ, любившихъ хорошо покушать и покровительствовавшихъ разнымъ „вдовицамъ“, были бернардины, именовавшіеся также „меньшою братією“ и „обсервантами“. Бернардины отличались строгимъ соблюденіемъ своего устава, и поэтому варшавское населеніе относилось къ нимъ съ большимъ уваженіемъ,

а объ ихъ монастырѣ съ храмомъ во имя св. Анны сохранилось нѣсколько благочестивыхъ легендъ.

Одна изъ нихъ относится ко времени постройки костела и находившагося при немъ монастыря *fratrum minorum observantium*. Начало монастырю было положено въ 1454 году княгиней мазовецкой Анной, по просьбѣ которой были присланы св. Яномъ Капистраномъ изъ Кракова о. Іаковъ изъ Глоговы съ шестью братьями. Когда начали строить костель, то, какъ гласитъ монастырская хроника, составленная въ 1775 году о. Антоніемъ Кунномъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Julera antiquitatis et posteritatis id est Archivum conventus varsaviensis fratrum min. observ. ad. S. Annam in suburbii Cracoviensi*“—рабочіе, копавшіе фундаментъ, никакъ не могли добраться до прочнаго грунта и уже хотѣли въ отчаяніи бросить работу, но имъ явилась св. Анна, Матерь Пресвятой Богородицы, и велѣла имъ копать еще глубже, гдѣ они и нашли твердый грунтъ.

Въ 1462 году въ бернардинскій монастырь въ Варшавѣ вступилъ Ладиславъ изъ Гельнева (*Gielniów*), находящагося нынѣ въ Опоченскомъ уѣздѣ (тогда—въ Сандомирскомъ воеводствѣ). Юноша незначнаго рода (отецъ его Петръ былъ простымъ мѣщаниномъ) пылалъ живою вѣрою къ Богу и обладалъ поэтической впечатлительною душой. Въ ранней юности Ладиславъ (въ міру—Янъ) отправился въ Краковъ и слушалъ тамъ въ академіи курсъ богословія. Время свое онъ дѣлилъ между школой и храмомъ Божіимъ. Особенно любилъ онъ слушать поученія св. Яна Капистрана, имѣвшаго громадное вліяніе на краковскую молодежь, что видно хотя бы изъ того, что изъ учившихся въ академіи юношей 130 человекъ поступили въ новый тогда орденъ бернардиновъ. Почему Ладиславъ избралъ варшавскій монастырь, неизвѣстно. Быть можетъ, его привлекала тишина жизни тогдашней Варшавы. Постригшись 1 августа, Ладиславъ написалъ въ благодарность Господу Богу латинскіе стихи, сохранившіеся въ упомянутой выше хроникѣ:

Anno milleno quadrinsexique secundo
 Vincula ad almi Petri accepi vincula claustrī,
 Me Petrus genuit Gelniovin, Petrus et almus
 Claustro me clausit, solus mea vincula solvit,
 Gratias reddo Deo, cantando cum cytharista:
 O Deus! erupisti jam mea vincula cuncta,
 Ut bene perficiam gratia sit misera.

Вообще Ладиславъ любилъ прибѣгать къ стихотворной формѣ для выраженія своихъ благочестивыхъ мыслей и чувствъ. Онъ первый

сталъ писать польскіе стихи, и потому является первымъ польскимъ поэтомъ. Стихотворенія Ладислава пользовались большимъ распространеніемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были переведены на чешскій языкъ. Между прочимъ, Ладиславъ изложилъ въ стихахъ десять заповѣдей. Вотъ начало этого переложенія:

Sluchaj tego wszelka głowo,
Napisz to w swym sereu słowo:
Pełnij Boże przykazanie,
Byś nie wszedł w piekielne łkanie...

Но, не какъ первый польскій поэтъ, оставилъ по себѣ память Ладиславъ среди варшавянъ, а какъ святой, чтимый ими патронъ города.

Онъ „такъ сильно приковалъ себя къ службѣ Божіей,—разсказываетъ его біографъ,—что не отступилъ отъ нея до самой смерти“; онъ былъ „ангельской чистоты цвѣткомъ“, послушнымъ, строго хранившимъ обѣтъ нищеты, „для всѣхъ пріятнымъ; а для ада страшнымъ и противнымъ“. Ладиславу поручены были обязанности проповѣдника въ варшавскомъ костелѣ. Во время проповѣди онъ всегда держалъ въ рукахъ предъ собою, по образцу св. Бернарда, табличку съ надписью: „Иисусъ Назорей Царь Іудейскій“. Не разъ въ увлеченіи онъ говорилъ всю проповѣдь стихами. Какъ гласитъ легенда, въ великую пятницу 1505 года Ладиславъ говорилъ о крови Христовой и о бичеваніи Спасителя. Устремивъ взоръ въ икону бичуемаго Христа, Ладиславъ сталъ восклицать: „О Иисусе, Иисусе возлюбленный“, проливая потоки слезъ,—и въ это время невидимой силой былъ поднятъ на воздухъ надъ амвономъ... Это произошло будто бы незадолго до смерти Ладислава, скончавшагося 4 мая 1505 года.

На погребеніе Ладислава собрались толпы народа, прославлявшаго его, какъ святого. Похоронили его въ костелѣ передъ главнымъ алтаремъ, положивъ на могилу плиту безъ надписи. Къ этой гробницѣ постоянно приходили молиться благочестивые варшавяне, и съ каждымъ годомъ умножались рассказы о совершаемыхъ при ней чудесныхъ исцѣленіяхъ. Наконецъ, въ 1572 г., какъ повѣствуетъ преданіе, Ладиславъ явился во снѣ куявскому епископу (впослѣдствіи—примасу) Станиславу Карнковскому и велѣлъ ему перенести останки изъ земли въ другое приличное мѣсто. Перенесеніе останковъ было торжественно совершено въ присутствіи короля Сигизмунда-Августа, королевы Анны Ягеллонки, двухъ кардиналовъ—легатовъ папы, почти всѣхъ польскихъ епископовъ, сенаторовъ и другихъ магнатовъ. Какъ разсказывается въ цитированной выше хроникѣ „Julera antiquitatis“, „когда по при-

казанію епископа въ присутствіи всѣхъ былъ отодвинуть лежавшій на могилѣ камень, кости блаженнаго оказались не въ глубинѣ земли, а тутъ же подъ самымъ мраморомъ и лежали тамъ въ порядкѣ, что, по велѣнію Божію, для утѣшенія и благочестія вѣрныхъ совершенно было ангелами“. Этотъ эпизодъ изображенъ *al fresco* на стѣнѣ противъ главнаго алтаря въ часовнѣ при костелѣ, посвященной блаженному Ладиславу. Картина исполнена въ 1750 г. бернардиномъ Валентіемъ Жебравскимъ, росписавшимъ тогда весь костелъ, и снабжена надписью: „*Sublevatio sacrorum ossium beati Ladislavi*“.

По омовеніи костей виномъ онѣ были положены въ деревянную раку (*scatula*) и помѣщены въ стѣнѣ направо отъ главнаго алтаря. Ниша была прикрыта камнемъ съ изображеніемъ блаженнаго Ладислава и надписью:

*Ossa Ladislavi tumulus iste tegit
Qui minime favit mundi nequam iniquitati,
Corregnat Sanctis succurrit debili tali.*

Бернардины въ 1627 году начали ходатайствовать о канонизаціи Ладислава, но денегъ у нихъ на сопряженные съ этимъ расходы было мало, и лишь въ 1750 году папа Бенедиктъ XIV причислилъ Ладислава къ лику блаженныхъ, а въ 1753 г., по просьбѣ короля Августа, объявилъ патрономъ Польши и Литвы, установивъ празднованіе памяти блаженнаго Ладислава 23 сентября. Дѣло о причисленіи блаженнаго Ладислава съ лику святыхъ не рѣшено римской куріей и до сихъ поръ.

Костелъ Св. Анны отличается монументальнымъ фасадомъ въ стилѣ Возрожденія. На фасадѣ до сихъ поръ существуетъ слѣдующая латинская надпись: „*Anno restauratae Salutis MDCCLXXXVIII Stanislao Augusto Rege religionis studio Iosephus Kwiecinski aedem hanc exstructam suo aere fronte ornavit*“, т. е. „въ 1788 г. при королѣ Станиславѣ-Августѣ движимый ревностью къ вѣрѣ Іосифъ Квецинскій на свой счетъ украсилъ фронтономъ этотъ существовавшій уже храмъ“.

По поводу постройки этого фронтона сохранилось такое преданіе. Въ 1775 г. бернардины рѣшили перестроить фасадъ своего костела, пришедшій въ ветхость и поражавшій своимъ безобразнымъ видомъ. Планъ составилъ архитекторъ Петръ Айгнеръ, обучавшійся въ Италіи. Стали собирать пожертвованія, но они поступали туго: собрано было всего лишь 20000 золотыхъ. Израсходовавъ ихъ, бернардины вынуждены были прервать работы и обратились къ королю Станиславу-Августу, который подарилъ уже имъ для будущаго новаго фасада статуи

четырехъ евангелистовъ, работы придворнаго скульптора Мональди. Но у короля казна въ ту пору пустовала. Кто-то надумилъ обратиться за помощью къ владѣльцу дома на Маріенштадтѣ Іосифу Квецинскому, который, по ходившимъ тогда слухамъ, разбогатѣлъ благодаря „шведскому“ кладу, найденному имъ подъ Варшавой.

Квецинскаго позвали къ королю.

— Здравствуй, сосѣдь,—обратился къ нему Станиславъ-Августъ,—мнѣ пріятно видѣть обывателя моей столицы, обязаннаго благосостояніемъ своему труду.

— Ваше величество,—отвѣтилъ Квецинскій,—и я, и мое имущество къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, въ этомъ еще нѣтъ надобности. Но если ты хочешь что-либо поднести мнѣ, займись достройкой фасада у бернардиновъ, и ты оставишь по себѣ прекрасное воспоминаніе.

Квецинскій согласился, но не выполнѣ. Онъ пообѣщаль дать третью часть необходимой суммы, но съ условіемъ, что на фасадѣ будетъ помѣщена надпись, что фронтонъ возведенъ Квецинскимъ на свой счетъ. Желаніе Квецинскаго было исполнено, но повидимому варшавяне не давали покоя тщеславному, но прижимистому мѣщанину своими насмѣшками, такъ какъ онъ впослѣдствіи раскошелился и построилъ въ костелѣ часовню Пресвятой Дѣвы Маріи Сокальской (въ этой часовнѣ онъ похороненъ), а также пожертвоваль сумму на отопленіе часовни зимой.

Съ бернардинами по благочестивой жизни конкурировали капуцины, появившіеся въ Варшавѣ при королѣ Янѣ III Собѣскомъ, который поселилъ ихъ при сооруженномъ имъ въ 1683 г. въ память побѣды надъ турками подъ Вѣной костелѣ Преображенія Господня на нынѣшней Медовой улицѣ, которая въ то время была обсаженной липами дорогой. Послѣ постройки капуцинскаго монастыря эту дорогу стали звать Капуцинской, а потомъ Медовой. Капуцинская же улица на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ появилась уже послѣ закрытія монастыря и по застройкѣ его садовъ и огородовъ.

Капуцины быстро пріобрѣли себѣ добрую славу у варшавянъ, они соблюдали обѣтъ бѣдности, питались треской, овощами и фруктами изъ собственныхъ огородовъ и садовъ, которые они сами воздѣлывали. Капуцинскій садъ отличался изобиліемъ плодовъ земныхъ и лучшими въ Варшавѣ цвѣтами, а треска, приготовленная умѣлыми руками мо-

наховъ-поваровъ, считалась любимымъ кушаньемъ даже такого гастронома, какъ король Августъ III, питавшій изъ-за „штокфиша“ (трески) большое расположеніе къ капуцинамъ. Но капуцины помышляли „не о хлѣбѣ единомъ“ и приобрѣли себѣ репутацію также усердныхъ распространителей католичества среди „еретиковъ“, на которыхъ они производили впечатлѣніе своей строгою монашескою жизнью, непохожей на чревоугодіе и сребролюбіе монаховъ другихъ орденовъ.

Мало по малу капуцинскій монастырь сдѣлался моднымъ среди тогдашней аристократіи, слѣдовавшей примѣру королей и дѣлавшей капуцинамъ щедрыя пожертвованія, а когда въ капуцинскомъ костелѣ по волю Яна Собѣскаго было погребено его сердце, капуцинское кладбище сдѣлалось аристократическимъ, и въ немъ находили послѣднее упокоеніе представители сильныхъ міра сего.

Сердце Собѣскаго хранится нынѣ въ урнѣ изъ сѣраго мрамора, находящейся въ костельной часовнѣ, реставрированной въ 1828—1830 гг. на средства, дарованныя Императоромъ Николаемъ I. Урна находится въ нишѣ справа отъ алтаря; она покрыта бронзовой подушкой со щитомъ, скипетромъ и мечомъ подъ короной. Надъ нишей—бюстъ Собѣскаго изъ бѣлаго мрамора, а подъ урной надпись: „Николай I Царь Польскій Іоанну III своему предшественнику“. Въ той же часовнѣ находится покрытая бронзой короной урна съ внутренностями короля Августа II.

По преданію, поклониться праху Собѣскаго пріѣзжали въ монастырь въ бытность въ Варшавѣ и Петръ Великій, и его врагъ—Карль XII...

Какъ воспоминаніе о вниманіи коронованныхъ особъ къ монастырю, въ ризницѣ костела Преображенія Господня хранятся облаченія, вышитыя дочерью Августа III Маріей-Анной и записки на латинскомъ языкѣ съ ея подписью.

При Августѣ II и Августѣ III, любителѣ „капуцинскаго штокфиша“, капуцинамъ жилось вообще хорошо. Имъ была поручена обязанность готовить къ смерти преступниковъ, отнятая у іезуитовъ, а это создало капуцинамъ еще большую славу богобоязненныхъ монаховъ. Пошли даже слухи, что одинъ изъ капуциновъ—отецъ Феликсъ творить чудеса...

И вотъ въ это самое время—въ 1731 г. капуцины, выражаясь по нынѣшнему, устроили забастовку. Въ 11 ч. утра они всѣ въ торжественной процессіи вышли съ преднесеніемъ креста и съ пѣніемъ

„Miserege“ изъ монастыря, направились на Краковское Предмѣстье къ бернардинамъ и тамъ поселились, а въ монастырѣ остались лишь два монаха—привратника.

„Забастовка“ эта взволновала весь городъ. Всѣ старались разгадать ея причины и создавали всевозможные слухи и предположенія. Какъ предполагаетъ В. Пшиборовскій, капуцины рѣшили уйти изъ монастыря, не желая подчиняться „провинціалу“—чеху или нѣмцу, такъ какъ въ то время польской „провинціи“ у капуциновъ еще не было.

Несмотря на то, что папа Климентъ XII въ особомъ *brevé* возмущался новой и неслыханной дерзостью (*pova ac inaudita temeritate*) капуциновъ, они просидѣли у бернардиновъ цѣлый годъ и добились своего—получили своего собственнаго „провинціала“.

Эта „забастовка“ ничуть не повредила репутаціи капуциновъ, которые и послѣ нея продолжали считаться одной изъ самыхъ благочестивыхъ варшавскихъ конгрегацій: хотя папа и негодовалъ на ихъ *temeritas*, но эта *temeritas*, поддержанная другой столь же благочестивой конгрегаціей бернардиновъ, вызвана была не стремленіемъ къ земнымъ благамъ, какъ это случилось съ варшавскими доминиканцами.

Несмотря на то, что вообще доминиканцы, эти „псы Господни“ (*Dominí canes*—по гербу, изображавшему собаку, несущую во рту горящій факель), слыли вездѣ ревностными блюстителями чистоты католической вѣры, давшими міру инквизитора Торквемаду, въ Варшавѣ за мѣстными „Торквемадами“ установилась слава совершенно иного сорта: среди варшавскихъ монаховъ не было, кажется, ордена болѣе падкаго къ Мамонѣ, чѣмъ доминиканцы. Съ ними могли поспорить, пожалуй, лишь іезуиты, конкурировавшіе, между прочимъ, съ доминиканцами по части распивочной продажи питей. Доминиканцы устроили въ одной изъ залъ своего монастыря на улицѣ Фрета питейное заведеніе, въ которомъ продавались вино и медъ подъ руководствомъ одного изъ монаховъ. Знатный доходъ отъ этого получали и монастырь, и монахи—виночерпшіи. Одинъ изъ послѣднихъ, о. Пій, оставилъ по себѣ память пожертвованіемъ изъ своего капитала 200 дукатовъ „во славу Божию“ на перевезеніе тѣла блаженнаго Садока.

Отстаивая свои денежные интересы, доминиканцы дошли даже однажды до кровопролитнаго сраженія съ городской стражей. Это случилось во время безкоролевья послѣ смерти Яна Собѣскаго. Доминиканцы у стѣны своего монастыря издавна содержали цѣлый базаръ,

сдавая будки торговкамъ и получая отъ нихъ изрядную сумму. Вице-президентъ Старой Варшавы Александръ Чамеръ обвинилъ монаховъ предъ варшавскимъ „старостой“ Красинскимъ въ томъ, что они заняли подъ будки городскую землю, и просилъ снести эти будки, какъ портяція „добрый порядокъ въ городѣ“. Красинскій согласился исполнить эту просьбу, несмотря на ходатайства пріора доминиканцевъ кс. Кондима-Загоровскаго, и послалъ рабочихъ для разрушенія будокъ, но монахи рѣшили оказать сопротивленіе „старостинскимъ хамамъ“ и прогнали ихъ. Но не долго продолжалось торжество доминиканцевъ: панъ староста до того на нихъ разгнѣвался, что послалъ противъ нихъ подъ командой капитана Михаила Орловскаго сто „райтаровъ“ и сто пѣхотинцевъ, которые разогнали монастырскую рать изъ „пахолковъ“ и принялись разбирать будки. Доминиканцы ударили въ набать и бросились на помощь къ своимъ „пахолкамъ“. Изъ оконъ и съ крышъ въ старостинскій отрядъ полетѣли камни, а одинъ изъ послушниковъ Адамъ Гембальскій выстрѣлилъ въ „райтаровъ“ изъ пистолета. Тогда капитанъ приказалъ пѣхотѣ стрѣлять въ толпу. Одинъ студентъ и монастырскій эконокъ были убиты, а восемь монаховъ и Гембальскій ранены. Больше всего ранъ получилъ этотъ послѣдній... Послѣ залпа толпа разбѣжалась, и будки безпрепятственно были снесены...

Походъ противъ доминиканцевъ и ихъ пораженіе привели въ негодование папскаго нунція, который, не долго думая, пустилъ въ ходъ духовное оружіе и отлучилъ отъ церкви старосту, вице-президента, капитана Орловскаго и всѣхъ, содѣйствовавшихъ пораженію доминиканцевъ, а эти послѣдніе отвезли окровавленные трупы въ судъ, требуя наказанія виновныхъ. Послѣ долгихъ переговоровъ нунцій согласился снять клятву церковную подъ условіемъ, что панъ староста заплатитъ доминиканцамъ 2000 битыхъ талеровъ, а Чамеръ будетъ отрѣшенъ на три года отъ должности вице-президента.

Когда варшавскіе доминиканцы получили эти деньги, имъ позавидовали краковскіе ихъ собратыя и потребовали третью часть въ свою пользу въ виду того, что Гембальскій былъ сначала въ ихъ монастырѣ. Но варшавскіе доминиканцы отвѣтили, что Гембальскій, будучи челоуѣкомъ „горячаго духа“, былъ виновникомъ кровопролитія и что краковскіе отцы никакого убытка не понесли, тогда какъ варшавскимъ пришлось расходоваться на аптеку, доктора, судъ, перевозку труповъ и т. д.

Вообще варшавскіе доминиканцы не ладили со свѣтской властью и, кромѣ описаннаго выше „сраженія“, были вынуждены однажды

подвергнуться также „осадѣ“. Дѣло было такъ. При Августѣ III „студенты“ изъ іезуитскихъ школъ отбили съ эшафота нѣкоего Домбровскаго и отвели его къ доминиканцамъ, прося ихъ дать ему убѣжище на основаніи *ius asyli*, которымъ доминиканцы въ Варшавѣ никогда впрочемъ не пользовались. Великій коронный маршалъ Бѣлинскій, человекъ суровый и энергичный, потребовалъ выдачи Домбровскаго, а когда монахи отказали, окружилъ монастырь стражей и рѣшилъ добиться своего изморомъ, никого не впуская и не выпуская изъ монастыря. Монахамъ грозилъ голодъ, но за нихъ заступился нунцій. Онъ созвалъ представителей всѣхъ монастырей на совѣщаніе, и тѣ рѣшили, что доминиканцы поступили правильно, а потому король приказалъ Бѣлинскому снять осаду.

Въ стремленіи присвоить себѣ и свѣтскую власть гораздо больше, чѣмъ доминиканцамъ, повезло монахинямъ—бригиткамъ, которыя сумѣли создать даже цѣлое „государство въ государствѣ“.

Монастырь бригитокъ, отъ котораго теперь и слѣда не осталось, находился на углу Долгой улицы и Налевокъ, тамъ, гдѣ теперь находятся многоэтажные дома, именуемые „пассажемъ Симонса“.

До половины XVI вѣка на этомъ мѣстѣ былъ большой городской выгонъ, именовавшійся въ различныхъ актахъ *expulsorium civile*. Улица Налевки была тогда большой дорогой. На этой дорогѣ на углу тогдашней Широкой или Блонской (нынѣшней Долгой) улицы позолотчикъ Янъ Карнофъ воздвигъ въ 1540 г. деревянную часовню во имя Пресвятой Троицы и завѣщалъ капиталъ на содержаніе при ней капеллана.

Часовня нѣсколько десятковъ лѣтъ простояла въ первоначальномъ своемъ скромномъ видѣ вдали отъ тогдашней Варшавы, пока король Стефанъ Баторій не задумалъ устроить *hospitium* (пріютъ) для престарѣлыхъ ветерановъ. Король избралъ для него часть *expulsorium civile* около часовни Пресвятой Троицы, построилъ тамъ каменное зданіе для инвалидовъ и обнесъ зданіе и часовню кирпичной стѣной.

Долго ли просуществовалъ этотъ пріютъ, неизвѣстно, но при Сигизмундѣ III, предпочитавшемъ солдатамъ монаховъ, зданіе инвалиднаго дома уже пустовало, и король, воспользовавшись этимъ, перевелъ въ него монахинь-бригитокъ изъ дер. Липье близъ Черска. подаривъ имъ обширный участокъ земли около новаго монастыря, который бригитки въ память своего Липья назвали Новолипьемъ. Границы пожалованнаго королемъ участка не были точно опредѣлены,

и бригиткамъ пришлось вести цѣлый рядъ процессовъ съ сосѣдними владѣльцами, чѣмъ онѣ создали себѣ въ Варшавѣ репутацію большихъ сутягъ и кляузницъ. Между прочимъ бригитки долго вели тяжбу изъ-за земли съ больницей Св. Духа, претендовавшей на монашеское Новолипье. Тяжба закончилась въ началѣ XVIII вѣка тѣмъ, что судъ, установивъ границу между монашеской и больничной землей, наименовалъ первую Новолипьемъ, а вторую для отличія—Новолипками. Названія эти до сихъ поръ сохранились за двумя сосѣдними варшавскими улицами.

Постепенно монастырь бригитокъ увеличивался и богатѣлъ. Первоначальная деревянная часовня была замѣнена каменнымъ костеломъ, построеннымъ гвѣзненскимъ архіепископомъ Андреемъ Лещинскимъ. Вообще семейство Лещинскихъ, владѣльцевъ деревни Лешна (теперь—улица въ Варшавѣ), неоднократно дѣлало монастырю большія пожертвованія: какая то Лещинская написала икону для главнаго алтаря, Станиславъ Лещинскій помогъ монастырю оправиться послѣ шведскаго разоренія, староста варшавскій Янъ-Пшеславъ Лещинскій былъ даже погребенъ въ стѣнахъ костела, какъ благодѣтель монастыря.

Какъ рассказываетъ В. Гомулицкій въ книгѣ „*Orowiadania o starej Warszawie* (Варшава, 1900), монахинь-бригитокъ въ монастырѣ никогда не было больше десяти, но за то тамъ проживало множество послушницъ, компаньенокъ и служанокъ. Все это женское царство занималось не только душеспасительной молитвой, но, пожалуй, еще больше свѣтскими дѣлами. Дѣло въ томъ, что бригитки сумѣли создать изъ своего Новолипя отдѣльную „юридику“ съ независимыми отъ варшавскаго Стараго-Мѣста судомъ и администраціей. Юридикой правила настоятельница монастыря, творившая судъ и расправу по четвергамъ въ обширномъ монастырскомъ *parlatorium*. Такъ какъ монахини-бригитки не показывались публикѣ даже въ костелѣ, гдѣ ихъ мѣста были отгорожены рѣшеткой, то и на судѣ для настоятельницы было устроено закрытое густой рѣшеткой мѣсто. Настоятельница съ „сестрой-секретаремъ“ выслушивала, сидя за этой рѣшеткой, объясненія обвиняемыхъ и свидѣтелей, а затѣмъ объявляла свой приговоръ. Въдѣнію этого оригинальнаго суда подлежали дѣла объ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ, мошенничествѣ, пьянствѣ, безнравственной жизни, присвоеніи чужой собственности и неаккуратной уплатѣ чиншей. За порядкомъ въ залѣ наблюдали монастырскіе „пахолки“, а около рѣшетки, записывая рѣшенія настоятельницы, сидѣлъ монастырскій писарь (обыкновенно—родственникъ ея).

Другимъ поводомъ для вмѣшательства бригитокъ въ свѣтскія дѣла служило предоставленное ихъ монастырю „право убѣжища“ (jus asyli), обезпечивавшее неприкосновенность (immunitas ecclesiastica) преступникамъ, успѣвшимъ скрыться въ монастырь. Этимъ правомъ бригитки пользовались очень широко, чѣмъ приводили въ негодованіе такихъ, напр., строгихъ блюстителей закона, какъ извѣстный великій коронный маршалъ Францискъ Бѣлинскій. Онъ пробовалъ было оспаривать права бригитокъ въ этомъ отношеніи, но потерпѣлъ неудачу, и тогда, чтобы поставить на своемъ, сталъ прибѣгать къ хитрости: спрятавъ по близости свою стражу, онъ выманивалъ какимъ-нибудь образомъ преступника изъ монастыря и забиралъ его съ улицы въ свою тюрьму.

Благодаря „праву убѣжища“, бригитки создали себѣ въ Варшавѣ прекрасную репутацію среди простонародья, и эта добрая слава возросла еще болѣе, когда бригитки во время чумныхъ эпидемій не боялись наряду съ другими монахинями нести помощь больнымъ, рискуя своею жизнью. Въ 1710 году бригитки, помогая чумнымъ больнымъ, вымерли всѣ до одной.

Совсѣмъ не такъ,—кстати сказать,—вели себя во время этой эпидеміи „панны сакраментки“ на Новомъ-мѣстѣ, настоятельница которыхъ, какъ только появился морь, заперлась въ монастырѣ и прервала всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, но чума всетаки проникла къ „сакраменткамъ“ и истребила ихъ всѣхъ, не исключая настоятельницы-француженки. Въ то время въ монастырѣ „сакраментокъ“ были лишь иностранки—француженки, итальянки, нѣмки и „разныя инныя націи“. Всѣ слуги и служанки вымерли также за исключеніемъ одного француза.

Монастырь бригитокъ былъ упраздненъ въ 1807 г. Монахини были переведены въ монастырь визитокъ, а костелъ и монастырскія зданія были передѣланы въ казармы. Впослѣдствіи въ зданіи костела была помѣщена оружейная фабрика, и въ ней появилось „диво дивное“, привлекавшее толпы варшавянь,—первая въ Варшавѣ паровая машина. Въ 1892 году старыя зданія были разобраны и на ихъ мѣстѣ построенъ впослѣдствіи „пассажъ Симонса“.

Почти безслѣдно исчезли также и бенониты, изгнанные во времена герцогства варшавскаго за враждебныя дѣйствія противъ Наполеона I.

„Бенонами“ или „бенонитами“ именовались первоначально члены „братства св. Бенона“, которое было организовано въ 1623 году, по

иниціативѣ іезуита Георга Лейера, варшавскими нѣмцами—купцами и ремесленниками съ цѣлью заботиться о воспитаніи сиротъ членовъ братства и оказывать гостепріимство пилигримамъ-нѣмцамъ. Братство оказало большія услуги Варшавѣ въ началѣ XVIII вѣка во время морового повѣтрія 1710 и 1712 гг. Въ 1710 г. изъ числа членовъ братства, оказывавшихъ помощь больнымъ, умерло 49 человекъ, а въ 1712 г. священникъ братства отецъ Генрихъ по цѣлымъ днямъ ходилъ по городу, навѣщая пораженныхъ чумой, утѣшая ихъ и разнося имъ пищу. Самоотверженный о. Генрихъ сдѣлался жертвой эпидеміи и умеръ на Налевахъ.

Въ началѣ XVIII вѣка къ братству принадлежали, главнымъ образомъ, каменщики. Рѣшивъ построить для братства домъ съ костеломъ, они работали по ночамъ при свѣтѣ факеловъ. Въ этомъ домѣ помѣщались, кромѣ костела, также школа и hospitium для пилигримовъ. Израсходовавъ всѣ свои суммы на постройку, братство въ 1732 г. получило разрѣшеніе устроить первую лотерею въ Варшавѣ. Тиражъ лотереи происходилъ ежемѣсячно. Билетъ стоилъ одинъ тынѣ. Выигрыши состояли изъ различныхъ вещей домашняго обихода. Въ 1740 г. костель св. Бенона сгорѣлъ, и король Августъ III снова разрѣшилъ братству устраивать лотерею—на этотъ разъ денежную—въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Въ 1791 году черезъ Варшаву проѣзжало въ Поморье (Померанію) нѣсколько нѣмецкихъ монаховъ „редемптористовъ“—*praesbyterorum saecularium Sancti Evangelii Operatorum sub titulo Sancti Redemptoris*—намѣревавшихся пропагандировать католичество среди лютеранъ. Монахи эти остановились въ бенонитскомъ hospitium и такъ пришлось по душѣ нѣмцамъ—членамъ братства, что тѣ уговорили ихъ остаться въ Варшавѣ. Они поселились въ братскомъ домѣ, и поэтому ихъ стали звать также „бенонитами“. Монахи эти основали бесплатную школу, которая въ 1793 году насчитывала 350 учащихся обоюго пола. Папскій нунцій въ Варшавѣ монсиньоръ Салюццо поставилъ во главѣ монаховъ-бенонитовъ выписаннаго имъ изъ Рима о. Клеменса—Марію Гофбауэра, который недавно причисленъ римской куріей къ лику святыхъ.

Гофбауэръ былъ онѣмеченнымъ чехомъ, сыномъ мясника, носившаго славянскую фамилію „Дворжакъ“. Родился онъ въ 1751 г. въ Знаимѣ въ Моравіи, рано потерялъ отца и былъ отданъ матерью въ науку къ пекарю. Работая въ пекарнѣ брѹцкаго аббатства, онъ обратилъ на себя вниманіе аббата и поступилъ въ монастырскую школу,

послѣ чего сталъ вести отшельническую жизнь. Когда при императорѣ Іосифѣ II монахи подверглись различнымъ ограниченіямъ, Готтбауэръ пѣшкомъ отправился въ 1777 году въ Римъ и поселился въ окрестностяхъ Тиволи. Въ 1785 г. онъ вступилъ въ конгрегацію редемптористовъ, а затѣмъ отправился по приглашенію Салюццо въ Варшаву. Пришелъ онъ пѣшкомъ въ сопровожденіи о. Яна Тадеуша Гюбля, тоже онѣмеченнаго чеха. Готтбауэръ сдѣлался генеральнымъ викаріемъ редемптористовъ въ Варшавѣ и вскорѣ пріобрѣлъ симпатіи всѣхъ слоевъ населенія. Король Станиславъ-Августъ наградилъ его въ 1795 г. орденомъ Бѣлаго Орла, а варшавское населеніе по цѣлымъ днямъ переполняло костелъ бенонитовъ, богослуженія въ которомъ отличались необычайной торжественностью и продолжительностью.

Во времена прусскаго владычества значеніе нѣмцевъ-монаховъ, само собой понятно, возросло еще болѣе, такъ какъ они встрѣчали извѣстную поддержку въ берлинскомъ правительствѣ. „Бенониты“ привезли изъ Вѣны статую Богоматери, считавшуюся чудотворной, и наплывъ богомольцевъ въ костелъ на Пѣшей улицѣ возросъ до небывалыхъ размѣровъ. Ремесленники бросали свои мастерскія, жены—дома мужей, слуги—господъ и цѣлые дни проводили на бенонитскихъ богослуженіяхъ и процессіяхъ около костела. Благодаря притоку пожертвованій, костелъ былъ расширенъ и украшенъ нѣсколькими статуями. Одна изъ нихъ—„Ессе Ното“—находится теперь въ костелѣ Пресвятой Дѣвы Маріи.

Когда возникло Варшавское герцогство, выдающееся значеніе нѣмцевъ—„бенонитовъ“ не могло не навлечь подозрѣній сторонниковъ Наполеона и тогдашняго французскаго свободомыслія. Съ одной стороны, въ вѣкъ безвѣрія казалось нежелательнымъ распространеніе въ простонародѣ чрезмѣрной, доходившей до ханжества религіозности, которую поддерживали бенониты, а съ другой—нѣмцы-монахи, близко стоящіе къ массѣ населенія и несомнѣнно враждебно настроенные къ владычеству французовъ, могли оказаться опасными развѣдчиками и агитаторами.

Тогдашнее правительство, отличавшееся вообще нерасположеніемъ къ духовенству и монастырямъ, не стѣснялось закрывать костелы и превращать ихъ въ склады. Этой судьбѣ подверглись уже старинный костелъ Св. Георгія, передѣланный въ военный складъ, іезуитскій костелъ на улицѣ Св. Іоанна, костелъ Св. Троицы и монастырь бригитокъ на углу Налевокъ и Долгой, превращенный въ казармы, доминиканскій монастырь, сдѣлавшійся фабрикой сабель, францисканскій,

превращенный въ тюрьму, костелъ и монастырь бернардинокъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ, въ которомъ помѣщенъ былъ складъ фуража, а монастырь и костелъ бернардиновъ на Прагѣ были совершенно разрушены съ цѣлью расширенія укрѣпленій...

При такомъ настроеніи правящихъ сферъ онѣ воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы конфисковать бенонитскія зданія и выселить бенонитовъ-монаховъ изъ Варшавы. Случай этотъ произошелъ 4 (12) Апрѣля 1808 года между 9 и 10 час. вечера послѣ пасхальной „резуррекціи“ въ костелѣ св. Бенона. Между толпой, вышедшей изъ костела, и двумя французскими офицерами возникла драка, во время которой одинъ изъ французовъ побилъ монаха. Скандалъ этотъ надѣлалъ много шума и послужилъ поводомъ къ изгнанію монаховъ-бенонитовъ изъ Варшавы, тѣмъ болѣе, что противъ нихъ имѣлись уже нѣкоторыя данныя, уличавшія ихъ въ сношеніяхъ съ врагами Франціи. Въ официальномъ сообщеніи, напечатанномъ въ № 61 „Варшавской газеты“ отъ 18 (30) іюля 1808 г., бенониты обвинялись между прочимъ въ томъ, что они „увеличивали всѣми силами число сторонниковъ своего ордена, возлагая на нихъ обязанности шпионовъ, благодаря чему были освѣдомлены обо всемъ, что случалось въ средѣ семействъ и супружествъ, въ которыхъ они часто бывали причиной раздоровъ и несогласій“, что они „подъ покровомъ религіи привлекли къ себѣ многихъ женщинъ, многихъ изъ нихъ отвратили отъ пути добродѣтели, приказывая имъ покидать родителей, родныхъ или мужей и проживать съ ними подѣ предлогомъ покаянія“. „Женщины жили въ ихъ постройкахъ, воспитывая дѣтей, отцы которыхъ не были извѣстны“. Кроме того монахи-бенониты „налагали денежные уплаты, привлекали пожертвованія, бывали посредниками при возвращеніи похищенныхъ предметов“. Бенониты обвинялись также и въ томъ, что „чрезвычайный способъ“ совершенія богослуженій „ввергалъ жителей въ суевѣріе, отнималъ дорогое время у ремесленниковъ и людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, уменьшалъ ихъ малое имущество непропорціональными жертвами“... „Словомъ,—говорилось въ правительственномъ сообщеніи,—достаточно было бы допустить существованіе двухъ подобныхъ монастырей въ Варшавѣ, чтобы со временемъ вовлечь простонародье въ величайшее суевѣріе, разореніе и бездѣльничанье“.

Какъ говорилось въ томъ же правительственномъ сообщеніи, обыскъ, произведенный въ домѣ бенонитовъ въ день выселенія ихъ изъ Варшавы, „увеличилъ доказательства ихъ вины“. Оказалось, что у нихъ были корреспонденты во всѣхъ странахъ Европы, а „особенно

въ странахъ общихъ враговъ Франціи и Польши“, что они „получали изъ-за границы и распространяли ложныя и вредныя вѣсти, которыми часто тревожили умы легковѣрнаго люда“, что передъ заключеніемъ тильзитскаго мира они „были орудіемъ корреспонденціи и облегчали ее секретнымъ агентамъ непріятелей“, что они „старались окружить наушниками выдающихся лицъ въ краѣ, чтобы ловко руководить ими“, и т. д. Какъ ходили слухи, передаваемые Ф. М. Собещанскимъ, бенониты находились въ сношеніяхъ съ пруссаками передъ тильзитскимъ миромъ, а затѣмъ съ австрійцами, подготовлявшими нападеніе на герцогство варшавское.

Въ другомъ правительственномъ сообщеніи, появившемся въ прибавленіи къ № 79 „Варшавской газеты“ 1808 г., указывалось, что конгрегациі бенонитовъ уже изгнаны изъ Баваріи и Швейцаріи за то, что онѣ „побуждали простонародье къ беспорядкамъ“. „Варшавскіе бенониты, которые тоже принимали участіе въ этихъ интригахъ, точно также тайно поступали и въ Варшавѣ, и если въ недавнее время имъ не удалось вызвать беспорядки, то лишь потому, что бдительныя власти знали каждый ихъ шагъ и могли предупредить ихъ своевременно принятыми мѣрами“.

Бенонитовъ вывезли изъ Варшавы 8 (12) іюня 1808 года, а ихъ домъ и костелъ были конфискованы. Въ костелѣ сначала былъ помѣщенъ архивъ, а затѣмъ зданіе это было продано и передѣлано въ фабрику.

Повидимому, въ походѣ противъ бенонитовъ принимали немалое участіе варшавскіе масоны, такъ какъ, по словамъ современниковъ, они еще за шесть недѣль до вывоза монаховъ предсказывали ихъ изгнаніе, а тотчасъ послѣ того, какъ бенониты-монахи были увезены, масоны, „устроивъ пиръ въ ложѣ, провели цѣлую ночь въ кутежѣ, крикахъ и пальбѣ изъ пистолетовъ“.

Познакомивъ читателей съ нѣкоторыми, „чертами изъ жизни“ благодушныхъ чревоугодниковъ—августинцевъ, богомольныхъ бернардиновъ и капуциновъ, грубыхъ доминиканцевъ, хозяйственныхъ помѣщицъ—бригитокъ и нѣмцелюбовъ—бенонитовъ, мы намѣрены сказать еще нѣсколько словъ о монахахъ хищнаго типа—іезуитахъ, которые *ad majorem Dei gloriam* не стѣснялись въ средствахъ даже противъ своихъ же собратьевъ—ксендзовъ и монаховъ другихъ орденовъ.

Въ началѣ этого очерка мы рассказали уже о попыткѣ іезуитовъ овладѣть августинскимъ монастыремъ при помощи хитрости. Іезуиты

тогда потерпѣли, какъ извѣстно, неудачу и должны были, по приказанію папы, къ „вѣчному стыду“ своему совершать ежегодно въ костелѣ св. Мартина торжественное „искупительное“ богослуженіе. Но „вѣчный стыдъ“ ничуть не повредилъ репутаціи послѣдователей Игнатія Лойолы. Они дѣйствовали такъ умѣло, что черезъ полвѣка послѣ своего появленія при Сигизмундѣ III въ Варшавѣ сдѣлались самыми богатыми варшавскими монахами. Костелъ во имя Пресвятой Дѣвы Милосердной, начатый постройкой въ 1626 году, они не только благополучно достроили, но и украсили такъ, какъ не былъ украшенъ ни одинъ костелъ въ Варшавѣ. Двадцать алтарей, въ томъ числѣ 12 мраморныхъ, двадцать конфессіоналовъ, мраморные полы и балюстрады... Но народъ привлекали не только эта роскошь, но и постоянные „отпусы“, проповѣди на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, разсчитанныя на всѣ классы населенія, торжественныя богослуженія, иллюминаціи фасада костела въ большіе праздники. Іезуиты умѣли приноровиться ко всякимъ вкусамъ и потому, пользуясь всеобщимъ вниманіемъ, съ каждымъ годомъ все больше богатѣли. Особенно счастливы они были на наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ: получили такимъ путемъ имѣніе близъ Польцова (нынѣшней цитадели), нѣсколько домовъ на Старомъ Мѣстѣ, приобрѣли Конвикторскую улицу со всѣми домами. Особенно обогатилъ варшавскихъ іезуитовъ одинъ изъ Витгофовъ, принадлежавшихъ къ числу варшавскихъ „патриціевъ“, единственный сынъ президента Старой Варшавы Франциска Витгофа во время второго шведскаго нашествія, Станиславъ, родившійся въ 1706 году. Подъ вліяніемъ іезуитовъ онъ двадцатилѣтнимъ юношей отрекся отъ міра, отъ предстоявшей ему блестящей карьеры и вступилъ въ іезуитскій орденъ, подаривъ ему большой домъ и 108000 злотыхъ на достройку коллегіи. Станиславъ Витгофъ умеръ на 27 году жизни, и все его добро попало въ руки іезуитовъ...

Они вообще умѣли пользоваться всякими удобными случаями, не останавливаясь ни предъ какими средствами для того, чтобы отбить паству у другихъ костеловъ и монашескихъ орденовъ. Особенно старались они превзойти своихъ ближайшихъ сосѣдей—свѣтскихъ ксендзовъ капитула Св. Іоанна. Капитулъ получалъ большіе доходы отъ богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе привезенному въ XVI столѣтіи распятію, славившемуся чудесами. По преданію у Христа на этомъ распятіи отростали волосы, которые разъ въ годъ подстригала золотыми ножницами невинная дѣвушка. Но однажды волосы обстригла дѣвушка „съ прошлымъ“, и они перестали расти. Іезуиты

помѣстили въ своемъ костелѣ точную копию этого распятія, именуемаго „Пань Езусъ Старый“, и пытались создать легенду, аналогичную съ преданіемъ, рассказаннымъ нами выше, а именно, что находившееся въ ихъ костелѣ распятіе привезено изъ города Любека въ Нижней Саксоніи въ 1648 году нѣкимъ Яномъ Бильфельтомъ, спасшимъ его отъ поруганія со стороны протестантовъ. Іезуиты стали рассказывать эту исторію лишь въ 1783 г., когда о ней была напечатана замѣтка въ „Варшавской Газетѣ“, повидимому стремясь создать конкуренцію „фарѣ“. Судя по тому, что на распятіи, находящемся и нынѣ въ б. іезуитскомъ костелѣ, имѣется довольно много серебряныхъ приношеній (vota), можно полагать, что іезуиты своей цѣли отчасти достигли...

Характерный эпизодъ въ такомъ же родѣ произошелъ съ „литератской архиконфратерніей“ въ царствованіе короля Яна-Казимира.

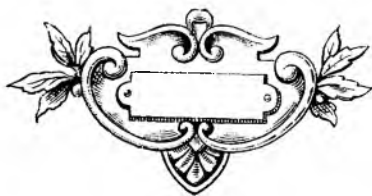
„Литератская архиконфратернія“, существующая и въ настоящее время, была основана въ 1540 году въ видѣ братства изъ грамотныхъ людей, именовавшихся въ то время „literati“. Цѣлью братства была общая молитва. Оно существовало сначала при костелѣ св. Георгія, но во время перваго шведскаго нашествія костелъ этотъ, стоявшій внѣ стѣнъ Варшавы, былъ разоренъ, и братство въ 1657 году перешло въ костелъ св. Іоанна. Іезуитамъ не понравилось, что у ихъ конкурентовъ увеличилось число пасомыхъ. Были пущены въ ходъ всякія средства, чтобы перетянуть братство въ іезуитскій костелъ. Іезуиты постарались пріобрѣсти раеположеніе нѣкоторыхъ „литератовъ“, и въ средѣ братства начались раздоры: одни стали уговаривать перейти къ іезуитамъ, другіе предпочитали ксендзовъ капитула св. Іоанна. Іезуиты обратились за протекціей къ королю, который въ то время за ними очень ухаживалъ. Король высказался въ пользу перехода братства въ костелъ Пресвятой Дѣвы Милостивой, но раздоры „литератовъ“ не прекратились. Дошло до того, что часть ихъ ушла обратно въ кафедральный костелъ, и образовалось двѣ „литератскихъ конфратерніи“, впрочемъ—не надолго. „Конфратернія“ при костелѣ св. Іоанна была гораздо многочисленнѣе, и подчинившіеся іезуитамъ „литераты“ въ концѣ концовъ тоже ихъ покинули.

Когда появились піары, избравшіе своей спеціальностью обученіе молодежи и устроившіе свои „благочестивыя школы“ (scholae piae) на углу Долгой и Медовой ул. (нынѣшніе дома №№ 13 и 15 на Долгой ул. и №№ 22 и 20 на Медовой), іезуиты начали съ ними упорную борьбу, въ которую втянули и обучавшееся въ ихъ коллегіи (на ны-

вѣшней Іезуитской ул.) юношество: при встрѣчахъ на улицахъ и на паломничествахъ въ лоретанскій костелъ Пресвятой Богородицы на Прагѣ воспитанники іезуитовъ нападали на учениковъ пiarовъ, и происходили жестокія драки, доходившія до кровопролитія.

Какъ мы упоминали уже выше, оо. іезуиты для увеличенія своихъ достатковъ занимались даже виноторговлей. Въ ихъ обширныхъ погребахъ хранились старыя вина, и продажа ихъ приносила іезуитамъ большую выгоду. Когда же іезуитскій орденъ прекратилъ свое существованіе, іезуитской виноторговлей занялся кс. Стефанъ Лускина, редактировавшій въ то же время „Варшавскую газету“. Ксендзь-редакторъ содержалъ на Старомъ Мѣстѣ трактиръ съ продажей вина на кварты, гарнцы и стаканы. Помощникомъ Лускины состоялъ свѣтскій іезуитъ, братъ Косцеша, бывшій іезуитскій „рефектарій“, приобрѣвшій въ этой должности большую опытность по винной части.

Н. Ѳ. Акаѣмовъ.

Жалоба флота капитанъ-командора В. М. Головнина.

Василій Михайловичъ Головнинъ (род. 8 Апрѣля 1776 г., † 30 Юня 1831 г.) былъ извѣстнымъ кругосвѣтнымъ мореплавателемъ, именемъ коего названы: 1) заливъ въ Беринговомъ проливѣ, на американскомъ берегу, по юго-западную сторону мыса Дерби, 2) проливъ между Курильскими островами Райкоке и Матуа, 3) мысъ, близъ мыса Лисбурна, оконечность русской тогда Америки и 4) гора на Новой Землѣ къ востоку отъ Маточкина Шара по 71° широты.

Выпущенный въ офицеры въ 1793 г., онъ былъ отправленъ въ Англію въ 1801 г. на 3 года, въ числѣ лучшихъ морскихъ офицеровъ, для службы въ англійскомъ флотѣ, гдѣ, помня наставленіе адмирала Н. С. Мордвинова, въ полной мѣрѣ воспользовался случаемъ для обогащенія себя полезными свѣдѣніями. Служа въ Англіи подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ, Корнваллиса, Нельсона, Коллингвуда, Головнинъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, обратилъ на себя вниманіе послѣднихъ и приобрѣлъ уваженіе своихъ сослуживцевъ. Такъ, при abordажѣ греческаго пирата гребными судами, посланными съ англійскаго фрегата „Фисгардъ“, Головнинъ вызвалъ восторженные отзывы о своей неустрашимости¹⁾. По окончаніи срока службы своей въ Англіи, Головнинъ отпросился въ Вестъ-Индію, и, передъ отправленіемъ своимъ туда, послалъ тогдашнему Морскому Министру Чичагову сравнительныя замѣчанія свои о состояніи русскаго и англійскаго флотовъ—плодъ основательнаго изученія службы и устройства того и другого.

¹⁾ По докладу 10 Апр. 1807 г., Головнинъ удостоился Монаршей награды Императора Александра I за „приобрѣтеніе познаній, относящихся до морского искусства, и за сочиненіе новой сигнальной книги“ въ бытность волонтеромъ въ англійскомъ флотѣ. Описаніе дѣлъ Арх. М. М-ва, т. X, стр. 559.

По возвращеніи въ Россію въ 1806 г., Головиннъ былъ назначенъ командиромъ шлюпа „Діаны“, посылавшагося въ кругосвѣтное плаваніе съ цѣлью географическихъ открытій и описаній въ сѣверной части Тихаго океана. Путешествіе на „Діанѣ“ описано и напечатано Головиннымъ въ 1819 г. и содержитъ полезныя наставленія для моряковъ и любопытныя описанія посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Въ 1811 г. на Головина было возложено описаніе южныхъ Курильскихъ острововъ, Шантарскихъ острововъ и Татарскаго берега. Результаты этихъ изслѣдованій напечатаны имъ въ 1819 г. подъ заглавіемъ „Сокращенныя записки флота капитанъ-лейтенанта Головина о плаваніи его на шлюпѣ „Діана“ для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 г.“ Во время составленія этой описи Головиннъ остановился у японскаго острова Кунашира и былъ захваченъ Японцами въ плѣнъ, продолжавшійся слишкомъ 2 года. Во время своего пребыванія въ японской тюрьмѣ, Головиннъ выказалъ твердость духа и благородство своего характера. Изъ тюрьмы писалъ онъ своему другу и сослуживцу Рикорду, впоследствии Начальнику Камчатской области: „Знайте, гдѣ честь Государа и польза отечества требуютъ, я тамъ жизнь свою въ копѣйку не ставлю, и потому вы меня не должны падить въ такихъ случаяхъ.“

Въ 1817 г. назначенный начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи, Головиннъ отправился въ путь на шлюпѣ „Камчатка“. Описаніе путешествія на „Камчаткѣ“ издано имъ въ 1822 г., въ 2 частяхъ.

Въ 1821 г. Головиннъ былъ назначенъ помощникомъ Директора Морского Кадетскаго Корпуса и, вникая въ образованіе морскихъ офицеровъ, перевелъ съ англійскаго „Исторію кораблекрушеній Дункена“ въ 3-хъ томахъ, съ разными поясненіями, и съ прибавленіемъ 4-го тома „О достопримѣчательныхъ кораблекрушеніяхъ, случившихся въ Россійскомъ флотѣ.“

25 Апрѣля 1823 г. Головиннъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ флота. Насколько отвѣтственна была эта должность, можно заключить изъ того, что въ вѣдѣніи генералъ-интенданта находились всѣ корабельныя постройки и береговыя зданія морского вѣдомства, отъ Риги до Камчатки, за исключеніемъ Черноморскихъ портовъ. Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I началась для русскаго флота новая эра. Во всѣхъ адмиралтействахъ проявилась невиданная раньше дѣятельность. Кромѣ постройки значительнаго количества новыхъ кораблей, надлежало заботиться объ ихъ вооруженіи и

снабженіи. Головнинъ неуспѣшно и усердно несъ свои обязанности, сопряженныя съ строгой отвѣтственностью. Строгий къ самому себѣ, недоступный корыстолюбію, онъ исправлялъ всякую ошибку, взыскивалъ за неисправность и неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія. Долгіе годы полезной дѣятельности общала его жизнь, если бы не разразившаяся въ 1831 г. холера, жертвой коей палъ и Головнинъ, находившійся еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья.

Въ 1822 г. Головнинъ выпустилъ въ свѣтъ 4-ый томъ своей исторіи кораблекрушеній, 10-ая статья коего, озаглавленная „Разбитіе русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи въ 1771 году,“ представляла перепечатку сочиненія, подъ названіемъ, *Отрывокъ изъ жизни №....* анонимнаго автора, помѣщеннаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за Декабрь 1821 г. и Январь и Февраль 1822 г. Статью эту Головнинъ снабдилъ собственными объясненіями, и это послѣднее обстоятельство побудило безымяннаго автора написать въ тѣхъ-же „Отечествен. Запискахъ,“ за Мартъ мѣсяць 1823 г., свои „Замѣчанія на 10-ую статью, помѣщенную въ 4-ой части (съ прибавленіями) описанія достопримѣчательныхъ кораблекрушеній.“ Въ своихъ „Замѣчаніяхъ“ авторъ, продолжавшій сохранять свое инкогнито, упрекалъ Головнина за искаженіе смысла своихъ словъ и даже за непониманіе написаннаго имъ. Упреки свои указанный анонимъ формулировалъ въ достаточно обидныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, послѣдствіемъ чего было циркулярное предложеніе, отъ 24 іюня 1824 г., Г.Г. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ о предписаніи Цензурнымъ Комитетамъ, „чтобы въ повременныхъ изданіяхъ пропускали критики и антикритики съ разсмотрѣніемъ, дабы оныя заключались въ предѣлахъ благопристойности, отнюдь непохожей на такъ называемые пасквили; особливо-же наблюдали сіе съ первой выходящей на какое либо сочиненіе критикой, ибо, если она напечатана будетъ съ неприличными насмѣшками и колкостями, то и въ отвѣтъ на нее несправедливо будетъ того-же не допускать.“

И это все, чего могъ добиться Головнинъ, такъ какъ отвѣтъ его на указаннаго „Замѣчанія“ не былъ пропущенъ С.П.Б. Цензурнымъ Комитетомъ. Жалоба его на послѣдній, поданная имъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Нар. Просв. кн. А. Н. Голицыну, 16 апрѣля 1823 г., т. е. незадолго до назначенія его на постъ генералъ-интенданта флота, была препровождена, при отношеніи отъ 30 Апрѣля того-же года, и. д. Попечителя С.П.Б. учебн. окр. Д. П. Руничу¹⁾, для истребованія свѣ-

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о Руничѣ содержатся въ недавно вышедшей книгѣ извѣстнаго историка Отечественной войны К. А. Военскаго „Московскій университетъ и С.П.Б. учебный округъ“.

дѣній отъ С.П.Б. Ценз. Комитета. Послѣдній же, отношеніемъ отъ 17 Мая 1823 г. далъ и. д. Попечителя слѣдующее объясненіе. „Отвѣтъ Г. Капитанъ-Командора Головнина на Замѣчанія на 10 ст., помѣщ. въ 4 ч. описан. кораблекруш. былъ читанъ въ Собраніи Комитета 19 числа Марта сего года и, по общему мнѣнію, отправленъ обратно къ Г. Сочинителю при надлежащемъ отношеніи, которымъ комитетъ предоставлялъ ему самому испросить предварительно отъ Морского Начальства согласіе на помѣщеніе въ частномъ журналѣ сей статьи, потому что указанія въ оной на разныхъ чиновниковъ Морского вѣдомства и приведенные въ ней официальные документы изъ дѣла о разбитіи въ 1771 г. одного линейнаго корабля („Вячеславъ“) давали сему отвѣту видъ судной бумаги, какого не имѣли напечатанныя въ „Отечеств. Зап.“ двѣ литературныя статьи, одна, подъ названіемъ, „Отрывки изъ жизни N“, а другая, подъ заглавіемъ „Замѣчаній“, въ которыхъ сочинитель никого не называлъ по имени и даже не назвалъ Головнина, сочинителя отвѣта, хотя и сдѣлалось уже оно извѣстнымъ изъ 4-ой части „Описанія достоприм. кораблекр.“, пропущенной въ печать не С.П.Б. Цензурн. Комитетомъ.¹⁾“ Далѣе Комитетъ указываетъ, что онъ тѣмъ болѣе затрудняется пропустить „Отвѣтъ“ Головнина просителя, что „послѣднему“, равно какъ и Ценз. Комитету, уже извѣстенъ авторъ отрывка изъ жизни N...“ и „Замѣчаній“ и что сіе лицо въ вышеупомянутой книгѣ Головнина объявленное (на стр. 210) въ числѣ лицъ, находившихся на кораблѣ „Вячеславъ“, не можетъ не сдѣлаться болѣе извѣстнымъ публикѣ по многимъ относимымъ прямо къ нему обстоятельствамъ службы и особеннымъ выраженіямъ Г. сочинителя „Отвѣта“. Съ другой стороны, Комитетъ считаетъ излишнимъ изъясниться Вашему Превосходительству, что онъ, не взирая на отличный видъ и на иную цѣль „Замѣчаній“, въ которыхъ не встрѣчается выраженій, подобныхъ употребленнымъ въ „Отвѣтъ“ Г. Головнина, всячески старался отклонить помѣщеніе и сихъ Замѣчаній въ „Отечест. Зап.“; и, дѣйствительно, не прежде уступилъ настояніемъ сочинителя ихъ и желанію самого издателя „Отеч. Зап.“, какъ когда узналъ, что Г. Головнинъ самъ не противорѣчилъ сему и когда помянутыя Замѣчанія на его статью получили видъ одного изъясненія и защищенія нѣкоторыхъ мѣстъ „Отрывка изъ жизни N...“, который, по утверженію ихъ автора, перепечатанъ былъ въ четвертой части „Описанія кораблекрушеній“ безъ его согласія и, даже, вовсе безъ его вѣдома.“

¹⁾ 4-ая ч. Исторіи Головнина была напечатана по повелѣнію Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента.

Обратимся теперь къ прошенію Головнина, въ которомъ онъ жалуется на С.П.Б. Ц. Комитетъ.

Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Отеч. Зап. въ Декабрѣ 1821 г. и въ Янв. и Февр. 1822 г. „безъ именной Сочинитель, назвавъ себя Гардемариномъ, служившимъ на военномъ кораблѣ, разбившемся у береговъ Швеціи въ 1771 г., выставилъ на позорище нравы и поступки почти всѣхъ своихъ офицеровъ въ самомъ презрительномъ видѣ: корабельнаго капитана описалъ онъ человѣкомъ пьянымъ, безразсуднымъ, малодушнымъ, но дерзкимъ и безчеловѣчнымъ; кадетскаго капитана представилъ въ смѣшной роли надменнаго, худо воспитаннаго, обыкновенныхъ правилъ учтивости незнающаго человѣка, и только, что не назвалъ шутомъ; перваго лейтенанта изобразилъ картежникомъ, и второго почти прямо—назвалъ дуракомъ; капитанъ морскихъ солдатъ представленъ симъ неизвѣстнымъ Сочинителемъ не только человѣкомъ глупымъ, грубымъ, но и жестокосердымъ варваромъ, который, для своей собственной корысти, подвергалъ опасности жизнь служителей и похищалъ казенное имущество. Гардемариновъ также выставилъ онъ съ самой дурной стороны; словомъ, на всемъ кораблѣ никого онъ не похвалилъ, кромѣ самого себя и констапеля; но и сему послѣднему похвалы можно принять за ироническія, ибо, по словамъ сочинителя, достоинство констапеля состояло въ томъ, что, когда корабль стоялъ на мели, то онъ съ распущенными волосами бѣгалъ и поминутно кричалъ: „пали!“ И какъ въ сей статьѣ нигдѣ незамѣчено, что такіе беспорядки нынѣ во флотѣ уже не существуютъ, то при изданіи четвертой части описанія кораблекрушеній я счелъ обязанностью для чести нынѣшняго нашего флота и моихъ сослуживцевъ помѣстить оную статью и дополнить ее замѣчаніями, въ которыхъ ни одного слова, оскорбительнаго для сочинителя ея, кто-бы впрочемъ онъ ни былъ, я не употребилъ. Не взирая однакожь на сіе, онъ напечаталъ возраженіе, наполнилъ оное противорѣчіями, запирательствами въ томъ, что самъ напечаталъ, грубостями и даже съ неслышанной дерзостью почти прямо называетъ меня лжецомъ въ томъ, на что я имѣю официальное доказательство.

„Что С.П.Б. Ценз. Комитетъ препятствія свои въ напечатаніи моего отвѣта не на справедливости и законахъ основываетъ, но поступаетъ въ семъ случаѣ пристрастно и руководствуется лицепріятіемъ, тому нижеслѣдующее можетъ послужить доказательствомъ.

„1) Въ разныхъ книжкахъ Отеч. Зап. нынѣ печатается статья подъ заглавіемъ „Памятныя записки Александра Васильевича Храповицкаго“,

въ нихъ помѣщаются разговоры, сужденія и замѣчанія Императрицы Екатерины II, слышанныя самимъ Г. Храповицкимъ при докладахъ его, когда онъ былъ Статсъ-Секретаремъ Государыни; но кто удостоиврилъ Господь Цензоровъ, какой министръ засвидѣтельствовалъ имъ подлинность сихъ памятныхъ записокъ, и что Храповицкій точно все записывалъ справедливо и безпристрастно? Между тѣмъ мы въ нихъ находимъ мѣста, оскорбительныя для тѣхъ самыхъ особъ, о которыхъ теперь Цензоры и съ похвалою не позволяютъ мнѣ говорить безъ согласія Морского Начальства, а именно: въ отвѣтѣ моемъ я похваляю покойнаго Адмирала Василя Яковлевича Чичагова за его безпристрастіе и строгое наблюденіе законовъ, а въ книжкѣ на Апрель 1822 г. Отечеств. Зап., на стр. 78 напечатано, будто-бы Государыня, получивъ извѣстіе о выходѣ Шведскаго флота велѣла понудить Чичагова, чтобъ скорѣе выходилъ.

„Въ правѣ ли Цenz. Ком. такое выраженіе печатать? Понуждаютъ только лѣнивыхъ и неусердныхъ къ службѣ, а покойный Адмиралъ В. Я. въ сію войну удостоился получить многоразличныя и особенныя Монаршія милости и награды и сохранилъ довѣренность и уваженіе Государыни.

„2) Въ той же книжкѣ на стр. 84 сказано, что будто у Поль-Джонса, который, какъ извѣстно, Императрицей Екатериной былъ принятъ на нашу службу, офицеры не хотѣли служить въ командѣ, и что Бригадиръ Рибасъ ихъ уговорилъ не выходить въ отставку. Спрашивалъ-ли Цenz. Ком. у Морского Министра разрѣшенія на пропускъ такого замѣчанія, которое показываетъ ясное неповиновеніе морскихъ офицеровъ къ Верховной Власти? И если бъ это было точно такъ, то преступленіе сіе навлекло-бы Монаршію гнѣвъ и вѣчное безславіе на морскую службу того времени; но вся Россія знаетъ по Манифестамъ и другимъ Публичнымъ актамъ, сколь великія милости Государыня изволила оказать всѣмъ служившимъ во флотѣ въ ту войну, въ которую будто бы произошло означенное неповиновеніе.

„3) Въ тѣхъ-же Отеч. Зап., въ номерѣ за Августъ 1822 г. на стр. 209 напечатано: „Рых—овъ рапортовалъ, что гребная флотилія остановилась у подзорнаго дворца за неимѣніемъ провіанта. Посыланъ къ Графу Гр. Ив. Чернышеву, чтобъ стороннимъ образомъ о томъ развѣдать. Онъ сказалъ, что остановилась за противнымъ вѣтромъ, что Гвардейцы были нетрезвы“. Съ позволенія ли Военнаго Министерства сіе выраженіе о Гвардейцахъ одобрено Цenz. Ком.?

„4) Всея Россіи, или лучше сказать, всея Европѣ извѣстно, что первое путешествіе Русскихъ вокругъ свѣта совершено подь начальствомъ флота капитана Крузенштерна. Въ повѣствованіи о семъ путешествіи, напечатанномъ по повелѣнію и на иждивеніе Государя Императора и Его Императорскому Величеству посвященномъ, именно сказано, что начальникомъ сей экспедиціи былъ капитанъ Крузенштернъ. По возвращеніи корабля его въ Россію, въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя его данномъ въ 10 день Августа 1806 г., и въ томъ же году, въ № 71 С.П.Б. Вѣдомостей напечатанномъ сказано:

„Совершивъ съ вождельннымъ успѣхомъ путешествіе кругомъ свѣта, вы тѣмъ оправдали справедливое о васъ мнѣніе, въ какомъ съ воли Нашей было вамъ ввѣрено гласное руководство сей экспедиціи.“

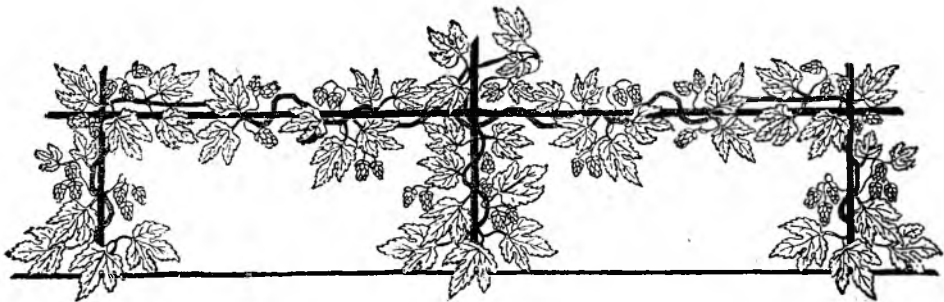
„Но не взирая на сіи столь ясныя, никакому сомнѣнію неподлежащія и публично извѣстныя событія, Ценз. Ком. позволилъ напечатать въ Отеч. Зап. (Май 1822 г.) статью подь заглавіемъ „Первое путешествіе Россіянъ около Свѣта, описанное Резановымъ, чрезвычайнымъ посланникомъ къ двору Японскому и проч.“ Чѣмъ свидѣтельствомъ Господа Цензоры удостовѣрились, что рукопись сія есть дѣйствительно сочиненіе Г. Резанова, за 15 лѣтъ передь симъ умершаго? Если почеркъ руки доказываетъ, то чѣмъ они убѣдились, что Резановъ писалъ не для себя, а для публики, когда вопреки истинѣ онъ говоритъ (стр. 214): „Государь соизволилъ поручить мнѣ главное надь обоими судами начальство.“—А потомъ (на стр. 218): „морскія записки и астрономическія наблюденія, какъ часть, принадлежащую собственно искусству флотскаго офицера, поручилъ я командиру морской части капитанъ-лейтенанту Крузенштерну“. Спрашивалъ-ли Ценз. Ком. у Морского Начальства позволенія на одобреніе такой статьи, которая въ потомствѣ будетъ вредить имени и славѣ капитана Крузенштерна и благодаря которой, еслибъ публика повѣрила, то возымѣла-бы подозрѣніе, что капитанъ Крузенштернъ въ своемъ путешествіи назвалъ себя начальникомъ экспедиціи несправедливо!“

Прошеніе свое Головинъ оканчиваетъ указаніемъ, что акты, на которые онъ ссылается, по существу своему, никогда не подлежали и теперь не подлежатъ ни малѣйшей тайнѣ. Наконецъ, „умышленное препятствіе Ценз. Ком. доказывается“, по мнѣнію Головина, „еще тѣмъ, что при объявленіи Г. Цензору Красовскому о намѣреніи Головина прислать въ Комитетъ отвѣтъ, послѣдній сказалъ, что, если Комитетъ одобритъ его, то съ тѣмъ только, чтобъ онъ былъ напечатанъ

въ „Отечественныхъ Запискахъ“. „Откуда“. спрашиваетъ Головинъ, „происходитъ такое предпочтеніе?“ „Не существуетъ никакой законъ, по которому надлежало-бы отвѣчать на критики въ одномъ съ ними Періодическомъ сочиненіи, и невидно, чтобы и самъ Комитетъ когда-либо держался сего правила: сему служатъ доказательствомъ ежедневно являющіеся въ разныхъ журналахъ споры.“

В. Голубевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ГОРОДА КРЕМЕНСКА

Г. Кременск¹⁾ на страницахъ русской исторіи встрѣчается впервые подъ 1480 г., когда Іоаннъ III, выступивъ противъ Ахмата, пріѣхалъ сюда и далъ знать воеводамъ, что отсюда будетъ управлять ихъ движеніями, къ Кременску-же онъ повелѣлъ воеводамъ отступить.— Годъ основанія Кременска неизвѣстенъ, и въ родословныхъ дворянскихъ родовъ, происходящихъ отъ пріѣхавшаго въ 1389 г. изъ Золотой Орды съ 300 Татаръ своего знамени Аслана-Мурзы-Челебея Арсеньевыхъ, Исуповыхъ (Юсуповыхъ), Павловыхъ, Ртищевыхъ, Соловьевыхъ, Ждановыхъ, Яковцевыхъ и Кременецкихъ,—встрѣчается сказаніе, что великій князь Дмитрій Донской пожаловалъ за выѣздъ ихъ предку городъ Кременескъ на р. Лужѣ, находившійся въ удѣлѣ у... (см. составленное М. Т. Яблочковымъ и В. С. Арсеньевымъ „Родословіе дворянъ Павловыхъ“ (стр. 110) въ изданіи „Дворянское сословіе Тульской губерніи“).—Городъ сей недолго удержался во владѣніи потомковъ Аслана-Мурзы-Челебея, переселившихся въ Козельскій, Костненскій, Лихвинскій, Алешинскій, Малоярославецкій и Тульскій уѣзды, ибо уже въ 1489 г. Іоаннъ III поселилъ въ немъ новгородскихъ земскихъ людей.—Великій-же князь Василій III далъ въ помѣстье или кормленіе кн. Мстиславскому отчинные городки Шемякинъ, Ярославецъ и Кременецъ.—Въ 1572 Іоаннъ IV по своему завѣщанію пожаловалъ Кременецъ послѣ кончины жены его брата князя Юрія княгини Ульяны своему сыну Ивану.—Во время литовскихъ набѣговъ, доселѣ памятныхъ населенію, городъ сильно пострадалъ; доселѣ старожилы показываютъ въ валу городища $\frac{3}{4}$ аршинное отверстіе, образовавшееся отъ литовскаго ядра.—Въ 1648—9 гг. на земскомъ соборѣ былъ выборный отъ Кременска Матюшка Ивановъ (неграмотный), но уже въ 1678 г.

¹⁾ Нынѣ с. Кременское, Медынск. у., Калужск. губ.

Кременскъ, по переписнымъ книгамъ, именуется посадомъ, значащимся за Никольскимъ Угрѣшскимъ монастыремъ.—Въ 1812 Кременскъ сильно пострадалъ отъ нашествія французовъ.—Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка всѣ крестьяне были государственными.

Главною достопримѣчательностью Кременска является его треугольное городище на высококомъ берегу привалъ р. Яузы, при впаденіи въ нее ручья Кременна; городище отдѣлено отъ села широкимъ и глубокимъ ровомъ, а само городище вверху окружено валомъ.—Со стороны рѣки подъ городищемъ находятся входы въ пещеры, тянущіяся, по преданію, весьма далеко и развѣтвляющіяся; въ самой дальней пещерѣ находится будто бы тесаный могильный камень съ надписью.—По преданію на мѣстѣ нынѣшняго села и городка находился большой городъ съ многими церквями и 7 погостами, что отчасти подтверждается названіемъ разсѣянныхъ на 2½ версты кругомъ названіями урочищъ, въ коихъ находятъ плиты и человѣческія кости; на противоположномъ берегу рѣки находится Пятницкая слобода, населенная старовѣрами.—Находится Кременское въ 15 верстахъ отъ Медыни (по книгѣ Большого Чертежа значилось въ 30 верстахъ).—Другой достопримѣчательностью Кременскаго была древняя церковь замѣчательной архитектуры, сгорѣвшая лѣтъ 20 тому назадъ; въ 1678 уже существовала сія церковь Воскресенія съ придѣломъ Николая Чудотворца, въ церкви былъ антиминь, освященный въ 1504.

В. С. Арсеньевъ.

Тула. 5 Марта 1915.

Моск. Архивъ М. Ю. Подлинная книга по Кременску 7154 (1646) г. № 440, л. 510—511.

Книги Кременскаго посаду досмотру и переписи Дмитрея Петровича Волынскаго да подьячего Матвѣя Кондратьева 154-го году.

У городища, что *бывалъ городъ Кременскъ*,—посадъ, а на посадѣ въ слободкахъ дворы посадцкихъ людей и бобылей и бобылокъ, а что въ тѣхъ дворѣхъ людей имяны, и то написано въ сѣхъ книгахъ подлинно:

Слободка *Дакукана*, а въ ней посадцкихъ людей: во дворѣ Илюшка Яковлевъ з зятемъ съ Степанкомъ Спиридоновымъ да съ приемышемъ съ Мишкой Конаевымъ, во дворѣ Степанко Ѳоминъ прозвище *Докукинъ* съ сыномъ съ Олександрикомъ, во дворѣ Осипко Степановъ сынъ

прозвище Кречать з дѣтми съ Обрамкомъ да съ Ермолкемъ, во дворѣ Филипко Назарьевъ сынъ прозвище Картышь съ сыномъ съ Савкою, во дворѣ Якушка Семеновъ прозвище Морозовъ з дѣтми съ Евсейкомъ да з Давыдкомъ; въ дворѣ бобыль Микитка Степановъ съ сыномъ съ Обрамкомъ, во дворѣ бобыль Ондришка Васильевъ прозвище Козель, во дворѣ бобыль Ѳедотка Петровъ прозвище Молотковъ.

Слободка *Вышней берегъ*, а въ ней посадцкихъ людей: во дворѣ Гришка Яковлевъ сынъ Бражниковъ с сыномъ съ Илюшкою, во дворѣ вдова Оксиница Васильева жена Петрина з дѣтми съ Якушкомъ да съ Сенкою, во дворѣ Ѳедосѣйко Ивановъ сынъ Бражниковъ з дѣтми съ Петрушкою да съ Ивашкомъ, а у Петрушки сынъ Елизарко, во дворѣ Петрушка Прокофьевъ сынъ Гладышевъ з дѣтми съ Ивашкомъ да съ Степанкомъ, во дворѣ Ѳатѣйко Кузминъ сынъ Ѳиминъ с сыномъ съ Ортюшкою, во дворѣ вдова Онютка Ярофеева жена Иванова, во дворѣ Онтико Дмитреевъ з братомъ с Васкою, а у Васки сынъ Селиверстко, во дворѣ вдова Настасица Дмитреева жена Омельянова з дѣтми съ Ивашкомъ да съ Екимкомъ.

Слободка *Головова*, а въ ей посадцкихъ людей: во дворѣ Любимко Степановъ с сыномъ съ Миткою, во дворѣ Онтико Васильевъ съ сыномъ съ Сенкою, во дворѣ Дениско Ѳедотовъ прозвище Рыкъ з дѣтми з Гришкою да съ Архипкомъ, во дворѣ Елизарко Ѳедосѣевъ сынъ Морозовъ з дѣтми съ Ивашкомъ да съ Лукашкомъ да съ Ѳедкою, во дворѣ бобылка вдова Полагѣйка Иванкова жена Морозова бродить по міру, во дворѣ бобылка вдова Марьица Гришина жена Колчева съ сыномъ з Зеновкомъ.

Слободка *Клетиковская*, а въ ней посадцкихъ людей: во дворѣ Игнатко Яковлевъ з дѣтми с Самошкомъ да съ Пронкою, во дворѣ Ивашко Остафьевъ сынъ Нечаевъ съ сыномъ з Гришкою, во дворѣ Елизарко Васильевъ прозвище Груздь съ сыномъ съ Пронкою, во дворѣ Ивашко Михайловъ прозвище Немко з дѣтми с Васкою да з Гришкою, во дворѣ Петрушка Михайловъ сынъ Борщевъ з дѣтми с Пронкою да съ Оеонкою; во дворѣ Ивашко Ѳоминъ сынъ Мурзинъ з дѣтми съ Ромашкомъ да з Гуркою, во дворѣ Минка Мокѣевъ, во дворѣ Митка Михайловъ сынъ Хороброй з дѣтми съ Ивашкомъ да з Гришкою, во дворѣ Куземко Ильинъ сынъ Буконовъ съ сыномъ съ Микифоркомъ, во дворѣ Титко Григорьевъ сынъ прозвище Прахъ съ сыномъ съ Павликомъ, во дворѣ Гришка Львовъ сынъ Кузнеца съ сыномъ съ Сенкою; да бобылей: во дворѣ Мишка Михайловъ прозвище Хороброй съ сыномъ съ Левкой, во дворѣ Гришка Яковлевъ съ сыномъ съ Ивашкомъ, во

дворѣ Бориско Богдановъ сынъ Верзила с сыномъ съ Васкою, во дворѣ Илюшка Елизарьевъ прозвище Чистяло, дворѣ Мишки Романова, а Мишка умеръ, а жена ево Марьица вышла замужъ въ *Вышегородъ* за Илюшку Говорова, да Мишкина и своего сына Ивашка взяла съ собою, а нынѣ въ томъ дворѣ живеть бобыль Ивашко Яковлевъ сынъ Лобановъ кузнецъ, а у него два сына Ивашко да Васка.

Слободка *Борзоватая*, а въ ней посадцкихъ людей: во дворѣ Илюшка Кондратьевъ сынъ Копаевъ з дѣтми съ Ѳедкою да съ Пахомкомъ, во дворѣ Назарко Ереминъ з дѣтми съ Игнашкомъ да съ Филаткомъ, во дворѣ Назарко Ивановъ прозвище Крюкъ съ пасынкомъ съ Ивашкомъ Петровымъ.

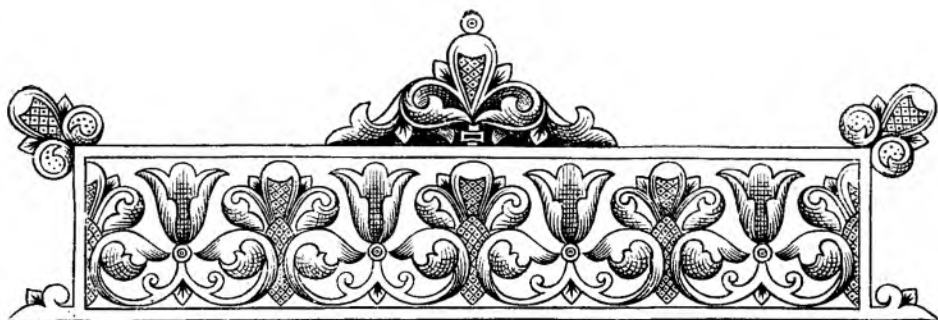
Слободка *Протопопова*, а въ ней посадцкихъ людей: во дворѣ Богдашко Тимошеевъ прозвище Махонинъ з дѣтми съ Володкою да съ Левкою да съ Ѳедкою, во дворѣ Ивашко Фроловъ прозвище Дикой з дѣтми съ Ивашкомъ да съ Ефимкомъ да съ приемышемъ съ Ѳедкою Ивановымъ, во дворѣ Дениско да Сенка да Филатко Овонасьевы прозвище Канаевы; да бобылей: во дворѣ Власко Васильевъ, во дворѣ Оргюшка Ереминъ, во дворѣ Онисимко Остафьевъ съ приемышемъ съ Косткою Кондрашевымъ, во дворѣ Ондрюшко Ивановъ кормитца по міру, во дворѣ бобылка вдова Порасковъица Максимовская жена Иванова з дѣтми съ Мартинкомъ да съ Титкомъ.

И всего на Кременскомъ посадѣ посадцкихъ людей 34 двора, людей въ нихъ 90 человекъ, да 15 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 25 человекъ, обоего посадцкихъ людей и бобыльскихъ дворовъ 49 дворовъ, людей въ нихъ 115 человекъ.

Къ сѣмъ книгамъ Дмитрей Волынской руку приложилъ. Къ сѣмъ книгамъ подъячей Матвѣй Кондратьевъ руку приложилъ.

И въ нынѣшнемъ во 154-мъ году по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу думной діакъ Ѳедоръ Елизаровъ въ сѣхъ Кременскихъ книгахъ посадскихъ людей и бобыльскіе дворы, которые на посадѣ жъ, и въ нихъ людей выкладывалъ, а по выкладкѣ подлинникъ съ перечнемъ во дворѣхъ шселся, а въ людѣхъ прибыло 1 человекъ.

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЪДНОСЦЕВА

1883, Декабря 24. Уфа.

Ваше высокопревосходительство.

Сію минуту получилъ указъ изъ Свят. Синода о назначеніи моего смиренія на Херсонско-Одесскую кафедру; съ благодарностью милосердному Богу приношу выраженіе глубочайшей моей признательности вамъ, милостивѣйшій государь, за высокое вниманіе, какимъ ваше благодущіе меня почтили. Конечно, жизнь моя уже недолга, и я скажу немного, увѣряя, что не забуду этой милости Божіей къ моему недостоинству до недалекаго уже гроба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенный достоверною телеграммою о послѣдовавшей кончинѣ преосв. епископа Далмата, бывшаго викарія Херсонской епархіи, беру смѣлость выразить предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, (о чемъ пишу и къ его высокопреосвященству, нашему первосвятителю) мое почтительное прошеніе о назначеніи на мѣсто викарія Херсонской епархіи г. Петербурга вдоваго протоіерея, законоучителя, Іоанна Заркевича, который съ отличіемъ кончилъ курсъ ученія въ 1847 г. въ Петербурской дух. семинаріи, съ званіемъ магистра кончилъ курсъ въ 1851 г. въ петербурской дух. Академіи, тогда же принялъ санъ священства, съ опредѣленіемъ къ Спасо-Бочаринской церкви г. Петербурга, съ тѣхъ поръ постоянно занимался преподаваніемъ Закона Божія въ разныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, участвовалъ литературными трудами въ учено-богословскихъ изданіяхъ, равно какъ въ послѣднее время собственно-личными чтеніями и въ обще-народныхъ, нравственно-религіозныхъ собесѣдованіяхъ; совмѣстно съ извѣстнымъ

ученымъ магнатомъ Одессы, Новосельскимъ, нѣсколько лѣтъ трудился надъ переводомъ, редакціею и изданіемъ лучшихъ въ Европѣ твореній по христіанской апологіи; написалъ и издалъ въ свѣтъ и самъ систематическій сводъ своихъ законоучительскихъ уроковъ по православному вѣроученію; вообще во всю жизнь свою трудился много, служилъ съ отличіемъ и заслужилъ глубокую симпатію всѣхъ знающихъ его лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, нѣкоторыхъ даже высокопоставленныхъ лицъ, какъ ученѣйшій слугитель церкви, краснорѣчивѣйшій, неумолимѣйшій труженикъ, благородный и любезный человѣкъ.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять сердечное увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія, признательности и о Господѣ преданности....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Сію минуту иду служить праздничную вечерню, гдѣ на великомъ многолѣтніи и возгласимъ преосв. Діонисія епископомъ уфимскимъ и мензелинскимъ, а Никанора епископомъ херсонскимъ и одесскимъ.

18 Января 1884 г.

Сейчасъ спрашивалъ митрополита: писалъ вамъ преосвященный Никаноръ о Заркевичѣ.

— „Какъ же, и призывалъ къ себѣ Заркевича“.

— Что же?

— „А что? Заркевичъ, какъ грибокъ, который ни въ кузовъ не лезетъ, ни изъ кузова. Говоритъ и такъ, и сякъ. Хочу де подождать года два съ половиной. Видите, у него долги какіе то, — вотъ де, когда долги уплачу. Здѣсь то—я спрашивалъ у него—сколько получаешь. Говоритъ: 5000 рублей. Такъ вотъ онъ ждатель хочеть. А намъ ждатель некогда.“

Затѣмъ стали разсуждать, что Мемнонъ—человѣкъ добрый, но нѣсколько вялъ, и вотъ ему бы лучше въ Херсонъ—тамъ Богу молиться—а въ Одессу то лучше бы когда бы, наприм., Заркевичъ.

Сегодня происходитъ нареченіе архим. Мемнона. Рѣчь его была робкая и заикающаяся.. Говорятъ всѣ, что онъ человѣкъ добраго нрава. Едва ли будетъ сильнымъ дѣятелемъ. Нѣсколько косноязыченъ и неавстенно произноситъ слова.

К. Побѣдоносцевъ.

Ваше высокопревосходительство.

Согласно изволенію вашему, имѣю честь при семъ представить копіи съ моихъ отзывовъ, препровождаемыхъ преосв. Діонисію, епископу уфимскому о важнѣйшихъ дѣлахъ, учрежденіяхъ и лицахъ, подвѣдомственныхъ уфимскому архіерею, или близко соприкосновенныхъ съ нимъ.

Въ свою очередь я и въ Одессѣ успѣлъ уже значительно ознакомиться съ направленіемъ дѣлъ, съ учрежденіями и лицами, подвѣдомственными херсонскому архіерею. Нашелъ зданіе семинаріи грандіознымъ, стоящимъ большихъ денегъ, заключающимъ въ себѣ многія и значительныя удобства. Есть дворикъ и садикъ не особенно тѣсные. Духовное мужское училище поставлено прекрасно; въ немъ недавно устроена изящная и весьма просторная церковь; будетъ строиться особое зданіе для больницы. Женское епархіальное училище поставлено также прекрасно, чисто, удобно, съ просторнымъ садомъ. Зданіе для церкви будетъ строиться особое, на сумму до 45 тыс. руб. Вообще здѣсь средства гораздо выше уфимскихъ. Начальствующимъ лицамъ передавы мною оттѣнки отзывовъ г. ревизора и разъяснены желанія высшаго начальства. Въ лицахъ, которымъ я передавалъ это, я нашелъ глубочайшее вниманіе и полнѣйшую готовность восполнить недостающее и исправить возбуждающее недоумѣнія.

Одесса во всѣхъ отношеніяхъ превзошла мои ожиданія. Благодарю Бога и всѣхъ, благотворящихъ моему достоинству. Остается платить сколько либо достойнымъ положенія служеніемъ.

О. протоіерей Іоаннъ Заркевичъ оказался, увы, въ числѣ званыхъ Богомъ къ претрудному ношенію благого яга Христова въ высокомъ санѣ архіерейства, но не избраннымъ. Эти полу-мірскіе о. о. протоіереи такъ обязуются суетными мірскими помышленіями и попеченіями, что ни очію на небо не могутъ возвести безъ труда. Не трудился для пріобрѣтенія высокой чести архіерейства, самъ же возымѣлъ себя и отреченна отъ сей чести. Воля Божія, Божіе званіе и избраніе. „Тѣмъ же убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога“ (Римл. 9, 16).

А все, разсуждая человѣческое по человѣчески, полагалъ бы, что первымъ викаріемъ Херсонскія епархіи, собственно для Херсона, гдѣ архіерей весьма нуженъ и обыченъ, могъ бы быть здѣшній кафедральный протоіерей, Арсеній Лебединцевъ, магистръ богословія, весьма заслужен-

ный и степенный, украшенный крестами Владимира 3-ей степ. и кабинетнымъ на Георгіевской лентѣ за славное Севастопольское сидѣнье, священнослужитель уже старый, но не дряхлый. Сему я назвалъ этотъ предметъ по имени, какъ бы мимоходомъ и не встрѣтилъ возраженія; напротивъ, онъ какъ будто съ удовольствіемъ выслушалъ сіе гадательное слово.

Петербургъ. 2 Марта, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Усерднѣйше благодарю васъ за обязательное доставленіе свѣдѣній по ходатайству г. Эннатскаго.

Съ разрѣшенія вашего воспользовался я проповѣдью вашей о погребеніи Христовомъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, которыя представлялись нужными. Составившаяся изъ сего брошюра, по мнѣнію моему, будетъ весьма полезна для распространенія въ народѣ, по церквамъ и пр. на предстоящую Страстную недѣлю. Она будетъ разослана при Сельскомъ Вѣстникѣ. Всего печатается до 100 тысячъ экземпляровъ. Вамъ будетъ доставлена 1000, а если угодно, то и болѣе для Андреевскаго братства и т. п. Образцы при семъ препровождаю.

И еще для любознательности вашей посылаю только что отпечатанную записку, которая ознакомитъ васъ съ положеніемъ возникшаго дѣла о новомъ движеніи Эстовъ и Латышей къ православію. Брошюра эта отпечатана для немногихъ въ количествѣ 100 экз. и предназначена для отраженія нападеній и клеветъ со стороны лютеранскаго духовенства и дворянства, особенно же для отраженія ходатайствъ о возобновленіи 6-ти мѣсячнаго срока.

Отъ души желаю вамъ добраго успѣха на новомъ полѣ. Много будетъ дѣла. Не оставляйте при случаѣ извѣстить меня о вашихъ впечатлѣніяхъ. Брошюры относительно штунды вы, вѣроятно, уже получили.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью....

К. Побѣдоносцевъ.

1884 г., Марта 8. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Благосклонное посланіе вашего высокопревосходительства отъ 2-го сего марта, съ препровожденіемъ брошюры: „Великій Пятокъ и Великая Суббота“ застало меня въ такую минуту, въ такомъ состояніи напряженія и туги, что, прочитавъ это посланіе, я сказалъ тутъ же бывшему моему секретарю: „Если бы въ минуту душевной тоски Богъ не посылалъ бы утѣшеніе, то, кажись, упалъ бы совсѣмъ“. И по нервности своей впалъ въ припадокъ слезъ.

Кстати же ваше высокопревосходительство. выражаете желаніе получать отъ меня извѣщенія о моихъ впечатлѣніяхъ. Вотъ я и изяснюсь относительно моихъ одесскихъ впечатлѣній, которыя меня давятъ, по крайней мѣрѣ приводятъ въ напряженное состояніе.

Первыя впечатлѣнія въ Одессѣ были въ высшей степени благопріятны. Объ Одессѣ очевидцы говорили въ Уфѣ, какъ о лучшемъ въ Россіи городѣ. Но Одесса превзошла мои ожиданія. Городъ, дѣйствительно, красивый, архитектурно притязательный, эlegantный. Духовенство такое почтенное, довольно магистровъ, вообще академиковъ, преукрашенное, начиная съ старца Павловскаго, украшеннаго митрой и двумя звѣздами. Но дальше началось вниканіе въ дѣла, и пошли иныя впечатлѣнія.

Изъ первыхъ были впечатлѣнія здѣшняго богослуженія. Ничего подобнаго я не только не видалъ, но и вообразить не могъ. Вотъ порядокъ невообразимостей: 1) за всенощной „Благослови душе моя, Господа“ поютъ первыя слова, до „возвеличился еси зѣло“, и затѣмъ сряду „слава“; 2) „Блаженъ мужъ“ поютъ первый стихъ и послѣдній, безъ „аллилуія“; 3) другихъ славъ перваго псалма не читаютъ, малыхъ ектеній между ними не говорятъ; 4) на „Господи, воззвахъ“ поютъ одну стихирю и славу, другихъ стихирь даже не читаютъ. Вообще въ соборѣ до шестопсалмія ничего не читаютъ; 5) прокимны всѣ поютъ на одной нотѣ. Старые, многосодержательные напѣвы на гласъ забыты. Вообще эти обиходы придворной капеллы дѣйствуютъ на всероссійское древнее пѣніе губительно. 6) „Сподоби, Господи“ не поютъ и даже не читаютъ; 7) стихирь на стиховнѣ не поютъ и не читаютъ; 8) тропарь „Богородице, Дѣво, радуйся“ и т. д. поютъ единожды, — положено трижды; 9) „Благословлю Господа на всякое время“ не читаютъ; 10)

въ шестопсалміи читается неопредѣленное количество псалмовъ, сколько то стиховъ до „аллилуія“, а по „аллилуія“ чтець скажетъ нѣсколько словъ и пѣвчіе сейчасъ же начинаютъ окончательное „аллилуія“ и дальше ектенія; 11) „Богъ Господь“—трижды,—положено четырежды; тропарь единожды, положено дважды, славы не поютъ никогда; 12) псалгиря на утрени читали сколько-то изъ первой кафизмы; послѣ втораго „аллилуія, слава тебѣ Боже“ діаконовъ въ ту же минуту начиналъ „паки и паки“; второй кафизмы не читали вовсе. 13) Послѣ „Хвалите имя Господне“—„Ангельскій соборъ удивися“, первый стихокъ, и затѣмъ „слава“; сейчасъ же прокимень и евангеліе. „Отъ юности моея“, кажись, не пѣли никогда. 14) Въ канонѣ катавасіи не пѣли никогда; пѣли первый ирмосъ, нѣсколько словъ прочитывали, послѣ втораго ирмоса сейчасъ же, безъ чтенія, діаконовъ: „паки и паки“. На шестой пѣсни такъ же. 15) „Величитъ душа моя Господа“ пѣли первый и послѣдній стихи. 16) На 9-ой пѣсни даже ирмоса не пѣли, и сейчасъ же читались два-три слова канона, и въ ту же минуту діаконовъ: „паки и паки“. 17) Затѣмъ: „Всякое дыханіе“ и славословіе,—ни псалма ни стихирь на хвалитѣхъ. 18) На обѣднѣ читали только 3-ій часъ. Даже мнѣ ключарь докладывалъ, что у нихъ „шестой часъ“ не читается. 19) „Изобразительныя“ не читаются и не поются. „Во Царствіи Твоемъ“ только начинали пѣть; стихирь ни предъ выходомъ, ни послѣ онаго не читали. 20) Двухъ апостоловъ и евангелій не читали никогда. Даже при мнѣ въ недѣлю Православія діаконовъ читалъ не тотъ апостоль. Это у нихъ было ни по чемъ. 21) На молебнахъ, на паннихидахъ „трисвятое по Отче нашъ“ не читалось. Въ Срѣтеніе, въ самомъ русскомъ изъ приходоу, на базарной площади, я заставилъ читать, и народъ сразу же замѣтилъ съ радостью: „Въ первый разъ слышимъ... Порядокъ архіерей уряжаетъ... Вотъ, слава Богу, прислали русскаго архіерея... Слава Тебѣ, Господи Батюшка. Архіерей защищаетъ нашу русскую вѣру“.—Это выраженія, пойманныя изъ устъ народа. 22) Кажденій кругомъ церкви никогда не было. И когда я на паннихидѣ пошелъ кадить, то своя братія отклоняла: „У насъ де никогда не было. Нужно расталкивать народъ“. Чужіе нѣкоторые сперва взглянули на это, какъ на нововведеніе; но имъ, даже въ высшихъ кругахъ, свои же разъяснили, что это и есть, напротивъ, настоящая, русская, уставная старина. Вообще и тамъ уже, т. е. въ высшихъ кругахъ, мои собственныя уши слышали лестныя слова о стояннн на уровнѣ своего призванія, о высокомъ поднятнн русскаго знамени и т. п. Истинно-русскія сердца встрепенулись, почувявъ свое родное, которое не хочетъ сворачивать съ дороги предъ иностранщиной.

Говорить ли о великопостной службѣ? 23) На утрени, на канонѣ ни пѣнія, ни чтенія стиховъ пѣсенныхъ псалмовъ не было, и не знали, и не слышали, и упорствовали не пѣть. 24) Кафизмы на часахъ въ нѣкоторые дни совсѣмъ исключали. 25) Простое пѣніе на великопостное нимаго не измѣняли противъ обыденнаго, пѣли простое же „Господи, помилуй“ и т. д. Свѣдущій, но легкомысленный до дерзости регентъ нанесъ мнѣ нѣсколько даже оскорбленій, выѣзжая на утрированной итальянщинѣ, противъ которой я возсталъ. 26) Каѳедральный протоіерей и староста настаивали на постановкѣ надъ гробомъ святаго Дмитрія, подъ образомъ семи священномучениковъ Херсонскихъ, морского пейзажа, который обѣщаль написать даромъ, но на извѣстныхъ условіяхъ, какой то художникъ, и очень удивились, даже нѣсколько огорчились, когда я упорно отклонилъ это: „Скажите ему,—сказаль я имъ наконецъ,—что архіерей такъ невѣжественъ, что не позволяеть, не понимая, какой смыслъ могъ бы имѣть въ церкви даже самый прелестный морской пейзажъ“. Иконы въ соборѣ, даже въ алтарѣ, повѣшены, какъ картины, и такія, что совѣстно покадить, т. е. какъ у апостола Павла въ Аѳинахъ: „смущашеся“, такъ и у меня смущается духъ, когда я зрю этихъ одесситовъ, аки благочестивыя и согладаю чествованія ихъ болѣе или менѣе потерявшія русскій священный духъ и характеръ. Но все, что касается церковности, при пособіи русскаго духа, сильнаго, хотя и придавленнаго здѣсь, при благословеніи Господнемъ, сейчасъ же пошло въ иную сторону, съ готовностью и поощреніями со стороны благочестиваго народа, на встрѣчу старорусской священной уставности. Да и какъ же иначе. Затрудненіе довольно тяжкое представляетъ хоръ, управляемый регентомъ свѣтскимъ, составленный изъ чиновниковъ, студентовъ, мѣщанъ и всякихъ разночинцевъ, содержимый главнымъ образомъ на 400 руб., ассигнуемыхъ думою (еврейское общество на свой хоръ ассигнуеть 10000 руб.), такъ какъ архіерейскій домъ не имѣеть способовъ тратить на пѣвчихъ такую большую сумму. Впрочемъ, Богъ поможетъ, надѣюсь, обуздаемъ.

Теперь о положеніи епархіальныхъ дѣлъ. Замѣчено, что и здѣсь приходы громадны по многолюдности. Найдено, что въ одномъ приходѣ 6000 душъ м. п. на одного священника. Завчера рассказывали о селѣ въ 10000 душъ обоаго пола (такое большое село) на священника ужаснаго, который курить табакъ, ходя съ сигарой по селу, который жаденъ до того, что во время браковѣчанія въ церкви, увидѣвъ, что для связыванія рукъ бѣдныхъ жениха и невѣсты (по здѣшнему обычаю) даютъ бѣдный платокъ (поступающій въ пользу священ-

ника) а юбка (простите.) у невѣсты подвязана платкомъ побогаче, собственными руками, при священнодѣйствіи, отвязаль съ живота невѣсты (извините.) платокъ побогаче и взялъ себѣ. А, говорятъ, что юбка могла упасть, такъ какъ по здѣшнему юбка подвязывается платкомъ. Не могу только засвидѣтельствовать, совершился ли этотъ скандалъ въ данномъ случаѣ. Во всякомъ же случаѣ—безстыдство многостороннее и невыразимое... Слишкомъ замѣтно раздраженіе народа противъ духовенства за противоборство построению церквей, за стремленіе къ наживѣ, за вольную жизнь. Послѣ Пасхи тотчасъ поѣду по епархіи и увижу собственными очами, услышу собственными ушами.

Глубочайше признателенъ вашему высокопревосходительству за то, что вы несочувственно отнеслись къ проекту сокращенія здѣсь приходоѡв. Ихъ не сокращать здѣсь нужно, а удвоить. Тѣмъ не менѣе проектъ сокращенія во всю свою ширь приводился въ исполненіе и безъ утвержденія свят. синода. Я положилъ этому предѣлъ.

Преступленій особенно по склонности къ наживѣ и послабленій консисторіи относительно ихъ усмотрѣно столько и такихъ, что это меня поразило и я возвысилъ громкій голосъ протеста. 1) Вотъ въ г. Одессѣ священникъ повѣнчалъ иностранца безъ разрѣшенія консула. Со стороны гражданской послѣдовалъ протестъ, каковыя бывали и прежде и вызвали распоряженіе епарх. власти, чтобы священники не смѣли. Консисторія въ этотъ разъ приказала,—чтобъ чрезъ меня просить градоначальника снестись съ консулами, чтобъ они не затрудняли иностраннымъ подданнымъ разрѣшеній на браки; священнику ничего. Я, наоборотъ, далъ священнику выговоръ, съ предостереженіемъ.... 2) Священникъ старый, нѣсколько разъ судившійся, повѣнчалъ офицера безъ разрѣшенія начальства. Отъ начальства протестъ. Консисторія приказали: выговоръ. Это безъ меня. Тотъ же священникъ вѣнчаетъ другого офицера, также безъ разрѣшенія начальства. Со стороны начальства протестъ. Консисторія (уже при мнѣ) приказали: такъ какъ за первую вину выговоръ до священника еще не дошелъ, то сдѣлать ему выговоръ со включеніемъ въ послужной списокъ. 3) Священникъ, старикъ за 60 лѣтъ, вѣнчаетъ купеческаго сына на офицерской сиротѣ, противъ явной воли вдовы матери жениха, безъ оглашенія, наканунѣ пятницы, въ 2 часа ночи, чтобъ не поймали на воровскомъ дѣлѣ, беретъ за это 500 рубл. и въ оправданіе своего скверноствяжательства ссылается на тайну исповѣди, что онъ-де, какъ духовникъ, зналъ, что ихъ повѣнчать необходимо; консисторія приказали: выго-

воръ, безъ внесенія въ послужной списокъ. Псаломщика даже не привлекла къ суду, назначила ему священническое мѣсто безъ меня, мнѣ объ его подсудности не доложила, и я по невѣдѣнію рукоположилъ его въ священника,—молодого человѣка, который начинаетъ свое служеніе церкви скверною торговлею тайнствомъ браковѣчанія, въ 2 часа ночи, наканунѣ пятницы.... 5) Дьяконъ, пьяница, многократно судившійся, оговаривается въ оскорбленіи Величества и всего Царствующаго Дома, поношеніемъ при свидѣтеляхъ. Крестьянинъ доноситъ объ этомъ благочинному 14 Ноября прошлаго года. Благочинный, не донося архіерею, самовластно назначаетъ дознаніе. О результатахъ дознанія доноситъ консисторіи, не архіерею, 9 Февраля сего года. Консисторія кладетъ дѣло объ этомъ съ другими заурядными на мой столъ 5-го Марта и приказали: сообщить прокурору. Ни донесенія вашему высокопревосходительству, ни рапорта свят. синоду, ни сообщенія генераль-губернатору. Говорятъ: „Помилуйте, у насъ это пятое дѣло объ оскорбленіи Величества, кончится пустяками, клевета.“—А я имъ говорю: „Что такое... Это нужно вырвать съ корнемъ. Самыя клеветы нужно вырвать съ корнемъ.“ 6) Попечительство, завѣдующее и свѣчнымъ заводомъ, доноситъ, что завѣдующій свѣчною лавкою въ Одессѣ истратилъ казенныхъ денегъ и имущества на 4000 руб. Принимаю мѣры.—7) Черезъ день черезъ два одинъ изъ членовъ попечительства запросто подаетъ мнѣ докладъ попечительства: „Настоящій де составъ попечительства принялъ де отъ прежняго состава только матеріалъ на 60000 руб. и болѣе, долговъ на такую же сумму; теперь у попечительства ни матеріала, ни капитала. Разрѣшите, молъ, заемъ съ церкви въ 30000 руб., чтобы купить воску.“—Такъ это просто. 8) За вчера (пишется сіе сего 12-го Марта), въ субботу вечеромъ, предъ самую всеобщую, докладываютъ: „Члены попечительства.“ Выхожу; вижу: у одного убитое лицо, а у другихъ такъ себѣ.—„Что съ вами?“—„Новое несчастіе.“—„Ну, что такое?“—„Опять изъ свѣчной лавки пропало 18 пуд. свѣчей.“—„Боже мой. Что такое?“—„Не иначе можемъ объяснить, какъ тѣмъ, что прежній, обворовавшій насъ смотритель лавки, при сдачѣ лавки, обвѣсилъ насъ на 18 пуд.“ Оказывается, что обвѣсилъ, только на 25 пуд., а не на 18. Часъ отъ часу не легче.

Боже мой! И это все свалилось на мою бѣдную голову разомъ, въ два-три дня. Спасти учрежденіе необходимо. Иначе рухнутъ, или уже рухнули деньги бѣдныхъ духовнаго званія. Рухнутъ и духовно-учебныя заведенія. Я учредилъ повѣрочную комиссію подъ предсѣдательствомъ преосв. Мемнона, викарія, который оказывается знающимъ административное дѣло. Что дальше будетъ, не вижу. Донесенія о

новой прощайтъ, форменнаго, на бумагѣ я требовалъ сегодня, но пока не получилъ. Назначу строгое слѣдствіе объ этомъ, пока единичномъ, фактѣ, потому что у меня рождается нѣкое подозрѣніе, не система злочлененій, но система злоупотребленій: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Всѣми этими впечатлѣніями я подавленъ. Дѣломъ до сего дня подавленъ, какъ никогда. Членамъ синода не могъ пока отвѣтить на ихъ посланія. А между тѣмъ удручающія впечатлѣнія идутъ своимъ чередомъ. Сегодня подписалъ запрещеніе священнодѣйствія священнику, который уже прежде сужденъ и осужденъ, о которомъ благочинный донесъ, что онъ между многими дѣяніями учинилъ всенародно такой ужасъ: побросалъ иконы на полъ и на нихъ кинулъ съ своей шеи епитрахиль. Недавно благочинный доносилъ на діакона, что онъ всенародно хулилъ святые иконы, вселенскіе соборы, синодъ, монаховъ и т. д.

И здоровье пошатнулось крѣпко. Хроническое разстройство дыхательныхъ путей сказалось у меня здѣсь, въ новомъ климатѣ, такимъ пораженіемъ, что у меня раздается хрипѣніе въ груди, какъ у умирающаго; скрипитъ отъ горла до праваго бока такъ, что слышно простому уху, своему и чужому, просто не прикладывая уха къ груди, чего я никогда на другихъ людяхъ не слыхалъ, слышалъ только у умирающихъ. Этого въ моей жизни никогда не бывало, да и рѣдко вообще бываетъ. Докторъ говоритъ, что жить можно, но осторожно. Лѣчусь микстурою и водами. За эти три мѣсяца я замѣтно для себя самого и другихъ постарѣлъ и осунулся, что замѣтно даже на фотографіяхъ, уфимской послѣдней и здѣшней, учиненной по домогательствамъ фотографовъ и близкихъ людей.

Здравствуйте и благоденствуйте вы, высокочтимый Константинъ Петровичъ, для блага церкви и крѣпости государства. Да хранитъ васъ подъ святымъ своимъ покровомъ Ангелъ Хранитель вашъ и Ангелъ Хранитель Россіи.

Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго моего къ вамъ уваженія признательности и преданности...

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Одесса, 1884, Марта 12.

Простите, здѣсь и чернила европейскія. Признаюсь, слово—европейскій я начинаю понимать въ дурномъ смыслѣ. Строки прилипаютъ одна къ другой. Приложи къ написанному палецъ, и сейчасъ чернила прилипнутъ.

Глубоко конфиденціально.

Ваше высокопревосходительство.

Въ дополненіе къ письму моему отъ 12 Марта, посланному сегодня, признаю полезнымъ подѣлиться двумя моими весьма сильными впечатлѣніями.

1) Письмомъ, которое при семъ прилагается, повидимому, въ существѣ дѣла безымяннымъ.

2) Официальнымъ донесеніемъ мнѣ благочиннаго Лозянова.

На будущее время я не позволю себѣ представлять подобный сырой матеріалъ, но на этотъ разъ благоволите посмотрѣть ту и другую бумагу. Изъ нихъ усмотрите ту мрачную пучину наипечальнѣйшихъ впечатлѣній, которыя омрачаютъ мою голову и поражаютъ сердце. Я дѣлаю это по поводу полученія сего, повидимому, безымяннаго письма именно сегодня, 15 Марта. Подобныхъ безымянныхъ писемъ я получаю множество. Но это особенно ужасно, особенно поразительно. Въ Уфѣ ничего не было подобнаго.

Пораженный чтеніемъ этого письма, я въ ту же минуту потребовалъ къ себѣ всѣхъ членовъ консисторіи и секретарей консисторіи и моей канцеляріи, прочиталъ имъ это письмо, предваривъ чтеніе рѣчью: „Вотъ, вы находите, что я многое принимаю слишкомъ къ сердцу, не угодно ли послушать.“ Чтеніемъ всѣ были крайне смущены. Одинъ только сталъ было гадать, что это пасквиль и присланъ оттуда-то. На это я говорю: „Пасквиль,—да. Но это, если бы была правда хоть на половину, то это была бы гибель. Ну, посудите: мы имѣемъ дьякона, который хулитъ вселенскіе соборы и проч. Имѣемъ священника, который въ азартѣ кидаетъ на полъ иконы и на нихъ съ своей шеи епитрахиль. Имѣемъ дьякона, который обвиняется въ оскорбленіи Величества. Имѣемъ священника, который за 500 руб. совершаетъ незаконное вѣнчаніе въ 2 часа ночи, наканунѣ пятницы. Имѣемъ священника, который при священнодѣйствіи вѣнчанія, недовольный бѣд-

нымъ платкомъ, второй долженъ былъ поступить на его долю, собственными руками отвязалъ платокъ съ живота невѣсты. Боже мой! Что за безстыдство! И въ какія сферы это спускается. Имѣемъ мальчика, ученика О-го духовнаго училища, который дѣлалъ сатанински-хитрыя издѣвательства надъ всѣми начальствующими и своими дурачествами останавливалъ священнодѣйствіе общей молитвы, и начальство еще сегодня находило возможнымъ еще держать его въ училищѣ. Да что! Получаю огромнѣйшій, безымянный, отлично составленный и переписанный, но не подписанный доносъ на подгородняго священника, такого-то, доносъ, который далеко ли ушелъ отъ этого ужаснаго письма. Отдаю доносъ для повѣрки благочинному, и благочинный говоритъ: „Все это правда.“ И члены консисторіи, зная этого священника, въ одинъ голосъ сказали: „Все это правда.“—Такъ, вотъ что ужасно, вотъ что меня поражаетъ. Такъ, не удивляйтесь принимаемымъ мною мѣрамъ.“

Ушли они отъ меня очень печальные.

Всепокорнѣйше прошу по минованіи надобности въ этихъ документахъ, возвратить ихъ мнѣ. Въ подлинномъ видѣ я препровождаю ихъ, чтобъ ваше высокопревосходительство подышали минуту запахомъ, какимъ вѣетъ отъ этихъ ужасныхъ бумагъ и который удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на состояніе моего духа. Богу содѣйствующу, я буду держаться твердо и держать крѣпко.

Глубоко кланяюсь.....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Грѣшный человѣкъ,—я не желалъ бы—сознаюсь—чтобъ это стало извѣстно даже членамъ свят. синода, особенно же бывшимъ херсонскимъ, чтобъ они не огорчились на меня.

Петербургъ. 16 Марта, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Радуюсь, видя въ васъ такую ревность къ полнотѣ и красотѣ богослуженія. Увы, во многихъ нынѣ нѣтъ ея. Многіе, кому слѣдовало бы блюсти это сокровище, сами довольны, когда оно безъ спроса у

нихъ расхищается небрежнымъ и сокращеннымъ исполненіемъ. Радуюсь, что видно у васъ въ Уфѣ хорошо стало, когда поразили васъ такъ одесскіе обычаи. Дай Богъ вамъ *мало по малу* привести все къ порядку и приучить, кого слѣдуетъ, къ полнотѣ и красотѣ церковной службы,—и не сомнѣваюсь, что васъ поддержитъ полное сочувствіе православнаго народа.

А знаете ли вы, что многія, если не всѣ, замѣченныя вами, опущенія составляютъ обычай въ церквахъ здѣшней столицы, испорченной сокращеннымъ служеніемъ дворцовыхъ и домашнихъ церквей. О стихирахъ, напр., здѣсь и думать забыли, да пѣвческіе хоры не умѣютъ и пѣть ихъ. „Благословенъ еси, Господи“ поютъ здѣсь одинъ разъ—даже въ Казанскомъ соборѣ. Двухъ апостоловъ и евангелій—ни разу здѣсь не приходилось мнѣ и слышать, а въ Москвѣ, бывало, читалось и по три, какъ напр., 21 Мая.—Шестопсалміе, правда читается почти вездѣ сполна.—

Но надобно защищать „русскую вѣру“.

Много бѣдъ намъ надѣлали ученые, легкомысленные священники, въ академіяхъ отвыкшіе отъ красоты церковной и отъ богослуженія.

Великое дѣло—пѣніе. Необходимо выводить безобразіе пѣвческихъ хоровъ и сводить пѣніе къ обиходу. Привычка пѣть все на одинъ гласъ—ужасная, и разведена придворнымъ пѣніемъ. Регента вашего приструньте: эту язву выводить надо. Надѣюсь выслать вскорѣ изъ синода строгій указъ о пѣніи.

Я зналъ, что вы найдете много безобразія въ херсонской епархіи—духовенство здѣсь распущено продолжительнымъ управленіемъ, мягкимъ, безъ нрава. Предсказываю вамъ, что вы будете открывать новые и новые горизонты всякой мерзости. Но не спѣшите ради Бога и не давайте воли сердцу. Подумайте, что люди отвыкли отъ повиновенія. Главное, *не высказывайтесь* сразу. Васъ не поймутъ и будутъ мѣшать вамъ и каверзить, будутъ ловить ваши ошибки, увлеченія и первые порывы. Надобенъ—ясный планъ и затѣмъ твердость въ дѣйствіяхъ. Духовенство наше страдаетъ великимъ порокомъ—привычкою покрывать всякіе грѣхи другъ у друга и не выдавать своихъ ни въ какомъ случаѣ и всякую грязь скрывать и замазывать.

Когда нужно, будемъ отсюда помогать вамъ,—но тихонько, безъ шума. Присмотритесь къ консисторіи, къ людямъ,—увидите, кого

выдернуть, кого погодить. Въ нынѣшнемъ состояніи многого не сдѣлаете сами собой, на мѣстѣ,—а слово или письмо отсюда въ потребномъ случаѣ послужитъ вамъ опорой, чтобы вы могли сослаться на непрекаемое требованіе.

Душевно преданный... К. Побѣдоносцевъ.

Готовится новый уставъ академіи,—уже готовъ, съ усиленіемъ ректорской власти и ограниченіемъ выборнаго начала. То же будетъ и для семинарій, съ журналами коихъ архіерей не будетъ уже возиться.

Петербургъ. 18 Марта, 1884 г.

Вчера забылъ еще приписать вамъ: поберегитесь входить въ непосредственное отношеніе къ лицамъ изъ клира. Люди горячіе склонны нетерпѣливо расходовать нервную силу, но я знаю по опыту значеніе правила: *major etangigere reverentia*. Притомъ эти люди нерѣдко грубы, и какойнибудь регентъ можетъ просто оскорбить васъ, и надо, чтобы онъ боялся васъ издали. Приходское же духовенство,—особливо въ вашей епархіи,—успѣло утратить должную для повиновенія пропорцію. Необходимо, чтобы между вами и ими было посредство—живое, или механическое. Вашъ викарій, повидимому, человекъ иного темперамента, можетъ облегчить васъ.

Несомнѣнно и консисторія у васъ тоже деморализована. Осмотрѣвшись въ людяхъ, увидите, какъ потихоньку измѣнить составъ ея.

И берегите здоровье. Боюсь, что климатъ одесскій вреденъ вамъ. Не спѣшите сразу погружаться *in medias res*. Осмотрѣвшись понемногу, войдете въ нужную пропорцію. Накопилось слишкомъ много хламу: иное и пропустить можно. Подумайте, когда люди изворовались и измотались,—значительная доля вины—на хозяинѣ дома, а домъ этотъ такъ долго оставался безъ крѣпкаго правленія.

Сейчасъ приходитъ новое письмо ваше о Заркевичѣ. Во вторникъ, безъ сомнѣнія, митрополитъ вывезетъ въ Синодъ письмо ваше. Вы, повидимому, знаете Заркевича. Я совсѣмъ не знаю его, знаю, что онъ писалъ книги философскаго содержанія и переводилъ. Не знаю, *живой ли онъ* человекъ. Недавно случилось говорить съ начальникомъ воен. учебн. заведеній, генераломъ Махотинымъ. Онъ роп-

талъ на Заркевича, на недостатокъ этого качества, рассказывалъ съ огорченіемъ, что замѣтивъ въ Павловскомъ корпусѣ (училищѣ) неблагоговѣйное и небрежное стояніе въ церкви воспитанниковъ, обратился къ Заркевичу и съ огорченіемъ услышалъ отъ него такой отвѣтъ: „Это-де не мое дѣло, а дѣло начальства“.

Душевно уважающій К. Побѣдоносцевъ.

1884, Марта 25. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Съ праздникомъ Благовѣщенья. Дай Богъ, чтобъ благовѣщенье почувствовалось на сердцѣ.

Глубоко признателенъ вашему высокопревосходительству за попеченіе о моей судьбѣ, какого и не считаю себя достойнымъ. Но благость... Гдѣ то тамъ у дѣдушки Крылова есть прелестный стихъ: „Такъ истиннаа благость всегда добро творить“ и т. д. Забылъ дальше.

Скажу по совѣсти, я ѣхалъ сюда съ крѣпкою рѣшимостью—тихостью отношеній къ людямъ беречь мою, въ послѣднее время, хорошо устроившуюся, судьбу. Но есть логика долга, логика обстоятельствъ. Солдатъ не можетъ не стрѣлять, когда то требуется.

Такія обстоятельства на меня свалились сразу, которыя поражали. Они то и заставили меня высказаться. И я высказался по разнымъ частямъ, если только не по всѣмъ: и по части пѣнія, и по части богослуженія, и здѣшней убогой и нелѣпѣйшей итальянской, всюду итальянской, церковной живописи, и по части церковнаго чтенія, непремѣнно и всегда нелѣпо речитативнаго, но никакъ не староцерковнаго, но особенно по консисторскимъ дѣламъ и по поражающимъ фактамъ въ поведеніи духовенства, и по рѣзкому раздраженію народа противъ духовенства. Какъ не высказаться по факту, что 1) прихожане заперли церковь и объявили, что не пустятъ этого священника,—дайте другого,—2) или прихожане прислали нѣсколько прошеній и три телеграммы—убрать священника Г. и 3) по тому, что въ Одессѣ почти всюду оставлено пѣніе заключительной молитвы: „Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго“... Я говорю: „Помилуйте, за это въ старые годы васъ сослали бы въ Сибирь, а не то и кнутомъ

отдули бы"... Сегодня призову благочиннаго и дамъ секретно, но строжайшее приказаніе о возстановленіи...

Но позвольте, ваше высокопревосходительство:

1) Никогда нигдѣ не было опыта, чтобы свѣтскіе были мною недовольны, особенно начальствующіе. И я никогда въ нихъ не ищу, держа себя привѣтливо, но съ чопорностью монаха и архіерея, который обязанъ чуждаться міра.

2) Вездѣ, гдѣ я служилъ, мое имя осталось въ благословеніяхъ и въ нашей братіи; а всегда начиналось раздраженіемъ противъ меня, сплетнями газетными, жандармскими и всякими.

3) Моя экспансивность имѣетъ воспитывающее значеніе. Въ моемъ характерѣ есть, или было много живости, по которой я бывалъ душой общества, когда того хотѣлъ. Моя любовь къ человѣку подымаетъ его человѣческое достоинство. Прямоту и благожелательность моей системы поймутъ даже „дурни“, пошорствуютъ не понять только злыя сердца. Но тѣ въ концѣ концовъ валялись въ прахѣ, у ногъ моихъ. Такъ было въ Уфѣ, такъ было и вездѣ.

Благоволите заглянуть въ „Послѣдніе дни епископа Никанора въ Уфѣ“. Это мнѣ аттестатъ не только на дальнѣйшую жизнь, но и въ гробъ.

Я говорилъ и повторяю: „Въ жизни пронеслось надъ моею головою не мало, скорѣе много тучъ. Но бывали между ними просвѣты такого радостнаго, оживляющаго свѣта, что поневолѣ, т. е. съ вѣрою обличенія вещей невидимыхъ, скажешь не только другимъ, но и самому себѣ: есть Богъ. Я и теперь себѣ говорю: есть Богъ. И что сотворить мнѣ человѣкъ. Господь—просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся. Господь—защититель живота моего,—отъ кого устращуся. Я малодушенъ, я воспримчивъ, но не изъ тѣхъ, чтобы рисоваться... Я изъ тѣхъ трусовъ, которые, подумавши, поколебавшись, способны лѣзть на медвѣдя...“

Преосвященному викарію, епископу Мемнону,—благо хорошій,—я сдалъ кучу дѣлъ и отношеній. Да и всѣ дѣла идутъ на его просмотръ. Къ нему же адресую и людей по ввѣреннымъ ему окончательно дѣламъ. Но не могу оттолкнуть отъ себя всѣхъ людей, потому что они за сотни верстъ идутъ именно ко мнѣ искать милости, или—особенно правосудія и защиты.

Радуйтесь о Господѣ всегда. Господь близокъ. Сегодня у насъ уже пятница ваій.

Глубоко почтительно кланяюсь.

Глубоко признательный Н и к а н о р ъ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Петербургъ, 26 Марта 1884 г.

Спѣшу возвратить вамъ, преосвященнѣйшій владыко, съ благодарностью, присланныя вами бумаги.

Объ анонимномъ письмѣ скажу слѣдующее. Форма эта слишкомъ мнѣ извѣстна. Подумайте, что ко мнѣ стекаются такія сообщенія со всѣхъ концовъ Россіи. Если бы принимать ихъ къ сердцу, я давно съ ума бы сошелъ. *Я знаю*, что зла дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ можно описать въ анонимныхъ письмахъ; но форма эта лжива и вѣрить ей не слѣдуетъ, пользуясь только *про себя* въ нѣкоторыхъ случаяхъ указаніями на частности и подробности, которыя возможно провѣрить. Вообще же эти письма наполнены обобщеніями и преувеличеніями и въ большинствѣ случаевъ внушаются злобою и клеветою, въ чемъ я убѣдился. Меня въ нихъ раздражало всего больше ощущеніе этого ихъ мотива. Вспомните, какія писались на васъ письма изъ Уфы.

Итакъ мой вамъ совѣтъ: быть, какъ можно, хладнокровнѣе и осторожнѣе относительно анонимныхъ писемъ. Я пожалѣлъ, что вы показали это письмо члена (мъ) консисторіи. Простите—это была ошибка. Берегитесь, какъ бы не замѣтили, что вы придаете значеніе этимъ письмамъ. Тогда васъ завалятъ ими и употребятъ ихъ нарочно, какъ орудіе для того, чтобы сбить васъ съ толку, запутать и компрометировать. Помните, что на первый разъ вы окружены зоркими соглядатаями—и скорѣе недоброжелателями, чѣмъ добротами.

Зла слишкомъ много—о Боже, сколько вы еще увидите его: когда хозяинъ плохъ, всѣ люди въ домѣ изворуются—и буде онъ пробылъ долго, воровство становится обычаемъ и, въ ихъ сознаніи—*правомъ*, которое они воровски же, но считая себя въ правѣ, отстаиваютъ. Тутъ надобна большая терпѣливость и осмотрительность. По времени много успѣете,—а на первый разъ—ничего. По времени, когда почувствуютъ въ васъ *спокойствіе* и твердость мысли, многое измѣнится. Но покуда,

часто вамъ придется вспоминать слова о непреломленіи сокрушенной трости.

Благочинный вашъ—надо полагать,—благонамѣренный челоуѣкъ, но какъ вѣтъ отъ его писанія семинаристомъ новаго образованія! Одинъ терминъ—„борьба за существованіе“—ставшій избитымъ у семинаристовъ, есть уже указаніе на фальшивую ноту. А далѣе, какъ она явственно слышится въ критическомъ отношеніи къ народу—съ его невѣжествомъ,—ко всему этому молодые священники иногда относятся съ какимъ то раздраженіемъ, въ коемъ никакой любви не слышно,—и закоснѣвая въ этомъ чувствѣ, совсѣмъ сбиваются съ пути. Имъ и на умъ не приходитъ, что они сами—кость отъ костей этого народа,—что народъ сей суть овцы, блуждающія *безъ пастыря*, и что каковъ бы ни былъ этотъ народъ,—мы со всею вѣрою и знаніемъ пропали бы безъ него, ибо въ немъ—источникъ и хранилище нашего одушевленія и возбужденія и сокровище живыхъ силъ вѣры.

Бумаги ваши я никому не показывалъ.

О штундистахъ, надѣюсь, что вы получили отъ меня Могилевскую брошюру. Конечно, вы обратили вниманіе на любопытныя статьи Петрушевскаго въ Труд. кiev. академіи. Въ Кіевѣ недавно вышло посмертное изданіе Ушинскаго „О причинахъ появленія штунды“.

О Заркевичѣ. Буду ждать еще отъ васъ *рпшительнаго* слова—не замедлите прислать его. Если захотите его, вамъ дадутъ его. Въ Синодѣ толковали: не ошибется ли преосвященный. Оба они товарищи и оба горячіе. Я сказалъ, что написалъ еще вамъ и жду отвѣта. По отвѣтѣ вашему дѣло не замедлитъ.

Да хранить васъ Богъ.

Душевно преданный К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ, 27 Марта 1884 г.

Простите, преосвященнѣйшій владыко, что затрудняю васъ еще дѣлами прежней вашей епархіи, ибо тамъ покуда не къ кому еще обратиться за свѣдѣніями. Преосвященный Діонисій, кажется, только что пріѣхалъ.

Сегодня княг. Вяземская привезла ко мнѣ эту записку. Не помните ли означенный приходъ съ его обстоятельствами. Благоволите прислать нѣсколько словъ въ отвѣтъ съ возвращеніемъ записки.

К. Побѣдоносцевъ.

1884 г. Апрѣля 2. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Ваше высокопр-ство изволите ожидать моего рѣшительнаго слова о посвященіи о. протоіерея Іоанна Заркевича въ санъ епископа, викарія, въ г. Херсонъ. Моимъ рѣшительнымъ словомъ по этому предмету будетъ, что я оставляю это не-неважное дѣло на волю Божию, на изволеніе свят. синода и на движеніе вашего сердца. А моимъ прошеніемъ остается, чтобы о. протоіерей Іоаннъ Заркевичъ посвященъ былъ въ санъ епископа, викарія, въ Херсонъ.

Онъ горячъ, — хорошо зная его почти съ дѣтства, съ 15 лѣтъ моей и его жизни, я не знаю за нимъ этой слабости. Онъ можетъ оказаться непослушенъ мнѣ. Въ такомъ случаѣ онъ очутился бы безъ всякой власти. Да и безъ того ему не придется получать отъ насъ много дѣлъ, такъ какъ дѣла должны сосредоточиваться около консисторіи. А засылать ихъ въ Херсонъ было бы неудобно. Викарій тамъ весьма нуженъ и полезенъ, какъ представительный духовный сановникъ и какъ наблюдатель надъ мѣстнымъ духовенствомъ. О. протоіерей Іоаннъ Заркевичъ въ санѣ епископа-викарія могъ бы соперничать со мною въ какомъ либо отношеніи больше въ Одессѣ, — онъ принадлежитъ къ числу привлекательнѣйшихъ натуръ, какія мнѣ приводилось встрѣчать въ жизни, — и обладаетъ многими цѣнными достоинствами. Но вдали, изъ Херсона онъ мнѣ не опасенъ.

А преосвященный Мемнонъ, викарій не блистателенъ, за то спокойный, доброжелательный, опытный, мѣрный и дѣльный.

О. протоіерей Заркевичъ неудачно объяснился съ генераломъ Махотинымъ. Знаю, что генераль Исаковъ цѣнилъ его высоко. А генераль Махотинъ, по всему видно, легкимъ пухомъ летитъ по вѣянью моднаго вѣтра. Теперь принято винить во многомъ духовенство, когда свѣтская власть не желаетъ перстомъ своимъ двинуть въ помощь намъ.

Кадеты стоятъ въ церкви дурно,—виновать не директоръ, а законоучитель. Почти забавно. Генеральство стоитъ въ соборѣ безчинно,—виновать архіерей или ключарь. А зайкнись архіерей,—сейчасъ скажутъ: грубъ. Не винить ли законоучителя и за то, что кадеты въ постъ ѣдятъ скоромное. А зайкнись законоучитель объ этомъ, — ему не скажутъ, гдѣ Богъ, а легко укажутъ, гдѣ порогъ, и не найдешь для сего защиты.

Между тѣмъ повторяю: у о. протоіерея Заркевича много рѣдкихъ достоинствъ. Это первое—высокое образованіе, даже широкая ученость, отличный даръ слова, большой навыкъ даже къ импровизаціи, большая сила убѣдительности, полнѣйшая для нашего званія петербургская благовоспитанность, большой навыкъ къ обращенію въ высшемъ кругѣ, рѣдкая способность къ обученію и простецовъ, исключительный даръ привлекать сердца. Я пишу ему: „Въ Херсонѣ ты будешь ораторствовать. А здѣсь на церковное ораторство развитъ большой запросъ“.

Мнѣ остается повторить мою почтительнѣйшую просьбу—о высокомъ соизволеніи вашего высокопревосходительства на удостоеніе протоіерея І. Заркевича святительскаго сана и на отправленіе его въ г. Херсонъ, въ помощь моему смиренію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ...

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

1884 г. 25 Апрѣля. Село Троицкое.

Ваше высокопревосходительство.

Обозрѣвая теперь Херсонскую епархію, Одесскій, Ананьевскій, Елисаветградскій и Херсонскій, уѣзды, я во всѣхъ мѣстностяхъ нахожу сѣмена и даже уже плоды штундизма, молоканства и скопчества. Между тѣмъ въ сель Троицкомъ, Елисаветградскаго уѣзда, въ которомъ я теперь нахожусь, мѣстный священникъ, Хар. Дод-въ, человекъ уже пожилой, заслуженный и отличенный наградами, безъ вызова съ моей стороны, заявляетъ мнѣ политическую тайну, что здѣшніе штундисты (священникъ указываетъ прямо на лица) проповѣдуютъ прямо радикально-соціальныя вещи: мы де сдѣлаемъ, что скоро царей не будетъ, что царемъ будетъ любой изъ насъ, сегодня я, завтра ты, что земли будутъ общія, что ступай въ Херсонъ, или Одессу, бери

тамъ изъ магазиновъ, что любо—шелки, или бархатъ,—все будетъ наше; что здѣсь, среди народа, обращались антиправительственныя книги; что пропаганда штундизма идетъ именно изъ Пруссіи, что тамъ, у Нѣмцевъ, земли мало, а у Русскихъ много, такъ Нѣмцы въ штундѣ хотятъ приготовить для себя будущихъ союзниковъ, чтобы чрезъ нихъ со временемъ отнять эти земли у Россіи; и что священникъ, не кончившій даже курса въ семинаріи, ужасается, слыша подобныя толки, упорно распространяемые среди простого, чернаго народа. Сверхъ того, по словамъ того же священника, штундизмъ представляетъ совершенное разложеніе русской жизни, такъ какъ штундисты все русское перетолковываютъ въ дурную обратную сторону и развращаютъ православный русскій народъ. Священникъ сказываетъ, что онъ заявлялъ объ этомъ полицейскимъ властямъ, общая при искусномъ розыскѣ сдѣлать опредѣленныя руководящія указанія; но на его заявленіе не было обращено никакого вниманія, почему онъ и счелъ долгомъ заявить объ этомъ мнѣ.

Довода о семъ до свѣдѣнія вашего высокопр--ства, имѣю честь присовокупить, что по тѣснотѣ времени я не сообщаю о семъ ни г. генераль-губернатору мѣстному, ни мѣстному жандармскому надзору, а переговорю объ этомъ въ Херсонѣ, куда направляю мой путь.

Призывая на Васъ благословеніе Господне....

Н и к а н о р ъ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Петербургъ. 18 Мая, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Не знаю, вернулись ли вы изъ объѣзда по епархіи: по росписанію вижу, что предполагали вернуться 25 Мая. Надѣюсь, что вернетесь въ добромъ здоровьи.

Между тѣмъ спѣшу доставить вамъ брошюру, напечатанную для немногихъ, особливо же для членовъ Высоч. утвержд. совѣщанія по дѣлу о пашковцахъ. Вы увидите, до чего у насъ дошло дѣло и какую связь имѣетъ со штундою. Совѣщаніе уже было 12 числа. Предположено принять нѣкоторыя мѣры; какія будутъ приняты, не оставлю извѣстить.

Вамъ уже доставлено продолженіе миссіонерскихъ писемъ о Моги-левской штундѣ.

Когда будетъ досугъ, не оставьте извѣстить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ вами изъ перваго объѣзда по епархіи.

Уставъ академическій вы видѣли. Семинарскій въ сію минуту пересматривается и скоро совершится. На дняхъ выйдутъ правила о церковно-приходскихъ школахъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдуютъ правила о возстановленіи приходоу и діаконовъ.

Отецъ Заркевичъ—нынѣ уже архимандритъ. Хиротонія его замедляется потому только, что ему необходимо закончить экзамены въ учебныхъ заведеніяхъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.... К. Побѣдоносцевъ.

1884 г. Іюня 1. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Имѣлъ честь и радость получить ваше благосклонное посланіе отъ 18 Мая сего года.

Долгомъ считаю принести Вашему Высокопрев--ству мою глубокую сердечную признательность за милостивое услышаніе моей просьбы относительно о. протоіеря Іоанна Заркевича, нынѣ уже архимандрита Николая.

Возвратился я въ Одессу, какъ было предположено по маршруту. Въ Троицу служилъ. На второй день Троицы служилъ въ одесской греческой церкви всю литургію и молебствіе по гречески. Самъ читалъ не только возгласы литургіи по гречески, но и молитвы и возгласы на молебствіи и евангеліе по гречески же, чѣмъ весьма угодилъ мѣстнымъ эллинамъ, что они и выразили публично.

Въ обзорѣніи епархіи дѣлалъ дѣло; но въ то же время старался не возвысить гдѣ либо даже тонъ голоса, и мнѣ громко говорили, даже въ публичныхъ рѣчахъ, что встрѣтили во мнѣ не то, чего ждали по молвѣ. Молва сдѣлала изъ меня пугало, какъ было сперва и въ Уфѣ, конечно, не зная и не желая знать моего характера и задачъ моей

дѣятельности. По пути своему я не пропустилъ ни одной церкви и посѣтилъ такія, въ которыхъ по десяткамъ лѣтъ преосвященные архіереи не бывали, потому что ѣздили по прямымъ линіямъ.

Изъ каждой мѣстности я посылалъ форменныя предложенія въ консисторію, съ обстоятельнымъ изложеніемъ вынесенныхъ мною впечатлѣній. Но нуженъ, дѣйствительно, досугъ, чтобъ набросать картину и общаго положенія вещей въ обзорѣнной мною мѣстности.

Теперь все время мое поглощается выѣздами на экзамены въ духовныя и свѣтскія учебныя заведенія. Но на той недѣлѣ я займусь общимъ отчетомъ по учиненному мною обзорѣнію епархіи и копію такого не премину представить и вашему высокопр--ству.

Съ пути по нѣкоторому поводу я писалъ Иларіону Алексѣевичу Чистовичу, прося его, а черезъ его посредство прося и ваше высокопр--ство потерпѣть на мнѣ полгода—годъ. Я помирюсь здѣсь—конечно—не со всѣми, но почти со всѣми. Я вездѣ, и на прежнихъ мѣстахъ служенія, начиналъ тѣмъ, что повидимому жестоко стлалъ, а мягко выходило спать. И ко мнѣ впослѣдствіи всегда, на всѣхъ мѣстахъ моего служенія, обращались почти всѣ сердца съ признательностью и благословеніями, чему я имѣю тысячи доказательствъ. Уфимскіе проводы весьма внушительны, особенно въ контрастѣ съ проводами Н. П. Щецкина. Надѣюсь на милость Божию: обратятся ко мнѣ сердца и здѣсь, и поймутъ смыслы, что я способенъ творить добро и даже угождать людямъ.

Относительно епархіальнаго виѣ-одесскаго духовенства общій выводъ мой таковъ, что въ обзорѣнной мною мѣстности вовсе не усматривается рѣзкихъ проступковъ. Заявлены въ мѣстахъ четырехъ жалобы то на обложеніе требъ поборами, то на жесткое обращеніе священниковъ, то на неисполнительность. Но когда я отѣхалъ по желѣзной дорогѣ за 190 верстъ отъ г. Николаева, для обзора одной мѣстности по особому ходатайству, то туда съѣхалось разомъ нѣсколько депутацій съ жалобами на священниковъ. Народъ именно домогается, чтобъ его жалобы имѣли практической исходъ, а не волочились по канцеляріямъ цѣлыя годы и совсѣмъ безслѣдно. Я не ошибся, что личные обзоры епархіи имѣютъ истинно благотворное значеніе для разсѣянія мглы недоразумѣній, для умиротворенія раздраженія, для уравненія сталкивающихся интересовъ, конечно, и для поднятія энергіи трудящагося и не трудящагося духовенства, одного поощреніями,

другого указаніями на похвальный примѣръ трудящихся и благотворящихъ. Самъ же я изъ этой поѣздки вынесъ благопріятное для себя, умиротворяющее и обнадеживающее впечатлѣніе.

Благоводите, ваше высокопр--ство, принять увѣреніе въ глубокое мое къ вамъ уваженіи и въ глубокой сердечной признательности.....

Къ 8 Сентября предполагаю съѣздить въ Кіевъ, на поклоненіе кіевской святыни и старцу-митрополиту, моему всегдашнему и давнему благодѣтелю.

Не далѣе, какъ сегодня, одинъ офицеръ главнаго штаба, бывшій ученикъ о. протоіерея Заркевича, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ восхвалялъ его, какъ человѣка, какъ законоучителя, его умъ, знанія, его способность преподаванія, выражался даже, что „мы, его ученики, молились на него“; о генералѣ же Махотинѣ высказывался въ подобныхъ же, сильныхъ выраженіяхъ, только въ обратномъ смыслѣ.

Вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій... слуга,

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

Ораіенбаумъ. 24 Іюня, 1884 г.

Конфиденціально.

Преосвященнѣйшій владыко.

Спѣшу отвѣтить на конфиденціальное сообщеніе ваше отъ 18 Іюня. Людей, подобныхъ Чепурному, знаю я не мало и отъ многихъ получаю письма. Всѣ они заканчиваются желаніемъ лично объяснить свой секретъ Государю Императору. Согласитесь, что, если бы этому желанію даваемъ былъ ходъ, то Государь былъ бы поставленъ въ неестественное положеніе, а эти люди вообразили бы о себѣ нѣчто совсѣмъ чудовищное.

Самые добросовѣстные и разумные изъ нихъ, (ибо многіе совсѣмъ невѣжественны), принадлежать къ числу многихъ простыхъ людей сбитыхъ съ толку явленіями новаго *безвластнаго* и безпорядочнаго

времени, коихъ они не могутъ согласить съ обычными понятіями и представленіями о власти и порядкѣ. Они думаютъ, что узнали нѣчто особенное, когда познакомились съ этими явленіями ближе, и мнятъ видѣть повсюду особливые заговоры. Увы! имъ неизвѣстно, что этотъ безсознательный заговоръ—нравственнаго равнодушія и нравственной трусости—простирается на всю совокупность властей и интеллигентныхъ лицъ, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго быта.

Къ числу такихъ несомнѣнно принадлежитъ и вашъ Чепурной. У меня масса писемъ отъ подобныхъ ему людей. Я не нахожу никакой надобности вызывать ихъ и тратить на нихъ деньги. Что онъ мнѣ скажетъ. Что къ штундѣ привязываются нерѣдко тайныя цѣли противоправительственныхъ подстрекателей. Да я это и безъ него знаю—и не въ одной лишь штундѣ вижу,—но что жъ изъ этого. Люди подобные Чепурному думаютъ въ своей наивности: вѣрно, Царь этого не знаетъ, а если бы зналъ, то навѣрное прекратилъ бы... Люди эти держатся еще стараго понятія о томъ, что изъ Петербурга можно все перемѣнить и устроить какъ бы волшебствомъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія или царскаго указа..—Они вѣдь и понятія не имѣютъ, что время Петра и даже Николая стало легендарнымъ и что съ тѣхъ поръ „рѣка весьма свое теченіе, а птицы—летаніе перемѣнили,“ и что борьба со зломъ, принявшимъ форму законодательную, во многихъ случаяхъ стала несравненно сложнѣе,—не говорю уже о трудности борьбы со зломъ, разлитымъ въ воздухъ и составляющимъ атмосферу, посреди коей мы живемъ и движемся.

Я просилъ преосв. Николая сообщить вамъ нѣкоторыя предположенія мои о дѣйствіи противъ штунды. Надѣюсь, что вы получили отъ меня въ свое время брошюры съ Могилевскими миссіонерскими письмами и еще брошюру о пашковцахъ. Послѣдняя послужила матеріаломъ при обсужденіи дѣла въ Особомъ Совѣщаніи, по мнѣнію коего, Высочайше утвержденному, Пашковъ и Корфъ высланы за границу, съ объявленіемъ, что, если самовольно вернуться, или будутъ продолжать свою дѣятельность, то имѣнія ихъ будутъ взяты въ опеку. Учрежденное ими общество закрыто и брошюры отобрааны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ. 29 Юня, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Сообщаю вамъ мысль свою.

Штунда и у васъ—зло великое. Лѣчить надо.

Противъ подспорья штундѣ изъ Петербурга отъ пашковцевъ мы боремся здѣсь свѣтскою властью. Я послалъ вамъ печатную брошюру о пашковцахъ. Было совѣщаніе. Рѣшено и Государемъ утверждено: Пашкова и гр. Корфа выслать изъ Россіи (уже высланы) съ тѣмъ, чтобы не возвращались безъ разрѣшенія; а буде возвратятся, или станугъ продолжать свою дѣятельность въ Россіи, то имѣнія ихъ будутъ взяты въ опеку. Общество ихъ закрыто, (о чемъ будетъ опубликовано), и брошюры отобраны изъ склада. Здѣсь глупыя дамы высшаго круга, ничего не зная и не смысля, вопіють противъ сего, но всѣ благоразумные довольны.

Между тѣмъ въ народѣ распространилось уже недоумѣніе, не покровительствуетъ ли правительство и высшее общество новой вѣрѣ.

Доселѣ свѣтская власть. А что же церковь. Надо бы ей явить себя міру. Се нынѣ время—для сего благопріятно. У меня мысль такая (о чемъ на дняхъ буду писать въ Кіевѣ): могъ бы старецъ митрополитъ Кіевскій, собрать къ себѣ епископовъ тѣхъ епархій, гдѣ штунда появилась, для общаго совѣщанія о мѣрахъ. Тутъ бы кстати посудили и о латинянахъ. Затѣмъ всѣ, за общимъ подписаніемъ, могли бы издать пастырское посланіе къ народу о штундѣ и вожакахъ ея. Дѣйствіе сего было бы благотворное на всю Россійскую церковь. И время бы для того прекрасное—8 Сентября—Нерушимая Стѣна. Кстати къ этому дню и вы собирались въ Кіевъ. Я писалъ о семъ сегодня одному—преосв. Виталию въ Могилевъ.

Разсудите о семъ. Авось старецъ митрополитъ не усомнится: въ чемъ тутъ сомнѣніе. Пожалуй, можно устроить и разрѣшеніе.

Да хранить васъ Господь... К. Побѣдоносцевъ.

№ 3136.

Петербургъ. 6 Юля, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

По поводу отчета Уфимскаго губернатора за 1882 годъ и послѣдовавшей на немъ Высочайшей отмѣтки требуются отъ меня (какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) свѣдѣнія.

По этому предмету имѣлись уже въ виду матеріалы въ прежнихъ сообщеніяхъ вашего преосвященства изъ Уфы. Теперь я приказалъ сдѣлать изъ нихъ выписку; но считаю нелишнимъ препроводить ее къ вамъ. Можетъ быть, вы, просмотрѣвъ ее, найдете нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя въ ней добавленія или измѣненія. Затѣмъ покорнѣе прошу васъ отослать ее мнѣ обратно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К. Повѣдоносцевъ.

1884 г. Юля 13. Успенскій монастырь въ
15 верстахъ отъ Одессы, на морскомъ берегу.

Ваше высокопревосходительство.

Ваше высокопрев.-ство изволили выразить желаніе, чтобы я изложилъ свои общія впечатлѣнія, какія вынесъ изъ произведеннаго мною весной въ семь году обозрѣнія епархіи. Во исполненіе вашей воли имѣю честь при семъ представить копію моего предложенія консисторіи, съ изложеніемъ общаго моего взгляда на состояніе Херсонской епархіи, какой получилъ я при первомъ ея обозрѣніи.

Не скрою, что въ народѣ уже укоренилось убѣжденіе, что правительство и высшее общество покровительствуютъ новой вѣрѣ штунды. Народъ говорилъ и мнѣ, что православіе не встрѣчаетъ ни въ комъ защиты отъ злыхъ выходокъ штунды. Извѣстный Чепурной прямо называетъ лицъ изъ дворянства, земства, прокуратуры и судей, которыя будто бы громко провозглашаютъ обѣтъ отстаивать штунду во что бы то ни стало. Господинъ Херсонскій губернаторъ прямо говоритъ о полномъ своемъ безсиліи предпринять что либо противъ штунды, такъ какъ суды всѣхъ штундистовъ оправдаютъ, Защищать отъ имени зем-

ства и училищнаго совѣта извѣстнаго учителя Раснополь-Основскаго училища, который устраненъ г. директоромъ по моему сообщенію, являлся ко мнѣ г. уѣздный предводитель дворянства; требуютъ въ удовлетвореніе себѣ, чтобъ по меньшей мѣрѣ я вывелъ изъ Раснополя-Основы протоіерея О-ко, который сдѣлалъ невыгодный отзывъ о семъ учителѣ. Самый интеллигентный человекъ изъ здѣшняго русскаго купечества первый сказалъ мнѣ, да и всѣ затѣмъ подтверждаютъ то же, что штунду развелъ здѣсь не кто иной, какъ генераль-губернаторъ, графъ Коцебу. Предсѣдатель же земства въ Херсонѣ сообщилъ мнѣ на основаніи официальной переписки, что и графъ Тотлебенъ покровительствовалъ здѣсь распространенію штундизма, чрезъ миссіонерскую дѣятельность нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Переписка по этому предмету коснулась и нашей консисторіи. И дѣйствительно, православные за то, что, выведенные изъ террѣнія грубо-кощунственными посягательствами штунды, предпринимали нѣчто противъ штундистовъ, своевольно и самоуправно, всѣ наказаны по мѣрѣ вины, безъ послабленія, по силѣ статей уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ штундисты за оскорбленіе вѣры, за надругательство надъ православными, за явную и наглую пропаганду не наказаны ни одинъ, по ясному смыслу тѣхъ же статей уложенія о наказаніяхъ. Наоборотъ, первые коноводы штунды, посидѣвъ въ заключеніи, всѣ освобождены, окруженные ореоломъ страданія за вѣру, чуть не обожаемые своими послѣдователями, обременяемые вниманіемъ и даже сочувствіемъ всего, что есть вышшаго въ краѣ, начиная съ генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, предсѣдателей земства и разныхъ судебныхъ учреждений. Что же народъ долженъ заключить отсюда, какъ не то, что штунду защищаютъ всѣ.—„Ни, не трогай. Пускай, де ихъ“... Вотъ, Чепурной, зная все до тонкости, что дѣлается въ штундѣ, и увѣряегъ, что такой-то и такой-то громко дали обѣтъ, что, пока живы, не потерпятъ никакой обиды штундѣ.

Этого Чепурнаго я захвачу съ собою въ Кіевъ; онъ презамѣчательный, знаетъ премного, говоритъ пребойко.

Что дѣлаетъ духовенство противъ штунды, это совершенно искренно я изложу въ Кіевѣ.

Простите, ваше высокопревосходительство, я позволю себѣ высказать мою завѣтную не только мысль, а цѣлую теорію.

Въ православной, восточной, греко-византійской и нашей россійской церкви коренное, неизгладимое устройство таково, что іерархія

церковная пусть будетъ она массою мозга въ главѣ церковной. Но и при такомъ своемъ значеніи правильно дѣйствовать она способна только, когда защищена черепомъ, когда сидитъ на шеѣ, когда получаетъ притокъ крови чрезъ артеріи, когда правильно связана съ тѣломъ церкви. Отъ того въ православной восточной церкви іерархія одна, безъ правильной связи съ церковью, никогда не сильна была учинить ничего мирно плодотворнаго. Оттого на всѣхъ соборахъ православной церкви, для мирно плодотворной дѣятельности ихъ, рѣшительно требовалось не только присутствіе вліятельныхъ мирянъ, царей и замѣстителей ихъ, но и вліяніе. Это не случайность и никакъ не узурпація. Это требованіе вытекаетъ непреложно изъ существа дѣла, изъ богоданнаго устройства истинной церкви. Въ римскомъ католициствѣ не такъ: тамъ іерархія въ связи съ папою можетъ рѣшать все одна, безъ тѣла церкви. Но даже на великомъ апостольскомъ соборѣ несомнѣнно присутствовали и миряне, не какъ безличные, а какъ дѣйствительные члены апостольской церкви; присутствовали не только апостолы, не только старцы-пресвитеры, но и братія. И соборное рѣшительное посланіе пишется отъ лица апостоловъ, пресвитеровъ и братіи.

Эту теорію излагаю и всю эту рѣчь веду я,—простите,—къ тому, чтобы съ нѣкоторою благовидною основательностію выразить мое не скромное желаніе именно, чтобы ваше высокопр--ство, для благоплодности совѣщанія архіереевъ о штундѣ и о прочемъ, изволили пожаловать въ Кіевъ, сами лично.

Ваше высокопр--ство изволите выражать желаніе, чтобы преосвященные архіереи въ Кіевѣ составили общее посланіе къ народу. А преосвященному Николаю, епископу Новомиргородскому, изволили поручить передать мнѣ, чтобъ я занялся первоначальною редакціею проекта этого посланія. За честь, какую дѣлаетъ мнѣ одна мысль объ этомъ, выражаю мое глубокое благодареніе. А съ благодареніемъ выражаю и радость, что я по милости Божіей составляю, вѣроятно, довольно чувствительный нервъ тѣла церковнаго. Въ эти самые дни я самъ занять былъ и думою и заботою составить нѣчто такое, чѣмъ бы могли руководствоваться всѣ священники въ своихъ понятіяхъ и толкованіяхъ съ народомъ о штундѣ, равно какъ и самый народъ православный въ своихъ воззрѣніяхъ на штунду. Даже сію минуту гляжу и удивляюсь... по своей мысли я составилъ большое поученіе о штундѣ, на 29 Іюня, на день св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; хотя произношеніемъ въ церкви по частямъ и кончу ее только

наступающаго 15 Юля. А ваше высокопр--ство изволили написать мнѣ посланіе по тому же предмету, того же 29 Іюня. Слѣдовательно существуетъ нѣкій спиритизмъ, т. е. общеніе душъ, выражаемое въ русской пословицѣ: „сердце сердцу вѣсть подаетъ“.

Эту проповѣдь я думалъ, исправивши, отпечатать. Но теперь не печатаю, а представляю вниманію вашего высокопр--ства. Если къ чему либо пригодна, согласно вашей мысли она можетъ быть подвергнута всяческимъ исправленіямъ. Даже не лишнее было бы отдать ее на повѣрку въ Петербургскую дух. академію. Не скрою отъ васъ и того, что ни этой проповѣди, ни другой какой либо своей редакціи я не посмѣю предложить старцу митрополиту Кіевскому и сущимъ съ нимъ преосвященнымъ архіереямъ для предполагаемаго обще-архіерейскаго посланія къ народу. Вообще отклоню отъ себя всякую самамалѣйшую тѣнь инициативы въ такомъ важномъ дѣлѣ. Я желалъ бы, чтобы съ этою моею проповѣдью и имя мое не соединялось. Думаю, что подобное же самоотрицаніе учинять и всѣ прочіе архіереи, если только придутъ. Потому то я и осмѣливаюсь думать, что это, хотя бы и частное совѣщаніе, могло бы быть и оживленнымъ и твердымъ только при личномъ присутствіи вашего высокопр--а.

Все ли вамъ извѣстно, что извѣстно намъ. По крайней мѣрѣ, вамъ не всегда возможно видѣть положеніе вещей съ нашей точки зрѣнія. Когда съѣзжались архіереи на юбилей митрополита кіевскаго Арсенія, нѣтъ, не митрополита, а кіевской дух. академіи, то оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой виталъ въ тѣ дни гдѣ-то, не вдалекѣ отъ Кіева, но никакъ не въ Кіевѣ. И это принято было архіереями за тонкое внушеніе, что они ни о чемъ, касающемся церкви, разсуждать не должны, а могутъ только поспрашивать, съѣсть свои обѣды и за бокалами шампанскаго пожелать другъ другу многихъ лѣтъ. Это я слышалъ отъ непосредственнаго участника съѣзда, блаженныя памяти святителя казанскаго Антонія. Когда два года — лѣтъ пять спустя явились нѣкоторые архіереи на юбилей владыки митрополита Исидора въ Петербургъ, то, дѣлая имъ первый пріемъ, старецъ-владыко встрѣтилъ ихъ словами: „Ну, вотъ вы всѣ тамъ озабочены теперь проектомъ преобразованія духовнаго суда“... Всѣ архіереи поняли это, какъ внушеніе старца-владыки, чтобъ ни одинъ изъ нихъ и не заикался о проектѣ преобразованія духовнаго суда. А графъ Димитрій Андреевичъ Толстой на эти дни отбылъ изъ столицы. Это я слышалъ отъ участника же съѣзда, преосвященнаго Германа кавказскаго, моего товарища по академическому образованію. Опасаюсь, что безъ прямой инициа-

тивы и непосредственнаго руководства съ вашей стороны въ богоспа-саемомъ градѣ Кіевѣ и нынѣ, поклонившись кіевскимъ святынямъ, мы съѣдимъ одинъ-два обѣда, пожелаемъ старцу-митрополиту премногихъ лѣтъ въ дополненіе къ его многимъ лѣтамъ и мирно отбудемъ во свояси, благословляя Бога. Отвыкли мы—сказать-ли!—принимать общія дѣла церкви къ сердцу. Мы о нихъ толкуемъ только дома, въ келейномъ уединеніи, да развѣ издиваемъ свою тоску иногда только въ секретной бесѣдѣ, при рѣдкихъ свиданіяхъ архіерея съ архіереемъ, да въ братски довѣренныхъ другъ другу посланіяхъ. И винять насъ за это... Imbecilitas... И я лично сдѣлалъ наблюденіе, что архіереи, даже въ Петербургѣ, разучиваются и мыслить и говорить превосходно, каковы были на моей памяти Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, Иванъ Семеновичъ Гаевскій, даже графъ Александръ Петровичъ Толстой и Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Чему я личный свидѣтель, такъ какъ имѣлъ честь бесѣдовать съ каждымъ изъ нихъ съ глазу на глазъ, по нѣскольکو часовъ не разъ.

Я буду имѣть честь доставить и прошу моего друга Иларіона Алексѣевича Чистовича представить вашему высокопр--ству экземпляръ втораго изданія моихъ поученій, нѣскольکو исправленныхъ по указаніямъ критики.

Затѣмъ благоволите, ваше высокопр--во принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ вамъ уваженіи....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

1884, Іюля 13. Успенскій монастырь за Одессой.

Ваше высокопревосходительство.

По особому предмету пишу особое посланіе.

Пресвященный Николай, епископъ Новомиргородскій, передаетъ мнѣ, конечно, пока только письменно, что ваше высокопревосходительство изволите очень озабочиваться состояніемъ свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ.

Такъ. Правда. Не блистательно, скорѣе печально ихъ состояніе. Въ Уфѣ я засталъ свѣчной заводъ только въ уфимскомъ женскомъ монастырѣ. Шелъ онъ до меня тихо, но вѣрно. Монахини дѣлали свѣчи

изъ чистѣйшаго воска. Выдѣлывали столько, сколько успѣвали и продавали тому, кто хотѣлъ у нихъ покупать, не состоя ни съ кѣмъ, ни въ какихъ обязательствахъ. Я не хотѣлъ ни разрушать старое, существовавшее, твердо поставленное, ни создавать новое, невѣрное. Заводъ монастыря я не разрушилъ, обще-епархіальный свѣчной заводъ завести не отважился, какъ нѣчто невѣрное и лично для меня крайне хлопотливое. Но только приурочилъ монастырскій заводъ къ обще-епархіальнымъ нуждамъ, обязавъ чрезъ сѣзды духовенства всю епархію брать свѣчи не иначе, какъ изъ складовъ женскаго монастыря, а монастырь обязавъ уплачивать извѣстные $\frac{0}{10} \frac{0}{10}$ на нужды епархіи. Правда, монастырю стало труднѣе; свѣча стала терять свою чистоту отъ поставки изъ епархіи нечистаго огара. Но выходила и своя польза, а противъ злоупотребленій принимались мѣры.

Здѣсь же, увы. Дѣло поведено на широкую руку. Выдачи попечительство завода дѣлаеть большія. Но чистая свѣчка совсѣмъ исчезла изъ епархіи. При мнѣ составъ попечительства, оно запутывалось въ расчетахъ такъ, что и распутать нѣтъ надежды. На преосвященнаго викарія возложилъ было свои надежды совсѣмъ же не основательно. Сей архипастырь склоненъ болѣе жить въ Божѣ и богослуженіи, чѣмъ въ челоуѣкслуженіи, служа самолично въ среду, четвергъ, пятницу и субботу акафисты, а по воскресеньямъ и литургии, сверхъ того, ежедневно отстаивая всѣ продолжительныя монастырскія службы. На распутаніе запутанностей нашего свѣчного завода онъ и не подаетъ никакой надежды. Устранить же его я пока не рѣшаюсь потому, что все равно только нарушишь мирность братскихъ отношеній, а взятыя все таки не за кого. Самъ же взятыя за это дѣло не могу по многимъ соображеніямъ: во 1-хъ потому, что питаю большую антипатію къ денежнымъ расчетамъ; 2) слишкомъ заваленъ дѣломъ и безъ того; 3) въ отношеніи къ заводу пришлось бы соединить въ своемъ лицѣ обязанности и администратора и слѣдователя и судіи... Но и отдать дѣло только на волю Божию сомнительно потому, что воля же Божія требуетъ, чтобы мы внимали себѣ и дѣлу, надъ которымъ поставлены. Да и довѣрить веденіе дѣла только тѣмъ лицамъ, которые вели его и ведутъ до сихъ поръ, запутавши до невозможности и распутать крайне же сомнительно; но и закрыть—сохрани Богъ.

Вообще я держусь пока того мнѣнія, что закрывать всѣ свѣчные заводы въ Россіи, состоящіе въ вѣдѣніи духовенства, сразу не слѣдуетъ. Основанія такого мнѣнія таковы: 1) свѣчные епархіальные заводы составляютъ собственность, а всякая собственность имѣетъ право на

охраненіе своего права 2) создалась она на основаніи существующихъ законовъ, при покровительствѣ властей. Полезно ли для самаго закона, если бы твердость его не была гарантирована и довѣріе, которое къ нему питалось, было подорвано. Съ другой стороны, полезно ли поддерживать и въ православномъ духовенствѣ убѣжденіе, воспитываемое вѣками, что именно собственность духовенства и церкви стоять вѣ закона. 3) Въ свѣчные заводы вошли капиталы иногда сиротскіе, попечительскіе, иногда взятые заимообразно. Кто и какимъ образомъ воротить ихъ къ своему источнику? 4) Съ свѣчными заводами связаны многіе интересы, которымъ они до сихъ поръ удовлетворяли своими прибылями. Кто возмѣстилъ бы гибель этихъ интересовъ? Прибыли идутъ на училища епархіальныя, на мужскія и женскія и т. д. Подорвать ли самое существованіе этихъ учреждений? 5) Самое же важное по моему мнѣнію—это то, что російская церковь выпустить, конечно, отнынѣ навсегда, единственный источникъ и способъ болѣе или менѣе самостоятельно поддерживать свое благосостояніе. Выпустить даже единственный способъ благоукрашать свои храмы чистою восковою свѣчкою. Теперь никакая сила не заставитъ торгашей производить свѣчи изъ чистаго пчелинаго воска. Неодолимый двигатель выгоды заставитъ ихъ всегда неизбѣжно дѣлать удобную контрафакцію церковной свѣчи изъ суррогатовъ воска, въ 10 разъ болѣе дешевыхъ, чѣмъ самый воскъ. И уничтоживъ свои заводы, мы выпустимъ эту статью изъ рукъ одинъ разъ навсегда. Чистая восковая свѣчка останется въ церкви свѣтлымъ апостольскимъ въ прошедшемъ и грустнымъ въ настоящемъ воспоминаніемъ, не болѣе. А чрезъ 50 лѣтъ вторгнется въ церковь и всякое освѣщеніе стеариновое (какъ и вторгается уже) и газовое, и электрическое. Теперь въ рукахъ епархіальной власти имѣется хоть какой либо способъ бороться съ этой контрафакціей, и орудіе для этой борьбы даютъ свѣчные епархіальные заводы. Безъ нихъ же мы станемъ безоружны.

Теперь моя забота приобрѣсти человѣка для завѣдыванія заводомъ, хотя и совмѣстнаго съ другими, но человѣка сколько способнаго, столько же и совершенно довѣреннаго. Такого здѣсь я не вижу. А въ Уфѣ одного такого знаю и имѣю,—человѣка, которому вѣрю болѣе, чѣмъ брату родному, и способнаго во многихъ отношеніяхъ, человѣка хозяйственнаго, способнаго къ счетной части и твердохарактернаго. Я не имѣю никакой увѣренности, что онъ и пошелъ бы сюда изъ Уфы, такъ какъ тамъ онъ отлично поставленъ: онъ—ключарь собора, штатный членъ консисторіи, давній вліятельный членъ городской думы, самый популярный по г. Уфѣ священникъ, годный и полезный всегда

и вездѣ, оказывается приближеннымъ и къ преосвященному Діонисію епископу, какъ былъ приближенъ и ко мнѣ; вдовецъ, хотя и имѣетъ пять малолѣтнихъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ. Онъ пошелъ бы въ Одессу единственно изъ преданности мнѣ, чтобы соединить свою судьбу съ моею. Онъ оказалъ мнѣ въ Уфѣ тысячи братскихъ услугъ. Онъ былъ бы и здѣсь нуженъ мнѣ въ тысячахъ случаевъ. Но звать его сюда я и не посмѣлъ бы безъ нѣкоторой увѣренности, что устрою его и въ Одессѣ не многимъ хуже, чѣмъ онъ устроенъ теперь въ Уфѣ. Да, я долженъ увѣрить еще, что онъ—человѣкъ безкорыстнѣйшій, благороднѣйшаго характера. Мнѣ нужно хотя нравственное увѣреніе, что на переходъ его въ Одессу взглянули бы въ начальственныхъ сферахъ безъ предубѣжденія. А мнѣ онъ нуженъ былъ бы, какъ довѣреннѣйшее и весьма способное лицо для сосредоточенія въ своихъ рукахъ нитей именно: хозяйственно-экономическаго управленія, во-первыхъ, по свѣчному заводу, а тѣмъ болѣе, быть можетъ, и по дому, и по Бизюкову монастырю. По всѣмъ частямъ около меня экономическо-хозяйственное управленіе—широко размашистое. И до сихъ поръ безъ помогающаго, способнаго и довѣреннаго посредника, я не могу съ надежностію направить все согласно моимъ видамъ. При посредствѣ же этого человѣка я попытался бы, съ не малою надеждою, на беспорный успѣхъ, спасти и свѣчной заводъ и поднять борьбу съ не-чистыми свѣчами по всѣмъ церквамъ епархіи. Со временемъ я выдѣлалъ бы изъ него благонадежнаго архимандрита, намѣстника Бизюкова монастыря.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ вамъ уваженіи.....

Н и к а н о р ъ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

1884 г., Іюля 25. Успенскій монастырь.

Ваше высокопревосходительство.

При посланіи отъ 6 Іюля сего 1884 г., за № 3136, Ваше Высокопр-во изволили препроводить ко мнѣ выписку объясненія по поводу Всеподданнѣйшаго отчета уфимскаго губернатора за 1882 г.

Прочитавъ ее внимательно, я съ своей стороны не нахожу нужнымъ дѣлать въ ней какія либо добавленія, или измѣненія.

Выписка эта составлена перомъ сколько искуснымъ, столько же и благоволительнымъ къ бывшему уфимскому епископу. Я самъ не сумѣлъ бы наложить на учиненный въ ней сводъ доставленныхъ мною разновременно матеріаловъ характеръ такой ровной, дѣловой отвлеченности, какой требуютъ бумаги такого высокаго назначенія, увлекся бы тѣмъ, или другимъ, или многими, даже конкретными фактами, столь близкими недавно, да и теперь моему сердцу.

Вашему сердцу, тако благоизволившему и лицу, такъ искусно и благоохотно исполнившему вашу милостивую волю, мнѣ остается только и выразить мою глубочайшую признательность.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ....

Никапоръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

С. Петербургъ. 30 Юля 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Отвѣчаю на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 13 Юля.

Все, что вы пишете о необходимости присутствія властныхъ мірянъ на церковныхъ совѣщаніяхъ,—и я понимаю также. Но вы выводите это изъ исторической идеи церковнаго устройства. Я не иду такъ глубоко—дальше практической почвы. Опытъ— правда не веселый—и наблюденіе удостовѣряютъ меня въ томъ, что наша церковная іерархія нуждается въ мірянинѣ и ищетъ себѣ опоры внѣ круга церковнаго управленія. Правда, тутъ есть нѣчто рациональное и отвѣчающее понятію о церкви; но есть и признакъ нѣкоторой внутренней косности и той лѣни, которая вообще свойственна славянской натурѣ. Вслѣдствіе того многимъ изъ насъ легче и удобнѣе стать мучениками за идею, нежели вести непрерывную, изо дня въ день борьбу съ заботами, то сдерживая, то понуждая себя въ нормальной дѣятельности.. Но это сюжетъ пространнѣй и трудно касаться его мимоходомъ. Вообще у насъ, въ Россіи невозможно ни въ какой сферѣ дѣятельности успокоиться на томъ, что все и организуется, и пойдетъ само собой. Всюду надо хозяина. А хозяинъ не бываетъ безъ заботы; а заботу рѣдко кто у насъ охотно принимаетъ на себя, тѣмъ болѣе, что у насъ забота труднѣе и сложнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

По Кіевскому же дѣлу скажу вамъ, что у меня на мысли было— ѣхать туда, если дѣло состоится. Вообще, если бы отъ меня зависѣло, то я большую часть года проводилъ бы внѣ Петербурга.

Кіевское же дѣло готово состояться. На дняхъ уже получено представленіе митрополита Кіевского Св. Синоду, и указъ посылается разрѣшительный. Онъ предполагаетъ пригласить преосвященныхъ изъ Одессы, Житомира, Каменца, Екатеринослава, Чернигова, Полтавы, Могилева. Теперь надлежало бы ему обдумать внимательно, какъ все это будетъ, гдѣ и когда, и какіе предметы будутъ на совѣщаніи. Слѣдуетъ быть всему благообразно и по чину, чтобы служеніе трапезамъ не выступило впередъ передъ служеніемъ слову Божію.

Благодарю за доставленіе весьма любопытнаго предложенія вашего консисторіи. Относительно штунды справедливо и вѣрно указываете на великое значеніе школы, и именно нашей школы церковной. Это— камень нашего спасенія. Теперь вышли правила, освобождающія церковную школу отъ принудительнаго союза съ канцелярщиной училищныхъ совѣтовъ. Дай Богъ на семъ основаніи строить „злато, серебро, каменіе честное,—а инымъ хотя дрова, сѣно, тростіе“... Когождо дѣло явлено будетъ. Впрочемъ, Богъ дастъ, поговоримъ о семъ. По новому семинарскому уставу при каждой семинаріи должна быть образцовая начальная церковная школа, и если такая школа устроится, это будетъ весьма полезно для всего епархіальнаго дѣла.

Благодарю и за доставленіе вашего поученія о штундѣ. Несовсѣмъ для меня ясно, кончено ли оно, ибо вы пишете отъ 13-го числа: „Кончу ее только наступающаго 15 Юля“. Безъ сомнѣнія это будетъ поученіе полезное—конечно для духовенства и мірскихъ людей—не знающихъ своей вѣры и церкви. Необходимо отпечатать его. Надобно еще, и по вашей мысли, подвергнуть его разсмотрѣнію лицъ знающихъ и опытныхъ. А С. Петербург. Дух. Академія, какъ Академія, едва ли поможетъ этому дѣлу.

Но довольно на сей разъ. Да хранитъ васъ Господь въ добромъ здравіи и силѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

2 Августа.

Усерднѣйше благодарю за книжки, только что доставленные мнѣ И. А. Чистовичемъ. Пріятно видѣть, что вскорѣ же понадобилось второе изданіе вашихъ поученій. Статьи, напечатанныя въ „Гражданинѣ“, тогда же были мною прочитаны; тѣмъ пріятнѣе имѣть ихъ у себя въ особой книжкѣ.

Еще о предложеніи вашемъ Консисторіи. Желательно знать, будетъ ли оно напечатано въ Херс. епарх. Вѣдомостяхъ. Если нѣтъ, то желательно было бы ту часть его, которая относится до штунды, помѣстить въ брошюрахъ о штундѣ, печатанныхъ по моему распоряженію въ количествѣ 100 экз. Последнюю подъ № 3 вы вѣроятно уже получили. Въ ней любопытенъ разсказъ о крестьянинѣ, представившемъ себя учителемъ новой вѣры. Это—живой генезисъ сектантства въ нашемъ народѣ. Подобныя же черты представляетъ и извѣстный *Сютяевъ*, въ Тверской губерніи. Я нарочно посылалъ туда челоуѣка для изученія его.—Самъ *снохачъ*, а считаетъ себя судіей вселенной.

 Пятница, 7 Сеп. 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Здѣшнія торжества поминанъ приводятъ меня въ уныніе: всѣ ими заняты. И сегодня съ утра я отправился въ лавру, но никого не засталъ, и вотъ вижу, только сейчасъ, близъ 4 часовъ, проѣзжаетъ обратно карета митрополита. Завтра утро опять будетъ въ шумѣ празднующихъ, за коимъ послѣдуетъ утомленіе. Но время крайне дорого мнѣ, ибо дальше воскресенья, 9-го числа, мнѣ *невозможно* оставаться. Другого засѣданія при мнѣ, конечно, не будетъ, а митрополита мнѣ ни разу не удалось еще видѣть наединѣ. Не знаю, когда мы съ вами увидимся. Будете ли вы служить сегодня гдѣ либо, не знаю. Но хочу сказать вамъ, что сегодня съ 8 часовъ я буду дома, и если вамъ возможно, то не угодно ли заѣхать ко мнѣ. Завтра въ тотъ же часъ надѣюсь тоже быть дома, а васъ гдѣ искать, не знаю.

Душевно уважающій и преданный К. Побѣдоносцевъ.

(Недатирован.)

На основаніе миссіонерскихъ училищъ постараемся пособить вамъ. Дай Богъ, чтобъ это дѣло утверждалось *duce et auspice*—съ главнымъ пособіемъ первоначальника сихъ дѣлъ, почтеннаго Ильминскаго Н. И. Не сомнѣваюсь, что и вы дѣйствуете въ согласіи съ нимъ.

На дняхъ слышалъ, что у васъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ, есть способный къ сему дѣлу человекъ, священникъ Петръ Масловскій, знающій инородческіе языки.

(Недатировано).

Ваше высокопревосходительство,

Милостивѣйшій Государь.

Предъявитель сего, одесскій городской раввинъ, докторъ Швабахеръ, просилъ меня облегчить ему способъ представленія вашему высокопревосходительству.

Позвольте засвидѣтельствовать предъ вами, милостивѣйшій государь, что въ лицѣ г. Швабахера, если то будетъ вамъ благоугодно, вы изволите увидѣть мужа высокихъ достоинствъ, общечтимаго въ г. Одессѣ, обладающаго большими дарованіями и образованіемъ, и познаніями, отличающагося прекраснымъ, ораторскимъ-проповѣдническимъ талантомъ, какъ по составленію проповѣдей, такъ и по произношенію оныхъ, учителя вѣры, усвоившаго себѣ нравственныя воззрѣнія, весьма близкія къ евангельскимъ. Между прочимъ, онъ, г. Швабахеръ, вмѣстѣ съ лучшими представителями одесскаго еврейства участвовалъ въ торжественномъ погребальномъ шествіи предъ гробомъ въ Бозѣ почившаго преосвященнаго Архіепископа Дмитрія бывшаго Херсонскаго и Одесскаго, съ дорогимъ вѣнкомъ въ рукахъ. Онъ же затѣмъ въ синагогѣ совершалъ всенародное торжественное погребальное моленіе о почившемъ въ Бозѣ архіепископѣ Дмитріѣ и сказалъ въ честь его прекрасное многосодержательное надгробное слово. Вообще это достойнѣйшій представитель современнаго образованнаго еврейства.

Призывая на Васъ, милостивѣйшій государь, благословеніе Господне, имѣю честь, съ чувствами глубочайшаго уваженія и преданности пребыть.....

Никаноръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

Ливадія. 19 Сентября, 1884 г.

Преосвященнѣшій владыко.

Со времени выѣзда изъ Кіева не знаю, что тамъ происходило и происходитъ, но весьма любопытно знать, успѣли-ли достигнуть приличнаго результата. Прошу васъ, буде возможно, прислать мнѣ словечко о семъ. А эти строки адресую вамъ въ Одессу, въ томъ предположеніи, что вы вскорѣ послѣ 20 числа туда вернетесь.

Вотъ уже вторую недѣлю проживаю здѣсь посреди роскошной природы, но въ концѣ сентября думаю собраться въ обратный путь.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Странный священникъ Соколовъ изъ Цареводара, о коемъ я вамъ рассказывалъ, вздумалъ писать мнѣ и женѣ моей письма странныя, кои и оставались безъ отвѣта. А нынѣ понуждаетъ насъ къ отъѣзду прилагаемымъ посланіемъ. Надобно думать, что голова у него не совсѣмъ здорова.

1884, Ноября 10.

Ваше высокопревосходительство.

Позволяю себѣ смѣлость представить вашему высочеству 50 экземпляровъ моей статьи: „Православіе и штунда“.

Она имѣла честь быть исправленною вашими собственными руками. Имѣла честь быть читанною старымъ моимъ, высокочтимымъ другомъ Иларіономъ Алексѣевичемъ Чистовичемъ, о. прот. Парвовымъ, а также нѣкоторыми отцами Кіевского собора. При окончательной ея редакціи я принялъ въ соображеніе почтенные совѣты всѣхъ сихъ лицъ.

Описаніе нашего Кіевского собора я изготавляю, и первую часть его дѣяній, вамъ лично извѣстную, излагаю въ посланіи на имя благодѣтеля моего высокопреосвященнаго архіепископа Павла, экзарха Грузіи; а вторую изложу въ посланіи на имя вашего высокопревосходительства. Сознаюсъ, я хлопочу о томъ, чтобы мое описаніе было памятникомъ этого болѣе или менѣе историческаго факта, не недостойнымъ вниманія потомства.

Благоволите, ваше высокопрев-во, принять увѣреніе въ искреннемъ и глубокомъ моемъ къ Вамъ уваженіи....

Н и к а н о р ъ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

19 Декабря, 1884 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Усерднѣйше благодарю васъ и за доставленіе оттисковъ статьи „Православіе и штунда“, и за полученныя на дняхъ и любопытныя письма.

Посланіе нынѣ уже напечатано. Я еще въ Кіевѣ объяснялъ митрополиту, что по мнѣнію моему нѣтъ надобности представлять его на одобреніе Синода. Но онъ представилъ на всякій случай. Отъ Синода послѣдовало не утвержденіе или предписаніе; по представленію. И такъ, для признанія подлинности его нѣтъ нужды ожидать quasi официального напечатанія его въ Церковномъ Вѣстникѣ, чего, какъ вижу, ожидаютъ многіе.

Посланіе, конечно, не могло удовлетворить меня. Оно блѣдно и избилуетъ общими мѣстами, безъ приложенія перстовъ къ ранамъ. Не видно—sit, ut est.—

Что касается до пунктовъ совѣщанія, то и они, конечно, страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ,—и тою же болѣзною епархіальной канцелярщины. И они представлены Синоду, тогда какъ представленія сего заслуживали лишь нѣкоторые предметы, требовавшіе распоряженія свыше, или обращенія къ гражданской власти. Самое прямое дѣло было бы архіереямъ сдѣлать совокупный діагнозъ внутреннимъ болѣзнямъ и согласиться между собою въ общихъ мѣрахъ церковной дисциплины. И тутъ перстъ не приложенъ къ ранамъ. Въмѣсто того пункты представляютъ. Повтореніе прежнихъ общихъ мѣстъ, представленное на утвержденіе начальства. Слишкомъ много вѣса дано вызываемымъ отъ гражданской власти распоряженіямъ, и по этому предмету многое указано столь несообразно съ обстоятельствами времени и съ отношеніями, сложившимся въ послѣдніе годы, что приходится иногда воскликнуть: „O sancta simplicitas!“

Жалѣю, что не приняты были во вниманіе пункты вашей записки, изъ коихъ многіе имѣли дѣйствительно практическое значеніе.

Все это, однако, нисколько не удивило меня, ибо я на первый разъ и не ожидалъ ничего иного, особливо при вашемъ достопочтенномъ кормчемъ, коему и трудно отвыкать отъ старыхъ порядковъ церковнаго дѣлопроизводства. Я смотрѣлъ на это совѣщаніе, какъ на первый опытъ—авось, время укажетъ иные пути. Теперь обрисовывается уже образъ предстоящаго на весну совѣщанія. Преосвященный Діонисій въ заботахъ объ устройствѣ инородческихъ приходоу предполагалъ весною объѣхать приволжскіе епархіальные города, гдѣ таже потребность является. У меня рождается мысль—не удобнѣе ли всѣмъ, кому надлежитъ, съѣхаться для сего въ Казани.

Здравствуйте на предстоящій великій праздникъ Рождества Христова.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К. Побѣдоносцевъ.

Пришлю вамъ на дняхъ копію соборныхъ пунктовъ.

Петербургъ. 31 Декабря, 1884 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

За многими хлопотами и нездоровьемъ еще не успѣлъ благодарить васъ за любопытныя извѣстія ваши о происходившемъ въ Кіевѣ,—я писалъ вамъ еще до полученія третьяго вашего письма. Теперь беру перо, чтобы поздравить васъ съ новымъ годомъ, который встрѣчаю самъ не въ полномъ здоровьи, на праздникахъ не могъ быть ни у кого изъ членоу Синода. На первый день праздника пришлось съѣздить по нѣкоторой надобности въ Москву, въ храмъ Спасителя, а на обратномъ пути усилилъ еще свою простуду.—Отъ всей души желаю вамъ на наступающій годъ приращенія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ въ чемъ мы всѣ—рабочіе люди—крайне нуждаемся и о чемъ молимъ Бога.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Прилагаю брошюры, кои, можетъ быть, еще не дошли до васъ.

1884 г., Января 4. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Въ продолженіе праздниковъ я нарочно не утруждалъ Васъ своимъ писаніемъ, такъ какъ въ праздники некогда читать письма.

Въ семь году, какъ и еще много много лѣтъ, да хранить васъ Промыслъ Божій, мирна и цѣла, честна (чтима), здрава, благоденствующа, ко благу святой Церкви Божіей. Говорю это и по сознанию общей пользы, и по личному чувству, такъ какъ всегда имѣлъ въ васъ опору моему духу и утѣшеніе.

Такъ истинно утѣшили вы меня и послѣднимъ посланіемъ вашимъ. Богомъ послано оно мнѣ какъ разъ во время благопотребно.

Пастырское посланіе Кіевского собора производитъ и на православныхъ и на штундистовъ доброе, отрезвляющее, однихъ ободряющее, а другихъ придавливающее впечатлѣніе, какъ сообщилъ сегодня Чепурной. Его сообщеніе будетъ напечатано въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Эгого Чепурного, по нѣкоторомъ приготовленіи, мы рѣшили призвать къ священству; онъ уже далъ согласіе, котораго прежде не давалъ.

Sancta simplicitas, или ближе къ дѣйствительности—безнадежная попытка Кіевского собора указать на нѣкоторыя язвы общества, вредящія дѣлу церкви, сказывалась и нашему чувству. Одни хотѣли, другіе возражать не смѣли, видя при безнадежности и безвредности попытки.

Въ Казани уже знаютъ о предстоящемъ, или возможномъ сѣздѣ тамъ сѣверо-восточныхъ епископовъ. Мнѣ оттуда сообщаютъ.

Постановленія преосвященныхъ юго-западнаго края въ г. Кіевъ мною получены. Приношу мое сердечное благодареніе за память о моемъ смиреніи. Несмотря на крайнюю осмотрительность, съ какою составлялись эти „постановленія“, теперь перечитывая ихъ, я нахожу, что огдѣленія Г пунктъ I изложенъ двусмысленно и можетъ допускать толкованіе обратное, противное намѣренію собора. Соборъ имѣлъ въ виду подтвердить, чтобы уставъ церковный всюду соблюдался строго. Между тѣмъ выходитъ такъ, будто уставъ церковный можно соблю-

дать и не строго, лишь бы чинъ церковный не извращался; а монастыри вотъ пусть соблюдаютъ строго.

Имѣю честь представить вашему высокопрев--ству 25 экземпляровъ моей брошюры: „Состояніе Херсонской епархіи въ 1884 году“.

Во всякомъ же случаѣ, чтобъ предпринять что либо новое противъ штунды, я жду пересмотрѣнныхъ „Постановленій“ Кіевского нашего съѣзда, о которыхъ по частнымъ свѣдѣніямъ идутъ нынѣ разсужденія въ Св. Синодѣ.

Благоволите, ваше высок--во, принять выраженіе благожеланія, чтобы Господь хранилъ васъ въ наступившее лѣто отъ всякихъ напастей, награждая васъ всегда душевнымъ миромъ и полнымъ здоровьемемъ. Съ глубочайшимъ почитаніемъ, признательностію и преданностію...

Никаноръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

15 Января, 1885 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, что въ Одессѣ проживаетъ бывшая игуменія Митрофанія. Позвольте попросить васъ собрать о ней *конфиденціально* свѣдѣнія, гдѣ живетъ она нынѣ и чѣмъ занимается. Есть поводъ предполагать, что она не остается въ покоѣ и не измѣнила своей натуры. Нѣсколько времени тому назадъ имя ея было уже замѣшано въ слѣдственномъ дѣлѣ о торговлѣ афонскихъ монаховъ священными предметами.

Это женщина, которой опасаться надо. Она обманула уже многихъ, довѣрившихся ей. И вел. княгиня Александра Петровна и покойная Императрица горько сожалѣли объ оказанномъ ей когда-то довѣріи. Последніе дни покойнаго митрополита Иннокентія были оравлены послѣдствіями его уступчивости проискавъ этой женщины. По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ едва ли благоразумно будетъ оставлять ее долѣе въ Одессѣ. Но желательно во всякомъ случаѣ получить ближайшее объ ней свидѣтельство отъ вашего преосвященства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Конфиденціально.

Ваше высокопревосходительство.

Прошу прощенія, что отвѣтъ мой о бывшей игуменіи Митрофаніи я поставилъ на официальную нѣсколько почву, справившись съ нашими документами. Въ такомъ видѣ мой отвѣтъ будетъ обстоятельнѣе.

Веру отвагу,—простите великодушно,—поставить предъ благосклонностью вашего высокопревосходительства одинъ вопросъ. Не будетъ ли вашей благосклонности поставить вопросъ о назначеніи г. тайнаго совѣтника Иларіона Алексѣевича Чистовича попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, такъ какъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій подалъ прошеніе объ отставкѣ. Для насъ это было бы благотворно въ томъ отношеніи, что съ товарищемъ и другомъ съ давнихъ лѣтъ мнѣ удобнѣе было бы соглашать великое дѣло устроенія церковно-приходскихъ школъ.

При семъ честнымъ словомъ завѣряю, что Иларіону Алексѣевичу ничего не извѣстно объ отважномъ поставленіи мною такого вопроса.

Еще благоволите выслушать одну мою почтительнѣйшую просьбу. Если бы г. генералъ губернаторъ Христофоръ Христофоровичъ Роопъ призналъ нужнымъ критиковать мою дѣятельность официально, покорнѣйше прошу оказать мнѣ милость и довѣріе и справедливость—потребовать моего объясненія, если однако же самое дѣло признано будетъ заслуживающимъ того.

Благоволите принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ уваженіи, признательности и о Господѣ душевной преданности....

Никаноръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

1885 г., Января 24.

25 Генв. 1885 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Доходятъ до меня слухи (подтверждаемые, съ письма вашего, и Ил. Ал. Чистовичемъ), что у васъ съ генер.-губернаторомъ Роопомъ были неудовольствія и отношенія обострились.

Слышу еще, что Роопъ въ скоромъ времени сюда будетъ: безъ сомнѣнія будетъ онъ со мною говорить о семъ дѣлѣ, и буде станеть взводить на васъ обвиненія, не знаю, какъ отвѣчать ему.

Посему спѣшу просить васъ, не разсудите ли написать мнѣ и увѣдомить, что у васъ происходило съ Роономъ, и если были подлинно столкновенія, то по какому поводу и въ какихъ обстоятельствахъ.

Сейчасъ прочелъ донесеніе секретаря о безуміи свящ. Рульчевскаго Александрійск. уѣзда. Если подлинно могъ онъ сказать такія слова,—кои ему приписаны,—то что подумать о такомъ священникѣ,—и какъ съ нимъ распорядиться?

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

Конфиденціально.

1885 г., Января 30.

Ваше высокопревосходительство.

Прежде всего благодарю Господа Бога и затѣмъ васъ, что въ вашемъ лицѣ Богъ послалъ намъ и благосердаго послушателя и крѣпкаго заступника въ нашихъ злключеніяхъ.

Я самъ по этому предмету началъ было уже писать, но по особому соображенію остановился. Сію минуту я имѣлъ честь получить ваше благопопечительное посланіе отъ 25 Января. Тяжело мнѣ писать, но повинуюсь печальной нуждѣ. Прошу съ одной стороны вразумленія, а съ другой защиты и покровительства.

До самаго послѣдняго времени я никакъ не предполагалъ, что наши отношенія обострились. Неудовольствій его высокопревосходительству сознательно я не учинялъ. Представляю наши выдающіяся встрѣчи фотографически.

Въ проѣздъ мой чрезъ Харьковъ въ Одессу преосвященный Харьковскій Амвросій, знающій г. Роопа и супругу его издавна, лично предо мною отозвался о нихъ такъ: „Прекрасные люди; чѣмъ сердечнѣе отнесетесь вы къ нимъ, тѣмъ будетъ лучше“. Я лично передалъ этотъ отзывъ преосвященнаго Харьковскаго супруга Христофора

Христофоровича, Маріи Степановнѣ, и усиливался постоянно относиться къ нимъ въ духѣ этого отзыва. Кромѣ того я очень хорошо знаю, что генераль-губернаторъ можетъ быть и полезенъ и вреденъ, какъ мнѣ, такъ и подвѣдомому мнѣ духовенству; что генераль-губернаторъ есть въ извѣстномъ смыслѣ даже начальникъ всѣхъ, пребывающихъ въ подвѣдомомъ ему краѣ. Моею задачею было всячески не разойтись съ генераль-губернаторомъ въ Одессѣ какъ и въ Уфѣ съ губернаторами, что тамъ мнѣ и удалось съ тремя губернаторами, не удалось только съ г. Щенкинымъ, извѣстнымъ радикаломъ.

Съ первыхъ же дней генер.-губернаторъ Х. Х. Роопъ сталъ учинять относительно меня поступки, которыхъ я не понималъ.

Послѣ моего прибытія въ Одессу онъ скоро отбылъ въ Петербургъ. Воротившись оттуда, онъ сдѣлалъ мнѣ честь отвѣтить визитомъ на визитъ. Мой швейцаръ сильнѣйшимъ образомъ зазвонилъ; келейникъ выбѣжалъ мгновенно; въ ту же минуту г. губернаторъ безъ доклада, зная парадный входъ въ домъ, очутился помимо его въ комнатѣ, гдѣ я обѣдалъ, одѣтый по домашнему, въ подрясникѣ. Я попросилъ его въ залу, а самъ вышелъ надѣть рису. Когда сѣли, г. генераль-губернаторъ сразу же приступилъ къ сообщенію: „Этотъ вашъ Константинъ Петровичъ“, — не помню „Константинъ Петровичъ“, не помню — „Побѣдоносцевъ“, но очень хорошо помню тонъ фамильярности, или даже небрежности, — „Богъ его знаетъ, витаетъ тамъ въ министерскихъ сферахъ, волнуется государственными вопросами, а своего дѣла знать не хочетъ“ (или: „не знаетъ“, — не помню). „Я говорю ему о такомъ-то архіереѣ, а онъ спрашиваетъ: „Ну, какъ тамъ у васъ торговый отпускъ за границу?“ — Я о такомъ-то архіереѣ, а онъ любопытствуетъ: „Какъ санитарное состояніе края? Какъ политическое настроеніе умовъ?“ Когда генераль-губернаторъ чрезъ минуту отбылъ, я подумалъ: не такъ же онъ простъ, чтобъ не понять намѣреннаго смысла рѣчи Константина Петровича. А это онъ даетъ мнѣ понять, что и обо мнѣ онъ будетъ дѣлать такіе же отзывы. И то еще подумалось: что бы онъ сказалъ если бъ я такимъ же образомъ вскочилъ къ нему безъ доклада, засталъ его по домашнему и т. п.

На шестой недѣлѣ великаго поста освящали мы церковь въ роскошномъ здѣшнемъ коммерческомъ училищѣ. Служба была долгая, великопостная, хотя и сильно сокращенная. За чтеніемъ паремій предстоящіе такъ шумѣли, что заглушали чтеніе. Присутствовалъ ли при этомъ генераль-губернаторъ, мнѣ не извѣстно. Присутствовали всѣ

вѣроисповѣданія, пасторы нѣмецкій, англиканскій, евреи и т. п. Я сказалъ проповѣдь объ отношеніи христіанства къ израилитизму, сократилъ на половину, спѣшилъ, чтобы не утомить. Послѣ обѣдни позвали насъ во многолюдное собраніе, посадили меня и генераль-губернатора въ особой комнатѣ, дали стаканъ чая. Только что подали чай, бѣжитъ старшина: „Ваше Преосвященство, пожалуйста въ залу, они уже ѣдятъ.“—„Позвольте же, дайте мнѣ допить стаканъ чая“.—Черезъ секунду бѣжитъ опять: „Они уже садятся.“ Обжегши ротъ чаемъ, я выхожу въ залу и громкимъ голосомъ сталъ читать: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“... Надо было видѣть, какъ они повскакивали... Преступленіе съ моей стороны противъ разсѣянности одесситовъ было велико. Но въ этомъ случаѣ я руководился высокимъ примѣромъ, который видѣлъ собственными очами въ Новочеркасскѣ въ 1873 г. Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II, на царскомъ обѣдѣ, дошелъ до кресла прежде, чѣмъ до своего достигъ бывший на аудіенціи, высокопреосвященный архіепископъ Донской Платонъ. Государь, было, возсѣлъ, но, увидѣвъ, что архіепископъ стоитъ и готовъ читать молитву, Государь изволилъ встать. Это было въ присутствіи и нынѣ царствующаго Императора, тогда Атамана Донскаго казачьяго войска. Здѣсь въ Одессѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, забыты православные христіанскіе обычаи,—объ одномъ изъ таковыхъ я имъ напомнилъ. Но и наказанъ. Насъ съ генераль-губернаторомъ посадили въ огромной залѣ, на концѣ стола, у самой двери. Генераль-губернаторъ сперва не говорилъ со мной ни слова, затѣмъ сказалъ слѣдующія слова: „Вы говорили вашу проповѣдь (первую въ его присутствіи) весьма поспѣшно, но это оттого, что она у васъ очень длинна“. Съ тѣмъ онъ поднялся прежде окончанія завтрака и вышелъ, давъ мнѣ понять, что очень недоволенъ мною и моею проповѣдью, которой онъ не понялъ. Она перепечатана во всѣхъ концахъ Россіи, прочитана тысячами Евреевъ и произвела свой результатъ. Елизаветградскіе Евреи поднесли мнѣ за эту проповѣдь обложенную серебромъ еврейскую библію. Кишиневскіе Евреи да и одесскіе обращаются ко Христу уже массами. Моя проповѣдь угадала моментъ.

Зная, что свѣтскіе могутъ быть даже злы на меня за предстоящую пасхальную службу, я нарочно поѣхалъ къ болѣе близкому ко мнѣ по прежнимъ отношеніямъ градоначальнику, Павлу Павловичу Коссаговскому, объяснить ему, что я намѣренъ въ первый день Пасхи, на литургіи, соблюсти уставъ относительно чтенія евангелія на разныхъ языкахъ и концахъ храма; что барство можетъ въ концѣ утрени, послѣ христосованья, отбыть изъ церкви, а къ концу обѣдни пожела-

вать, такъ какъ всѣ приглашены были разговѣться, не постившись, къ генераль-губернатору; т. е. почти что просилъ у нихъ позволенія соблюсти уставъ церковный. О томъ же велъ я переговоры и съ полиціймейстеромъ. Къ утрени въ первый день Пасхи я прибылъ въ 11 съ половиной час. ночи и сейчасъ же началъ полунощницу. Служба шла аккуратно и съ пропусками повтореній. Съ прочтеніемъ евангелія, по окончаніи обѣдни и разоблаченія, я былъ въ домѣ генераль-губернатора, за нѣсколько минутъ до 4 час., употребивъ четверть часа на ѣду. Несмотря на все это, слышалъ, что публика была очень недовольна на мою мѣшкотность.

На Фоминой недѣлѣ, получивъ въ первый разъ приглашеніе на малый обѣдъ къ генераль-губернатору, слышу около себя разговоръ: „Устали М. С?“—спрашиваетъ старый генераль хозяйку.—„Нѣтъ, нимало“,—отвѣчаетъ хозяйка.—„Гдѣ это не устали?“, дерзая спросить я.—„Вчера на балѣ были до 3-хъ часовъ“.—„Все сидѣли?“—„Нѣтъ, отплясывали до утра“.—„А въ соборѣ, въ первый день вы изволили все стоять?“—„Нѣтъ, гдѣ! Сидѣли“.—„И устали?“—„Да. Да вѣдь въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени утомительно, это наприм. чтеніе евангелія. Представьте: ничего не слышно. А тутъ тянуть, тянуть“... Въ дѣйствительности они отдѣлили особою заставкою правое крыло собора, наставили тамъ стульевъ, превесело провели въ бесѣдѣ время и все же сильно устали. Отвыкли бѣдные бывать, особенно же стоять въ церкви. Она,—всѣ говорятъ,—хорошая дама, и сама говоритъ, что бываетъ въ церкви, но я ее въ церкви никогда не вижу,—видѣлъ съ самаго начала разъ или два. Впереди народа она не становится, ко кресту не подходитъ. Стыдно же выставляться московскою набожно-стью.

Въ среду на Свѣтлой недѣлѣ здѣсь бываетъ торжественная въ соборѣ литургія и послѣ оной установленный крестный ходъ съ иконою Касперовской Божіей Матери, которая на пароходѣ отбываетъ къ г. Херсону. Все мы совершили благолѣпно. Поднялись немногіе на палубу парохода: поставили икону на мѣсто. Въ этотъ моментъ г. генераль-губернаторъ входитъ въ нашу среду старѣйшихъ священнослужителей поклониться святой иконѣ, поставивъ мнѣ прямо подъ лицо свою спину. Когда онъ совершилъ поклоненіе, я стараюсь попасть въ линію его зрѣнія, чтобы поклониться ему, а онъ упорно не оборачивается и уходитъ. Я за нимъ. И только когда онъ дошелъ до спуска по лѣстницѣ, по другой сторонѣ парохода, тутъ мнѣ удалось попасть въ линію его зрѣнія, поклониться и сказать: „Имѣю честь кланяться

вашему высокопревосходительству“.— „А, здравствуйте, ваше преосвященство“. Такъ, мы на глазахъ всей Одессы пробѣжали по всей палубѣ парохода, я за нимъ, а онъ отъ меня. Это было замѣчено многими. Впослѣдствіи я спрашиваю ключаря: „Генераль-губернаторъ былъ чѣмъ-то на насъ недоволенъ. Развѣ мы тянули службу? Развѣ опоздали?“— „Ни, ни,—отвѣчаетъ ключарь,—часъ въ часъ, минута въ минуту“. Въ этотъ день начало обѣднн полагается въ 7 час., начало молебна и крестнаго хода въ 9 часовъ. А проповѣди я не говорилъ. Казалось бы, не на что прогнѣваться.

Въ поѣздку мою по епархіи г. генераль-губернаторъ устроился такъ, что прибылъ въ г. Николаевъ въ тѣ самые дни, когда и я тамъ находился. По прибытіи его, я съ старшимъ духовенствомъ явился въ его квартиру представиться и представить. Мы всѣ расписались. Генераль-губернаторъ дома не былъ, визита не отдалъ. Въ церкви, повидимому, не заѣзжалъ. А хорошо ли было бы, если бы и мы къ нему не явились.

Просили меня освятить ново-открытый вокзалъ желѣзной дороги. Съѣздъ назначенъ былъ въ 1 часъ. Я прибылъ за 2 минуты. Но генераль-губернаторъ за 5. Я произнесъ за молебномъ проповѣдь, сокративъ ее больше, чѣмъ на половину. По совершеніи молебна, разоблачаюсь съ возможною быстротою. Разоблачившись, подхожу и почтительно кланяюсь г. генераль-губернатору. Тотъ, отвѣтивъ на поклонъ и не сказавъ мнѣ ни слова приглашенія, поворотилъ ко мнѣ спину и пошелъ осматривать освященное зданіе. Всѣ за нимъ ушли. Я остался только съ духовенствомъ православнымъ и иновѣрнымъ и тотчасъ уѣхалъ. Никто изъ хозяевъ не сказалъ мнѣ слова привѣта и благодарности. Слышу впослѣдствіи, генераль-губернаторъ шумитъ, что „архіерей долженъ пріѣзжать прежде, онъ знаетъ распisanіе, сроки богослуженій объявляются.“ Оказалось, что генераль-губернаторъ объявляетъ приказы, что „обѣдня начнется въ 10 час.,“ когда отъ насъ объявляется, что звонъ къ обѣднѣ въ 9 час., а „молебенъ въ 11 съ полов. час.“, когда въ Рождество, въ Новый годъ бываетъ литургія Василія великаго, болѣе длинная. Говорятъ, онъ требуетъ, чтобъ эти его объявленія посылались мнѣ, къ исполненію. До сихъ поръ не посылались по деликатности посредствующихъ, какъ и никогда, при прежнихъ генераль-губернаторахъ, не посылались.

Простите, что изображаю мелочи. Все будетъ въ томъ же родѣ и всего не много.

Скоро по прибытіи въ Одессу я сдѣлалъ обѣдъ для старѣйшихъ чиновъ, желая сблизиться съ ними, съ г. генераль-губернаторомъ и супругой его, пригласивъ и другихъ. Г. генераль-губернаторъ съ супругою общались, но не прибыли,—какъ разъ въ этотъ день ему понадобилось уѣхать въ Петербургъ. Однако же толкуеть: „Вотъ я собираюсь все къ вамъ“. Въ день храмоваго праздника крестовой церкви, св. Владимира, я прошу г. генераль-губернатора и другихъ на праздникъ въ крестовую и на обѣдъ, ко мнѣ, въ Успенскій монастырь, гдѣ я проживалъ лѣтомъ и куда генераль-губернаторъ все собирался. Теперь генераль-губернаторъ, хотя и самъ вызвался и общался, прибыть однако же не изволилъ ни на обѣдню въ церковь, ни на обѣдъ, который стоилъ заботъ и денегъ. Къ нему въ этотъ день прибыла жена изъ Москвы. А все же желая быть или казаться ласковымъ, толкуеть: „Я вотъ все къ вамъ собираюсь“. Я жду случая снова пригласить и приглашаю его на второй храмовой праздникъ нашей крестовой, на 24 Октября, день Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ, и на обѣдъ уже въ городской нашъ домъ. Обѣдъ стоилъ не малыхъ заботъ и денегъ. Къ обѣднѣ г. генераль-губернаторъ не пожаловалъ, обѣдъ однако же удостоилъ своимъ присутствіемъ. Я, конечно, посадилъ его на первое мѣсто (онъ всегда садится на первое мѣсто и всегда идетъ впереди меня), а самъ изъ смиренія сѣлъ слѣва около него, справа посадилъ около преосв. епископа Николая, викарія, чтобы тотъ занималъ его. И почетный гость положительно весь обѣдъ проговорилъ съ преосв. Николаемъ, почти не оборачиваясь въ мою сторону. Я былъ этому и радъ, потому что какъ хозяинъ, занимался распоряженіями и всѣми гостями. Тѣмъ не менѣе всѣми замѣчено это манифестативное вниманіе перваго гостя къ преосв. Николаю. Мнѣ все оказывалось, именно „оказывалось“ неблаговоленіе, хотя, какъ изволите видѣть, я усиливался быть угоднымъ. По окончаніи же обѣда, желая самъ уже занять чѣмъ либо старѣйшаго гостя, я подвелъ его въ залѣ къ висящему на стѣнѣ, только что прибывшему изъ Кіева, снимку отцовъ Кіевскаго собора. Гость взглянулъ и мгновенно отпрянувъ, довольно громко признаетъ: „Этотъ зачѣмъ здѣсь?“ И потомъ немного понизивъ тонъ, повелъ рѣчь, которая меня изумила и по предмету, и по условіямъ, при которыхъ высказывалась. О чемъ либо подобномъ говорится иногда на ухо и по дружбѣ; но тутъ не было ни того, ни другого, а было Богъ вѣсть что...

окончаниі курса въ послѣднемъ (1836 г.) былъ опредѣленъ въ Университетъ Св. Владиміра и. д. адъюнкта по кафедрѣ русской исторіи и статистики, а съ 1837 года—всеобщей исторіи и греческаго языка; удостоенный степени магистра историческихъ наукъ (1842 г.), онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ и въ этомъ званіи состоялъ до 1866 года, когда покинулъ университетскую кафедру; кромѣ того, былъ преподавателемъ исторіи въ Кіевскомъ женскомъ институтѣ и въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ, а также членомъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ; выйдя въ отставку, поселился въ городѣ Острѣ (Черниговской губ.), гдѣ и умеръ 14 ноября 1882 года.—Его труды:

„Разсужденіе о значеніи среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ новѣйшему времени,“ магистерская диссертация, Кіевъ 1841 г.

„Извлеченія изъ Архива кн. Потемкина“ (*Русскій Архивъ* 1864 и 1865 гг.).

Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ¹⁾, изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1829 году; воспитывался во 2-ой Кіевской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Университета Св. Владиміра, гдѣ студентомъ получилъ золотую медаль за сочиненіе: „Объ операціи произведенія искусственныхъ преждевременныхъ родовъ“ (1856 г.) и окончилъ курсъ лѣкаремъ (1857 г.); удостоенный степени доктора медицины (14 декабря 1860 г.), былъ опредѣленъ въ томъ же Университетѣ доцентомъ по кафедрѣ патологической анатоміи и физиологіи (съ 13 іюля 1861 г.); затѣмъ переведенъ въ Харьковскій Университетъ на кафедру фармакологіи, которую и занималъ съ 23 января 1864 года, въ званіи ординарнаго профессора; † 4 марта 1882 года въ Харьковѣ.—Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Гистологія сухожилій въ нормальномъ патологическомъ состояніи,“ докторская диссертация, Кіевъ 1860 г., 31 стр.

„Критическій разборъ“ разсужденія Вермана: „О глазномъ зеркалѣ“ (*Современная Медицина* 1860 г., №№ 47 и 48).

„Ислѣдованіе о строеніи пахіоновыхъ грануляцій,“ Кіевъ 1861 г., 29 стр.

„О физиологическомъ дѣйствіи карболоазотнокислаго амміака и терапевтическое его употребленіе“ (*Медицинскій Вѣстникъ* 1874 г., № 13).

Строгановъ графъ, Сергѣй Григорьевичъ²⁾, потомокъ старинной фамиліи, родился 8 ноября 1794 года въ Москвѣ; воспиты-

¹⁾ О немъ: *Южный Край* 1882 г., № 409.—„Биографическій словарь профессоровъ Университета Св. Владиміра“, Кіевъ 1884 г., стр. 623—624 и 813.—„Русскіе врачи-писатели,“ Л. Змѣева, Спб. 1886 г., вып. II, стр. 117—118.—„Медицинскій факультетъ Харьковскаго Университета,“ Харьковъ 1906 г.

²⁾ См. періодическія изданія 1882 года: *Газета Гатицука*, № 14; *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія*, кн. 4; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 5, стр. 476—477; *Московскія Вѣдомости*, №№ 88, 89, 94 и 96; *Ива*, № 22 (съ портретомъ); *Перм-*

вался въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія; произведенный въ офицеры (1811 г.), служилъ въ арміи, при чемъ особенно отличился въ Бородинскомъ сраженіи (1812 г.), а въ 1828 году—въ дѣлахъ подъ Шумлою и Варною; затѣмъ—военный губернаторъ въ Ригѣ и Минскѣ (1831—1834 гг.), въ званіи генераль-адъютанта попечитель Московскаго учебнаго округа (1835—1847 гг.), послѣ участія въ Севастопольской кампаніи (1854—1855 гг.)—военный генераль-губернаторъ въ Москвѣ (1859—1860 гг.) и—наконецъ—главный воспитатель Великихъ князей Николая (покойнаго Наслѣдника), Александра (покойнаго Государя), Владиміра и Алексѣя Александровичей; † 27 марта 1882 года въ Петербургѣ, въ званіи члена Государственнаго Совѣта. — Покойный состоялъ предсѣдателемъ въ Импер. Обществѣ Исторіи, Обществѣ Любителей Россійской Словесности и въ Археологической Коммиссіи, былъ основателемъ Строгановскаго училища для рисованія въ Москвѣ и напечаталъ слѣдующіе труды:

„О серебряныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи, въ 1836 и 1837 годахъ“ (*Русскій Историческій Сборникъ*, изд. Импер. Общества Исторіи, М. 1840 г., т. IV).

„Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ“, М. 1849 г.

„Древности Россійскаго Государства“, М. 1849—1853 гг. (изданы подъ руководствомъ графа С. Г. Строганова).

„Записка князя Адама Чарторыжскаго объ его политическомъ положеніи“, 1810 г. (*Русскій Архивъ* 1876 г., кн. 1).

„Русское искусство: В. Виолле-ле-Дюкь и архитектура въ Россіи, отъ X до XVIII столѣтій“, Сиб. 1878 г., съ шестнадцатью таблицами.

Послѣ смерти гр. С. Г. Строганова, напечатаны его „Письмо къ О. М. Бодянскому“, отъ 15 января 1849 года (*Русская Старина* 1890 г., кн. 1, стр. 54) и „Изъ разсказовъ графа С. Г. Строганова“ (*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. 6, стр. 419—420).

Тулѣвъ, Михаилъ Андреевичъ¹⁾, родился въ городѣ Гродно

скія Губ. Вѣдомости, №№ 59—63; *Русскій Иввалидъ*, № 72; *Святъ*, № 70; *Современныя Извѣстія*, №№ 89 и 91; *Художественный Журналъ*, кн. 4, стр. 260; *Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи*, кн. 2, отд. I, стр. 1—10; 1883 г., кн. 4, отд. IV, стр. 17—18.—*Русская Старина* 1887 г., кн. 4, стр. 83—88; 1890 г., кн. 2, стр. 386—387.—*Русскій Архивъ* 1890 г., кн. 4, стр. 550—552.—*Вѣстникъ Европы* 1891 г., кн. 5 и 11; 1892 г., кн. 2 и 3 („Воспоминанія“ О. И. Буслаева).—*Русскій Архивъ* 1892 г., кн. 7, стр. 347—359.—*Вѣстникъ Европы* 1896 г., кн. 7, стр. 165—196; кн. 8, стр. 471—490 (статья А. А. Кочубинскаго: „Графъ Строгановъ въ исторіи нашихъ университетовъ“).—*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. 7, стр. 450—452.—„Жизнь и труды Погодина“, Н. Барсукова, кн. III—XXII (по указателю).—„Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности“, М. 1911 г., стр. 277.

¹⁾ См. книгу Гербеля: „Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко“, второе изданіе, Сиб. 1881 г., стр. 305—311.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 138.—*Святъ* 1882 г., № 113.

8 ноября 1814 года и послѣ начальнаго образованія въ Житомирскомъ уѣздномъ училищѣ воспитывался въ Волынской гимназіи, изъ которой поступилъ въ Университетъ Св. Владиміра на первое отдѣленіе философскаго факультета; по окончаніи университетскаго курса кандидатомъ (1839 г.), опредѣленъ учителемъ русской словесности въ Винницкую гимназію, откуда съ 1842 года переведенъ преподавателемъ въ Нѣжинскій Лицей и, послѣ полученія магистерской степени (1844 г.), состоялъ тамъ профессоромъ (1844—1853 гг.); затѣмъ—директоръ Немировской гимназіи (1853—1857 гг.), инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа (1857—1865 гг.) и помощникъ попечителя въ томъ же округѣ (1865—1873 гг.); † 11 мая 1882 года въ Кіевѣ.—Кромѣ магистерской диссертациі: „О романѣ“ (не изданной въ свѣтъ), онъ напечаталъ:

„Рѣчь о періодахъ поэзіи“ (*Речи на актѣ Лицея* кн. Безбородко, 21 сентября 1841 г., Кіевъ 1842 г.)

„О современномъ направленіи изящной словесности на Западѣ Европы,“ Кіевъ 1850 г. Затѣмъ это сочиненіе было перепечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1851 г., ч. LXIX.

„Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи,“ Кіевъ 1853 г.

„Объ одномъ изъ современныхъ направленій русской изящной словесности“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1854 г., кн. 9).

„Обозрѣніе лингвистическихъ категорій,“ Кіевъ 1861 г., 69 стр.

„Гимназическая переписка“ (*Основа* 1861 г.). Окончаніе этого очерка, напечатаннаго подъ псевдонимомъ „Линейкинъ,“ появилось въ 1880 году (см. ниже).

„Отвѣтъ г. Котляревскому“ (*Московскія Вѣдомости* 1861 г., № 36).

„О народныхъ школахъ“ (*Кіевскій Телеграфъ* 1864 г., № 44; *Выстникъ Юго-Западной Россіи* 1864 г., № 7).

„Народная школа въ Юго-Западномъ краѣ“ (*Кіевлянинъ* 1864 г., №№ 10—11).

„О преобразованіи Кіевской лютеранской школы“ (*тамъ же*, №№ 33, 41 и 42).

„Народное образованіе въ Пруссіи“ (*Отечественныя Записки* 1864 г., кн. 8).

„Планъ преподаванія русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности въ гимназіяхъ классическихъ и реальныхъ“ (*Циркуляръ* по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ 1865 г., № 3).

„Очерки исторіи языкознанія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869 г., кн. 3).

„Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбуки,“ пособие для обучающихся, Кіевъ 1874 г.—Второе изданіе: Кіевъ 1881 г., 112 стр.

„Русскій букварь,“ Кіевъ 1875 г., 16 стр.—Второе изданіе: Кіевъ 1878 г.—Третье изданіе: Кіевъ 1881 г.

„Руководство для обучающихся чтенію по русскому букварю,“ Кіевъ 1875 г., 28 стр.

„Нѣсколько словъ“ о брошюрѣ кн. Васильчикова: „Письмо министру Народнаго Просвѣщенія гр. Толстому,“ Кіевъ 1876 г., 18 стр.

„О малорусскомъ правописаніи“ (*Филологическія Записки* 1879 г., кн. 4 и 5).—Отдѣльно: Воронежъ 1880 г., 30 стр.

„Гимназическая переписка,“ изъ шестидесятихъ годовъ (*Вѣстникъ Европы* 1880 г., кн. 11). Это—окончаніе статьи, начатой въ 1861 году (см. выше).

„О процессѣ поэтическаго творчества,“ публичныя лекціи, Кіевъ 1881 г., 31 стр.

Тютчева, Екатерина Ѳедоровна¹⁾, вторая дочь извѣстнаго русскаго поэта Ѳ. И. Тютчева, отъ перваго брака его съ графинею Ботмеръ, родилась 29 октября 1835 года за-границею и воспитывалась въ Смольномъ институтѣ; по окончаніи курса—фрейлина Императрицы Маріи Александровны; послѣдніе годы жизни провела въ Москвѣ, гдѣ и умерла 11 марта 1882 года.—Ею исполненъ переводъ на англійскій языкъ избранныхъ проповѣдей Московскаго митрополита Филарета, изданный подъ заглавіемъ: „*Selekt sermons by the late Metropolitan of Moscow Philaret*“ (London, 1873 г.), и написаны „Разказы изъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта,“ напечатанные послѣ ея смерти (М. 1884 г.).

Уверскій, Николай Ивановичъ²⁾, сынъ чиновника, родился 10 февраля 1844 года въ Витебскѣ; учился въ тамошней гимназіи и Петербургской Медико-Хирургической Академіи (1862—1867 гг.); затѣмъ—врачъ при 102-мъ Серпуховскомъ полку и при 5-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ, докторъ медицины (1872 г.) и врачъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка (1879—1882 гг.); кромѣ того, онъ состоялъ членомъ и казначеемъ въ Обществѣ дешевыхъ квартиръ, въ Обществѣ вспоможенія нуждающимся студентамъ Медико-Хирургической Академіи и въ Петербургской врачебной Общинѣ; † 5 августа въ Петербургѣ.—Его труды:

„О развитіи бронхіектази въ патолого-анатомическомъ отношеніи,“ докторская диссертація, Сиб. 1872 г., 29 стр.

„Корреспонденціи съ театра Русско-Турецкой войны“ (*Врачебныя Вѣдомости* 1877—1878 г.).

„Подвижныя лазареты на Парижской выставкѣ“ (*тамъ же* 1878 г., № 285).

Уточкинъ, Николай Васильевичъ, изъ мѣщанскаго сословія, родился въ 1817 году и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса со степенью лѣкаря въ 1841 году (см. „Отчетъ Московск. Универс.“ 1841 г., стр. 83), онъ состоялъ врачомъ въ разныхъ частяхъ русской арміи и ординаторомъ въ военныхъ госпиталяхъ до 1878 года, когда

¹⁾ О ней см. періодическія изданія 1882 года: *Московскія Вѣдомости*, №№ 71 и 89; *Московскія Церкви. Вѣдомости*, № 12; *Русскій Архивъ*, кн. 2, стр. 580.—*Историческій Вѣстникъ* 1900 г., кн. 2, стр. 527.

²⁾ О немъ: *Историческій Вѣстникъ* 1882 г., кн. 12, стр. 619—623.—*Свѣтъ* 1882 г., № 177.—„Русскіе врачи-писатели,“ Л. Змѣева, Сиб. 1889 г., вып. V, стр. 172—173.

вышелъ въ отставку; † 7 февраля 1882 года.—По указанію Л. Змѣева („Русскіе врачи-писатели,“ Спб. 1886 г., вып. II, стр. 136), имъ напечатанъ трудъ: „Сапъ у человекѣ“ (*Военно-Медицинскій Журналъ* 1851 г., ч. I.VIII, кн. 1).

Фѣлькель, Юлій Карловичъ¹⁾, изъ иностранной купеческой семьи, родился 11 (23) января 1812 года въ Берлинѣ; учился въ Іоакимовской гимназіи и на философскомъ факультетѣ Берлинскаго Университета; послѣ экзамена на степень доктора философіи (1833 г.) прибылъ въ Россію, перешелъ въ русское подданство (1834 г.), выдержалъ испытаніе на званіе домашняго учителя и одиннадцать лѣтъ занималъ мѣсто воспитателя при И. П. Новосильцовѣ (1833—1844 гг.); послѣ того, кромѣ занятій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, учитель всеобщей исторіи и нѣмецкой словесности въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ (1845—1846 гг.), латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ (1846—1849 гг.), лекторъ нѣмецкаго языка (1845—1882 гг.) и временный преподаватель классическихъ языковъ (1864—1879 гг.) при Московскомъ Университетѣ; † 29 апрѣля 1882 года въ Москвѣ.—Имъ напечатаны:

„Предварительныя замѣчанія о педагогикѣ и дидактикѣ“ (*Библиотека для воспитанія*, изд. II. Рѣдкимъ, М. 1845 г.

„О чтеніи“ (*тамъ же*, М. 1846 г.).

„Нѣмецкая христоматія,“ М. 1847 г.

„О сборникѣ статей Кейзера“ (*Журналъ для воспитанія* 1857 г., кн. 10).

„Братья Гриммы“ (*Атеней* 1858 г., кн. 47 и 49; 1859 г., кн. 1 и 5).

„О нѣмецкой христоматіи Берте“ (*Журналъ для воспитанія* 1858 г., кн. 2).

„Столѣтняя годовщина рожденія Шиллера“ (*Московскія Вѣдомости* 1859 г., №№ 85 и 173). Обѣ эти статьи подписаны инициалами званія автора: „Л. Н. Я.“ что обозначаетъ: „Лекторъ Нѣмецкаго Языка.“

„Новая рукопись Цицероновыхъ писемъ къ друзьямъ“ (*Московскія Университетскія Извѣстія* 1865 г., кн. 4).

„Избранныя рѣчи Цицерона: рѣчи за поэта Архія и за Кв. Лигарія,“ съ введеніемъ и словаремъ, М. 1867, 1871 и 1877 гг. (три изданія).

„Книга XXI римской исторіи Тита Ливія,“ со словаремъ, М. 1868, 1871 и 1876 гг. (три изданія).

„Iustiniani Digestorum seu Pandectarum libri I, II, III. Accedit quae exstat lex XII tabularum,“ М. 1868 г.

„Рѣчь М. Туллія Цицерона за Т. Аннія Милона,“ съ введеніемъ и указателемъ, М. 1870 и 1877 г. (два изданія).

¹⁾ О немъ: „Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета,“ М. 1855 г., ч. II, стр. 168, 171, 511—514.—„Отчеты о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго Университета“ за 1859 годъ (стр. 61) и за 1876 годъ (стр. 27).—„Ю. К. Фѣлькель,“ некрологъ Ѳ. Корша при „Отчетѣ Московскаго Университета“ за 1882 годъ (М. 1883 г., стр. 127—141).—*Русское Обозрѣніе* 1893 г., кн. 3, стр. 15—18.

„Рѣчь М. Туллія Цицерона за С. Росціа Америкскаго,“ съ введеніемъ и указателемъ, М. 1871 г.

„Рѣчи М. Туллія Цицерона противъ Л. Сергія Катилины,“ съ введеніемъ и словаремъ, М. 1871 и 1876 гг. (два изданія).

„Записки К. Ю. Цезаря о войнѣ въ Галліи,“ книги I—IV, съ картою Галліи и введеніемъ, М. 1872 г.—То же, книги V—VIII, М. 1873 г.

„Πλάτωνος Ἀπολογία Σωκράτους,“ М. 1873 г.

„Книга XXII римской исторіи Тита Ливія,“ М. 1874 г.

„Рѣчь М. Туллія Цицерона за царя Деіотара,“ съ введеніемъ, М. 1874 г.

„Рѣчь М. Туллія Цицерона за Л. Мурену,“ съ введеніемъ, М. 1875 г.

Кромѣ того, двѣ статьи Ю. К. Фелькеля, состоящія изъ „Грамматическихъ и стилистическихъ наблюденій надъ классическими сочиненіями,“ напечатаны въ „Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik,“ herausgegeben von Dr. Alfred Fleckeisen за 1876 г.

Филаретъ, въ мѣрѣ Михаилъ Прокофьевичъ Филаретовъ¹⁾, сынъ дьякона (позже ставшаго священникомъ), родился въ 1824 году, въ селѣ Боршевѣ, Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи; воспитывался въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ, Воронежской семинаріи и Кіевской Духовной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ магистромъ богословія (1851 г.); назначенный въ той же Академіи бакалавромъ по кафедрѣ священнаго писанія, онъ скоро принялъ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита (1851—1858 гг.); затѣмъ — инспекторъ Казанской Духовной Академіи (1858—1859 гг.), ректоръ Кіевской семинаріи (1859—1860 гг.), ректоръ Кіевской Духовной Академіи и настоятель Кіево-Братскаго монастыря (1860—

¹⁾ О немъ: „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи,“ Кіевъ 1869 г., стр. 384 и 388.—Періодическія изданія 1882 года: *Волинскія епарх. Вѣдомости*, № 8; *Воронежскія епарх. Вѣдомости*, № 6; *Востокъ*, № 170; *Газета Гатиука*, № 10; *Калужскія епарх. Вѣдомости*, № 7; *Кіевская Старина*, кн. 12; *Кіевскія епарх. Вѣдомости*, № 4; *Кишиневскія епарх. Вѣдомости*, № 8; *Московскія Вѣдомости*, № 61; *Московскія Церковныя Вѣдомости*, № 10; *Полтавскія епарх. Вѣдомости*, № 6; *Православное Обозрѣніе*, кн. 11, стр. 606—608; *Руководство для сельскихъ пастырей*, № 11; *Святъ*, № 46; *Современныя Извѣстія*, № 63; *Труды Кіевской Дух. Академіи*, № 5 (статья Н. И. Петрова); *Херсонскія епарх. Вѣдомости*, № 6; *Церковно-Общественный Вѣстникъ*, №№ 31, 32 и 35.—„Некрологъ Филарета, епископа Рижскаго и Митавскаго“ (Рига 1882 г.).—„Пресвященныи Филаретъ, епископъ Рижскій, какъ ректоръ Кіевской Дух. Академіи,“ И. Королюкова, Кіевъ 1882 г., 96+XIV стр. съ портретомъ, факсимиле и пятью особыми приложеніями.—„Поминки по преосв. Филаретъ, епископъ Рижскомъ, въ Кишиневской дух. семинаріи,“ Л. М., Кишиневъ 1882 г. (съ портретомъ).—*Воронежскія епарх. Вѣдомости* 1883 г., № 7.—*Историческій Вѣстникъ* 1883 г., кн. 11, стр. 260—269.—„Словарь“ Брокгауза, т. XXXV, стр. 740.—„Исторія Казанской Дух. Академіи, II. Знаменскаго, Казань 1891—1892 гг., т. I, стр. 183—190; т. II, стр. 272—274; т. III, стр. 207—210.—„Памятная Книжка Воронежской губерніи на 1905 годъ, статья В. Литвинова, стр. 23—29 (отдѣльный оттискъ).

1874 г.), епископъ Уманскій и викарій Кіевской митрополіи (1874—1877 г.), наконецъ—епископъ Рижскій и Митавскій (1877—1882 г.); † 23 февраля въ Ригѣ.—Покойный былъ основателемъ духовнаго журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“ (съ 1860 г.), редактировалъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ и „Воскресное Чтеніе,“ въ которыхъ помѣстилъ слѣдующіе свои труды:

„Пѣсни степеней“ (*Воскресное Чтеніе* 1856—1857 г., ч. XX). Въ этой статьѣ раскрывается смыслъ 119—133 псалмовъ, извѣстныхъ въ Библии подъ именемъ: „пѣсни степеней“ или „восхожденія.“

„Рѣчь при погребеніи Кіевского митрополита Филарета“ (*тамъ же* 1857—1858 г., ч. XXI).

„О движеніи духа науки вмѣстѣ съ жизнью“ (*Труды Кіевской Дух. Академіи* 1869 г.).

„Происхожденіе книги Іова“ (*Труды Кіевской Дух. Академіи* 1872 г., кн. 3, 5, 8 и 9).—Отдѣльно: Кіевъ 1872 г.

„Рѣчь при погребеніи Кіевского митрополита Арсенія“ (*тамъ же* 1876 г.).

„Происхожденіе книги Екклесіастъ“ (*тамъ же* 1874 г., кн. 10; 1875 г., кн. 4 и 5). Этотъ трудъ, хотя и въ неоконченномъ видѣ, вышелъ послѣ смерти автора отдѣльнымъ изданіемъ: Кіевъ 1885 г., 4+180+1 стр.

Филоеѣй, въ мѣрѣ Тимоѣѣй Григорьевичъ Успенскій¹⁾, сынъ дьякона, родился въ селѣ Закобятинѣ (Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи) 15 января 1808 года; учился въ Ярославской семинаріи и Московской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса первымъ магистромъ богословія (1832 г.) и по принятіи монашества (13 ноября того же года)—баккалавръ по церковной словесности (1832—1833 гг.), а затѣмъ—по герменевтикѣ и библейской археологіи (1833—1838 гг.), инспекторъ въ родной Академіи (1838 г.)

¹⁾ О немъ: *Чтенія* въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей 1874 г., кн. 1, стр. 29—30.—„Списки іерарховъ,“ П. Строева, Сиб. 1877 г., стр. 134, 446 и 849.—Періодическія изданія 1876 года: *Духовная Бесѣда*, № 21; *Московскія Видомости*, № 130; *Тверскія Губ. Видомости*, № 52; *Церковный Вѣстникъ*, № 54.—„Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 387, 399, 425—426 и 540.—Періодическія изданія 1882 года: *Газета Гитцука*, № 7; *Московскія Видомости*, № 35; *Московскія Церковн. Видомости*, №№ 6 и 8; *Православное Обозрѣніе*, кн. 2, стр. 392—394; *Тверскія Епарх. Видомости*, №№ 5—8, 16, 17, 19, 20 и 22; *Церковный Вѣстникъ*, № 6.—Брошюра: „Памяти въ Бозѣ почившаго Филоеѣя, митрополита Кіевского“ (Кіевъ 1882 г.)—„Изъ воспоминаній о почившемъ митрополитѣ Кіевскомъ Филоеѣѣ,“ прот. В. Владиславева (Тверь 1882 г.)—*Душеполезное Чтеніе* 1883 г., ч. II, кн. 6; стр. 154—191 („Воспоминанія“ А. Ковалевскаго); 1884 г., кн. 4.—*Тверскія Епарх. Видомости* 1883 г., №№ 13—14; 1884 г., №№ 13—14 и 18.—*Русскій Архивъ* 1889 г., кн. 12, стр. 491—492.—„Архіерей изъ питомцевъ Ярославской духовной семинаріи,“ К. Головщикова, Ярославль 1893 г.—„Архипастыри Костромской епархіи,“ прот. І. Сырцова, Кострома 1898 г.—„Словарь“ Брокгауза.—„Хроника“ Тверск. архіен. Саввы, т. V и VI (по указателю).

и въ Петроградской Академіи (1838—1842 гг.), въ санѣ архимандрита—ректоръ духовныхъ семинарій: Харьковской (1842 г.), Виѣанской (1842—1847 гг.) и Московской (1847—1849 гг.), епископъ Дмитровскій и викарій Московской митрополіи (1849—1853 гг.), епископъ Костромскій (1853—1857 гг.), архіепископъ Тверскій (1857—1876 гг.) и митрополитъ Кіевскій (1876—1882 гг.); † 29 января въ Кіевѣ.

При жизни митрополита Филоея, кромѣ проповѣдей, печатавшихся въ разныхъ „Вѣдомостяхъ“ тѣхъ епархій, гдѣ онъ проходилъ свое служеніе, издана лишь одна его магистерская диссертация: „Разсужденіе о достоинствѣ человѣка, раскрытомъ и утвержденномъ христіанскою религіею“ (М. 1832 г., 23 стр.). Послѣ же смерти этого архипастыря, появились въ печати его „Письма къ протоіерсею Ѡ. А. Голубинскому“ (*Прибавленія* къ „Твореніямъ Св. Отцовъ“ 1887 г., ч. XL, кн. 4) и „Проповѣди“ (*Душеполезное Чтеніе* за 1894 годъ).

Халколивановъ, Иванъ Егоровичъ¹⁾, сынъ священника Саратовской епархіи, родился въ 1814 году; воспитывался въ Саратовской семинаріи и въ Московской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса третьимъ магистромъ богословія (1840 г.)—преподаватель Симбирской семинаріи (1840—1845 гг.); рукоположенный въ іерейскій санъ (1845 г.), былъ священникомъ при Казанско-Богородицкомъ соборѣ въ городѣ Самарѣ и профессоръ Самарской семинаріи, а позже—каѳедральный протоіерей въ Самарѣ и ректоръ Самарскихъ духовныхъ училищъ; † 1 февраля 1882 года въ Самарѣ.—Ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Слова и поученія на воскресные и праздничные дни,“ Спб. 1855 г., двѣ части.

„Краткое ученіе о св. храмѣ и утваряхъ его, о священно-церковно-служителяхъ и облаченіяхъ ихъ,“ Самара 1859 и 1862 гг. (два изданія).—Третье изданіе: Спб. 1863 г.

„Краткое ученіе о богослужебныхъ книгахъ, употребляемыхъ въ православной русской церкви,“ Самара 1860 г.—Второе изданіе: М. 1862 г.

„Письма духовнаго отца къ его духовному сыну, живущему въ селеніи, въ которомъ есть часть молоканъ, о вѣрѣ и жизни христіанской,“ Самара 1863 г.

„О римско-католической церкви,“ Самара 1865 г.

„Бесѣды къ причастникамъ Св. Христовыхъ Таинъ,“ Самара 1865 г.

„Слова и поученія на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе и Богородичныя, на дни святыхъ, особенно чтимыхъ св. Православною Церковью, на дни высокаторжественныя, на нѣкоторые особые случаи и на св. четырехдесятницу,“ двѣ части, Спб. 1865 г.—Второе изданіе: Самара 1872—1873 гг.

„Замѣтки“ на статью: „Письма священника къ своему собрату“ (*Странички* 1869 г., кн. 3).

¹⁾ О немъ: *Христіанское Чтеніе* 1872 г., ч. II, стр. 190—191.—„Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 475—477.—*Самарскія епарх. Вѣдомости* 1882 г., № 4.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 38.

„Православное нравственное богословіе,“ Самара 1872 и 1875 гг. (два изданія).

„Катехизическія поученія,“ Самара 1874 г.

Кромѣ того, покойный печаталъ критико-библіографическія статьи въ „Православномъ Собесѣдникѣ,“ „Странникѣ“ и „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.“

Чупинъ, Наркизъ Константиновичъ¹⁾, извѣстный изслѣдователь Пермскаго края, родился въ 1824 году; высшее образованіе получилъ на философскомъ и камеральномъ факультетахъ Казанскаго университета; по окончаніи курса со степенью кандидата (1846 г.)—преподаватель и затѣмъ инспекторъ Уральскаго горнаго училища; † 12 апрѣля въ Екатеринбургѣ.—Имъ напечатаны:

„Горнозаводская промышленность вообще и въ Казанской губерніи въ особенности“ (*Казанскія Губ. Вѣдомости* 1847 г., №№ 29—34, 49—51; 1848 г., №№ 4 и 7).

„Обозрѣніе книгъ и журнальныхъ статей, заключающихъ въ себѣ географическія и статистическія свѣдѣнія о Казанской губерніи“ (*тамъ же* 1851 г., №№ 10—27, 36, 51—52).

„Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи“ (*Пермскій Сборникъ*, М. 1860 г., кн. 2).

„Библіотека Василія Никитича Татищева въ Екатеринбургѣ“ (*Московскія Вѣдомости* 1860 г., № 203).

„Частная золотопромышленность Оренбургскаго края въ 1860 году“ (*Оренбургскія Губ. Вѣдомости* 1861 г., № 10).

„Отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки въ прошломъ столѣтіи“ (*Горный Журналъ* 1861 г.).

„О разработкѣ частныхъ золотыхъ рѣисковъ Оренбургскаго края въ 1861 году“ (*Оренбургскія Губ. Вѣдомости* 1862 г., № 10).

„О производительности Воткинскаго казеннаго желѣзнаго завода“ (*Горный Журналъ* 1862 г., кн. 9).

„Рудники округа Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ“ (*тамъ же*, кн. 10).

„Свѣдѣнія о частныхъ золотыхъ промыслахъ Оренбургскаго края за 1862 годъ“ (*Оренбургскія Губ. Вѣдомости* 1863 г., № 22).

„Исторія города Екатеринбурга“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1864 г., №№ 26—28).

¹⁾ См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Волжско-Камское Слово*, № 108 („Воспоминанія“ С. Васильевой); *Восточное Обозрѣніе*, № 4 (статья М. Малахова); *Екатеринбургская Недѣля*, №№ 14 и 15; *Извѣстія* Импер. Русскаго Географическаго Общества, № 4, стр. 271—280; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 6, стр. 617—629; *Новое Время*, № 2202 (статья С. Макенмова); *Пермскія Губ. Вѣдомости*, № 31; *Русскія Вѣдомости*, № 106.—*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1883 г., №№ 6 и 7.—*Историческій Вѣстникъ* 1884 г., кн. 11, стр. 484—485; 1886 г., кн. 8, стр. 430—431.—*Гражданинъ* 1886 г., №№ 34—36.—*Историческій Вѣстникъ* 1888 г., кн. 3, стр. 760.—„Пермскій край,“ сборникъ, подъ редакціей Д. Смышляева, Пермь 1893 г., т. II.—*Труды Пермской Ученой Архивной Коммисіи* 1902 г., вып. V, стр. 74—75.

„Ирбитъ и Ирбитская ярмарка въ 1734 году“ (*Ирбитскій Ярмарочный Листокъ* 1865 г., № 23).

„Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати“ (*Горный Журналъ* 1866 г., кн. 11).

„В. Н. Татищевъ“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1867 г., №№ 13—26, 61—88). Отдѣльно подъ заглавіемъ: „В. Н. Татищевъ и первое его управление Уральскими заводами,“ Пермь 1867 г., 41 стр.

„Къ исторіи города Ирбита и Ирбитской ярмарки“ (*Ирбитскій Ярмарочный Листокъ* 1867 г., №№ 3, 9, 12—13 и 20).

„Диковинная книжка о Пермской губерніи“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1867 г., №№ 51 и 52).

„Жизнь В. Н. Татищева съ 1722 до 1734 года“ (*тамъ же* 1868 г.). Отдѣльно: Пермь 1868 г., 58 стр.

„О дорогахъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, въ прежнее время и нынѣ“ (*Ирбитскій Ярмарочный Листокъ* 1869 г., №№ 15, 19—20).

„Членъ Екатеринбургской горной канцеляріи, М. И. Башмаковъ“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1869 г., №№ 52—86).

„Къ исторіи города Кунгура“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1870 г., №№ 2 и 3).

„О нѣкой будто бы исторической запискѣ“ (*тамъ же*, №№ 53, 60—64; 1871 г., №№ 16—18).

„О нѣкоторыхъ старинныхъ дорогахъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь“ (*Ирбитскій Ярмарочный Листокъ* 1872 г., №№ 16—25).

„О приказчикахъ Ирбитской слободы“ (*тамъ же*, № 25).

„Бурцовъ, Татищевъ и Жолобовъ въ дѣлѣ Егора Столѣтова,“ 1733—1726 (*Русская Старина* 1873 г., т. VIII, стр. 985—992).

„Къ исторіи города Екатеринбурга“ (*Пермскія Губ. Вѣдомости* 1873 г., №№ 32—86).

„Старинныя дѣла“ (*тамъ же*, №№ 16—17, 27 и 40).

„Географическо-статистическій словарь Пермской губерніи,“ приложение къ „Сборнику Пермскаго земства,“ Пермь 1873—1874 гг., четыре выпуска. — Остальные выпуски: Пермь 1877 г.

„О мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогуль,“ по Аלקвисту („Сборникъ Пермскаго земства“ 1874 г., № 1, стр. 119—137).

„Къ исторіи суевѣрій Русскаго народа:“ донесенія судебного комиссара Томплова, 1723 г. (*Русская Старина* 1874 г., т. IX, стр. 644).

„Разборъ“ книги Н. Сорокина: „Путешествіе къ вогулямъ“ (*Записки Уральского Общества Любителей Естествознанія* 1875 г., т. I, стр. 145—156).

„Пугачевщина,“ новые матеріалы къ ея исторіи (*Русская Старина* 1875 г., т. XII, стр. 390—394, 540—544).

„Челобитная на заводчика Акинѳея Никитича Демидова,“ 1721 г. (*тамъ же* 1878 г., т. XXIII, стр. 307—308).

„Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ,“ 1738 г. (*тамъ же*, стр. 309—313).

„Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами,“ 1757 г. (*тамъ же*, стр. 313—315).

Послѣ смерти Н. К. Чушина, вышелъ „Сборникъ статей“ покойнаго, въ изданіи Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета

(Пермь 1882 г., выпускъ первый, 251 стр.) и появилась его послѣдняя статья: „Но поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера“, 1744—1746 гг. (*Пермскій край*, сборникъ, подъ редакціею Д. Смышляева, Пермь 1892 г., т. I).

Шашковъ, Серафимъ Серафимовичъ¹⁾, сынъ священника, родился въ ноябрѣ 1841 года, въ Иркутскѣ; воспитывался въ духовномъ училищѣ и въ Иркутской семинаріи, изъ которой, по окончаніи курса (1860 г.), былъ отправленъ для высшаго образованія въ Казанскую Духовную Академію, но черезъ годъ, „за участіе въ панихидѣ по убитыхъ Бездненскихъ крестлянахъ“, былъ исключенъ изъ Академіи (16 сентября 1861 г.); онъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы слушать лекціи въ Университетѣ, но недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ заставилъ его въ 1863 году вернуться въ Сибирь; осенью 1863 года, побывавъ въ Иркутскѣ и Кяхтѣ, С. С. поселился въ Красноярскѣ и открылъ здѣсь частную школу, которую, однако, закрыли въ 1864 году; затѣмъ ему пришлось жить въ Томскѣ, гдѣ имъ были прочтены публичныя лекціи по исторіи Сибири (1864—1865 гг.), и, по случаю смерти отца, снова отправиться въ Кяхту; по возвращеніи же въ Россію онъ долженъ былъ проживать въ Шенкурскѣ, уѣздномъ городѣ Архангельской губерніи (1868—1873 гг.), въ Бобровѣ и Воронежѣ, наконецъ—въ Новгородѣ, гдѣ умеръ 28 августа 1882 года и похороненъ на тамошнемъ Рождественскомъ кладбищѣ. — Покойный, то подъ своею фамиліею, то за подписью: „С. Ш.“, „С. Ш-въ“, „Серафини“, „С. Ставринъ“ и „С. Серафимовичъ“, напечаталъ слѣдующіе труды:

„Буриты Иркутской губерніи, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, легенды и пѣсни“ (*Иркутскія Губ. Видомости* 1858 г., №№ 11, 12 и 18).

„Амурскій вопросъ въ 1861 году“ (*Вѣкъ* 1862 г., №№ 1—6).

„Философъ—виночерпій“, сцены и очерки (*Некра* 1862 г., № 22).

„Очерки Сибири въ историческомъ и экономическомъ отношеніяхъ“ (*Библиотека для Чтенія* 1862 г., кн. 10 и 12).

„Россійско-американская компанія“ (*Очерки* 1863 г., №№ 58—61).

„Сибирскіе инородцы“ (*Народное Богатство* 1863 г., №№ 203, 205, 208, 212, 213, 216 и 219).

„Шаманство въ Сибиріи“ (*Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества* 1864 г., кн. II).

¹⁾ О немъ періодическія изданія 1882 года: *Восточное Обзорніе*, №№ 23, 27, 28, 30 и 32; *Дѣло*, кн. 9, отд. II, стр. 49—51; кн. 10, стр. 1—9; *Живописное Обзорніе*, № 25; *Неделя*, №№ 36 и 41; *Русскія Видомости*, № 239; *Сибирская Газета*, №№ 37 и 40. — *Восточное Обзорніе* 1884 г., №№ 26, 33 и 34 („Воспомнанія“ Н. Ядрицева). — *Позь* 1887 г., кн. 10, стр. 105—107. — „Игорія Казанской Духовной Академіи“, П. Знаменскаго, Казань 1891—1892 гг., первый и второй томы (по указателю). — *Историческій Вѣстникъ* 1895 г., кн. 9, стр. 642—643.

- „Матеріалы для исторіи сѣверо-восточной Сибири въ XVIII вѣкѣ“ (*Чтенія* въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей 1864 г., кн. III).
- „Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи“ (*Дѣло* 1867 г., кн. 8—10).
- „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири“ (*Отечественныя Записки* 1867 г., кн. 20 и 22). Эта статья имѣетъ подпись: „С. Серафимовичъ“ и несомнѣнно принадлежитъ С. С. Шалкову, какъ указано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1867 г., кн. 21, отд. II, стр. 47).
- „Дѣтоубійство“ (*Дѣло* 1868 г., кн. 4—6).
- „Рабство въ Сибири“, историческій очеркъ (*Дѣло* 1869 г., кн. 1 и 3).
- „Проституція“ (*тамъ же*, кн. 4—6).
- „Историческія судьбы женщины“ (кн. 9—12).
- „Восточныя окраины“ (*Дѣло* 1870 г., кн. 3).
- „Опыты законодательныхъ собраній въ Россіи“ (*тамъ же*, кн. 5).
- „Русскія реакціи въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка“ (кн. 6 и 8).
- „Эпизоды изъ новѣйшей исторіи Германіи“ (кн. 9 и 10).
- „Разборъ“ сочиненія Сребницкаго: „Крестыанское дѣло въ царствованіе Александра II-го“ (кн. 10).
- „Вольтеръ: его романы и повѣсти“ (кн. 12).
- „Главные эпохи въ исторіи русской женщины“ (*Дѣло* 1871 г., кн. 1—4).
- „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка“ (*тамъ же* кн. 5—7).
- „Новости женскаго дѣла“ и „Журнальное обозрѣніе“ (кн. 11).
- „Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція“, Сиб. 1871 г.—Второе изданіе, исправленное и дополненное, Сиб. 1873 г., VIII+590 стр.
- „Очеркъ исторіи русской женщины“, съ прибавленіемъ статьи: „Русская проституція“, Сиб. 1871 г., 273 стр.—Второе, исправленное и дополненное изданіе: Сиб. 1879 г., 368 стр.
- „Женское дѣло въ Америкѣ“ (*Дѣло* 1872 г., кн. 1).
- „Русская литература и русское общество“, по поводу „Исторіи русской литературы“, изданной П. Полевымъ (*тамъ же*).
- „Иркутскій погромъ въ 1758—1760 годахъ“ (*Азіатскій Вѣстникъ* 1872 г., № 2).
- „Газетная пресса въ Англіи“ (*Дѣло* 1872 г., кн. 3).
- „Хроника женскаго дѣла“ (*тамъ же*, кн. 5 и 9).
- „Всенародной памяти царя-работника“ (кн. 7).
- „Судьба Испаніи“ (*тамъ же*).
- „Среднія и высшія учебныя заведенія въ Англіи“ (кн. 12).
- „Историческіе этюды“, Сиб. 1872 г., двѣ части, 332 и 349 стр.
- „Нѣмецкое мошеничество“ (*Дѣло* 1873 г., кн. 1).
- „Индустанъ и англичане“ (*тамъ же*, кн. 1 и 2).
- „Какъ возвысить значеніе народныхъ учителей“ (*Искра* 1873 г., № 14).
- „Пушкинъ и Лермонтовъ“ (*Дѣло* 1873 г., кн. 7 и 9).
- „Судьбы Ирландіи“ (*тамъ же*, кн. 9—11).
- „Недуги русскаго общества XVIII вѣка“ (кн. 12).
- „В. А. Жуковскій“ (*Дѣло* 1874 г., кн. 1).
- „Кольцовъ и Никитинъ“ (*тамъ же*, кн. 3).
- „Бэконъ, его жизнь и историческое значеніе“ (кн. 4).
- „О. И. Сенковскій“ (кн. 6).

- И. А. Крыловъ“ (кн. 7 и 8).
- „Иностранная литература“, разборы новыхъ книгъ (кн. 10—12).
- „Рецензія“ на книгу: „Русская бібліотека: III. Н. В. Гоголь“ (кн. 12).
- „Развитіе европейской мысли XVI—XIX вѣковъ“ (*Дѣло* 1875 г., кн. 1—3 и 6).
- „Гоголевскій періодъ“ (*тамъ же*, кн. 2).
- „Н. А. Полевой и Московскій Телеграфъ“ (кн. 5 и 7).
- „А. С. Пушкинъ“ (кн. 6). Это разборъ книги П. Анпенкова: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“.
- „Мои личности съ г. Пржевальскимъ“ (*тамъ же*).
- „Жизни и дѣятельность Ж.—Ж. Руссо“ (кн. 8, 10—12).
- „Иностранная литература“, разборы новыхъ книгъ (кн. 8, 10—12).
- „Историческіе очерки“, Сиб. 1875 г.
- „Новиковъ и его журнальная дѣятельность“ (*Дѣло* 1876 г., кн. 1 и 2).
- „Первобытная жизнь“, по поводу книги Дж. Лебока: „Донсторическія времена“ (кн. 3).
- „Финансовый калканъ въ Австріи“ (кн. 3 и 4).
- „Спасители отечества въ Казани“, по поводу изданія: „Первый шагъ“ (кн. 4).
- „Некрологъ А. П. Шапова“ (*тамъ же*, кн. 4).
- „Литературный трудъ въ Россіи“, историческій очеркъ (кн. 8).
- „На страждущихъ славянъ!“ (*тамъ же*).
- „Развитіе первобытной культуры“ (кн. 9—12).
- „Борьба непогрѣшимого съ погрѣшимымъ“, по поводу книги Дрэпера: „Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой“ (кн. 11).
- „Биржевыя вакханаліи въ Германіи“ (кн. 12).
- „Аванасій Прокофьевичъ Шаповъ“ (*Новое Время* 1876 г., №№ 196, 198, 212, 227, 245 и 252).
- „В. И. Григоровичъ“, некрологъ (*Дѣло* 1877 г., кн. 1).
- „Очерки первобытной жизни и мысли“ (*тамъ же*, кн. 1, 2 и 7).
- „Эпоха Бѣлинскаго“ (кн. 1, 3—5, 7 и 8).
- „Гоги и Магоги нашего времени“, по поводу книги В. Тиссо: „Путешествіе въ страну миллиардовъ“ (кн. 2).
- „Парадная исторія Англій“ (кн. 4).
- „Литературный идолъ“ (кн. 6).
- „Кумысолѣчебныя заведенія въ окрестностяхъ Самары“ (кн. 8).
- „Земскіе прогрессы“, по поводу книги Д. Мордовцева: „Десятилітіе русскаго земства“ (кн. 9).
- „Испанская трагикомедія“ (кн. 11).
- „Денисъ Дидро“ (кн. 11 и 12).
- „Н. А. Некрасовъ“, некрологъ (*Дѣло* 1878 г., кн. 1).
- „Вырожденіе Востока“, очерки общественной патологіи (кн. 1—4).
- „Живонисатели новыхъ людей и печальники народнаго горя“, по поводу публичныхъ лекцій О. Миллера (кн. 3).
- „Примѣчанія“ къ „Отвѣту доктора Постникова“ (*тамъ же*). Докторъ Постниковъ напечаталъ свой „Отвѣтъ“ по поводу статьи С. С. Пашкова: „Кумысолѣчебныя заведенія въ окрестностяхъ Самары“ (см. выше).
- „Паденіе Рима и Византіи“, очерки общественной патологіи (кн. 5—6).
- „Умственная и общественная культура наѣкомыхъ“ (кн. 6).

- „Паны и хлопы въ XVIII вѣкѣ“ (кн. 7).
 „Образчикъ земской дѣятельности“ (кн. 8).
 „А. В. Кольцовъ и новый розыскъ объ его поведеніи“, по поводу біографическаго очерка М. Де-Пуле о Кольцовѣ (кн. 9).
 „Прошедшее сельской общины“ (кн. 9 и 10).
 „Наканунѣ Тридцатилѣтней войны“ (кн. 11—12).
 „Благополучная имперія и ея официальный органъ“ (кн. 12). Статья касается Китая.
 „Два слова о мордовщинѣ“ (*тамъ же*).
 „Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка“ (*Дѣло* 1879 г., кн. 1—2).
 „Памяти Грибоѣдова“ (кн. 1).
 „Сибирское общество наканунѣ своего юбилея“ (кн. 3).
 „Очерки новой Ирландіи“ (*тамъ же*).
 „Люди и нравы въ Китаѣ“ (кн. 6).
 „Князь Бисмаркъ по описанію его „людей“ (*тамъ же*).
 „Фонъ-Визинъ и его время“ (кн. 7 и 10).
 „Подвижникъ науки“, по поводу книги Н. Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева“ (кн. 7).
 „Ульрихъ фонъ-Гутенъ и его друзья“ (кн. 9).
 „Иностранная литература: исторія Швейцарскаго союза“ (*тамъ же*).
 „Образцовое земство въ заколдованномъ кругу“ (кн. 10).
 „Народная поэзія и до-петровская письменность“ (кн. 11). Статья касается „Исторіи русской словесности“, И. Порфирьева.
 „Франсуа-Мари Вольтеръ“ (кн. 11 и 12).
 „Народы Россіи“ (*Животисное Обзоріе* 1879 г., №№ 4, 6, 11—12, 14—15, 18—19, 22—23, 25, 27, 29, 31, 33, 38, 41, 43—45 и 49).
 „Комиссія Уложенія и крестьянское дѣло при Екатеринѣ II-ой“ (*Дѣло* 1880 г., кн. 1—4).
 „Земскіе омуты“ (*Слово* 1880 г., кн. 2 и 3).
 „Шевченко и Сырокомля“ (*Дѣло* 1880 г., кн. 3).
 „Памяти Пушкина“ (кн. 5).
 „Женщина и роскошь въ старой Франціи“ (кн. 7 и 8).
 „Учебный базаръ“ (*тамъ же*).
 „Шишковъ и Мордвиновъ“ (кн. 9).
 „Очерки земства: маркизы, суслики и кузьки“ (*Слово* 1880 г., кн. 10).
 „А. А. Бестужевъ—Марлинскій“, біографическій очеркъ (*Дѣло* 1880 г., кн. 11).
 „Идеалы славянства“ (*тамъ же*).
 „Русскій Катонъ“, по поводу книги Я. Грота: „Жизнь Державина“ (кн. 12).
 „Малорусское земство“ (*Слово* 1880 г., № 12).
 „Русская община и ея враги“ (*Дѣло* 1881 г., кн. 1).
 „Экономическій кризисъ въ сердцѣ Россіи“ (*тамъ же*, кн. 2).
 „Въ Новомъ Свѣтѣ по-старому“ (кн. 3).
 „Русскій рабочій“ (кн. 5 и 6).
 „Крестьянскія переселенія“, по поводу изслѣдованія Романова: „Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи“ (кн. 10).
 „Крестьяне въ Польшѣ“ (кн. 12).
 „Аванасій Прокофьевичъ Цаповъ.“ (*Животисное Обзоріе* 1881 г., №№ 41, 46—48).

- „Австрія послѣ Вѣнскаго конгресса“ (*Дѣло* 1882 г., кн. 2).
 „Романтизмъ и реакція“ (*тамъ же*, кн. 3).
 „Сибирь на юбилеѣ“ (кн. 6).
 Послѣ смерти С. С. Шашкова, напечатаны слѣдующіе его труды:
 „Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи“ (*Наблюдатель* 1882 г., кн. 10—12).
 „Политическія движенія въ Германіи“ (*Дѣло* 1882 г., кн. 11).
 „Крестьяне въ Балтійскомъ краѣ“ (*Русская Мысль* 1883 г., кн. 3 и 9).
 „Недуги русскаго общества въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка“ (*Дѣло* 1883 г., кн. 10—11).
 „Собраніе сочиненій С. С. Шашкова“, Спб. 1898 г., два тома.

Шульгинъ, Николай Ивановичъ¹⁾, изъ дворянъ, родился 25 ноября 1832 года въ селѣ Тимошеевкѣ, Херсонской губерніи и воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; выпущенный въ офицеры (1851 г.), служилъ въ артиллеріи и участвовалъ при осадѣ Севастополя, но послѣ Крымской кампаніи вышелъ въ отставку (1858 г.) и поселился въ Ново-Миргородѣ; съ шестидесятихъ годовъ переѣхалъ въ Петербургъ и тамъ до смерти занимался литературною дѣятельностью; † 21 марта въ Петербургѣ.—Покойный былъ сотрудникомъ въ журналѣ „Время“ и въ „Современномъ Словѣ“, издателемъ (вмѣстѣ съ Г. З. Благосвѣтловымъ) журнала „Дѣло“ (1866—1879 гг.), въ которомъ иногда велъ „политическую и общественную хронику“ (см., напримѣръ, *Дѣло* 1871 г., кн. 1, 5, 11), а также помѣщалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, именно: „Наша земская попытка“ (1870 г., кн. 1) и „Статистическія программы“ (1871 г., кн. 7). Кромѣ того, онъ редактировалъ газету „Якорь“ (1864 г., съ № 37 до № 45) вмѣстѣ съ сатирическимъ листкомъ „Оса“, гдѣ участвовалъ подъ псевдонимомъ: „Николай Ивановъ“, и редактировалъ „Живописнымъ Обзорніемъ“ (1877—1882 гг.). Его труды:

- „Статистическое описаніе казенныхъ лѣсовъ Черниговской губерніи“ (*Черни. Губ. Вѣд.* 1858 г., №№ 2—5).
 „Нѣсколько словъ о народномъ образованіи“ (*Народное Богатство* 1863 г., №№ 144—145 и 147).
 „По поводу мѣръ относительно раскола“ (*Русь* 1864 г., № 18).
 „Исторія цивилизаціи въ Англии“, Бокля, переводъ съ англійскаго, Спб. 1865 г.
 „Биографія Диккенса“, при переводѣ романа: *Замогильныя записки Пиквикскаго клуба*, Спб. 1871 г.
 „Швейцарія и швейцарцы“, сочиненіе В. Диксона, перев. съ англійскаго (вмѣстѣ съ А. Михайловымъ), Спб. 1872 г.

¹⁾ См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Дѣло*, кн. 4, отд. II, стр. 94—96; кн. 5, стр. 132; *Живописное Обзорніе*, № 4, стр. I—VIII; *Современныя Извѣстія*, № 82.—*Русское Обзорніе* 1893 г., кн. 9, стр. 143—144.

Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ¹⁾, высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи (1867 г.) и въ ней же былъ удостоенъ степени доктора медицины (1874 г.); онъ служилъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и состоялъ предсѣдателемъ Общества Петербургскихъ Врачей; † 17 февраля 1882 года въ Петербургѣ. — Имъ напечатаны:

„Болѣзни тканей вообще и ихъ вліяніе на весь организмъ“, О. Вебера, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1868 г., т. I.

„Руководство къ постукиванію и выслушиванію“, П. Нимейера, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1871 г.

„Руководство къ изученію болѣзней кожи“, И. Неймана, перев. съ нѣмецкаго (вмѣстѣ съ Черенкинымъ), Спб. 1871 г.; второе изданіе: Спб. 1874 г.

„Случай серпингнознаго твердаго шанкера“ (*Медицинскій Вѣстникъ* 1873 г., № 25).

„Матеріалы для патологической гистологій шанкровъ“, докторская диссертація, Спб. 1874 г., 38 стр.

„Ученіе о сифилисѣ“, Э. Лансеро, перев. съ французскаго (вмѣстѣ съ В. Тарповскимъ), Спб. 1876 г., два выпуска.

„Опытъ изслѣдованія крови, при начальныхъ формахъ сифилиса“ (*Воснно-Медицинскій Журналъ* 1879 г., ч. СXXXV, кн. 2, стр. 131—172).

„О бактеріяхъ лепры“ (*Медицинскій Вѣстникъ* 1881 г., №№ 12—15).

Ювеналій, въ мѣрѣ Карюковъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1818 году и воспитывался въ Екатеринославской семинаріи; по окончаніи семинарскаго курса, былъ священникомъ (1840—1841 гг.), но послѣ смерти жены поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію (1841 г.); тамъ онъ принялъ монашество (1844 г.) и получилъ степень магистра богословія (1845 г.); затѣмъ — профессоръ и инспекторъ Кишиневской семинаріи (1845—1858 гг.), ректоръ Нижегородской семинаріи и настоятель тамошняго Благовѣщенскаго монастыря (1858—1868 гг.), а послѣ архіерейской хиротоніи (6 октября 1868 г.) — епископъ Михайловскій и викарій Рязанской епархіи (1868—1871 гг.), епископъ Архангельскій (1871—1876 гг.) и Орловскій (1876—1882 гг.); † 31 декабря въ Орлѣ. — Онъ помѣстилъ рядъ проповѣдей, главнымъ образомъ, въ „Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

¹⁾ О немъ: *Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 49. — „Русскіе врачи—писатели“, Л. Змѣева, Спб. 1889 г., вып. V, стр. 204.

²⁾ О немъ: „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи“, Кіевъ 1869 г., стр. 423. — „Списки іерарховъ“, П. Строева, Спб. 1877 г., стр. 418, 615 и 815. — *Востокъ* 1883 г., № 222. — *Московскія Церкви. Вѣдомости* 1883 г., № 4.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ первому выпуску „Обзора“:

Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ, пріятель Пушкина, р. 17 декабря 1805 г., у. 17 апрѣля 1881 г.—Его „Дневникъ“ вмѣстѣ со свѣдѣніями о немъ самомъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* (1899 г., кн. 3, стр. 499—537 и кн. 4, стр. 39—52). См. также изданіе: „Пушкинъ и его современники“, Спб. 1903 г., вып. I.

Деменковъ, Пармень Семеновичъ, изъ дворянъ, р. 1790 г. въ селѣ Бобровѣ (Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи); учился въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ (1799—1804 гг.) и въ Петроградскомъ іезуитскомъ пансіонѣ; по выходѣ изъ послѣдняго, съ 1808 г. служилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и участвовалъ въ Отечественной войнѣ; съ января 1821 г. вышелъ въ отставку полковникомъ и причислился къ Министерству Финансовъ; съ 1826 г. вице-губернаторъ въ Курскѣ и съ 1831 г.—въ Москвѣ; съ 1839 г. вышелъ во вторичную отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и жилъ въ своей деревнѣ до дня смерти—3 марта 1881 г.—Ему принадлежали напечатанныя въ *Русскомъ Архивѣ* „Воспоминанія“ (1877 г., кн. 10; 1911 г., кн. 9) и „Замѣтки ветерана 1812 года“ (1911 г., кн. 11, стр. 384—466). См. о немъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1911 г., кн. 11, стр. 466; 1912 г., кн. 3, стр. 371—377.

Кингъ, Егоръ Васильевичъ, докторъ медицины, р. въ 1816 г., у. 25 мая 1881 г. О немъ и его трудахъ см. „Русскій Біографическій Словарь“, Спб. 1897 г.

Крещенскій, Евдокимъ Семеновичъ, протоіерей церкви лейбъ-гвардіи Коннаго полка, духовный писатель, у. 11 апрѣля 1881 г.

См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, Спб. 1887 г., т. LX, стр. 448.

Кригеръ, Григорій Александровичъ, директоръ Гидрографическаго Департамента, у. 27 марта 1881 г. См. о немъ и его трудахъ „Словарь Импер. Русск. Историческ. Общества“, Спб. 1903 г.

Крузенштернъ, Павелъ Ивановичъ, вице-адмиралъ, путешественникъ и авторъ трудовъ по географіи Россіи, у. въ июнѣ 1881 г. О немъ см. „Словарь Импер. Русск. Историческ. Общества“, Спб. 1903 г., стр. 460.

Круковскій, Лаврентій Павловичъ, докторъ медицины, военный врачъ, р. 1842 г., у. въ 1882 году.—Свѣдѣнія о немъ и перечень его трудовъ см. въ книгѣ Л. Змѣева: „Русскіе врачи—писатели“, Спб. 1889 г., вып. 4, стр. 174.

Лавровъ, Николай Дмитриевичъ, сынъ священника, р. 1804 г. въ Москвѣ и учился въ Московской дѣховной семинаріи; по окончаніи курса (1826 г.)—преподаватель и инспекторъ Высоко-Петровскаго дѣховнаго училища; съ 1831 г.—дьяконъ и съ 1837 г.—священникъ, а позже протоіерей въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 7 декабря 1881 г.—Онъ извѣстенъ, какъ ревностный сотрудникъ Алтайской миссіи, печатавшій о ней свѣдѣнія въ „Душеполезномъ Читеніи“ и „Православномъ Обзорѣніи“; благодаря ему появился въ печати трудъ архимандрита Макарія, основателя названной миссіи—переводъ св. книгъ Ветхаго Завета (см. о Н. Д. Лавровѣ: „Московская дѣховная семинарія“, М. 1889 г., приложение, стр. 53 и „Православное Обзорѣніе“ 1881 г., кн. 12, стр. 758—763).

Лебедевъ, Павелъ Васильевичъ, законоучитель Смольнаго и Николаевскаго институтовъ въ Петроградѣ, извѣстный проповѣдникъ и дѣховный писатель, у. 28 іюля 1881 г. на дачѣ въ Лиговѣ и пох. на Волковомъ кладбищѣ. О немъ см. *Церковный Вѣстникъ* 1881 г., № 45 и *Церковно-Общественный Вѣстникъ* 1881 г., № 94, стр. 6.

Мейснеръ, Алексѣй Яковлевичъ, авторъ „Стихотвореній“ (Спб. 1836 г.) и переводчикъ „Стихотвореній Гейне“ (1881 г.), р. 1805 г., у. въ 1881 г. См. третій дополнительный томъ къ „Словарю“ Брокгауза (стр. 161).

Никольскій, Василій Ивановичъ, изъ духовнаго званія, р. 13 января 1815 г. въ селѣ Дарицахъ (Коломенскаго уѣзда) и учился въ Московскоѣ семинаріи; по окончаніи курса—преподаватель Высоко-Петровскаго и Коломенскаго духовныхъ училищъ (1836—1840 гг.), дьяконъ (1840—1867 гг.) и священникъ (1867—1879 гг.) въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 26 ноября 1881 г.—Ему принадлежало: „Описаніе храма Рождества въ Кудринѣ“ (*Московскія Церковныя Вѣдомости* 1876 г., № 7), а также статьи въ *Душеполезномъ Читеніи* и *Воскресномъ Читеніи*. О немъ самомъ см. книгу свящ. Н. Скворцова: „Храмъ Рождества Христова въ Кудринѣ“, М. 1898 г., стр. 53—54.

Оболенскій князь, Дмитрій Александровичъ, членъ Государственнаго Совѣта, р. 22 октября 1822 г., у. 22 января 1881 г.—Свѣдѣнія о немъ и его трудахъ см. въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, Спб. 1905 г., стр. 29—33.

Опочининъ, Ѳедоръ Константиновичъ, членъ Импер. Археологическаго Общества, извѣстный собиратель автографовъ и бібліофилъ, р. 26 сентября 1846 г., у. въ 1881 г.—О немъ: „Знакомые“, альбомъ М. И. Семева, Спб. 1888 г., стр. 49 и „Русскій Біографическій Словарь“, Спб. 1905 г., стр. 272.

Тимковскій, Константинъ Ивановичъ, служившій во флотѣ (съ 1833 г.), а по выходѣ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга состоявшій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; у. 10 января 1881 г.—Ему принадлежали „Путевыя воспоминанія“ и книга: „Испанскій театр“ (Спб. 1843 г., два тома).—См. „Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества“, Спб. 1888 г., т. LXII, стр. 332—333 и „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., кн. 4, стр. 112—123.

Чеботаревъ, Адамъ Петровичъ, генераль лейтенантъ, служившій въ Донскомъ казачьемъ войскѣ, военный писатель; у. 4 ноября 1881 г.—Свѣдѣнія о немъ и его трудахъ см. въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, буквы Ч—Ш, Спб. 1905 г., стр. 72—73.

Чепелевская, Прасковья Ильинична, учредительница женской Учительскоѣ семинаріи въ Москвѣ и предсѣдательница Александровскаго Комитета Общества Краснаго Креста; у. 7 іюля 1881 г. въ Москвѣ.—Ею напечатаны: „Элементарный курсъ французскаго языка, уроки для чтенія и правописанія для низшихъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ“ (Спб. 1861 г.)

и брошюра: „Спеціальное ремесленное отдѣленіе при рукодѣльной школь, на Софійской набережной“ (М. 1870 г.).—О ней см. газету *Добро* 1881 г., № 14—18; „Библиографическій Словарь русскихъ писательницъ“, кн. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 270—271 и „Русскій Біографическій Словарь“, буквы Ч—Ш, Спб. 1905 г., стр. 150—151.

Алфавитный указатель

ко второму выпуску

„ОБЗОРА“.

	стр.
Адоратскій, Стефанъ Ивановичъ	5.
Александровскій, Николай Семеновичъ	—
Алексинскій, Евонмій Михайловичъ	6.
Антоновскій, Николай Семеновичъ	—
Аристовъ, Николай Яковлевичъ	7.
Артлебенъ, Николай Андреевичъ	10.
Бакунинъ, Алексѣй Александровичъ	11.
Барскій Авраамъ Андреевичъ	—
Баршевъ, Сергѣй Ивановичъ	12.
Басистовъ, Павелъ Евонмовичъ	13.
Беллингъ, Николай Павловичъ	15.
Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ	16.
Богоявленскій, Михаилъ Максимовичъ	20.
Болдыревъ, Николай Васильевичъ	—
Борисякъ, Никифоръ Дмитриевичъ	—
Боткинъ, Л.	21.
Буренинъ, Константинъ Петровичъ	—
Бутаковъ, Григорій Ивановичъ	—
Буткевичъ, Анна Алексѣевна	23.
Бѣлецкій, Николай Фодоровичъ	24.
Варнекъ, Константинъ Александровичъ	25.
Венецкій, Александръ Ивановичъ	—
Верховскій, Александръ Тимошеевичъ	26.
Викторинъ, въ мѣрѣ Викторъ Дмитріевичъ Любимовъ	—
Вороновъ, Петръ Степановичъ	27.
Воронцовъ свѣтлѣйшій князь, Семенъ Михайловичъ	—
Воскобойниковъ, Николай Николаевичъ	28.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ	97.
Гагаринъ князь, Иванъ Сергѣевичъ	29.

Гауровицъ, Иванъ Самуиловичъ	—
Глаголевскій, Александръ Николаевичъ	30.
Головщиковъ, Николай Михайловичъ	—
Григорьевъ, Петръ Николаевичъ	31.
Гринцевичъ, Иванъ Осиповичъ	—
Грозовъ, Павелъ Сергѣевичъ	—
Громовъ, Николай Яковлевичъ	32.
Гурій, въ мѣрѣ Григорій Платоновичъ Каршовъ	—
Давыдовъ, Василій Денисовичъ	33.
Делленъ, Александръ Карловичъ	—
Деменковъ, Парменъ Семеновичъ	97.
Дерибасъ, Михаилъ	35.
Дмитріевъ, Ѳедоръ Михайловичъ	—
Дубровскій, Петръ Павловичъ	—
Егоровъ, Евгенийъ Андреевичъ	37.
Заблоцкій—Десятовскій, Павелъ Пароеньевичъ	38.
Зайцевъ, Варооломей Александровичъ	—
Знаменскій, Иванъ Степановичъ	40.
Золотовъ, Василій Андреевичъ	41.
Иванова, Елизавета Михайловна	42.
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ	43.
Инсарскій, Василій Антоновичъ	—
Кингъ, Егоръ Васильевичъ	97.
Кирьяковъ, Александръ Ѳедоровичъ	44.
Кирѣевъ, Николай Петровичъ	—
Китаевскій, Максимиліанъ Казиміровичъ	45.
Клементовскій, Александръ Ивановичъ	—
Кожениковъ, Дмитрій Александровичъ	46.
Козакевичъ, Павелъ Васильевичъ	—
Крещенскій, Евдокимъ Семеновичъ	97.
Кригеръ, Григорій Александровичъ	—
Крузенштернъ, Павелъ Ивановичъ	—
Круковскій, Лаврентій Павловичъ	—
Лавровъ, Николай Дмитріевичъ	—
Ламбинъ, Николай Петровичъ	47.
Ландъ, Фридрихъ Ѳедоровичъ	—
Лебедевъ, Павелъ Васильевичъ	98.
Леоновъ, Алексѣй Алексѣевичъ	47.
Литке графъ, Ѳедоръ Петровичъ	48.
Лихутинъ, Михаилъ Доримедонтовичъ	49.
Людоговскій, Алексѣй Петровичъ	50.
Лядовъ, Иванъ Матвѣевичъ	—
Макарій, въ мѣрѣ Михаилъ Петровичъ Булгаковъ	54.
Маклаковъ, Николай Васильевичъ	59.
Максимовъ, Гавріилъ Михайловичъ	—
Матвѣевъ, Александръ Павловичъ	60.
Матте-Гене, Карлъ Филипповичъ	—
Мейснеръ, Алексѣй Яковлевичъ	98.

Мордвинова, Марья Павловна	60.
Нечаевъ, Сергѣй Геннадіевичъ	61.
Никитинъ, Николай Дмитриевичъ	—
Никольскій, Василій Ивановичъ	99.
Новодворскій, Андрей Осиповичъ	61.
Оболенскій князь, Дмитрій Александровичъ	99.
Опочининъ, Феодоръ Константиновичъ	—
Орловъ-Давыдовъ графъ, Владиміръ Петровичъ	62.
Павловъ, Ипполитъ Николаевичъ	63.
Палладій, въ мѣрѣ Павелъ Егоровичъ Пьянковъ	64.
Панютинъ, Левъ Константиновичъ	—
Перовъ, Василій Григорьевичъ	65.
Петровскій, Андрей Станиславовичъ	66.
Планеръ, Дмитрій Ивановичъ	—
Покровскій, Павелъ Ивановичъ	67.
Поповъ, Арсеній Михайловичъ	—
Похвисневъ, Михаилъ Николаевичъ	68.
Прохоровъ, Василій Александровичъ	—
Рождественскій, Иванъ Васильевичъ	69.
Рождественскій, Николай Павловичъ	70.
Савельевъ, Викторъ Константиновичъ	71.
Салмановъ, Петръ Алексѣевичъ	—
Самсоновъ, Левъ Николаевичъ	72.
Селivanовъ, Илья Васильевичъ	—
Сендупльскій, Аполлоній Доросевичъ	74.
Скворцовъ, Николай Семеновичъ	—
Смирнова, Александра Осиповна	75.
Солдугубъ графъ, Владиміръ Александровичъ	76.
Спасовичъ, Даніилъ Осиповичъ	80.
Спѣшневъ, Николай Александровичъ	—
Ставровскій, Алексѣй Ивановичъ	—
Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ	81.
Строгановъ графъ, Сергѣй Григорьевичъ	—
Тимковскій, Константинъ Ивановичъ	99.
Туловъ, Михаилъ Андреевичъ	82.
Тютчева, Екатерина Феодоровна	84.
Уверскій, Николай Ивановичъ	—
Уточкинъ, Николай Васильевичъ	—
Фелькель, Юлій Карловичъ	85.
Филаретъ, въ мѣрѣ Михаилъ Прокофьевичъ Филаретовъ	86.
Филоеѣй, въ мѣрѣ Тимоѣѣй Григорьевичъ Успенскій	87.
Халколивановъ, Иванъ Егоровичъ	88.
Чеботаревъ, Адамъ Петровичъ	99.
Чепелевская, Прасковья Ильинична	—
Чупинъ, Наркизъ Константиновичъ	89.
Пашковъ, Серафимъ Серафимовичъ	91.
Шульгинъ, Николай Ивановичъ	95.
Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ	96.
Ювеналій, въ мѣрѣ Карюковъ	—

П О П Р А В К И.

Стран.	строкн	напечатано	должно быть
11.	15 (снизу)	1892	1882
32.	20 (сверху)	5)	(5
44.	6 (сверху)	1914	1904
63.	15 (снизу)	Стоюнинъ	Стоюнинъ 3)
73.	7 (снизу)	1871	1881

державу Самуила, откуда у насъ и установилась іерархія.“ То же, по мнѣнію автора, было и при Ярославѣ. Вы думаете, м-тъ Иларіонъ въ своемъ извѣстномъ словѣ о законѣ и благодати говорилъ объ іудействѣ и христіанствѣ? Пичуть! „Времязависимости нашей церкви отъ Охридскаго патріархата—это время закона, не благодати, читаемъ мы на стр. 97, время тѣни, не истины; завоеваніемъ Болгаріи грѣхами открылось для нашей церкви время свободы и истины.“ Вы думаете, Владимиръ Св. дѣйствительно рѣшился креститься? Писколько! Онъ хотѣлъ „привести къ себѣ царевну Анну,“ обмануть ее и ее братьевъ и остаться язычникомъ (стр. 276). И всѣ 400 страницъ книги въ этомъ родѣ. Можно удивляться только рѣзвости фантазіи г. Присѣлкова. М-тъ Иларіонъ, по его мнѣнію,—не кто иной, какъ печерскій игуменъ Никонъ (последній именуется „Никонъ—Иларіонъ“, стр. 228). Не дошедшее до насъ и совершенно неизвѣстное житіе Антонія Печерскаго—не что иное, какъ „памятникъ національной борьбы“ (стр. 237) съ разными „искаженіями“ и притомъ не простыми а „тенденціозными“, которыя стужѣлъ поняты еп. Симонъ (стр. 248). Авторъ увѣряетъ, что это житіе „подняло волненія въ кievскомъ обществѣ“ (стр. 281). И т. п.

ДІАКОНЪ А. СОЛОВЬЕВЪ.

Къ 500—лѣтнему юбилею мученической кончины магистра Яна Гуса. Прага, 1914. Ц. 30 к. 23 іюня исполнилось 500 лѣтъ со дня кончины славнаго чеха. На этотъ день было назначено открытіе въ Прагѣ памятника Гусу, сооруженнаго на собранныя въ Чехіи деньги, не безъ помощи русскихъ. О. Соловьевъ рассказываетъ исторію сооруженія

памятника, даетъ обзоръ препятствій, которыя ставились этому дѣлу чешскими и нѣмецкими клерикалами, и представляетъ снимки съ памятника. Последній, кажется, не изъ особенно удачныхъ, слишкомъ сложенъ и едва ли достаточно изященъ.

ПРОФ. АЛ. ДМ. ГРИГОРЬЕВЪ. Къ исторіи Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской губ. Варш. 1915. Ц. 50 к.

Яблочинскій монастырь извѣстенъ тѣмъ, что во все время своего продолжительнаго существованія былъ вѣренъ православію и въ настоящее время является одною изъ главныхъ святынь русской Холмщины. Авторъ производитъ разысканіе о времени основанія монастыря, о личности основателя, о владѣльцахъ села Яблочна и объ отношеніяхъ къ монастырю. Трудъ проф. Г-ва основанъ на документахъ и имѣетъ всѣ права на названіе научнаго. Часть документовъ издана въ приложеніи.

ЮЛІАНЪ КУЛАКОВСКІЙ.

Исторія Византіи. Томъ III (602—717). Съ одной картой, рисунками въ текетѣ и одной таблицей. Кіевъ, 1915. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. К-ій въ новомъ томѣ своего прекраснаго труда является историкомъ не только Византіи, но и славянъ Балканскаго полуострова. Ему приходится говорить и о переселеніи этихъ славянъ въ области Византійской имперіи, и объ вторженіи не славянскихъ болгаръ и основаніи ими болгарскаго царства. Въ приложеніи онъ посвящаетъ особую статью такъ наз. „именнику“ древнѣйшихъ болгарскихъ царей. Лучшія страницы настоящаго тома посвящены имп. Ираклію.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей. для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобники благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются годовые комплекты журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. за каждый годъ.

Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно. Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель Петръ Бартевъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

8

стр.

I—IV. Воззваніе состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЩЕСТВА ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ Всероссійскаго Общества здравницъ въ память войны 1914—15 гг.

385. Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны. гр. Каподистріи, гр. Поццоди-Борго, гр. Аюлеуса и кн. Козловскаго. Сообщ. В. С. Арсеньевъ.

394. Къ 500-лѣтію кончины Яна Гуса. И. С. Бѣлева.

401. Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ въ Нижегородской губерніи. П. Юдина.

410. Записки Юсифа Петровича Дубецкаго.

449. Петція Прибалтійскаго Дворянства Императрицѣ Екаторинѣ II на имя Прибалтійскаго Генераль-Губернатора.

455. Письма Капитанъ-Лейтенанта Я. Воеводскаго къ А. П. Зонтагъ. Сообщ. М. В. Безръ.

477. Смоленскій городской историко-археологическій музей за 25 лѣтъ своего существованія. В. Грачевъ.

551. Переписка К. П. Побѣдоносцева съ Никаноромъ Епископомъ Херсонскимъ (Письма 1885 г.). Сообщ. Протоіерей Сергій Петровскій.

Внутри обложки.—О книгахъ: А. В. Прусака. Описание Азбуковниковъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки.—Стихи о партизанѣ Фигнеръ.—Автобіографія Н. В. Гербеля.—Макимъ грекъ и его время. В. С. Пшонникова.—Труды Владимирской ученой Архивной комиссіи.—А. И. Королевъ. Проповѣдь пангерманизма въ русской средней школѣ.—А. Л. Пшонниковъ. Кіевъ—мать городовъ русскихъ.—В. А. Францевъ. Чешско-славянскій расколъ и его отголоски въ литературѣ сороковыхъ годовъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

А. В. ПРУССАКЪ. Описание Авбузовнивовъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Вибліотеки. 1915. (Памятники др. письменн. и искусства № CLXXXVI).

Г-жа Пруссакъ взяла на себя трудъ описать хранящіеся въ Имп. П. Б. списки русскихъ толковыхъ словарей XVII в. и исполнила его прекрасно. Ея знакомство съ литературой предмета вполне достаточное; изложение точное и немногословное. Конечно, никакихъ открытій у нея нѣтъ, но историкъ русской литературы обязанъ сказать ей горячее спасибо.

Стихи о партизанѣ Фигнерѣ.

Въ іюньской книгѣ „Русскаго Архива“ за 1908 годъ появилась замѣтка о „Партизанѣ А. С. Фигнерѣ“ и при ней было помѣщено стихотвореніе: „Смерть Фигнера“ (съ подписью **Ө. Глинка**), найденное въ рукописи Псковскаго Археологическаго Общества. „Стихи эти, — говоритъ авторъ замѣтки, — не обозначены ни у Сопикова, ни у Смирдина, ни у Геннади; поэтому надо думать, что **они ни разу не были изданы въ свѣтъ**. Утверждать, что они принадлежатъ перу именно Федора Глинки, я не берусь“ (стр. 281).

Случайно намъ пришлось ознакомиться съ такою замѣткою, и въ настоящее время — лучше поздно, чѣмъ никогда — разрѣшить сомнѣнія автора. Стихотвореніе: „Смерть Фигнера“ дѣйствительно принадлежало Федору Николаевичу Глинкѣ, при чемъ за его же полною подписью, уже два раза ранѣе, было напечатано въ „Сѣверныхъ Црѣвѣтахъ“ (1826 г., стр. 16—24) и въ

„Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ (1833 г., № 45, стр. 357—359). **М. Б.**

Автобіографія Н. В. ГЕРБЕЛЯ. Подъ редакціей В. В. Каллаша. Москва. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. 1915 г., 18 стр.

Эта брошюрка немногими и неважными фактами дополняетъ извѣстную біографію поэта-переводчика Н. В. Гербеля, напечатанную въ книгѣ: „Гимназія выспихъ наукъ и Лицей князя Безбородко.“ Что же касается „приложенія“ къ этой брошюркѣ, въ которомъ помѣщено яко-бы „неизданное стихотвореніе Н. В. Гербеля“ — „Пассаажъ въ Пассаажъ“, то тутъ вышло какое-то странное недоразумѣніе: названное стихотвореніе съ небольшими измѣненіями уже давно появилось въ книгѣ самого Гербеля: „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ за подписью. „Л. Л. Л.“

Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе **В. С. ИКОННИКОВА.** Изд. 2-ое исправленное и дополненное. Кіевъ, 1915. Ц. 4 р. 50 к.

Авторъ рѣшилъ переиздать свою диссертацию, увидѣвшую свѣтъ 50 лѣтъ назадъ; онъ использовалъ все, что сдѣлано русскою наукою относительно Максима Грека и его эпохи въ теченіе полустолѣтія; т. о. мы имѣемъ теперь свѣжую монографію объ этомъ интересномъ дѣятелѣ XVI в. Авторъ не ограничивается положительными данными; у него рядъ указаній на недостаточность того, что сдѣлано. Такъ, на стр. 590 мы читаемъ: „вопросъ о полнотѣ списка сочиненій Максима Грека остается открытымъ“. Къ книгѣ приложены ука-

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма И. С. Аксакова къ Л. А. Елагину; сообщ. М. В. Бэрь.—Къ исторіи Смоленска, автобіографія І. Г. Тыртова, со введеніемъ и примѣчаніями Б. Модзалевскаго.—Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ: письма императора Николая I, императора Александра II, Ф. М. Достоевскаго, И. А. Тургенева, А. Островскаго, И. Лажечникова, Н. Потѣхина, Н. Некрасова, Апухтина, Я. Полонскаго, гр. М. Ю. Вильгорскаго.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. свящ. Н. Модестовъ.—Переписка кн. Д. И. Долгорукаго.—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова; адресъ, поднесенный Л. М. Савелову чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторія, цѣли и слѣдствія, Барона де Бая.—Рескриптъ Екатерины II о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. П. Юдинъ.—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья В. Голубева.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады М. Сперанскаго съ резолюціями императора Александра I; сообщ. В. Крыжановскій.—Къ исторіи Кракова, С. Фарфоровскаго.—Мелочи литературнаго прошлаго замѣтки Вл. Данилова (Сатира на П. П. Свинына; Нападки на Н. А. Полевого; Теньеръ въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пропавшей грамоты» Гоголя во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья П. Л. Юдина.—Дѣло о сектѣ, называемой «христовицной», коея послѣдователи оскопляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями Н. Г. Высоцкаго.—Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. М. Б.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка кн. Д. И. Долгорукаго.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, Д. Д. Язынова.—Библиографическія замѣтки.

МАРТЪ.—Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Составителю и Издателю Русскаго Архива.—Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ В. Благовидова, Казань. 1889 г. Д. Х.—Письмо графа Николая Петровича Шереметева къ Алексѣю Феодоровичу Малиновскому и его отвѣтъ.—Расколъ въ оренбургскомъ краѣ. Историческая записка Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго Антонія. Сообщ. П. Л. Юдинъ.—Потѣшные въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія императора Николая I. Сообщ. К. А. Военскій.—Дѣло Вильгельма, Барона де Бая.—Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Переписка кн. Д. И. Долгорукаго. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писательницъ и писателей, умершихъ въ 1882 году. Д. Д. Язынова.—Библиографическія замѣтки.

АПРѢЛЬ.—Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича** 12 Апрѣля 1865 г. Сообщ. Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.—Хлысть или параноикъ? (Сектантъ **Василій Радаевъ**). **Н. Г. Высоцкаго**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. свящ. **Н. Н. Модестовъ**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ Уфимскимъ. Сообщ. Протоіерей **Сергій Петровскій**.—Нѣмецкое заселеніе. **П. Л. Юдина**.—Священной памяти Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**. Протоіерей **Іоанна Соловьева**.—Мины въ русско-турецкой войнѣ 1877—78. **В. Голубева**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—О Мурманскомъ портѣ. **Б. С. П.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

МАЙ.—Записка о пребываніи въ Римѣ **Таракановой**: „Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ неизвѣстной принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью Россійской Императрицы **Елисаветы Петровны**“. Сообщ. **Гр. С. Д. Шереметевъ**.—Походъ боярина **П. В. Большого Шереметева** въ Малороссію въ 1679 году; **И. С. Бѣляева**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. **Н. Н. Модестовъ** (съ рисункомъ).—Совокупныя дѣйствія нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ турецкую войну 1787—1791 гг. **В. Голубева**.—Серебро въ Осетіи; къ исторіи горнопромышленности на Кавказѣ; **П. Ю.**—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ уфимскимъ; сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

ІЮНЬ.—Письмо **И. С. Аксанова** къ графинѣ **Блудовой**, 1860 года.—Св. **Пафнутіи Боровскій** и родъ **Зубовыхъ**; сообщ. **И. Бр.**—**Баронъ Дельвигъ** и русская народная пѣсни; **Сергѣя Шервинскаго**.—Калмыки въ борьбѣ съ Турціей; къ исторіи турецкихъ происковъ на Кавказѣ; **П. Юдина**.—Военныя дѣйствія нашего флота на Дунаѣ въ русско-турецкую войну 1828—29 гг. **В. Голубева**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Міровой германскій вопросъ; **Барона де Бая**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ уфимскимъ; сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.—Обзоръ жизни и трудовъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году; **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА

П. И. Барте невъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Дг. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столянский, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Шавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Июля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митгорникова, Лебедева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образованіе» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., ¹/₂ стр.—55 р., ¹/₃ стр.—40 р., ¹/₄ стр.—30 р.,
¹/₈ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

СОСТОЯЩЕЕ
ПОДЪ АВГУСТЪЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ
ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗДРАВНИЦЪ
ВЪ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ 1914—15 гг.

Петроградъ, Надеждинская, 10.

Безпримѣрная въ исторіи человѣчества по напряженію и разрушительности настоящая міровая война должна, къ сожалѣнію, оставить послѣ себя въ нашемъ отечествѣ много такихъ жертвъ, которыя не скоро въ состояніи будутъ оправиться отъ послѣдствій какъ полученныхъ ими огнестрѣльныхъ раненій, такъ равно перенесенныхъ въ условіяхъ военно-походной обстановки острыхъ заболѣваній и вызваннаго боевой жизнью физическаго и нервнаго переутомленія.

Съ другой стороны, множество семей участниковъ войны, частью павшихъ на полѣ брани, частью ставшихъ неработоспособными, окажутся лишенными своихъ кормильцевъ и, въ случаѣ болѣзни, останутся безъ ихъ отеческихъ заботъ и попеченія.

Наконецъ, многіе, не участвовавшіе непосредственно въ войнѣ, будутъ раззорены, въ особенности въ районѣ военныхъ дѣйствій, и не скоро найдутъ возможность въ достаточной мѣрѣ восстано-

вить свои матеріальныя средства, которыя столь необходимы для леченія всякаго длительного заболѣванія.

Обо всѣхъ жертвахъ войны съ самаго начала ея неуспынно заботятся какъ правительство, такъ и общество, стремящіяся поддержать потерпѣвшихъ матеріально и духовно, дабы хотя отчасти облегчить имъ и ихъ семьямъ возможность перенести исключительно тяжелое для всей страны время.

Для того же, чтобы возможно скорѣе оправиться странѣ отъ тягостныхъ послѣдствій войны—необходимо прежде всего здоровье ея населенія, какъ главнѣйшій залогъ процвѣтанія Государства при условіи трудолюбія, настойчивости и выносливости, которыми силенъ русскій народный духъ.

Въ обезпеченіе наиболѣе полного возстановленія потеряннаго здоровья населенія необходимымъ является предоставленіе участникамъ войны и пострадавшимъ отъ нея широкой возможности пользоваться доступной медицинской помощью въ обстановкѣ такихъ лечебныхъ учрежденій, гдѣ больной подвергнется всестороннему клиническому обследованію и леченію—главнымъ образомъ, физическими и естественными способами—и сможетъ научиться необходимому для него въ дальнѣйшей жизни режиму, а также гдѣ-бы онъ могъ найти ту обстановку, которая должна своимъ уютомъ замѣнить ему тепло и свѣтъ родного очага.

Съ этою цѣлью ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АЛЕКСАНДРОЙ ѲЕОДОРОВНОЙ призвано къ жизни и принято подъ АВГУСТѢЙШЕЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Покровительство „Всероссійское Общество Здравницъ въ память войны 1914—1915 гг.“, уставъ коего ВЫСОЧАЙШЕ утвержденъ въ Царской Ставкѣ 10-го Мая с. г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было положить начало матеріальному обезпеченію Общества пожалованіемъ капитала свыше 600 тысячъ рублей.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, по всепреданнѣйшему ходатайству членовъ-учредителей, осчастливила Всероссійское Общество Здравницъ передачей въ вѣдѣніе его здравницъ Своего Имени—въ Массандрѣ и Желѣзноводскѣ.

Кромѣ того, Общество уже сейчасъ располагаетъ цѣлымъ рядомъ имущественныхъ пожертвованій въ видѣ земельныхъ участковъ и усадебъ—на Черноморскомъ побережьѣ, въ Крыму и въ центрѣ Россіи.

Такимъ образомъ, новое Общество на первыхъ же порахъ своей дѣятельности ободрено высокимъ вниманіемъ Монарха, оно одухотворено заботами Царицы о преуспѣяніи его дѣятельности и видитъ сочувствіе общества. Поэтому оно твердо увѣрено въ своей жизненности, такъ какъ знаетъ, что всегда найдетъ въ средѣ сочувствующихъ—работниковъ, которые захотятъ принести пользу дѣлу, говорящему такъ много за себя.

Но для того, чтобы возможно шире и полнѣе развернуть дѣятельность „Всероссійскаго Общества Здравницъ“ необходимо, чтобы оно дѣйствительно было всероссійскимъ, чтобы русское общество было ближайшимъ образомъ освѣдомлено о цѣляхъ и задачахъ его дѣятельности и знало, какимъ путемъ оно можетъ личнымъ участіемъ или пожертвованіями придти ему на помощь и тѣмъ содѣйствовать успѣху новаго культурнаго отечественнаго начинанія, преслѣдующаго свѣтлую задачу путемъ распространенія въ Россіи научно поставленныхъ здравницъ (клиническихъ санаторій) способствовать государственному дѣлу оздоровленія населенія.

Въ цѣляхъ предоставленія русскому обществу возможности войти въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ дѣятельностью отдѣльныхъ организацій „Всероссійскаго Общества Здравницъ въ память войны 1914—1915 гг.“ Собраніе Учредителей постановило обратиться къ вѣдомствамъ, учрежденіямъ, общественнымъ организаціямъ, обществу офицеровъ въ лицѣ командировъ отдѣльныхъ частей, печати, частнымъ лицамъ и предпріятіямъ съ предложеніемъ участвовать личнымъ трудомъ или пожертвованіемъ необходимой суммы на содержаніе именныхъ помѣщеній, которыя должны явиться вѣчнымъ христіанскимъ памятникомъ доблести нашихъ героевъ отъ благодарнаго русскаго общества.

Справки выдаются, производится запись въ члены и принимаются пожертвованія въ канцеляріи „Всероссійскаго Общества Здравницъ“ въ Петроградѣ, Надеждинская 10, у секретаря Общества, Члена Совѣта д-ра Б. Н. Бѣляева (тел. 1-10-59), ежедневно отъ 6—8 ч. в.

Члены Учредители:

Предсѣдатель О-ва, Свиты Его Величества Ген.-Маіоръ *Воейковъ*.

Товарищъ Предсѣдателя, Лейбъ-Медикъ, проф. *В. Сиротининъ*.

Лейбъ-Медикъ Его Величества *Ев. Боткинъ*.

Д-ръ *Б. Бляевъ*.

Полковникъ *Вильчковскій*.

Управляющій дѣлами Верховнаго Совѣта, членъ Совѣта *Г. Витте*.

Д-ръ мед. княжна *Гедройцъ*.

Д. с. с. *В. Давыдовъ*.

Е. Ф. Давыдовъ.

Въ д. Гофмейстера Графъ *И. Ростовцовъ*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составляютъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и обцими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартенева, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголюбъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминаніи 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня цари Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ, О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго сообщ. Баронессой Клейстъ;—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ П. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристины и Княжны Туркестановой;—Письмо П. Кавелина къ Н. А. Елагину, сообщ. М. Безръ.—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ лэди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы;—А. Ѳ. Коки, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенишевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записки Митрополита Филарета на календарѣ, сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Забобы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи, статья Н. И. Кедрова.—Перевиска начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. П. Муравьевымъ-Амурскимъ, сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазвымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень жливой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой, сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. И. Алисова къ султану, сообщ. Гр. Солдогоубъ.—Страничка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская, сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнѣ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову, сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ, сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отеествѣ, рѣчь Барона де Бай.—Докторъ Эрнестъ Мука, оныть изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи, статья П. Я. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Кариато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духовичемъ, сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бюиринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году, сообщ. П. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Іосифъ, кн. Аргуунскій-Долгорукій, статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартенева (младшій).

ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА

И. И. Барте невъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Др. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Э. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергій Маковскій, Pierre Marcel (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Эоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Юля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митюрникова, Лебедева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образованіе» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., $\frac{1}{2}$ стр.—55 р., $\frac{1}{3}$ стр.—40 р., $\frac{1}{4}$ стр.—30 р.,
 $\frac{1}{8}$ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель *П. П. Вейнеръ.*

**Письма: Императрицы Александры Феодоровны, гр. Каподистрии,
гр. Поццо-ди-Борго, гр. Алопеуса и кн. Козловскаго.**

I.

Письмо Имп. Александры Феодоровны къ гр. Фикельмонтъ.

Der Kaiser und ich würden uns sehr freuen wenn Sie und Mann Ielagin mit Ihren Gegenwart erfreuen wollten, natürlich Sie und Ihr Mann, liebe Dolly. Man ist eingeladen gegen $\frac{1}{2}$ 3 und im Schloss zu Ielagin ist der Versammlungs Punkt.

Guten Abend und gute Nacht Alexandra.

d. 27 März.

(На оборотъ): ...Madame la Comtesse de Fiquelmont (Всё письмо собственноручное; вверху литера А подъ Императорской Короной на мантии; письмо запечатано краснымъ сургучомъ).

(Подлинникъ у кн. Е. Д. Долгорукой.)

Государь и я были бы весьма рады, еслибъ Вы съ Вашимъ мужемъ хотѣли бы обрадовать своимъ присутствіемъ въ Елагинѣ, конечно, Вы и Вашъ мужъ, милая Долли. Приглашаются къ $\frac{1}{2}$ 3 и сборный пунктъ въ Елагинскомъ Дворцѣ.

Добрый вечеръ и покойной ночи Александра.

Письма Алопеуса.

II.

Monsieur,

Je suis fâché de ne point avoir encore de cartes à envoyer à Votre Excellence; l'occasion présente auroit été excellente. Depuis les dernières que j'ai eu l'honneur de Lui transmettre il n'y en a pas paru.

C'est le Général-Major Mr. de Zastzow qui aura l'honneur de présenter celle-ci à Votre Excellence. Chargé d'une commission à Sa Majesté l'Empereur, il se rend à St. Petersbourg accompagné de son fils, Lieutenant des gensd'armes.

Le général a été longtemps aide de camp général du feu Roi et aussi du Roi aujourd'hui régnant. Il a actuellement un régiment d'infanterie en garnison à Posen. C'est un officier de mérite le plus distingué, également estimable par les qualités du cœur et de l'esprit. Je prends la liberté de le recommander aux bontés de Votre Excellence, sûr qu'Elle sera charmée de faire une connoissance aussi intéressante.

C'est avec la plus haute considération et un attachement inviolable que j'ai l'honneur d'être, Monsieur, De Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alopeus.

Berlin ce 2/14 Avril 1805.

(Подлинникъ у кн. Е. Д. Долгорукой).

III.

Monsieur,

Quoiqu'on m'ait assuré que Votre Excellence a déjà quitté Stockholm je n'ai cependant pas la certitude de Son arrivée à Petersbourg.

En attendant j'ai soisi l'occasion du passage de Mr. Zehender pour lui transmettre plusieurs feuilles des cartes de la Souabe et de la Westphalie. On me fait espérer que cette dernière sera achevée dans peu.

Oserois-je Vous demander, mon Général, si le grand Atlas de Russie est gravé aussi en lettres latines et si cela est, à combien il monte? Des feuilles séparées de cette carte, les vend-t-on ou faut-il prendre le tout ensemble?

C'est le Colonel Mr. d'Arntschildt qui se charge de transmettre celle-ci à Votre Excellence.

Je l'ai expressement chargé de me demander la continuation de Ses bontés et de Son amitié.

Agréez ici l'assurance renouvelée de la très haute considération avec laquelle j'oi l'honneur d'être, Monsieur, De Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alopeus.

Berlin ce 9/21 Octobre 1811.

(Помѣта вверху: рещи 2 нов.)

(Подлинникъ находится у кн. Е. Д. Долгорукой).

IV.

Varsovie le 6 18 Mai 1829.

Monsieur le Baron,

Les lettres que Vous m'avez expédié par le général Mansouroff et le Courrier Reiser me sont exactement parvenues et je Vous remercie beaucoup de tout ce que Vous avez bien voulu me communiquer.

LL. MM. II. ont fait bien l'entrée solennelle à Varsovie aux acclamations des habitants et par le plus beau temps. Leur séjour se prolongera ici jusqu'au 21 Mai/2 Juin et Elles se rendront de Varsovie à Sybillenort, comme on l'avoit d'abord supposé. Immédiatement après l'arrivée de LL. MM. le lieutenant—général Mr. de Ramdo (?) a eu l'honneur d'être admis en Leur présence. Mr. de Minckwitz a eu également hier ses audiences.

Le Comte Nesselrode n'étant pas encore arrivé, je ne puis pas fixer déjà le jour de mon départ d'ici, mais il paroît assez reculé pour m'engager à Vous prier de m'expédier ici les lettres particulières entrées à mon adresse. Par le Courrier prochain je pourrai Vous mander déjà si je resterai ici jusqu'à la fin du séjour de LL. MM.

Ayant été appelé chez L.L. M.M. I.I. j'oi trouvé à mon retour vos dépêches du 1 13, que j'oi remis d'abord au Comte de Nesselrode qui vient d'arriver.

L'Impératrice ne pourra être rentrée à Berlin que le 8 ou le 9 de Juin n. st. Une partie de Sa suite y arrivera par Posen. Myr. le

Grand-Duc Héritier compte foire une tournée dans les montagnes de la Silésie après avoir été à Sybillenort. Par le Courrier prochain je pourrois Vous donner des notices plus précises à ce sujet, mais en attendant je Vous prie de me nommer au retour de la poste les Princes, les Princesses et toutes les Personnes, qui accompagneront S. M. le Roi à l'entrevue en Silésie. Adressez Vous pour cela à Mr. le Prince de Wittgenstein, à qui je Vous prie de dire bien des choses de mon parti; je ne manquerois pas de lui écrire par le premier courrier qu'expédiera le général de Rauch.

Veillez présenter mes hommages à Madame de Moltitz et me croire à jamais.

Tout à Vous D. Alopeus.

P. S. Il m'est impossible d'écrire deux lignes de suite sans être interrompu, mais j'espère par le Courrier prochain Vous fournir un article pour la gazette d'Etat.

(Подлинникъ находится у кн. Е. Д. Долгорукой).

V.

Цюрихъ, 16/4 Августа 1814.

Глубокоуважаемый синьоръ

Дукамани!

Благодарю Васъ за Ваше письмо отъ 17/29 Юля и считаю своимъ долгомъ отвѣтить, какъ на это такъ и на то, какое было адресовано синьору Рокассовскому, и какую мнѣ переслали изъ Вѣны. Что касается просьбы консульства, то я не думаю, чтобы она была въ настоящее время выполняема, т. к. ничего не оказывается..... съ постановленіемъ рѣшенія относительно этого предложенія. Мнѣ кажется, я знаю, что изъ консульствъ вообще къ намъ обращаются съ просьбами, касающимися наступающей зимы. При удобномъ случаѣ я кстати возьму Ваши письма и Вы можете быть увѣрены относительно усердія, какое приложу, чтобы быть Вамъ полезнымъ. Что касается до стражниковъ (?), которыхъ Вы имѣете подъ Вашимъ начальствомъ, то я могу посоветовать Вамъ лишь одно средство: можно сказать, чтобы отдали ихъ въ распоряженіе какому-нибудь негодяю греческому или русскому изъ Зануи (?), а я, узнавъ его имя, могу взять на себя

трудъ рекомендовать его (посланнику) Е. В. въ Парижѣ. Всякое другое направленіе дѣла было бы противно или мало согласимо съ установленными обычаями.

Прошу приписать вину..... и считать меня, свидѣтельствующаго Вамъ все свое почтеніе, синьоръ, за своего друга.

Графъ Каподистрія.

(Переводъ съ армянскаго)

(Мѣста, означенныя пунктиромъ, въ подлинникѣ неразборчивы).

(Подлинникъ находится у кн. Е. Д. Долгорукой).

VI.

Paris 26 Février, 10 Mars 1816.

Monsieur,

C'est avec une véritable satisfaction que j'ai reçu la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire; par la quelle Vous voulez bien m'annoncer, que le Comte de Lieven Vous a confié du gestion des affaires de L'Ambassade durant son absence.

Vous me témoignez, en même temps, monsieur, le désir de voir continuer la confiance intime qui a toujours (sic) exister entre les deux Legataires; je suis heureux de pouvoir Vous l'offrir, soit parce que le train de service s'y trouve réuni, soit parce que les considérations personnelles ne peuvent que m'y rendre à tous égards.

Nous sommes, je crois, dans l'attente de recevoir du Cabinet Impérial des directions que les circonstances impreuées ne lui ont permis de nous transmettre jusqu'a présent. Vous pouvez être assuré que dans ce cas je ne manquerai pas de Vous communiquer tous ce qui pourra contribuer à l'accomplissement de nos..... réciproques.

Je n'est rien ici qui mérite dans ce moment une attention particulière. Les Chambres s'occupent des Lois qui leur ont été présentées par les Ministres. Tout annonce qu'Elles les adopteront; malgré l'opposition partielle qui se manifeste de temps à autre.

M. Alexandre Tourghegnieff a pris un passeport pour se rendre a St. Petersbourg.

Je Vous remercie Monsieur, des sentiments que Vous m'avez temoignés, et je Vous prie de croire à tous les miens, ainsi qu'à la considération la plus distinguée avec la quelle j'ai l'honneur d'être.

Votre très obés—serviteur Pozzo di Borgo.

(Подлинникъ, на бумагѣ съ черной каймой, находится у кн. Е. Д. Долгорукой).

VII.

Particulière

Monsieur le Chevalier

Parmi les Personnes qui ont reclamé le remboursement de leur avances envers la France se trouve Le Sr Coen Negotiant domicilié a Ferrare. La liquidation particulière qui devait avoir lieu selon en convention de 1815 ayant été remplacée par une somme en Bloc attribuée proportionnellement a chaque Gouvernement ceux ci doivent en faire la distribution a leur sujets. C'est en cette qualité, et comme créancier ayant droit a participer aux avantages qui derivent de l'arrangement stipulé que le Sr Coen se rend a Rome pour faire valoir ses prétentions. Si les circonstances affirment à V. E. quelques moyens de lui être utile je lui en serais personnellement obligé; il est chargé d'une nombreuse famille dont la ruine a suivi les engagements qu'il a eu le malheur de prendre dans les temps passés avec l'administration française.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération, Monsieur le chevalier,

De Votre Excellence très humble et très obéissant serviteur

Pozzo di Borgo.

Paris. 17 O-bre. 1819.

(Подлинникъ у кн. Е. Д. Долгорукой).

VIII.

Florence 2 14 Mars 1821.

Particulière

Monsieur le chevalier—

Si ma lettre écrite par la poste au moment de mon arrivée ici, est parvenue a V. E.; Elle aura vu que je prenais la liberté d'accepter

son obligeante invitation. Dieu veuille que Les événemens (sic) me mettent à partie d'en profiter le plus tôt possible. La révolte du Piemont est un malheur qui ne pouvait nous arriver plus a contretemps; cependant j'espère que nous suffirons à tout. Si l'Autriche avait voulu écouter les conseils de l'Empereur qui n'a cessé de demontrer la necessité d'une plus grande réunion de forces en Italie; les conspirateurs n'auraient pas osé se montrer, ou ils auraient été punis de leur audace; mais les lenteurs habituelles, et le désir d'épargner fairont qu'on sera obligé maintenant de marcher plus vite et de dépenser davantage. Il est indispensable, quoiqu'il en sort, de ne pas perdre contenance; si on examine les positions respectives celle des amis de l'ordre est encore préférable.

Veillez bien agréer tous mes respects et mes sentimens.

Votre très humble et très devoué serviteur Pozzo di Borgo

(Помѣта вверху: Reçu par l'entremie de M^r le C. Ap. le 4/16 mars 1821.)

(Подлинникъ у кн. Е. Д. Долгорукой).

IX.

C'est avec infiniment de reconnaissance que j'accepte, Mon cher Palakanof, votre aimable invitation pour Dimanche à 7 heures. Je regrette seulement de n'avoir pas trouvé un instant pour vous demander plutôt l'honneur d'être présenté à Madame Votre Epouse et à votre famille— je compte sur vos bons offices, et sur Leur bienveillance.

Je suis tout à Vous. Capodistria.

Ce Vendredi, Le 5/17 Avril 27.

Письмо посланника при Сардинскомъ Дворѣ Князя Козловскаго.

X.

Ноября 20-го въ Ботническомъ Заливѣ, на Дандскихъ островахъ.

Послѣ ужасной бури, которая занесла мое судно на скалу, я нахожусь здѣсь, ma chère Annette, и дожидаюсь попутнаго вѣтра вхвать

въ Штокгольмъ, а отъ туда въ Англію. Божіе провидѣніе, на которое я всегда единственно полагаю мою надежду, спасло меня и въ семь такъ сказать придверіи смерти, и милостивое око Спасителя воззрѣло не на невинность мою, но на вѣру, въ которой я никогда не оскудѣвалъ. Корабль нашъ былъ въ такомъ положеніи, что никакое человѣческое усиліе не могло избавить онаго отъ неизбежной гибели, но я ни минуты не унывалъ. ибо во всѣхъ случаяхъ жизни моей, привыкъ видѣть промыслъ Вышняго, и ничего другого. Я къ тебѣ писалъ при отвѣтѣ моемъ изъ С. П. Бурга о причинахъ, побудившихъ меня проситься въ чужіе края, я увѣрю тебя. что сіе мнѣ не мало стоило. Впрочемъ подумай сама, не имѣя никакого состоянія, не получая никакихъ доходовъ, могъ-ли я однимъ жалованьемъ жить въ П—Бургѣ, держать по пристойности занимаемаго мною мѣста, 4-ю карету, двухъ людей, и иногда съ пріятелями въ Ресторацияхъ обѣдать: на это надобно по крайней мѣрѣ 12 тысячъ въ годъ, а у меня едва 6 было: красть я не умѣю, и не умѣю также считать полушки, почему я и рѣшился проситься въ чужіе края, и поѣхалъ бы даже повѣреннымъ въ дѣлахъ и секретаремъ посольства, есть ли бы иначе не послали. Государь, который ко мнѣ всегда былъ милостивъ, и тутъ еще оказалъ мнѣ неизрѣченную щедроту, назначивъ меня чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ съ жалованьемъ по мѣсту т. е. 30 тысячъ рублей. При мнѣ назначили секретаремъ Потемкина, человѣка весьма любезнаго и котораго общество усладить мое изъ Россіи удаленіе: и такъ, милая, то, чего я искалъ единственно съ тѣмъ видомъ, чтобы избавиться отъ бѣдности, поставило меня вдругъ на линію министровъ, и тѣмъ рѣшило навсегда будущую судьбу мою по Дипломатической части. Мало примѣровъ таковаго щастія, но все это не утѣшитъ меня въ томъ, что я оставилъ Россію; не увидавшись съ тобою: ты себѣ вообразить не можешь, сколько сіе сердцу моему болѣзненно, но даю тебѣ слово что черезъ годъ буду просить отпуска, и никуда не заѣзжая, прямо направляю путь мой туда, гдѣ ты будешь. Пиши Бога ради сколько можешь: вотъ мой Адресъ:

à Mr. Mr. Le Baron de Nicolay, Chargé des Affaires de S. M. Ire de toutes les Russies à Londres pour faire passer à Mr. le P. K. Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de S. M. Ire près la Cour de Sardaigne.

Здѣлай милость напиши къ дядюшкѣ Александру Николаевичу, что я ему вторично препоручаю мои дѣла, ожидаю милостиваго его къ онимъ призрѣнію: ты же сама сколько здоровье твое позволить,

попегись объ лучшемъ оныхъ учрежденіи, ибо обстоятельства могутъ перемѣниться, я могу быть принужденъ оставить службу, и тогда мнѣ надобно же будетъ чѣмъ нибудь кормиться, хотя и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вы меня безъ куска хлѣба не оставите.

Есть ли знаешь что нибудь о Машинкѣ, успокой меня на ея счетъ, ибо послѣ неблаговременной поѣздки ея въ деревню для раздѣла, я и подумать не смѣю въ какомъ она могла найтись положеніи.

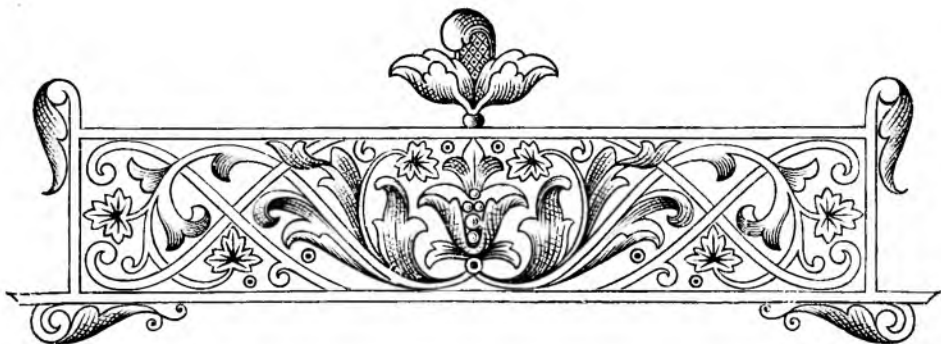
Объ обстоятельствахъ Россіи я говорить, ты знаешь, не люблю: но что я тебѣ могу сказать, это то, что никогда я столько не восхищался великимъ и отеческимъ сердцемъ Государя, какъ нынѣ: Ахъ! тѣ Его только цѣнить могутъ, кто, какъ я, близко у теченія дѣлъ были, и знаютъ, сколько онъ любитъ Россію.

Есть ли ты можешь переслать ко мнѣ мою фамильную печать, одолжишь меня особенно. Я съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что дядюшка Дм. Ник. въ Арміи: это весьма дѣла его поправить.

Прощай, *Ma chère Annette*: будь здорова, и не забывай друга и брата, который будетъ ожидать всегда писемъ твоихъ съ нетерпѣніемъ. Ёду въ Швецію, гдѣ никогда не бывалъ, но гдѣ надѣюсь найти знакомыхъ. Будь здорова, и пиши по чаще.

Сообщилъ В. С. Арсеньевъ.

Къ 500-лѣтію кончины Яна Гуса.

(23 іюня 1415—1915 г.).

„О чешскій край, о родъ единокровный!
Не отвергай наслѣды своего,
О, доверши же подвигъ свой духовный
П братскаго единства торжество“.

Гютица.

Для молодого Общества имени Яна Гуса въ Москвѣ, для чешскаго народа и вообще для всего славянскаго міра день 23 іюня сего года является чрезвычайно знаменательнымъ: 500 лѣтъ тому назадъ въ Швабіи у города Констанца, по чешски Костницы, на берегу Боденскаго озера, низкіе подонки человѣческой души: зависть и злоба, насиліе надъ убѣжденіемъ другого, умственная тупость и до крайности узкое самолюбіе, а съ другой стороны полная нетерпимость къ идеямъ и вѣрованію нашего брата-славянина, вѣроятно, основанная на всегдашней непріязни тевтонской расы къ славянской, повѣрку которой мы наблюдаемъ въ настоящее время,—эти низменныя человѣческія силы попытались позорнымъ сожженіемъ на кострѣ подавить смѣло отстаиваемыя Гусомъ до послѣдняго издыханія положенія, что тамъ, гдѣ славянинъ географически преобладаетъ численностью, тамъ онъ долженъ быть и хозяиномъ дѣла, что славянищу въ дѣлахъ его духовной совѣсти должна быть предоставлена свобода.

Палачи Гуса его казню хотѣли навсегда прекратить вліяніе его сильнаго ума на современниковъ. уничтожить въ корнѣ его добрые порывы къ поддержанію порядочности, нравственности и достигли какъ разъ обратнаго: весь чешскій народъ сталъ на защиту

дѣлъ своего учителя, а его духовныя идеи понеслись по всему міру. Но много понадобилось челоѣчеству времени, чтобы по достоинству заклеить убійцъ Гуса: еще Савонарола былъ опять сожженъ на костре, и только спустя 100 лѣтъ послѣ мученической смерти Гуса Лютеръ могъ свободно стоять на сеймѣ за свои убѣжденія и умереть своею смертію, а германскій императоръ Карлъ V, когда ему предложили поступить съ Лютеромъ такъ же, какъ съ Гусомъ, настоялъ на свободѣ Лютера, сказавъ, что не хочетъ покраснѣть, какъ его предшественникъ, т. е. Сигизмундъ IV, отказавшійся отъ своей охранной Гусу грамоты. Такимъ образомъ, спустя 100 лѣтъ, даже въ лагерѣ враговъ Гуса стали понимать, какое позорное дѣло было совершено надъ нимъ въ Констанцѣ. Духъ же національной свободы, столь родной Гусу и всему славянству, сталъ служить путеводнымъ свѣточемъ для всѣхъ выдающихся чешскихъ дѣятелей: Юрія Подѣбрадскаго, гуситскихъ историковъ Ланфана, Шрека, далѣе: Амоса Каменскаго, Добровскаго, Юнгмана, Палацкаго, Шафарика, Коллара, Ганки, до сихъ поръ живъ еще и воплотился въ братской намѣ Чехіи. И теперь, черезъ 500 лѣтъ, можно положительно сказать, что озвѣрѣвшее тупоуміе, хотѣвшее мучительною казнію Гуса погасить огонь его проповѣдей, навсегда заронило къ нѣмцамъ въ чешскомъ народѣ зародышъ недоѣрія, что послѣднему и помогло, несмотря на многолѣтнее мрачное и тяжелое иго Габсбурговъ, сохранить свою славянскую народность.

Крупный нашъ знатокъ всеобщей исторіи профессоръ В. И. Герье считаетъ личность Гуса центральной въ исторіи среднихъ вѣковъ, потому что движеніе поднятое имъ, касалось самой важной и самой трудной по изученію стороны челоѣческаго быта—вѣрованной души, т. е. высшихъ тайниковъ чувства и мысли.

Гусъ родился 6 іюля 1369 г. въ Чехіи въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, Прагискаго округа, близъ Баваріи; происходилъ изъ крестьянъ и такимъ образомъ всѣмъ высокимъ положеніемъ впоследствии онъ обязанъ былъ исключительно самому себѣ, своимъ природнымъ дарованіямъ. Образование получилъ въ Прагскомъ университетѣ, удостоенъ здѣсь степени магистра, былъ деканомъ и дважды ректоромъ. Одновременно съ университетомъ онъ принимаетъ священство и назначается настоятелемъ въ Прагѣ обширной Виолеемской часовни. Современники говорятъ о Гусѣ, что онъ былъ одаренъ великимъ пронципательнымъ умомъ, сильнымъ краснорѣчіемъ, скромностію и строгостію нрава, почти доведенными до полного аскетизма. Съ внѣшней стороны онъ казался блѣднымъ, изможденнымъ. Слогъ Гуса до сихъ поръ поражаетъ насъ удивительною логикою, искренностію убѣжденій и почти

прозрачною чистотою его души. Конечно, при такихъ способностяхъ, его проповѣди въ Виелеемской часовнѣ привлекали огромныя толпы слушателей, а имя проповѣдника становилось народнымъ.

Съ горячностію Гусъ возставалъ противъ людскихъ грѣховъ и пороковъ, а въ особенности также противъ господствовавшей роскоши и разврата въ католическомъ духовенствѣ. Повидимому подъ вліаніемъ жившаго въ чешскомъ народѣ преданія о начатіи здѣсь христіанства отъ Святого Меѳодія по обрядамъ Восточной церкви, Гусъ началъ настаивать на принятіи причастія мірянами не какъ католики—только тѣла, но и крови Христовой—причастія изъ чаши, отъ чего гуситы назывались чашниками, или причастія подъ обоими видами, и на дорогомъ чешскому народу причащеніи младенцевъ по духу первобытнаго христіанства. Гусъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ злоупотребленіямъ, происходившимъ въ средѣ папской власти, въ видѣ индульгенцій, или отпущенія грѣховъ за плату и къ возмутительной одновременной наличности трехъ папъ, послужившей началомъ т. н. „великаго раскола“ въ Западной церкви. Когда одинъ изъ этихъ папъ Іоаннъ XXIII объявилъ крестовый походъ противъ Неаполитанскаго короля съ прощеніемъ заочно грѣховъ каждому, кто пойдетъ только за него, папу, Гусъ возмутился и сталъ говорить на проповѣдяхъ противъ догмата о непогрѣшимости папы.

Въ Пражскомъ университетѣ происходилъ диспутъ по поводу ученія извѣстнаго англійскаго ученаго Виклефа, также написавшаго книгу противъ власти папъ, а защитникомъ послѣднихъ явился близкій товарищъ Гуса по университету Палечъ, искажавшій слова англичанина: Гусъ съ горячностію указалъ подтасовку и воскликнулъ: „другъ мнѣ Палечъ, но другъ мнѣ и истина, отдаю преимущество послѣдней“.

Какъ ректоръ университета славянскаго, самъ славянинъ, какъ человѣкъ, желавшій видѣть торжество правды въ современномъ обществѣ, Гусъ никакъ не могъ помприться съ дѣйствительностію, до него установившеюся, что изъ четырехъ голосовъ правленія университета три, или большинство, принадлежали нѣмцамъ, а одинъ только чехамъ. Такъ какъ Гусъ зналъ, что Пражскій университетъ основанъ по уставамъ болѣе древнихъ университетовъ Болонскаго и Парижскаго, гдѣ какъ разъ наоборотъ націоналамъ предоставлялось три голоса, а иностранцамъ одинъ, Гусъ при поддержкѣ своей духовной дочери, жены чешскаго короля Венцлава IV и своихъ пражскихъ друзей, добился въ 1409 году году королевскаго подтвержденія за чехами трехъ голосовъ въ своемъ

университетѣ, а за нѣмцами одного. Послѣдніе почти всё бросили Пражскій университетъ, а потомъ всякими путями постарались очернить Гуса и способствовали обвиненію его на соборѣ.

Но торжество Гуса было непродолжительно. По многимъ доносамъ, по приказанію папы, всё книги Виклефа въ Чехіи было приказано сжечь, а Гусу явиться къ папѣ для отвѣта. За Гуса заступился король Венцлавъ и проповѣдникъ вмѣсто себя отправилъ къ Іоанну XXIII своихъ защитниковъ. Папа продержалъ ихъ въ заключеніи почти полтора года, Гуса отлучилъ отъ церкви, а на городъ Прагу наложилъ индигтъ, или лишеніе права совершать здѣсь священныя службы.

Взволнованный, Гусъ написалъ свое воззваніе къ Іисусу Христу, которое потомъ его враги поставили ему въ преступленіе противъ авторитета папы; въ немъ онъ говоритъ, что „апеллируетъ къ Владыкѣ и Праведному Судіи, Который знаетъ, защищаетъ и судитъ правое дѣло, чье бы то ни было“. Изъ Праги онъ удалился въ Козій городокъ и здѣсь сталъ продолжать свои проповѣди. Народъ стекался къ нему массами со всей Чехіи. Здѣсь онъ написалъ свой извѣстный трактатъ „о церкви“, сходящійся во многомъ съ положеніями Виклефа, и нѣсколько разсужденій о сохраненіи чистоты чешскаго языка, подготовилъ также на родномъ языкѣ новый переводъ Библии.

Между тѣмъ, для исправленія всёхъ церковныхъ дѣлъ и въ частности вопроса о соблазнительной наличности трехъ папъ, Іоаннъ XXIII принужденъ былъ въ ноябрѣ 1414 г. созвать соборъ въ швабскомъ городкѣ Констанцѣ и на него пригласилъ къ отвѣту Гуса. Въ обезпеченіе свободнаго пребыванія на соборѣ Гусъ получилъ охранную грамоту отъ самого Императора Сигизмунда за его подписью, съ которою и отправился на соборъ. Но повидимому Гусъ не очень довѣрялъ чести своихъ враговъ: передъ отъѣздомъ онъ написалъ бумагу, которую поручилъ „не вскрывать до тѣхъ поръ, пока не получится точныхъ свѣдѣній о его смерти“. Въ другомъ письмѣ къ своимъ ученикамъ онъ какъ бы въ предчувствіи говоритъ, что „считаетъ себя счастливымъ умереть мученикомъ за святое дѣло“.

Въ Констанцѣ Гусъ лишь нѣсколько дней находился на свободѣ, даже говорили, что папа снялъ съ него отлученіе и позволилъ посѣщать церковь, но происки враговъ дѣлали свое дѣло, и вскорѣ онъ былъ подвергнутъ заключенію—сначала въ монастырѣ, а затѣмъ въ мрачномъ замкѣ Готлибенѣ на берегу Боденскаго озера. Нѣсколько разъ, въ присутствіи папы и императора, горячо защищалъ свои убѣжденія Гусъ на соборѣ, но ему все время ставили условіемъ отреченіе отъ заблужденій, изложенныхъ въ ученіи Виклефа. Гусъ возражалъ, что не можетъ солгать, что это ученіе Виклефа, а не его. Тогда на

соборъ постановили лишить Гуса священства и сжечь его на кострѣ. Но и въ самый день исполненія приговора 23 іюня 1415 г. по нашему стилю, въ послѣдній разъ, попробовали уговорить Гуса.—„Отъ какихъ же заблужденій,—отвѣчалъ онъ,—вы мнѣ предлагаете отречься: я никакихъ заблужденій за собой не знаю. Призываю Бога во свидѣтели. что цѣлью моей проповѣди было учить только отвращать людей отъ грѣха. Съ этой истиной, проповѣдуемой мною согласно съ Святымъ Евангеліемъ, я готовъ радостно встрѣтить смерть“.

Какъ во все время своихъ допросовъ, такъ и въ день казни, Гусъ показалъ рѣдкую стойкость воли. Въ моментъ, когда зашелъ споръ между прелатами, что взять для его разстриженія, бритву или ножницы, онъ имѣлъ еще присутствіе духа замѣтить императору: „Смотрите, они не могутъ даже согласиться на счетъ моего униженія“. По разстриженіи, на бѣднаго страдальца надѣли бумажный колпакъ въ видѣ митры, съ изображеніемъ чертей и надписью: „Ересіархъ“. Гусъ при этомъ съ твердостью сказалъ: „Съ радостью надѣваю этотъ позорный вѣнецъ изъ любви къ Тому, на Кого надѣли вѣнецъ терновый.“ Когда же прелаты произнесли проклятіе: „*Animam tuam devovémus diábolis infernis*“, т. е. „предаемъ твою душу адскимъ демонамъ“, Гусъ воскликнулъ: „А я предаю ее милосердому Богу.“

На большой площади въ Констанцѣ былъ уже заготовленъ костеръ. около котораго столпились принцы, кардиналы, епископы, монахи, женщины, народъ и войска и только одинъ близкій Гусу человекъ, сопровождавшій его изъ Праги,—графъ Глумъ. Гуса привели сюда, привязали къ столбу и зажгли костеръ. Съ поднятымъ къ небу челомъ мужественно встрѣтилъ свою мучительную смерть Гусъ, до послѣдняго издыханія пропнося по чешски: „Иисусе, сыне Божій, помилуй мя!“ Пепель отъ его тѣла бросили въ озеро, чтобы послѣдователи не сдѣлали его предметомъ почитанія, но гуситы соскоблили землю на мѣстѣ казни и увезли ее въ Прагу.

Такъ погибъ Янъ Гусъ въ развѣтѣ сплѣ, имѣя всего 46 лѣтъ отъ роду. Враги свѣта и истины хотѣли задушить его благородную душу, но задушили только слабое тѣло, а могучій духъ его продолжаетъ жить между нами, служить звеномъ къ единенію славянъ, въ особенности чувствуясь теперь въ нашемъ заступничествѣ за Сербію, въ выступленіи чешской дружины рука объ руку съ русскими войсками. Черезъ 500 лѣтъ послѣ гибели Гуса въ міровой исторіи совершился полной круговоротъ: могучія силы, бывшія противъ Гуса и его народа въ видѣ долгаго историческаго сближенія тевтоновъ съ

латинскою расою, распались по частямъ, и прежній процессъ латино—нѣмецкой группировки массъ въ настоящее время переходить къ благопріятной для насъ группировкѣ Латино—Славянской. Пусть духъ Гуса разсѣваетъ временами врывающуюся тьму въ славянствѣ, крѣпитъ наши характеры, служа символомъ братства, чистоты, искренности и довѣрія въ отношеніяхъ между всѣми славянскими племенами во вѣки вѣковъ.

500 лѣтъ назадъ, въ далеко ушедшей отъ насъ эпохѣ среднихъ вѣковъ, среди тьмы нравовъ тогдашняго человѣчества съ его уродливыми предрасудками, суевѣріями, вѣрою въ вѣдьмъ и лѣшихъ, съ другой стороны—среди полного произвола и нравственного развала, паденія силы, которая должна была стоять на стражѣ общественной совѣсти, когда на престолѣ „Камня“ церкви Христовой, св. Петра, съ твердостью принявшаго мученичество за исповѣдь Божественнаго Учителя, была лишь кучка интригановъ, равшихъ папскую власть каждый къ себѣ, не дававшихъ мірскаго успокоенія, отпускавшихъ за деньги грѣхи для своихъ личныхъ удовольствій,—изъ этой среды вдругъ появился яркій лучъ свѣта. Появился онъ въ богатѣйшей тогда въ Европѣ странѣ, намъ единоплеменной—Чехіи, и какъ всегда бывало съ нашимъ славянствомъ, племенемъ крайностей, дававшимъ или смѣшное, или очень великое, появился колоссъ мысли. воли и вѣры.

Для духовнаго дѣла, гдѣ расцвѣлъ великій человѣкъ, нуженъ былъ подвигъ, а для подвига—страданіе, мученичество. Инерція же массъ къ католицизму въ массахъ была еще сильна, прекрасные актеры-прелаты ловко на ней играли; за нѣмцами, схватившими въ свои тиски Чехію, тогда къ сожалѣнію еще стояли латинскія расы. Однако Гусъ стойко и твердо сталъ на высотѣ своего положенія—быть проповѣдникомъ человѣчеству Божіей правды. Онъ высоко и честно понесъ свой свѣтильникъ не въ угоду человѣческихъ страстей, а для ихъ исправленія. Честолюбцы, думавшіе только о самихъ себѣ, хотѣли захватить и Гуса въ свои сѣти, они требовали отъ него только одного слова: „отрекаюсь“. Но Гусъ былъ не наемникъ, а „пастырь добрый“, онъ не захотѣлъ измѣнить истинѣ, не захотѣлъ ни однимъ даже косвеннымъ намекомъ омрачить свой долгъ на высококомъ посту „пастыря“ и положилъ „душу свою за овцы своя“.

Враги и палачи Гуса, приведя его на костеръ и предавъ жестокой мучительной казни, торжествовали его униженіе, его позоръ. Какъ паразиты, полѣзли нѣмцы потомъ на чешскую душу, но подвигъ Гуса указалъ, что дѣлать чехамъ: на его смѣну, какъ лава, двинулись гу-

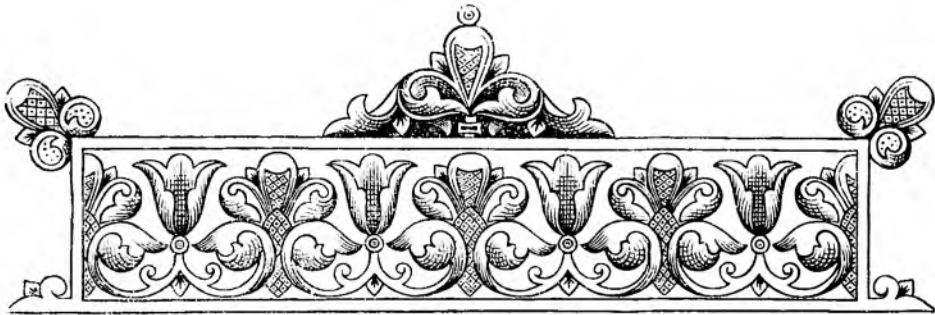
ситы на паразитовъ, задали имъ жестокою шварку и трепку, отогнали ихъ отъ своей души, и она осталась славянскою. Теперь очередь славянства отогнать ихъ же отъ крѣпкаго чешскаго тѣла, и можетъ быть этотъ просвѣтъ уже виденъ.

Для насъ теперешній костеръ въ память 500 лѣтія кончины Гуса—символь чистоты. Намъ, людямъ, закалившимся въ обычныхъ дризгахъ и житейской сутолкѣ, хотя разъ въ году нужно вспомнить не огонь костра Гуса, а огонь его проповѣди, проникнуться его завѣтами, что въ единеніи славянства наша общая сила и слава, наше будущее, наша свобода, наша самобытность, наша самостоятельность.

Вѣчная память Гусу и да здравствуетъ единеніе Славянства!

И. С. Бѣляевъ.

Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ въ Нижегородской губерніи ¹⁾.

„Въ царствѣ простонародной русской жизни повсюду воздвигнуты драгоцѣннѣйшіе памятники славянской старины. Для меня,—говоритъ въ рукописи авторъ,—нѣтъ возможности открыть эти памятники повсемѣстно въ Россійской Имперіи, но мнѣ извѣстна хорошо русская народность въ той части Россіи, Нижегородской губерніи, гдѣ я родился и имѣю постоянное пребываніе“.

„Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ этой части заключаются преимущественно въ области народнаго языка, въ области народнаго русскаго быта и въ области простонародной русской словесности“.

По мнѣнію автора, эти памятники народнаго языка даютъ „матеріалы къ открытію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отдаленнѣйшихъ событій въ общихъ судьбахъ Славянъ съ другими древними народами Европы и къ достиженію происхожденія праотцевъ русскаго народа. Они проявляются въ сродствѣ славяно-русскихъ словъ съ нѣкоторыми древними языками европейцевъ и съ древними же историческими извѣстіями, азіатскими географическими названіями и именами людей“.

¹⁾ Подъ такимъ названіемъ въ рукописномъ отдѣлѣ Нижегородскаго учен. архив. комисіи попалась намъ довольно объемистая рукопись неизвѣстнаго автора, которая, судя по выцвѣтшей бумагѣ, оборотамъ рѣчи и сдѣланнымъ въ ней ссылкамъ на источники, написана въ 60-хъ гг. XIX столѣтія. Изъ всѣхъ разбросанныхъ въ ней свѣдѣній, къ несчастію, очень скудныхъ и отрывочныхъ, о языкѣ, одеждѣ, обычаяхъ, суевѣріяхъ и народномъ весельѣ, оказались болѣе интересными выводы автора о нарѣчіяхъ (говорѣ) тамошнихъ крестьянъ, почему въ нѣкоторой передѣлкѣ рѣшаемся сообщить ихъ съ приведенными образцами юмористическаго народнаго творчества.

Въ произношеніи крестьянами Нижегородской губерніи онъ видитъ сходство славяно-русскихъ нарѣчій съ древнимъ языкомъ Грековъ и Латинъ. Такъ, напримѣръ, нижегородцы говорятъ вмѣсто болтаю—залакаю, типаю—кусаю, идемъ—адя, твердѣю—калѣю, равно-значуще латинскому calleo, присвоваю—хапаю (отъ латин. глагола capio), жую—мямлю (похожее на mondo), падаю—ляпаюсь (отъ labor), дождить—плюхать (pluo), упадаю—рухаюся (vuo); русское слово „точить“ (torno) въ Нижегородской губерніи замѣняется произношеніемъ „торить“. Въ латинскомъ языкѣ „свинья“ переводится „scrofa“, у нижегородцевъ же „скуреха“ означаетъ подлую женщину.

На основаніи такого сходства славяно-русскихъ словъ съ греческими и латинскими названіями, „чего нѣтъ въ другихъ языкахъ Сѣвера Европы“, авторъ старается доказать, что „Славяне переселились въ Европу изъ предѣловъ Южной Азіи“.

Нижегородскіе памятники славянской старины заключаютъ въ себѣ, говоритъ онъ, „отгѣнки, какъ древнихъ состояній Славянъ въ политическомъ бытѣ, такъ и позднѣйшихъ событій между народами, въ предѣлахъ Россіи нынѣ обитающими“. Они проявляются не въ словахъ только, но и въ народныхъ нарѣчійхъ, которыхъ въ Нижегородской губерніи насчитывается пять: чисто-великорусское, заволжское, ветлужское, запьянское и яготское¹⁾.

На первомъ нарѣчій говорятъ нижегородскіе крестьяне, обитающіе на южной сторонѣ р. Оки и на западной—р. Волги, въ уѣздахъ Горбаговскомъ, Нижегородскомъ, почти во всемъ Арзамасскомъ, Книгининскомъ, часто Макарьевскомъ и Васильсурскомъ. Нарѣчіе заволжское распространено по восточной сторонѣ р. Волги и сѣверной—р. Оки, въ большей части уѣзда Макарьевского, Семеновскомъ и Балахнинскомъ. Ветлужское произношеніе сохранилось только въ одномъ Макарьевскомъ уѣздѣ среди крестьянъ, обитающихъ около р. Ветлуги. Запьянское—по южной сторонѣ р. Пьяной въ уѣздахъ Сергаческомъ, Лукояновскомъ и во всемъ почти Ардашевскомъ. Яготское же нарѣчіе употребляется только въ одномъ Лукояновскомъ уѣздѣ среди крестьянъ селъ Михалкова, Майдана, Новой Слободы, въ Карадыкинѣ, Елфимовкѣ, Сиресяхъ и Васильевѣ Майданѣ.

¹⁾ Причиной обилія нарѣчій авторъ выставляетъ смѣшанность населенія и административное дѣленіе губерніи въ разное время. Вліяли на мѣстный языкъ укшуйники, бродяги, проходившіе по прямому пути въ Сибирь и по всей длинѣ Волги. Ближе къ послѣдней—по берегамъ—выговоръ чище, а чѣмъ дальше въ глубь,—нарѣчія принимали иной, болѣе грубый отгѣнокъ, однако въ зависимости отъ того, въ какую сторону—къ Москвѣ или къ Вяткѣ и Ветлугѣ (Гостромѣ).

Великорусское нарѣчіе нижегородцевъ представляетъ противъ извѣстныхъ нарѣчій центральныхъ областей большую разность въ произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ, сокращеніи двухъ въ одинъ, опущеніи согласныхъ и перемѣщеніи удареній. Напримѣръ слова „небеса“ нижегородскіе крестьяне выговариваютъ „нибіоса“ „на свѣтъ“—„на свѣти“, „твоя“—„твѣ“, „поймалъ“—„пымалъ“, „сомнѣваться“—„сумнѣватца“, „читаетъ“—„читать“ и т. д.

Нарѣчіе это распадается здѣсь на два „діалекта“—обыкновенный и такъ называемый „съ висока“. Послѣдній отъ перваго отличается тѣмъ, что въ начальныхъ слогахъ вмѣсто гласнаго звука „О“ ставится „А“. „Окно“ произносится „акно“, „стоять“—„стаять“ и т. п. Какимъ образомъ употребляется тамъ обыкновенное простое великорусское нарѣчіе въ связной и понятной рѣчи,—это можно видѣть изъ слѣдующей крестьянской побасенки о чувствахъ.

„Посли дѣлавои пары вздумалась одному швецу иттить попортничать. Вотъ онъ и пошолъ въ Чувашу. Солучилось ему иттить мимо рѣки. Онъ подошелъ къ рѣкѣ, да да-ка, бать, у биреговъ то я пощупаю, нѣтъ ли рапныхъ норъ. Вотъ онъ и давай шчупать. Норъ та нашолъ многа, да всіо пустыя. Изъ одной только норы вытащылъ рака. Да ужъ и ракъ! зато! Съ осмытѣкъ (съ ошметокъ). Вотъ онъ положилъ рака въ пазуху, да и пошолъ къ чувашскѣй деревни. Вошолъ въ деревню, да и спрашивать съ крайнѣва двора подъ каждымъ окошкѣмъ! нѣтъ ли у каво штыть чаво? Въ одномъ дому бабимъ голосѣмъ велѣли ему войтить въ избу. Онъ вошолъ, хватъ-анъ въ избѣ та одна только Чувашка. Слово за слово, да Чувашка та и бать! „ядискать дома то топерь одна. Мы-дискать съ мужомъ двоя только живьомъ, да онъ ушолъ въ лѣсъ къ зими дрова готовить. Двѣ-дискать ночи начовалъ въ лѣсу, да и нони не придьотъ начовать“. Вотъ Чувашка покалякала съ швецомъ, да и пошла коровъ доить. А на дворѣ та была ища не больна поздна; ища можна была и ищо поспрашивать работки. Вотъ швецъ и думать—„какъ бисъ хозяина штыть Чувашки одьожу? Пожалуй худа слова наживьошь. Вить она хѣтъ и хозяйка дому, да всіо въ дому ни властелинъ. Какъ хозяйинъ та придьотъ, да бранить будіотъ за ита. Да иша, шутя, и денягъ за работу ни отдасть. Ты, скажить, зачѣмъ бисъ хозяина слушалъ бабы? Такъ и бери съ нейо деньки та! А съ бабы чаво взять? Правду бають, кто съ бабѣй связицца, самъ—баба. Да постой жи! Я такъ ту отъ тея ни пойду! Я ешучу што-нибуть съ тобой“.—Вотъ швецъ глядитъ въ избѣ на всѣ стороны. Увидалъ, у бабы стоитъ на печи квашня съ хлѣбнымъ притворѣмъ (шестомъ). Онъ взялъ да рака та изъ пазухи

въ квашню та и втискаль. Чувашка вошла съ дойничай въ избу.— „Вотъ Чувашка,—швецъ и говорить,—ты што, matka, хочишь шить та?“—Она ему бать: „бѣлэй кафтанъ“.—„Нѣтъ, бать, я кафтана шить теѣ бисъ хозяина не стану. Я при хозяини приду хъ теѣ и сошью кафтанъ. Прощай покамисть! Я ицо пойду искать работы.“—„Ну инъ, прощай,—молвила Чувашка,—да смотрѣй жа на послезавтра безпреминна приходи“.—Швецъ ушолъ: чиресъ три двора опять швеца вскрычали въ избу работать. Вотъ пришла ночь. На другой день поутру Чувашка гдять въ квашню мѣсить хлѣбы, анъ тамъ ракъ бараблицца. Вотъ она, съ роду, знать, ракогъ та ни видала, испужалась, выбигла на ульцу, да и давай жарить „карауль“! Всѣй деревни Чуваши сбѣглись къ чувашкину двору. „Што ты, бають ей, кричишь?“— „У меня, бать, чортъ въ квашнѣ!“—Вотъ ввалили къ Чувашки въ избу, и швецъ взошолъ съ ними жа. Тотъ подождогъ хъ квашнѣ посмотреть, другой поглядить, и всѣ боятца взяти въ руки рака. Услыхалъ тревогу чувашскэй старѣста, идьогъ къ Чувашки въ избу.— „Што, бать, у васъ тутъ сдѣлалась?“—„Да вотъ не знай хто та хъ баби въ квашню залѣсь!“—„Нутка я посмотрю“.—Подошолъ старѣста, посмотреть въ квашню, да и гѣворить всѣмъ Чувашэмъ, кои въ избѣ были:—„А какъ вы думати, што эта въ квашнѣ сидитъ“.—Одинъ Чувашэнъ баятъ: „эта чортъ!“—Другой баятъ: „эта дьявэлъ“;—третій баятъ: „эта акаинней“.—„Нѣтъ! всѣ вы робята хвастати,—баятъ имъ старѣста.—Эта не чортъ и не дьявэлъ, а эта што-нибудь другая. Кесъ эта портной! Паглядитка!—вотъ у него и ножинки въ рукахъ и кончики въ губахъ“.—„Ну, такъ молодець ты, Оома Премеичъ“,—закричали въ одинъ голосъ всѣ Чуваши.—„Катца (кажется) ни хто экъ не дѣгатца, какъ ты дѣгадался“.—Баятъ:—„И такъ эта портной! Вишь, какъ ножницами та онъ хлопать.—Такъ подати жа,—вынести ево на волю! пускай онъ идьогъ, куда ему нады“.—„Да, помайжи ево!—сказалъ старѣста.—Вишь, какъ онъ сердечней изморался!“—Взяли да и давай пока мыть въ водѣ надо всѣмъ ведромъ. А какъ та вырвался, да въ ведро та бухъ пряма на дно, да и давай по дну задомъ пойзать.—„Робята!—сказалъ швецъ,—ита приньось рака та:—я самъ—портной и портныхъ этихъ знаю. Онѣ одьожу шьютъ водянымъ шутовкамъ и живутъ въ водѣ. Вы посмотрити, какъ онъ водѣ та рагъ. Возмити ка да ево въ воду отнесити. Эта ево сдѣшна хозяйка накликала. Она всю тужить, шта у ней бѣлѣва кафтана нѣтъ“.— „И такъ выдна, дядюшка!—сказали Чуваши.—Спасибо теѣ шта надумилъ ты насъ!“—Взяли рака въ ведрѣ да и бухъ ево въ пруть:— „Шей, ракъ, шутовкамъ одьожу!“—Плоха Чуваши объ раки толковали. И Русскимъ худа судить—рядить объ незнамэмъ. Одинъ схвастатъ,

другой соврѣоть, а третій пцо переврѣоть. На экихъ Русскихъ такъ же смѣшно глядѣть, какъ смѣшно была смотреть шведу на то, какъ Чуваши объ раки тылковали“.

На „діалектъ съ висока“ авторомъ приведена такая побасенка о татарской трусости:

„Адинъ мужикъ малолѣ вмѣсти съ татаринѣмъ на мельницы рошѣ. Вотъ онѣ мелютъ да и расбались кажнѣй онѣ своѣй вѣры. Адинъ бать, „руска вѣра лутчи“, а другой бать, „татарска вѣра лутчи“. Рускѣй бать: „не всѣ вѣры гажы, а котора нибуть адна хѣроша. Кабы татарска вѣра была хѣроша, лутчи рускѣй, то-бы русскихъ малитвъ черти ни баялись, а то только пирхрестись да сатвари малитву,—малитвай всѣхъ чертей пажготъ, и ни адинъ ни прикачьютца ни къ адному челѣку“. А Татаринъ бать:—шта татарскихъ малитвъ черти пуши баятца, не есь русскихъ.—Мельникъ въ эвта время былъ въ анбари и всю слушалъ, што бали Рускѣй съ Татаринѣмъ. „Постой!—самъ сеѣ думать,—я съ табой сдѣлаюсь, татарскѣй лоць!“—Да какъ увидалъ, шта пришла ночь, и Татаринъ дамалолѣ,—пашолѣ сагнулѣ изъ ивинки абручикъ, придѣлалѣ къ нему рага, да этатъ абручикъ на голову сеѣ и надѣлѣ, а рожу та закрылѣ ись синей тряпки харей, а вмѣста гласъ та прилѣпилѣ къ хари та жирбейки мышинава агня, адѣожу та всю скинулѣ дѣ нага, да сажей весь вымаралса, да и пашолѣ на ту дарогу, гдѣ нада была Татарину іѣхатъ. А по этай дароги та тпгла рѣчка, а чирезъ рѣчку та мостикъ. Вотъ онѣ сѣлѣ надѣ мостикомъ да и даждатца, какъ паѣдитъ Татаринъ. Татаринъ іѣхалѣ съ возѣмъ дамой. Мельникъ услышалѣ да и сталѣ сереть мосту, да такъ та рывкнулѣ, шта самому та стала страшна. Татаринъ испужалса, да и давай на татарски малитву тварить. „Алла багамета! Алла багамета!“ А мельникъ адно стаить, да ревьотъ. Вотъ Татаринъ за мѣста русской малитвы и давай крычатъ: „Усья Харесья! Усья Харесья!“ Мельникъ услышалѣ эта, да бухъ въ воду. Татаринъ ну-ка назатъ на мельницу. А мельникъ послѣ ево вымался да дамой; абрядился анятъ,—ни узнатъ. Татаринъ выпрекъ лошатъ, идеть въ анбаръ,—„Чуть, бать, инда языкъ этъ помѣшалса. Ну, бать. Рускѣй, правда ты балъ: ваша вѣра лутчи нашей. Пѣка я дарогой то іѣду, а шайтанка та и стаить на масту да такъ и ревьотъ, ровна медвѣтка, да весь черна, а глаза-ти, ровна угли. Я давай па татарски малитву творить: „Алла багамета. Алла багамета!“ Шайтанка всео стаить. Я ну-ка па руски: „Усья Харесья!“ Шайтанка бухъ въ воду.—„Ни хваличь Татары, шта иха вѣра крѣпка. Можа быть въ ихнихъ книгахъ крѣпка залавѣдана, да

Татары та не крѣпки въ вѣри. Падн-ка Рускава экъ испужай. Рускѣй умрѣють скарѣа, а сваей вѣры ни пахаты!“

Нарѣчіе заволжское отличается отъ другихъ тѣмъ, что многія слова произносятся съ сокращеннымъ прибавленіемъ въ нихъ другихъ гласныхъ буквъ, такъ предъ звукомъ „А“ прибавляется звукъ „Э“, предъ „Е“ и „Б“ слышатся буквы „І“ и „Ы“, предъ „О“—„У“, предъ „У“—„І“ или „Ы“, предъ „Ы“—часто „Э“. Напримѣръ, „хата“ выговаривается „хатэа“, „на дворѣ“—„на дворіѣ“, „на улицѣ“—на улицѣѣ“, „палати“—„палатеи“, „сито“—„ситуо“, „штаны“—„штанэы“. Кромѣ того звуки „Ю“ и „Я“ составляются изъ двухъ буквъ „іу“ и „іа“, хотя буква „і“ произносится сокращенно, едва замѣтно, такъ примѣрно: „гляжу“—„гліаіжу“, „люблю“—„ліубліу“, „дядя“—„діадіа“. Дательный и творительный падежи множественнаго числа въ этомъ нарѣчій часто произносятся или въ единственномъ числѣ, или въ другомъ падежѣ. Въмѣсто того, чтобы сказать: „поди дай лошадямъ корму“, заволжскіе нижегородцы говорятъ такъ: „подеи задэай корму лошадей“, или „пойдемъ за лошадьми“—произносятъ: „пойдеіомъ за лошадіамъ“. Для показанія употребленія этого нарѣчія въ связной рѣчи, авторомъ приведенъ слѣдующій разсказъ о Татарахъ.

„У однуую Татэаринеа на гумную свиньэа пришлэа, да и давэай горуохъ тюхтеитъ. Вуотъ Татэаринъ глядеитъ на свеннью: „назэамъ“ (не замай),—говорентъ,—іѣсть чуортэава скотенна, обожреіотца да окаліѣтъ“. Свинья нажраласіа, пошлэа на кліучъ да испеіла. Испившеи опіать пришлэа къ горохоу іѣсть; поыѣлэа да у певуо жэа въ омеіотъ въ солуому зарѣыласъ да и леглэа. Татэаринъ глядеитъ! „Посгуой,—говарентъ,—чуортова скотенна, я съ тобуоу едѣіаіусъ: я сожгыу тебіа!“ Взіаль огніа да и въ омеіотъ саунуль. Вуотъ омсіотъ и задрэалъ. Хвэатъ рускэа свинья ушлэа, а татэарскэй деріевни руовна ни бывуала.—Кабэы не дуріенъ татэаринъ бэылъ,—не стэаль бэы свиньѣ горуохъ травэитъ да въ омеіотеи огнеіомъ еіо палеситъ, а взіаль бэы хоруошу чепыженну, то бэы и рускэа свинья ушлэа и татэарскэа деріевніа былэа бэы цѣлэа.“

Ветлужское нарѣчіе имѣетъ сходство съ нарѣчіемъ заволжскимъ, но различается отъ него тѣмъ, что въ немъ вмѣсто звука „Ч“ всегда почти употребляется буква „Ц“, а соединенные звуки „жсь“ и „сь“ выговариваются „ць“ и „сь“. Слово „черный“ на этомъ нарѣчій произносится „ціорнуой“, „Ветлужскій“—„Ветлуцькуой“, „Русскій“—„Руськуой“ и т. д. Для большаго уясненія отличительныхъ свойствъ такого говора авторомъ приведена небольшая побасенка о Черемисахъ.

„Одеинъ Черемесинъ напелся пьянѣй, взлѣсь на палѣати, лѣокъ да и плацентъ: „худуо моѣо дѣло! кѣакъ я типіерь буду зыть туо? Кѣакъ пахѣать туо стѣану?“—Онъ, дураліей, думалъ, штѣа віѣкъ быудить пьянѣй!“

Въ нарѣчїи запьянскомъ всегда слышится „Ц“ вмѣсто буквы „Ч“, и на оборотъ, вмѣсто „Ц“ употребляется „Ч“, звуки „Д“ и „Т“ въ сложенїи съ гласными „Е“, „И“, „І“, „Ъ“, „Ю“ и „Я“ и полугласной „Ь“ замѣняются сложнымъ звукомъ „дз“ или буквой „Ц“. Напримеръ, слово „чарка“ произносится „царка“, „дитя“—„дзиця“, „гдѣ“—„гдзѣ“, „дѣтель“—„дзяцель“, „терѣтъ“—„церѣтъ“, „тиски“—„циски“, „тюря“—„цюра“, „хотеніе“—„хоценіе“, „грусть“—„грусь“ и т. д.

Подобно великорусскому (нижегородскому) нарѣчїю, послѣднее также имѣетъ два „діалекта“: обыкновенный и „съ высока“. На первомъ говорятъ немногіе сосѣдніе съ поселенцами по р. Пяной крестьяне. Въ родномъ селѣ Пяномъ бору жители его не употребляютъ. а „балакають“ по-великорусски. Повидимому въ большемъ употребленїи оно въ населенныхъ Мордвинами уѣздахъ Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ, ближе къ Пензенской губерніи. Поэтому и существуетъ на этомъ „діалектѣ“ басня о мордвинахъ.

„Какъ-та Рускѣй съ Мордзвинѣмъ работали вмѣсти на Волги, да вмѣсти оттоли и дамой пошли. Вотъ они шли пуцьомъ-дорогѣй. да оба прїустали. Вотъ Мордзвинъ и выдумалъ штуку.—„Давай, бать, Руской, попиремѣнна одзинъ другова несци за корчѣшками. Поколи я цяя буду несци, ты пѣсьню пой, а какъ ты спѣошь пѣсьню,—я на цяя сяду, ты меня неси до цѣхъ поръ, коли я пѣсьню спою“.—Рускѣй дзѣлами смекнулъ.—„Пожалуй, бать, Мордавинушка, я на ита сугласинъ. Ну, а преждзи сѣць на цяя ни сугласинъ. Давай жерьбїй мецьпѣомъ,—кому ково напирьотъ доостатца весьци“.—Метнули жерьбїй. Напирьотъ досталѣсь весьци Рускѣму Мордзвина. Мордзвинъ сѣлъ Рускѣму за корчѣшки, сидитъ да пѣсьню пойотъ, а Рускѣй слушать да везьотъ. Вотъ Мордзвинъ спѣлъ пѣсьню. Рускѣй сѣлъ на Мордзвина да и запѣлъ бисконешну пѣсинку: „ци-ли-ли, ци-ли-ли“. Вотъ Рускѣй сидитъ да пойотъ, а Мордзвинъ слушать да везьотъ. Вьоретъ дзесиць провьось Рускова да спрашивать: „што, Рускѣй, вся ли тва пѣсьня?“—„Нѣтъ, бать, Мордзвинушка, не вся исча!“ Мордзвинъ вьось, вьось, безъ моци сталъ. Упалъ Мордзвинъ съ усташку, а у Рускѣва пѣсьня не вся исча.—„Ну, бать, Рускѣй, хоть вся, хоть не вся тва пѣсьня, а мнѣ отдыхать пришлось. Твѣи ци-ли-ли меня съ нокъ свалили“.—Мордзвинъ остался, а Рускѣй исчо вьоретъ дзесиць ушолъ. Вотъ це Морд-

звиня! зацѣбилъ на сву шею съ Рускѣмъ возица. Пу, гздѣ Мордзвину уѣманецъ Рускѣва? Ушъ уѣманитъ ли, нѣтъ — Рускѣй Мордзвина“.

На запѣянскій „діалектъ съ висока“ въ найденной рукописи записано другое сказаніе о походе Мордвы же.

„Адзинъ Мардзвинъ хадзилъ по лису, свиней искалъ. Хадзилъ онъ цѣлѣй дзень, ни нашолъ свѣхъ свинушекъ. Да таво дзѣла дашло, шта толька плакаць Мардзвину. Вотъ онъ и молвилъ таку рѣчь: „шта кабы нашлись май цушиньки, я бы свѣцку поставилъ Кузьмѣ-Дзимьяну!“ Ни наспѣлъ онъ вымалвиць такой рѣчи, анъ свиньци и бигуть. Мардзвинъ абрадывался: „Ахъ вы, цушиньки, батъ, мои матушки, и го шта вы нашлись. Я виць цуць за васъ свѣцку ни поставилъ Кузьмѣ-Дзимьяну“. Вотъ какой мардзосѣкѣтъ разумъ. Па абесчяню свѣчки паставиць имъ жалъ. Дарѣмъ, шта хрещочы. Да што объ нихъ баць та. Ани хужи ни хрещочныхъ та. Правду людзи бають: „Мордва ни хрещились, а толька абманули Христа Бацюшку!“

Въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ послѣднее нарѣчіе, яготское, имѣетъ въ томъ своеобразный оттѣнокъ, что гласные звуки „Е“ и „Ъ“ произносятся на немъ, какъ „Я“. Напримѣръ вмѣсто „его“ говорить „яго“, ѣдятъ — „ядятъ“. Буква „Г“ выговаривается свободно безъ всякаго отличія отъ произношенія великороссійскаго; но безгласное „Б“ въ соединеніи съ буквой „Т“ произносится мягко „Ть“. При томъ въ разговорной рѣчи часто употребляются присловья „ажа“ и „жити“, подобно тому, какъ у насъ говорятъ „ажъ“. „Ажъ страшно стало“ — „ажа страшна“. Иногда употребляется это слово въ смыслѣ „когда то, однажды“, или по славянски „во время оно“.

„Ажа адинъ Мордвинъ абжанился, да и взялъ жити за себе дѣвку тяжову. Аѣа жити черезъ нядѣлю абрадилась. Ажа Мардвинъ паѣхалъ на базаръ да и купилъ пятьдесятъ двѣ калыбѣли. — „На што жити ты сѣстѣлъ накушилъ калыбѣлей?“ — люди яго спрашиваютъ. — „У мяне ди хозяйка черезъ нядѣлю апосля сватѣбы мнѣ рябенка радпла. А въ гаду то ди пятьдесятъ жити и двѣ нядѣли, такъ мнѣ нада пятьдесятъ и двѣ калыбѣли“. — Ажа онъ и подумалъ, дуралей, шта жона яго кажную жити нядѣлю па рябенку радить яму будить“.

Какъ замѣчаетъ и авторъ, въ приведенныхъ примѣрахъ связанныхъ нижегородскихъ нарѣчій „выражается острая критика на тѣхъ инородцевъ, которые извѣстны тамошнимъ русскимъ крестьянамъ“. На самомъ же дѣлѣ, Мордва, Чуваши и Татары далеко не глупы. Напротивъ въ дѣйствіяхъ ихъ отражаются оттѣнки разума здраваго. Слѣдовательно,

насмѣшки Русскихъ надъ ними' произошли не отъ того, а отъ характера Русскихъ и отъ чувствованія, что они въ имперіи народъ владычествующій. Русскій крестьянинъ никакъ не согласится на то, чтобы умъ инородца могъ сравняться съ умомъ Русскаго. Онъ гордится своей любовью ко всему родному и хвалится, что родился и слыветь Русскимъ.—Инородцы, однако, равнодушно переносятъ эти шутки и даже Мордва и Чуваши рассказываютъ сами о себѣ подобныя басни, заключая ихъ тѣмъ, что нынѣ не только Русскіе обманываютъ ихъ, но и они—Русскихъ.

П. Ю.

ЗАПИСКИ ІОСИФА ПЕТРОВИЧА ДУБЕЦКАГО*)

Сыновьямъ моимъ Владиміру, Аркадію, Виктору.

Будите убо мудры яко змѣи и цѣли яко голубіе.

Матѣ. Гл. X. ст. 16.

Разставаться съ міромъ, не оставивъ по себѣ памяти, не утѣшительно для человѣка, занимавшаго нѣкоторую степень въ обществѣ и предназначавшаго себя для высшей сферы. Покрайней мѣрѣ, я желаю оставить вамъ, милые дѣти, хотя краткое свѣдѣніе о пути, по коему я прошелъ трудное поприще моей мятежной жизни.

Вы теперь юны и не можете понимать разсказовъ о происшествіяхъ, обуревавшихъ мою жизнь и имѣвшихъ на нее вліяніе. Но придетъ время, когда вы въ зрѣломъ возрастѣ будете, такъ сказать, бесѣдовать со мною, когда меня уже не будетъ.

*) Авторъ записокъ до самой смерти своей не зналъ о происхожденіи рода своего, и этотъ вопросъ онъ обошелъ молчаніемъ. Но сынъ его Владиміръ Іосифовичъ Дубецкій, въ связи съ дѣломъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Онуфрія Петровича Дубецкаго, брата автора записокъ, человѣка также не чуждаго словесности (О. П. Дубецкій былъ первымъ переводчикомъ Плутарха), былъ вынужденъ обратиться къ источникамъ архивнымъ, и послѣ переписки съ департаментомъ герольдіи, отправился въ Вильну. Изъ виленскихъ архивовъ В. І. Дубецкій добылъ весьма любопытныя бумаги, указующія, что родъ Дубецкихъ идетъ изъ Литвы, гдѣ въ старину онъ носилъ имя Дубецкихъ съ гербомъ Огончиковъ. Въ Польшѣ существуетъ также родъ Дубецкихъ, но не имѣющій общаго съ Дубецкими. Дубецкіе были униатами.—Въ запискахъ же І. П. Дубецкаго читаемъ, что послѣ личнаго своего подвига І. П. былъ награжденъ Государемъ, кромѣ другихъ милостей, еще и потомственнымъ гербомъ. Такимъ образомъ, самъ того не зная, І. П., а за нимъ и потомки его, получили два герба—жалованный Іосифу Петровичу гербъ Дубецкихъ, и древній гербъ Огончиковъ. Случай довольно рѣдкій.

Проживши болѣе полувѣка и я имѣлъ на сценѣ государственной жизни свою роль;—не важную,—это правда; зато былъ современникомъ событій и въ нѣкоторыхъ или участвовалъ самъ, или былъ очевидцемъ.

Но кто вамъ объ этомъ расскажетъ?..

Изъ официальныхъ документовъ вы узнаете, что Отецъ вашъ, проведши большую часть жизни на службѣ, былъ 16 лѣтъ на военномъ поприщѣ и въ эту эпоху участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами за Кавказомъ и въ Турецкую войну; а въ продолженіе гражданской службы, былъ Совѣтникомъ, Прокуроромъ, Предсѣдателемъ и наконецъ, въ Вице-Губернаторскомъ званіи окончилъ длинный періодъ служенія.

Но эти указанія будутъ далеко не удовлетворительны. Вы, вѣроятно, пожелаете знать, какими судьбами брошенъ я былъ изъ Россіи во Францію, изъ Франціи въ Грузію, изъ Грузіи въ Европейскую Турцію, опять въ Грузію, въ Еривань, изъ Еривани въ Вильну, изъ Вильны въ Сибирь, изъ Сибири въ Петербургъ, въ Одессу и наконецъ въ Тамбовъ. Кто вамъ расскажетъ подробности этихъ переходовъ? Кто вамъ расскажетъ про мою частную жизнь,—которая, то весела и беззаботна, то горестна и несчастлива, постоянно сопровождалась строгою нравственностію.

Все это вы узнаете хотя вкратцѣ изъ моихъ повѣствованій. Любовь моя къ вамъ такъ велика, что я и за гробомъ хочу бесѣдовать съ вами.

Въ этой идеѣ я рѣшился написать эти записки, не для печати и не для свѣта, но собственно для васъ, мои милые дѣти, на тотъ предметъ, дабы вы, читая ихъ, могли видѣть по какому длинному и трудному пути шла моя жизнь, вездѣ и всегда неразлучна съ честію и благородствомъ. Послѣдуйте въ семъ отношеніи Божественному глаголу: будьте мудры яко змѣя и цѣли яко голубіе.

Заповѣдую вамъ, честность, трезвость, цѣломудріе и вѣрность Отечеству и Государю. Исполните этотъ завѣтъ. Это будетъ наилучшею наградою моихъ объ васъ попеченій и неограниченной моей къ вамъ любви.

Іосифъ Дубецкій.

Огь 1816 по 1828 годъ.

I.

Отъѣздъ за границу. Пребываніе во Франціи.
Возвращеніе въ Россію. Походъ въ Грузію. Мугам-
ская степь.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, положившей предѣлъ воинственному генію героя-вождя, 15 лѣтъ потрясавшаго Европу своимъ грознымъ оружіемъ, первостепенныя державы: Россія, Австрія, Пруссія и Англія предложили оставить на три года во Франціи свои корпуса, для удержанія въ спокойствіи сильнѣйшей партіи Наполеона, коего одно имя могло поднять сотни тысячъ приверженцевъ, сѣтовавшихъ въ тиши.

Четыре союзные корпуса съ бригадою Датчанъ, были подчинены Ватерлооскому побѣдителю Генераль-Фельдмаршалу Герцогу Велингентону, коего Гофъ-Квартира была въ Камбре, а отъ этой крѣпости по всей сѣверной Франціи расположены были помянутыя войска.

Россійскій корпусъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской. Корпусная квартира была въ кр. Мобежъ.

9 Пѣхотная дивизія:

Аншеронскій	}	пѣхотные полки.	Начальникъ дивизіи Генераль-Лейтенантъ Удомъ. Дивизионная квартира въ кр. Авелъ.
Нашембургскій			
Якутскій			
Рижскій			
10 } 35 } Егерскіе			

12 пѣхотная дивизія:

Смоленскій	}	пѣхотные полки.	Начальникъ дивизіи Г.-Л. Лисневичъ. Дивизионная квартира въ кр. Мобежъ.
Нарвскій			
Повонгерманландскій			
Алексопольскій			
41 } 6 } Егерскіе			

Драгунская дивизія:

Смоленскій	}	Конные полки.	Начальникъ дивизіи Г.-Л. Алексѣевъ. Дивизионная квартира въ кр. Ретелъ.
Тверской			
Курляндскій			
Клиббургскій			
два Донскіе Казачіе.			

Артиллерія пѣшая и конная по комплекту.

Командиромъ этого корпуса былъ Генераль-Лейтенантъ, Генераль-Адъютантъ, Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ*); — вельможа въ полномъ значеніи слова. Онъ былъ ласковъ, милостивъ, щедръ, доступенъ и не гордъ. За то, онъ былъ необыкновенно любимъ войсками.

Войска эти, потерпѣвшія разстройство отъ войны, были укомплектованы людьми изъ другихъ полковъ, а за лошадьми велѣно послать ремонтеровъ въ Россію.

Старшій братъ мой Григорій Петровичъ**), занимавшій значительное мѣсто въ Корпусѣ и пользовавшійся расположеніемъ Графа Михаила Семеновича, по особенной заботливости объ насъ, рѣшился воспользоваться благоприятными обстоятельствами и выписать во Францію меня и брата Василя Петровича, для окончанія наукъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній. Посему съ однимъ изъ ремонтеровъ, Поручикомъ Смоленскаго полка Яковлевымъ, я и братъ мой отправлены были за границу 8 Сентября 1816 года.

Графъ М. С. Воронцовъ, одобрившій этотъ поступокъ брата Григорія Петровича, оказалъ въ семь дѣлъ особенное покровительство своимъ сильнымъ содѣйствіемъ. Намъ дозволено было отправиться во Францію для окончанія наукъ; а если пожелаемъ опредѣлиться на службу, то разрѣшено было обучаться въ какомъ либо учебномъ заведеніи внѣ полка, до производства въ Офицеры, съ тѣмъ, что Юнкерская служба наша будетъ считаться за дѣйствительную.

Дорога наша, хотя продолжительная, была весьма приятна и полезна. Мы ѣхали въ легкомъ собственномъ экипажѣ (въ бричкѣ) на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, съ отставнымъ Гусаромъ Павломъ (фамиліи не помню), который былъ и кучеръ, и поваръ, и дядька. Этотъ превосходный человекъ смотрѣлъ и ухаживалъ за нами, какъ за родными дѣтьми.

Слѣдовали мы чрезъ:

Брестъ-Литовскъ,
Варшаву,
Калишъ,
Глогау,

*) Гр. М. С. Воронцовъ побѣдилъ Наполеона въ личномъ сраженіи подъ Краснымъ. П. В. (младшій).

**) Онъ былъ Надворный Советникъ, Корпусный Оберъ-Провіантмейстеръ, Начальникъ подвижнаго запаснаго парка и членъ Ликвідаціонной Коммисіи; имѣлъ 2 ст. Анны съ брилліантами, Владиміра 4 ст. и Лежювъ Допёръ на шеѣ.

Кенисбергъ,
 Веймарнъ,
 Бамбергъ,
 Мангеймъ,
 Мецъ,
 Седанъ и
 Мобежъ.

Въ концѣ Ноября 1816 года мы прибыли въ Г. Бове, къ брату Григорію Петровичу.

Погостивъ нѣсколько дней, я и братъ Василій помѣщены были въ Лицей въ Г. Дуэ;—а чтобы время для службы не было потеряно, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы были опредѣлены Юнкерами въ 41 Егерскій полкъ.

Получивъ въ Россіи коллегіальное образованіе, я могъ почти держать экзаменъ на степень студента, но въ Лицеѣ была для меня остановка за незнаніемъ французскаго языка. Отличныя способности и неусынное трудолюбіе подвинули меня такъ быстро, что менѣе чѣмъ въ годъ, я говорилъ и писалъ по французски лучше, нежели по русски.

Вскорѣ оказалось, что кругъ Лицейскаго образованія былъ для меня недостаточенъ. Посему братъ Г. П. рѣшился везти меня въ Парижъ, для изученія математическихъ наукъ, если не возможно будетъ помѣстить въ Политехническую школу. Ибо предположеніе было, служить въ артиллеріи или въ генеральномъ штабѣ. Въ семъ намѣреніи, въ Сентябрѣ 1817 года, я оставилъ Лицей, а въ Октябрѣ прибылъ съ братомъ въ Парижъ. Въ Политехническую школу поступить было невозможно, и по слабости познаній въ Математикѣ и потому, что я былъ не французскій подданный. По этой причинѣ, братъ рѣшился оставить меня въ частномъ домѣ, съ тѣмъ, чтобы я занимался науками приватно. Были отысканы и договорены отличные люди и по нравственности и по познаніямъ. Литтературѣ обучалъ меня Профессоръ Манье; Математикѣ, славный воспитанникъ Политехнической школы. Комтъ, и музыкѣ, первый скрипачъ Королевскаго оркестра, Картье.

Помѣстился я въ части стараго Парижа: Rue de Laharpe, hôtel de Nasjau, № 85.

Квартира моя была въ бельэтажѣ; состояла изъ двухъ просторныхъ и опрятныхъ комнатъ, съ мебелью и постелью, и стоила 20 фран-

ковъ въ мѣсяцъ. Столъ я имѣлъ по билегамъ. Обѣдъ былъ изъ четырехъ блюдъ съ десертомъ, безъ кофе и вина. За 30 билетовъ я платилъ впередъ 45 фр. и каждый разъ, когда обѣдалъ, отдавалъ вмѣсто денегъ билетъ. Этотъ самый столъ, безъ абонировки, стоялъ два франка. За завтракъ, заключавшійся въ большой чашкѣ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ, я платилъ 15 су. Двумъ учителямъ платилъ по 100 и одному 50 фр. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ бюджетъ расходовъ моихъ простирался до 337½ фр. въ мѣсяцъ. А какъ братъ ассигновалъ мнѣ ежемѣсячно по 400 франковъ, то изъ остатка употреблялось на книги, бумагу, театры и прочіе расходы. Хозяинъ дома, отставной раненый Капитанъ,—и его сестра были честные и предобрые люди. Они содержали на откупѣ цѣлую отель, отдавали номера квартиръ и тѣмъ жили. На этой квартирѣ, очень для меня удобной и выгодной, я жилъ во все время пребыванія моего въ Парижѣ.

Для развитія въ обращеніи, я былъ отрекомендованъ и введенъ въ нѣкоторые дома, какъ то: Маркиза Ле-Нормана, Графа Клермона, Королевскаго Прокурора Жакино; но наилучше я былъ принятъ и обласканъ въ знаменитомъ коммерческомъ домѣ Бодена и Жоли.

Мнѣ было тогда 19 лѣтъ. Я былъ здоровъ, силенъ, статенъ и весьма пригожъ. Богъ одарилъ меня сильною волею и добрымъ сердцемъ, а связи съ людьми благородными утвердили въ строгой нравственности.

Братъ Григорій Петровичъ, оставляя меня въ Парижѣ, дѣлалъ много поучительныхъ наставленій относительно опасности Парижскихъ женщинъ, и наконецъ, какъ бы съ неудовольствіемъ, выразилъ сомнѣніе къ моему поведенію въ будущемъ. Конечно, въ этомъ видна была его искренняя обо мнѣ заботливость; за всѣмъ тѣмъ, это было слишкомъ строго съ его стороны. Мнѣ кажется, ему слѣдовало внушить мнѣ, чтобы я глушался распутства съ публичными женщинами, но чтобы, при случаѣ, не удаляясь отъ любовныхъ интригъ, былъ бы въ нихъ благоразуменъ, скрытенъ и остороженъ. Между тѣмъ это недобѣрчивое опасеніе задѣло сильно мое пылкое самолюбіе и я съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Братъ, вы меня худо знаете,—вотъ моя рука и слово честнаго человѣка. что, въ нравственномъ отношеніи, я явлюсь къ вамъ такимъ же, какимъ вы меня оставляете, хотя бы это стоило мнѣ жизни“.

Этотъ безразсудный обѣтъ стоилъ мнѣ весьма дорого. Былъ одинъ случай, не мимолетной, но серіозной сердечной связи, которымъ умѣй

я воспользоваться, пошелъ бы далеко и совершенно по другому направленію.

Въ домахъ, въ кои я былъ вхожъ, были прелестныя женщины, да сверхъ того были и другіе увлекательные случаи и я долженъ былъ бороться съ усиленіемъ, чтобы противустоять искушеніямъ и побѣдить себя. Богъ услышалъ мою мольбу, утвердилъ меня и никакіе соблазны не могли поколебать моей рѣшимости. Я сдержалъ мое слово въ строгомъ смыслѣ. — и явился къ брату такимъ, какимъ онъ меня оставилъ. Но подобная борьба была для меня столь тягостна, что въ одно время я схватилъ бѣлую горячку, былъ въ помѣшательствѣ около сутокъ и пролежалъ больной нѣсколько дней.

Въ Іюль 1818 года пріѣхалъ ко мнѣ братъ Василій Петровичъ, а 30 Августа мы оставили Парижъ.

Мы ѣхали съ братомъ въ дилижансѣ до Сенкантена, гдѣ ожидала насъ коляска съ лошадьми брата Григорія Петровича. Едва вышли мы изъ дилижанса, въ гостинницѣ Serf d'or, какъ кучеръ Феликсъ отдалъ намъ письмо брата, въ коемъ онъ извѣщалъ и поздравлялъ насъ съ производствомъ въ Офицеры (Мы произведены въ Прапорщики 3 Августа 1818 года). Эта пріятнѣйшая вѣсть надѣлала намъ такой бѣды, что мы отъ радости были какъ сумасшедшіе, и не спали цѣлую ночь: а полбутылки шампанскаго (другую половину отдали Феликсу) разстроило еще болѣе наше воображеніе. На другой день мы ѣхали въ пріятнѣйшихъ мечтахъ и все казалось намъ раемъ.

Обмундировавшись, какъ наилучше, мы прибыли въ полкъ, а чрезъ мѣсяцъ я былъ сдѣланъ Баталіоннымъ Адъютантомъ.

Императоръ Александръ I съ союзными Государями, послѣ Ахенскаго конгресса, произвелъ смотръ и маневры всѣмъ корпусамъ, кромѣ австрійскаго, на Ватининскихъ поляхъ подъ Валансіеномъ, а въ Октябрѣ весь корпусъ тронулся въ походъ въ Россію.

41 Егерскій полкъ, квартировавшій во Франціи въ Городѣ Катоде-Камбрези выступилъ съ мѣста 4 Ноября и шелъ по слѣдующему маршруту:

Като,
Живе-де-Шарлемонъ.
Рокроа,

Гуйль,
 Лиежъ,
 Намюръ,
 Ахенъ,
 Кельнъ, (на Рейнѣ)
 Кассель,
 Галле,
 Лейпцигъ,
 Калишъ,
 Варшава,
 Бѣлостокъ,
 Слонимъ,
 Слуцкъ,
 Бобруйскъ,
 Рогачевъ,
 Гомель,
 Стародубъ,
 Ромны,
 Харьковъ,
 Славяносербскъ,
 Аксай (на Дону),
 Ставрополь,
 Георгіевскъ,
 Екатериноградъ,
 Моздокъ,
 Владикавказъ

переходъ чрезъ Кавказскія горы по Дарьяльскому ущелью.

У Казбека переходили мы чрезъ ужаснѣйшій снѣговой заваль, подымавшійся надъ Тереконъ выше 100 сажень и завалившій Дарьяльское ущелье болѣе нежели на 7 верстъ.

Въ Г. Тифлисъ полкъ пришелъ 12 Октября 1819 года.

Главнокомандующимъ въ Грузіи былъ тогда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, Генералъ знаменитый, какихъ въ Россіи было не много, а Грузія, послѣ Князя Циціанова, не имѣла.—и, кажется, не скоро будетъ имѣть подобнаго. Послѣ его, въ продолженіи 23 лѣтъ, было шесть Главнокомандующихъ; но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ для Грузіи и десятой доли того, что сдѣлалъ онъ. Я былъ въ Грузіи во время военной службы 7 лѣтъ и во время Гражданской 4^{1/2} года;—въ

эти двѣ разновременныя и продолжительныя эпохи я узналъ край въ подробности и видѣлъ всѣ недостатки правительственной системы. Могу смѣло сказать, что эта превосходная и богатѣйшая сторона заслуживаетъ лучшей участи и достойна особеннаго вниманія Правительства;—но судя по состоянію Россіи, можно безошибочно предсказать, что много. много протечетъ еще времени, пока она станетъ на ряду съ благоустроенною Европою.

Полковая Штабъ-квартира 41 Егерскаго полка была тогда въ с. Квешахъ, въ Самхетин, Полковымъ командиромъ былъ Полковникъ Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, а я былъ Полковымъ Адъютантомъ.

1820 года Марта 2 дня одинъ баталіонъ 41 Егерскаго полка выступилъ въ походъ, въ Казакумыкское ханство. При этомъ баталіонѣ находился и я. Мы шли чрезъ Елизаветополь (Ганжа), гдѣ и провели всю святую недѣлю Пасхи.

На Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру былъ въ то время богатѣйшій рыбный промыселъ.

Осетры ловились въ такомъ множествѣ, что болѣе 300 человекъ рабочихъ едва успѣвали вынимать икру, а рыбу отдавали задаромъ, или бросали въ воду.

Проходя Елисуйское ханство, мы захватили оконечность Мугамской степи, изобилующей невѣроятнымъ количествомъ змѣй и разнаго рода гадовъ. Въ этомъ змѣиномъ царствѣ есть мѣста, чрезъ кои въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы никакое животное пройти не можетъ. Оконечность, чрезъ которую мы проходили, была до того покрыта черепахами и жабами, что трудно было найти чистое мѣстечко, чтобы послать бурку и во всю ночь почти никто не ложился.

Мугамская степь замѣчательна смѣртію Надиръ-Шаха.

Побужденный невѣдомымъ ему самому геніемъ, Надиръ быстро прославился завоеваніями и мечемъ проложилъ себѣ путь къ Шахскому трону. Покоривъ весь Иранъ и завоевавъ Индію, онъ забросилъ Россійскому двору сватовство, на великой Княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, знаменитой того времени красавицѣ.

Слабая и малодушная Анна, работавшая вмѣстѣ съ Россією подъ гнѣтомъ жаднаго и свирѣпаго Бирона, нашлась въ затруд-

нительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что посольство, или сватовство побѣдоноснаго жениха явилось внезапно въ Астрахани съ 10 т. конвоемъ, а самъ онъ съ полмилліономъ войска ожидалъ отвѣта на Мугамской степи. Некогда было долго разсуждать. Оставалось одно средство—прибѣгнуть къ всемірному побѣдителю,—и средство это удалось. 30 т. Голландцевъ положили предѣль замысламъ великаго завоевателя. Надиръ-Шахъ былъ убитъ ночью въ своемъ шатрѣ. Онъ былъ исполинскаго роста и силы нечеловѣческой, но княжалъ уравнялъ бой.

II.

Бунтъ въ Имеретіи.
Личный подвигъ.

Въ началѣ 1820 года въ Имеретіи сдѣлался бунтъ. Бывшій Правителемъ Имеретіи Г. М. Курнатовскій, по ограниченности ума и по малодушію довель народъ до возстанія. Вотъ про него анекдотъ.

Феофилактъ, Экзархъ Грузіи, мужъ замѣчательный по своимъ великимъ дарованіямъ, возвращался въ Тифлисъ въ началѣ бунта. Курнатовскій провожалъ его съ баталіономъ пѣхоты, съ 200 казаковъ и съ 2 орудіями. Феофилактъ, увидѣвши у квиральскаго поста стоящую невдалекѣ массу вооруженнаго народа, вышелъ изъ экипажа, сѣлъ на урядницкую лошадь и въ сопровожденіи двухъ казаковъ, офицера и переводчика, не смотря на ужасъ, объявшій Генерала Курнатовскаго, поѣхалъ къ толпѣ. Князья, дворяне и множество простаго народа ринулись къ нему, брали благословеніе съ благоговѣніемъ и даже цѣловали его платье.—Поговоривъ съ ними довольно долго, онъ возвратился благополучно къ отряду и, отвѣдя Курнатовскаго пемного въ сторону, сказалъ ему очень громко: „Генераль, этотъ грозный конвой не опасности ради, но ради вашего страха. Трусь ненавистенъ и людямъ и Богу. Дайте мнѣ вашу шпагу, а возьмите мой клубукъ,—и я вамъ покажу, какъ должно дѣйствовать съ негодяями, возмущающими народъ кроткій и мирный. Съ отрядомъ войскъ, съ которымъ вы меня конвоируете, я покорю всю Имеретію. Прощайте, Генераль, мнѣ не нужно никакого конвоя, я доѣду благополучно одинъ“.—

Генераль Курнатовскій былъ смѣщенъ, а поступившій на его мѣсто Полковникъ Пузыревскій, молодой человекъ съ умомъ и энергіею,—былъ застрѣленъ изъ ружья на переговорахъ. Тогда назначенъ былъ Правителемъ Имеретіи Полковникъ Князь П. Д. Горчаковъ, который потребовалъ меня къ себѣ въ Адъютанты. Получивъ о семь

предписаніе, я отправился изъ похода и прибылъ въ Кутаисъ 5 Мая, гдѣ уже былъ Генераль А. А. Вельяминовъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть вкратцѣ о причинѣ, произведшей бунтъ въ Имеретіи.

Грузія, принявшая христіанство еще въ 3 вѣкѣ, въ началѣ XIX столѣтія, въ отношеніи религіи находилась въ самомъ грубомъ и законсѣломъ невѣжествѣ.

Всякій помѣщикъ дѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ священниковъ и дьяконовъ по своему произволу, избирая ихъ изъ бѣдныхъ дворянъ и даже изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей, не заботясь нисколько о ихъ нравственности и грамотности; отчего оказывались такіе духовные пастыри, которые не только не умѣли писать, но даже не знали и читать; высшія же духовныя должности, какъ то: Митрополіи, Епископства, отдѣльные монастыри и т. п., имѣвшія значительныя удѣльныя имѣнія, и, слѣдовательно, весьма доходныя, замѣщались дворянами изъ первыхъ фамилій. Въ 1820 году мнѣ случилось видѣть въ монашеской рясѣ прекраснаго мужчину 27 лѣтъ отъ роду, который въ эти лѣта былъ уже Митрополитомъ. Онъ жилъ въ одномъ отдѣльномъ монастырѣ въ Рачинскомъ округѣ, коему принадлежало огромное имѣніе. Этотъ Митрополитъ*), изъ могущественнаго дворянскаго рода въ Имеретіи, урожденный Князь Цертель. Съ его старшимъ роднымъ братомъ, Княземъ Григоріемъ Цертелемъ, и у него обѣдалъ и гостилъ. Такимъ образомъ, въ Гелатскомъ Монастырѣ былъ Митрополитъ изъ роду Князей Яшвилей, въ Чкони изъ роду Князей Дадіановъ, въ Кутайсѣ—Софроній, урожденный Князь Цулукидзе, и однимъ словомъ, всѣ высшія духовныя должности въ Имеретіи, Гуріи и Мпнгреліи заняты были высшимъ дворянствомъ.

Для измѣненія столь вредной монополіи, увѣковѣченной временемъ, нуженъ былъ человѣкъ съ умомъ, сильною волею и съ властію нестѣсненною. При томъ же подобный переломъ въ народѣ полудикомъ и невѣжественномъ не могъ произойти безъ кровавыхъ усилій.

Въ это время явился подобный человѣкъ, какъ бы посланный свыше. То былъ Архіепископъ Феофилактъ, Экзархъ Грузіи и Име-

*) Митрополитъ Давидъ.

ретии, въ полной мѣрѣ достойный современникъ Ермолова. Великій умъ, обширное образованіе, и энергическій характеръ явили въ немъ замѣчательнаго государственнаго мужа, коему подобнаго. быть можетъ, и не было въ Россіи на поприщѣ духовной іерархіи. Онъ смѣло и повелительно приступилъ къ преобразованію и встрѣтилъ сильныхъ противниковъ въ Имеретинской іерархіи. Посему рѣшено было отправить въ Россію двухъ главныхъ сановниковъ Митрополитовъ: Гелатскаго и Кутаисскаго. При арестованіи ихъ поступлено было неделикатно; ибо противъ сопротивленія одного изъ нихъ употреблены въ дѣло приклады и штыки, такъ что Архипастырь, избитый и окровавленный, былъ связанъ и посаженъ на лошадь силою.

Для князей, неискренне расположенныхъ къ Русскимъ, причины этой было достаточно для поднятія знамени бунта.

Въ шесть или семь мѣсяцевъ спокойствіе было восстановлено. Человѣкъ 10 было повѣшено, нѣкоторые пали подъ ударами штыковъ, а другіе удалены въ Россію.

Личный подвигъ.

Главнокомандующій А. П. Ермоловъ, отправляя Начальника Штаба своего, Генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, для усмиренія бунта въ Имеретіи, поставилъ въ неперемѣнную обязанность щадить народъ, употреблять строжайшую справедливость въ разбирательствѣ участниковъ и неперемѣнно открыть главныхъ виновниковъ.

Сообразно сему, во всемъ употребляемы были кроткія и ласковыя мѣры, слѣдствіемъ коихъ было то, что Г. Вельяминовъ и К. Горчаковъ постоянно были окружены Имеретинскою, Мингрельскою и Гурійскою аристократіею, но никакими средствами не могли добиться, кто главные зачинщики и руководители бунта;—между тѣмъ, какъ убійства и варварства происходили вокругъ насъ.

Послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій,—въ одномъ небольшомъ сраженіи, бывшемъ въ Рачинскомъ Округѣ при переходѣ войскъ черезъ горный хребетъ, былъ взятъ въ плѣнъ раненый дворянинъ, по имени Ломъ-каце-Лежава*), Начальникъ бунтовщичьяго отряда. Онъ находился подъ арестомъ при отрядѣ, въ коемъ я былъ Адъютантомъ.

*) Лежава былъ типъ Азіатцевъ. Средняго роста, грудистъ, широкоплечъ, строенъ во всемъ корпусѣ. Физиономія умная, большіе черные глаза, носъ и ротъ пропорціональны

Отрядъ расположенъ былъ бивуаками на прелестнѣйшей равнинѣ, между горъ, орошаемой родниками и перерѣзываемой величественнымъ Ріономъ. Когда получено было предписаніе Главнокомандующаго повѣсить Лежаву, какъ главнаго бунтовщика, то при объявленіи ему смертнаго приговора, онъ просилъ меня принять отъ него послѣднюю волю и привести ее въ исполненіе.

По удаленіи постороннихъ зрителей и часовыхъ, когда остался я при немъ съ однимъ переводчикомъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ никогда не былъ главнымъ зачинщикомъ, но былъ одно лишь орудіе людей сильныхъ, главныхъ двигателей возмущенія, что вопреки его желанію онъ былъ избранъ и назначенъ Начальникомъ войска, что онъ не смѣетъ и думать о пощадѣ, но проситъ милосердія у Бога, а у Государя Императора испрашиваетъ милости для бѣдныхъ сиротъ: жены и маленькихъ двухъ его дѣтей, кои ни въ чемъ не виноваты. Я началъ его уговаривать открыть главныхъ зачинщиковъ бунта и объявилъ ему отъ имени Генерала, что чистосердечное во всемъ признаніе и раскаяніе спасетъ его жизнь, въ чемъ завѣрилъ его клятвенно. Долго боролся въ немъ разсудокъ съ желѣзною волею, наконецъ, побѣжденный увѣщаніями и нѣжностію къ женѣ и дѣтямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ вздохнулъ тяжело и заговорилъ протяжно: „Въ раскаяніи моемъ нѣтъ сомнѣнія, но средство доказать истину моихъ словъ такъ трудно, такъ трудно, что едва ли возможно исполнить его удачно. Впрочемъ да будетъ воля Божія. Я обязанъ вамъ благодарностію за ваши ко мнѣ милости. Я исполню вашу волю. Слушайте со вниманіемъ, ибо мнѣ отъ боли въ ранѣ очень тяжело говорить (Онъ былъ раненъ пулею въ самый пахъ и пуля оставалась въ немъ). На сей равнинѣ*), тамъ на берегу Ріона, подъ этими деревьями, было въ прошломъ году чрезвычайное собраніе князей, дворянъ, духовенства и нѣсколькихъ тысячъ народа. Въ этомъ собраніи положено истребить всѣхъ Русскихъ и избрать своего Царя. Положеніе это написано на бумагѣ, утверждено подписомъ и печатами главныхъ, а клятва запечатлѣна торжественною присягою на крестѣ и евангеліи. Послѣ сего избраны были Начальники войскъ. Я назначенъ командо-

и огромные черные усы. 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ извѣстенъ въ горахъ, какъ наѣздникъ, и удалой въ дѣлахъ. Я принималъ въ немъ искреннее участіе и всемірно старался облегчить его участь во все время нахождения его при отрядѣ. Онъ чувствовалъ это вполнѣ, ибо сказалъ мнѣ однажды:

—Адьютантъ, я сокрушаюсь, что не могу отблагодарить васъ за ваше милостивое вниманіе. Богъ видитъ это, онъ васъ наградитъ.

*) На этой самой равнинѣ мы стояли въ то время на бивуакахъ.

вать въ Рачѣ. Я отказывался отъ этаго назначенія, ибо увѣренъ былъ и доказывалъ, что это предпріятіе безразсудно и кромѣ гибели многихъ ничего не обѣщало. Но меня и слушать не хотѣли. Къ моему несчастію, я былъ извѣстенъ въ народѣ и приобрѣлъ нѣкоторую славу храбраго наѣздника, да при томъ я былъ въ связяхъ съ горцами, въ Сванстахъ, Лечгумѣ, Цебельдѣ и Абхазіи. По этой причинѣ мнѣ вручена была помянутая грамота для дѣйствій при наборѣ войскъ. А какъ я неохотно за это дѣло брался, то для обезпеченія вѣрности съ моей стороны, жену мою и двухъ маленькихъ дѣтей задержали въ замкѣ Князя Георгія Цулукидзе, какъ аманатовъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ моей измѣны, эти несчастные должны быть преданы смерти. Такимъ образомъ, я долженъ былъ покориться моему жребію, ибо не могъ воспротивиться. Предвидя послѣдствія этой безумной и несчастной войны, при прощаньи съ женою, это было недавно, когда я отправлялся съ войсками защищать переходъ черезъ горы, я вручилъ ей помянутую грамоту и объяснивъ всю ея важность, я приказалъ беречь ее наравнѣ съ жизнію и отдать оную мнѣ, если возвращусь живъ, или тому, кто предъявитъ ей условленный знакъ. Жена моя, какъ я уже сказалъ, содержится и теперь въ замкѣ Кн. Г. Цулукидзе, въ 8 или 9 верстахъ отсюда, поѣзжайте къ ней;—увидѣвшись безъ свидѣтелей, возьмите лѣвую ея руку и скажите по русски: здравствуй!—Она васъ спроситъ: винъ-арисъ? (кто?)—вы ей отвѣчайте по грузински: Лежава тхвени мегобари (Лежава твой другъ) и отдайте ей эту куди*); тогда она вручитъ вамъ ту грамоту. Таковъ былъ мой съ нею договоръ,—она исполнитъ его свято. Тогда вы узнаете все. Но прошу васъ, дѣйствуйте осторожно. Силою оружія ничего не сдѣлаете, повѣрьте мнѣ. Напротивъ при малѣйшей неосторожности, Князя Цулукидзе, Абашидзе, Яшвили и Эристовы, находящіеся при отрядѣ, догадуются въ чемъ дѣло,—и тогда жена моя и дѣти падутъ подъ ударами кинжала, все подымется, и,—кто знаетъ, можетъ быть, гибель постигнетъ всѣхъ васъ. Не забудьте, что вблизи въ горахъ много народа вооруженнаго въ сборѣ и ожидаютъ лишь сигнала. Никогда не должно слишкомъ полагаться на силу оружія. Счастіе и въ войнѣ такъ же обманчиво, какъ и во всѣхъ дѣлахъ. Не оставляйте моей жены и дѣтей“.

Доложивши обо всемъ Генералу, мы начали совѣщаться и рѣшили, что безъ этого важнѣйшаго документа арестовать князей не

*) Куди, шапка, суконный кружокъ, вершковъ въ 5 или 6 въ діаметрѣ, подшитый матерією, который составляетъ Имеретинскую шапку, накладывается на голову и прикрѣпляется шелковымъ снуркомъ подъ подбородкомъ.

возможно; ибо Дулукидзевыхъ. Яшвилей. Эристовыхъ и прочихъ очень много, и всѣ они увѣряютъ въ преданности къ Россіи, но кто изъ нихъ другъ, кто недругъ, разгадать трудно; а на одномъ голословномъ показаніи Лежавы основаться нельзя. Намъ извѣстно было, что Азіатцы дорого продаютъ свою свободу и что поэтому, арестъ считается у нихъ наравнѣ со смертію. Слѣдственно, подвергнуть, при арестованіи, убійству невинныя жертвы, значило подвергнуть себя самага величайшей отвѣтственности, особенно предъ такимъ строгимъ и справедливымъ Главнокомандующимъ, каковъ Ермоловъ. По этой причинѣ нужно было добыть помянутую грамоту во чтобы то ни стало. Но какъ ее добыть?... Добраться до жены Лежавы, содержавшейся у главныхъ зачинщиковъ, не давъ имъ никакого подозрѣнія, было дѣло весьма и весьма нелегкое,—несмотря на то, что Князь Георгій Дулукидзе нашей службы Полковникъ, съ брилліантовою Анною на шеѣ и получалъ пенсіона 1.000 руб. сереб., несмотря на то, что онъ сынъ его Симонъ и братъ Леванъ находились при отрядѣ. Съ одной стороны, мы крайне были озадачены тѣмъ, что большая часть князей, находившихся при отрядѣ, главные зачинщики бунта;—мы этого никакъ не подозрѣвали; но Лежава навелъ насъ на эту мысль, а онъ былъ не такой человѣкъ, которому можно не вѣрить, тѣмъ болѣе, что это было его предсмертное показаніе. Слѣдовательно, предсказаніе его, что малѣйшая неосторожность погубить его жену и дѣтей, повредить отряду и испортить все дѣло, было совершенно справедливо. Съ другой стороны, самое состояніе отряда, при таковыхъ обстоятельствахъ, было не безопасно. Ибо въ отрядѣ было 6 ротъ 7 карабинернаго полка, 2 р. Херсонскаго гренадерскаго, 2 р. Мингрельскаго, 2 р. 44 Егерскаго, два орудія артиллеріи и сотня донскихъ казаковъ, всего подъ ружьемъ около 2 т. чел. Между тѣмъ какъ князей, дворянъ и при нихъ пѣшаго и коннаго вооруженнаго народа, находилось при отрядѣ до 500 чел., а нѣсколько тысячъ залегали въ горахъ въ самомъ близкомъ разстояніи, такъ, что, при внезапномъ ночномъ нападеніи, борьба была бы очень невыгодна, а можетъ быть и гибельна для отряда.

Было о чемъ подумать,—но и задумываться долго не было времени;—ибо столь затруднительное положеніе требовало мѣръ быстрыхъ, рѣшительныхъ и величайшей осторожности. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, мое мнѣніе принято и по немъ составленъ былъ планъ дѣйствія, для исполненія его нуженъ былъ офицеръ умный, сметливый (хитрый) и особенно неустрашимый. Жребій палъ на меня,—и дѣло состоялось такъ: мнѣ дали самыхъ отборнѣйшихъ 25 карабинеровъ,

при двухъ унгерь-офицерахъ и барабанщикѣ, съ прапорщикомъ Княземъ Тумановымъ и 10 человекъ донскихъ казаковъ при урядникѣ. 2 роты карабинеровъ, съ капитаномъ Индутнымъ, придвинуты были къ самому ущелью, по коему мнѣ надлежало идти,—и наконецъ, весь отрядъ изготовился къ бою, облепившись отъ рандевъ, мундировъ и прочаго. Все эти распоряженія были сдѣланы втайнѣ; мнѣ же дано было, для отвлеченія вниманія, предписаніе, отправиться съ 25 ряд. и сжечь одну, покинутую бунтовщиками деревню, лежавшую верстахъ въ 20 отъ дома Кн. Цулукидзе. Въ это время, дома бунтовниковъ жглись, а скотъ ихъ забирали для войскъ.

Для большей ясности разсказа, здѣсь я долженъ упомянуть о себѣ. Говоря по строгой справедливости, въ оное время, 22 лѣтъ отъ роду, бывъ удалымъ наѣздникомъ и охотникомъ къ лошадямъ, оружію и женщинамъ, я былъ весьма любимъ тамошнею молодежью, ибо сходился съ ними во вкусахъ; а привлекательная наружность, и особенно вѣжливое и ласковое обращеніе съ откровеннымъ радушіемъ, еще болѣе скрѣпляли наши связи. На семъ основаніи, палатка моя почти всегда была набита пріятелями Имеретинами, въ числѣ коихъ и Князь Симонъ Цулукидзе, сынъ князя Георгія, почти каждодневно пилъ у меня чай, пуншъ и проч. и проч.

Въ 8 часовъ утра прелестнаго лѣтняго дня*), я выступилъ изъ лагеря. Молодой князь Симонъ Цулукидзе, съ двумя конными Имеретинами, былъ со мною въ видѣ проводника. Въ двухъ верстахъ отъ отряда расположился капитанъ Индутный, а отъ него на дорогѣ до дома Кн. Цулукидзе, на разстояніи 6 или 7 верствъ, я оставилъ 6 конныхъ казаковъ не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи, скрытыми въ кустахъ: дабы, въ случаѣ тревоги, они ту же минуту дали знать отряду выстрѣлами изъ пистолетовъ. Казаки эти, по условленному знаку, оставались по дорогѣ сами, какъ будто остаются поправить что либо у сѣдла, или для нужды.

Часа чрезъ два пути, я вышелъ съ моимъ маленькимъ отрядомъ изъ ущелья на равнину, на коей, влѣво отъ дороги, красовался небольшой домъ Кн. Цулукидзе, а вправо, у самой подошвы крутыхъ горъ, возвышалась древняя каменная башня на обрывистой скалѣ. На полянѣ, отгнѣяемой изрѣдка огромными чинарами и орѣхами, было болѣе 300 человекъ вооруженнаго народа; изъ коихъ, одни стояли въ кучкахъ, облокотясь на ружья, другіе сидѣли и курили трубки.

*) Не могу сказать навѣрное числа, но кажется, что это было въ Августѣ.

Я остановился съ людьми у самой дороги, близъ двухъ деревень и двухъ большихъ кустовъ какого-то растенія. Тотчасъ явился ко мнѣ Князь Сико Цулукидзе, братъ Кн. Георгія и, поздоровавшись, просилъ въ домъ. Я пошелъ, и князь Симонъ отрекомендовалъ меня и Кн. Туманова Княгинѣ, своей матери. Эта женщина по уму и красотѣ извѣстна была во всей Имеретіи. Въ молодости славилась интригами, а подл старость, ей было лѣтъ 40, ворочала, какъ хотѣла и своимъ мужемъ и чужими. Она приняла меня чрезвычайно ласково и признаюсь, поразила меня своею проникательностью. Вопросы ея о Лежавѣ были такъ хитры и такъ быстры, что мнѣ трудно было уничтожить ея подозрѣніе. Хотя положительный отвѣтъ мой, что Лежава приговоренъ къ смерти, а жена его къ ссылкѣ въ Сибирь,—и былъ ей очень по сердцу, за всѣмъ тѣмъ, эта хитрая женщина чувствовала другое.

Есть предчувствія вѣрныя, непостижимыя для насъ самихъ. Это удивительный феноменъ въ природѣ человѣка.

Княгиня находилась въ такомъ безпокойствѣ, что я при всемъ моемъ краспорѣчїи, и Кн. Тумановъ, отличный и умный переводчикъ, не могли вполнѣ ее успокоить. Обстоятельство это было весьма кстати, оно невидимо навело меня на новую дорогу и дало совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Мысль мелькнула,—и я сказалъ:—теперь жена Лежавы можетъ кого нибудь, безъ вины, вовлечь въ бѣду.

—Какъ такъ? спросила Княгиня.

—Какъ жена государственнаго преступника, приговоренная въ Сибирь, она ни кѣмъ не должна быть передерживаема. Ибо, не говоря о томъ, что передержательство ея можетъ навлечь подозрѣніе на того, кто станетъ держать ее въ своемъ домѣ или имѣніи; самое передержательство, даже простыхъ преступниковъ, подвергаетъ строгому наказанію по законамъ.

—Ахъ, Боже мой! возразила Княгиня съ испугомъ, да вѣдь она въ нашей деревнѣ. Вотъ еще новыя хлопоты. Что съ ней дѣлать?

—Отдайте мнѣ. Я доставлю ее князю Горчакову, который въ этомъ поступкѣ увидитъ ваше искреннее расположеніе къ русскому правительству, отвѣчалъ я.

При этихъ словахъ Княгиня вперила свои черныя большіе глаза въ своего сына, а сынъ смотрѣлъ вопросительно на мать, и оба другъ у друга спрашивали взорами: какъ тутъ быть?

Желая воспользоваться минутою ихъ затруднительнаго опасенія и не дать имъ времени опомниться, я взялъ Кн. Симона за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ ему чрезъ Кн. Туманова: по обязанности службы моей, я долженъ сказать князю Горчакову, то, что я слышалъ отъ Княгини вашей матери: что жена Лежавы скрывается въ вашемъ домѣ или вашемъ имѣннѣ. Вы знаете Князь, какія это навлечетъ бѣдствія; прошу же васъ, любезнѣйшій Князь, избавьте меня отъ неприятнаго доноса, а себя и родителей вашихъ отъ значительнѣйшей отвѣтственности. Дайте проводника и ваше приказаніе и я пошлю казака за этою женщиною. Спросите на это позволеніе у Княгини, а если нужно, то уговорите ее, только дѣйствуйте поскорѣе, ибо мнѣ некогда. я долженъ отправиться немедленно.

При этомъ Князь Тумановъ добавилъ:

—Да зачѣмъ тутъ утруждать Княгиню?—Ужели же князь Симонъ въ такой степени ничего не значитъ въ своемъ домѣ, что даже и тамъ, гдѣ нужно какъ наискорѣе отвратить бѣду, долженъ спрашивать позволеніе у матери?..

Князь Симонъ, какъ пылкій азіатецъ, вспыхнулъ отъ этаго упрека и съ гнѣвомъ отвѣчалъ князю Туманову:

—Да съ чего вы взяли, что бы я не могъ отправить эту дрянъ? Ужели вы полагаете, что Княгиня станетъ ее защищать?

—Что такое, что такое? спросила Княгиня,—и когда изъяснили подробно нашъ разговоръ, она закричала сыну:

—Сей же часъ пошли за нею,—и чтобы ни ея, ни ея дѣтей и на землѣ нашей не было.

Приказаніе было исполнено немедленно.

Чрезъ часъ эта женщина, съ служанкою и двумя дѣтьми, одинъ лѣтъ 4-хъ, а другой грудной, были приведены и сданы солдатамъ. Ее ввели между двухъ огромныхъ кустовъ, у коихъ стояли карабины; я съ к. Тумановымъ остался съ нею, а солдатамъ приказалъ стать и заслонить пустое мѣсто.

—Здравствуй,—сказалъ я ей, взявъ ея лѣвую руку.

—Винъ-Арисъ?—отвѣчала она, вздрогнувъ и утирая слезы.

—Лежава, тхвени мегобари. сказалъ я, показывая изъ кармана куди ея мужа. Она ее схватила, прижала къ груди, поцѣловала и зарыдала съ воплемъ. Но въ ту же минуту опомнилась, мигнула служанкѣ, которая тотъ же мигъ присѣла на землю, оторвала зашитый въ рубашкѣ подъ лѣвою мышкою пакетъ, и подала его мнѣ. Мы успокоили бѣдную женщину, сколько позволяло время, и отдали ее въ кружокъ грозныхъ усачей карабинеровъ, приказавъ беречь какъ наилучше.

Тутъ же, въ кустахъ, я и Кн. Тумановъ, удостовѣрились, что въ пакетѣ дѣйствительно содержится та самая грамота, о коей говорилъ Лежава.

Князь Симонъ еще дорогой просилъ меня отобѣдать у него въ домѣ и я ему обѣщалъ. Посему мы поспѣшили обѣдать.

Подъ огромнымъ вѣтвистымъ деревомъ, разостланы были ковры,—и вмѣсто стола, поставлена низенькая, длинная и широкая скамья,—но одной сторонѣ коей, раскинуты были шелковыя плоскія подушки, на коихъ мы усѣлись поджавши ноги, я, Кн. Тумановъ, два Кн. Цулукидзевы и человекъ нѣсколько старшихъ изъ толпы вооруженныхъ людей *).

Обѣдъ, довольно продолжительный, состоялъ изъ вареныхъ куръ, разварной форели, фазановъ съ лукомъ,—и шашлыковъ изъ баранины и дикой козы.—Княгиня прислала собственно для меня кувшинчикъ превосходнаго вина: Шапгисъ (Царское вино).

Во время обѣда, Княгиня два раза присылала сказать, что желаетъ со мною говорить. Это мнѣ весьма не нравилось; ибо я, съ моимъ пріобрѣтеніемъ, желалъ летѣть въ лагерь.

Увидѣвшись съ Княгиней, я не могъ разсѣять ея страха и волненія. Не могу изложить теперь всѣхъ подробностей этого свиданія.

*) Умѣніе мое садиться и вставать, съ ловкостію поджавши ноги, чему я научился въ Дуэ, обучаясь фехтованію и гимнастикѣ, склоняло ко мнѣ всегда особенное вниманіе азіатцевъ, кои зная изъ опыта, что Русскіе не умѣютъ сидѣть иначе, какъ на стульяхъ и скамьяхъ, щитали меня происхожденія азіатскаго;—а мой пріятель, знаменитый Саралогъ Маршаній, Цебельдинскій старшина, красота черкесскихъ удалцовъ, вѣрнулъ въ душѣ, что я изъ крымскихъ Татаръ, уважалъ и любилъ меня, какъ своего единовѣрца.

помню только твердо то, что она, ломая руки съ плачемъ, предлагала быть ея сыномъ, указывая на ребенка, лѣтъ 9 или 10, сидѣвшаго возлѣ ея. Наконецъ, распростившись съ этою страшною женщиною, бывшею причиною несчастья, постигшаго ее и ея мужа и родныхъ, я вышелъ и немедля отправился въ обратный путь, увѣривши Князя Симона и его дядю, что по причинѣ чрезмѣрной головной боли, внезапно приключившейся, не могу идти жечь деревню.

Едва успѣли мы сойти въ ущелье, какъ вдругъ проскакалъ мимо насъ въ домъ Кн. Цулукидзева нарочный изъ лагеря и въ то жъ мгновеніе все поднялось¹⁾. Крики огласились въ горахъ и сотни вооруженнаго народа показались на высотахъ, влѣво отъ насъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не замѣтили мы ни одного человѣка. Я приказалъ посадить обѣихъ женщинъ съ дѣтьми на лошадей сзади казаковъ и ускорить маршъ. Не прошли и двухъ верстъ какъ посыпались выстрѣлы съ боку, но пули или пролетали надъ нами, или не доходили до насъ по причинѣ деревьевъ, кои насъ съ этой стороны заслоняли. Въ это же время человѣкъ сто пробѣжали мимо насъ по глубинѣ оврага, пролегавшаго направо, въ намѣреніи остановить насъ на весьма дурномъ проходѣ, версты за двѣ впереди,—гдѣ дорога, сажени полторы шириною, лежала между двухъ обрывистыхъ утесовъ и подымалась на чрезвычайную круть. Сменувши въ чемъ дѣло, я послалъ бѣгомъ 6 карабинеровъ занять это мѣсто, а казакъ поскакалъ къ Индутному, что-бы поспѣшилъ подвинуться ко мнѣ.

Сзади мы не очень боялись нападенія, ибо дорога, глубоко врызанная въ землю была такъ узка, что болѣе трехъ конныхъ рядомъ по ней ѣхать не могли. къ тому же разставленные казаки ко мнѣ присоединились и составили арріергардъ. Карабинеры, послѣ сытнаго обѣда и отличнаго краснаго вина, имѣя онаго запасъ въ манеркахъ, весело затянули любимую пѣсню²⁾:

Гей у броду, гей у броду,
 Брала дѣвчина воду;
 Тамъ козаченько коня панувае
 Въ дѣвчиною да розмовле.

¹⁾ Послѣ намъ извѣстно было, что этотъ нарочный привезъ приказъ отъ Кн. Левана Ц. убить жену Лежавы и ея служанку, а меня съ моимъ отрядомъ задержать дня на два подъ какимъ либо предлогомъ, не дѣлая впрочемъ ничего враждебнаго.

²⁾ Всѣ почти карабинеры, бывшіе со мною, были малороссіяне,—поступившіе изъ карабинерныхъ ротъ 41 Е. полка, они были старые воины, съ медалями 1812 и 1814 годовъ;—тутъ же былъ и лихой унтеръ-офицеръ Гумениокъ, коего я зналъ давно, еще во Франціи. Всѣ они были ибсешиники.

Колыбѣ минѣ да човничокъ,
 Да човничокъ и веселичко,
 Сѣвъ бы, поплывѣ бы на той бережечокъ,
 Де дивчина мое сердечко.
 На щожъ тоби да човничокъ,
 Да човничокъ и веселичко,
 Стань попрощайся здалече со мною,
 Козаченьку мое сердечко.
 Зелена березонька,
 Да надъ воду похилилася,
 Гей молодая да дѣвчинонька,
 Заплакала зажурилося.
 Широкая дорѣженька,
 Очеретомъ перетыкана.
 Гей молодая да дѣвчинонька
 Всѣхъ козакивъ нарекликала!..
 Тилько конькъ ворошенькій,
 Одынь зъ войны повертається!!!
 А дѣвчинонька, да бѣдненькая,
 Слезоньками зальвается!..

Вскорѣ мы прибыли благополучно въ лагерь, гдѣ князь П. Д. Горчаковъ ожидалъ меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ:

—Что? Есть грамота?

—Есть.

—Та самая?

—Та.

И онъ бросился обнимать меня. За вѣсмы тѣмъ, сдѣлавъ мнѣ выговоръ за то, что остался обѣдать. Полчаса медленности,—и можетъ быть, все погибло бы *).

Въ числѣ главныхъ, утвердившихъ хартію возстанія, были: 3 Кн. Цулукидзевы, 4 Кн. Эрнстовы, 4 Кн. Яшвиля и 2 Князя Абашидзевы, находившіеся при отрядѣ. Посему для арестованія ихъ назначенъ былъ слѣдующій день. Разставлена была двойная цѣпь и приготовлено

*) Дорогой во время слѣдованія, отъ жены Лежавы я узналъ, что ее и ея дѣвку били и мучили. допрашивая, не знаетъ ли она, гдѣ грамота. А какъ бумага эта была зашита въ рубахѣ подъ лѣвой рукой, то рубаху эту она надѣла на свою дѣвку и тѣмъ спасла ее.

25 человекъ съ заряженными ружьями въ караулъ. Въ 8 часовъ утра, когда все было готово, потребовали Князей къ правителю Имеретіи князю Горчакову. Когда Князья проходили, то въ цѣпи свита ихъ была задержана. Это ихъ не удивило, ибо дѣлалось иногда и прежде. На срединѣ лагеря они были окружены приготовленнымъ карауломъ,—и когда артиллеріи поручикъ Друковцовъ, на коего возложено было исполненіе, объявилъ имъ, что они именемъ Главнокомандующаго арестуются, за участіе въ бунтѣ, а потому отдали бы свое оружіе и слѣдовали бы подъ стражу, тогда, первый князь Леванъ Цулукидзе, обнаживъ саблю, закричалъ: жизнь и свобода одно и тоже;—ему послѣдовали другіе,—и завязался страшный рукопашный бой. Кн. Леванъ Цулукидзе и еще двое были заколоты штыками, а прочіе болѣе или менѣе ранены.

Князь Марабъ Абашидзе, прорвавшись сквозь цѣпь, бросился съ кинжаломъ на к. Горчакова, но, шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ него, былъ пораженъ двумя сабельными ударами; переводчикъ Аразовъ снесъ у него кусокъ кожи съ головы; а я, ударивъ по правому плечу, разрубилъ цѣпочку, на коей висѣла пороховница, и ключевую кость. Ударъ этотъ былъ такъ тяжелъ и недовонокъ, что моя хорасанская сабля, встрѣтивъ сопротивленіе въ серебрянной цѣпочкѣ, согнулась въ сторону. Зато пораженный въ тотъ же мигъ палъ наземь.

Впослѣдствіи всѣ князья и дворяне (до 70-ти), подписавшіе хартію возстанія, были удалены въ Россію, въ числѣ коихъ полковникъ князь Георгій Цулукидзе, а жена его въ монастырь. Молодые Аристовы и Яшвили отданы въ солдаты.

Марабъ Абашидзе и Лежава прощены; послѣднему, сверхъ прощенья, подарена небольшая деревня въ 18 дворовъ.

Такъ кончилось усмиреніе бунта въ Имеретіи. Не описываю военныхъ дѣйствій и правительственныхъ распоряженій, ибо это не входитъ въ планъ моихъ записокъ, кои я пишу собственно для моихъ дѣтей, а не для публики. За всѣмъ тѣмъ, я нашелся въ необходимости изложить подробно этотъ личный подвигъ и точь въ точь такъ, какъ онъ былъ; для того, что онъ занесенъ въ мой формулярный списокъ неясно и неудовлетворительно. „Тамъ сказано такъ: а при арестованіи главныхъ бунтовщиковъ былъ посланъ съ 25-ю егерями, для взятія важнѣйшихъ документовъ, въ домъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, въ коемъ находилось болѣе 150 человекъ вооруженныхъ. Исполнилъ порученіе это

съ неустрашимостью и доставленіемъ бумагъ сихъ открылъ всю нить заговора. За что и награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст.». Во первыхъ не при арестованіи, а до арестованія; ибо арестованіе бунтовщиковъ было послѣдствіемъ этого дѣйствія;—а во вторыхъ: возлѣ дома Кн. Цулукидзе было тогда гораздо болѣе 300 чел. вооруженныхъ; самъ князь Горчаковъ спрашивалъ объ этомъ солдатъ и казаковъ, кои показали до 400 чел., а Кн. Симонъ Цулукидзе показалъ, что всѣхъ вооруженныхъ людей было тогда у его дома болѣе 500 чел., но что полтора-ста человѣкъ были въ башнѣ. Написали полтора-ста потому, что боялись, что это огромное число противъ столь малой команды можетъ въ глазахъ высшаго начальства показать фактъ невѣроятнымъ.

За симъ мнѣ остается упомянуть, что на этомъ личномъ подвигѣ основано составленіе моего дворянскаго герба:—„Въ щитѣ, подъ дворянскою короною, полуразвитый свитокъ, прикрытый обнаженнымъ мечемъ, остриемъ вверхъ“.

III.

Экспедиція въ Абхазію въ 1821 году.
Взглядъ на Абхазію въ политическомъ отношеніи.

Во время нахождения моего въ Имеретіи, болѣе пяти лѣтъ, были двѣ экспедиціи въ Абхазію;—первая, 1821 года съ 1 Октября по 21 Декабря, для водворенія владѣтельнаго Князя Дмитрія Шервашидзе, старшаго сына умершаго Князя Сефиръ-бея,—и вторая, 1824 года Юля съ 1-го по 1 Октября, для освобожденія двухъ ротъ Мингрельскаго п. полка, оставленныхъ въ селеніи Соукъ-су при домѣ владѣтельнаго Князя. Но чтобы повѣствованіе объ этихъ дѣлахъ было понятно, и долженъ начать издалека и упомянуть, хотя вкратцѣ, о политическихъ началахъ Абхазіи къ Россіи и о причинѣ смутъ, долго терзавшихъ эту страну.

Въ 1824 году было составлено мною отчетливое и весьма занимательное описаніе по этому предмету, основанное на положительныхъ преданіяхъ очевидцевъ, вполне заслуживающихъ вѣры, съ коиими я былъ лично знакомъ. Оно заключало исторію абхазскаго владѣтельнаго дома,—и было читано мною Князю Дмитрію Шервашидзе, который не только подтвердилъ правдивость фактовъ, но даже на нѣкоторые далъ свои поясненія. Къ сожалѣнію, всѣ записки мои съ нѣкоторыми документами, книгами и вещами, оставшіяся, на время турецкой

войны, въ казенномъ складѣ въ м. Тульчинѣ, во время польскаго возмущенія въ 1831 году, погибли безъ вѣсти. По этой причинѣ, настоящій рассказъ будетъ содержать одну сущность,—и то безъ хронологіи.

Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, владѣтельный абхазскій Князь Ростомъ-бей, во всемъ закавказскомъ краѣ, могъ считаться одинъ самосостоятельнымъ владѣтелемъ. Его Абхазія, окруженная съ трехъ сторонъ горами,—со стороны моря, имѣла нѣсколько укрѣпленій; среди коихъ Сухумъ-кале, древняя Генуэзская каменная крѣпость съ четырьмя бастіонами и 20 орудіями, резиденція абхазскихъ владѣтелей, была не только для горцевъ неприступнымъ оплотомъ, но даже не боялась и самой Порты. Славный умомъ и сильнымъ оружіемъ, Ростомъ-бей, по всемъ прежнимъ отношеніямъ, нисколько не считалъ себя въ зависимости отъ Порты, но не могъ не быть подъ ея начальственнымъ покровительствомъ уже потому, что былъ магометанинъ, не говоря о сосѣдствѣ двухъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей, Анапы и Трапезунда.

Съ другой стороны, родъ Шервашидзевыхъ, происходя отъ христіанскихъ началъ и утратившій христіанство свое во времена отдаленныя, не переставалъ поддерживать знаменитую древность своего рода брачными узами съ христіанками, дочерьми первѣйшихъ княжескихъ фамилій: Мингрелін, Самарзахано и другихъ. Въ этомъ порядкѣ, сынъ Ростомъ Келишъ-бей, извѣстный умомъ, характеромъ и оружіемъ, былъ рожденъ отъ христіанки; а когда второй Келишъ-бей сынъ, Сефиръ-бей, коего мать была тоже изъ княжескаго дома Дадіановъ, влюбился въ Княжну Дадіанову, родную сестру владѣтеля Мингрелін, Князя Левана Григорьевича Дадіана¹⁾, то Келишъ-бей не только не противился этому союзу, но напротивъ, всемирно желалъ его. Однако, мать юной красавицы, владѣтельница Мингрельская Княгиня Нина, женщина замѣчательнаго ума, сильнаго характера, знаменитая въ свое время красавица, согласилась на этотъ бракъ съ условіемъ, чтобы Сефиръ-бей принялъ христіанство и былъ владѣтелемъ Абхазіи, минуя старшаго своего брата Асланъ-бея. Келишъ-бей принялъ условіе и для приведенія онаго въ исполненіе обратился къ покровительству Россіи²⁾.

Между тѣмъ, какъ происходили о семъ секретныя съ дворомъ нашимъ сношенія, Асланъ-бей, провѣдавъ о таковой конвенціи, началъ дѣйствовать тоже втайнѣ и прибѣгнулъ къ покровительству Порты,

¹⁾ Обоихъ, и Кн. Левана и его сестру, я зналъ лично, съ 1821 по 1826 годъ.

²⁾ Это событіе, судя по сопровождавшимъ его фактамъ, было въ 1801 или 1802 году. Кн. Дмитрій въ 1821 г. имѣлъ 18 лѣтъ.

которая не умедлила снабдить его инвеститурою, или фирманомъ и нѣкоторымъ пособіемъ. Келишь-бей, подозрѣвавшій Асланъ-бей въ непріязненныхъ замыслахъ, не предполагалъ, впрочемъ, чтобы виды этого непокорнаго сына пошли такъ далеко. Асланъ-бей, имѣвшій свои связи съ знатными черкесскими старшинами, чрезъ родство по матери, имѣлъ въ нихъ сильную поддержку и умѣлъ вести свои дѣйствія втайнѣ. Наконецъ, когда прибыло военное турецкое судно къ Сухуму, онъ не могъ долѣе скрываться и въ первую ночь, — убійствомъ отца своего и истребленіемъ всѣхъ его, бывшихъ въ крѣпости, приверженцевъ, — проложилъ себѣ путь и превозгласилъ себя владѣтелемъ.

Сефиръ-бей спасся тѣмъ, что не былъ въ это время въ Сухумѣ.

Недолго продолжалось владѣніе Асланъ-бея. Вскорѣ нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей явилось предъ Сухумомъ и Сефиръ-бей былъ введенъ во владѣніе. Ему вручена была торжественно грамота Государя Императора, принявшаго его съ Абхазіею въ вѣчное покровительство Россіи, въ знакъ коего онъ былъ пожалованъ чиномъ Генераль-Маіора, Анненскою лентою, Императорскимъ знаменемъ, богатѣйшими дарами, великолѣпною церковною утварью и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. р. сер.

Асланъ бѣжалъ въ Турцію и поселился въ Трапезундѣ, отколь во все время жизни своей не переставалъ возмущать Абхазію всѣми кознями и происками.

Въ началѣ 1821 года Сефиръ-бей умеръ. Старшій сынъ его Князь Дмитрій, лѣтъ 18 въ то время, взятъ былъ изъ пажескаго корпуса, въ коемъ онъ воспитывался, произведенъ въ полковники и назначенъ владѣтелемъ *).

Для водворенія его, отрядъ войскъ, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова, ходилъ въ Абхазію и имѣлъ дѣло съ Абхазцами, партіи Асланъ-бея, довольно трудное. Изъ 600 человекъ, бывшихъ въ строю, убитыхъ и раненыхъ было 222 человека, въ томъ числѣ 3 офиц. убито и 2 ранено.

*) Я былъ очень коротко съ нимъ знакомъ. Это былъ рѣдкій юноша. Красавецъ по наружности, кроткаго нрава и добрѣйшей души. Миръ праху его...

IV.

Экспедиція въ Абхазію въ 1824 году.
Рача. Норъ съ удушливымъ газомъ.

Въ началѣ 1824 года, Князь Дмитрій, по наущенію Асланъ-бея, былъ отравленъ абхазцемъ Урусомъ. Злодѣй этотъ былъ схваченъ, сознался со всею огкровенностію и былъ за то повѣшенъ на сухумскихъ стѣнахъ.

Послѣ Дмитрія возведенъ былъ на владѣніе второй братъ его Князь Михаилъ (Гамидъ-бей).

По смерти Князя Дмитрія мнѣ поручено было сопровождать въ Тифлисъ Князя Михаила Шервашидзе и представить Главнокомандующему. По этому случаю я былъ при немъ неразлучно болѣе трехъ мѣсяцевъ и имѣлъ случай сблизиться съ нимъ и даже подружиться. Этотъ юноша¹⁾, образецъ черкесской красоты, былъ строенъ, ловокъ, веселаго нрава, благороденъ въ поступкахъ и добрѣйшей души; и его смуглое прекрасное лицо выражало умъ и пылкость характера. Онъ ѣздилъ и стрѣлялъ, какъ удалой горецъ и былъ чрезвычайно любимъ абхазцами.

А. П. Ермоловъ, при первомъ представленіи, говорилъ съ нимъ о многомъ и замѣтивъ въ немъ быстрый умъ, правильное сужденіе и отличныя способности, въ тотъ же день сдѣлалъ представленіе Государю объ утвержденіи его владѣтелемъ съ чиномъ маіора. Черезъ полтора мѣсяца получено было разрѣшеніе и утвержденіе, и мы отправились обратно.

Въ Соукъ-су собраны были старшины и народъ (явилось весьма немного); Князь Михаилъ объявленъ былъ владѣтельнымъ Княземъ²⁾, утвержденнымъ Государемъ Императоромъ, и при парадѣ войскъ предъ Императорскимъ знаменемъ была выполнена присяга на вѣрность.

¹⁾ Ему было тогда 16 или 17 лѣтъ отъ роду; но онъ былъ высокъ ростомъ.

²⁾ Утверждали, что Кн. Михаилъ былъ похожъ во всемъ на своего дѣда Келинъ-бея. При представленіи, А. П. Ермоловъ говорилъ ему по русски безъ переводчика, а Кн. Михаилъ отвѣчалъ по абхазски; ибо понималъ по русски все, но изъяснялся неправильно. А. П. Ермоловъ обласкалъ его чрезвычайно, но обдарилъ скупо.

Князь Горчаковъ, принимая въ соображеніе юность новаго владѣтеля и сомнительное поведеніе нѣкоторыхъ старшинъ, счелъ нужнымъ оставить при его домѣ на нѣкоторое время 2 роты Мингрельскаго полка съ 2 легкими орудіями.

Вскорѣ нѣкоторые старшины, и тутъ по кознямъ Асланъ-бея, начали домогаться какихъ то правъ, вовсе не сообразныхъ съ пользами правительства и народа, и, получивъ рѣшительный отказъ, подняли возстаніе такъ внезапно, что Князь Михаилъ съ матерью, братьями и сестрами едва успѣлъ запереться съ 2 ротами въ своемъ домѣ, коего дворъ былъ впрочемъ обнесенъ палисадомъ, или частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ.

Окруженные нѣсколькими тысячами бунтовщиковъ, они были доведены до такой крайности, что на одного человѣка въ сутки давали по полгорсти кукурузы, а воду доставали съ бою изъ р. Соукъ-су, чрезъ подземный подкопъ,—и въ этомъ затрудненномъ положеніи они находились около двухъ мѣсяцевъ. Но никакія лишенія не могли поколебать храбрости Русскихъ и мужества юнаго Князя.

Главнокомандующій, принявъ вѣсть объ этомъ весьма гнѣвно и грозно въ отношеніи къ Князю Горчакову, оставившему самопроизвольно горсть войскъ въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ нашихъ въ то время операціонныхъ сношеній, предписалъ ему спасти роты непременно, подъ личною его, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностію.

Отрядъ, сформированный наскоро для этой экспедиціи, состоялъ изъ 6 ротъ пѣхоты (около 1000 чел.), 2 легкихъ орудій и 600 всадниковъ Мингрельской милиціи;—а изъ черноморскаго флота, по требованію генерала Ермолова, прибыли къ Сухуму фрегатъ Евстафій и 3 брига: Меркурій, Орфей и Ганимедъ.

До Сухума отрядъ дошелъ благополучно, впрочемъ, не безъ потеи и въ нѣкоторыхъ стычкахъ; но отъ Сухума идти далѣе, сухимъ путемъ на разстояніи 50 верстъ, столь малому отряду не было никакой возможности. Ибо въ 20 верстахъ отъ Сухума были подѣланы Абхазцами укрѣпленія и завалы, на трудной мѣстности, столь сильныя, что и 5 т. отряду съ сильною артиллеріею должно было встрѣтить величайшее затрудненіе. При томъ же и Абхазцевъ съ другими племенами было тогда въ сборѣ болѣе 10 т. Посему рѣшено было, посадить на суда 600 человѣкъ пѣхоты и сдѣлать десантъ у урочища Пиццунды, отъ коего въ 6 верстахъ лежало селеніе Соукъ-су.

21 Юля 1824 года была сдѣлана первая высадка, съ незначительною потерею, а 24 числа, когда и остальные войска были перевезены изъ Сухума, предпринято было съ 400 чел. движеніе къ Соукъ-су. Въ этомъ мѣстѣ берегъ, на 100 и на 150 саж. пологій отъ моря, вдругъ поднимается круто и на разстояніи 2 верстѣ въ ширину, покрытъ огромнѣйшими деревьями, рѣдко расположенными. На этомъ берегу выбрана была выгодная позиція, укрѣплена наскоро съ трехъ сторонъ и снабжена 4-мя орудіями съ кораблей. При первой высадкѣ войскъ непріятель понесъ великую потерю, отъ морской артиллеріи, коей мало знакомое для горцевъ дѣйствіе, порвало въ ихъ толпахъ нахлынувшихъ на берегъ, цѣлые ряды. Это дало имъ такую острастку, что они, отступивъ, ожидали насъ за опушкою лѣса; но и тутъ, увидѣвъ, что мы, нетрогаясь съ мѣста, укрѣпляемся на берегу, а корабли перевозятъ войска изъ Сухума, и прождавъ три дня понапрасну, соскучились неизвѣстнымъ ожиданіемъ и отправились въ сосѣднія деревни, разставивъ караулъ на деревьяхъ въ лѣсу. Между тѣмъ, мы, воспользовавшись ихъ оплошностію, 24 Юля, во время предразсвѣтной темноты, тронулись въ глубочайшей тишинѣ, такъ что часовые ихъ прозѣвали и Абхазцы выступили густыми колонами тогда, когда мы уже были подъ Соукъ-су, изъ коего осажденные двѣ роты вышли къ намъ навстрѣчу. Тогда непріятель, убоясь быть между двухъ огней, не осмѣлился насъ атаковать.

Во время слѣдованія отряда, я былъ по генералѣ главнымъ распорядителемъ, ибо подполк. Лисаневичъ былъ раненъ при десантѣ, а маіоръ Грабовскій оставался съ 2 ротами въ береговомъ укрѣпленіи; изъ ротныхъ же командировъ опытнаго и распорядительнаго офицера не было.

У дома владѣтеля осажденные встрѣтили насъ съ великою радостью. Вскорѣ запылали костры, явились быки, бараны, птица;—а князь Михайлъ, не желая оставлять что либо на пользу злодѣевъ бунтовщиковъ, разсудилъ за благо предать на распітіе весь запасъ своего погреба:—разумѣется, что наилучшее вино пало на офицерство,—и обѣдъ былъ на славу. Отдохнувъ нѣсколько часовъ. въ 4 часа пополудни мы тронулись обратно. Съ ротою карабинеръ (44 Е. п.) и однимъ орудіемъ, везеннымъ на людяхъ, мнѣ поручено было прикрывать отступленіе и охранять отрядъ отъ внезапнаго нападенія.

Густыя колоны горцевъ конвоировали въ разстояніи ружейнаго выстрѣла и, кажется, душевно желали поздороваться съ нами, но....

недоставало духу. Однако же было не безъ грѣха. Когда отрядъ входилъ уже въ береговое укрѣпленіе, мой арріергардъ, тоже подходя къ оному, былъ растянуть по лѣсу, а я, видя окончаніе похода, закуривалъ трубку фитилемъ у орудія и разговаривалъ съ Шт. к. Горяиновымъ, потерявшимъ свой кисеть и просившимъ у меня табаку. Въ это время вдругъ внезапный глухой шумъ съ дикими криками поразилъ нашъ слухъ,—и въ тоже мгновеніе мы увидѣли у себя подъ носомъ стаю конныхъ горцевъ, скачущихъ, рубящихъ и стрѣляющихъ направо и налѣво. Изъ 6 солдатъ, везшихъ орудіе, двое уже лежали съ канониромъ и кричали, а прочіе, ошеломленные столь ужаснымъ налетомъ, бросились, кто куда попалъ. Я и Горяиновъ захватили съ собою 17 человекъ изъ бѣгущихъ и съ ними засѣли у огромнаго дерева, держа ружья на изготовкѣ. Орудіе стояло саженьхъ въ двухъ отъ насъ, между нами и черкесами, но трудно было его достать, высунувшись изъ за дерева и не подвергнувшись поражению; ибо у противоположнаго дерева, за большимъ кустомъ, саженьхъ въ 10 отъ насъ, стояла кучка удалцовъ съ ружьями на прицѣлѣ. Но мы нашлись;—ефесомъ сабли, легши на землю, я зацѣпилъ и притянулъ, лежавшую недалеко петлю веревки, которою везли орудіе,—потанчили разомъ и орудіе очутилось возлѣ насъ. А какъ оно было заряжено картечью, чего ребята наѣздники не подозрѣвали, то наведи по возможности на кустъ, за коимъ они были, хватили,—и страшный крикъ возвѣстилъ, что выстрѣлъ былъ не понапрасну. И дѣйствительно,—когда разошелся пороховой дымъ, мы увидѣли на землѣ четырехъ горцевъ великолѣпно растянувшихся, да тутъ же лежали еще трое. положенные нами прежде изъ ружей, когда они хотѣли было полакомиться орудіемъ. Въ это время приближало къ намъ нѣсколько человекъ охотниковъ солдатъ съ ружьями въ однихъ рубашкахъ. Самъ Кн. Горчаковъ, схвативъ 1-ю гренадерскую роту, шелъ къ намъ на помощь; но, благодаря Бога, все уже было кончено. Горцы, подхвативши тѣла убитыхъ, ускакали; а мы рады, что дешево отдѣлались, впрочемъ съ потерей двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ, вступили важно въ лагерь. Здѣсь ожидалъ меня самоваръ;—и тутъ, на берегу морскомъ, подъ прекраснымъ небомъ, проведена была прелестнѣйшая Іюльская ночь, въ кругу веселыхъ товарищей, за продолжительнымъ ужиномъ съ отличнѣйшимъ княжескимъ виномъ, которое пилось, пилось и пилось съ душевнымъ наслажденіемъ....

Черезъ два дня мы уже были въ Сухумѣ, вокругъ коего весь отрядъ расположился на бивуакахъ. Абхазцы въ досадѣ дѣлали каждодневныя нападенія, но всегда неудачно. Наконецъ, рассчитывая на

прекрасныхъ лошадей Мингрельской милиціи, — они подѣлали ужасные завалы по дорогѣ, коею должно было проходить, — но увы! — и тутъ были надуты. Мингрельскій владѣтельный Князь Леванъ Григорьевичъ Дадіанъ, начальствовавшій своею Милиціею, приказалъ перестрѣлять всѣхъ лошадей и предать на съѣденіе морскимъ тварямъ. Что и было исполнено, а люди были перевезены на судахъ въ Редуть-кале. Такъ окончилась вторая экспедиція въ Абхазію.

Того же года въ Октябрѣ мѣсяцѣ ходили съ отрядомъ въ Рачу и доходили до Дигорскаго ущелья, чрезъ которое было намѣреніе провести большую дорогу въ Россію. Отрядъ долго стоялъ у мѣстечка Малые-они. Мѣстечко это или городокъ, лежитъ у самой подошвы горы Фазисъ-мда, изъ коей вытекаетъ величественный Ріонъ, именованный у грековъ рѣкою Фазисомъ, отъ чего получили и фазаны названіе свое.

Весь Рачинскій округъ изобилуетъ картинами удивительной мѣстности и есть такія мѣста, что никакое перо, никакая кисть изобразить не можетъ. Здѣсь невольно съ изумленіемъ благоговѣешь предъ дикою, по величественною природою. Во многихъ мѣстахъ памятники глубочайшей древности поражаютъ васъ. Но взглядъ мой на Кавказъ будетъ изложенъ послѣ.

Близъ Малыхъ-оней, у подошвы горы, есть небольшая пещера, или лучше сказать нора, вершковъ 12 въ діаметрѣ, изобилующая удушливымъ газомъ въ такой степени сильнымъ, что мелкое животное, опущенное въ нее, въ нѣсколько секундъ умираетъ. Собака и небольшая свинья выдерживаетъ не болѣе одной минуты. Опытъ этотъ я дѣлалъ самъ. Народное повѣрье гласитъ, что этотъ газъ дѣйствуетъ на бесплодность женщинъ, — и по этой причинѣ каждое лѣто пріѣзжаютъ къ этой норѣ много молодыхъ поклонницъ, даже съ отдаленныхъ мѣстъ.

Не знаю, содержитъ ли этотъ газъ такое чудное врачеваніе, — но если принять въ соображеніе, что молодыя жены ревнивыхъ мужей содержатся дома, по азіатскому обычаю, весьма подъ строгимъ надзоромъ, то вырвавшись на просторъ, онѣ могутъ легко наткнуться на плодотворную силу, которую и азіатки, такъ же, какъ и наши европеянки, мастерицы находятъ чутьемъ и весьма скоро. Слѣдственно, эта удивительная нора, есть просто камень преткновенія, прославляемый женами и проклинаемый мужьями.

V.

Пребываніе на кавказской линіи. Смерть генераловъ: Лисаневича и Грекова. Самоотверженіе и воинственность горцевъ. Пораженіе чеченцевъ. Героическій періодъ Россіи. Безспіе Персіантъ. Открытіе Персидской войны. Претендентъ персидскаго престола. Переѣздъ въ Тульчинъ. Болѣзнь.

Въ концѣ Сентября 1825 года, я прибылъ на кавказскую линію, начальникомъ коей назначенъ былъ тогда Кн. Горчаковъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Дмитрія Тихоновича Лисаневича, убитаго кинжаломъ въ кр. Грозной¹⁾.

Вотъ сущность этого событія:

Главнoкомандующій Ермоловъ, изыскивая всѣ средства къ сближенію съ Русскими племенъ, заселяющихъ нѣдра Кавказа, предположилъ Чеченцевъ мирныхъ ауловъ употреблять на казенныя работы съ производствомъ имъ высокой платы, что и поручено генералу Грекову, жившему въ Грозной и начальствовавшему всею окрестною странюю. Въ продолженіе долгаго времени Чеченцы употреблялись на работы, а плата имъ или производилась очень малая, или вовсе не производилась;—разумѣется, что оная получалась исправно изъ казны и исправно выводилась по книгамъ въ расходъ. Неудовольствіе и ропоть въ мирной Чечнѣ были послѣдствіемъ столь безсовѣстнаго дѣйствія²⁾.

¹⁾ Въ 1825 году я былъ на водахъ въ Питигорскѣ и представлялся тамъ Д. Т. Лисаневичу, какъ старому моему дивизионному начальнику, еще во Франціи. Онъ меня очень ласково принялъ и долго со мною разговаривая, прибавилъ, что сейчасъ отѣзжаетъ въ Грозную. Это было 15 Юля, а 22 Юля уже онъ былъ мертвъ.

²⁾ Когда, по смерти Грекова, открытъ былъ его сундукъ, то въ немъ найдены нарчи, сукна, брилліантовые перстни, золотыя часы, табакерки и прочія дорогія вещи, кои дарили чеченскимъ старшинамъ за ихъ заслуги, были исправно выведены въ расходъ, но къ нимъ не дошли... А. П. Ермоловъ, бывшій при вскрытіи этого почтеннаго сундука, держалъ въ это время въ рукѣ золотую, осмыанную брилліантами, табакерку съ вензелемъ Государя, пожалованную г. Грекову. Увидѣвши это тайное хранилище благородства Грекова, онъ пришелъ въ такое негодованіе, что бросилъ табакерку объ полъ съ такою силою, что металлъ свернулся въ комъ, а брилліанты разлетѣлись во всѣ направленія. Боже мой, Боже! сказалъ онъ, покачавъ головою: и этотъ человѣкъ, за мою милость, за мое довѣріе заплатилъ мнѣ такъ безсовѣстно, такъ подло... Грековъ былъ адъютантомъ у князя Дмитрія Захаревича Орбелянова и имѣлъ сомнительную репутацію относительно безкорыстія. Его слѣдовало удалить изъ службы, или предать суду; но А. П. Ермоловъ, видя въ немъ замѣчательныя способности, повѣрилъ его завѣреніямъ и простилъ его. Этого мало, въ шесть лѣтъ онъ его вывелъ изъ армейскихъ подполк. въ генералы, не считая орденовъ и подарковъ. Правда, что Грековъ, въ военномъ отношеніи, былъ такой офицеръ, какихъ мало было на Кавказѣ.

Въ это время явился въ Чечнѣ знаменитый Бей-булатъ. Непреклонные Чеченцы, вѣчно враждующіе противъ Русскихъ, признали его своимъ верховнымъ вождемъ, — и всеобщее возстаніе, какъ пламя, обхватило всю Чечню. Молодежь мирныхъ ауловъ стала подъ знамена Бей-булата. Амиръ-Гаджи-юртское укрѣпленіе съ ротою егерей, съ нѣсколькими орудіями и со всѣми офицерами, превращено было въ прахъ и ни одна душа не спаслась.

Когда Чеченцы ворвались въ укрѣпленіе, то капитанъ роты, не видя спасенія, зажегъ пороховой погребъ, и ужасный пороховой взрывъ поднялъ на воздухъ и разметалъ по Супжѣ многіе десятки и Чеченцевъ и Русскихъ, а остальныхъ погрѣбъ подъ развалинами.

Генераль Лисаневичъ, какъ главный начальникъ края, поскакалъ въ Грозную, собралъ всѣхъ чеченскихъ старшинъ мирныхъ ауловъ, числомъ болѣе 300, — и вышедъ къ нимъ, началъ кричать и бранить ихъ съ чрезвычайнымъ жаромъ¹⁾ за то, что молодежь чеченская приняла участіе въ возмущеніи.

Толпа этихъ Чеченцевъ, при входѣ въ крѣпость, была обезоружена; но одинъ изъ нихъ, какой-то Гаджи, удержалъ при себѣ подъ широкой рясой свой кинжалъ. Этотъ то Гаджи, когда его Лисаневичъ подзывалъ изъ толпы къ себѣ, бросился мгновенно и поразилъ кинжаломъ генерала Лисаневича въ животъ и въ бокъ, а генерала Грекова въ спину подъ лопатку навылеть. Грековъ испустилъ духъ на мѣстѣ, а Лисаневичъ мучился четверо сутокъ, — и умеръ сидя 22 Іюля.

Это было 18 Іюля 1825 года.

Ужасная тревога поднялась въ крѣпости. Весь гарнизонъ хватился за оружіе и болѣе 300 Чеченцевъ были подняты на штыки. Ожесточеніе солдатъ было такъ велико, что даже слуги офицерскіе и всѣ маркитанты, кои были въ черкесскомъ платьѣ, были безъ пощады убиты.

Въ этомъ Гаджи видно какое то фанатическое, или лучше сказать безразсудное самоотверженіе. Ибо рискуя собственною жизнію, онъ погубилъ болѣе 300 своихъ товарищей. Но гораздо удивительнѣе при-

¹⁾ Онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, такъ что въ прежнюю его службу въ Грузіи татары прозвали его: Дели-ага, бѣшеный маіоръ.

мѣръ самоотверженія явили два Лезгина,—кои, желая отмстить смерть своего друга, убитаго Русскими, отправились въ Нижегородскій драгунскій полкъ и рано утромъ, въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда всѣ были у заутрени, проникли невидимые нѣгѣмъ въ казарму и въ ней спрятались,—а когда люди пришли изъ церкви, то бросившись съ кинжалами, перерѣзали до шестнадцати человѣкъ, пока не были убиты сами.

У кавказскихъ горцевъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, самоохраненіе есть душа военной тактики. На семъ основаніи всѣ кавказскія племена, не исключая даже лезгинъ и чеченцевъ, грозны въ нападеніяхъ внезапныхъ, страшны въ лѣсахъ, въ ущельяхъ, въ скалахъ, въ завалахъ и однимъ словомъ вездѣ тамъ, гдѣ можно убивать другихъ и не быть убиту самому. Но чтобы горцы, въ чистомъ полѣ, вступили съ хладнокровіемъ въ открытый бой, особенно съ неравными силами, это бываетъ весьма и весьма рѣдко,—и то въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. За всѣмъ тѣмъ этотъ народъ удивительной храбрости, а самоотверженіе ихъ бываетъ невѣроятное. За то распорядительность въ дѣлахъ большею частію бываетъ очень дурная, а духъ свободы, разрушая дисциплину и единство въ дѣйствіяхъ, приводитъ ихъ военныя предпріятія къ результатамъ безуспѣшнымъ и нерѣдко разрушительнымъ для ихъ самихъ. Но самый ужасный бичъ ихъ благосостоянія, это ихъ собственные раздоры. Большая Кабарда, выставявшая болѣе 30 т. панцырниковъ и наѣздниковъ первѣйшей кавалеріи въ мірѣ, растерзана собственными раздорами, а чума довершила истребленіе этой прелестной страны,—коей нынѣ безмолвныя, цвѣтуція равнины представляютъ одни развалины прежде грозныхъ и многочеловѣчныхъ ауловъ.

На кавказской линіи я находился съ Ноября 1825 по Октябрь 1826 года.

19 Ноября 1825 года скончался въ Таганрогѣ Императоръ Александръ I. По обнародованіи этой печальной вѣсти была выполнена присяга на вѣрность старшему по первородству брату покойнаго Государя, не оставившаго дѣтей, Константину Павловичу. Вскорѣ за тѣмъ объявлены были акты отреченія отъ престола, сдѣланнаго Великимъ княземъ Константиномъ. Посему принесена была присяга нынѣ царствующему Императору Николаю.

14 Декабря того же года былъ день ужасный для Россіи,—онъ запечатлѣнъ кровью русскою, Русскими же пролитою.

При полученіи объ упомянутой перемѣнѣ извѣстія въ Петербургѣ, заговоръ, давно таившійся объ измѣненіи правленія, въ этотъ день разразился бунтомъ. Но милосердый Богъ еще не оставилъ Россію своимъ милостивымъ покровительствомъ. Сила воли и осторожное благо-разуміе новаго Государя Императора спасли Россію отъ величайшихъ бѣдъ, а можетъ быть и отъ гибели.

Въ бытность мою на кавказской линіи, заведены пикеты съ маяками и предпринято переселеніе станицъ на новую линію по Кубани.

А. П. Ермоловъ находился тогда съ отрядомъ войскъ въ Чечнѣ противъ Бей-булата, имѣвшаго въ сборѣ до 14 т. Чеченцевъ. Искусный старый вождь долго лавировалъ и изыскивалъ средства къ нанесенію чувствительнаго удара непріятелю. Наконецъ онъ достигъ цѣли. Нетерпѣливые храбрецы приняли бой.—и бой былъ ужасный. Спѣшившіеся и взявшии за кушаки, съ кинжалами въ рукахъ, они шли толпами на колонны и орудія, извергавшія смерть. Тысячи тѣлъ покрыли поле битвы, а избѣгшіе отъ картечей, пуль и штыковъ погибли въ водахъ Сунжи. За всеѣмъ тѣмъ это страшное пораженіе успокоило Чечню на время,—навсегда же успокоится она тогда, когда не будетъ на свѣтѣ ни одного Чеченца. Эта истина доказана съ тѣхъ поръ *Кизи-Муллою и Шамилемъ*.

1826 годъ ознаменованъ открытіемъ славной войны съ Персіею.

Съ началомъ XIX столѣтія начался и великій героическій періодъ, въ который руссійское оружіе покрыло себя безсмертною славою.

14 лѣтъ сряду, почти въ одно и тоже время, Россія вела борьбу съ Персіею съ 1802 по—13, съ Турціею съ 1806 по—12, съ Наполеономъ съ 1805 по—8, съ Швеціею съ 1807 по—10, наконецъ Россія выдержала ужасную войну 1812,—13 и—14-го годовъ, вышла изъ этаго труднаго поприща со славою и стала превыше всеѣхъ государствъ Европы.

Но вотъ, не стало Наполеона и въ Европѣ, послѣ брашннѣй эпохи водворился миръ: не стало и Александра, и въ Россіи, послѣ одиннадцатилѣтняго спокойствія, первый годъ царствованія Николая огласился воинственными кликами на Югъ.

Персія, съ той отдаленной роковой эпохи, какъ Александръ Великій наложилъ на нее свою побѣдоносную руку (въ 333 году до Р. Х.)

въ продолженіе болѣе 2000 лѣтъ не могла поправиться. Въ этотъ длинный интервалъ, на ея престолѣ исчезло нѣсколько царственныхъ династій и ни одна не возродила ни Кира, ни Камбиза, ни Дарія Гистаспа. Были воинственные таланты и между ими преимущественно одинъ, какъ метеоръ, мелькнулъ на ея политической сферѣ. Этотъ случайный герой, Надиръ-шахъ, проложивъ себѣ путь мечемъ отъ ничтожества до трона, прошелъ какъ ураганъ по Ирану и Индіи, обозначилъ свой путь кровію и развалинами и палъ самъ подъ кинжалами убійць, не оставивъ по себѣ ничего существеннаго для Персіи.

Уже въ недавнее время, генералъ Котляревскій доказалъ Персіанамъ, подъ Асландузомъ и Ленкоранью, изумительное превосходство руссійскаго оружія, уничтоживъ 28 т. армію Шахъ-задѣ съ 4 т. отрядомъ¹⁾. Но этотъ поучительный урокъ еще не успѣлъ изгладиться изъ памяти очевидцевъ, — еще не прошло и 14 лѣтъ, какъ тотъ же самый, безразсудный на полѣ брани Шахъ-задѣ²⁾, ворвался съ 40 т. арміею въ границы Россіи и война загорѣлась.

Причина войны была не важная. Дѣло шло за незначительный кусокъ земли и именно, за долину Шахъ-Майданъ. Но, кажется, Наслѣдникъ Персидскаго Престола, человѣкъ замѣчательно хитрый, имѣлъ въ этой войнѣ совсѣмъ другіе виды.

Въ 1834 году, въ бытность мою въ Нахичевани для составленія облагательныхъ табелей о податяхъ, Эксапъ-Ханъ Нахичеванскій рассказывалъ мнѣ, что Шахъ-Задѣ побужденъ былъ къ войнѣ не за долину Шахъ-Майданъ, но совершенно по другому обстоятельству. Не знаю, было ли это обстоятельство дѣйствительною причиною войны, но поелику самый фактъ есть истинный, то считаю неизлишнимъ рассказать его³⁾.

1) И Александръ великій съ 30 т. пѣхоты и 5 т. кавалеріи разбилъ несмѣтныя Даріевы полчища при Граникѣ въ 334 году до Р. Х., а въ слѣдующемъ году, съ тѣмъ же самымъ количествомъ, разгромилъ въ прахъ миллионную Персидскую армію при Иссъ, гдѣ и самъ Дарій едва избѣжалъ плѣна.

2) Шахъ-задѣ, — наслѣдникъ престола.

3) Этотъ фактъ, кажется, былъ гораздо прежде войны, слѣдовательно причиною ея въ томъ смыслѣ быть не могъ. Гораздо ближе къ истинѣ то, что Аббасъ-Мирза, несмотря на свой умъ и глубокую хитрость, былъ увлеченъ интригами англичанъ, къ тому же имѣлъ притязаніе на военный талантъ. Въ 1824 году пріѣзжалъ въ Грузію изъ Индіи Англійской компанейской службы инженеръ-маіоръ Монтисъ; не игралъ ни въ какую игру, въ два или три мѣсяца прожилъ въ Тифлисѣ болѣе 3 т. червонцевъ. И я бывалъ у него на обѣдахъ и на вечерахъ и знаю его лично. Послѣ онъ былъ высланъ изъ Тифлиса и изъ Грузіи, какъ подозрительный агентъ.

Фетъ-Али-Шахъ имѣлъ до 600 дѣтей и въ томъ числѣ болѣе ста сыновей. Изъ числа ихъ, Аббасъ-Мирза, самый старшій, былъ его любимый сынъ преимущественно предъ прочими и имѣлъ надъ Шахомъ, отцемъ своимъ, большую власть.

Но этотъ старшій сынъ былъ рожденъ отъ простой любовницы, между тѣмъ какъ былъ другой, гораздо младшій лѣтами, рожденный отъ какой-то принцессы. По законамъ придворнаго персидскаго этикета, а можетъ быть и по брачному условію, этотъ Принцъ, по аристократическому происхожденію матери, несмотря на то, что былъ моложе многихъ братьевъ, считалъ свои права на престолъ сильнѣйшими и законными. Но Шахъ хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзу, своего любимца. Для этой цѣли было сдѣлано чрезвычайное собраніе первѣйшихъ сановниковъ и всѣхъ Шахскихъ сыновей. Въ этомъ собраніи Фетъ-Али-Шахъ послѣ высокопарной рѣчи объявилъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, видитъ необходимость назначить по себѣ наслѣдника, коимъ избираетъ и торжественно объявляетъ своего любезнѣйшаго старшаго сына Аббаса-Мирзу, имѣющаго всѣ права на престолъ персидскій, какъ по старшинству первородства, такъ и по достоинству. При столь рѣшительномъ указаніи всѣ работнѣнно преклонились предъ грознымъ повелителемъ. Но юный претендентъ, выступивъ гордо предъ тронъ, сказалъ: „Великій Государь, говорить предъ тобою неправду, значило бы не любить и не уважать тебя какъ отца и Государя. Твое собственное величіе и царственная кровь твоя и моей матери, отражаясь во мнѣ, твоемъ сынѣ, не позволяютъ мнѣ попрасть мои права. Если они не уважатся, то оружіе рѣшить, кому быть на персидскомъ тронѣ послѣ тебя“.

Добродушный Фетъ-Али-Шахъ, будучи человѣкомъ умнымъ и литераторомъ, былъ удивленъ подобнымъ отвѣтомъ 15-лѣтняго сына. Говорятъ, что даже улыбка сердечнаго удовольствія мелькнула на его челѣ. Но не то происходило въ душѣ хитраго и проницливаго Аббаса-Мирзы. Онъ видѣлъ въ своемъ юномъ братѣ страшнаго соперника, потому что юный Принцъ и по красотѣ, и по уму, и по душевнымъ качествамъ, былъ необыкновенно любимъ и народомъ и знатію. Надобно было отъ него отдѣлаться. Замышлено и сдѣлано.

Но чтобы убійство не произвело смуты въ государствѣ, затѣяна была война для отвлеченія общественнаго вниманія и дѣятельности. Аббасъ-Мирза трудился не для себя. Онъ умеръ еще при жизни Фетъ-Али-Шаха, а престолъ наслѣдовалъ одинъ изъ сыновей Аббасовыхъ, но не старшій.

Послѣдствія Персидской войны 1826 и 1827 годовъ извѣстны. Паскевичъ, покрывъ себя славою подъ Елизаветполемъ и Эриванью, въ стѣнахъ Тавриза заключилъ знаменитый миръ, по коему три ханства: Эриванское, Нахичеванское и Ордуабатское отошли къ Россіи съ 20 м. р. ср. и съ другими значительными выгодами.

Я не былъ въ этой славной войнѣ, тогда какъ долженъ былъ участвовать въ ней и имѣлъ къ тому очень благопріятный случай. Не воспользовавшись имъ, можетъ быть, я самъ оттолкнулъ отъ себя мое счастье; но судьба влекла меня по другому пути, весьма для меня неудачному.

Въ Августѣ того же 1826 года, Князь Горчаковъ, бывъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ 2-й арміи, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ и продолжать служить вмѣстѣ и въ Россіи, такъ же, какъ служилъ въ Грузіи. Признаюсь, мнѣ очень этого не хотѣлось, но къ несчастію моему, бывъ ослѣпленъ его обѣщаніями, я не имѣлъ духу отказаться. Впослѣдствіи горько объ этомъ сожалѣлъ.

Въ Октябрѣ я переѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была тогда главная квартира 2 арміи.

Главнокомандующимъ былъ въ то время генераль-фельдмаршалъ графъ (послѣ князь) Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ;—Начальникомъ Главнаго штаба арміи, генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ, графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ; дежурнымъ генераломъ, генераль-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Байковъ; а генераль-квартирмейстеромъ, генераль-маіоръ Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Въ Тульчинѣ я прожилъ полтора года, съ Октября 1826 по Апрель 1828 года,—весь 1827 годъ, начиная съ 6 Генваря, пролечился не бывши ни боленъ ни здоровъ. Болѣзнь моя была та общая язва нашего вѣка, отъ которой рѣдкій человѣкъ благороднаго сословія ускользаетъ. Къ несчастію, она развилась нынѣ и въ простомъ народѣ болѣе, нежели въ высшемъ сословіи, такъ что есть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, цѣлыя деревни, зараженныя этимъ пагубнымъ истребителемъ рода человѣческаго.

Питая постоянно отвращеніе къ публичной торговлѣ прелестями, какъ человѣкъ, я изыскивалъ въ моихъ паденіяхъ предметы, по возможности соотвѣтствовавшіе моему вкусу; поэтому много, много слу-

чилось испытать въ жизни любовныхъ приключеній и обыкновенныхъ, и опасныхъ, и смѣшныхъ до невѣроятія. Описаніе ихъ, безъ преувеличенія, составило бы весьма занимательный романъ; но я упомяну, въ своемъ мѣстѣ, объ одной только встрѣчѣ и то потому, что она имѣла значительное на меня впечатлѣніе.

По причинѣ таковой разборчивости, я сберегъ себя и былъ невредимъ до 28 лѣтняго возраста, но здѣсь, несмотря на мою осторожность, настоящій случай былъ просто несчастіе, искавшее меня само. Это было дѣйствительно такъ, въ literalномъ смыслѣ. 20 лѣтняя прелестница, почтившая меня своею любовію и волокитствомъ настоящимъ¹⁾,—повидимому до того была безопасна, что когда указала я ее лѣчившему доктору Шлегелю, старожилу практиканту Тульчина, то, несмотря на мои завѣренія, онъ мнѣ не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока она не обратилась къ нему для врачеванія. Но какъ бы то ни было, эта несчастная встрѣча стоила мнѣ здоровья. Заболѣвши зимою, во время лѣченія я простудился и бывши золотушнаго сложенія, симптомы сдѣлались сложны и упорны, а лѣченіе было неискusstное, несмотря на знаменитость пользовавшихъ меня врачей²⁾.

Я имѣлъ несчастіе подвергнуться этой болѣзни первой и послѣдній разъ въ моей жизни, однако, несмотря на самое тщательное лѣченіе, долго я не могъ избавиться отъ ея губельныхъ послѣдствій и лишь въ 1831 году въ Кишеневѣ я излѣчился совершенно.

Кажется нигдѣ и никогда я не читалъ такъ много, какъ въ Тульчинѣ. Ибо во время лѣченія моего весь 1827 годъ я долженъ былъ сидѣть дома и во избѣжаніе скуки, волею и неволею, предавался чтенію всякаго рода книгъ на понятныхъ мнѣ языкахъ, а ихъ въ Тульчинѣ было достаточно.

Изъ всѣхъ знакомствъ моихъ въ Тульчинѣ самое интересное для меня было съ полковникомъ генеральнаго штаба Никлевичемъ. Происходя (по матери) отъ древней аристократической нѣмецкой фамиліи,

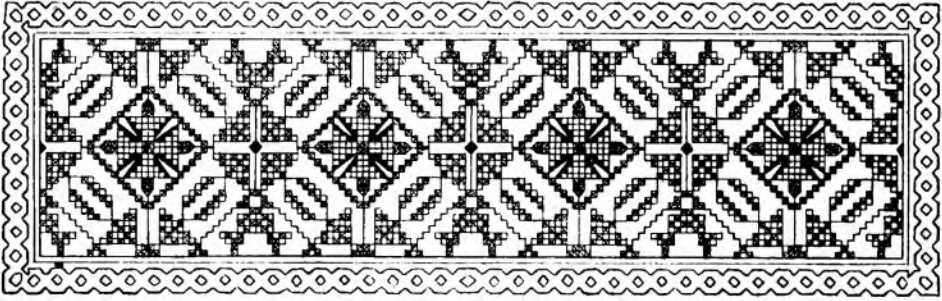
¹⁾ Я квартировалъ у ея тетки Дембровской и на бѣду мою съ первой встрѣчи приглянулся ей такъ, что она не давала мнѣ покоя. Она была въ полной мѣрѣ слова *belle femme*. Къ тому же была стройная, ловкая, шеголиха, какъ полька,—и говорила хорошо по французски.

²⁾ Пользовали меня И. Г. Шлегель имѣлъ лейбъ-медикъ, генераль-штабъ-докторъ Хановъ и другіе извѣстные врачи.

онъ получилъ отличное образованіе. Онъ зналъ классическіе и главные европейскіе языки. Имѣя природный талантъ къ музыкѣ и проведши юность въ Италіи, онъ глубоко изучилъ музыку, игралъ на фортепьяно и пѣлъ, какъ маэстро. До капитанскаго чина онъ служилъ въ конныхъ егеряхъ Наполеоновской арміи. Былъ нѣкоторое время безсѣннымъ ординарцемъ при Наполеонѣ и зналъ многія историческія лица начала XIX столѣтія. Онъ былъ очевидцемъ великихъ военныхъ событій и по глубокимъ свѣдѣніямъ въ наукахъ составлялъ самое пріятнѣйшее и занимательное для меня знакомство.

Въ началѣ 1828 года съ формальнымъ объявленіемъ о Турецкой войнѣ сдѣлано было распоряженіе, что всѣ тѣ чины главной квартиры, кои,—бывъ удалены отъ родныхъ, встрѣтятъ затрудненіе въ сохраненіи своихъ вещей, излишнихъ для предстоящаго похода, могутъ оставить ихъ въ казенномъ складѣ въ Тульчинѣ, подъ надзоромъ коменданта, а по окончаніи войны получать ихъ въ цѣлости. О чемъ и отданъ былъ приказъ по главной квартирѣ. Складъ этотъ назначенъ былъ въ огромной комнатѣ въ домѣ гр. Потоцкаго,—и я, пользуясь столь благодѣтельнымъ распоряженіемъ, отдѣлилъ всѣ излишнія вещи, наполнилъ ими великолѣпный сундукъ и отдалъ оный въ помянутый складъ. Не видалъ я его болѣе,—и за всѣми розысканіями не могъ и слѣдовъ найти, куда онъ дѣвался. Только могъ и узнать въ утѣшеніе, что въ 1830 году въ Тульчинѣ тоже сдѣлалась суматоха; коменданта перемѣнили и всякъ изъ этого склада хваталъ, что попало; поэтому не было возможности добиться, по какой дорогѣ отправился мой почтенный сундукъ. На переписку мою объ немъ даже и не отвѣчали; а между тѣмъ, въ этомъ сундукѣ заключалось все мое достояніе. Разные акты, книги, записки, платье, оружіе и значительное количество серебряныхъ и дорогихъ вещей, такъ что по умѣренной оцѣнкѣ стоимость всего простиралась болѣе нежели на 10 т. руб. асс.

Петиція Прибалтійскаго дворянства Императриць Екатерины II на имя Прибалтійскаго Генераль-Губернатора.

Сіятельнѣйшему Графу

Всемиловѣйшему Государю, Ея Императорскаго Величества Генераль-
Аншефу, Генераль-Губернатору, Кавалеру Ордена Св. Андрея Перво-
званнаго и многихъ другихъ орденовъ кавалеру.

Милостивѣйшій Государь!

Полученное отъ Вашего Сіятельства приказаніе ландратамъ, ланд-
маршалу и депутатамъ нашего герцогства выяснить тѣ пункты, кото-
рые касались привилегій, данныхъ намъ Государями, и тѣхъ, которые
предполагалось ввести при новомъ правительствѣ, побуждаетъ насъ
обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующими всепокорнѣйшими сообра-
женіями.

Вся Европа восхищается глубокой мудростью нашей Всемило-
стивѣйшей Императрицы, издающей законы для полміра, чье правленіе
должно осчастливить цѣлыя народы. Ея вѣрноподданные, гордые такимъ
даромъ Провидѣнія, восхваляютъ великую Законодательницу, далеко
опередившую всѣхъ законодателей старыхъ и новыхъ временъ, и
осчастливившую многіе милліоны людей. Еще выше, еще благороднѣе
памятники Ея благоволенія и милости по отношенію къ намъ. Наши
сердца преполнены чувствомъ самой искренней благодарности, такъ
какъ наша Всемиловѣйшая Государыня черезъ посредство Вашего

Сіятельства и понынѣ сохранила наши права и привилегіи и все то, что мы получили отъ Свѣтлѣйшаго Вашего предшественника.

Вполнѣ увѣренные въ этомъ высокомиловитомъ залогѣ, мы смиренно докладываемъ Вашему Сіятельству нѣкоторыя главныя положенія, заключающіяся въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя были даны рыцарству и дворянству всѣми знаменитыми Государями и которыя безъ высокомиловитаго покровительства легко могутъ быть у насъ отняты, измѣнять же ихъ не слѣдовало бы.

По мирному договору съ Польшей въ 1561 году, въ Привилегіяхъ Короля Сигизмунда Августа 1561 года, въ Актахъ о присоединеніи Литвы въ 1566 году, въ Шведскихъ Королевскихъ Резолюціяхъ 17-го Августа 1648 г., 1660 г., 10-го Мая 1678 г., 1710 г., въ Высочайше Императорской Капитуляціи, и въ тѣхъ же Императорскихъ Резолюціяхъ 1-го Марта 1712 г., 12-го Января 1726 г., 24 Марта 1726 г., 9-го Января 1732 г., такъ же, какъ и во всѣхъ Главныхъ Конфирмаціяхъ всѣхъ славныхъ Государей Русскаго Престола и нынѣ царствующей Государыни Императрицы, рыцарство и дворянство неоднократно убѣждалось въ томъ, что отнынѣ эти права останутся за ними, а именно: 1) Чтобы согласно Аугсбургскому Трактату вѣроисповѣданіе и все управленіе церковными дѣлами останутся свободными и неприкосновенными, и что въ этихъ дѣлахъ не будутъ предприняты никакія ни внѣшнія, ни внутреннія перемѣны.

Слѣдовательно, по отношенію къ нѣмецкому населенію, лютеранское вѣроисповѣданіе будетъ господствующимъ въ странѣ, и всѣ должности въ консисторіяхъ и церковныхъ комитетахъ будутъ замѣщаться на половину членами мірянами, мѣстными уроженцами, а на половину духовными лицами, но, кромѣ того, они будутъ подчинены свѣтскому директору, который долженъ быть ландратомъ.

2) Чтобы правительственные договоры и судебные приговоры писались и печатались на нѣмецкомъ языкѣ.

Поэтому согласно вышеупомянутымъ привилегіямъ, а именно, что всѣ акты, договоры и резолюціи во всѣхъ инстанціяхъ пишутся не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ, отправка бумагъ губернскимъ правленіемъ производится на нѣмецкомъ языкѣ для страны и отдѣльно на русскомъ для живущихъ здѣсь Русскихъ и для пріѣзжающихъ изъ Россіи купцовъ и крестьянъ.

3) Чтобы въ Лифляндіи всѣ гражданскія должности отдавались лицамъ нѣмецкаго происхожденія, мѣстнымъ уроженцамъ и особенно лифляндскимъ дворянамъ, за исключеніемъ Правителя или Губернатора, который можетъ быть и иностранцемъ.

Поэтому не только обѣ должности Правителя и Генераль-губернатора, но и всѣ остальные гражданскія должности предоставляются Лифляндцамъ и вообще Нѣмцамъ, а главнымъ образомъ лифляндскому дворянству. Вообще всѣ должностныя лица будутъ назначаться по предварительной рекомендаціи рыцарства или дворянства, и, кромѣ этого, учреждаются особые суды, которые будутъ избираться въ ландтагѣ черезъ каждые три года, безсмѣнно, потому что никто не захочетъ нести убытки и учиться для того, чтобы занять временное мѣсто, а при частыхъ перемѣнахъ будетъ чувствоваться недостатокъ въ умѣлыхъ людяхъ.

4) Чтобы дворянство основало рыцарскій союзъ и ландтагъ, чтобы оно имѣло собственное управленіе, состоящее изъ 12-ти ландратовъ, одного ландмаршала и секретаря, съ тѣмъ, чтобы имъ было представлено привилегированное положеніе и власть, а на содержаніе ихъ должны пойти имѣнія, а также у нихъ долженъ быть собственный рыцарскій домъ.

Поэтому милостію Ея Императорскаго Величества пусть будетъ намъ разрѣшено дворянское самоуправленіе. Ландмаршалъ и ландраты обязаны заботиться о сохраненіи этого учрежденія. Поэтому въ гофгерихтѣ засѣдаютъ 3 ландрата, а 4 занимаютъ должности главныхъ церковныхъ старшинъ въ своихъ округахъ. Они совѣщаются съ Генераль-губернаторомъ относительно всѣхъ дѣлъ, касающихся страны, причемъ каждый ландратъ проживаетъ въ Ригѣ въ теченіе мѣсяца и на каждое освободившееся въ странѣ мѣсто представляетъ своихъ кандидатовъ помимо ландтага, собирая голоса среди ландратовъ, ландмаршала и окружныхъ депутатовъ. Черезъ Высочайше пожалованное дворянство такое самоуправленіе будетъ содержать имѣнія и охранять дворянскій архивъ въ рыцарскомъ домѣ, гдѣ также будутъ происходить дворянскія собранія.

5) Что дворянство пользуется неограниченнымъ правомъ собственности надъ своими имѣніями, освобожденными отъ всякихъ повинностей, что оно можетъ всячески ихъ использовать, а также, что оно имѣетъ право безпрепятственно, по своему усмотрѣнію, пользоваться и отчуждать наследственное и благопріобрѣтенное имущество.

Поэтому, въ силу Высочайше пожалованныхъ привилегій, дворянство можетъ свободно и неограниченно использовать права на мукомольное дѣло, охоту, рыбную ловлю, пиво и винокурение, трактирный промыселъ, и т. д.: отнынѣ оно пользуется всѣмъ этимъ неограниченно и безъ помѣхи. Также и сдѣланныя въ 1765 г. предложенія дворянству и помѣщикамъ, чтобы обязанности крѣпостныхъ по отношенію къ помѣщикамъ были твердо установлены. Возникшія вслѣдствіе этого недоразумѣнія будутъ разсматриваться сначала въ обыкновенномъ судѣ, а затѣмъ въ комиссіи, состоящей изъ ландрата и двухъ окружающихъ депутатовъ, причемъ это не потребуетъ никакихъ издержекъ.

Хотя съ нѣкоторыхъ поръ несвоевременная продажа благопріобрѣтенныхъ имѣній безъ соизволенія страны и оспаривалась нѣкоторыми судами, а именно, во времена шведскаго владычества, но такъ какъ вмѣстѣ съ величайшей мудростью Ея Императорское Величество соединяетъ милосердіе и глубочайшую любовь къ правосудію, то дворянство надѣется, что на основаніи Всемиловивѣйшей резолюціи оно и будетъ безпрепятственно пользоваться этимъ правомъ.

6) Что страна не будетъ обязана *per modum impositionis* охранять драгоценную свободу этихъ владѣній и что отнынѣ всѣ обычно слѣдующія подати государству должны быть точно опредѣлены.

Слѣдовательно, эти подати, установленныя по предложенному нами способу, останутся неизмѣненными, и повышеніе ихъ будетъ утверждаться теперешнимъ нѣмецкимъ экономическимъ управленіемъ.

7) Что всѣ вышеуказанныя нѣмецкіе права, законы и обычаи должны остаться безъ измѣненія.

Такимъ образомъ, въ силу этихъ мѣстныхъ дворянскихъ правъ, обычаевъ, учреждений, и вслѣдствіе принятыхъ *in subsidium* нѣмецкихъ правъ и основанномъ на нихъ судопроизводствѣ всѣми судами вынесенъ такой приговоръ, что для соблюденія высшихъ интересовъ и для поддержанія порядка при всѣхъ судахъ долженъ быть назначенъ окружной фискаль, при гофгерихтѣ—оберъ-фискаль, а при губерніи—губернскій фискаль.

Должность этихъ Прокуроровъ въ Лифляндской губерніи и ея судахъ еще никогда не была учреждена, и благодаря Высочайшимъ привилегіямъ эти должности слѣдуетъ замѣщать Нѣмцами, мѣстными

уроженцами, а главнымъ образомъ лифляндскими дворянами, и такимъ образомъ долженъ быть составленъ мѣстный нѣмецкій судъ. Кромѣ того, вышеупомянутые полномочные фискалы, хотя и выполняли тѣ же самыя функціи, никогда не были вполнѣ независимыми отъ судовъ.

Таковы, Ваше Сіятельство, нѣкоторые главные пункты положенія о правахъ и привилегіяхъ, предоставленныхъ дворянамъ и помѣщикамъ всѣми Государями и Ея Императорскимъ Величествомъ, нынѣ царствующей Императрицей. Это наслѣдіе, полученное нами отъ предшественниковъ нашихъ, должно, по благосклоннымъ завѣреніямъ нашей Высокомиловитой Государыни, перейти и къ нашимъ преемникамъ, и должно быть закрѣплено навсегда за нами. Наша благодарность слишкомъ слабо выражаетъ чувства, одушевляющія сердца наши за это неоцѣнимое благодѣяніе—сохраненіе нашихъ правъ и привилегій.

Въ отдаленные вѣка будущія поколѣнія стануть благословлять Совершившую это благое дѣло, а въ сердцахъ этихъ поколѣній Ей будутъ воздвигнуты вѣчные памятники.

Мы, дворяне и помѣщики Герцогства, пребывая въ глубочайшемъ почтеніи къ Вашему Сіятельству, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаемъ наше искреннѣйшее пожеланіе, чтобы Провидѣніе сохранило Ваши столь драгоцѣнные намъ дни, продливъ жизнь Вашу до крайнихъ предѣловъ, положенныхъ человѣку.

Имѣемъ честь пребывать съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства покорнѣйшіе слуги:

Рига, въ Рыцарскомъ домѣ, 25 Іюня 1783 года.

Эрнстъ графъ Менгденъ. Ландрать.

Ф. В. Ренненкампфъ. Ландмаршалъ.

За вышеупомянутой подписью означенный докладъ былъ представленъ Его Сіятельству Господину Генералъ-Губернатору. Затѣмъ сей актъ былъ скрѣпленъ подписями нижеслѣдующихъ лицъ:

Эрнстъ графъ Менгденъ, ландратъ.

М. фонъ-Гельмерсенъ, ландратъ.

Людвигъ-Вильгельмъ графъ Мантейфель, ландратъ.

Іоганнъ Готлибъ графъ Минихъ, ландратъ.

- Фридрихъ Рейнгольдъ фонъ-Бергъ, ландратъ.
Карль Дитрихъ фонъ-Левенштернъ, ландратъ.
Ав. Гельмерсенъ, ландратъ.
Эрнстъ Бурхардтъ графъ фонъ-Менгденъ, ландратъ.
Ф. В. фонъ-Ренненкампфъ, ландмаршалъ.
Фр. С. фонъ-Бруинингъ, окружной депутатъ.
М. Ф. Герсдорфъ, окружной депутатъ.
М. Д. фонъ-Боксъ, окружной депутатъ.
В. Ловись, депутатъ.
Юг. Густавъ дѣйств. фонъ Левенвольде, депутатъ.
К. А. фонъ-Гутеръ дворянскій секретарь.

Письма Капитанъ-лейтенанта П. Воеводскаго А. П. Зонтагъ.

(Эпоха Севастопольской войны 1854—1855 г.)

1.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Оставляя Триэсть, я надѣялся скоро имѣть удовольствіе съ Вами встрѣтиться, и взялся доставить лично посылку Маріи Егоровны. Получивъ, противъ всякаго ожиданія, приказаніе отправиться прямо въ Черное море, я проѣду слишкомъ далеко отъ Тульской губерніи и потому спѣшу переслать посылку по почтѣ. Вы конечно уже знаете, что это дагеротипы и я прибавлю только, что они чрезвычайно какъ похожи; только у миленькой крошки Мери глазки вышли очень маленькіе, въ самомъ же дѣлѣ у нея очень большіе и прекрасные голубые глазки. Особенно удачно вышелъ портретъ Маріи Егоровны: у нея схвачено то самое выраженіе, которое не сходитъ съ ея лица, когда она посреди своего семейства, и которое такъ много говоритъ въ ея пользу.

Не будучи во всю жизнь никѣмъ такъ обласканъ, какъ Людвигъ Леопольдовичемъ и Марією Егоровною; принятый въ домъ, какъ родной, привязался я къ нимъ душой и грустно мнѣ было оставить Триэсть. Одно служило мнѣ утѣшеніемъ—это надежда встрѣтиться съ Вами, чтобъ передать то, чему былъ свидѣтелемъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ; чтобъ описать хоть сколько-нибудь картину совершеннаго счастья, которымъ они наслаждаются. Но судьбѣ угодно иначе и предположеніе мое выѣхать къ Вамъ въ Мишенское, по пути изъ Петербурга въ Севастополь, не осуществилось. О! многое, очень многое хотѣлось бы мнѣ передать Вамъ. Воображаю съ какимъ нетерпѣніемъ Вы слушали бы малѣйшія подробности, а для меня не могло бы быть

пріятнѣе препровожденія времени, какъ говорить о Триэстѣ.—Воспоминанія о немъ надолго останутся самыми блестящими точками на безцвѣтномъ и однообразномъ горизонтѣ моей жизни.

Понимая, какъ дороги должны быть для Васъ посылаемые портреты, долженъ сказать, что и съ своей стороны я не буду покоенъ, пока не узнаю, что они дошли по назначенію, а потому рѣшаюсь просить Васъ убѣдительно увѣдомить меня, когда получите ихъ, адресуя ко мнѣ: въ Севастополь, *Капитанъ Лейтенанту Воеводскому*.

Прошу Васъ вѣрить чувствамъ глубокаго уваженія и преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій.

P. S. Знаю, что слишкомъ мало говорилъ о тѣхъ, о комъ хотѣлось бы Вамъ слышать, но черезъ нѣсколько минутъ *сажусь въ почтовую бричку* и это можетъ служить мнѣ извиненіемъ.—Въ первый четвергъ, въ который будете писать, прошу Васъ передать мое искреннее почтеніе Маріи Егоровнѣ и Людв. Леопольдовичу.

10 Апрѣль 1854. Варшава.

2.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Вотъ уже три дня, какъ письмо Ваше лежитъ у меня безъ отвѣта, но это только потому, что послѣднее время я былъ съ фрегатомъ въ морѣ. Блокада нашихъ портовъ существуетъ только на бумагѣ.

И кажется писалъ уже Вамъ, что одинъ изъ нашихъ пароходовъ сжегъ нѣсколько Турецкихъ судовъ.—Въ настоящее время иностранныя газеты нападаютъ за это на своихъ адмираловъ и чрезвычайно бранятъ ихъ. Что то скажутъ онѣ, когда узнаютъ, что двѣ недѣли назадъ повторилось тоже самое, и опять у самага Босфора?—

Я много виноватъ передъ Вами въ неаккуратности послѣдняго письма моего. Не помню, что помѣшало мнѣ, но только мнѣ не удалось сказать многого, что хотѣлось, а именно: поговорить о Вашихъ знакомыхъ. Поклонъ Вашъ я передалъ одному П. М. Вукотичу, его это очень порадовало и онъ разспрашивалъ подробно, гдѣ Вы живете. Кажется, онъ собирается самъ къ Вамъ писать, а между прочимъ просилъ засвидѣтельствовать Вамъ почтеніе.—За прямодушіе и рѣдкое безкорыстіе, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и вообще имѣетъ столько достоинствъ, что несмотря на то, что три раза имѣлъ несчастіе сходить съ ума, въ настоящее время онъ опять на дѣйствительной службѣ.—Онъ совершенно здоровъ и на эскадрѣ четвертымъ Адмираломъ. Никто не сомнѣвается, что корабль свой онъ подведетъ вплоть къ непріятелю, а больше ничего и не нужно.—

Трудно описать, какое одушевленіе и какой порядокъ на всемъ флотѣ. Я думаю, это самая блестящая эпоха его. Встрѣчи съ непріателемъ ждуть, какъ праздника, и будь онъ въ равныхъ силахъ, нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ.—

Но я опять уклонился отъ предмета, и обращаюсь къ Н. Мих. Стонюковичу. Онъ Вице-Адмиралъ и Военный Губернаторъ Севастополя. Привычка жить не по состоянію, или вѣрнѣе выразиться: беспорядочная жизнь и семейство изъ 4-хъ или 5 человѣкъ, вѣроятно, оправдываютъ въ его глазахъ дѣйствія, клонящіяся не для пользы ближняго, а къ собственной Его Превосходительства выгодѣ.—Его супруга, Люб. Ѳедотьевна, здравствуетъ.—Охотница пощеголять: несмотря на свою древность, одѣвается по картинкѣ, и ее нельзя видѣть безъ смѣха.—

Ѳед. Иван. Рачъ человѣкъ совсѣмъ другого рода. Онъ въ чинѣ Генер.-Маіора и командуетъ какою то частью Ластовыхъ экипажей, а слѣдовательно военную карьеру долженъ считать оконченною, за то онъ извѣстенъ, какъ прекрасный, весьма добрый человѣкъ. Въ семействѣ совершенно счастливъ, на трудовую копейку построилъ хорошенькій домикъ и имѣетъ хуторъ, который приноситъ ему доходъ.

Ни на службѣ, ни въ частномъ быту, я никогда съ нимъ не встрѣчался—вотъ причина, что не передалъ Вашего поклона.—

Тихо и покойно было все, когда я началъ письмо это, но вотъ на Телеграфѣ дають знать, что виденъ непріятельскій флотъ, а къ вечеру

106 судовъ съ десантомъ стали у мыса Лукула, верстахъ въ 40 отъ Севастополя. Все ожило и закипѣло у насъ. Мѣсто высадки обозначилось и наши собираются со всѣхъ сторонъ.—Къ полдню у нихъ было свезено до 15 тысячъ; дѣла еще не было—завтешній день рѣшить многое.—Мѣстность гористая, чрезвычайно намъ благопріятная, войска довольно и съ Божіею помощію ожидаемъ успѣха.—На всякій случай изъ моряковъ составили 8 батальоновъ, въ которыхъ до 6000 челов.

Я команду однимъ изъ батальоновъ и весь день прошелъ въ формированіи и изготовленіи его. Съ фрегата своего я взялъ 300 челов.; но самое трудное было выбрать 70, которые должны остаться: всѣ хотятъ идти въ дѣло, просятъ какъ особенной милости, чтобъ взять съ собой, и я былъ въ затрудненіи.—Чего не сдѣлаешь съ эдакими людьми?—

Отъ души благодарю Васъ за Ваше ко мнѣ участіе, которому я знаю цѣну. Ладонку сдѣлалъ и надѣлъ съ полною вѣрою. Молю Бога, чтобы далъ возможность исполнить долгъ свой, и чтобъ потомъ привела судьба съ Вами увидѣться.

Извѣстіе о Маріи Егоровнѣ меня очень порадовало. Я былъ такъ счастливъ, что самъ получилъ отъ нея письмо изъ Вѣны. На слѣдующей почтѣ буду писать о дѣйствіяхъ непріятели и надѣюсь порадовать Васъ, а теперь съ чувствомъ истиннаго почтенія и глубокой преданности имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

P. S. Фрегатъ мой называется Сизополь.

2 Сентября 1854. Полночь.

3.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Спѣшу воспользоваться немногими свободными минутами, чтобъ написать Вамъ нѣсколько словъ о томъ, что у насъ дѣлается.

Непріятель высадилъ до 75 тыс., стоитъ на равнинѣ подъ защитою своихъ кораблей и дальше не трогается.—Нашихъ до 50 тыс.

окружаютъ непріятеля со всѣхъ сторонъ и куда бы онъ не тронулся, онъ долженъ брать высоты, занятыя нашими войсками и артиллеріею.—Войска прибываютъ къ намъ безпрестанно со всѣхъ сторонъ и каждый часъ, что непріятель не двигается, для насъ огромная выгода. Артиллеріи у насъ гораздо больше и успѣхъ несомнителенъ. Одушевленіе въ войскахъ необыкновенное, а казаки не даютъ покоя ни одну ночь. Пробираются въ самую средину лагеря, таскаютъ лошадей и людей, и такъ удачно, что хотя не было еще перестрѣлки, а плѣнныхъ до 100 челов.

На корабляхъ переходъ войскъ продолжителенъ и люди измучены; кажется, нейдутъ впередъ, чтобъ поправиться. Нашимъ этого не нужно.—

Для защиты Южной части города сформированы батальоны изъ моряковъ; я командую однимъ изъ нихъ и у меня до 600 человекъ.

Всякая похвала людямъ будетъ недостаточна; только въ такое тяжкое время можно оцѣнить ихъ. Прощайте. Если Богъ приведетъ пережить до слѣдующей почты, опять буду писать къ Вамъ, а теперь съ чувствомъ истиннаго почтенія и преданности остаюсь почитающій Васъ

Платонъ Воеводскій

7 Сентября 1854.

4.

Дѣла наши идутъ незавидно: войска отступаютъ и берутъ другую позицію. Наша потеря въ сраженіи 8 Сентября до 4-хъ тыс. Непріятель потерялъ столько же.

Пишу въ большихъ хлопотахъ и потому неаккуратно. На слѣдующей почтѣ письма не ждите. Кромѣ того, что будетъ некогда, да Татары начинаютъ шалить и грабятъ по дорогамъ и почта ходитъ съ опасеніемъ.

Весь Вашъ Платонъ Воеводскій

10 Сентября 1854.

5.

Положеніе наше, Почтенная Анна Петровна, вполне незавидное. Сегодня шестой день, какъ насъ бомбардируютъ съ берегу и моря.—

Съ Южной стороны, откуда ведется главная атака, нѣтъ у насъ, какъ Вы знаете, никакихъ укрѣпленій. Во время отступленія Князя *) успѣли поставить много пушекъ, насыпали валы, но стѣнъ или рововъ и вообще принадлежностей крѣпости нѣтъ и слѣдовъ, и главная защита—это грудь матросская.

Артиллерія непріятельская самага огромнаго размѣра, 48 и 68 фунтовые, бьютъ чрезвычайно далеко. Городъ разрушаютъ; людей убываетъ изъ фронта много, а Князь стоитъ по близости и не трогается. Чѣмъ все это кончится—знаетъ одинъ Богъ, а я думаю, что спасти Севастополь можетъ одно Провидѣніе.

Самое тяжелое, что нѣтъ надежды на лучшее войско, у Князя кажется мало.

Много было прекрасныхъ подвиговъ у насъ, много еще будетъ. Но тяжелѣе всего то, что, кажется, въ Россіи думаютъ, и Князь увѣрилъ и Государя, что Севастополь укрѣпили, тогда какъ я повторяю, что ихъ (укрѣпленій) не существуетъ.—Вчера охотники пробрались ночью въ непріят. траншеи и испортили и заколотили 9 орудій.

Извините за неаккуратность: пишу подъ ядрами и только желаніе мое оправдаться передъ Вами въ случаѣ несчастія заставляеть меня взяться за перо.—Я думаю, это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ моего къ Вамъ уваженія.

Если Богъ дастъ пережить—буду непременно у Васъ.

Маріи Егоровнѣ прошу Васъ передать мой искренній привѣтъ, также и Людв. Леопольдовичу.—Писать къ нимъ теперь не время. Душой и сердцемъ преданъ Вамъ

Платонъ Воеводскій

10 Сентября.

Владимиръ Алексѣевичъ *Корниловъ* умеръ истиннымъ героемъ—потеря невознаграждаемая. Я завидую Петр. Марковичу (Вукотичъ): онъ снова лишился разсудка, за то, по крайней мѣрѣ, не знаетъ нашего положенія.

*) Кн. Меншиковъ, Главнокомандующій.

6.

Дѣла наши поправились и скоро надѣюсь чѣмъ-нибудь порадовать, а были послѣднее время плохи. Почтовую дорогу непріатель занялъ и сообщенія съ Крымомъ не было, вотъ причина моего молчанія. Не безпокойтесь на будущее время. Теперь пишу съ парохода, можетъ удастся проскочить.

Прошу объ одномъ: увѣдомить Марію Егоровну, что дѣла вовсе не такъ худы, какъ разглашаютъ, и напрасно, чтобы не вѣрили иностраннымъ газетамъ.

Пл. Воеводскій

18 Сентября 1854 г.

Я въ лагерѣ—пишу на барабанѣ.

7.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Конечно, мнѣ не нужно увѣрять Васъ, что только одна невозможность переслать письмо была причиною моего молчанія.

Теперь, когда почтовый трактъ очищенъ отъ непріателя, и контора возобновила свои дѣйствія, спѣшу сказать Вамъ нѣсколько словъ о нашемъ положеніи.—

8-го Сентября непріательскія войска, въ числѣ до 70 т., напали на наши. Кн. Меншиковъ, считавшій позицію свою неприступною, обманулся въ своихъ предположеніяхъ.—

Часть непріят. войскъ была перевезена на корабляхъ и пароходахъ; они-то обошли нашъ лѣвый флангъ и были главною причиною отступленія. Меншиковъ такъ мало этого ожидалъ, что на лѣвомъ флангѣ *вовсе* не имѣлъ артиллеріи, а вся она была сосредоточена на правомъ и въ центрѣ. Ошибка непростительная тѣмъ болѣе, что числомъ орудій мы имѣли преимущество передъ непріателемъ.—

Много было въ этотъ день примѣровъ личной храбрости и рѣдкаго самоотверженія, но не доставало главнаго: порядка, и непріатель

имѣть право хвалиться побѣдою, такъ какъ за нимъ осталось поле сраженія, два орудія и много нашихъ раненыхъ. Изъ нихъ 340 человекъ перевезены Англичанами въ Одессу.

Московскій полкъ пришелъ изъ Керчи только за часъ передъ сраженіемъ и послѣ 60-ти верстнаго перехода едва имѣли время, чтобъ вздохнуть свободно.—Люди были истомлены и положеніе ихъ было незавидное. Долго стояли они въ оврагѣ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, не нанося никакого вреда, и только впослѣдствіи приняли дѣйствительное участіе; изъ полка выбыло 1100 человекъ солдатъ и 26 офицеровъ. Это мнѣ извѣстно положительно, такъ какъ въ настоящее время мой батальонъ стоитъ рядомъ съ Москвцами.—Владимирскій полкъ ходилъ нѣсколько разъ въ штыки, но бесполезно, потому что непріатели отступали и уничтожали колонны артиллеріею и ружейнымъ огнемъ.—

Отступленіе войскъ было самое беспорядочное. Не было сдѣлано никакихъ распоряженій и всякій шелъ, куда попало. Если бы непріатель насъ преслѣдовалъ, наша армія была бы уничтожена и мы непременно лишились бы всей артиллеріи. Къ счастью, онъ далъ время разсѣяннѣмъ войскамъ собраться черезъ нѣсколько дней.—Вся потеря наша убитыми и ранеными простирается до 6000, а у непріателя до 4000 человекъ.—

6 числа утромъ, всѣ Адмиралы и Капитаны были собраны на военный совѣтъ. Начальникъ Штаба объявилъ, къ общему удивленію, что Князь рѣшился покинуть городъ и флотъ, такъ сказать, на жертву непріателю, а самъ съ войскомъ отступалъ. Нач. Штаба предложилъ, и это было принято большинствомъ, выдти со всѣмъ флотомъ въ море и дать сраженіе. Непріатель имѣлъ 25 кораблей, мы—14-ть. Результатъ ни для кого не былъ задачею, но, по крайней мѣрѣ, можно было бы умереть съ честію. Князь не согласился и на это (послѣдствія его оправдали), а приказалъ утопить на фарватерѣ нѣсколько кораблей, чтобъ помѣшать входу непріателя въ Севастополь. Пять кораблей и два фрегата были обречены на это, въ числѣ ихъ и мой Сизополь.—

Что я чувствовалъ, прорубая свой фрегатъ, не стану описывать, скажу только, что, вѣрно, немногимъ приходилось испытывать подобное чувство. Въ 11 часовъ ночи я прорубилъ его—въ 2 часа онъ съ страшнымъ трескомъ погрузился на дно въ глазахъ моихъ.

Князь отступилъ и нѣсколько дней никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ на Сѣверной сторонѣ не остава-

лось и 1000 чел. гарнизону, и непріятель легко могъ ихъ занять безъ потери.—Въ такомъ критическомъ положеніи Нач. Штаба принялъ на себя начальство надъ всею Сѣвѣрною стороною. Изъ экипажей затопленныхъ судовъ сформировали батальоны; свезли часть командъ съ другихъ кораблей и такимъ образомъ въ главномъ укрѣпленіи составилъ гарнизонъ до 9000 чел. Въ тоже время Пав. Степан. Нахимовъ взялся укрѣплять городовую сторону. Работали день и ночь: рыли шанцы, свозили корабельныя орудія и устанавливали ихъ. Много было сдѣлано, но доставало главнаго—гарнизону.—

Всѣ ожидали, что на высотахъ Инкерманскихъ Князь дастъ сраженіе. Гористая мѣстность представляла множество выгодъ и были мѣста, которыя могли бы сдѣлаться новыми Термопиллами.—

Не желая ослаблять силъ своихъ, непріятель не тронулъ Сѣв. укрѣпленій и пошелъ за Княземъ.

14-го Сентября слышна была пушечная пальба, а въ ночь узнаемъ, что Князь *пропустилъ* непріятеля: перешелъ самъ со всѣмъ войскомъ на Сѣвѣрную сторону, а ему отдалъ Городовую. Второй разъ былъ Севастополь, такъ сказать, въ рукахъ непріятеля, но Провидѣніе хранило насъ, пославши намъ такихъ начальниковъ, какъ Вл. Алексѣев. Корниловъ и Пав. Ст. Нахимовъ.

Въ нѣсколько часовъ всѣ войска (кромѣ 800 чел.) были перевезены съ Сѣвѣрной стороны въ городъ. На корабляхъ оставили по нѣсколько человѣкъ, изъ остальныхъ сформировали батальоны и такимъ образомъ составилось 14 тыс. гарнизону, готовыхъ умереть на стѣнахъ города.

Въ прекрасной рѣчи людямъ пояснили наше положеніе; объявили, что намъ нѣтъ поддержки, и что, кромѣ Бога и самихъ себя, не на кого надѣяться. На послѣднія слова: что Государь и вся Россія ждуть отъ насъ этой услуги—громкое, единодушное ура было отвѣтомъ. Тотчасъ же принялись за работы и на батарее въ 5 орудій явилось 54 корабельныхъ. Покоясь на лаврахъ, непріятель не торопился, пропустилъ 2 дня, а когда подошелъ, то увидѣлъ, что у насъ 120 орудій тамъ, гдѣ по словамъ лазутчиковъ ихъ не было вовсе.

Въ настоящую минуту ихъ 260 и къ нимъ 25 тыс. гарнизону. Сказать правду, мы вздохнули свободнѣе съ 21 числа, когда Князь прислалъ къ намъ нѣсколько полковъ. Постоянно ждемъ штурма, но непріятель не рѣшается покамѣстъ, не знаемъ, что будетъ дальше.

Князь съ 25 тыс. стоитъ у нихъ въ тылу. Черезъ 4 дня ждемъ дивизию Г.-Лейтенанта Липранди; за ней идутъ еще войска и если Богъ дастъ продержаться еще недѣлю, тогда будемъ совсѣмъ покойны, а въ ожиданіи этого живемъ на бивакахъ. Наступаетъ холодное время, но больныхъ у насъ нѣтъ. Къ намъ перебѣжали шестеро Англичанъ и объявили, что терпятъ нужду въ провизіи и водѣ, но больше ничего неизвѣстно. Вотъ все, что могу сказать въ настоящее время; пишу въ палаткѣ и на барабанѣ и потому не удивляйтесь неаккуратности письма. Съ чувствомъ истиннаго почтенія и совершенной преданности остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга

Платонъ Воеводскій

27 Сентября 1854 г.

8.

Вчера писалъ я Вамъ, Многоуважаемая и Почтенная Анна Петровна, о незавидномъ нашемъ положеніи, а сегодня спѣшу подѣлиться вѣстью болѣе отрадною: войскъ много прибыло и скоро начнутъ дѣйствовать иначе; покамѣстъ не могу сказать ничего болѣе, но есть вѣроятности, что скоро мы будемъ въ лучшемъ положеніи.--

Не знаю, какъ благодарить за письмо Ваше отъ 24 Сентября, въ которомъ такъ много высказывается столь цѣнное мною Ваше расположеніе.—

Я очень радъ, что Вамъ извѣстно, что Севастополь съ Южной стороны не укрѣпленъ и, слѣдовательно, отдадите справедливость тѣмъ, которые отстаивали его, такъ сказать, своей грудью. Впродолженіе 5 дней его защищали одни моряки противъ всѣхъ непріятельскихъ силъ, но предводимые своими достойными Адмиралами, они могли сдѣлать многое.

Ночью подошелъ транспортъ пороха, что меня не мало порадовало, такъ какъ недостатокъ былъ ощутителенъ.—

Сегодня 7-й день бомбардировки, но, слава Богу, легче, чѣмъ въ тѣ дни; причина одна изъ двухъ: или перебили много хорошихъ артиллеристовъ—или недостатокъ снарядовъ.—

Каждый день ознаменовывается подвигами истиннаго и рѣдкаго мужества: въ особенности отличается наша молодежь. Описывать

теперь некогда. Вообще прошу извинить за неаккуратность письма: пишу на бивакахъ и въ добавокъ подъ ядрами.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія остаюсь преданный и уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

11 Октября 1854.

9.

Спѣшу подѣлиться съ Вами, Почтеннѣйшая Анна Петровна, нашею радостію: вчера начали наши войска (кажется, по повелѣнію Государя) наступательное движеніе и одержали верхъ; слѣдствіемъ прекрасныхъ распоряженій начальствоваващаго Геп.-Лейтенанта Липранди было взятіе 4-хъ редутовъ и 11-ти орудій. — Князь тотчасъ же сообщилъ о побѣдѣ въ Севастополь и когда объявили матросамъ, громкое ура было отвѣтомъ, и первый разъ развеселились они въ продолженіе 9 тяжелыхъ дней. — Сегодня 10-й день бомбандировки. Оттого ли, что двинулись наши войска, или у непріятелей осталось мало снарядовъ, только вчера и сегодня перестрѣлка гораздо тише. Видно, что она всѣхъ утомила; въ первые дни начинали въ 6 часовъ утра и продолжали непрерывно 12 часовъ, теперь же начинаютъ въ 7 и кончаютъ въ 5¹/₂.

Непріятель имѣетъ важное преимущество передъ нами: каждое ядро его или бомба, которыя не попадутъ въ наши батареи, летятъ въ городъ, его же войска, кромѣ дѣйствующихъ у орудій, невредимы, потому что лагерь внѣ выстрѣловъ. На зажигательные снаряды онъ не скупится и множество бомбъ и Конгревовыхъ ракетъ пущено въ городъ, но зданія всѣ каменные и пожаровъ мало.

Не помню, писалъ ли я Вамъ, что въ первый день бомбандировки участвовали ихъ корабли, сперва 8 англійскихъ, а черезъ 3 часа ихъ смѣнили столько же французскихъ. Самый меньшій изъ кораблей имѣлъ 84 пушки, слѣдовательно съ одной этой стороны дѣйствовало около 800 орудій, не считая парусовъ. Но, кажется, имъ съ перваго раза отбили охоту къ подобнымъ предѣлкамъ и больше они не подходятъ. Всѣ дѣйствія ихъ арміи съ Южной стороны, гдѣ дѣйствительно не было ни одной пушки и ихъ поставили только послѣ сраженія при Альмѣ, или вѣрнѣе выразиться, послѣ того, какъ Князь отказался отъ Севастополя. —

Къ 20-му Октября должны прибыть еще 2 дивизіи подъ начальствомъ Генераловъ Павлова и Соймонова. Тогда, конечно, начнется общее наступленіе, а Липранди долженъ былъ остановиться на короткое время, чтобы укрѣпить взятые редуты.

Потеря наша въ людяхъ значительна, да и можетъ ли быть иначе, когда всѣ батареи заняты моряками.—Въ особенности несчастливъ на офицеровъ: можно выразиться, что убываетъ цвѣтъ нашего флота; въ настоящее время убитыми и ранеными мы лишились 15 Штабъ-Офицеровъ и болѣе 30 Оберъ-Офицеровъ. Яновскій живъ и здоровъ, но со дня бомбандировки я не видалъ его.—Надо было назначить на 4-хъ-пушечную батарею дѣльнаго офицера и выборъ мой палъ на него.—Теперь онъ въ двухъ верстахъ отъ меня, но по дѣйствию батареи я вижу, кто ею управляетъ. Третьяго дня мнѣ сказали, что онъ раненъ; я послалъ офицера провѣдать его, и къ крайнему удовольствію узналъ, что это неправда. При первой встрѣчѣ я передамъ ему, какое участіе Вы берете въ немъ, а теперь позвольте отъ обоихъ насъ искренно Васъ поблагодарить.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой

Платонъ Воеводскій

Октября 14-го 1854.

10.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Пропустилъ двѣ почты, чтобъ потомъ порадовать Васъ вѣстію о началѣ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; дождались, наконецъ, мы этого, и все таки не могу сказать ничего пріятнаго.—

Вчера было дѣло, не давшее намъ никакого перевѣса. У насъ было до 50 тыс. Солдаты шли храбро. Заставили сперва отступить непріятеля и заняли даже одну значительную батарею, но не были поддержаны и въ свою очередь должны были отступить. Мы могли удержать позицію и Князь хотѣлъ этого, но командовавшій центромъ Генер. Даненбергъ отступилъ, какъ говорятъ, безъ приказанія и вслѣдствіе этого всѣ войска отступили на старыя мѣста, въ Севастополь. У насъ потеря около 2000; у непріятеля говорятъ больше, что весьма вѣроятно,

но такъ какъ наши отступили, то, пожалуй, будетъ тщеславиться побѣдой.—Неудачи приписываютъ тому, что составившій планъ атаки Генераль Соймоновъ раненъ при самомъ началѣ дѣла, да и началъ онъ, не выждавши другихъ. По моему мнѣнію, главная причина—недостатокъ распорядительности, за что мы не очень признательны, такъ какъ бомбандировка Севастополя не только не прекращается, но сегодня сильнѣе, чѣмъ была въ послѣдніе дни. Вѣроятно, пройдетъ еще нѣсколько времени прежде, чѣмъ опять начнутъ дѣйствовать, такъ какъ убито и ранено много офицеровъ, въ томъ числѣ полковыхъ и батальонныхъ командировъ, и вообще надо привести въ порядокъ войска.—

Много порадовали и ободрили *всѣхъ* своимъ присутствіемъ бывшіе вчера Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Они благодарили насъ отъ имени Государя и вообще были чрезвычайно ласковы.—

Такъ какъ мы, флотскіе, не избалованы въ этомъ отношеніи, то и цѣнимъ это чрезвычайно высоко. Князья остаются въ Севастополѣ.—

Вотъ все, что могу Вамъ сказать въ настоящее время, и пока обстоятельства не измѣнятся къ лучшему, врядъ ли буду писать.—Съ прибытіемъ войскъ считаю потерю Севастополя невозможной.

Маріи Егоровнѣ и всему семейству ея мой самый искренній поклонъ.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія и преданности остаюсь Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

Р. С. Ив. Сем. Яновскій свидѣтельствуетъ Вамъ почтеніе, Акимова же не удалось видѣть. У Князя всего войска, считая и Севастопольскій гарнизонъ, до 130 тысячъ.—

25 Октября 1854 года.

11.

Откровенно сознаюсь Вамъ,

Почтенная Анна Петровна,

что не хотѣлъ писать къ Вамъ, пока не буду въ состояніи сказать что нибудь радостное или хоть сколько нибудь пріятное; но Ваше дружеское, полное пріязни письмо отъ 13 Октября заставляеть меня опять взяться за перо.

Право, не нахожу словъ, чтобъ благодарить Васъ за Ваше ко мнѣ расположеніе.—Вы повѣрите мнѣ, когда скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ десять лѣтъ назадъ имѣлъ я несчастіе лишиться матушки. никто не высказывалъ мнѣ столько пріязни.

Теперь къ дѣлу! Положеніе наше то же самое: какъ и прежде—насъ бомбандируютъ: по прежнему увѣрены, что отстоимъ городъ, и по прежнему люди выбываютъ изъ строя; впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ они палятъ гораздо меньше, а въ послѣдніе три дня едва пустили по нѣсколько ядеръ. Вѣроятно, у нихъ недостатокъ въ снарядахъ. Между тѣмъ они окапываются, строятъ редуты и вообще укрѣпляются; по временамъ замѣтно движеніе войскъ, но что думаютъ они предпринять,—это никому неизвѣстно. Я думаю, что они укрѣпляютъ свой тылъ, чтобъ обезопасить себя отъ войскъ Липранди, и тогда попробуютъ сдѣлать нападеніе на Севастополь. Это слишкомъ заманчиво для ихъ славы, да и очень нужно, чтобъ имѣть безопасное убѣжище для судовъ.—Стоять эскадрѣ зимою тамъ, гдѣ она стояла до этихъ поръ—рѣшительно невозможно, а въ Балаклавской бухтѣ слишкомъ тѣсно. *Второе Ноябрь, впрно*, заставило ихъ призадуматься; въ этотъ день жестокимъ морскимъ вѣтромъ выброшено до 30 судовъ, въ томъ числѣ одинъ турецкій корабль, два фрегата и два парохода; девять большихъ транспортовъ и остальные купеческія суда.—Транспорты были съ провіантомъ и снарядами; на 2-хъ купеческихъ судахъ были только что привезенные французскіе гусары, а на остальныхъ находился уголь и другіе запасы.

Суда разбросаны на пространствѣ отъ Балаклавы до Кизлова. Такъ какъ и 3-го числа волненіе было огромное, то, вѣроятно, не удастся спасти ни одного изъ судовъ, а нѣкоторые намъ удалось сжечь.

Послѣ сраженія 24-го Октября наши оправились совершенно, но ничего не предпринимали, да Богъ знаетъ, и предпримутъ ли чтонибудь? Планъ Меншикова, ежели у него и есть какойнибудь, конечно, никому неизвѣстенъ. Не хотятъ ли представить времени и, такъ сказать, вымораживать непріятели? Въ нашемъ краѣ это не совсѣмъ удобно, такъ какъ до этихъ поръ погода стоитъ чрезвычайно теплая. Конечно, неудобство этого рода войны болѣе ощутительно для защитниковъ Севастополя, чѣмъ для арміи. Несомнѣнно одно, что непріятель укрѣпляется и что съ каждымъ днемъ труднѣе и труднѣе будетъ выбить его изъ позиціи.

Война имѣетъ дурное вліяніе на человѣка въ нравственномъ отношеніи. Обыкновенно съ ужасомъ и участіемъ слышимъ о крушеніи,

теперь сердце радуется, узнавши о гибели 30 судовъ. Впрочемъ, это ожесточеніе извинительно тѣмъ, кого бомбандируютъ болѣе мѣсяца. Я началъ письмо рано утромъ, когда кругомъ была тишина, кончаю его подъ наскучившую всѣмъ давно музыку ядеръ.—Надо отдать справедливость непріятелямъ: они дѣйствуютъ благоразумно, осторожно и навѣрное.—Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о нашихъ.

Я въ той надеждѣ, что горячія мольбы Россіи будутъ услышаны, и Провидѣніе ниспошлетъ намъ свою помощь—безъ этого намъ плохо.

О малѣйшей самой незначительной удачѣ, я тотчасъ же сообщу Вамъ, описывать противное этому и грустно и тяжело.

Маріи Егоровнѣ, Люд. Леопольд. и Аннеточкѣ прошу передать мой искренній привѣтъ.

Глубоко уважающій и душевно преданный Вамъ

Платонъ Воеводскій

Сейчасъ принесли мнѣ вѣрное извѣстіе, что вчера вечеромъ 2 колонны Англичанъ отправились вырѣзать нашу цѣпь: въ цѣпи были матросы, всего съ подкрѣпленіемъ до 250 челов.: они бросились въ штыки, отняли 20 челов. плѣнныхъ, нѣсколькихъ убили и остальныхъ прогнали.

9-го Ноября 1854.

12.

Только вчера получилъ я,

Почтеная Анна Петровна,

письмо Ваше отъ 28-го Октября. Право не знаю, какъ благодарить Васъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ полезны мнѣ Ваши письма: полныя вѣры и упованья на помощь Всемогущаго, они подкрѣпляютъ и меня; а сознаюсь Вамъ чистосердечно, мнѣ это нужно.— Не то, чтобъ положеніе наше было отчаянное. Нѣтъ! Оно гораздо лучше, чѣмъ прежде, но, все же, не видать исхода этой пасчастной экспедиціи и невольно возлагаешь надежду на одно Провидѣніе. Положеніе наше почти то же, только дѣйствіе непріятельской артиллеріи почти прекратилось. По словамъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, они ждутъ

подкрѣпленія и тогда, унччтоживши нашу артиллерію, пойдутъ на штурмъ. Конечно, это легче сказать, чѣмъ исполнить.—Въ настоящее время они усиливаютъ свои батареи—мы дѣлаемъ то же.—

На штурмъ собираются Французы, а у Англичанъ пропала охота; у нихъ, кромѣ холеры, цынга, а въ войскахъ, расположенныхъ ближе къ Инкерману, господствуетъ лихорадка, сопровождающаяся странными симптомами: на человѣка находятъ какая то *дурь*, и онъ дѣлается неспособнымъ мыслить. Думая, что люди притворяются, начали лѣчить по своему, но нѣсколько человѣкъ умерли вскорѣ послѣ наказанія, и тогда увидѣли ошибку.

Кромѣ этого, они лишились четырехъ лучшихъ Генераловъ.

Каткартъ убитъ; начальникъ всей артиллеріи тоже; *Кемпбелъ* по словамъ однихъ убитъ, по другимъ раненъ; *Бруунъ* раненъ. Все это причиною упадка духа, и чтобъ поддержать, Рагланъ обѣщаль имъ скорое возвращеніе, только сперва онъ хочетъ ежечь русскій флотъ, а взятіе Севастополя въ настоящую минуту считаютъ неудобнымъ. Прибытіе подкрѣпленія (они ожидаютъ всего до 30 тыс.) можетъ измѣнить образъ ихъ дѣйствія и предпринять что нибудь рѣшительное. Вчера выбѣжали къ намъ два Бельгійца и объявили, что у Французовъ тоже много больныхъ. Одинъ изъ нихъ очень сердитъ на своихъ и рассказалъ подробно устройство батарей. Они все еще увѣрены, что возьмутъ Севастополь.

Плѣнные показываютъ, что Наполеонъ велѣлъ взять Севастополь во что бы ни стало, и что, получивши подкрѣпленіе, Французы пойдутъ на штурмъ одни, а Англичане будутъ прикрывать лагерь: я считаю это возможнымъ. Вотъ въ какомъ положеніи мы въ настоящую минуту.

Можетъ быть, я сказалъ бы и больше, да боюсь цензуры: говорятъ, что письма прочитываютъ и многія не отсылаютъ.—Прежнія я имѣлъ возможность отсылать до Кіева не по почтѣ. Потеря наша 24-го Октября была до 9000 человѣкъ и показана въ донесеніи вѣрно.

Въ заключеніе, позвольте поздравить съ наступающимъ Новымъ Годомъ и пожелать, чтобъ онъ прошелъ для Васъ, а слѣдовательно и для дорогого нашего отечества, счастливо.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь душевно преданный Вамъ

Платонъ Воеводскій

Р. С. Ив. Сем. Яновскій свидѣтельствуетъ Вамъ почтеніе.

Маріи Егоровиѣ, Аннеточкѣ и Люд. Леопольдовичу прошу передать мой искренній привѣтъ, также и отъ Яновскаго.

26 Ноября 1854.

13.

Почтенная Анна Петровна!

Только покойная Матушка могла писать ко мнѣ такъ, какъ Вы. Только въ ея письмахъ могъ я найти такъ много истиннаго участія. И какъ оно дорого для меня! въ особенности въ настоящія минуты. Не стану благодарить Васъ, потому что не нахожу словъ высказать, что у меня на душѣ.

Если милосердый Господь услышитъ молитвы Ваши, и я останусь живъ, о!, съ какимъ удовольствіемъ пріѣду тогда я къ Вамъ, чтобъ обнять Васъ, какъ самую дорогую и близкую родственницу.

Письма Ваши отъ 4-го и 18-го Ноября я только что получилъ, и оба вмѣстѣ, что можетъ служить доказательствомъ какъ неисправности дорогъ, такъ и самыхъ почтъ.—

Вы такъ хорошо помните Севастополь, что, можетъ быть, я буду въ состояніи описать наши укрѣпленія.

„Мысль Доброй Надежды“ въ наше время носить названіе „Мыса свободныхъ размышленій“.

Какъ и прежде, это было любимымъ мѣстомъ гуляній, и двѣ густыя аллеи орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ составляли единственный городской бульваръ. Теперь нѣтъ ни одного дерева; большая часть уничтожены ядрами, остальные срублены на туры и фашины, и только огромная батарея, выстроенная на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, и носящая названіе Бульварной, напоминаетъ о немъ. Съ лѣвой стороны крутой и обрывистый берегъ спускается къ Южной бухтѣ. Правѣе батареи идетъ низменное, ровное мѣсто, на которомъ устроена батарея № 4-ый. Здѣсь ближе всего подвелъ непріятель свои траншеи; здѣсь въ настоящее время самая большая потеря въ людяхъ отъ бомбъ и штуцерныхъ нуль, и здѣсь чаще всего бывають по ночамъ схватки съ непріателемъ. Противъ этого же мѣста ведутъ они мину, по у насъ есть весьма искусныя саперы, которые ведутъ свои

работы, и въ этомъ отношеніи мы совершенно покойны.—Правѣ 4-го №-а идетъ, по направленію къ кладбищу, опять возвышенность; по всему протяженію ея устроены батареи, примыкающія къ каменному каземату, носящему названіе бастіона № 5-ый. Отъ него, по направленію къ сѣверу, почти перпендикулярно къ рейду, идетъ оборонительная стѣна, на протяженіи около $3\frac{1}{4}$ версты и оканчивается бастіономъ № 6-ой, подобнымъ 5-му. На каждомъ изъ нихъ было по четыре орудія—и этимъ ограничивались укрѣпленія наши; теперь, впереди ихъ устроены полукругомъ батареи, и каждая имѣетъ до 50 орудій самаго тяжелаго калибра.—

Оборонительная стѣна, какъ и всѣ работы инженеровъ въ мирное время, отличается непрочностію: она можетъ сохранить отъ ружейнаго огня, но ядрами очень скоро будетъ уничтожена. Бастіонъ № 6-ый примыкаетъ почти вплотъ къ линіи морскихъ укрѣпленій, устроенныхъ прежде, и дѣйствительно столь грозныхъ, что несмотря на огромныя силы, непріятельскій флотъ не рѣшился войти, когда еще была къ тому возможность. Нельзя не сказать, что англійская эскадра не отличается тою отвагою и самоувѣренностію, которою такъ гордилась прежде, и кажется блестящія эпохи Джервиса и Нельсона прошли для нихъ безвозвратно.

Противъ батарей на бульварѣ, только по другую сторону Южной бухты, на возвышенной плоскости, устроена батарея № 3-ій не, менѣе, какъ изъ 70 орудій.

Глубокій и длинный оврагъ, называемый у насъ Гошпитальною балкой, отдѣляетъ ее отъ другой возвышенности, называемой Малаховымъ курганомъ. На немъ тоже была башня въ 4 орудія, разрушенная въ первый день бомбардировки; теперь спереди ея и по обѣимъ сторонамъ устроены чрезвычайно сильныя батареи, которыя въ памяти покойнаго Адмирала вѣдно именовать бастіономъ Корнилова. Еще лѣвѣе, въ такъ называемой Ушаковой балкѣ, идутъ батареи № 2 и 1-ый, но онѣ не такъ сильны, потому что мѣсто это можетъ быть обстрѣливаемо съ кораблей.

Такимъ образомъ, городъ окруженъ цѣнью укрѣпленій, устроенныхъ большею частью послѣ альминскаго дѣла.

Я могъ бы описать ихъ подробнѣе и начертить маленькій планъ, но боюсь, чтобъ письмо, не дойдя до Васъ, не попало къ какому ни-

будь неблагонамѣренному человѣку. Прибавлю только, что въ настоящее время у насъ строятъ вторую линію изъ укрѣпленныхъ редутовъ.—

Вы спрашиваете: справедливо ли, что наши заклепали непріятельскія орудія? Это дѣйствительно было, только не было надобности ходить босикомъ(?). Главная причина успѣха этого молодецкаго дѣла—безпечность непріятелей. Впослѣдствіи, имъ дали еще нѣсколько прекрасныхъ уроковъ.—Двѣ недѣли назадъ, охотники наши забрались ночью во французскія траншеи. Напавши врасплохъ, перекололи болѣе 200 человѣкъ и принесли три отнятыя мортиры: четвертую бросили, по причинѣ тяжести, на полудорогѣ. Въ этомъ участвовали только казаки и матросы. Потеря наша 7 убит. и 22 ранеными и, къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ участвовавшій мичманъ Батьяновъ. Черезъ нѣсколько дней сдѣлали визитъ Англичанамъ и нашли ихъ спящими. Не знаю, много ли перекололи, но видѣлъ самъ 30 человѣкъ плѣнныхъ, при 3-хъ офицерахъ. Четвертаго закололи на дорогѣ за то, что, подходя уже къ нашимъ батареямъ, онъ вынулъ изъ кармана пистолеть и измѣнически застрѣлил боцмана.—Недалѣе, какъ вчера опять, ходили къ Французамъ. Встрѣтили партію изъ 30 человѣкъ, десять взяли въ плѣнъ; остальные тоже не воротились. Оказалось, что они тоже были охотники, шедшіе въ наши траншеи.—Это были Веньсенскіе егеря и нѣсколько Зуавовъ; люди чрезвычайно видные и brave. Плѣнъ одного изъ англійскихъ офицеровъ подалъ поводъ къ забавному случаю. Вскорѣ послѣ взятія его, было передано чрезъ парламентаря письмо къ нему изъ Англии. Конечно, у насъ распечатали и прочли его; оказалось, что одна изъ родственницъ его поручаетъ ему непремѣнно, по взятіи Кн. Меншикова въ плѣнъ, отрѣзать у него одну пуговку и прислать къ ней. Говорятъ, что Князь, узнавши содержаніе письма, взялъ одну изъ своихъ пуговицъ, запечаталъ своей гербовой печатью и переслалъ къ плѣнному для передачи столь интересующей имъ особѣ.

Вы полагаете, что политика Австріи склоняется въ нашу сторону. Дай Богъ! но я думаю иначе.

Мнѣ кажется, она зашла слишкомъ далеко, чтобъ воротиться.—

Маріи Егоровнѣ прошу передать убѣдительную просьбу: не писать ко мнѣ, даже черезъ Васъ.

Я видѣлъ Австрійцевъ вблизи, и вполне увѣренъ, что правительство не извинитъ Люд. Леопольдовичу его расположенія къ кому либо

изъ Русскихъ. А что письма прочитываются, на это я имѣю довольно доказательствъ.

По этой же причинѣ не позволяю я и себѣ писать къ нимъ, хотя и лишаю себя тѣмъ величайшаго удовольствія.

Изъ моего длиннаго письма Вы увидите, какъ много у меня свободнаго времени. Въ заключеніе считаю долгомъ поблагодарить Васъ еще разъ за Ваши письма.

Остаюсь душевно преданный и глубоко уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

P. S. Пв. Сем. Яновскій хотѣлъ самъ писать и благодарить Васъ, а теперь свидѣтельствуесть почтеніе.

22 Декабря 1854 года.

14.

Почтенная Анна Петровна!

Отправляя къ Вамъ письмо Ив. Сем. Яновскаго, не могу отказать и себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ Вами, хотя въ настоящее время имѣю на это только нѣсколько минутъ.

Описывая въ послѣднемъ письмѣ укрѣпленія Севастополя, я не сказалъ ничего о томъ, гдѣ нахожусь самъ. При началѣ бомбандировки я былъ съ батальономъ на Малаховомъ курганѣ. Часть людей моихъ составляли прислугу у орудій, остальные служили прикрытіемъ на случай непріятельской атаки и были постоянно заняты устройствомъ новыхъ батарей и укрѣпленій. Въ концѣ Ноября батальонъ мой перевели совсѣмъ на другой конецъ города и поставили между бастионами № 5-ый и 6-ой.

Сзади оборонительной стѣны, почти противъ середины ея, окопченъ недавно редуть, гарнизонъ котораго составляютъ: мой батальонъ и два Армейскихъ, самъ же я назначенъ камендантомъ. Такимъ образомъ я превратился совершенно въ пѣхотнаго офицера и только наименованіе редута въ честь моего корабля: *Ростиславскимъ*, напоминаетъ мнѣ отчасти о настоящей моей службѣ. Теперь долженъ сказать, что приказомъ отъ 6-го Декабря, я вмѣстѣ съ многими другими произведенъ

во 2-ой рангъ, за защиту Севастополя *).—Еще нѣсколько прежде я былъ назначенъ командующимъ 36-мъ экипажемъ и кораблемъ Ростиславъ, что вознаградило меня вполне за потерю фрегата Сизополя.— Назначеніе это было не вслѣдствіе какихъ либо отличій, а по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ.

Но я слишкомъ заговорился о себѣ: пора обратиться къ *пріятелямъ*. Положеніе ихъ незавидное и доказательствомъ служить то, что каждый день къ намъ перебѣгаютъ челоѡка по три и болѣе. У Англичанъ много больныхъ и когда 2-го Января выпалъ снѣгъ и морозу было 4¹/₂ градуса, то многіе приходили съ отмороженными ногами. Вообще ихъ армія въ совершенномъ разстройствѣ. Съ нетерпѣніемъ идемъ, когда велятъ намъ идти впередъ, и многіе находятъ это необходимымъ, но приказанія нѣтъ, и никто не знаетъ, когда будетъ.

Маріи Егоровнѣ и Люд. Леопольдовичу мое искреннее почтеніе. Остаюсь душевно преданный и глубоко уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

7 Января 1855 г.

14-а.

Почтенная Анна Петровна!

За пріятную новость о Батюшковѣ спѣшу и Васъ порадовать недавнимъ успѣхомъ нашихъ саперовъ.—

Давно уже было извѣстно, что непріатели вели мину подъ четвертый бастионъ. Мы вели контръ-мины и открыли ихъ работы только въ 11-ти саженьяхъ отъ угла бастиона. Заложивши зарядъ въ 15 пудовъ пороху, взорвали его и уничтожили совершенно непріательскія работы. А онѣ имъ стоили многихъ трудовъ, такъ какъ мины были заложены въ 70-ти саженьяхъ, и, по словамъ саперовъ, это небывалый примѣръ, чтобъ велись такъ издалека.

По словамъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, Французы рассчитывали на несомнѣнный успѣхъ взрыва, и никакъ не ожидали, чтобъ замыслы ихъ были уничтожены. Вѣроятно, они начнутъ новыя работы, но рѣшительныя дѣйствія на нѣсколько времени приостановлены. Почти на всемъ пространствѣ подвигаютъ впередъ опи земляныя работы и устраиваютъ новыя батареи, а установившаяся прекрасная теплая погода даетъ возможность дѣлать успѣшно. У насъ тоже много работаютъ по укрѣпленію города. Непріатели начинаютъ называть Севастополь неприступною крѣпостью, вѣроятно, для увеличенія собственныхъ

*) Яновскій получилъ орд. св. Анны съ бантомъ и представленъ въ Лейтенанты.

заслугъ. Когда же создавались *неприступныя* крѣпости въ два-три мѣсяца? И можно ли дать это названіе землянымъ насыпямъ, сдѣланнымъ, такъ сказать, подъ выстрѣлами непріятеля? Орудій у насъ много: это правда, но въ случаѣ штурма, къ которому непріятель готовится послѣ бомбандированія, гарнизону недостаточно, а Князь не прибавляетъ. Конечно, планы главнокомандующаго никому неизвѣстны, нельзя однакоже не пожалѣть и не подосадовать, что не предпринимають наступательныхъ дѣйствій.

При совершенномъ разстройствѣ, въ которомъ находится теперь англійская армія, ее можно бы уничтожить, а безъ этого врядъ ли возможно заключеніе мира. Погода въ Крыму устанавливается скоро; вмѣстѣ съ нею оживуть и ослабѣвшіе Англичане и всеобщее мнѣніе: что дѣйствовать противъ нихъ надо теперь или никогда. а я съ своей стороны прибавлю, что, взглядѣвшихъ хорошенько въ наше положеніе, ожидаю успѣха отъ помощи и милости Божіей.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга отъ 11-го Января, что все говорятъ о мирѣ; но я увѣренъ, что при настоящемъ ходѣ дѣлъ этого не будетъ, и что Австрія дѣлаетъ нарочно проволочки, чтобъ имѣть возможность хорошенько приготовиться; но какое то убѣжденіе говоритъ мнѣ, что въ этотъ разъ она заплатится за свою безсовѣстность.

Благодаря умнымъ распоряженіемъ Барона Остенъ-Сакена, мы воспользовались полученнымъ урокомъ, который, однакоже, слишкомъ дорого намъ стоилъ: у насъ начали отливать, по примѣру иностранцевъ, вмѣсто круглыхъ пуль—коническія; онѣ летятъ вдвое дальше и теперь наши ружья мало уступятъ непріятельскимъ; а необыкновенная разность въ качествѣ оружія была одна изъ главныхъ причинъ огромной потери въ людяхъ въ предыдущихъ сраженіяхъ.

Вы не можете себѣ представить, какъ порадовало меня письмо Маріи Егоровны, но отвѣчать не рѣшаюсь по причинамъ, высказаннымъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ.

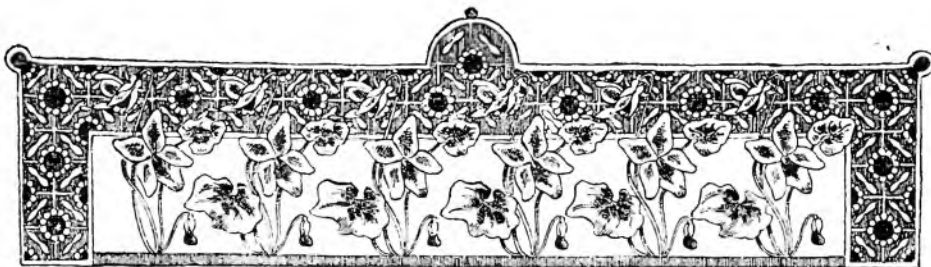
Прошу Васъ передать мой искренній поклонъ. я поблагодарю ее, когда Богъ приведетъ насъ встрѣтиться.

Людвигу Леопольдовичу прошу передать мое почтеніе. Съ душевною преданностію и чувствомъ истиннаго почтенія остаюсь Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

26-го Января 1855 г. Севастополь.

Сообщ. М. В. Безръ.

Смоленскій городской историко-археологическій музей за 25 лѣтъ своего существованія

(1888—1913 г.)

28-го Юня 1913 года исполнилось ровно 25 лѣтъ со времени открытiя въ древнемъ городѣ Смоленскѣ перваго древне-хранилища—городского историко-археологическаго музея. День 25-тилѣтняго юбилея музея ничѣмъ не былъ отмѣченъ, такова, видно, судьба этого просвѣтительнаго учрежденiя и лицъ, положившихъ немало трудовъ для блага своего родного города.

Пусть-же этотъ мой скромный трудъ послужитъ памятью четверть-вѣкового существованiя музея, ибо для меня это хранилище весьма дорого—въ немъ я безпрерывно проработалъ 24 лучшихъ года своей жизни; развитiе музея радовало меня, его малѣйшiй упадокъ съ болью отзывается во мнѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые любятъ свою родину и чтутъ память доблестныхъ своихъ предковъ.

I.

Краткое прошлое Смоленска.

Начало Смоленска теряется во тьмѣ вѣковъ; когда и кѣмъ онъ основанъ, преданiе умалчиваетъ, извѣстно только, что въ доисторическое время Смоленскъ и его область имѣли большое значенiе, какъ центръ славянскаго племени Кривичей, сохранившихся по настоящее время подъ именемъ Бѣлоруссовъ. Благодаря обилiю лѣса, Кривичи гнали смолу для смоленiя судовъ, и продавали ее въ другiя мѣста, за что и были прозваны Смолянами, а ихъ городъ Смолянецъ, а затѣмъ Смоленскъ.

Исследование многочисленных курганов Смоленской губернии дало богатый материал, свидетельствующий о степени культурного развития наших предков, их бытъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, торговлѣ и т. п. Гнѣздовскій могильникъ, находящійся въ 12 верстахъ отъ Смоленска, внизъ по теченію р. Днѣпра, представляетъ грандіозный и единственный въ центральной Россіи памятникъ языческихъ погребальныхъ сооружений; это населенное гнѣздо можно отнести къ IX—X в.в., если-же принять во вниманіе находки болѣе древнихъ вещей, близкихъ къ эпохѣ переселенія народовъ, то, несомнѣнно, что его придется отнести къ еще болѣе глубокой старинѣ. Арабскія монеты (дергеми) VIII—X в.в., часто находимыя въ губерніи, въ особенности въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, а также предметы византійской и арабской работы—служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ Кривичи и другія славянскія племена имѣли сношенія съ отдаленными, болѣе культурными народами. Смоленскъ, находясь въ центрѣ торговаго пути Нормановъ и Новгорода съ Кіевомъ и Византійей, а заволжскихъ земель съ западными народами, служилъ важнымъ торговымъ пунктомъ.

Во время призванія новгородцами (862 г.) Варяговъ-князей, Смоленскъ оставался вольнымъ городомъ и управлялся вѣчемъ. По свидѣтельству перваго лѣтописнаго извѣстія о Смоленскѣ, Аскольдъ и Дирь, плывя внизъ по Днѣпру (865 г.), принуждены были обойти его, ибо онъ былъ: „великъ и мною людимъ“. Но независимость Смоленска продолжалась недолго,—въ 882 году князь Олегъ подчинилъ себѣ городъ: „Поиде Олегъ, поимъ воя многа, и прииде къ Смоленску, и прія градъ, и посади мужъ свой“, повѣствуетъ преподобный Несторъ. Съ этого времени начинается исторія Смоленска и его края, вмѣстѣ съ исторіей Русскаго государства,—богатая событіями чрезвычайной важности.

Въ 990 году князь Владиміръ, путешествуя въ Новгородъ, захватилъ въ Смоленскъ съ митрополитомъ Михаиломъ и просвѣтилъ смолянъ святымъ крещеніемъ.

Въ удѣльный періодъ Руси Смоленская область имѣла болѣе или менѣе самостоятельное политическое значеніе, носила титулъ княжества Смоленскаго, а съ княженія Ростислава Мстиславича (1125—1160 г.)—великаго княжества Смоленскаго.

Князья заботились объ украшеніи города храмами, основывали монастыри; особеннымъ вниманіемъ князей пользовалась мѣстность по

рѣчкѣ Смядыни (нынѣ пересохшей), впадающей въ Днѣпръ. При устьѣ Смядыни 5-го Сентября 1015 г. былъ убитъ подосланными убійцами кievскимъ княземъ Святополкомъ сынъ Владиміра Святого св. кн. Глѣбъ. На мѣстѣ мученической кончины кн. Глѣба вскорѣ былъ основанъ Борисоглѣбскій монастырь, деревянный храмъ котораго въ 1145 году былъ замѣненъ каменнымъ. Близъ монастыря былъ дворецъ князя и жила его дружина; здѣсь сосредоточена была вся общественно-политическая жизнь Смоленска княжескаго періода Руси. Немало монастырей и храмовъ было сооружено князьями, какъ въ самомъ городѣ, такъ равно и по теченію Днѣпра. Всѣ почти многочисленныя храмы, за исключеніемъ двухъ, Свирскаго (1194 г.) и Петропавловскаго (1145 г.), разрушены во время частыхъ войнъ, происходившихъ въ Смоленской области. Остатки развалинъ многихъ видны по настоящее время.

Находясь на рубежѣ древней Руси съ Литвой и Польшей, Смоленскъ въ теченіе многихъ столѣтій былъ мѣстомъ кровавыхъ столкновеній за обладаніе этимъ городомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлымъ здѣшнимъ краемъ. Смоленскъ не разъ являлся спасителемъ Русскаго государства, защищая своею грудью сердце Руси—Москву; онъ былъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи“ и „ключемъ Москвы“. Городъ неоднократно былъ превращаемъ врагами въ груды развалинъ и пепла, враги не щадили и храмовъ Божіихъ, но городъ снова, какъ фениксъ, возрождался, излѣчивалъ свои раны, сбрасывалъ съ себя чужеземное иго, и въ прежнемъ своемъ величіи и силѣ снова былъ готовъ мощною грудью встрѣтить враговъ отечества. Нынѣшній, новый Смоленскъ, лежитъ на развалинахъ многочисленныхъ храмовъ, обширныхъ кладбищахъ не только христіанскаго времени Руси, но и до историческаго, на костяхъ и крови защитниковъ родины, павшихъ здѣсь во время частыхъ кровопролитныхъ битвъ. Рѣдная планировка земли, или другая какая земляная работа не обнаруживала слѣдовъ давнопрошедшихъ лѣтъ Смоленска.

Окрѣпшая Литва, тѣснямая съ запада Нѣмцами, стремилась овладѣть Смоленскою областью, и послѣ частыхъ опустошительныхъ набѣговъ литовскому королю Витовту въ 1404 году удалось завладѣть городомъ.—Такъ рушилось навсегда великое княжество Смоленское.

Московскіе князья не могли забыть изстари принадлежавшую имъ Смоленскую землю, Литовцы-же стремились укрѣпить городъ за собой Земляными валами и деревянной стѣной. Весь почти XV вѣкъ происходитъ борьба Русскихъ съ Литвою, и только вел. князю Василію Іоанновичу въ 1514 году удалось присоединить Смоленскъ къ Москвѣ.

Потеря Смоленска была весьма чувствительна для Литвы и Польши, и послѣдняя всѣми силами стремилась возратить его. Но и Москва, сознавая всю важность Смоленска, какъ пограничнаго города, старалась укрѣпить его. Такъ, въ царствованіе Феодора Иоанновича, его шуриномъ, бояриномъ Борисомъ Годуновымъ, въ 1596 году заложена была каменная крѣпостная стѣна. Стѣна окружаетъ южную главную часть города, на протяженіи 5 верстъ 80 саж., съ 38-ю башнями, бойницами и зубцами, вышиною до 7 саж. и толщиною до $2\frac{1}{2}$ саженой. Окончена постройкой въ 1602 году, уже въ царствованіе Бориса Годунова.

Но не прошло и восьми лѣтъ со времени сооруженія крѣпостной стѣны, какъ въ 1609 году Сигизмундъ III, король польскій, пользуясь смутами въ московскомъ государствѣ, рѣшилъ овладѣть Смоленскомъ, а затѣмъ двинуться къ Москвѣ и занять московскій престолъ. 20 мѣсяцевъ продолжалась осада Смоленска, но жители, воодушевленные доблестнымъ защитникомъ города, бояриномъ М. Б. Шеинымъ, рѣшили умереть, но города не сдавать; и только одна измѣна помогла полякамъ, 3 іюня 1611 года послѣ страшной рѣзни, овладѣть городомъ.

Смоленскъ палъ, но Русь была спасена, ибо упорнымъ своимъ сопротивленіемъ смоляне задержали поляковъ подъ Смоленскомъ настолько, что дали возможность собраться всей земской Руси и спасти Москву, а съ нею и все Русское государство въ смутное время.

Попытки Москвы возратить Смоленскъ въ 1613 и въ 1632 г. не имѣли успѣха и только въ 1654 году царю Алексѣю Михайловичу удалось навсегда присоединить Смоленскъ къ Россіи. Къ этому времени большинство храмовъ, особенно въ окрестностяхъ города, были уже разрушены и разграблены.

Тяжелы были для Смоленска пережитые бѣдственные годы, много нерадостныхъ воспоминаній оставили они по себѣ, много мѣсть осталось покрытыми кровью и костями вѣрныхъ сыновъ отечества. Но вотъ, послѣ двухсотлѣтняго затишья, Смоленску вновь пришлось въ 1812 году стать на защиту отечества. Въ ночь на 6-е Августа Смоленскъ, послѣ двухдневной геройской защиты города, былъ оставленъ русскими войсками и занятъ Французами, а 5-го Ноября остатки непріятеля, взорвавъ нѣсколько башенъ крѣпостной стѣны, покинули Смоленскъ.

Страшную картину представлялъ городъ по оставленіи его непріателемъ: каменные дома были разрушены, деревянные большею частью сожжены, храмы разграблены и опустошены. Но съ теченіемъ времени слѣды разрушенія сгладились, городъ обстроился и расширился и ко дню столѣтняго юбилея Отечественной войны (1912 г.) явился новымъ обновленнымъ городомъ, и только крѣпостная стѣна, освященная потоками крови вѣрныхъ сыновъ отечества, да остатки развалинъ храмовъ свидѣлствуютъ о невзгодахъ, пережитыхъ Смоленскомъ. Уцѣлѣвшія части крѣпостной стѣны являются въ настоящее время величественнымъ памятникомъ подвиговъ нашихъ предковъ и однимъ изъ выдающихся образцовъ древняго зодчества, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Если время оставило свой слѣдъ на смоленской крѣпостной стѣнѣ, то остатки ея тѣмъ болѣе должны быть дороги для каждаго человѣка, любящаго свою родину.

Такимъ образомъ Смоленскъ, подобно другимъ древнимъ городамъ отечества, достигнувъ высшей ступени своего развитія, съ теченіемъ времени теряетъ свою самобытность, затѣмъ, съ расширеніемъ границъ государства, теряетъ значеніе, какъ пограничная крѣпость и, наконецъ, вмѣстѣ съ своими сверстниками, обращается въ самый мирный и обыкновенный губернской городъ.

II.

Основаніе музея.

Находки историческихъ предметовъ въ Смоленскѣ и его губерніи весьма часты. Старинные предметы, найденные случайно или при научныхъ изслѣдованіяхъ кургановъ, развалинъ храмовъ и т. п., ранѣе, за отсутствіемъ мѣстнаго хранилища старины, попадали въ другіе города, гдѣ уже существовали музеи. Большею частью, однако, таковыя предметы были въ пренебреженіи, забывались и безслѣдно погибали для исторіи и потомства. Нерѣдко у частныхъ лицъ встрѣчаются весьма цѣнные вещи въ историческомъ или археологическомъ отношеніи, но, оставленная безъ надлежащаго присмотра, онѣ легко подвергаются порчѣ и въ большинствѣ случаевъ исчезаютъ. Между тѣмъ, въ специальномъ хранилищѣ всякая старинная вещь найдеть себѣ свое мѣсто, а тщательный присмотръ за ней обезпечиваетъ ея цѣлость и сохранность. Такое собраніе и храненіе вещей необходимо для потомства, какъ наглядное пособіе при изученіи исторіи и знакомствѣ съ жизнью людей давнопрошедшихъ лѣтъ. Музей, являясь постояннымъ собирателемъ и хранителемъ старины, вмѣстѣ

съ тѣмъ служить живымъ памятникомъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ временъ минувшихъ.

Единичная старинная вещь въ частныхъ рукахъ, отрѣшенная отъ прежней своей среды, не имѣетъ того интереса и научнаго значенія, какое она имѣла бы, находясь въ своей сферѣ, въ кругу вещей себѣ подобныхъ, служащихъ извѣстной цѣли, т. е. въ музей, гдѣ ее можно сравнить съ другими вещами того же рода и уяснить ея значеніе. Нѣсколько вещей, въ совокупности относящихся къ одному времени, сгруппированныхъ и приведенныхъ въ систему, воспроизводятъ свою эпоху, характеризуютъ жизнь нашихъ предковъ того времени, къ которому онѣ относятся.—Правда, были лица, которыя интересовались стариной и собирали таковую, такъ, напримѣръ, было въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія большое собраніе старинныхъ вещей, преимущественно Смоленской губ., чиновника казенной палаты П. А. Васильева. Въ числѣ собранныхъ предметовъ было немало рѣдкихъ монетъ, серебряныхъ гривенъ, змѣвиковъ, разнаго рода оружія, окаменѣлостей, масса старинныхъ книгъ и рукописей. И это богатое собраніе старины, которымъ интересовался М. П. Погодинъ (а С. В. Максимовъ даже упомянулъ о немъ въ „Описаніи Бѣлорусской Смоленщины“), послѣ смерти владѣльца безвозвратно погибло для Смоленска, будучи продано за безцѣнокъ по частямъ старьевщикамъ. Подобнымъ же образомъ погибло много старины въ помѣщичьихъ усадьбахъ, съ переходомъ ихъ владѣній въ собственность или аренду къ евреямъ и сельскимъ кулакамъ. Однѣ изъ старинныхъ вещей выкидывалась, какъ ненужный хламъ, другія продавались за безцѣнокъ и исчезали изъ Смоленской губерніи.

Въ іюлѣ 1875 г. въ Смоленскую мужскую гимназію былъ назначенъ преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ Семень Петровичъ Писаревъ¹⁾, окончившій въ этомъ году курсъ московскаго университета. Проведя свое дѣтство въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ немало произошло историческихъ событій, С. П. Писаревъ любилъ исторію и археологію, и всею душою отдался изученію этихъ наукъ. Проживая въ Смоленскѣ, С. П. подробно изучилъ окрестности города, производилъ много раскопокъ и изслѣдованій, изучалъ уцѣлѣвшіе

¹⁾ С. П. Писаревъ, сынъ діакона, родился 14 Августа 1846 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. По окончаніи курса нижегородской духовной семинаріи, поступилъ въ 1869 г. въ Казанскій, а въ 1871 г. перешелъ въ московскій университетъ, гдѣ въ 1875 году и окончилъ курсъ. До 1900 г. состоялъ преподавателемъ муж. гимназій въ Смоленскѣ, а затѣмъ занялъ должность инспектора народныхъ училищъ въ Смоленской губ. Скончался 26-го Марта 1904 г. отъ паралича сердца; погребенъ на Свирскомъ кладбищѣ. Состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

остатки древностей, былъ ихъ истолкователемъ и защитникомъ отъ расхищенія и уничтоженія. Онъ часто помѣщалъ въ мѣстной газетѣ описанія историческихъ мѣстъ и свой изслѣдованіи ихъ. Изслѣдуя остатки существовавшихъ въ Смоленскѣ храмовъ, онъ тщательно собиралъ образцы строительнаго матеріала, какъ-то: кирпичи, кафли, известъ, плитки и другіе предметы, обнаруженные при изслѣдованіяхъ. По свойству матеріала, по способу кладокъ строеній и по клеймамъ на кирпичахъ, онъ довольно вѣрно опредѣлялъ время построекъ храмовъ. Кромѣ этого онъ тщательно изучалъ письменные памятники, рукописи и т. п., относящіяся къ исторіи Смоленской земли.

Поселился С. П. въ Свирской слободѣ, мѣстности, нѣкогда цвѣтущей, богатой историческими событіями и остатками старины. Здѣсь онъ приобрѣлъ домъ и зажилъ тихой семейной жизнью, посвящая досугъ изученію историческихъ мѣстностей.

Въ 1838 году прихожане Свирскаго храма избрали С. П. церковнымъ старостою. Свирскій храмъ принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ Смоленска, построекъ онъ кн. Давидомъ Ростиславичемъ въ 1194 году. Несмотря на пережитыя храмомъ невзгоды истекшихъ лѣтъ, онъ болѣе другихъ сохранилъ свой первоначальный видъ. Князь-строитель не жалѣлъ казны на украшеніе храма и „украсилъ церковь паче всѣхъ церквей, ей же нѣсть подобной во всей полуночной (сѣверной) странѣ, и многіе иностранные приходили для смотрѣнія оной“¹⁾.— Въ ней въ настоящее время хранится каменная гробница строителя храма кн. Давида, найденная въ развалинахъ храма Борисоглѣбскаго монастыря въ 1833 году²⁾.— Вступивъ въ должность церковнаго старосты, С. П. нашелъ храмъ обветшалымъ, запущеннымъ и требующимъ неотложнаго капитальнаго ремонта. Церковныхъ средствъ на ремонтъ не было, такъ какъ Свирскій приходъ былъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ городѣ. С. П., не теряя времени, выхлопоталъ у св. синода на ремонтъ храма три тысячи рублей изъ капитала г-жи Медынцевой и приступилъ къ ремонту. Снаружи храма исправилъ штукатурку и окрасилъ стѣны храма, а также привелъ въ безопасное состояніе колокольню. Далѣе онъ произвелъ капитальный ремонтъ теплаго придѣла, а въ главномъ храмѣ очистилъ стѣны отъ грязи и пыли, промылъ иконы и устроилъ для чтимыхъ иконъ кѣты, расширилъ и привелъ въ образцовый порядокъ кладбище, огородивъ его каменной оградой. Наконецъ, вблизи храма выхлопоталъ у города бесплатно мѣсто и на немъ выстроилъ каменный домъ для причта и школы. Прихожане цѣнили и любили С. П. Писарева за его доброту и заботы о храмѣ.

¹⁾ Ист. Росс. Татищева. Кн. III.

²⁾ Развалины Борисоглѣбскаго храма въ верстѣ на западъ отъ Свирскаго.

Къ этому времени (1888) относится и мое знакомство съ Писаревымъ. Еще будучи ученикомъ реального училища, я тщательно собиралъ разнаго рода старинные предметы и книги; познакомившись же съ С. П., полюбилъ старину еще больше и сталъ частымъ спутникомъ его по изслѣдованію историческихъ мѣстностей моего родного города Смоленска. Мой обширный кругъ знакомыхъ въ городѣ помогалъ мнѣ содѣйствовать успѣшному собиранію старины, и до самой кончины своей мой учитель не предпринималъ ни одного изслѣдованія безъ общаго нашего совѣта.

Въ 1887 году С. П. былъ избранъ гласнымъ городской думы, и въ этомъ-же году подавъ мысль объ основаніи городского историко-археологическаго музея. Въ лицѣ тогдашняго городского головы Александра Платоновича Энгельгардта¹⁾ онъ встрѣтилъ въ этомъ дѣлѣ горячую поддержку. И вотъ, гор. дума въ засѣданіи своемъ 16-го Іюня 1887 г. единогласно постановила открыть музей, для каковой цѣли отвести для него комнату въ нижнемъ этажѣ вновь сооруженнаго дома городской думы. Въ томъ же засѣданіи думы С. П. Писаревъ, какъ знатокъ мѣстной исторіи и археологіи, былъ приглашенъ завѣдывать музеемъ.

Велика была наша съ С. П. радость. Началась горячая дѣятельность по приспособленію отведеннаго помѣщенія подъ музей. Музейская комната была небольшая съ тремя окнами на сѣверъ и со входомъ изъ парадной прихожей въ думскій залъ. Заботами городского головы была изготовлена необходимая мебель,—какъ-то: витрины, шкапы, столы и т. п., а мы съ С. П. занялись перевозкой и переноской собранныхъ нами историческихъ вещей въ помѣщеніе и приведеніе ихъ въ надлежащій порядокъ. Коллекція строительнаго матеріала (образцы плитокъ, кирпичей, кафель и т. п.) была раздѣлена по эпохамъ, начиная съ XII в. до нашего времени²⁾.

Собранная нами коллекція древностей, сперва небольшая, быстро начала возрастать въ числѣ, благодаря заботамъ С. П. и гор. головы Энгельгардта, а также сочувствію многихъ гражданъ города. Городской голова, чрезъ посредство мѣстной газеты, обратился къ мѣстному населенію съ просьбой о пожертвованіи старинныхъ вещей въ музей, а завѣдующимъ музеемъ были отпечатаны спеціальныя воззванія съ программой предметовъ, собираемыхъ музеемъ, которыя

¹⁾ Умеръ въ должности Товарища Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 22 Ноября 1903 г. Погребенъ въ Смоленскѣ на кладбищѣ Вознесенскаго монастыря.

²⁾ Въ настоящее время весь этотъ матеріалъ сваленъ въ одно мѣсто и предтавляетъ изъ себя кучу мусора.

были разсланы различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, интересующимся стариной. Притокъ вещей, между которыми было немало интересныхъ въ историческомъ отношеніи, былъ довольно большой. Правда, въ первое время въ музей поступали иногда вещи, не имѣющія исторической цѣнности, но не желая разочаровывать и охлаждать жертвователей, управленіе музея принимало съ благодарностью и такія пожертванія, въ надеждѣ путемъ обмена замѣнить ихъ вещами болѣе цѣнными въ археологическомъ отношеніи.

Открытіе музея для обозрѣнія публики было приурочено ко времени пребыванія въ Смоленскѣ Августѣйшихъ гостей, вел. кн. Владиміра Александровича и супруги его вел. кн. Маріи Павловны 27 и 28 Іюня 1888 года.

Ихъ Высочества посѣтили музей 28-го Іюня и пробыли въ немъ около часа, съ большимъ интересомъ разсматривая собранныя вещи, а по осмотрѣ изволили собственноручно росписаться въ памятной книгѣ музея. Съ этого времени музей былъ открываемъ для публики по средамъ и воскресеньямъ отъ 12 до 3 часовъ дня.

4-го Ноября 1889 г. дума утвердила правила музея и утвердила въ должности хранителя В. И. Грачева, который несъ эти обязанности съ основанія музея до Февраля 1890 г. бесплатно.

Смоленскій городской музей, какъ мѣстное областное хранилище, ставитъ себѣ задачею собираніе и храненіе древностей преимущественно Смоленска и его губерніи, но на ряду съ этимъ заботится о предохраненіи отъ гибели предметовъ старины, найденныхъ и въ другихъ губерніяхъ и случайно предлагаемыхъ музею, если только эти предметы представляютъ какой-либо археологическій или историческій интересъ. Вообще музей охотно принимаетъ древности общерусскія, которыя по общей государственной связи имѣютъ отношеніе и къ Смоленской исторіи.

Въ настоящее время музей представляетъ собраніе довольно значительнаго количества древностей, какъ мѣстныхъ, такъ и общепалеонтологическихъ, между которыми есть не мало рѣдкихъ, освѣщающихъ родное прошлое Смоленской области. Специалисты по археологій, несомнѣнно, найдутъ въ коллекціяхъ музея немало предметовъ, проливающихъ свѣтъ на отдаленныя времена. Многіе ученые, посѣтившіе музей, съ похвалою отзывались о собранныхъ историко-археологическихъ предметахъ Смоленскаго древнехранилища.

Въ 1890 году при музеѣ образовался кружокъ лицъ, любителей старины, преимущественно изъ преподавателей мѣстныхъ учебныхъ заведеній и другихъ городовъ губерніи, которые составили совѣтъ музея. Члены совѣта заботились о развитіи музея или лично своими

трудами въ музей, или собирали для него древности, или склоняли другихъ лицъ, владѣльцевъ старинныхъ предметовъ, къ пожертвованію ихъ въ музей. Заботились также объ изысканіи средствъ для музея, путемъ устройства увеселительныхъ вечеровъ и гуляній. Собранныя суммы шли на устройство витринъ, шкаповъ и другой мебели, на канцелярскіе расходы и изрѣдка на покупку старинныхъ вещей и научныхъ книгъ.

Но душою музея былъ его завѣдующій, который едва, бывало, узнаетъ, что у кого-либо имѣются предметы старины, тотчасъ сѣшится по указанному адресу, проситъ позволеніе осмотрѣть вещь и, если она имѣетъ какое-либо историческое значеніе, то проситъ, убѣждаетъ владѣльца передать таковую вещь на храненіе въ музей, при этомъ приведетъ такіе неотразимые аргументы, что владѣлецъ въ концѣ концовъ согласится и передастъ вещь въ даръ музею.

Помѣщеніе, отведенное для музея, вскорѣ стало уже тѣсно, а главное, будучи расположено надъ печью парового отопленія зала думы, имѣло въ зимнее время высокую температуру и весьма сухой воздухъ. Такая температура вліяла на мебель и отчасти даже на нѣкоторыя старинныя вещи.¹⁾

Съ 11 Іюня по 13 августа 1897 года музей былъ закрытъ, по случаю его перевода въ новое помѣщеніе въ третьемъ этажѣ того-же дома. Комната, отведенная для музея, имѣла 23 арш. длины, 9 арш. ширины и 4½ арш. вышины; съ 8-ю окнами, изъ которыхъ 7 обращены на сѣверъ и одно на западъ, входная дверь вела въ корридоръ, ведущій въ публичную бібліотеку. Помѣщеніе было, хотя болѣе просторное и свѣтлое, но въ зимнее время невыносимо холодное.

Въ засѣданіи городской думы 29 Сентября 1900 года, С. П. Писареву былъ преподнесенъ думою благодарственный адресъ за основаніе и заботы по археологическому музею и за составленную и изданную имъ въ 1899 году книгу: „Княжеская мѣстность и храмъ князей въ г. Смоленскѣ.“

26-го Марта 1904 г., къ прискорбію многихъ знавшихъ С. П., онъ скоропостижно скончался. Музей остался на попеченіи хранителя его В. П. Грачева и въ прежнемъ порядкѣ развивался и пополнялся, а въ 1906 году городская дума избрала особую комиссію, въ составѣ четырехъ гласныхъ, по завѣдыванію музеемъ.

Въ 1908 году, хранителемъ музея В. П. Грачевымъ былъ составленъ „Краткій каталогъ предметовъ музея“, съ описаніемъ досто-

¹⁾ Комната музея имѣла въ длину 16 арш., шир. 11 арш. и вышина 4½ арш. съ 3-ми окнами на сѣверъ.

примѣчательностей Смоленска и воспоминаній о С. П. Писаревѣ. По его-же ходатайству было разрѣшено изготовить и помѣстить въ музей портретъ С. П. Писарева.

Съ открытія музея до 1901 года входъ въ музей былъ платный, въ размѣрѣ 10 коп. съ человѣка, бесплатнымъ входомъ пользовались лишь учащіеся и нижніе воинскіе чины. Платныхъ посѣтителей сравнительно было мало, но съ уничтоженіемъ входной платы количество посѣтителей стало возрастать, что и видно изъ нижеприведенной таблицы.

Годы	Число дней въ кот. музей былъ открытъ	Число посѣтителей			Всего	Средства музея.
		Взрослыхъ	Учащихся	Воинскихъ чиновъ		
1890	101	225	664	216	1105	120
1891	99	430	1402	87	1919	120
1892	101	439	1274	68	1781	120
1893	102	371	1202	63	1636	120
1894	93	246	1146	64	1456	120
1895	102	415	1177	100	1692	180
1896	98	248	940	60	1248	180
1897	85	316	1133	74	1523	180
1898	94	282	991	40	1313	180
1899	101	207	1179	75	1461	180
1900	103	362	1073	56	1491	180
1901	101	628	1269	35	1932	230
1902	104	710	1274	82	2066	230
1903	103	714	1524	116	2354	230
1904	96	1013	1411	102	2526	230
1905	100	1070	2280	216	3566	230
1906	104	2465	3037	197	5699	230
1907	102	2624	3391	328	6343	440
1908	104	3618	4339	367	8324	440
1909	102	3457	4016	521	7994	440
1910	104	3479	3950	1203	8632	440
1911	78	3169	4389	384	7942	440
1912						440
1913						500
		Запись Археологическимъ институтомъ не ведется.				
	2177	26488	43061	4454	74003	6200 р.

За 1888 г. (съ 28 Іюня) и 1889 г. свѣдѣній о числѣ посѣтившихъ музей не имѣется.

Такимъ образомъ, за 2177 дней, въ которые музей былъ открытъ, его посѣтило 74003 человека; но въ это число не вошли многочисленныя экскурсіи учащихъ разныхъ учебныхъ заведеній съ ихъ наставниками, не только Смоленской губ., но и многихъ другихъ городовъ Россіи, какъ-то: Москвы, Риги, Орла, Витебска, Полоцка, Рязани и мн. др., а также ученыхъ лицъ, туристовъ, путешественниковъ, экскурсій учителей и т. п., для которыхъ музей былъ открываемъ и не въ установленныя для сего часы. При этомъ хранитель музея неоднократно руководилъ экскурсіями при осмотрѣ достопримѣчательностей города.

Что-же касается матеріальной части музея, то въ первые годы существованія его онъ не имѣлъ опредѣленныхъ средствъ, а необходимыя расходы по музею покрывались входной платой, а также суммами, полученными отъ устройства увеселительныхъ вечеровъ. Съ 1890 г. городская дума ассигновала 120 руб. въ годъ на предметъ оплаты труда хранителя музея. Такое вознагражденіе въ 1895 году было увеличено до 180 руб. въ годъ, а въ 1907 году до 240 руб. Въ 1901 году, кромѣ того, на расходы по музею было ассигновано гор. думою 50 руб., въ 1907 году—увеличена таковая сумма до 200 руб., а въ 1913 году до 260 руб., т. е. ежегодно 500 рублей.

V.

Коллекція музея.

Собранныя въ музей предметы старины принадлежатъ къ случайнымъ находкамъ въ губерніи, или добыты раскопками, предпринятыми съ научной цѣлью, или, наконецъ, пожертвованы разными лицами и учрежденіями. Большинство собранныхъ предметовъ относится къ исторіи Смоленскаго края.

Изъ предметовъ каменнаго періода собрана небольшая коллекція гранитныхъ (изъ діорита) и кремневыхъ (изъ офита) молотковъ, стрѣлъ, долотъ, бусъ и т. п., найденныхъ преимущественно въ Смоленской губ.

Изъ каменныхъ изваяній въ музей хранится такъ называемая „каменная баба.“ До 1890 г. изваяніе это находилось, какъ украшеніе,

въ саду имѣнія Вонлярова, въ 25 верстахъ отъ Смоленска, на западъ по Московско-Брестской жел. дор. При какихъ обстоятельствахъ она попала въ Вонлярово—неизвѣстно. Быть можетъ, въ крѣпостное время она была вывезена съ юга Россіи. Изваяніе имѣетъ 2 арш. 4 вер. въ длину, 12 вер. въ ширину въ плечахъ; довольно большая голова покрыта сверху чалмой, спадающей внизъ по гладкой, широкой спинѣ изваянія. На стертомъ отъ времени лицѣ замѣтны впалыя, широкія скулы: едва замѣтныя изъ-подъ нависшихъ волосъ уши украшены круглыми серьгами; узкіе глаза, стертый отъ времени носъ; туповатый подбородокъ и отвислая грудь. На шеѣ изображенія ожерелья изъ бусъ и другія украшенія: выпученный животъ. Видны также слѣды рукъ, но отъ времени или отъ другой причины—отбиты, нижняя часть изваянія—безформенна. Изваяніе сдѣлано изъ сѣроватаго гранита. Другое каменное изваяніе представляетъ изъ себя продолговатую, въ профиль, человѣческую голову. На ней, чтобы отмѣтить разныя части лица, употреблены были краски, которыя въ 1882 г. были химически изслѣдованы и оказались весьма древняго происхожденія. Изваяніе найдено близъ с. Ольши Смоленскаго уѣзда въ земляной насыпи.

Имѣется также рисунокъ каменнаго изваянія, находящагося въ Рославльскомъ уѣздѣ, близъ села Харикова, Радичской вол. Смоленской губ. Изваяніе стоитъ среди коноплянниковъ деревни Болваны; и отъ времени оно обратилось въ безформенный истуканъ, но въ которомъ все-же легко замѣтить голову, распростертыя руки и туловище. Изваяніе это пользуется среди мѣстныхъ крестьянъ большою популярностью, и самое названіе деревни Болваны, несомнѣнно, получила отъ этого изваянія.

О происхожденіи этого изваянія среди мѣстныхъ крестьянъ существуетъ нѣсколько легендъ, но самая распространенная слѣдующая: „Это было давно,—говорятъ крестьяне,—наша *бабушка* (такъ они называютъ это изваяніе) пасла большое стадо овецъ и помогала многимъ людямъ въ болѣзняхъ и несчастіяхъ, но вотъ она прогнѣвала чѣмъ-то Бога, который обратилъ ее и ея овецъ въ камни.“ Вотъ причина, по мнѣнію крестьянъ, почему на полѣ, гдѣ стоитъ ихъ *бабушка*, встрѣчаются камни. „Это все бывшія овцы“—говорятъ они. Другое преданіе гласитъ: „Нѣкогда проходилъ по этому мѣсту (гдѣ стоитъ изваяніе), какой-то святой мужъ и, увидѣвъ пастуха, праздно стоящаго посреди бродящаго по полю стада, обратился къ нему съ просьбою о какой-то ничтожной услугѣ, (по словамъ нѣкоторыхъ крестьянъ, дать ему воды утолить жажду); но пастухъ отказался услу-

жить святому и не пожелалъ даже двинуться съ мѣста. „Будь же ты камнемъ“,—сказалъ праведникъ—и камнями станетъ все стадо твое!“, и мгновенно окаменѣлъ пастухъ навѣки, и превратилось въ камни все стадо его.“

Крестьяне вѣрятъ въ какую-то особенную силу своей „бабушки“; она защищаетъ, по ихъ мнѣнiю, посѣвы отъ градобитiй, грозъ, неурожаевъ и считается покровительницею конопли. Всякая непочтительность къ ней не остается безнаказанной. Рассказываютъ такой случай: какъ-то разъ одна пьяная женщина вскочила на плечи *бабушки* и начала ее поносить непотребными словами, но была, будто-бы, тутъ же поражена припадкомъ и корчами, которые прекратились лишь тогда, когда виновная попросила прощенiе у *бабушки*.

Крестьяне деревни Болваны дорожатъ своей *бабушкой* и ни за что не хотятъ съ ней разстаться. Помѣщикъ г. Пенскiй хотѣлъ купить у крестьянъ это изваянiе, но они и слышать о семъ не желали. Тогда г. Пенскiй тайно ночью увезъ *бабушку*, а мѣсто, гдѣ она стояла, посыпалъ пепломъ, надѣясь, что крестьяне, замѣтивъ пепель, подумаютъ, что ихъ *бабушка* улетѣла на небо. Но крестьяне не повѣрили такой нехитрой выдумкѣ и послѣ долгихъ розысковъ обнаружили мѣстопребыванiе своей *бабушки*, завели съ помѣщикомъ тяжбу и, отобравъ ее, поставили на прежнее мѣсто.

Въ 1890 году С. П. Писаревъ обратился къ начальнику губернии съ просьбой, въ которой писалъ, между прочимъ, что крестьяне деревни Болваны благоговѣнно чтутъ это изваянiе, что въ христіанскомъ мiрѣ не можетъ быть терпимо, какъ культъ языческаго бога; сохранить же изваянiе это слѣдуетъ на память послѣдующимъ поколѣнiямъ, какъ остатокъ глубокой языческой старины. Писаревъ ходатайствовалъ о содѣйствiи со стороны начальника губернии доставкѣ этого изваянiя въ музей, гдѣ ему болѣе умѣстно находится, чѣмъ на полѣ, среди невѣжественной толпы поселянъ, традиціонно придающихъ ему значенiе, не соответствующее нынѣшнему просвѣщенному вѣку. Рославльскiй исправникъ, которому поручено было это дѣло, въ Мартѣ мѣсяцѣ увѣдомилъ губернатора, что каменное изваянiе на полѣ деревни Болваны имѣетъ видъ человѣческаго туловища, грубо высѣченнаго изъ сѣроватаго камня, представляетъ въ своемъ основанiи пирамиду, глубоко входящую, по словамъ крестьянъ, въ землю. Указами затѣмъ на неудавшуюся попытку г. Пенскаго завладѣть этимъ изваянiемъ, исправникъ добавляетъ, что весьма возможно ожидать со сто-

роны крестьянъ дер. Болваны сопротивленія и даже насилія надъ полицейскимъ чиновникомъ въ случаѣ отобранія у нихъ этого идола, такъ какъ даже духовенство не можетъ оказать никакого вліянія на ослабленіе ихъ суевѣрія. Велѣдствіе чего рославльскому исправнику предложено было приостановиться принятіемъ какихъ либо мѣръ къ доставкѣ этого изваянія въ музей безъ добровольнаго согласія на это со стороны крестьянъ, а такъ какъ послѣдніе и слышать не хотятъ о семъ, то ихъ *бѣбушка* и по настоящее время находится на своемъ старомъ мѣстѣ.

Въ музей собрана небольшая коллекція окаменѣлостей и костей различныхъ рѣдкихъ животныхъ, найденныхъ въ Смоленской губ. Въ этой коллекціи есть клыкъ мамонта, найденный въ Бѣльскомъ уѣздѣ на берегу р. Межи; нѣсколько зубовъ этого животнаго. Части клыковъ и зубы мамонта часто попадаются при добываніи булыжнаго камня и выборкѣ песка въ губерніи; такъ въ Мартѣ 1911 года, при добываніи камня близъ деревни Боровой, недалеко отъ Смоленска, найдено было нѣсколько зубовъ и часть клыка мамонта. Близъ станціи Ярцево Александровской жел. дор. при выборкѣ балласта для нуждъ дороги, найдена часть клыка. Коллекція разнаго рода окаменѣлостей, находимыхъ часто на поляхъ, а особенно по берегамъ рѣкъ губерніи,—свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь въ древнѣйшую пору моря.

Въ коллекціяхъ курганнаго періода собраны вещи, добытыя при раскопкахъ кургановъ въ губерніи, какъ-то—разнаго рода украшенія изъ бронзы и серебра: браслеты, кольца, серьги, бубенчики, лунницы и т. п.; изъ желѣза—ножи, сѣкиры, топоры, стрѣлы и т. п., бусы стеклянные, янтарныя и каменные, а также погребальныя урны (горшки) и т. п.

Покойнымъ секретаремъ Московскаго Археологическаго общества Б. И. Сизовымъ переданы предметы, найденные имъ при раскопкахъ кургановъ близъ деревни Арефнино Смоленскаго уѣзда. при м. Старые Словени—урочище Сустова. при сліяніи рѣкъ Солови и Жарной Ельнинскаго уѣзда, того-же уѣзда—на лѣвомъ берегу р. Десны близъ дер. Богдановки, на правомъ берегу р. Пшута, близъ дер. Добронѣсичи и дер. Блинные Кучи. Есть предметы этого періода, найденные въ Смоленскѣ, а также изъ Гнѣздовскаго могильника Смоленскаго уѣзда и кургановъ другихъ уѣздовъ.

Изъ предметовъ церковной старины собрана довольно большая коллекція металлическихъ тѣльныхъ крестиковъ, мѣдныхъ складней и образ-

ковъ. Замѣчательны кресты, сплетенные изъ тонкихъ ремешковъ и кожаня монашескія параманы (ленты) XVI в., послѣднія съ изображеніемъ на нихъ двенадцатыхъ праздниковъ, найденныя въ гробахъ—колодахъ при планировкѣ земли подъ устройство электрической станціи, на лѣвомъ берегу р. Днѣпра въ Смоленскѣ. Параманы завязывались вокругъ шеи и спускались до пояса, или-же замѣняли собою поясъ. Нѣсколько старинныхъ иконъ, рѣзныхъ изображеній: Распятія, св. Николая Чуд., и антиминсовъ временъ Никона, Петра I и Елизаветы. Изъ церковной утвари особаго вниманія заслуживаютъ: двѣ свинцовыя дарохранительницы, такіе-же потиръ, дискосъ XVI—XVII вв., старая риза изъ крестьянскаго сукна, съ годомъ 7247 (1788 г.), поручи, изготовленныя изъ попоны князя Понятовскаго съ его гербомъ; попона эта была оставлена въ 1812 году въ Верхне-Николаевскомъ храмѣ, въ которомъ находилась конюшня Понятовскаго.

Имѣется нѣсколько надгробныхъ памятниковъ съ надписью вязью и такими-же украшеніями; на одномъ изъ нихъ слѣдующая надпись: „Лѣто 7191 (1683) Августа въ 30 день преставися рабъ Божій преосвященный(аго) Семіона митрополита Смоленскаго ризничій“; на другомъ: „Лѣта 7165 (1657) преславная память святого мученика Терентія, преставися рабъ Божій Никита Евфиміевъ“. Надгробный камень безъ надписи, найденный возлѣ Всесвятской церкви, сгорѣвшей въ 1812 г. Камень находился на могилѣ грузинскаго царевича Александра Багратида, сосланнаго въ Смоленскъ въ 1784 г. за сопротивленіе присоединенію Грузіи къ Россіи. Умеръ отъ чахотки въ 1789 г. Всего религіозныхъ предметовъ насчитывается свыше двухсотъ.

Довольно разнообразна коллекція строительнаго матеріала, какъ-то: кирпичей, кафель, плитокъ, известн. фресокъ, гвоздей и т. п.: матеріалъ собранъ послѣдовательно, начиная съ XII в. и кончая постройкою крѣпостной городской стѣны (1602 г.). Матеріалъ этотъ добытъ изъ остатковъ развалинъ храма Борисоглѣбскаго монастыря, построеннаго въ 1145 г. близъ Смоленска при впаденіи рѣчки Смядыни въ Днѣпръ, на мѣстѣ убіенія св. кн. Глѣба въ 1015 г. подосланными злодѣями кн. Святополкомъ Окаяннымъ: храма Спасскаго монастыря, въ пригородной деревни Чернушкахъ, построеннаго въ 1141 г.; храма Крестовоздвиженскаго монастыря, существоваващаго близъ нынѣшняго храма свв. Гурія, Самона и Авива; Свирскаго Михаило-Архангельскаго храма, сохранившаго свой древній видъ по настоящее время, построеннаго въ 1194 году. Кирпичъ изъ-подъ свода Богослоvesкаго храма, построеннаго въ 1176 г., но въ 1796 г. перестроенъ, вслѣдствіе чего

потерялъ первоначальный видъ.—Строительный матеріалъ развалилъ храмовъ: на устьѣ рѣчки Чуриловки, впадающей въ Днѣпръ, открытый и изслѣдованный въ 1885 г.; св. Екатерины въ восточномъ предмѣстьѣ города, по дорогѣ къ дер. Шеиновкѣ, раскопки котораго произведены въ 1867 г.; кирпичъ изъ храма монастыря Св. Духа, близъ деревни Шеиновки, Козьмодемьяновскаго монастыря по Свирской ул.; храма Николы Летѣлаго по Богословской ул.; храма на Окопскомъ кладбищѣ въ слободѣ Рачевкѣ и многихъ другихъ храмовъ и древнихъ построекъ Смоленска. О времени основанія нѣкоторыхъ храмовъ не сохранилось данныхъ, но большинство ихъ прекратило свое существованіе во время владычества Польши (1611—1654 г.). На многихъ кирпичахъ сохранились разнаго рода знаки, которыхъ имѣется цѣлая таблица.

Отдѣлъ военнаго оружія, орудій, доспѣховъ состоитъ изъ древнихъ сѣкиръ, пикъ, бердышей, кремневыхъ ружей, пистолетовъ, палашей, сабель, шпагъ, штыковъ, ятагановъ; доспѣхи: кольчуги, брони, кованныя изъ желѣза, забралы; двѣ пушки 1812 г., найденныя на Покровской горѣ; много ядеръ: каменныхъ различныхъ величинъ и чугунныхъ. Старинное, стрѣлцаго полка, знамя. Изъ орудій пытокъ необходимо отмѣтить—плеть для публичнаго наказанія преступниковъ на торговой площади; пыточный инструментъ въ формѣ тисковъ для пальцевъ, назывался „рѣпкой“, отсюда выраженіе: „пѣть матушку рѣпку“; „ежевыя рукавицы“, употреблявшіяся до 1890 г. для усмиренія буйныхъ умалишенныхъ. Сшиты онѣ изъ прочной кожи, длин. 1 $\frac{1}{2}$ арш., ширина 6 вер. Къ рукавицамъ пришиты ремни съ пряжками, при посредствѣ которыхъ руки, вдѣтыя въ нихъ, плотно прижимались къ бокамъ больного и привязывались. Отдѣльная витрина съ предметами, принадлежавшими роду дворянъ Реедовъ: жалованныя грамоты, родословная рода, патенты и формулярные списки, портреты, ордена, оружіе и т. п.

Разнообразенъ отдѣлъ нарядовъ, украшеній, приборовъ и предметовъ домашняго обихода, между которыми обращаютъ на себя вниманіе—костюмъ, состоящій изъ цвѣтнаго кафтана, тканаго серебромъ, жилета, шелковыхъ чулокъ (со штемпелемъ Ревельской таможи 1795 г.), туфель и т. п. Въ этомъ костюмѣ являлся на коронацію Павла I пот. поч. гражд. г. Вязьмы С. Л. Гайдуковъ. Частный костюмъ русскаго консула въ Польшѣ И. Давидова. Костюмъ сшитъ изъ заграничной шелковой матеріи съ разводами листьевъ и цвѣтовъ.

Рѣдкій полотняный платокъ англійской работы съ карриатурами на Наполеона I. Надписи подъ рисунками на англійскомъ языкѣ: вотъ

нѣкоторыя изъ нихъ: Бонапартъ объявляетъ себя магометаниномъ и топчетъ ногами библию; Бонапартъ разстрѣливаетъ находящихся у него въ плѣну турокъ; лукаво оставляетъ свои войска въ Египтѣ; коварно осуждаетъ на смерть герцога англійскаго; лишаетъ Его Святѣйшество (папу Пія VII) владѣній; лишаетъ законныхъ правъ на престоль Фердинанда VII (испанскаго) и т. д. Есть и комическія сцены, напр.: Наполеонъ стоитъ на колѣнахъ передъ Жозефиной и цѣлуетъ ея руки, сзади наблюдаютъ эту сцену офицеры; подпись: „Бонапартъ получаетъ Жозефину, покинутую любовницу Гарраса, вмѣстѣ съ нею и начальство надъ итальянскою арміей.“ Другая картина—Наполеонъ бѣжитъ, у него выпадаетъ изъ рукъ мечъ, его преслѣдуетъ съ поднятымъ высоко мечемъ Александръ I и шведскій король; подпись: „Европейскій театръ въ декабрѣ 1812.“

Рѣдкій, тонкой работы французскій вѣеръ, времянь Людовика XV, въ перламутровой съ золотомъ оправѣ, съ видомъ Версальскаго парка; работы худ. Давида.

Головные уборы, шитые серебромъ и фольгой; бумажники, вышитые шелкомъ, одинъ изъ нихъ съ видами Тобольска и Перми съ гербами; серьги, перстни, кольца, одно изъ послѣднихъ съ надписью: „Радуйся Россія и твой Великій А.“ 1812 года.

Изъ сосудовъ особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе: серебряный вызолоченный ковшъ, подаренный Петромъ I въ 1702 г. смоленскому бургомистру Головкину; даръ музею кн. М. К. Тенишевой. 40 серебряныхъ столовыхъ вещей, какъ-то: кружекъ, чарокъ, стопокъ, солонокъ, поступившихъ въ музей по завѣщанію поч. гражд. Вязмы Ф. И. Гайдукова.—Двѣ серебряныя чарочки, украшенныя виньетками и арабесками, съ надписью: „Елизавета, Императрица и Самодержица Всероссійская, коронована въ Москвѣ 1742 года,“ на другой сторонѣ: „Благодать Вышняго.“—Мѣдный посеребренный кувшинъ восточнаго типа, найденный близъ дер. Бабенки Дорогобужскаго уѣзда. Стекланный бокаль Елизаветы Петровны, на одной сторонѣ котораго изображенъ портретъ Елизаветы, на другой—двуглавый орелъ съ вензелемъ Императрицы. Приобрѣтенъ изъ имѣнія Потемкина-Таврическаго (Духовщинскаго уѣзда им. Чижево). 4 фаянсовыя тарелки, украшенныя золотыми орнаментами изящной французской работы съ картинами; одна тарелка изъ сервиза Наполеона I съ его гербомъ, оставленная Французами въ Смоленской губ. Разнаго рода глиняныя кубышки, найденныя съ мелкими серебряными монетами. Мѣдный рукомойникъ кн. К. К. Острож-

скаго съ его гербомъ и надписью. Много разнаго рода рюмокъ, стакановъ, графиновъ и другой посуды—всего около 200 номеровъ.

Довольно большая и разнообразная коллекція картинъ, видовъ, гравюръ, портретовъ и плановъ. Особенно замѣчательны: видъ Смоленска и его окрестности во время войны Шенна съ королемъ польскимъ Владиславомъ въ 1634 г. На немъ, кромѣ изображенія Смоленска показано расположеніе польскихъ и русскихъ войскъ; изображены храмы, которыхъ въ настоящее время уже не существуетъ. Картина работы польской, рисована Плейтнеромъ, гравирована на 16 мѣдныхъ доскахъ Гондіусомъ въ 1634 г. по повелѣнію короля Владислава III. Текстъ латинскій слѣдующаго содержанія: „Городъ Смоленскъ, съ Божіею помощію освобожденный храбростію короля польскаго и шведскаго Владислава, непобѣдимаго вождя; Москвитяне и ихъ союзники были сами осаждены и побѣждены въ сраженіи, по неслыханной милости имъ дарована жизнь въ 1634 году.“

Нѣсколько гравюръ видовъ Смоленска, его храмовъ и другихъ историческихъ мѣстъ.—

Портретъ масляными красками перваго историка Смоленска свящ. Никиф. Адрианов. Мурзакевича, которымъ въ 1804 г. была составлена исторія Смоленска съ древнѣйшихъ временъ по 1804 г., за что онъ получилъ отъ Гос. Имп. Александра I 500 руб. Св. Мурзакевичъ былъ очевидцемъ погрома непріателемъ Смоленска въ 1812 г., а по изгнаніи Французовъ былъ судимъ за случайную встрѣчу въ городѣ Наполеона, но былъ оправданъ.

Собраны портреты епископовъ смоленскихъ, губернаторовъ, городскихъ головъ, директоровъ гимназій и другихъ выдающихся дѣятелей Смоленскаго края.

Имѣется нѣсколько историческихъ картинъ разнаго рода событій, портретовъ Государей и Государынь и лицъ царской семьи. Рѣдкій литографическій портретъ вел. кн. Константина Павловича, съ надписью: „Константинъ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.“ Вверху надпись черниломъ: „1826 г. Августа 20, въ шесть часовъ пополудни, сей портретъ разорванъ самимъ Цесаревичемъ въ Московскомъ домѣ генераль-маіора Н. З. Хитрово при посѣщеніи Его Императорскимъ Высочествомъ дщери Свѣтлѣйшаго князя Кутузова-Смоленскаго“ (Портретъ надорванъ и склеенъ).—Портреты генераловъ 1812 г., рѣдкій поясной портретъ Наполеона I. Много лубочныхъ картинъ.

Маска писателя В. А. Воилярярскаго, уроженца Смоленской губ., умершаго въ 1852 году. Особенно богатъ и разнообразенъ нумизматическій отдѣлъ музее. Своимъ богатствомъ отдѣлъ этотъ обязанъ Императорской Археологической Комиссiи, которая присылаетъ въ музей клады, находимые въ предѣлахъ Смоленской губ.; кромѣ того значительныя пожертвованiя монетами поступили по завѣщанiю ген.-маiора А. П. Клаткова въ 1904 г., доктора-медицины П. М. Дашкевича въ 1900 г. и другихъ лицъ.

Изъ древнѣйшихъ монетъ въ губернии часто находятъ арабскiя сребрянныя дергемя, греческiя и римскiя монеты; такiя находки свидѣтельствуютъ о торговыхъ сношенiяхъ древнихъ жителей Смоленска съ Греками, Арабами, Шведами и западными сосѣдями. Древне-греческiя и римскiя монеты встрѣчаются большею частью одиночными экземплярами, рѣдко нѣсколько штукъ въ одномъ мѣстѣ. Изображенiе головы римскихъ и греческихъ императоровъ нерѣдко принимаются крестьянами за усѣченную главу св. Иоанна Предтечи и хранятся ими, какъ святыни, служа часто тѣльнымъ образкомъ; въ такомъ случаѣ въ монетѣ пробивается дырочка для ленты или тонкаго ремешка.—Сребрянныя и мѣдныя копеечки и денъги удѣльнаго періода, а особенно первыхъ московскихъ царей находятъ часто не только въ городахъ и селенiяхъ, но на поляхъ и кладбищахъ. Большею частью ихъ находятъ въ глиняныхъ кубышкахъ. Сребрянныя и мѣдныя монеты литовскiя и польскiя относятся въ большинствѣ случаевъ къ польско-литовскому владычеству въ Смоленскомъ краѣ. .

Имѣется 15 сребрянныхъ слитковъ-рублей, изъ которыхъ два найдены на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Смоленскѣ.

Сребрянныя мелкiя монеты московскихъ царей Иоанна IV, Теодора Иоанновича, Бориса Годунова и друг. взяты изъ кладовъ, найденныхъ въ дер. Пензевѣ Дорогобужскаго уѣзда въ 1889 г.; въ дер. Хорошенкѣ того-же уѣзда въ 1894 г.; дер. Антоновкѣ, Гжатскаго уѣзда въ 1890 г.; два клада, найденныхъ въ Смоленскѣ въ 1900 г. и много другихъ.

1200 сребрянныхъ польскихъ грошей, найденныхъ въ Смоленскѣ при планировкѣ земли подъ зданiе электрической станціи въ 1900 г.; здѣсь-же немного восточнѣе въ 1889 году найденъ кладъ съ сребрянными грошами Вячеслава II, короля Богемiи и Польши. Въ 1900 г. въ дер. Смыковѣ Порѣчскаго уѣзда найденъ кладъ, состоящiй изъ двухъ сереб-

ряныхъ талеровъ 1646 и 1648 г., одного (Утрехтскаго) 1648 г. и одного полуталера 1620 г., и 328 полтораковъ и солидовъ Сигизмунда III, Густава Адольфа и друг.—Арабскими дергемами особенно богаты Гнѣздовскіе курганы, находящіеся въ 12 вер. на западъ отъ города.

Затѣмъ, начиная съ царствованія Петра I и кончая временемъ Импер. Александра III, собраны серебряныя и мѣдныя монеты разныхъ достоинствъ. Между ними есть и золотыя: червонецъ правительницы Софьи; два рубля и рубль Елизаветы Петровны, полтина—Екатерины II и другія.

Знакъ для бородачей, установленный 11 января 1705 года указомъ Петра I, какъ доказательство въ уплатѣ пошлинъ за право носить бороду и усы. Этотъ знакъ величиною въ четвертакъ, на одной сторонѣ изображеніе двуглаваго орла съ надписью по славянски (1705 г.), а на другой изображены: носъ, усы и борода, съ надписью: „*дѣломъ взяты*“, со штемпелемъ государственнаго герба.—Большая мѣдная четырехугольная плита съ изображеніемъ по угламъ гербовъ, а въ центрѣ надпись: „Цѣна рубль. Екатеринбургъ 1725 г.“. Серебряныя и мѣдныя монеты разныхъ государствъ, а также ассигнаціи русскія и иностранныя. Коллекція медалей и жетоновъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ государствъ. Шесть масонскихъ орденовъ и знаковъ ген. А. Кипріянова изъ с. Коханова, Ельнинскаго уѣзда. Всего насчитывается свыше 3500 монетъ и свыше 400 медалей и жетоновъ. Есть небольшая коллекція печатей, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе три древнихъ висячихъ, найденныхъ въ Смоленскѣ. На одной надпись по славянски: „Господи, помози рабу Твоему Димитрію“; на другой—изображеніе Николая Чудотворца, на третьей—Богоматери.

Собрана довольно большая коллекція матеріаловъ какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ по исторіи Смоленскаго края. Кромѣ того собраны разнаго рода грамоты, патенты, рукописные документы, книги, бумаги, три масонскія рукописныя книги: „Чистое зеркало сердца“—Иоанна Таулера, съ 24-мя символическими рисунками тушью; „Трактатъ объ очищеніи души послѣ смерти“, и „Книжица о чистилицѣ“ переводъ съ французскаго.

Библіотека музея состоитъ изъ довольно большого числа книгъ по исторіи, нумизматикѣ, археологіи и другихъ научныхъ сочиненій, любезно присылаемыхъ многими учеными обществами, учрежденіями и лицами. Такимъ образомъ, за четверть вѣка существованія музея,

благодаря сочувствію гражданъ Смоленска и просвѣщенному вниманію ученыхъ лицъ и учреждений, а также благодаря заботамъ лицъ, близко стоящихъ къ музею, онъ быстро возросъ, развился, занялъ почетное мѣсто въ ряду просвѣтительныхъ учреждений города и напоминаетъ о важномъ историческомъ значеніи Смоленска въ исторіи Русскаго государства.

VI.

Городской музей съ вѣдѣніи Московскаго Археологическаго Института.

Въ засѣданіи Смоленской городской думы 1-го Ноября 1911 года, постановлено было передать музей въ завѣдываніе Московскаго Археологическаго Института на слѣдующихъ условіяхъ: 1) музей, какъ былъ, такъ и остается собственностію города и носить наименованіе „Смоленскій Городской Историко-Археологическій музей, состоящій въ завѣдываніи Московскаго Археологическаго Института“. 2) Завѣдываніе музеемъ передается Институту до тѣхъ поръ, пока въ Смоленскѣ будетъ существовать отдѣленіе Московскаго Археологическаго Института. При открытіи въ Смоленскѣ самостоятельнаго Археологическаго Института завѣдываніе музеемъ переходитъ къ послѣднему. 3) Ни одна вещь, находящаяся въ музеѣ и вновь поступившая въ него тѣмъ или инымъ путемъ, не можетъ быть взята изъ музея. 4) Музей долженъ быть открытъ для бесплатнаго обозрѣнія публикой и занятій не менѣе трехъ разъ въ недѣлю (одинъ изъ этихъ дней долженъ быть праздничный) отъ 12 до 3 час. дня. 5) Кромѣ открытія музея по п. 4, музей долженъ быть открываемъ и въ иное время по просьбѣ управы. 6) Контроль надъ музеемъ принадлежитъ городу. Дѣлами музея вѣдаетъ особая комиссія, состоящая изъ представителей города и Московскаго Археологическаго Института. 7) Городъ представляетъ для музея помѣщеніе, занимаемое имъ нынѣ и оставляетъ кредитъ на содержаніе музея въ размѣрѣ 440 руб. ежегодно. 8) Комиссія, вѣдающая дѣла музея, ежегодно представляетъ Городской Думѣ отчетъ о своей дѣятельности и объ израсходованіи отпущенныхъ городомъ кредитовъ. 9) Содержаніе помѣщенія музея, ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе городъ принимаетъ на себя. 10) Музей долженъ быть переданъ въ завѣдываніе по особой описи, которая должна храниться въ дѣлахъ управы, а копія въ дѣлахъ Института.

Съ 25 Февраля по 2-е Юня 1912 года музей для публики былъ закрытъ, по случаю передачи его Институту. Въ 1913 году городская дума увеличила пособіе музею до 500 руб. въ годъ. Съ 3-го Февраля по 21-е Августа 1913 года музей былъ закрытъ по случаю его перевода въ помѣщеніе занятое ранѣе городской библиотеккой. Новое помѣщеніе въ томъ-же 3-емъ этажѣ дома и состоитъ изъ одной большой комнаты, длиною 20 арш., шириною $9\frac{1}{2}$ арш. и высотой $4\frac{1}{2}$ арш. съ 6 окнами на югъ, и небольшою, отгороженною отъ библиотечной комнаты, съ 4-мя окнами на сѣверъ, въ размѣрѣ $10+9$ арш.

Входъ и прихожанъ музея общіе съ городской библиотеккой.

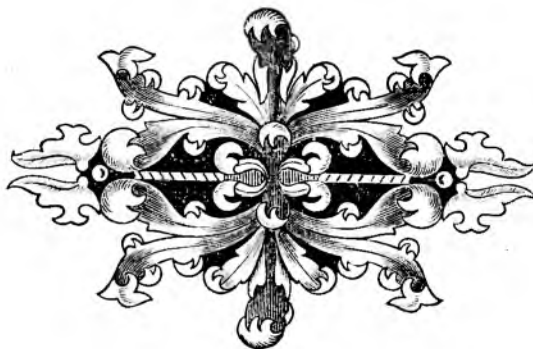
Такимъ образомъ со 2-го Юня 1912 года музей оказался подъ новымъ завѣдываніемъ. Согласно п. 4 передачи, музей долженъ быть открытъ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю отъ 12 до 3 час. дня. Между тѣмъ музей нерѣдко бываетъ закрытъ въ установленные для его обозрѣнія дни и, вмѣсто трехъ разъ, — открытъ два раза въ недѣлю; кромѣ того, въ воскресный день музей открытъ не отъ 12 до 3 час. дня, а съ 9 до 12 час. утра, когда, конечно, не могутъ посѣтить его ни взрослые, ни учащіеся, такъ какъ одни заняты своими домашними дѣлами въ это раннее время, другіе въ это время бываютъ на молитвѣ въ храмѣ. Такимъ образомъ Институтъ лишилъ мѣстныхъ жителей единственнаго дня въ недѣлѣ для посѣщенія музея гражданами города, которымъ музей не мало обязанъ своимъ возникновеніемъ и на средства которыхъ онъ содержится.

П. 6 гласитъ, что контроль надъ музеемъ принадлежитъ городу. Дѣлами музея вѣдаетъ особая комиссія, состоящая изъ представителей города и Археологическаго Института. На самомъ дѣлѣ никакой комиссіи не существуетъ и избранія таковой не было.

П. 8. Комиссія, вѣдающая дѣла музея, ежегодно представляетъ Городской Думѣ отчетъ о своей дѣятельности и объ израсходованіи отпущенныхъ городомъ средствъ. На самомъ дѣлѣ никакихъ отчетовъ за послѣдніе годы въ управѣ не имѣется. До 1911 г. въ обзорахъ дѣятельности гор. управы были помѣщаемы отчеты по музею, но за 1912 и 1913 гг. таковыхъ не имѣется. — Неизвѣстно также поступаютъ ли въ музей пожертвованія вещами, ведется ли записъ послѣднихъ и куда расходуются ассигнованныя средства. Ведется ли регистрація посѣтителей музея и дней открытія его — также неизвѣстно.

При такомъ веденіи музея, онъ будетъ, несомнѣнно, клониться къ упадку, что, конечно, нежелательно, ибо на него немало положено труда лицами, близко стоявшими къ музею и дорожившими прошлой судьбой Смоленской земли и Смоленска.

В. Грачевъ

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.

(Продолженіе письма Епископа Никанора отъ 30 Января 1885 г.)

Манифестативное вниманіе его къ преосв. епископу Николаю объясняется вотъ чѣмъ. Отправляясь въ Кіевъ, я попросилъ преосв. Николая освятить сельско-хозяйственную выставку и сказать рѣчь, такъ какъ хозяева выставки, приглашая меня освятить ее, просили именно сказать рѣчь. Преосв. Николай даже опоздалъ прибыть, конечно, по винѣ прислуги, но рѣчь сказалъ, которая напечатана. При посѣщеніи мною генераль-губернатора, по возвратѣ изъ Кіева, г. Роопъ говоритъ мнѣ: „Преосв. Николай говорилъ рѣчь, говорилъ такъ хорошо, такъ мягко“. Другимъ же онъ говоритъ: „Намъ нужны такіе архіереи, какъ преосв. Николай“.—Его здѣсь знаютъ многіе военные, его ученики, сослуживцы и знакомые по Петербургу. Онъ имѣетъ прекрасныя достоинства и между прочимъ то преимущество предо мною, что вчерашній подчиненный военныхъ начальствующихъ, онъ привыкъ предъ ними вытягивать шею и говорить мягкія слова. Я же не имѣлъ военныхъ своими ближайшими начальниками никогда и самъ начальникъ уже 30 лѣтъ. На мнѣ мое издавна начальственное положеніе и отразилось. Хочу, но не умѣю угодить г. Роопу, какъ не умѣлъ и г. Щепкинъ, прочимъ же угождалъ, каковы: князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, или атаманъ Краснокутскій, которые были и почитателями моими и заступниками. И здѣсь имѣются люди самыя высокопоставленные, образованные и авторитетныя, каковъ старій, истый, почти 90-лѣтній бояринъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ, который говоритъ въ мою защиту сильное и вполне благосклонное слово.

При другомъ моемъ посѣщеніи, любопытнаго повода къ которому теперь касаться не стану, г. генераль-губернаторъ изображалъ мнѣ состояніе семинарскаго нашего образованія, на основаніи посѣщенія имъ,

г. Роопомъ, Кишиневской д. семинаріи, какъ и состояніе законоучительства въ его генераль-губернаторствѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Ну, представьте, я посѣтилъ ихъ (законоучителей) человекъ 40, и хоть бы одинъ порядочный. Это рутиня непроходимая, хо-л-лодная схоластика. Эти разсужденія о приснодѣвствѣ и, представьте, такія подробности. А того, что нужно, что дѣйствуетъ на сердце,—ни тѣни“... Напрасно я возражалъ, не защищая, впрочемъ, испытанныхъ имъ законоучителей, что программы преподаванія Закона Божія обдуманы и утверждены многими инстанціями; что въ свѣтскихъ заведеніяхъ начальственными распоряженіями утверждена всякая подробность, какую, въ какой мѣрѣ и когда законоучитель обязанъ преподавать... Г. генераль-губернаторъ—„нѣтъ, говорить, я такъ этого не оставляю. Я въ отчетъ Государю Императору коснусь этого предмета. Такъ это оставить нельзя. Нужно, чтобъ вашихъ семинаристовъ учили хоть не многому, но хорошо“. И тутъ же попросилъ меня показать ему одесскую семинарію. „Знаете: я—физиономистъ, я взгляну на лица и сразу увижу, каковъ духъ въ заведеніи, что скрывается въ этихъ юношахъ“. Я поклонился и говорю, что я буду имѣть честь пригласить его въ свое время. Разговоръ происходилъ въ концѣ лѣтней вакаціи. Въ началѣ учебнаго года вводить его въ семинарію мнѣ не хотѣлось, потому что ученики въ это время бывають наиболѣе не собраны въ своихъ познаніяхъ. Но въ концѣ Ноября я послалъ къ нему о. ректора (самъ былъ боленъ сильнымъ катарромъ дыхательныхъ путей) просить его посѣтить и семинарію и храмовой семинарскій праздникъ 30 Ноября, и въ тотъ же день общее собраніе братства св. Андрея Первозваннаго. Съ о. ректоромъ онъ велъ тѣ же самыя рѣчи, что „онъ—физиономистъ, что ему стоитъ только взглянуть на лица молодыхъ людей, чтобы проникнуть, какой въ нихъ духъ“ и т. д. Быть въ семинаріи и на общемъ собраніи братства общалъ, но въ семинаріи не былъ и въ самый день праздника прислалъ сказать, что не будетъ, что „у нихъ сегодня военный совѣтъ“.

Воскресають въ памяти еще нѣкоторыя встрѣчи. Лѣтомъ приглашенъ я былъ въ дѣвичій институтъ. Приѣзжаю минута въ минуту, въ 10 час., какъ назначено. Генераль-губернатора нѣтъ и заставилъ всѣхъ подождать себя ровно часъ. Я даже не пошелъ въ залъ собранія, хотя и настаивали на этомъ, а я говорилъ: „Я не желаю разойтись съ генераль-губернаторомъ“. Правда, онъ впоследствии прислалъ ко мнѣ чиновника съ извиненіемъ: „Онъ полагалъ, что будетъ обѣдня и потому опоздалъ“. Обѣдня же въ институтѣ не предполагалась. Другой разъ на актѣ въ какой-то изъ женскихъ гимназій онъ опоздалъ минутъ

на 10, или четверть часа. Мы всё ждали и ничего безъ него не начинали; меня г. попечитель округа и другіе прямо повели въ залъ, гдѣ я и дождался г. генераль-губернатора, ни къ чему не приступая. Сажусь я немного отъ стороны перваго мѣста, уступая первенство г. генераль-губернатору и мѣстной власти. Разъ же и я опоздалъ невинно. Мною дано было слово быть на актѣ въ реальномъ училищѣ при лютеранской церкви въ воскресенье, въ 1 часть. А начальница одной изъ гимназій послѣ просить на актѣ въ гимназію также въ 1 часть. Я отказываюсь. Тогда она просить: „Мы перенесемъ на 12 часовъ“. Я говорю, что буду служить обѣдню и могу опоздать. И начальница предупреждаетъ, что „мы подождемъ“. Я прибылъ минутъ 10 спустя послѣ 12 часовъ, засталъ здѣсь уже г. генераль-губернатора и тутъ же публично предъ нимъ извинился: „Не могъ успѣть, служилъ обѣдню“. Да я не зналъ, какъ и никогда почти не знаю, что онъ будетъ, а тѣмъ менѣе зналъ, что меня даже ждать будутъ въ присутствіи генераль-губернатора и безъ меня не начнутъ.

Приступаю къ самому важному. Опи, г. генераль-губернаторъ, а точнѣе его супруга, пригласили меня принять участіе въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ г. Одессы, въ званіи почетнаго члена. Я принялъ участіе живѣйшее. Она же, какъ предсѣдательница, просить, чтобъ я пригласилъ побольше священниковъ принять живое участіе въ общемъ благотвореніи. Сдѣлано. Она же говоритъ: „Намъ надо бы устроить отдѣлъ общества около большого вокзала.“

Я отвѣчаю, что „завожу тамъ новый приходъ. Молитвенный домъ тамъ открытъ. Священникъ назначенъ человѣкъ предпримчивый.“ — „И прекрасно. Его и просить устроить отдѣлъ. Тамъ же бы нужно завести и дешевую столовую“. По моему приглашенію священникъ (изъ свѣтскихъ, изъ офицеровъ) скоро же устроилъ тамъ отдѣлъ, набралъ членовъ, больше изъ дамъ благотворительницъ, и дѣло пошло въ ходъ. Марія Степановна, удостоивъ посѣтить меня, просить 24 Ноября пожаловать на открытіе уже устроенной дешевой столовой. Я прибылъ часъ въ часъ, минута въ минуту. Засталъ священника, готоваго совершать молебствіе, псаломщика съ нѣсколькими пѣвцами и около десятка членовъ общества попеченія о бѣдныхъ, исключительно дамъ. Минутъ черезъ 10 прибыли г. генераль-губернаторъ съ супругою, за нимъ пожаловали и д. градоначальника, секретарь общества, одинъ или два полицейскихъ. Бѣдныхъ ни одной души. Было всего человѣкъ 15, много 20. Чувствую, что у меня голова, крайне чувствительная, угораеть отъ чада, распространяемаго кухнею, отъ ѣдкаго запаха мясныхъ щей. Это въ Филипповъ постъ. И это долженъ благословить архіерей, какъ благо-

твореніе для бѣднаго люда. И архіерея же просятъ пригласить священниковъ къ такого рода благотворительности. Священники въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ—даже предѣатели и, вѣроятно, волею-неволею принимаютъ участіе въ подобныхъ столовыхъ. Молебень конченъ. Зашевелились. Я обращаюсь къ дамѣ, хозяйкѣ столовой, съ вопросомъ: „Какъ же это у васъ, кормятъ бѣдныхъ въ посты скоромною, или постною пищею.“—„Нѣтъ.—говоритъ,—постною пищею мы кормимъ только на первой и на послѣдней недѣлѣ великаго поста. Такъ и въ другихъ столовыхъ.“—Я нѣсколько отодвинулся въ сторону и, опершись на столъ, произнесъ рѣчь, что „вотъ благотворимъ, разрушая въ народѣ св. посты. Печально, что благотворительность теперь бываетъ часто безъ религіи, а еще печальнѣе, когда направляется противъ религіи. На счетъ постовъ господствуетъ въ интеллигентныхъ классахъ непониманіе. Тамъ ребенка, отнявъ отъ матерней груди, сейчасъ же переводятъ на мясной бульонъ и тѣмъ съ дѣтства приучаютъ единственно только къ мясной пицѣ. Это противно природѣ. Естественнѣе было бы перевести, какъ въ среднихъ классахъ и переводятъ, на молоко коровье, на молочную кашицу, на сахаристыя вещества и т. п. Не знаютъ, что наука находитъ въ растительной пицѣ тѣ же и въ томъ количествѣ соединенія, какія и въ мясной пицѣ, особенно въ стручковыхъ плодахъ. Человѣчество идетъ отъ мяса къ растительной пицѣ: человѣкъ былъ сперва охотникъ, потомъ номадъ, далѣе становится земледѣльцемъ. Съ расширеніемъ земледѣлія крѣпко сокращается всюду скотоводство. Со временемъ же животныя продукты вздорожаютъ до недоступности. Нашъ русскій народъ рѣдко ѣстъ мясо и постоянно питается растительной пищею. Нѣтъ надежды осуществить когда либо мечту Генриха IV, чтобъ у всякаго крестьянина по праздникамъ стояла курица на столѣ. Доказательство этому—извѣстное событіе при посѣщеніи императоромъ Александромъ I военныхъ поселеній, при графѣ Аракчеевѣ, при чемъ знаменитый остроумецъ, князь Меншиковъ, показалъ, что одинъ и тотъ же поросенокъ переносился съ одного стола на другой. Какова мощъ была у графа Аракчеева, но и тутъ, при такомъ исключительномъ случаѣ, не могли достигнуть, чтобъ у каждаго поселянина на столѣ стояла даже не курица, а хоть бы поросенокъ. Нашъ народъ отлично приспособленъ къ постной пицѣ. Отчего же не поставить бѣднымъ людямъ въ постъ вмѣсто мясныхъ щей тѣ же щи, или супъ съ маслинами, хорошую кашу, чистый хлѣбъ. А если какому либо бѣдняку Еврею нужно въ нашъ постъ мясо, онъ можетъ купить его на рынкѣ, или же въ трактирѣ. И что же за бѣдность, которую нужно на наши гроши кормить въ постъ отличными щами съ говядиной. Вотъ въ богатой Англій бѣдность. Тамъ теперь сотни тысячъ людей

отбиваютъ помои у свиней, подбираютъ отброски лошадиные и, выбравъ изъ нихъ зерна овса, обмываютъ и ѣдятъ; тамъ родители, чтобъ утолить свой голодь, продаютъ своихъ дѣтей въ ужасающихъ видахъ; тамъ бродятъ стадами 10-12-лѣтніе убійцы изъ голода. Вотъ это бѣдность неслыханная отъ начала міра... Не знаютъ также интеллигентные люди, что мы хорошо знаемъ по опыту, что постная пища, если она изысканная рыбная, она вдвое-втрое дороже скоромной; но, если она простая, чисто растительная, она вдвое-втрое дешевле мясной“...

Когда я кончилъ, подходитъ ко мнѣ Марія Степановна и говоритъ: „Я не виновата: я просила, чтобъ былъ постный столъ“. И тутъ же, обращаясь къ дамѣ распорядительницѣ, говоритъ: „Я же васъ просила, чтобъ былъ постный столъ.“ Подходитъ ко мнѣ дама распорядительница и говоритъ: „Все будетъ исполнено по желанію вашего преосвященства. Вы намъ только благословите.“ А я отвѣчаю: „Простите. Запретить вамъ не могу. Но не считаю себя въ правѣ и благословить. И признаюсь, вынужденъ буду запретить и священникамъ принимать и участіе въ такой благотворительности“. Генераль-губернаторъ не сказалъ при этомъ ни слова. Распорядительница проситъ его, проситъ меня зайти въ особую комнату, выпить чашку чая. Я былъ положительно боленъ горломъ, но принялъ стаканъ чая (что мнѣ было очень опасно) и сталъ пить. Тутъ опять подходитъ ко мнѣ Марія Степанова и увѣряетъ, что она тутъ не при чемъ, что она именно распорядилась, чтобы пища была постная, но ее не послушали. Я со взглядомъ виноватаго говорю: „Я это зналъ, на это и рассчитывалъ и говорилъ никакъ не противъ васъ, а противъ общества, какъ членъ общества, имѣющій свой свободный голосъ“. Я не кончилъ еще своего стакана чая, какъ генераль-губернаторъ молча взялъ свою супругу подъ руку и пошли съ осмотромъ. Кончивъ свой чай, я поднялся и уѣхалъ.

Я чувствовалъ, на что рѣшаюсь. Чувствовалъ, что они могутъ оскорбиться. Но... къ генераль-губернатору, какъ генераль-губернатору, моя рѣчь не могла относиться. До сего времени онъ не былъ даже членъ общества. Къ его супругѣ могла относиться столько же, сколько и ко мнѣ, и ко всякому члену общества. Я не зналъ, но былъ увѣренъ, что это неприличіе учинено было безъ ея вѣдома. А выходить, что она и требовала постной пищи на этотъ разъ, на день прибытія архіерея, но ее не послушались. Значитъ, поступлено было или въ высшей степени небрежно, или даже коварно, въ расчетѣ, что въ этотъ разъ архіерей не замѣтитъ и благословитъ, тогда можно будетъ дѣлать то же и всегда, безъ малѣйшаго опасенія. А замѣтить

нужно, что на большомъ вокзалѣ работаютъ цѣлыя тысячи простого люда и штунда распространяется, какъ пожаръ. Если бъ я смолчала, рѣшившись переговорить объ этомъ впоследствии секретно, то всё въ Одессѣ, да и во всей губерніи, всё штундисты сказали бы, что самъ архіерей благословилъ скоромную пищу въ постъ. Я хотѣла, чтобъ меня слышали... Я исполнилъ свой архіерейскій долгъ.

Повидимому и онъ и она на этотъ разъ прогнѣвались не особенно, понявъ, что поставили меня въ затруднительное положеніе, изъ котораго я вышелъ, исполнивъ свой долгъ, быть можетъ, и во вредъ себѣ. Въ тотъ же день мнѣ нужно было, по поводу предстоящаго общаго собранія, написать къ секретарю общества, д. ст. совѣтнику Тимченко. Въ письмѣ между прочимъ я просилъ его „испросить мнѣ у Маріи Степановны извиненія; я де былъ увѣренъ, что она, какъ истая москвичка, не принимала участія въ этомъ дѣлѣ, въ чемъ и не ошибся. Какъ членъ общества, я выразилъ свой личный голосъ, по долгу моего званія“.. На завтра я получилъ отъ г. генераль-губернатора пригласительный билетъ на завтракъ 26 Ноября. въ Георгіевъ день. Но, тяжело простудившись, по настоянію врача, чтобъ я не выѣзжалъ, я написалъ г. генераль-губернатору письмо, гдѣ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ писалъ, что въ день Георгія въ соборѣ исполню все подоженное, но отъ чести присутствовать на торжественномъ военномъ завтракѣ отказывался по болѣзни, да и потому, что изъ боязни соблазнить строгихъ ревнителей затрудняюсь благословить трапезу, конечно, скоромную въ постъ, въ чемъ старовѣры, которыхъ много и въ Одессѣ, искони укоряютъ православную іерархію. Объ этихъ письмахъ достигли до меня молвы, что я просилъ у нихъ прощенія. Да, просилъ у Маріи Степановны христіанскаго прощенія, „аще чимъ кого обидѣхъ“, по коллизіи долга, съ благоразуміемъ, чтобъ не имѣли на меня прискорбія... Полагаю, что имѣла нѣкоторый поводъ гнѣваться на меня Марія Степановна: супругъ же ея, какъ генераль-губернаторъ, не имѣлъ ни малѣйшаго,—я относился къ нему съ глубокою почтительностью, предупредительностью и незлобіемъ, стараясь всячески показывать видъ, что не замѣчаю его рѣзкихъ противъ меня выходокъ.

Думаю: окончательно г. генераль-губернаторъ прогнѣвался на меня за то, что я поѣхалъ сказать, по общимъ чаяніямъ, послѣднее „прости“ г. градоначальнику Коссаговскому. Съ П. П. Коссаговскимъ я встрѣчаюсь четвертый разъ въ жизни. Въ первый разъ встрѣтился въ Витебскѣ, гдѣ я былъ ректоромъ сепшваріи, а онъ прибылъ губер-

наторомъ, и отбылъ при мнѣ же на высшій постъ, въ Петербургъ. Я, какъ и всѣ, привыкъ считать этого чиновника благоразумнѣйшимъ, дѣльнѣйшимъ, благороднѣйшимъ, гуманнѣйшимъ человѣкомъ, съ которымъ встрѣтиться въ жизни пріятно. Между ними-то отношенія, дѣйствительно, обострились. Генераль-губернаторъ объявилъ ему и своими дѣйствіями объявляетъ всѣмъ, что служить съ нимъ не намѣренъ. Уѣзжая въ Петербургъ безъ увѣренности воротиться въ Одессу, онъ, П. П. Коссаговскій, заѣхалъ ко мнѣ, когда я поѣхалъ къ нему проститься и, не заставъ меня дома, велѣлъ передать, что сегодня въ 8 съ полов. часовъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Я поѣхалъ лично пожелать ему отъ сердца возможнаго счастья въ жизни на вокзалъ желѣзной дороги. Оказалось, что у генераль-губернатора остались на замѣчаніи всѣ, кто были здѣсь и провожали г. Коссаговскаго по чувству пріязни и уваженія къ нему. Всѣмъ подвѣдомымъ онъ сдѣлалъ болѣе или менѣе рѣзкія замѣчанія. На мой же счетъ состоялось въ высшемъ кругѣ Одессы мнѣніе, что онъ намѣренъ не болѣе ни менѣе, какъ выживать меня изъ Одессы, какъ выживаетъ градоначальника Коссаговскаго, попечителя учебнаго округа Лавровскаго, полиціймейстера Бунина и другихъ.

Толкуютъ, будто онъ давно уже шумитъ: „Что мнѣ архіерей... Что мнѣ Никаноръ.. Намъ нужны такіе архіереи, какъ преосв. Николай.“ Какъ фізіономисту, ему не понравилась видно, моя фізіономія. Толкуютъ, будто въ мое отсутствіе изъ Одессы, къ какому-то празднику, не довольствуясь преосвящ. викаріемъ Мемнономъ, онъ хотѣлъ было приказать выписать архіерея изъ Кишинева что-ли. Вообще онъ мыслить себя прямымъ начальникомъ архіереевъ. Предъ отбытіемъ для обзорѣнія епархіи, я явился къ нему съ прощальнымъ посѣщеніемъ и объясняю почтительно, что „предъ своимъ выѣздомъ изъ епархіальнаго города я имѣю обычай всегда являться къ начальникамъ края съ прощальнымъ поклономъ“. Онъ мнѣ на это: „Да, да, это нужно.“ Я не совсѣмъ тогда понялъ его слова. Но впоследствии мнѣ объяснили ихъ П. А. Лавровскій. „Какъ же, онъ требовалъ отъ меня, чтобы я у него отпрашивался всякій разъ, когда мнѣ нужно выѣзжать изъ Одессы. Я спросилъ министерство, обязанъ ли я у него отпрашиваться; мнѣ отвѣчено, что не обязанъ“. Г. попечитель жаловался, что г. генераль-губернаторъ, въ качествѣ прямого начальника и надзирателя, входитъ въ учебное дѣло и многое затрудняетъ, изъ совершенной некомпетентности. Я говорю: „Вотъ мы бы, ваше превосходительство, сѣли бы на коней, вы—попечитель, да я—архіерей, да и выѣхали бы на военный разводъ, да и стали бы указывать генераль-губернатору,

что и это не такъ и это не въ порядкѣ. Что смѣху мы надѣлали бы. А военные вотъ всегда и во всемъ компетентны.“ Оба мы посмѣялись, но выходить не до смѣха.

Признаюсь, этими явными притязаніями г. генераль-губернатора я поставляюсь въ затрудненіе въ исполненіи своихъ обязанностей. Все старался и стараюсь дѣлать ему въ угоду, но не успѣваю угодить. Теперь уже рѣшился въ каѳедральномъ соборѣ, въ присутствіи его высокопр-ства, или въ ожиданіи такового, не проповѣдывать ничего. Въ Новый годъ мнѣ показываютъ книжицу молебствія, гдѣ исключены, отчеркнуты карандашемъ въ ектеніяхъ почти всѣ прошенія,—это въ угоду свѣтскимъ, чтобъ не утомлять ихъ, а главное—не коснуться ихъ нѣжнаго слуха какимъ либо шероховатымъ церковнымъ прошеніемъ въ родѣ: „О еже искоренити вся душетлѣнныя страсти и растлѣнныя обычаи“ и т. п. Я же согласился выпустить только прошеніе о разореніи агарянскаго царства. Въ Крещенье на водосвятіи приказалъ все пѣть поскорѣе, двѣ изъ трехъ паремій опустили и самъ водосвятную молитву прочиталъ тайно почти всю, пока діаконъ читалъ ектенію, прочитавъ самъ громко только конецъ молитвы. Какъ сокращать больше, уже недоумѣваю. Между тѣмъ г. генераль-губернаторъ несомнѣнно высказался, повидимому, для передачи мнѣ, что и эта служба шла долго. На обѣднѣ онъ пріѣзжаетъ только къ самому концу, къ отпусту. А въ Крещеніе, кажется, и вовсе не былъ въ соборѣ. Покорнѣйше прошу вразумить меня, какъ мнѣ быть. Военные—они хотятъ сдѣлать меня своимъ полковымъ священникомъ, трактуя меня прямымъ своимъ подчиненнымъ, а нашъ каѳедральный соборъ не болѣе, какъ полковой церковью. Вотъ приближается святая Пасха. Имѣ. конечно, тяжело простоять, дамамъ просидѣть въ церкви и два часа. Но такъ искажать службу Божию я и не дерзаю, и самъ рѣшительно не желаю, вѣдая, что кромѣ 20 генераловъ и 5 генеральшъ въ соборѣ стоитъ 5000 молящихся, да около собора 10000 жаждущихъ попасть внутрь хоть на минуту, для которыхъ безконечно дорого, какъ и для меня самого, каждое слово пасхальной службы.

Не даѣе, какъ вчера (Февраля 3-го) нашъ о. ключарь объяснялъ мнѣ, что и въ прошедшемъ году мы растянули пасхальную службу противъ того, какъ служилась она въ прошлые годы, не болѣе, какъ на четверть часа. Эта то лишняя четверть часа и пошла на чтеніе евангелія на четырехъ языкахъ въ концахъ собора.

Я бы дерзнулъ сказать еще, что за несчастный этотъ Новороссійскій край. Почему его начальники должны быть непременно инородцы,

каковы Дерибасъ, герцогъ или дюкъ Ришилье, князь Воронцовъ, Коцебу, Тотлебенъ и наконецъ Роопъ, бывший, сказываютъ, католикъ, ковенскій дворянинъ, изъ видовъ политики послѣ 1863 г., принявшій не русское православіе, а нѣмецкое протестанство, и мнѣ лично сказавшій, что онъ никогда въ протестантской церкви не бываетъ и „должно быть, одесскій пасторъ на него сердитъ.“ Благосклонное отношеніе его къ штундѣ здѣсь уже огласилось. Почему бы Христофора Христофоровича не учинить генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ его генераль-губернаторское вліяніе расплывалось бы незамѣтно, или же, какъ и предполагаютъ,—военнымъ министромъ, гдѣ онъ изобрѣталъ бы проекты улучшенія ружей, а не программъ преподаванія православными священниками православнаго Закона Божія православнымъ христіанамъ, какъ-то неловко роняя въ здѣшнемъ краѣ значеніе православнаго архіерея. Всяко бываетъ, какъ послушаешь поближе... А почему бы генераль-губернаторомъ не назначить сюда человѣка совершенно русскаго, напр., Николая Алексѣевича Малаковца, военнаго оренбургскаго губернатора, человѣка ученѣйшаго, обладающаго государственнымъ умомъ, благоразумнаго, спокойнаго и твердаго. Вѣдь, рекомендуетъ же на мое мѣсто Х. Х. Роопъ, дѣйствительно хорошаго человѣка, преосвященнаго епископа Николая...

Впрочемъ я готовъ служить и съ Христофоромъ Христофоровичемъ и даже угождать ему, но желалъ бы, чтобъ онъ выражалъ мнѣ свои желанія хоть чрезъ какое либо удобное посредство, напр., чрезъ Я. П. Бунина, полиціймейстера. Не будучи же физіономистомъ и „отгадывателемъ чужихъ мыслей“, я не могу всякій разъ угадать, чѣмъ такимъ не угождаю, при всемъ желаніи угодить его высокопревосходительству.

Прошу выслушать по сему Николаю Александровича Новосельскаго, который повезъ въ Петербургъ всѣ загулиности.

Прошу выслушать его же блистательный проектъ относительно твердой финансовой постановки церковно-приходскихъ училищъ.

Прошу потребовать отъ меня объясненій, если г. генераль-губернатору угодно будетъ предъявить противъ меня какія либо обвиненія.

Поручаю васъ и себя милосердію Божію, которое милуетъ теперь, хотя виновныхъ иногда и наказуетъ милостиво. Себѣ же прошу и вашей дорогой для меня благосклонности. Быть можетъ, ревнуя о дѣлѣ, я и пересолилъ. Отъ ревности исправиться не трудно.

Со святымъ постомъ привѣтствую васъ. Затѣмъ призывая благословеніе Господне на васъ нынѣ и всегда, имѣю честь навсегда... пребыть...

Никаноръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

1885 г., Февраля 3.

Ваше высокопревосходительство.

Только сегодня я получилъ переписку о построеніи церквей въ инородческихъ татарскихъ приходахъ, въ Уфимской епархіи. Сегодня же принимаюсь и за отвѣтъ.

Въ главныхъ чертахъ со всѣми воззрѣніями преосв. Діонисія, епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, я совершенно согласенъ.

Непонятная преосв. епископу Діонисію вражда между священниками русскими и инородческими въ мою пору только намѣчалась, хотя достаточно и не выяснилась. Но происхожденіе ея понятно и естественно, такъ какъ заведеніе помощниковъ настоятелей изъ инородцевъ при настоятеляхъ Русскихъ неизбѣжно должно было понизить уровень благосостоянія сихъ послѣднихъ, кромѣ другихъ причинъ, кромѣ разности въ національныхъ характерахъ, въ развитіи, въ методѣ воздѣйствія на прихожанъ и т. п. Правду сказать, примѣръ этой вражды, указанный преосв. епископомъ Діонисіемъ, примѣръ скандала, учиненнаго въ церкви Афан—ва русскимъ настоятелемъ и Татаринномъ, помощникомъ настоятеля, можетъ быть отнесенъ къ числу совсѣмъ исключительныхъ по исключительной рѣзкости характеровъ того и другого. Татарскій помощникъ настоятеля, священникъ Д—въ, по рѣзкости права не ужился въ Рязанской епархіи; оттуда, по ходатайству Н. И. Ильминскаго, принятъ мною въ Уфимскую епархію съ опредѣленіемъ къ собору г. Белебея, гдѣ не ужился и переведенъ въ село Афана—во, гдѣ также нужно было ждать, что не уживется. Настоятелемъ же въ село Афана—во былъ посланъ мною священникъ Н-ль Адам—въ, тотъ самый, что прежде много лѣтъ священствовалъ при соборѣ въ г. Бирскѣ, гдѣ, опираясь на свѣтскихъ, постоянно интриговалъ противъ епархіальной власти. отравлялъ жизнь соборнаго протоіерея Гумен—го и наполнялъ клеветами противъ меня отъ лица своихъ клеветовъ, разныя жалобы высшему начальству и многія газеты. Это тотъ самый, и Богъ изводитъ судьбу его въ ясность, что онъ за человѣкъ. Насколько я наблюдалъ, русскіе священники

вездѣ любили и поощряли участіе татарскихъ учениковъ въ богослуженіи, тагъ какъ татарскія дѣти вездѣ поютъ по церковному далеко лучше и усердиѣ нашихъ русскихъ учениковъ.

Открыть самостоятельные приходы крещено-татарскіе въ указываемыхъ преосв. епископомъ Діонисіемъ пунктахъ я съ своей стороны признаю крайне нужнымъ. Эти пункты въ свою пору всё намѣчены мною; во многіе при мнѣ же поставлены инородческіе священники, а о другихъ при мнѣ велась переписка.

Оклады, испрашиваемые преосв. епископомъ Діонисіемъ, я признаю крайне умѣренными. Всюду онъ назначаетъ и просвирнѣ по 40 руб. Въ сущности это значить на просфоры, хотя особыхъ просвирень на первыхъ порахъ можно бы и не назначать, чтобы не обременять новооткрываемые приходы излишними лицами причта, который больше или меньше все же будетъ кормиться отъ прихожанъ.

Нужду устроить молитвенные дома, безъ особыхъ архитектурныхъ затрудненій, согласно Высочайше утвержденному плану и фасаду архитектора Тона, съ переносными антиминсами я признаю настоятельною. Этотъ вопросъ возникаетъ и здѣсь, въ Херсонской епархіи.

Я не ходатайствовалъ предъ свят. синодомъ о томъ же, о чемъ ходатайствуютъ преосв. епископъ Діонисій, единственно только изъ робости, чтобы не обременить такимъ ходатайствомъ вниманіе и средства свят. синода. Да сверхъ того, при мнѣ это дѣло и не созрѣло вполнѣ. Я не безъ робости, принимая дѣло на свой страхъ, сперва безъ вѣдома Высшей Власти, назначалъ и священниковъ-миссіонеровъ, возложивъ упованіе на Бога, что Богъ благословитъ и утвердитъ это дѣло, которое я признавалъ наиболѣе полезнымъ.

Ассигнованіе, испрашиваемое преосв. епископомъ Діонисіемъ по собія новоучреждаемымъ крещено-татарскимъ приходамъ, если бы оно состоялось, я признавалъ бы не только благопотребнѣйшею, но и наиболѣе полезнѣйшею мѣрою, если мы желаемъ произвести спасительную реакцію въ чувствахъ и склонностяхъ крещено-татарскаго населенія Уфимской епархіи, которое оставленное на произволь судьбы единовѣрцами Русскими и прельщаемое единокровнымъ татарскимъ мусульманствомъ, все склонно къ отпаденію. Если же они увидятъ, что русское правительство и духовенство идутъ имъ на помощь, они будутъ глубоко утѣшены и поддержаны въ привязанности къ Христовой церкви.

Въ Уфимской губерніи нѣтъ богатыхъ людей, такихъ, которые могли бы давать значительныя пособія на построеніе церквей. Усердіе Елабужскихъ Стахѣвыхъ уже исчерпано, такъ какъ къ нимъ обращаются за пожертвованіями со всѣхъ концовъ Россіи. Но было и при мнѣ, и преосв. епископъ Діонисій, безъ сомнѣнія, найдетъ много такихъ доброхотовъ, которые будутъ пособлять хотя и незначительными вкладами, однако же такими, которые численностью жертвователей легко замѣнятъ богатство самыхъ жертвъ. Я признавалъ такихъ жертвователей самыми желательными и благонадежными для построенія небольшихъ, но многихъ церквей. При этомъ, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляю взглядъ преосв. епископа Діонисія, что Высшей Власти въ высшей степени благотворно поощрять такихъ жертвователей наградами. И признаюсь, меня всегда повергала въ недоумѣніе и крайнее затрудненіе, часто даже вводила въ стыдъ предъ доброхотными, усердными жертвователями та скудость, съ какою эти награды даются Высшею Властью. Медаль сдѣлать челоуѣка-жертвователя счастливымъ на всю жизнь, давъ ему утѣшительное сознаніе, что не даромъ-де вѣкъ прожилъ, послужилъ Богу, Царю и Отечеству своимъ усердіемъ. Между тѣмъ выпросить эту медаль такъ трудно... При мнѣ въ Уфимской епархіи построено до 50 церквей, а медалей въ 7 лѣтъ я успѣлъ выпросить, помнится, всего только 3. Свѣтскія начальства испрашиваютъ медали гораздо легче. Это сравненіе для дѣла церкви вредно.

Что касается увеличенія содержанія духовенству единовѣрческихъ церквей, то я признавалъ бы нужнымъ и полезнымъ все, что по сему предмету предполагаетъ преосв. епископъ Діонисій. Если же что въ его предположеніяхъ и можно сократить, то я съ своей стороны признавалъ бы болѣе удобнымъ устранить особую ассигновку жалованья діаконамъ и просвирнямъ. Особенно же необходимымъ я признавалъ бы назначеніе жалованья причтамъ изъ священника и чтеца 1) въ Верхне-Троицкомъ заводѣ Белебеевскаго уѣзда, и 2) въ селѣ Касевѣ Бирскаго уѣзда. Причты 1) Сат-го завода Златоустовскаго уѣзда, 2) Сикінза—того же уѣзда и 3) Куяштыря Бирскаго уѣзда существовали уже издавна. Новооткрытый же мною приходъ въ селѣ Ирныгишилъ Стерлитамакскаго уѣзда я въ свою пору предполагалъ сдѣлать единовѣрческимъ, хотя и зналъ, что все народонаселеніе этого села склонно къ расколу. Пособіе причту тамъ необходимо, потому что прихожане издавна находились подъ воздѣйствіемъ раскола, отнеслись при мнѣ съ безпримѣрной въ Уфимской епархіи холодною къ открытію у нихъ особаго прихода и къ построенію церкви. Преосвященный епи-

скопъ Діонисій прямо предполагаетъ учредить здѣсь приходъ единовѣрческій. Но я въ свою пору не посмѣлъ отчислить къ единовѣрцію около 2000 душъ, искони числившихся православными, хотя и повально склонныхъ къ расколу.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ къ Вамъ уваженіи....

Никаиоръ, епископъ Херсонскій и Одесскій.

10 Февраля, 1885 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Прочитавъ до конца письмо ваше, спѣшу вамъ отвѣтить. Заранѣе прошу не посѣтовать за мою откровенность, ибо я объятъ предъ вами откровенностью.

Прежде всего о Роопѣ. Роопъ—человѣкъ непріятный и крайне неудобный въ обращеніи—самоувѣренъ, заносчивъ, быстръ и безтолковъ. Онъ попалъ въ Одессу по рекомендаціи Гурко,—хотя многіе противъ него возражали; попалъ потому, что искали—не находили, кого назначить. Слыветъ онъ за честнаго человѣка, т. е. не корыстнаго. Изъ Одессы на него идутъ большія жалобы за неумѣнье обращаться съ людьми. Впрочемъ, за дурныя отношенія къ Косоговскому не виню его, ибо Косоговскаго я разумѣю очень не высоко,—въ иныхъ отношеніяхъ онъ стоитъ дешево. Совсѣмъ лѣнивъ, совсѣмъ равнодушенъ и якшается со всякою сволочью.

Съ такими людьми, какъ Роопъ, надо быть осторожнымъ, и главное—спокойнымъ,—надо не давать имъ переду, не давать оружія противъ себя.

А вы, преосвященнѣйшій, извините, весьма противъ сего правила погрѣшили. Чего вамъ, архіерею, опасаться отъ Роопа, если только вы сами не дадите ему повода ошибкою въ обращеніи или тѣмъ, что зовется въ отношеніяхъ человѣческихъ безтактностью. Съ такими людьми, какъ Роопъ, надлежитъ больше молчать и уклоняться. Уклоненіе ваше—въ свою область церковную и домашнюю—никакъ не можетъ быть поставлено въ вину вамъ, монаху и архіерею. А если онъ не въ свое дѣло вмѣшивается, вы всегда можете дать ему съ достоинствомъ спокойный отпоръ.

Не разъ вы повторяете въ письмѣ, что старались *угождать* ему. Зачѣмъ это? Угождать—больше, чѣмъ быть внимательнымъ; угождая человѣку, мы невольно къ нему поддѣльваемся, и тѣмъ ставимъ себя въ ложное положеніе, а его къ ложному возбуждаемъ.

Постараюсь пройти съ вами главные эпизоды письма вашего.

Первое его свиданіе съ вами, какъ вы описываете, должно было поставить васъ насторожѣ и заставить сторониться отъ него.—За обѣдомъ въ Комм. Уч. онъ былъ неучтивъ, какъ и всегда: надо избѣгать обѣдать съ нимъ, и когда со стороны спросятъ, можно сослаться на неучливое обращеніе, къ коему вы не привыкли. Отъ приглашеній на обѣды къ нему можно уклоняться подъ разными предлогами—пусть ѣздитъ за васъ преосв. Николай. Кончатъ тѣмъ, что за вами ухаживать будутъ.

Незачѣмъ было вамъ заводить съ хозяйкой рѣчь объ усталости за обѣдней въ Пасху. Этимъ самымъ разговоръ принималъ тонъ интимный, коего нужно избѣгать съ такими людьми (ибо нельзя же было думать о *назиданіи* хозяйки). А при томъ и не диво, что устала хозяйка. Я самъ не знаю въ первый день Пасхи, какъ пробраться сквозь—непонятно почему столь длинную—обрядность повторительнаго чтенія евангелій, и этотъ моментъ портитъ мнѣ службу перваго дня. Усталость, и усталость положительная въ эту пору, такъ естественна.

На пароходѣ, послѣ поклоненія иконѣ—удивляюсь, зачѣмъ вы *блжсали* по палубѣ за ген.-губернаторомъ. Что вамъ до него, если онъ самъ къ вамъ не обернулся. У васъ мѣсто *свое* предъ всѣми людьми, а онъ пусть уѣзжаетъ, какъ пріѣхалъ.

Въ Николаевѣ онъ вамъ визита не отдалъ. Въ другой разъ не навязывайтесь ему съ своимъ первымъ визитомъ.

Освященіе вокзала. Хозяинъ въ церкви главный—архіерей и стъ него зависитъ и назначеніе времени богослуженія—для точности же и по мѣрѣ удобства должно быть—по случаю церемоній—соглашеніе съ генер.-губернаторомъ. Если, какъ вы говорите, Роопъ требуетъ *исполненія* его распоряженій въ подобныхъ случаяхъ, то отъ васъ зависитъ въ случаѣ невозможности или затрудненій отвѣчать ему прямо и рѣшительно.

Что ген.-губернаторъ не пріѣхалъ къ вамъ на обѣдъ,—объ этомъ говорить не стоитъ. А буде онъ уѣхалъ въ тотъ день въ Петербургъ, то ничего нѣтъ и удивительнаго въ его отсутствіи. Что онъ не остался ради обѣда—въ томъ нѣтъ обиды.

А вотъ, напрасно „вы ждали случая пригласить его“ къ обѣду.— Что онъ не пріѣхалъ 24 Окт. къ обѣднѣ, напрасно вы ставите ему въ вину. Если онъ работникъ, то можетъ быть, просто некогда даже православному, а вѣдь онъ—реформатъ. Что онъ говорилъ все время съ вибаріемъ, показываетъ лишь его неучтивость. А вы тутъ напрасно „усиливались“ ему угождать.—Хочу, но не умѣю, пишете вы,—угодить г. Роопу. Вотъ, то и обѣда, кажется, что вы думали путемъ угожденія уладить отношенія. Чѣмъ больше вы станете угождать ему, тѣмъ болѣе онъ неучтивъ будетъ. Вамъ только за собой смотрѣть надо,—чтобы не было отъ васъ нетерпѣнія и неучливости,—а было бы всегда спокойное отношеніе.

Что онъ беретъ на себя учить, какъ преподавать Законъ Божій, это на него похоже. Онъ и мнѣ читалъ лекцію по поводу семинаріи, когда я видѣлъ его осенью въ Одессѣ, и когда привяжется, надо имѣть терпѣніе выслушать его,—хоть съ улыбкой. Пусть забавляется—возражать можно лишь слегка. Нечего и звать его на семинарскій праздникъ—онъ же и не православный. Только семинарія-то была бы въ порядкѣ, чтобы избѣжать вмѣшательства полиціи.

Что онъ опаздываетъ—какъ въ институтъ,—это неучтиво, но дѣлать нечего.

Но вотъ, говоря вашими словами,—приступаю къ самому важному,—къ проществу въ столовой. Это единственный пунктъ, въ коемъ Роопъ возводитъ на васъ существенное обвиненіе.

Правда, не слѣдовало приглашать архіерея на освященіе скоромнаго стола въ постъ; пригласивши, слѣдовало вспомнить о постѣ. Легкомысліе, въ наше время обычное, ибо въ рѣдкомъ домѣ посты соблюдаются. Легкомысленно, говорить нечего, и относительно архіерея неприлично. Вина, однако, ослабляется, когда вспомнимъ (что несомнѣнно), что есть и архіереи (особливо въ западныхъ губерніяхъ), не стѣсняющіеся постомъ. Но, конечно, примѣнительно къ архіерею какому то ни было, открытое предложеніе въ постъ освятить скоромную трапезу—есть неприличіе, неуваженіе сана и церковное невѣжество или равнодушіе. А не подумать объ этомъ заранѣе, какъ сдѣлала г. губернаторша, есть легкомысліе.

Но что дѣлать въ семъ случаѣ архіерею. Вопросъ рѣшается просто—уклониться отъ освященія трапезы и уѣхать. Если бы вы такъ поступили, никто не въ правѣ былъ бы осудить васъ.

Но вы сдѣлали больше, и въ этомъ ваша ошибка. Зачѣмъ вы говорили имъ по этому случаю поученіе, и при многихъ постороннихъ и при служащихъ въ столовой. Напрасно, кажется, вы думали, что это—*долгъ* вашъ. Я того не думаю. Все хорошо ко времени и мѣсту. а тутъ не время было проповѣдовать,—ибо проповѣдь принимаетъ видъ *обличенія*, къ лицу направленнаго. Вѣдь мы живемъ не въ ту пору, когда у всѣхъ вѣрующихъ была мысль единая и чувство единое.

И въ проповѣди,—извините,—къ чему было поминать и Генриха IV и Аракчеева: это уже совсѣмъ отнимаетъ у проповѣди характеръ спокойнаго и трезваго пастырскаго слова—и даетъ прямое оружіе противъ васъ. Вотъ теперь Роопъ и разноситъ здѣсь въ видѣ анекдота слова ваши о Генрихѣ IV и Аракчеевѣ.

Когда ужъ пошло на откровенность, и еще скажу: зачѣмъ вы послѣ этого, въ письмѣ еще, просили *извиненія* у ген.-губернатора. Если вы чувствовали себя въ правѣ церковномъ, какое мѣсто извиненію. Если же было у васъ сомнѣніе въ благовременности и приличіи проповѣди, стало быть, извиняясь, вы признавали себя какъ бы виновнымъ.

Но время остановиться. И это писаніе привимаюсь писать 4 раза— время мое очень тѣсно, и потому извините, если что безсвязно, а иное рѣзко покажется.

Роопъ, какъ видите, не пользуется моею симпатіей. Онъ былъ у меня и говорилъ о проповѣди. Представлялся и гр. Толстому. Все это, однако, неважно и не можетъ имѣть для васъ никакихъ послѣдствій.—Я не могъ не согласиться съ Роопомъ, что проповѣдь въ эту минуту была неумѣстна, но замѣтилъ ему, что прежде всего было неумѣстно и неприлично приглашеніе васъ къ освященію скоромной трапезы. Говорилъ онъ еще о послѣдовавшемъ отказѣ вашемъ на приглашеніе къ обѣду. Я нашелъ, что въ этомъ случаѣ прилично было вамъ уклониться отъ обѣда,—подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, но лучше было не упоминать въ письмѣ о скоромномъ столѣ. Подумайте—у кого нынѣ изъ интеллигенціи въ Рождественскій постъ столъ постный. Въ такихъ обстоятельствахъ обличеніе ген.-губернатора и при томъ не православнаго—принимало видъ личности.

Роопъ недолго былъ у меня,—меня ждали другіе. Въ концѣ я сказалъ ему, что у всѣхъ и всякаго есть недостатки, и всѣ мы взаимно

должны понимать это. У архіерея они могутъ быть, но вѣдь и у васъ есть свои, а въ этомъ случаѣ выходитъ, что и онъ и вы склонны къ быстротѣ дѣйствія и слова по первому впечатлѣнію. Я де увѣренъ, что когда вы поживете и привыкните, то сойдетесь ближе съ преосвящ. Никаноромъ и лучше его оцѣните и т. под.

Итакъ, вы просите отъ меня совѣта. Совѣтъ мой—устроить свое отношеніе къ ген.-губернатору спокойное и ровное, безъ задней мысли о томъ, какое будетъ у него впечатлѣніе. Но ради Бога, берегитесь выказывать передъ нимъ свое впечатлѣніе—можете неволью впасть въ ошибку. Пускайте къ нему преосвящ. Николая, котораго онъ облюбилъ (на долго-ли),—избѣгайте говорить при немъ проповѣди, или говорите покороче и попроще, не усиливайтесь приглашать его всюду и всюду слѣдовать за нимъ. По времени онъ самъ поищетъ васъ. Роопъ, конечно, понялъ, что я не послѣдую за нимъ и не дамъ ему прямо въ обиду архіерея; да и то понялъ, что первый въ Одессѣ, здѣсь, въ Петербургѣ является на ряду со всѣми. Надѣюсь, что и онъ будетъ осторожиѣе. Но съ вашей стороны требуется осторожность сугубая.

Вотъ, преосвященный владыка, мое *откровенное* къ вамъ писаніе. Надѣюсь, что вы за эту откровенность, вами же вызванную, не разсердитесь.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью...

К. Побѣдоносцевъ.

Я не преминулъ бы—если еще увижусь съ Роопомъ, поговорить съ нимъ подробно и откровенно, и разобрать передъ нимъ все его поведеніе. Но съ нимъ нельзя такъ. „Обличай *премудро*“; а такъ-вымъ я его не почитаю. Обличеніе можетъ имѣть противоположное дѣйствіе. Притомъ, по характеру его, опасаясь, какъ бы раздраженіе на меня не сдѣлало вреда Бунину, коего Роопъ и безъ того обижаетъ.

15 Февр. 1885 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Преосвящ. Діонисій Уфимскій представляетъ объ учрежденіи нѣкоторыхъ новыхъ инородческихъ приходовъ въ Уфимской губерніи.—Я

приказаль возникшую по сему переписку препроводить къ вамъ и заранѣе прошу извиненія, что обременяю васъ симъ трудомъ. Не ожидаю чего либо подробнаго, но прошу только вскорѣ отвѣтить, по прочтеніи бумагъ и сказать мнѣ вкратцѣ ваше мнѣніе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К. Побѣдоносцевъ.

Конфиденціально.

1885 г., Февраля 16. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Благоволите принять искреннѣйшее выраженіе моей глубокой признательности и за благожелательное наставленіе и за неоставленіе.

Беру смѣлость только повторить, что мою рѣчь, сказанную 24 Ноября, Х. Х. Роопъ никакъ не долженъ былъ принять на свой счетъ: я говорилъ ее къ лицу не генераль-губернатора, а общества попеченія о бѣдныхъ, въ которомъ самъ былъ членъ, какъ и многіе священники, а Х. Х. тогда не былъ членомъ.

Въ письмѣ моемъ къ нему отъ 26 Ноября не было ни тѣни личности. Случайно я соблюлъ (испортилъ бѣловой листъ) черновое этого письма. Копію имѣю честь представить.

Скажу еще, что я и не виню Х. Х. во всѣхъ подробностяхъ, которыя сообщилъ. Я все прикрывалъ даже для своего собственного чувства христіанскимъ терпѣніемъ. Но вслѣдствіе проводовъ Коссаговскаго мнѣ сообщено изъ двухъ достовѣрныхъ источниковъ, что неровности Х. Х-ча въ отношеніи ко мнѣ имѣють характерный смыслъ.

1884, Ноября 26.

Копія.

Ваше высокопревосходительство.

Всепокорнѣйше прошу у васъ великодушнаго извиненія.

Въ церкви, что слѣдуетъ по чину, я исполню сегодня, въ точности. Но въ чести, для меня легкой, присутствовать у васъ сегодня на праздничномъ завтракѣ я вынужденъ себѣ отказать. Во всѣ эти дни я то служилъ въ церквахъ, то бывалъ въ собраніяхъ, при чемъ приходилась не разъ изъ большого тепла выходить на холодъ, отъ

чего я подвергся лихорадочному состоянію и возобновилось обычное у меня скрипѣніе груди и горла.

О священникѣ Гуль—чѣ, будто бы оскорбившемъ Величество, получено краткое донесеніе благочиннаго: до полученія указа изъ консисторіи, они ничего не знали и не слышали, хотя людей на этомъ злосчастномъ вечерѣ было и много. Присутствовавшіе вблизи священника Гульк-ча ничего подозрительнаго не слышали. О. Гульк-чѣ не былъ пьянъ, хотя и былъ „веселымъ“. Повидимому этотъ извѣтъ— плодъ злоумышленія дурныхъ людей. Но несчастье края въ томъ, какъ привыкли здѣсь злоупотреблять клеветою оскорбленія Величества.

Благоволите принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи, признательности и душевной преданности....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

И виноватъ, признаюсь. Съ тѣхъ поръ, что я архіерей, я всегда избѣгалъ торжественныхъ завтраковъ-обѣдовъ въ посты, такъ какъ на Руси не мало людей, да и въ Одессѣ ихъ не мало же, которые предосудительно наблюдаютъ не только за тѣмъ, ѣстъ ли самъ архіерей не-постную пищу, но и за тѣмъ, благословляетъ ли ее для другихъ, въ чемъ издавна старовѣры укоряютъ нашу іерархію.

Простите, Господа ради. Господь да благословитъ васъ и домъ вашъ. Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи и сердечной признательности за любезное ваше радушіе.

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

28 Февр. 1885 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ проститься ген. Роопъ, отъѣзжающій сегодня же въ Одессу. Я нашелъ его въ мирномъ расположеніи духа и надѣюсь, что онъ въ такомъ же расположеніи вернется въ Одессу, о чемъ и спѣшу васъ предувѣдомить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью...

К. Побѣдоносцевъ.

1885, Марта 5.

Ваше высокопревосходительство.

Долгомъ считаю всепокорнѣйше просить Васъ обратить благосклонное вниманіе на ходатайство Херсонскаго епархіальнаго начальства, изложенное въ отношеніи къ вашему Высокопр—ву отъ 20 Февраля сего года, за № 1940, о постройкѣ зданія Херсонской духовной Консисторіи.

Позвольте засвидѣтельствовать мнѣ словомъ предъ вашимъ высокопр—омъ, что нынѣшнее помѣщеніе этой Консисторіи представляеть нѣчто такое жалкое, чего я никогда и нигдѣ въ помѣщеніяхъ подобнаго рода не видалъ. Когда я вошелъ въ первый разъ въ помѣщеніе Консисторіи, то положительно былъ смущенъ. Послѣ маленькой, грязной и темной комнаты я сразу вступилъ въ какое-то просторное, но жалкое же помѣщеніе и полагалъ, что это прихожая. Между тѣмъ, когда взглядѣлся, оказалось, что это и есть камера присутствія. А между тѣмъ одесская Консисторія, особенно при множествѣ бракоразводныхъ дѣлъ, посѣщается весьма часто весьма разнородною публикою.

Въ Одессѣ зданія изъ здѣшняго ноздреватаго камня, изъ жалкаго привознаго издалека дерева и иностраннаго желѣза ветшаютъ слишкомъ быстро и становятся негодными къ жилью. А всѣ зданія одесскаго архіерейскаго дома принадлежать къ числу самыхъ первоначальныхъ во всей Одессѣ. Въ нихъ все ветхо. Нижнія же и боковыя помѣщенія положительно становятся негодными къ жилью. И если бы отношенія здѣшняго архіерейскаго дома къ Бизюкову монастырю и нынѣшнее положеніе сего монастыря были подорваны, то одесскій архіерейскій домъ былъ бы повергнутъ въ нищету.

Благоволите, Ваше высокопр—во принять увѣреніе...

Н и к а н о р ъ е п и с к о п ъ Х е р с о н с к і й и О д е с с к і й .

1885 г., Марта 5.

Ваше высокопревосходительство.

Нужда заставляетъ меня обратиться къ Вашему высокопревосходительству пока не съ просьбою, а только съ почтительнымъ вопро-

шеніемъ, могу ли я просить объ ассигнованіи въ мое распоряженіе какой либо суммы на миссію противъ мѣстной нашей штунды.

При семъ имѣю честь изъясниться.

Мои желанія крайне умѣрены. Я попросилъ бы отпускать ежегодно не болѣе 1000 руб., на разѣзды нашимъ миссіонерамъ. Своими же епархіальными средствами обойтись я не надѣюсь. Въ настоящее время средства и Бизюкова монастыря и свѣчнаго нашего завода натянуты такъ, что дальше натягивать ихъ я не посмѣю до указаній бюджета на слѣдующій 1886 годъ.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять увѣреніе....

Н и к а н о р ъ епископъ Херсонскій и Одесскій.

1885 г., Марта 12. Одесса.

Ваше высокопревосходительство.

Прибыль сюда, въ Одессу, г. самарскій губернаторъ, Александръ Дмитриевичъ Свербѣевъ, очень старый мой знакомый, и обрадовалъ меня вашимъ привѣтомъ.

Позвольте выразить вашему высокопрев—ству глубочайшую мою признательность за все ваше теплое участіе, которымъ Вы благотворно поддерживаете свѣтлость моего духа и здоровье моего тѣла, въ послѣднее время весьма колеблющіяся.

Прибывшій въ Одессу г. генералъ-губернаторъ Х. Х. Роопъ привезъ къ намъ явно мирное настроеніе духа. Мы помѣнялись визитами. Первый шагъ сближенія, не прерывавшагося, но затрудненнаго, облегченъ былъ, конечно, мною. Объяснялся онъ со мною въ оба свиданія очень любезно. Огорчилъ меня, конечно безъ намѣренія, только сообщеніемъ, будто я въ извѣстной своей рѣчи назвалъ одесскую благотворительность „гнилою“. — „Гнилая-де благотворительность“. Я возразилъ было, что слышу это въ первый разъ. Но когда онъ сталъ повторять то же, я поспѣшилъ сослаться на слабость своей головы, что, быть можетъ, память моя мнѣ измѣняетъ, хотя могу сказать, что всѣ слова этой рѣчи врѣзались въ моемъ мозгу если не огненными, то кровавыми буквами. Не вѣря самъ себѣ, я спросилъ трехъ много-свѣду-

щихъ лицъ, правда-ли, будто я назвалъ тогда „благодѣтельность гнилою“, была ли по городу молва объ этомъ. И получилъ самое дружеское увѣреніе отъ трехъ лицъ, что они въ первый разъ это слышать; что молвы подобной по городу не было.

Я стою на томъ, что въ данной рѣчи и въ мысли не имѣлъ говорить что либо противъ генераль-губернатора, даже противъ его супруги, увѣренный въ ея непричастности, въ чемъ и не ошибся, а онъ даже членомъ благотворительнаго общества не состоялъ. Я высказался только противъ общества и частіе противъ аномаліи, что сами священники, какъ члены, или даже предсѣдатели въ отдѣлахъ благотворительнаго общества, болѣе или менѣе прямо принимаютъ участіе въ кормленіи бѣднаго народа въ посты скоромнымъ, въ этихъ дешевыхъ столовыхъ. Весь вопросъ сводится только къ тому, имѣть ли право архіерей въ присутствіи генераль-губернатора, реформата, сказать слово въ защиту постовъ, когда противъ этого священнаго учрежденія идетъ общество, или же лучше сдѣлаетъ, если смолчить. *Mea culpa!* Виновать. Я полагалъ, что, высказавшись, я исполню свой долгъ, особенно же по условіямъ времени, когда отъ русскаго духовенства всѣ требуютъ живой проповѣди.

При семъ справедливость требуетъ всегда имѣть въ виду, что молвы съ самымъ опредѣленнымъ характеромъ возникаютъ нерѣдко вслѣдствіе настойчивости съ чьей либо стороны провести ту или другую молву. Посему, если бы Господь попустилъ возникнуть около насъ и другой буря подобной той, какую я только что вынесъ, не безъ потрясенія моей нервной системы, сказавшейся опредѣленнымъ недугомъ, то я питаю надежду, что въ нашемъ Христолюбивомъ сердцѣ правда всегда встрѣтится съ милостію, въ предоставленія мнѣ кореннаго завѣта правды и милости: „*Audiat et altera pars.*“

Позвольте за симъ принести сердечный мой привѣтъ съ приближающимся великимъ праздникомъ. Да хранитъ васъ милосердый Господь отъ бѣдъ и напастей въ крѣпости тѣлесной и свѣтлости душевной, ко благу святой Своей Церкви.

Съ совершенно искренними глубочайшими чувствами признательности, уваженія и о Господѣ преданности....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

18 Марта, 1885 г. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Сиѣшу лишь отвѣтить вкратцѣ на письмо ваше за № 71 о 1000 руб. на миссію противъ штунды. Если изволите войти съ представленіемъ въ Синодъ, то полагаю, что сумма эта будетъ вамъ отпущена.

Покорнѣйше благодарю и за письмо, вчера полученное. Не извольте смущаться,—и да хранитъ васъ Господь въ мирѣ и бодрости.

Я весьма утомленъ и изнемогаю. Сегодня собираюсь, по обычаю, на страстную въ Сергіеву пустынь, куда, надѣюсь, рѣже будутъ проникать дѣла и люди.

Съ совершеннымъ почтеніемъ.... К. Побѣдоносцевъ.

Помѣтка преосв. Никанора на оригиналѣ письма К. П. Побѣдоносцева, отъ 18 Марта 1885 г.

1885 г., Марта 23, Суббота великая, 8 час. веч.

„Подаящему Порфирію Степановичу Лобачевскому говорю: Какой онъ, однако же, добрый. Вѣдь, онъ мѣтитъ, чтобъ это письмо его попало какъ разъ въ такую минуту, на „Христось воскресе“.

Телеграмма. Петербургъ. Господину Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Константину Петровичу Побѣдоносцеву.

„Христось воскресе. Вы поражаете и утѣшаете меня благостію вашего сердца. Да воздасть вамъ такими же утѣшеніями Воскресшій Господь въ день воскресенія и Своего нынѣ и всеобщаго въ кончину вѣковъ.

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.“

Петербургъ. 24 Марта. 1885 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Принося вашему преосвященству искреннюю мою благодарность за ваше любвеобильное привѣтствіе и архипастырскія благожеланія, выраженные миѣ по случаю праздника Св. Пасхи, пріятнымъ долгомъ

поставлю себѣ взаимно поздравить и васъ, милостивый государь, съ симъ великимъ пресвѣтлымъ днемъ, душевно желая, да воскресій Господь и Спаситель міра вспомоцествуетъ вамъ всесильною своею благодатию въ трудахъ святительскаго служенія вашего во благо святой Своей Церкви.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ....

К. Побѣдоносцевъ.

4 Юни, 1885 г. С. Петербургъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Радъ бы былъ содѣйствовать исполненію вашего желанія о Бровковичѣ, но дѣла сего рода принадлежать къ числу самыхъ для меня затруднительныхъ. Многіе ко мнѣ обращаются съ подобными ходатайствами, воображая, что тутъ все по слову моему въ такихъ случаяхъ дѣлается. Но весьма ошибаются. Здѣсь большой рынокъ продающихъ и купующихъ, и все совершается по правилу „Do, ut des“, а какъ я ничего не умѣю предложить въ замѣнъ, то и просьбы мои, особливо же рекомендаціи не дѣйствительны. При томъ же, по своему званію, принужденъ непрестанно и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ входить въ борьбу съ министрами и опровергать ихъ, вслѣдствіе чего милость ихъ и гнѣвъ на меня мѣняются подобно тѣнямъ въ непостоянную погоду, и ни съ кѣмъ я столько не воюю, какъ съ судебнымъ вѣдомствомъ—стоящимъ на столь ложныхъ основахъ—„in de iure“. И потому я самый плохой ходатай въ Министерствѣ Юстиціи, что и на дѣлѣ испыталъ,—ибо, въ подобномъ вашему случаѣ,—четыре года хлопоталъ о назначеніи родного своего племянника. (о коемъ были наилучшіе отзывы) изъ судебныхъ слѣдователей въ члены окружнаго суда. Главная же бѣда въ томъ, что Д. Н. Набоковъ совершенно подобенъ характеромъ человѣку, смотрящему бытіе лица своего въ зеркалѣ. На обѣщанія и слова его—и на одинъ день положиться невозможно.

Относительно членовъ окружнаго суда всегда говорятъ, что Министерство никого изъ себя не выбираетъ, а ожидаетъ всегда выборовъ отъ самого суда.

Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ симъ пишу Д. Н. Набокову съ просьбой о г. Бровковичѣ и посылаю полученную отъ васъ записку (кстати

записка написана и подписана довольно небрежно. Нынѣ это въ обычаѣ).

Душевно уважающій и преданный К. Повѣдоноосцевъ.

По запискѣ вашей о миссіонерствѣ противъ штундизма сдѣлаемъ все возможное.

Только что отпечатана по распоряженію моему брошюра, съ переводомъ статей отца Наумовича о церковномъ обрядѣ (изъ Науки) п обь иконахъ. Она весьма хороша будетъ для штунды. Печатается 10 тыс. Вышлю вамъ довольное количество.

7 Юня 1885 г.

Сейчасъ получено извѣстіе о кончинѣ преосвящ. Николая.

Господь Богъ все отнимаетъ у насъ людей. Подумайте о преемникѣ: усопшему и сообщите мнѣ ваши мысли.

Душевно преданный К. Повѣдоноосцевъ.

8 Юня, 1885 г.

Вотъ прекрасная книжка, которая будетъ очень кстати противъ штунды.

Только что отпечатано 10000 экземпляровъ. Пришлю вамъ 500. Если хотите,—больше. Увѣдомьте.

Душевно преданный К. Повѣдоноосцевъ.

24 Юня, 1885 г. Орапіенбаумъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

О сообщенныхъ мнѣ вами именахъ кандидатовъ скажу слѣдующее.

1. Александра, владыку Волынскаго, не знаю; слышалъ обь немъ—частно—хорошее. Надобно разузнать.

2. Дмитрія знаю. Обь немъ не разъ заходила рѣчь въ Синодѣ, но признаюсь, что я отговаривалъ. Боюсь—не рано-ли. Въ немъ

еще жизни, т. е. желаніе жить много, и онъ нравится женщинамъ— по живости увлекается. При томъ вѣдь и ректоры нынѣ нужны. Изъ ректоровъ онъ способный, но я не умѣю еще распознать образъ его дѣйствій. Многіе осуждаютъ его въ томъ, что мирволить ученикамъ и любить популярность.

3. Антоній намъ нуженъ, какъ будущій ректоръ Академіи—въ чемъ у насъ крайняя нужда и крайній недостатокъ. Есть предположеніе перевести его въ здѣшнюю Академію инспекторомъ.

4. О Петрѣ Преображенскомъ не знаю, какъ вы и подумали. Онъ сталъ совсѣмъ публицистомъ и вертѣлся постоянно въ кружкахъ клерикальныхъ и свѣтскихъ либераловъ. Въ отношеніи къ людямъ жестокъ и циниченъ. Въ разговорѣ порывистъ и отзываятъ бурсакомъ. Говорятъ еще, что испиваетъ. Мнѣ онъ никогда не былъ симпатиченъ.

5. Каменскій—ректоръ Казанскій—считается у насъ въ числѣ *плохихъ*. Я радъ бы былъ, когда бы онъ оставилъ ректуру. Преосв. Палладій хлопоталъ отъ него избавиться, но прямой причины не было. Что онъ писалъ (большею частью учебники съ спекулятивной цѣлью), мнѣ не нравится. Въ его руководствѣ по Закону Божию такая аффектація русскихъ переводовъ съ общенонятнаго славянскаго текста молитвъ,—что *противно* читать.

Можетъ быть, я буду въ Казани около 8 Іюля и тогда познакомлюсь съ нимъ. Вотъ на первый разъ мой отзывъ на письмо ваше. Нездоровится, хотя погода у насъ прекрасная.

Братское слово вышлю вамъ въ потребномъ количествѣ. Но если оно будетъ печататься въ Епарх. Вѣдом., для чего не сдѣлать вамъ отдѣльные оттиски.

Душевно уважающій и преданный К. Повѣдоносовъ.

1885 г., Іюня 17.

Ваше высокопревосходительство.

Дѣйствительно, книжка—„Братское слово православному христианину о святости церковнаго обряда“ священника Іоанна Паумовича,—прекрасна какъ по содержанію, такъ и особенно по стилю. Я прочиталъ ее съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ.

Такъ какъ она особенно полезна для Херсонской епархіи, для духовной борьбы со штундою, то я всепокорнѣйше прошу выслать мнѣ этой книжки еще 1000 экземпляровъ, сверхъ препровожденныхъ уже 500. Я разошлю ее всѣмъ священникамъ для раздачи народу.

А чтобъ увѣковѣчить ее у насъ, распорядюсь напечатать ее въ нашихъ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ вамъ уваженіи душевной преданности....

Никаноръ епископъ Херсонскій и Одесскій.

21 Іюли, 1885 г. Ораніенбаумъ.

Преосвященнѣйшій владыко.

Я только что вернулся изъ Казани, съ самыми пріятными впечатлѣніями. Совѣщаніе епископовъ зачалось и идетъ успѣшно и толково. Открыто торжественно молебствіемъ въ соборѣ, послѣ чего всѣ епископы въ мантияхъ перешли въ Крестовую церковь, гдѣ и открыто первое засѣданіе. Затѣмъ всѣ раздѣлились на двѣ группы—инородческую и раскольниковую, и каждая собирается 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ. Не мало дѣльныхъ людей собралось въ пособіе совѣщанію—не говорю уже о Н. И. Ильминскомъ съ почтенными его сотрудниками, о. Маковѣ и Яковлевѣ, выписанъ изъ Москвы Н. И. Субботинъ и съѣхалось трое извѣстныхъ миссіонеровъ изъ Оренбурга, Пензы и Перми. Я не сомнѣваюсь, что это общеніе мысли и опыта принесетъ (и принесло уже) не мало пользы. Съ Кіевскими пунктами мы не знали, что дѣлать: на первомъ планѣ поставлено обращеніе къ правительству. Надѣюсь, что въ Казани дѣло будетъ поставлено практичнѣе. Авось, Богъ дастъ. Думаю, что и не задержатъ ихъ долго.

Познакомился я и съ о. Никифоромъ Каменскимъ—едва ли былъ бы изъ него епископъ надежный. Антонія архиманд. мы переведемъ вѣроятно въ Петербургъ—онъ нуженъ для Академіи. Относительно Димитрія Воронежскаго главное затрудненіе—гдѣмъ замѣнить его.

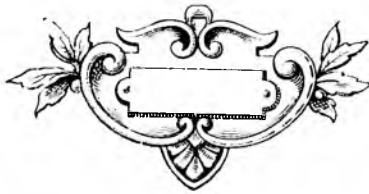
Вы желали присылки еще 1000 экз. Братскаго Слова. Я отвѣчалъ вамъ—для чего не сдѣлаете отдѣл. оттиски изъ епарх. вѣдо-

мостей и, написавъ, удержалъ отсылку вамъ новыхъ книгъ. Если находите это неудобнымъ—напишите, вышлемъ.

Что за человекъ у васъ—законоучитель, М. Наркевичъ. Онъ присылаетъ книжки и что-то сомнителенъ мнѣ искательствомъ. Прислалъ просьбу къ высшему гражданскому начальству, чтобы его взяли сюда священникомъ къ будущему храму на мѣстѣ катастрофы 1 Марта.

Въ началѣ Августа предполагаю выѣхать—черезъ Смоленскъ—за границу на мѣсяцъ, или недѣль на шесть времени.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К. Повѣдоносцевъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е
В Т О Р О Й К Н И Г И
РУССКАГО АРХИВА

1915 года.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

139. Баронъ Дельвигъ и русская народная пѣсня. Сергѣя Шервинскаго.
189. Военныя дѣйствія нашего флота на Дунаѣ въ русско-турецкую войну 1828—29 гг. В. Голубева.
257. Двѣ черновыя записки кн. П. П. Вяземскаго о Таранановой. Сообщ. Графъ С. Д. Шереметевъ.
323. Жалоба флота капитанъ-командора В. М. Головина. В. Голубева.
5. Записка о пребываніи въ Римѣ Таранановой. — «Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной Принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью Россійской Императрицы Елисаветы Петровны». Сообщ. Графъ С. Д. Шереметевъ.
410. Записки Юсифа Петровича Дубецкаго.
267. Изъ бумагъ генераль-лейтенанта А. Д. Буткевича. Сообщ. И. Мордвиновъ.
231. Изъ прошлаго города Кременска. Сообщ. В. С. Арсеньевъ.
165. Калмыки въ борьбѣ съ Турціей. Къ исторіи турецкихъ происковъ на Кавказѣ. П. Юдина.
262. Къ исторіи иностраннаго заселенія Россіи. П. Юдина.
32. Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. Н. Н. Модестовъ. (Съ рисункомъ).
276. Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. Н. Н. Модестовъ.
394. Къ 500-лѣттю кончины Яна Гуса. И. С. Бѣляева.
208. Міровой германскій вопросъ. Барона де Бая.
302. Монахи въ старой Варшавѣ. Н. Ф. Анаимова.
- 1—IV. (Вып. 7-ой). Памяти Василія Сергѣевича Арсеньева. Протоіерея Іоанна Соловьева.
401. Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ въ Нижегородской губерніи. П. Юдина.
112. 195. Переписка кн. Д. И. Долгорукаго.
68. 244. 335. 501. Переписка К. П. Побѣдоносцева съ епископомъ Никаноромъ. Сообщ. Протоіерей Сергій Петровскій.
449. Петніця Прибалтійскаго дворянства Императрицѣ Енатеринѣ II на имя Прибалтійскаго Генераль-Губернатора.
385. Письма Императрицы Александры Федоровны, гр. Наподистрии, гр. Поццо-ди-Борго, гр. Алопеуса и кн. Козловскаго. Сообщ. В. С. Арсеньевъ.
455. Письма Капитанъ-Лейтенанта П. Воеводскаго къ А. П. Зонтагъ. Сообщ. М. В. Безръ.

129. Письмо И. С. Аксанова къ графинѣ А. И. Блудовой.

128. Поправки.

13. Походъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева въ Малороссію въ 1679 году. И. С. Бѣляева.

133. Св. Пафнутій Боровскій и родъ Зубовыхъ. Сообщ. И. Бр.

55. Серебро въ Осетіи. Къ исторіи горно-промышленности на Кавказѣ. П. Юдина.

477. Смоленскій городской историко-

археологическій музей за 25 лѣтъ своего существованія. В. Грачевъ.

52. Совокупныя дѣйствія нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ турецкую войну 1787—1791 гг. В. Голубева.

260. Татары на Кавказѣ. (По легендамъ кабардинцевъ). С. Фарфоровскаго.

— Приложено къ выпускамъ 5, 6 и 7: «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году». Д. Д. Языкова. Листы 4, 5 и 6.

5 Р.

въ годъ
за 24 №№

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОД ПИСКА
на
1915—16
годъ
(7-й г. изд.).

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5 печат. л. большого формата. За годъ выйдеть 24 №№ (около 2000 страницъ). ✂ «Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью. ✂ Главная задача журн.—восторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ✂ «Бюллетени»—это коллективная литер. наметка наиболее выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

За истекшій годъ въ «Бюл.» напеч. 238 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кроме того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн., 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльных вопросовъ.

Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни съ однимъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Отзывы печати: Утро Россіи: «Жур. заслуживаетъ особаго вниманія». ✂ Рус. Вѣд.: «Бюлл.» знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни... ✂ Рус. Шк.: «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо... ✂ Рус. Сл.: «Въ журн. замечательна вся литер. жизнь года»... ✂ Совр. Сл.: «Задача журн. имѣетъ несомнѣнно культурно-популяризаторское значеніе»... ✂ Голосъ: «Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и иснаній какъ отечественной, такъ и мировой мысли». ✂ Нов. Ж. для Вс.: «Бюлл.» незамѣтны, особенно въ провинціи». ✂ Рус. Молва: «Много цѣннаго

и важнаго найдуть для себя въ «Бюлл.» самые широкіе круги читателей»... ✂ Кіев. М.: Для провин. читателя, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый». ✂ Ран. Утро: «Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться «Бюлл.» ✂ Вѣст. Вося.: «...Изданіе, заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей»... ✂ Нижегород. Лист.: «...Изданіе очень интересное по своему характеру»... ✂ Сибирь: «Типъ «Бюлл.»... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе идейной, дух. жизни современности»...

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 5 р., 6 м.— 2 р. 50 к., 3 м.— 1 р. 25 к. За границу на годъ 6 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 4 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты «Бюлл.» Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг.— 4 р. безъ перепл. и по 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Крандівскій и В. Носенковъ. ✂ Редакторъ В. Крандівскій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Ансакова** къ **Л. А. Елагину**, сообщ. **М. В. Безръ.**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго.**—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ:** письма императора **Николая I**, императора **Александра II**, **Ф. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечнинова**, **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апхитина**, **Я. Полонскаго**, гр. **М. Ю. Вильгорскаго.**—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы, сообщ. свящ. **Н. Модестовъ.**—Переписка ин. **Д. И. Долгорунаго.**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Млн. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторіи, дѣли и сабдствія, **Барона де Бая.**—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи переидакаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года, сообщ. **П. Юдинъ.**—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**, сообщ. **В. Крыжановскій.**—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго.**—Мелочи литературнаго прошлаго замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свиньина**; Нападки на **Н. А. Полевого**; **Теньерь** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пропавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина.**—Дѣло о сектѣ, называемой «христовщиной», коея послѣдователи оскопляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго.**—Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. **М. Б.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка ин. **Д. И. Долгорунаго.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, **Д. Д. Языкова.**—Библиографическія замѣтки.

МАРТЪ.—Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени Государа Императора и Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Нязя **Николая Николаевича** Составителю и Издателю Русскаго Архива.—Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ **В. Благовидова**, Казань. 1889 г. **Д. Х.**—Письмо графа **Николая Петровича Шереметева** къ **Алексѣю Феодоровичу Малиновскому** и его отвѣтъ.—Расколъ въ оренбургскомъ краѣ. Историческая записка Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго **Антонія**, сообщ. **П. Л. Юдинъ.**—Потѣшныя въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ пеходѣ царствованія императора **Николая I**, сообщ. **К. А. Военскій.**—Дѣло **Вильгельма, Барона де Бая.**—Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Переписка ин. **Д. И. Долгорунаго.** Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писательницъ и писателей, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова.**—Библиографическія замѣтки.

АПРѢЛЬ.—Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича** 12 Апрѣля 1865 г., сообщ. Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.—Хлысть или параноникъ? (Сектантъ **Василій Радаевъ**), **Н. Г. Высоцкаго**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія отсюда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году, сообщ. свящ. **Н. Н. Модестовъ**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ Уфимскимъ, сообщ. Протоіерей **Сергій Петровскій**.—Измѣточье заселеніе. **П. Л. Юдина**.—Священной памяти Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**, Протоіерей **Іоанна Соловьева**.—Мишья въ русско-турецкой войнѣ 1877—78. **В. Голубева**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—О Мурманскомъ портѣ. **Б. С. П.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

МАЙ.—Записка о пребываніи въ Римѣ **Таранановой**: „Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ неизвѣстной принцессы Елпсаветы, именовавшей себя дочерью Россійской Императрицы **Елисаветы Петровны**“, сообщ. **Гр. С. Д. Шереметевъ**.—Походъ боярина **П. В. Большого Шереметева** въ Малороссію въ 1679 году. **И. С. Бѣляева**.—Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія отсюда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году, сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. **Н. Н. Модестовъ** (съ рисункомъ).—Совокупныя дѣйствія нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ турецкую войну 1787—1791 гг. **В. Голубева**.—Серебро въ Осетіи; къ исторіи горнопромышленности на Кавказѣ. **П. Ю.**—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ уфимскимъ, сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

ІЮНЬ.—Письмо **И. С. Аксанова** къ графинѣ **Блудовой**, 1860 года.—Св. **Пафнутіи Боровскій** и родъ **Зубовыхъ**, сообщ. **И. Бр.**—Баронъ **Дельвигъ** и русская народная пѣсня. **Сергѣя Шервинскаго**.—Калмыки въ борьбѣ съ Турціей; къ исторіи турецкихъ происковъ на Кавказѣ. **П. Юдина**.—Военныя дѣйствія нашего флота на Дунаѣ въ русско-турецкую войну 1828—29 гг. **В. Голубева**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Міровой германскій вопросъ. **Барона де Бая**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ**, епископомъ уфимскимъ, сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.—Обзоръ жизни и трудовъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

Іюль.—Памяти **Василія Сергѣевича Арсеньева**, Протоіерей **Іоанна Соловьева**.—Два черновыя записки **Кн. П. П. Вяземскаго** о **Таранановой**, сообщ. **Г. С. Ш.**—Татары на Кавказѣ (По легендамъ кабардинцевъ). **С. Фарфоровскаго**.—Къ исторіи иностраннаго заселенія Россіи. **П. Ю.**—Изъ бумагъ генераль—лейтенанта **А. Д. Буткевича**, сообщ. **И. Мордвиновъ**.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы, сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. **Николай Модестовъ**.—Монахи въ старой Варшавѣ. **Н. Ѳ. Акаѣмова**.—Жалоба флота капитанъ—командора **В. М. Головина**. **В. Голубева**.—Изъ прошлаго города Кременска, сообщ. **В. С. Арсеньевъ**.—Переписка **К. П. Побѣдоносцева** съ **Никаноромъ** епископомъ Херсонскимъ (Письма 1883 года), сообщ. протоіерей **Сергій Петровскій**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ИЗВѢСТІЯ

ВОЛОГОДСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ СѢВЕРНАГО КРАЯ

выходятъ въ г. Вологдѣ

въ объемѣ не менѣе 5 печатныхъ листовъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Статьи и доклады по изученію края въ историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Текущая жизнь Сѣвера. Хроника дѣятельности Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго Края. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Объявленія.

Цѣна выпуска 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Въ 1914-мъ году вышелъ 1-й выпускъ, содержащій, между прочимъ, статьи: *Растительность по р. Сысолъ*—Н. В. Ильинскаго; *О юрскихъ образованіяхъ и мѣсторожденіяхъ фосфоритовъ и стернаго колчедана въ районѣ р.р. Сысолы и Б. Визини*—В. Г. Хименкова; *О неизвѣстныхъ промыслахъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. Сойвы*—А. Макарова; *Вологжане-писатели*—П. А. Дилакторскаго; *О книжномъ и рукописномъ наслѣдствѣ покойнаго бібліографа П. А. Дилакторскаго*—И. В. Евдокимова и проч.

Въ 1915 году вышелъ 2-й выпускъ со статьями: *Старый бытъ*—И. В. Евдокимова; *По деревнямъ Олонецкаго края*—А. А. Шустикова; *Вологодская тимофеевка въ ея прошломъ и настоящемъ*—Н. В. Ильинскаго; *Хозяйственно-экономическое значеніе Вологодской тимофеевки*—Л. И. Молякова; *О горимости лѣсовъ на Сѣверѣ*—В. И. Никуличева; *Вологда въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка*—В. Н. Трапезникова и мн. др.

Адресъ редакціи: Вологда, Большая Дворянская, № 12.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССІИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, черезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Именовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ Московскихъ Вѣдомостей въ Петроградѣ производится на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.**

затели, снимки съ двухъ изображеній Максима и съ его греческаго почерка.

Труды Владимірской учебной Архивной Комиссіи. Кн. XVI. Съ приложеніемъ 41 рисунка на 21 таблицѣ. Влад. 1914.

Первая статья „Трудовъ“ посвящена посѣщенію Государемъ Императоромъ и Его Августѣйшимъ Семействомъ городовъ: Владиміра, Суздаля и Череслава въ маѣ 1913 г.; она иллюстрирована 40 снимками разныхъ моментовъ событія. За нею слѣдуютъ этнографическіе матеріалы: „Обрядъ прощанія съ землей передъ исповѣдью“, „Похороны Костромы“ и сборники заговоровъ, духовныхъ стиховъ, дѣтскихъ пѣсенокъ и частушекъ. Последнимъ посчастливилось. Далѣе—„Высочайшія повелѣнія 1778—1858 гг.“, хранящіяся въ подлинникахъ въ мѣстномъ Губ. Правленіи, и библиографич. указатель къ юмористическому журналу „Развлечение“ (продолженіе). Наконецъ, краткій отчетъ Архивной Комиссіи, свидѣтельствующій объ ея работахъ по расширенію своей бібліотеки.

А. И. Королевъ. Проповѣдь пангерманизма въ русской средней школѣ. Пгр. 1915. Ц. 15 к.

Авторъ издалъ свой докладъ въ одномъ изъ петроградскихъ обществъ объ учебникахъ Якобсона (по нѣм. яз.) и Вульфюса (по средн. и нов. исторіи), и за это ему слѣдуетъ сказать спасибо. Второй изъ названыхъ авторовъ, возвеличивая Нѣмцевъ и ихъ дѣятелей, замалчиваетъ Славянъ или отдѣливается отъ нихъ нѣсколькими строками. Такъ Бонифацію, „апостолу Германіи“, посвящено полторы страницы, а Свв. Кириллу и Меѳодію—половина страницы; о Фридрихѣ Великомъ говорится

на шести страницахъ, во въ описаніи „изумительной борьбы“ его съ врагами не упоминается о побѣдахъ Русскихъ и о занятіи ими Берлина...

А. Л. Иконникова. Кіевъ—мать городовъ русскихъ. Историческій путеводитель по Кіеву. Съ приложеніемъ плана древняго Кіева. К. 1915. ц. 30 к.

Авторъ даетъ сжатый, но богатый содержаніемъ очеркъ исторіи Кіева отъ до-исторической эпохи до нашихъ дней. Какъ показываетъ заглавіе книжки, онъ имѣетъ въ виду читателя-путешественника и потому упоминаетъ о всѣхъ древнихъ и новыхъ достопримѣчательностяхъ города, начиная съ Золотыхъ Воротъ и кончая лютеранской киркой и контрактнымъ домомъ. Небольшой планъ древняго Кіева помогаетъ понимать первыя страницы книжки.

В. А. Францевъ. Чешско-словенскій расколъ и его отголоски въ литературѣ сороковыхъ годовъ. Память Людевига Штура. 1815—1915. Варшава, 1915.

Книжка проф. Францева говоритъ объ образованіи Словакомъ Штуромъ своего литературнаго языка, словацкаго, и о замѣнѣ имъ употреблявшагося у словаковъ ранѣе чешскаго языка. Авторъ рассказываетъ о неудовольствіи Чеховъ, съ извѣстнымъ Гавличкомъ во главѣ, и Словаковъ, съ Коларомъ и Шафарикомъ во главѣ, новаторствомъ Штура и его товарищей, и о подозрѣніяхъ противъ Русскихъ молодыхъ ученыхъ, около того времени путешествовавшихъ по славянскимъ землямъ—противъ Срезневскаго и Водянскаго: ихъ обвиняли въ подстрекательствѣ Штура къ расколу. Книжка читается съ большимъ интересомъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются годовые комплекты журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. за каждый годъ.

Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель Петръ Бартевъ (младшій).